23027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 10.
ОКТЯБРЬ 1913 г.

Москва. Годъ изданія второй.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Анкета по національному вопросу.** *В. В. Садовскаго* . 5

II. **Особенности культурно-агрономической работы на Украинѣ.** (Докладъ всероссійскому с.-х. съѣзду въ Кіевѣ 1—10 сентября 1913 г.). *А. Терниченко.* 11

III. **Поэзія индивидуализма.** (Леся Украинка). *Дм. Донцова* 21

IV. **Открытое письмо къ русскимъ писателямъ.** *В. Винниченка.* 29

V. **„The friends of the Ukraine".** *Дм. Донцова.* 34

VI. **Какъ я сталъ членомъ „Громады".** *Проф. А. А. Русова* 40

VII. **По поводу воспоминаній Б. С. Познанскаго.** *А. Хатченка.* 50

VIII. **Гуцулы и гуцульщина.** *И. М. Хоткевича.* 57

IX. **На Украинѣ и внѣ ея.** За мѣсяцъ.—Проф. С. В. Соловьевъ и украинскій языкъ.—Къ юбилею „Русскихъ Вѣдомостей". Адресъ украинской прессы.—Изъ дѣятельности украинскаго кружка при московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ *К. Осьмака.*—Слѣпая злоба.—Невѣжество и безтактность. *С. Петлюры.*—Украинскіе артисты за границей. III. Модестъ Менцинскій. 79

X. **Библіографія.** Dr. Herman Diamand.—*Tablice statystyczne. Вл. Дорошенка.*—П. Понятенко. Національність в освітленню законів спадковости. *И. Л.*—Старый Земецъ. Мысли о земствѣ. Матеріалы для земской реформы. *В. Садовскаго.*—Лев Юркевич. Кляси і суспільство. *В. С.*—Актовыя книги Полтавскаго Городового Уряда XVII-го вѣка. *И. Лебединскаго.* 101

XI. Литературная лѣтопись. 107

XII. Объявленія. 111

открыта подписка на 1914 г.

на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(Третій годъ изданія).

Журналъ издается на русскомъ языкѣ и ставитъ своею цѣлью ознакомленіе общества съ состояніемъ, ростомъ и задачами украинскаго національнаго движенія и вообще съ жизнью, потребностями и запросами 30-милліоннаго украинскаго народа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ достав. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р.—к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	—р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	1 р. 50 к.	—р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., причемъ необходима присылка стараго адреса.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к.,

ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“
Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 308-79.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковскій, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, М. Вознякъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, Е. Э. Голицинская, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, М. Данько, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, Л. Жигмайло, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, В. П. Кошевой, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ѳ. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П Смутокъ, В. Степовый, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Сѣрополко, Н. Г. Филянскій, И. М. Хоткевичъ, С. Чепига, С. Черкасенко, П. И. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, д-ръ М. Е. Шмигельскій, Л. А. Яновская, А. И. Яшшевичъ.

Кромѣ редакціи, принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала:

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, Моховая, 24; М. О. Вольфа, Тверская, 22, „Новаго Времени“; Неглинный пр.; „Наука“, Б. Никитская,

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Сытина; „Українська Книгарня і Базар“ (Вас. О., 3 линія, д. 24).

Въ Кіевѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Літературно-Наукового Вістника“; Фундуклеевская, 12; „Українській Книгарні“ (быв. „Кіевской Старины“), Безаковская, 8; „Час“; Б. Владимірская, 53; Е П. Череповскаго, Фундуклеевская, 4.

Въ Саратовѣ—въ маг. „Новаго Времени“.

Въ Екатеринославѣ—въ книжномъ магазинѣ М. К. Лозинской, Проспектъ, д. Вебера.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Діло“, Преображенская, 11.

Въ Харьковѣ—въ „Українській Книгарні“, Петровскій п., 18.

Въ Полтавѣ—въ кн. маг. Г. И. Маркевича, бульв. Котляревскаго; въ „Українській Книгарні“, д. Ворожейкина, противъ „Европейской“ гост.

Въ Каменецъ-Подольскѣ—въ „Просвітѣ“.

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 10.

Годъ изданія второй.

Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств.
1913.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАЇНСКОЇ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Анкета по національному вопросу.** *В. В. Садовскаго* . 5
II. **Особенности культурно-агрономической работы на Украинѣ.** (Докладъ всероссійскому с.-х. съѣзду въ Кіевѣ 1—10 сентября 1913 г.). *А. Терниченко.* 11
III. **Поэзія индивидуализма.** (Леся Украинка). *Дм. Донцова* 21
IV. **Открытое письмо къ русскимъ писателямъ.** *В. Винниченка.* 29
V. **„The friends of the Ukraine".** *Дм. Донцова.* 34
VI. **Какъ я сталъ членомъ „Громады".** *Проф. А. А. Русова* 40
VII. **По поводу воспоминаній Б. С. Познанскаго.** *А. Хатченка.* 50
VIII. **Гуцулы и гуцульщина.** *И. М. Хоткевича.* 57
IX. **На Украинѣ и внѣ ея.** За мѣсяцъ.—Проф. С. В. Соловьевъ и украинскій языкъ.—Къ юбилею „Русскихъ Вѣдомостей". Адресъ украинской прессы.—Изъ дѣятельности украинскаго кружка при московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ *К. Осьмака.*—Слѣпая злоба.—Невѣжество и безтактность. *С. Петлюры.*—Украинскіе артисты за границей. III. Модестъ Менцинскій. 79
X. **Библіографія.** Dr. Herman Diamand.—*Tablice statystyczne. Вл. Дорошенка.*—П. Понятенко. Національність в освітленню законів спадковости. *И. Л.*—Старый Земецъ. Мысли о земствѣ. Матеріалы для земской реформы. *В. Садовскаго.*—Лев Юркевич. Кляси і суспільство. *В. С.*—Актовыя книги Полтавскаго Городового Уряда XVII-го вѣка. *И. Лебединскаго.* 101
XI. Литературная лѣтопись. 107
XII. Объявленія. 111

Анкета по національному вопросу.

Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ въ печати появились сообщенія о томъ, что трудовая группа хочетъ произвести анкету по національному вопросу, появилась программа этой анкеты. Было бы въ настоящее время слишкомъ опрометчиво высказываться объ исходѣ предпріятія, задуманнаго трудовой группой, предсказывать его возможный успѣхъ или неуспѣхъ. Можно пока-что констатировать лишь только то обстоятельство, что въ русской прессѣ анкета трудовой группы не вызвала ни большого интереса, ни большого вниманія. Русское общественное мнѣніе, въ лицѣ его представительницы—прессы, пока отнеслось къ намѣренію трудовиковъ пробудить интересъ къ національному вопросу съ своей обычной и традиціонной безучастностью; если бы успѣхъ анкеты опредѣлялся лишь только отношеніемъ къ ней русскихъ круговъ, ей уже теперь можно было бы предсказать полную неудачу.

Намъ слѣдовать примѣру русской прессы, разумѣется, не приходится, и мы полагаемъ, что обратить вниманіе инородческаго читателя на вопросы, связанные съ анкетой, является и необходимымъ, и своевременнымъ.

Доказывать, что анкета, предпринятая трудовой группой, важна, что ее слѣдовало бы давно организовать, что активное участіе въ ней заинтересованныхъ національныхъ группъ является въ высокой степени желательнымъ,—доказывать всѣ эти положенія нашему читателю представляется совершенно ненужнымъ. Нашъ читатель, не чуждый интереса къ національному вопросу, безъ сомнѣнія, самъ уясняетъ важность и значеніе предпріятія трудовой группы. Намъ хотѣлось бы обратить вниманіе лишь только на одно обстоятельство: подчеркнуть важность анкеты съ нашей точки зрѣнія для русскаго общества, русскихъ политическихъ круговъ.

Отсутствіе пониманія значенія національнаго вопроса, отсутствіе интереса къ нему въ русскомъ обществѣ—фактъ,

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85689

къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстный и безспорный, чтобы на немъ нужно было останавливаться обстоятельнѣе. Если въ прошломъ при отсутствіи интенсивнаго развитія національной жизни среди дѣятельныхъ національностей Россіи это явленіе могло найти если не оправданіе, то объясненіе, то теперь при коренномъ измѣненіи прежняго положенія вещей продолженіе существованія стараго status quo грозитъ очень печальными послѣдствіями. Возможность координаціи для общественной работы и борьбы созвучныхъ элементовъ угнетенныхъ національностей и русской пока-что не исключалась, но при современномъ положеніи дѣлъ въ русскихъ кругахъ она представляется едва ли возможной. Анкета при ея успѣшномъ проведеніи и подлежащемъ использованіи могла бы имѣть большое значеніе для русскаго общества; она могла бы способствовать оживленію интереса и вниманія къ національному вопросу тамъ, гдѣ это всего нужнѣе и необходимѣе, и могла бы подготовить почву для координаціи опредѣленныхъ группъ, которая, быть можетъ, завтра станетъ крайне затруднительной, если не совсѣмъ невозможной.

Мы иллюстрируемъ наше положеніе конкретнымъ примѣромъ изъ области украинскихъ отношеній.

Намъ приходилось уже обращать вниманіе читателей на брошюрку нашего товарища по журналу г. Донцова: „Сучасне политичне положенэ націі і наші завдання“. Приведемъ изъ нея нѣсколько мѣстъ: „Мы всѣ знаемъ, что та самая „Jeszcze Polska nie zginela“ , которая 50 лѣтъ тому назадъ была голосомъ свободы, теперь звучитъ какъ пѣснь насилія и гнета. Теперь пришла очередь и русскому обществу, которое едва начинаетъ освобождаться изъ бюрократическихъ пеленокъ... Украинство въ Россіи имѣетъ и долго еще будетъ имѣть во всемъ почти русскомъ политически активномъ обществѣ своихъ рѣшительныхъ и неумолимыхъ противниковъ... Въ послѣдніе дни къ тѣмъ реакціоннымъ націямъ, которыя защищаютъ свои позиціи отъ идущихъ на штурмъ колоннъ новыхъ, полныхъ свѣжей энергіи народовъ, перешла и Россія. По той сторонѣ баррикадъ оказались и русскіе либералы“.

Настроеніе и отношеніе къ русскому обществу, ярко выраженное въ приведенныхъ цитатахъ, отнюдь не является единичнымъ и индивидуальнымъ отношеніемъ автора. Не приходится доказывать, что если тенденціи г. Донцова пріі-

обрѣтутъ большее распространеніе въ украинскомъ обществѣ, координація украинскихъ и русскихъ общественныхъ группъ встрѣтитъ непреодолимыя затрудненія. Анкета могла бы быть однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыя создали бы активный интересъ русскихъ круговъ къ этимъ вопросамъ и предотвратили нежелательныя послѣдствія.

То значеніе анкеты, на которое мы только-что указали, какъ и вообще ея успѣхъ, намъ кажется, въ значительной степени будутъ зависѣть отъ способа ея осуществленія и использованія. Возможны два положенія: трудовая группа можетъ при реализаціи анкеты имѣть въ виду главнымъ образомъ свои партійныя цѣли, собрать матеріалъ для своихъ выступленій, использовать вызванный среди угнетенныхъ національностей интересъ къ анкетѣ для увеличенія своего вліянія, привлеченія сторонниковъ въ свои ряды. При этомъ отношеніи къ анкетѣ съ точки зрѣнія узко-партійной группа можетъ получить максимальные благопріятные результаты. Но мыслимо и другое отношеніе: въ сознаніи важности предпринятаго дѣла, группа, взявъ бы на себя иниціативу въ немъ, могла преслѣдовать цѣль возможно болѣе широкаго освѣщенія національнаго вопроса, наиболѣе полнаго освѣдомленія въ немъ не только своего и всѣхъ политически активныхъ группъ русскаго общества, использовать возникшій на почвѣ анкеты интересъ въ цѣляхъ объединенія и координаціи не вокругъ трудовой группы, а національныхъ группъ, на тѣхъ условіяхъ и въ томъ объемѣ, который они сами считали бы нужнымъ. При проведеніи и использованіи анкеты такимъ способомъ были бы достигнуты максимальные результаты съ точки зрѣнія созданія интереса къ національному вопросу въ русскомъ обществѣ, съ точки зрѣнія постановки его на порядокъ дня.

Не приходится говорить, что, по нашему мнѣнію, успѣхъ анкеты и ея благопріятные результаты всецѣло связаны съ отсутствіемъ въ этомъ дѣлѣ узко-партійныхъ тенденцій. Чувство политическаго такта должно подсказать иниціаторамъ анкеты, что только въ томъ случаѣ, если національныя объединенія будутъ видѣть въ обращеніи трудовой группы обращеніе равной къ равнымъ, если онѣ будутъ чувствовать въ немъ полное признаніе ихъ самостоятельности, отсутствіе стремленія использовать ихъ ad majorem gloriam трудовой группы, только въ этомъ случаѣ интересъ, вызванный анкетой, будетъ активнымъ и мате-

ріалъ, собранный ею, будетъ значительнымъ. Точно также только въ этомъ случаѣ возможно привлеченіе къ анкетѣ и къ участію въ проектируемой въ связи съ ней національной конференціи всѣхъ демократическихъ группъ угнетенныхъ національностей, а то обстоятельство, что значеніе и анкеты, и конференціи будутъ прямо пропорціональны количеству группъ, представленныхъ въ нихъ, не приходится доказывать.

Не меньше связанъ съ внѣпартійной постановкой дѣла и успѣхъ и значеніе анкеты для русскихъ круговъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ, которымъ успѣхъ анкеты представляется очень важнымъ, а значеніе ея очень большимъ, высказать пожеланіе, чтобы въ ея проведеніи и использованіи были исключены узко-партійные интересы трудовой группы, которые должны отойти на задній планъ передъ болѣе общими и широкими интересами угнетенныхъ національностей Россіи.

Мы не имѣемъ данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, въ какомъ направленіи пойдетъ анкета, предпринятая трудовой группой. Соотвѣтствующаго матеріала у насъ пока нѣтъ. Но есть вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя сомнѣнія и боязнь, не отклонится ли дѣло анкеты на путь узко-партійнаго проведенія и использованія. Къ анкетѣ трудовой группой присоединено предисловіе, которое и вызываетъ это недоумѣніе. Мы были бы очень признательны, если бы соотвѣтствующіе круги дали по этому поводу необходимыя разъясненія.

Въ предисловіи прежде всего непріятно поражаетъ тотъ тонъ, въ которомъ говорится о трудовой группѣ. Отъ него,—да простятъ намъ иниціаторы анкеты,—слишкомъ отдаетъ партійной рекламой. Первая фраза звучитъ такъ: „Трудовая группа всегда придавала особое значеніе національному вопросу въ Россіи, что выразилось какъ въ платформѣ трудовой группы, въ которой національной проблемѣ отведено одно изъ главныхъ мѣстъ, такъ и въ неоднократныхъ выступленіяхъ группы по національному вопросу съ трибуны Государственной Думы“. Вѣдь необходимо было считаться съ тѣмъ, что эту фразу прочтетъ инородецъ, у котораго въ прошломъ есть много основаній, можетъ быть, даже слишкомъ много, быть неудовлетвореннымъ отношеніемъ къ національному вопросу русскихъ политическихъ круговъ,

въ томъ числѣ и трудовой группы. Разумѣется, нѣсколько болѣе внимательнаго отношенія къ національному вопросу трудовой группы отрицать не приходится, но во всякомъ случаѣ, плоть отъ плоти, кость отъ кости русскаго общества, она не расходилась и не могла расходиться съ нимъ въ этомъ вопросѣ очень рѣзко, и представители инородцевъ за прошлые годы могутъ предъявить не одинъ не оплаченный счетъ и трудовой группѣ. При такомъ положеніи вещей читать инородцу о томъ, что въ какой-нибудь русской политической группѣ національному вопросу было отведено одно изъ первыхъ мѣстъ, прямо до нѣкоторой степени неловко.

Если начало предисловія дѣйствуетъ непріятно своимъ тономъ, то дальше въ немъ встрѣчаются фразы, вызывающія недоумѣнія. Упоминается и стремленіе группы связать свою общественно-политическую работу съ дѣятельностью близкихъ ей политическихъ національныхъ партій, о совѣщаніи по иниціативѣ трудовой группы приглашенныхъ ею дѣятелей, близко стоящихъ къ родственнымъ политическимъ партіямъ.

Въ каждомъ предпріятіи, имѣющемъ общественно-политическое значеніе, прежде всего и раньше всего нужна конкретность и опредѣленность. Необходимо признать, что опредѣленіе трудовой группой тѣхъ національныхъ объединеній, которыхъ она имѣетъ въ виду, страдаетъ этимъ отсутствіемъ опредѣленности вполнѣ и совершенно. Неудачно прежде всего самое стремленіе связать участіе или неучастіе въ предпринятой трудовой группой кампаніи опредѣленныхъ національныхъ объединеній съ близостью или родственностью ихъ программы программѣ трудовой группы; программа трудовой группы, какъ одной изъ народническихъ группъ, обладаетъ опредѣленными чертами, характерными только для русскихъ политическихъ группъ; найдутся національности, у которыхъ группъ, близкихъ по своей программѣ трудовикамъ, не имѣется совершенно. Выходъ при избраніи такого критерія могъ быть только одинъ; пришлось опредѣлить соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе данному критерію національныхъ группъ сугубо темно и неясно, что мы и имѣемъ: указаніе на родственность или близость данной группы къ трудовикамъ есть опредѣленіе настолько широкое и растяжимое, что его можно толковать всячески. На состоявшихся по иниціативѣ трудовиковъ совѣщаніяхъ установлено, правда, болѣе ясно

то, какія объединенія имѣются въ виду; резолюція, принятая на немъ, говоритъ о родственныхъ общественно-политическихъ партіяхъ и группахъ, выражающихъ интересы трудовыхъ, демократическихъ круговъ различныхъ національностей, населяющихъ Россію. Но кампанія будетъ проводиться не совѣщаніемъ, а трудовиками, и отъ нихъ хотѣлось бы имѣть болѣе точную и ясную формулировку.

Переходя къ содержанію проектируемой анкеты, укажемъ, что вопросы, изложенные въ ней, могутъ быть раздѣлены на три группы; отвѣты на первые два вопроса анкеты должны дать картину положенія данной національности при современной законодательной и административной практикѣ; слѣдующіе нѣсколько вопросовъ имѣютъ въ виду обрисовать требованія и программы политическихъ партій данной національности и, наконецъ, послѣдніе вопросы касаются желательной съ точки зрѣнія данной группы тактики по національному вопросу въ Государственной Думѣ.

Содержаніе анкеты, какъ видно изъ его изложенія, въ достаточной мѣрѣ полно, особенно если имѣть въ виду указаніе на желательность всякихъ дополненій къ ней. Но тѣмъ не менѣе и по поводу редакціи вопросовъ анкеты приходится высказать тѣ же пожеланія относительно необходимости большей опредѣленности въ формулировкѣ задачъ анкеты, которыя высказаны были нами только-что по поводу способовъ ея осуществленія.

При внимательномъ чтеніи не трудно замѣтить, что въ анкетѣ есть вопросы двоякаго рода; рядъ вопросовъ свойства информаціоннаго, имѣющій въ виду выяснить положеніе данной національности, объединенъ съ вопросами, преслѣдующими цѣль опредѣленія тактики по національному вопросу. Намъ представляется, что задачи информаціи о положеніи отдѣльныхъ національностей и выработка опредѣленной линіи поведенія по національному вопросу, соединенные въ анкетѣ, врядъ ли могутъ быть гармонически объединены. Анкетѣ грозитъ двѣ опасности: она можетъ дать обильный информаціонный матеріалъ въ значительной степени академическаго характера, матеріалъ интересный и цѣнный, но не имѣющій непосредственнаго отношенія къ практической постановкѣ національнаго вопроса. Съ другой стороны, если вниманіе отвѣчающихъ будетъ обращено главнымъ образомъ на вопросы тактическаго ха-

рактера, анкета можетъ стать собраніемъ мнѣній отдѣльныхъ группъ о задачахъ Думы въ національномъ вопросѣ, при незначительномъ информаціонномъ матеріалѣ.

Между тѣмъ нельзя предположить, чтобы у составителей анкеты не было ея общаго плана, въ которомъ отдѣльные вопросы гармонически объединены въ одно цѣлое; только въ томъ случаѣ, если общій планъ и задачи анкеты будутъ ясны лицамъ и группамъ, которыя въ ней будутъ принимать участіе, можно ожидать разработки отдѣльныхъ вопросовъ съ равномѣрной полнотой; только при пониманіи того соотношенія, которое имѣетъ каждый отдѣльный вопросъ къ этому общему плану анкеты, возможно надѣяться на то, что матеріалъ, полученный отъ анкеты, весь будетъ пригоденъ, весь сможетъ быть использованъ. Но иниціаторы анкеты не даютъ своего пониманія задачъ ея, а предлагаютъ лишь только рядъ вопросовъ безъ дополнительныхъ разъясненій, между тѣмъ эти отдѣльные вопросы лицамъ, отвѣчающимъ на анкету, не могутъ не казаться въ опредѣленной своей части имѣющими лишь только механическую связь.

Но при всемъ этомъ, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, что если въ проведеніи организаціи анкеты можно найти опредѣленные недочеты, то эти недочеты отнюдь не будутъ препятствовать тому большому значенію, какое она можетъ имѣть. При сужденіи объ этихъ недочетахъ никоимъ образомъ нельзя забывать того обстоятельства, что опытъ анкеты является первымъ опытомъ широкой общественной иниціативы въ національномъ вопросѣ со стороны русскихъ политическихъ круговъ, не обладающихъ въ этой области ни необходимымъ опытомъ, ни теоретической подготовкой. Недочеты и прорѣхи анкеты могутъ быть устранены и исправлены, если заинтересованные національные круги примутъ въ ней энергичное активное участіе, и въ интересахъ успѣха анкеты нельзя не пожелать, чтобы это участіе дѣйствительно осуществилось.

Каковы бы ни были результаты анкеты, какова бы ни была ея судьба, во всякомъ случаѣ иниціативу трудовой группы въ дѣлѣ установки національнаго вопроса въ болѣе широкомъ объемѣ необходимо привѣтствовать; въ исторіи русской общественности будетъ, безъ сомнѣнія, отмѣчено то, что трудовая группа была п е р в о й изъ русскихъ группъ, которая сдѣлала попытку выдвинуть и поставить

на порядокъ дня національный вопросъ. Необходимо только пожелать, чтобы эта первая попытка не была послѣдней, чтобы она не носила случайный характеръ; пожелать, чтобы иниціатива трудовой группы вызвала соотвѣтственный откликъ въ русскомъ обществѣ и измѣнила его холодное, безучастное отношеніе къ національному вопросу, которое при всей сдержанности и выдержкѣ не можетъ не вызывать у насъ, инородцевъ, чувства горечи, обиды и досады.

В. Садовскій.

Особенности культурно-агрономической работы на Украинѣ.

Докладъ всероссійскому с.-х. съѣзду въ Кіевѣ 1—10 сентября 1913 г.

Настоящимъ сообщеніемъ имѣется въ виду обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности агрономической работы въ нашихъ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ Украины. Въ этомъ краѣ,—справедливо носящемъ названіе „житницы" Россіи и болѣе удаленныхъ сосѣднихъ странъ,—агрономическая организація уже заняла почтенное мѣсто въ ряду другихъ факторовъ культуры и прогресса. Ростъ агрономической организаціи на Украинѣ искренно привѣтствуютъ всѣ болѣе просвѣщенные элементы деревни. Ему радуются и оказываютъ содѣйствіе и сами хлѣборобы, въ послѣднее время очень заинтересованные улучшеніемъ техники хозяйства и примѣненіемъ опытныхъ и научныхъ данныхъ, ставшихъ извѣстными широкой массѣ хозяевъ. Съ другой стороны, успѣшной работѣ агрономическаго персонала замѣтно оказываютъ содѣйствіе многочисленные сельскіе кооперативы и цѣлый рядъ земскихъ и правительственныхъ мѣропріятій агрономическаго характера.

Такимъ образомъ, сильный количественный ростъ агрономической организаціи въ нашихъ цѣликомъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ слѣдуетъ признать однимъ изъ этаповъ жизненной эволюціи мѣстнаго сельскаго хозяйства. И вмѣстѣ съ тѣмъ хочется видѣть и качественно безукоризненные результаты, какъ слѣдствіе долгихъ усилій и затраты средствъ со стороны земскихъ и правительственныхъ органовъ.

Такое желаніе является тѣмъ болѣе естественнымъ, что на агронома обычно мы склонны возлагать очень вѣскія обязанности культурнаго свойства. Вѣдь село наше такъ бѣдно на интеллигентныя силы! Вѣдь земскій агрономъ—это желанный и дорогой гость въ каждомъ селѣ, въ каждомъ хуторѣ и кооперативѣ. Это не только спеціалистъ-техникъ,—вѣдь онъ еще и образованный человѣкъ, кото-

рому организація хозяйства и общественныя отношенія крестьянъ должны быть отлично знакомы. А помощь на мѣстахъ необходима самая разнообразная; здѣсь и лекціи по вопросамъ техники хозяйства, и совѣты по устройству кооператива, и организація показательныхъ полей, прокатныхъ пунктовъ и начинаній чисто образовательныхъ, культурныхъ. Населеніе наше такъ отстало въ отношеніи общей культурности, что и часть послѣдней,—культуру сельскохозяйственную,—можно подымать лишь съ затратой значительныхъ усилій.

Вотъ практическому работнику-агроному, горящему вдохновеніемъ и идущему въ деревню съ высокоподнятымъ знаменемъ идейности, и приходится имѣть это въ виду: использовать самодѣятельность и творческіе запросы населенія въ цѣляхъ поднятія общей и сельскохозяйственной культуры послѣдняго.

Однако, несмотря на такую кажущуюся цѣльность и опредѣленность отношеній, агрономическая дѣйствительность у насъ на Украинѣ вырисовывается далеко не въ розовыхъ тонахъ. Почему-то мы слишкомъ часто слышимъ нареканія агрономовъ на неудовлетворительныя условія работы, знаемъ о слишкомъ безпорядочномъ и быстромъ передвиженіи агрономическаго персонала, съ легкимъ сердцемъ согласнаго, въ ущербъ работѣ, „пріѣзжать, посмотрѣть и уѣхать“. Въ средѣ нашихъ украинскихъ агрономовъ, чаще чѣмъ въ иныхъ коллегіяхъ, часто можно услышать удивительно „скверные анекдоты“, созданные дѣйствительной жизнью на почвѣ крайняго непониманія и недовѣрія, почему-то возникшаго между агрономами и хозяевами-крестьянами. Эти непріятности въ работѣ, хорошо извѣстныя многимъ агрономамъ, являются слишкомъ замѣтными тормазами, мѣшающими планомѣрному проведенію часто весьма хорошихъ и полезныхъ начинаній.

Съ другой стороны, и населеніе весьма часто и открыто выражаетъ непониманіе и несочувствіе агрономамъ, и это явленіе—еще болѣе печальное и требующее серьезнаго обслѣдованія. Агрономы Кіевской губерніи имѣли случай довольно часто слышать типичное мѣстное восклицаніе коренныхъ жителей губерніи, хлѣборобовъ, удивляющихся, отчего это агрономы „іздять та звонять, іздять та звонять“,—вѣроятно, даже цѣль существованія агрономической организаціи для этихъ нетронутыхъ культурой земледѣльцевъ еще не ясна и не понятна.

Присматриваясь ближе къ такому положенію вещей, ужасаешься, какъ трагически и нецѣлесообразно складываются у насъ отношенія. То самое земледѣльческое населеніе, которое, казалось бы, больше всего нуждается въ помощи агрономовъ при улучшеніи собственнаго хозяйства и повышенія доходности отъ него, которое въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей съ такимъ трудомъ пробивается на-ощупь по узкой тропинкѣ прогресса,—оно отмежевано отъ агрономовъ, ихъ не понимаетъ и не признаетъ за лучшихъ своихъ руководителей. И это не только въ губерніяхъ Юго-западнаго края, гдѣ агрономія, со времени введенія реформированнаго земства, вступаетъ въ новую фазу своего развитія. Нѣтъ, мы знаемъ много примѣровъ, какъ и въ старо-земскихъ губерніяхъ Украины такое грустное явленіе имѣло и имѣетъ мѣсто и съ одной стороны задерживаетъ эволюціонный ходъ сельскаго хозяйства, а съ другой—заставляетъ честнаго агронома бросать работу, холодно относиться къ своимъ обязанностямъ или искать другого участка, иныхъ лучшихъ условій труда.

Причины возникновенія этой китайской стѣны между населеніемъ и агрономическимъ персоналомъ кроются, по нашему убѣжденію, въ не вполнѣ серьезной и вдумчивой подготовкѣ агрономовъ къ практической культурной дѣятельности, а равно и въ тѣхъ бытовыхъ и культурныхъ особенностяхъ района, которыя характерны для Украины. Мы уже имѣли случай отмѣтить въ этомъ сообщеніи, что земледѣльческое населеніе смотритъ на агронома какъ на совѣтчика во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ крестьянскаго быта. Агрономъ тогда лишь завоюетъ симпатіи крестьянина, когда онъ сможетъ вполнѣ свободно разобраться не въ однѣхъ только естественныхъ особенностяхъ мѣста, не только въ экономическомъ и хозяйственномъ положеніи населенія, но долженъ проникнуться бытовыми, культурными и національными началами, усвоить и употреблять мѣстный языкъ населенія, глубоко понимать обычаи и воззрѣнія народа, которому онъ несетъ знанія и добрую помощь.

Нужно ли еще говорить о крупномъ практическомъ значеніи подобнаго рода подготовки агронома?

Историческое прошлое и современное состояніе нашего села сложилось такимъ образомъ, что въ преодолѣніи рутины и недовѣрія крестьянина къ „пану“ и къ наукѣ, къ со-

вѣтчикамъ иного происхожденія, сословія это представляется серьезнѣйшей задачей культурной работы. Безъ этого невозможна совмѣстная работа „пана"-агронома и мужика-хлѣбороба, хотя бы эта работа и была направлена къ выгодамъ послѣдняго. Слѣдовательно, нужны объединяющія звенья, необходимо заслужить довѣріе населенія и тѣмъ самымъ повысить его общую культурность и въ частности уровень хозяйственнаго быта. Такими лучшими, испытанными звеньями являются на Украинѣ: мѣстный украинскій языкъ, изученіе исторіи края и современнаго культурнаго его состоянія. Эти свѣдѣнія, въ дополненіе къ обычнымъ агрономическимъ теоретическимъ и практическимъ дисциплинамъ, создадутъ прочную базу для агрономической дѣятельности, единственно практичную и раціональную.

Какъ же въ практикѣ разрѣшаютъ наши агрономы эту задачу, постановка которой напрашивается уже самой окружающей дѣйствительностью?

Къ сожалѣнію, въ этомъ смыслѣ мы далеко не всегда имѣемъ возможность констатировать ясное и опредѣленное отношеніе къ вопросу. Часто гг. агрономы не видятъ необходимости или не желаютъ хотя бы отчасти приблизиться къ пониманію населенія и какъ бы демонстративно не хотятъ считаться съ тѣмъ, что ихъ хлѣборобы не понимаютъ. На лекціяхъ и собесѣдованіяхъ или просто въ разговорѣ многіе агрономы такъ охотно и настолько много употребляютъ литературныхъ, чисто книжныхъ русскихъ выраженій и терминовъ, что даже средне-образованному хозяину не представляется возможнымъ сразу воспринять и запомнить такіе совѣты и твердо приступить къ проведенію ихъ въ жизнь. Рядовому крестьянину, конечно, такое затрудненіе служитъ и совсѣмъ крупной помѣхой. Не популярная и не цѣликомъ понятая лекція спеціалиста никогда вѣдь не побудитъ крестьянина къ провѣркѣ опредѣленныхъ положеній на практикѣ. Да, можетъ быть, это недовѣріе здѣсь и кстати, такъ какъ оно предохраняетъ отъ могущихъ быть тяжелыхъ ошибокъ, возникающихъ вслѣдствіе полузнанія практика-хозяина.

Среди нашихъ украинскихъ агрономовъ еще крѣпко, повидимому, держится превратное мнѣніе, высказанное не разъ и въ печати и на агрономическихъ совѣщаніяхъ. Мнѣніе это характеризуетъ работу агронома, какъ дѣятеля культуры будущаго, какъ работника для будущихъ сель-

скохозяйственныхъ поколѣній главнымъ образомъ, а не только для современныхъ земледѣльческихъ массъ. Агрономъ,—какъ иногда утверждаютъ сторонники этой мысли,—не можетъ и не долженъ знать народнаго языка и другихъ факторовъ культуры; все это—символы культуры „низшей", съ которыми слѣдуетъ бороться, изгонять ихъ изъ обихода украинскаго крестьянина, ибо они мѣшаютъ пріобщить послѣдняго къ „высшей" культурѣ. Поэтому говорить и писать и научныя данныя слѣдуетъ проводить, лишь употребляя литературный русскій языкъ. Если нынѣшніе хлѣборобы не поймутъ терминологіи и выраженій, если не прочитаютъ нашихъ статей и книгъ, для хозяевъ предназначенныхъ,—это не большая бѣда. Пройдетъ лѣтъ 10—15, все измѣнится, новое земледѣльческое поколѣніе свыкнется съ языкомъ, съ методами новаго хозяйствованія и на развалинахъ современнаго культурнаго быта и хозяйства возникнетъ лучшее, новое, культурное хозяйство... (факты „Ю.-Р. Газ.", № 15, 1913).

Нужно ли оспаривать это ошибочное по своему содержанію и удивительно „потустороннее" по выводамъ мнѣніе? Здѣсь такое полное отсутствіе историческаго опыта, столько наивнаго, ничѣмъ не оправданнаго оптимизма и самопожертвованія, что всѣ эти соображенія звучатъ крупнѣйшимъ курьезомъ. Серьезно повторять и анализировать такія предположенія почему-то самозародившіяся въ агрономической средѣ, право, неудобно!..

Но настоящая жизнь требуетъ слишкомъ трезваго, сознательнаго отношенія къ ея проявленіямъ. Завѣдомо ложные планы и эксперименты, не имѣющіе оправданія ни въ исторіи, ни въ соотношеніи современныхъ силъ и явленій,—ихъ жизнь безпощадно разбиваетъ. Мы знаемъ цѣлый рядъ случаевъ, какъ неудачныя попытки агрономовъ, не желающихъ признавать равенства культуръ,—ихней и мѣстной, народной,—ведутъ къ обоюднымъ разочарованіямъ и къ передвиженію этихъ агрономовъ изъ участка въ участокъ.

А на-ряду съ этимъ печальнымъ явленіемъ наблюдается иное,—какъ увеличивается число агрономическихъ работниковъ, близко знающихъ мѣстный бытъ, завоевавшихъ довѣріе и уваженіе среди хозяевъ. Такіе агрономы на Украинѣ—теперь не рѣдкость. Они не гордятся своей высокой культурой, особеннаго вида, а сжились съ народной мас-

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № П- 85689

сой, употребляютъ мѣстный языкъ, которымъ болѣе или менѣе въ совершенствѣ владѣютъ, умѣютъ помогать крестьянамъ увѣренно и своевременно совѣтами и личнымъ участіемъ въ общественныхъ и образовательныхъ учрежденіяхъ деревни. Такихъ агрономовъ нѣтъ надобности называть по именамъ: въ предѣлахъ губерніи, а нерѣдко и далеко за этими предѣлами они извѣстны какъ популярные работники, у которыхъ на лекціяхъ всегда полно слушателей, а ихъ участки и хозяева въ тѣхъ участкахъ сплошь и рядомъ выдѣляются своей сравнительной культурностью.

Вотъ эти настоящіе украинскіе агрономы, близко понявшіе духъ народа и сумѣвшіе, не разрушая исторически сложившагося міровоззрѣнія и культурнаго строя населенія, подойти къ нему со знаніемъ чисто агрономическимъ и общественной идейностью,—они разыскали единственно правильный путь. Они не задаются неблагодарными цѣлями разрушителей національной культуры, не претендуютъ на помощь будущимъ поколѣніямъ въ большей мѣрѣ, нежели сущимъ,—нѣтъ, на прочной основѣ самодѣятельности мѣстнаго населенія, на дѣдовскихъ обычаяхъ и влеченіи крестьянина къ землѣ и улучшенію способовъ использованія естественныхъ богатствъ,—на этомъ строятъ новое, не менѣе прочное агрономическое зданіе, крѣпкое своей стихіей и примѣненіемъ новѣйшихъ методовъ, научно и практически провѣренныхъ жизнью. Такая культурно-агрономическая дѣятельность даетъ положительные результаты; она съ затратой наименьшихъ усилій, наиболѣе значительно повышаетъ уровень общей культурности населенія, а въ то же время создаетъ лучшія условія для использованія природныхъ богатствъ населеніемъ и повышенія благосостоянія послѣдняго.

Но,—скажутъ на это,—какимъ образомъ практически осуществить то, что до сихъ поръ дано немногимъ. Какъ изучить народный бытъ украинскаго населенія, его языкъ, обычаи и міровоззрѣнія, если все это и въ школѣ, и въ литературѣ, и даже какъ бы самой жизнью обходится молчаніемъ? Если агрономическія познанія такъ или иначе можно пріобрѣсти каждому, кому не заказаны обычные пути школьнаго и внѣшкольнаго образованія, то болѣе трудныхъ знаній относительно сложныхъ общественныхъ и культурныхъ особенностей Украины—какъ ихъ получить?

Дѣйствительно, система школьнаго агрономическаго образованія въ нашей странѣ далека отъ идеала, равнымъ образомъ и отношеніе административныхъ круговъ и общественныхъ учрежденій къ культурнымъ нуждамъ украинскаго населенія часто способны вызвать лишь удивленіе. Но практическихъ работниковъ, каковыми должны быть прежде всего агрономы, близко соприкасающіеся съ населеніемъ, это пренебрежительное отношеніе нисколько не должно смущать или направлять въ сторону неблагодарнаго занятія—нивеллировки культурнаго уровня населенія по искусственнымъ, кабинетнымъ образцамъ. Есть еще одна хорошая школа, могущая дать цѣнныя свѣдѣнія въ такомъ существенно важномъ дѣлѣ, какъ изученіе всѣхъ формъ народной культуры. Эта школа—жизнь. Непосредственный, серьезный интересъ агронома къ окружающей его дѣйствительности, наблюденіе народнаго хозяйства и характера и честное отношеніе къ своей задачѣ,—вотъ что можетъ сослужить цѣнную службу для общественнаго дѣятеля и дать ему въ руки то оружіе, безъ котораго его всѣ усилія останутся напрасными. Уже первыя попытки въ этомъ направленіи дадутъ много цѣнныхъ познаній и увѣренности въ своихъ силахъ; они обратятъ вниманіе населенія,—отъ природы наблюдательнаго и умнаго,—и установятъ реальныя, сердечныя отношенія между агрономомъ и крестьянами. И тѣмъ болѣе слѣдуетъ охотно и часто дѣлать подобнаго рода попытки; онѣ расширяютъ кругозоръ агронома и создаютъ твердую почву для его послѣдующихъ мѣропріятій.

Таковъ практическій выводъ, естественно вытекающій изъ анализа приведенныхъ въ настоящемъ сообщеніи фактовъ и наблюденій. Практическое значеніе такого рода цѣльной и болѣе совершенной агрономической дѣятельности ясно само по себѣ. При ней невозможны анормальныя явленія современной дѣйствительности, немыслимо чрезвычайное непониманіе, существующее теперь между агрономами и населеніемъ. И всероссійскому сельскохозяйственному съѣзду, въ его поискахъ лучшихъ формъ агрономической работы, необходимо установить единственно правильную точку зрѣнія на сущность культурныхъ мѣропріятій на Украинѣ. Компетентное слово съѣзда въ этомъ смыслѣ натолкнетъ многихъ культурныхъ работниковъ въ нашей деревнѣ на мысль болѣе серьезно относиться къ

скрытымъ потенціальнымъ силамъ украинскаго населенія и не заглушать ихъ, а развивать, вызывать къ жизни, утилизировать въ цѣляхъ творческой культурно-агрономической дѣятельности. Съ другой стороны, съѣздъ не въ правѣ не отнестись отрицательно къ отмѣченнымъ нами анормальностямъ нашей сельскохозяйственной дѣйствительности— растратѣ безцѣльно культурныхъ интеллектуальныхъ силъ. Конечно, и особенности времени, и острая необходимость въ возможной экономіи общественныхъ силъ требуютъ рѣшительнаго осужденія такихъ никому ненужныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ растратъ.

Резюмируя все сказанное, представляется существенно важнымъ предложить на разсмотрѣніе с.-х. съѣзда отъ имени т-ва „Украінський Агроном“ слѣдующія положенія:

1) Сама жизнь выдвигаетъ на очередь для агрономовъ на Украинѣ вопросъ о поднятіи общей культурности населенія и использованія исторически сложившейся культуры съ ея мѣстными національными особенностями.

2) Въ этихъ цѣляхъ желательно, чтобы лица агрономическаго персонала на своихъ популярныхъ чтеніяхъ, лекціяхъ и собесѣдованіяхъ употребляли народный украинскій языкъ, привычный для уха и пониманія земледѣльческаго населенія.

3) Въ интересахъ болѣе успѣшнаго улучшенія техники и организаціи крестьянскаго хозяйства съѣздъ признаетъ необходимымъ, чтобы популярная литература, предназначенная для сельскаго населенія, была составлена возможно понятнѣе, на народномъ языкѣ. Такими доступными по изложенію должны быть всѣ книги, листки и статьи въ сельскохозяйственныхъ періодическихъ изданіяхъ, предназначенныхъ для повышенія спеціальныхъ познаній и умственнаго кругозора украинскихъ крестьянъ-хозяевъ [1]).

А. Терниченко.

---

[1]) Положенія автора настоящаго доклада, какъ извѣстно, безъ возраженій были приняты съѣздомъ.

Поэзія индивидуализма

(Леся Украинка *).

Тотъ самый порывъ къ дѣйствію, жажда активнаго вмѣшательства въ жизнь, послужили темою послѣдней поэмы Леси Украинки „Адвокатъ Мартьянъ". Адвокатъ Мартьянъ—тайный христіанинъ, ведущій процессы христіанъ и для внушенія къ себѣ довѣрія, а также для большаго успѣха своего дѣла—офиціально язычникъ. Съ этимъ двусмысленнымъ положеніемъ не могутъ помириться его дѣти, которыя въ интересахъ ихъ религіи такъ же,какъ и ихъ отецъ, принуждены оставаться тайными христіанами. Дѣти адвоката жаждутъ подвига, но братъ Изогенъ поучаетъ ихъ, что—

Наша церква тепер не тим
Держиться чим давнійше,
Підчас породу рясно лється кров
І рветься крик,
Але той час минувся.

Героическій періодъ христіанства миновалъ, и людямъ, жаждущимъ подвига, остается уйти изъ него. Такъ и дѣлаютъ Аврелія и Валентъ, покидая своего отца-адвоката. Бѣжитъ отъ христіанства и Руфинъ, и его рабъ. Новая религія должна лишь скрѣпить господство патриціевъ, такъ какъ

„Кожен раб, як тільки
Християнство те перейме,
Стає покірним, чесним, роботящим,
Хоч кія забувай!"

Протестъ раба, ищущаго свободы и справедливости, противъ соціальной безразличности христіанства, противъ „вѣры безъ дѣлъ"—главный мотивъ перечисленныхъ выше драматическихъ поэмъ. Въ этомъ протестѣ слышится съ одной стороны бунтъ новаго, нарождающагося активнаго украинства противъ пассивности стараго украинофильства, съ другой—еще глухое, еще наивное, какъ у ра-

*) См. „Украинская Жизнь", 9-я кн.

ба-неофита, но уже настойчивое исканіе дѣйствительныхъ средствъ разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Конфликтъ между представителями двухъ міровъ, изъ которыхъ одинъ былъ еще слишкомъ силенъ, а другой слишкомъ незначителенъ, чтобы собрать около себя массы, —долженъ былъ принять форму борьбы „одного“ противъ „всѣхъ“. Этой, никогда не старѣющейся, проблемой занимается Леся Украинка въ рядѣ слѣдующихъ драматическихъ поэмъ. Пророчица Тирца принуждена бѣжать въ пустыню, изгнанная глупой толпой, потому что слишкомъ громко раздался ея голосъ на руинахъ Іерусалима („На руінах“). Еврейская толпа, это „стадо, згублене на бездорожі“, поклоняется лишь старымъ святынямъ, ея любимая пѣсня— Ереміи, оплакивающая старину. Призывъ Тирцы перестать оплакивать мертвыхъ и начать строить „новый храмъ“ встрѣчается съ рабски-наивнымъ вопросомъ стараго іудея:

„Хто нам дозволив ту нову будову?
Цар чи дозорець?“.

А когда Тирца въ безумномъ порывѣ вырываетъ у пѣвца арфу Ереміи и бросаетъ въ Іорданъ, она объявляется „бѣсноватой“, разрушающей „старыя святыни“, и изгоняется изъ города. Въ послѣднихъ ея словахъ, обращенныхъ къ своему народу:

„Дух божій знайде сам мене в пустині.
А вам ще довгий шлях лежить до того“.

—слышится трагедія Манфреда... Чайльдъ Гарольда...

Тотъ же безсмысленный гнетъ общества чувствуетъ и Руфинъ въ христіанской общинѣ.

Покорность передъ сильными, которую находитъ у нея Руфинъ, залѣзаніе со своимъ контролемъ въ святая святыхъ человѣческихъ отношеній, болѣзненная подозрительность каждаго въ „ереси“, злоба къ „инакомыслящимъ“—во всемъ этомъ дѣлѣ, въ которомъ задыхается индивидуумъ, видится долженствующее скоро вспыхнуть яркое пламя святой инквизиціи!

Еще ярче обрисованъ конфликтъ между обществомъ и личностью въ драматической поэмѣ „В пущі“. Скульпторъ Ричардъ, такъ же какъ и Тирца, долженъ бѣжать изъ пуританской „громады“, которая разбила его „идолы“ (ста-

туи), а передъ тѣмъ убила его брата за „еретическое“, направленное противъ церкви, сочиненіе. Ричардъ,

„Що на чужій землі шанує Бога,
Нікому не відомого в Країні“,—

долженъ уйти отъ лицемѣрной общины съ ея ханжою-пасторомъ Годвинсономъ, гдѣ „ломают крила мріям ясным“, гдѣ дѣйствуетъ верховный принципъ—„громадська влада—то є Божа воля“. Въ этой ненависти къ людской тупости, разрушающей высшія культурныя цѣнности („идолы“), къ самоувѣренной и глупой толпѣ, насилующей всякій свободный порывъ личности, слышатся уже чисто аристократическія нотки Гейне и особенно Ницше: „Я однажды спросилъ себя и почти изумился своему вопросу: какъ? Неужели и толпа нужна для жизни?“ („Also sprach Zaratustra“).

Правда, толпа „Громады“ и подчиненіе ея законамъ можетъ принести счастье и спокойствіе индивидууму, но какъ-разъ противъ этого „спокою“ и протестуетъ всѣми силами своей великой души Леся Украинка!

„О, я не хочу,
Не хочу я спокою!“

—эти тревожныя слова бросаетъ Маріамъ („Одержима“) Мессіи, который хотѣлъ принести успокоеніе и миръ ея измученному сердцу. Жирондистъ-эмигрантъ („Три хвилини“) проклинаетъ свою судьбу и спокойствіе, чтобы опять броситься въ великую борьбу, гдѣ—

„Звичайний крамарь там ставав героєм,
Там невіглас робився геніяльним,
Одна хвилина там давала більше,
Ніж всі три роки, що прожив я тут“.

Все, что хотите, лишь бы не покой, эта добродѣтель толпы, символъ квіетизма.

Въ предсмертной драмѣ Леси Украинки („Оргія“),—можетъ быть, самой сильной,—талантъ Леси Украинки обращается къ нѣсколько иной, но въ сущности къ той же старой темѣ. „Оргія“—яркое, не знающее себѣ равнаго по энергіи и красотѣ стиля, проклятіе умиравшей поэтессы, всѣмъ тѣмъ землякамъ, которые ищутъ спасенія... въ ренегатствѣ.

Близкая и всѣмъ намъ знакомая тема схвачена здѣсь въ формѣ конфликта двухъ цивилизацій: римской—цивилизаціей побѣдителей, и греческой—цивилизаціей побѣжден-

ныхъ. Эксплоатируя Элладу, стягивая къ себѣ всѣ ея цѣнности, матеріальныя и духовныя, протежируя ея таланты, которые не могутъ найти себѣ широкаго поля для развитія въ убогой и ограбленной Элладѣ, Римъ сознательно готовитъ ей смерть. Непримиримымъ противникомъ Рима выступаетъ поэтъ Антей. Онъ,—великій талантъ,—не идетъ на службу побѣдителямъ, хотя родной край не можетъ дать ему ни славы, ни даже хлѣба,—не идетъ, потому что:

„Се повинен терпіти Еллін,
Коли хліб і славу здобути
Може тільки з римських рук".

А когда его жена,—для той же славы, которой она тщетно искала въ убогой Элладѣ,—спѣшитъ, какъ танцовщица, на оргію къ знатному римлянину-меценату, Антей убиваетъ ее и себя. Антей умираетъ со словами:

„Товариші! даю вам добрий приклад!"

Теперь эти слова звучатъ какъ лозунгъ, какъ предсмертное завѣщаніе великой украинки потомкамъ. Этому лозунгу Леся сама никогда не измѣняла: она никогда не шла на оргію къ побѣдителямъ, никогда не увеселяла ихъ своимъ дивнымъ талантомъ, никогда не писала иначе, какъ по-украински.

Тотъ гнетъ общественности, которому посвятила столько драмъ Леся Украинка,—страшная зависимость личности отъ общества и его законовъ, неизвѣстная докапиталистическому строю,—породилъ мистицизмъ въ европейской литературѣ. Надъ міромъ царятъ роковыя силы, „непримиримые враги улыбки, жизни, мира и счастья" (Метерлинкъ), fata, опредѣляющіе судьбу человѣка совершенно независимо отъ его воли (Пшибышевскій). Подобнымъ (не тождественнымъ, какъ увидимъ позже) мистицизмомъ проникнуты и нѣкоторыя драмы Леси Украинки, въ особенности „Кассандра". Кассандра—посланница „мойры", одаренная даромъ ясновидѣнія. Она предвидитъ смерть Гектора, смерть Дижона, войну. Она предвидитъ осаду Трои и ея гибель, еще въ то время, когда ничего не подозрѣваютъ безпечные троянцы. Свое предчувствіе проявляетъ она въ дикихъ пророческихъ припадкахъ: такъ кошка кричитъ и бросается на стѣну, чуя грозящее землетрясеніе, о которомъ еще ничего не подозрѣваютъ люди... Они не въ состояніи понять всего ужаса, который, какъ въ „Interieur" Метер-

Недаромъ запала ей въ сердце искра Прометеева огня, недаромъ она тамъ „чує палъ її.

Такъ же точно индивидуализмъ Леси Украинки—не безнадежный индивидуализмъ гибнущихъ классовъ, не анархистическій индивидуализмъ Пшибышевскаго.

„Я,—говоритъ Гордонъ („Dzieci szatana"),—не за тѣмъ хочу разрушить, чтобы строить снова на развалинахъ!" Подобные мотивы совершенно чужды творчеству Леси. Ея индивидуализмъ—дѣятельный, конструктивный, а не только деструктивный. Правда, пророчица Тирца („На руинах") разрушаетъ старыя „святыни", выбрасываетъ плаксивую арфу Еремiи въ рѣку, но разрушеніе—не самоцѣль для нея.

Она зоветъ народъ къ творческой работѣ:

„Устань, Ізраелю! Зори плугами
Се бойовисько, не давай ні кроку
Землі обітованій. Посій
Понад гряницями пшеницю добру,
Відгородись житами від пустині,
Склади камінє все у підмурівки,
Щоб не казали люде: тут руіна;
Щоб мовили: колись тут стане дім.

Ея индивидуализмъ—бурный протестъ противъ дряблости и сонности общества („На руинах"), противъ его раболѣпія и пассивности („Оргія"), противъ господства бездарности и тупости большинства („В пущі"). Ея индивидуализмъ не бѣжитъ совершенно отъ жизни и людей, подобно героямъ Байрона и его русскихъ подражателей, не прячется въ катакомбахъ, а ищетъ своего прибѣжища, какъ тотъ неофитъ („Катакомбы"), въ лагерѣ Спартака, въ лагерѣ возставшихъ рабовъ.

Много вѣковъ передъ нами, въ критическую для Греціи эпоху исторія послала ей Сократа. Отъ него начинается новая эпоха въ исторіи Эллады. Тотъ первобытный хаосъ, въ которомъ бродила мысль эллиновъ, гдѣ духъ творца еще не отдѣлился отъ творимаго, гдѣ общество и личность были одно и то же, напоенное одними и тѣми же убѣжденіями, понятіями,—съ появленіемъ Сократа началъ разсѣиваться. Старыя цѣнности стали рушиться, а вмѣсто согласованія своихъ поступковъ съ волею боговъ и общества, высшею добродѣтелью стало прислушиваться къ голосу своей совѣсти, къ своему вѣчно работающему, вѣчно критикуемому, вѣчно ищущему новой правды „даймону".

линка, притаился тутъ же, за стѣною, такъ какъ у нихъ „думка догоняє вчинки". Они не видятъ несчастья, которое вотъ-вотъ стрясется надъ ихъ головами, предательство враговъ („конь", при помощи котораго была взята Троя) считаютъ подаркомъ, единственнаго смотрящаго въ будущее человѣка (Кассандра)—сумасшедшей... Они не хотятъ знать правды, потому что боятся ея. Съ мольбою обращается къ Кассандрѣ Андромаха.

„Та що, Касандра, доволі з нас
Уже твоєї правди зловістної, згубливої,
Так дай же нам хоча неправдою
Пожить в надії".

Тотъ же самый мотивъ, что составляетъ сущность христіанства такъ, какъ его понимаетъ Леся. Христіанство также ищетъ спасенія отъ правды жизни въ иллюзіи:

„Хоч у душі зринає часом
Сумнів про лікаря; про корисність ліків",

рекомендуемыхъ этимъ ученіемъ,—

„То ми той сумнів глушим"

Заглушаютъ его и троянцы...

„Кассандра" взята изъ греческой жизни, но только слѣпой не замѣтилъ бы, что эта драма, какъ и почти все написанное Лесей,—сама современность. Боязнь смотрѣть правдѣ въ глаза, дѣтская наивность и непониманіе надвигающихся грозныхъ событій, готовность принимать враговъ dona fe-entes за друзей,—какъ все это характерно для современниковъ великой поэтессы!..

Я указалъ на моменты индивидуализма и мистицизма у Леси Украинки,—характерныя черты многихъ великихъ талантовъ, стоящихъ на рубежѣ двухъ эпохъ. Однако, какъ индивидуализмъ, такъ и мистицизмъ Леси Украинки—не рабскій, не подражательный, онъ свой собственный. Мистицизмъ „Кассандры" — не мистицизмъ Метерлинка. Ея мистицизмъ—не тупой, животный, безсмысленный страхъ гибнущихъ передъ неизбѣжнымъ. Онъ скорѣе пророческое проникновеніе въ тайну происходящихъ событій,—разгадка сфинкса,—проникновеніе, возможное лишь для классовъ и націй, которымъ принадлежитъ будущее. Недаромъ поэтесса чувствуетъ себя въ силахъ кинуть неумолимой „Мойрѣ" гордое:

„Поміряєм сили!"

Какъ философія Сократа знаменовала гибель старыхъ боговъ, такъ поэзія Леси Украинки вѣщуетъ Götterdämmerung стараго, умирающаго украинства. Съ неслыханною дотолѣ силою она одного за другимъ валила на землю старыхъ идоловъ, зовя своихъ сонливыхъ земляковъ „строить новый храмъ". Задыхаясь въ томъ „хаосѣ", въ томъ туманѣ ограниченности и обыденности, въ который „навіть муза боіться вступити",—она все-же ни на минуту не теряла ни вѣры въ себя, ни въ силу своего народа.

„Нехай же ми раби, невільники продажні
Без сорому, без чести—хай і так!
А хтож були ті вояки одважні,
Що іх зібрав під прапор свій Спартак?"

Ея поэзія—поэзія индивидуализма, но индивидуализма лишь потому, что „сплоченное большинство" еще не добралось до тѣхъ идей, которыя проповѣдывала она, индивидуализма, апеллирующаго къ массамъ. Роль и значеніе этого индивидуализма для украинской жизни и литературы, это—роль Кассандры, предчувствующей великую тайну и почти знающей ее. Она — жрица новаго храма, новой правды. Ея „душа бачить ту будову", гдѣ будетъ жить ея народъ. Объ этомъ говоритъ намъ вся ея поэзія, о томъ же говоритъ дивный, несравненный стиль этой (кромѣ Коцюбинскаго) яркой европеянки въ украинской литературѣ въ Россіи. Иногда сильный, страстный, но никогда грубый, иногда нѣжный, но никогда сантиментальный.

Поэзія ея была по своему характеру и формѣ интеллигентской поэзіей человѣка, быть можетъ, превосходящаго своей интеллигентностью и внутреннимъ душевнымъ аристократизмомъ всѣхъ бывшихъ и настоящихъ поэтовъ русской Украины. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, никто, кромѣ Шевченка, по всему строю своего интеллекта и своей музы не отражалъ такъ вѣрно и ярко жизненную философію страдающей и борющейся массы — философію пробуждающагося сознанія народа. Въ этомъ соединеніи крайняго индивидуализма съ легкимъ оттѣнкомъ артистократизма съ глубоко продуманнымъ, стихійнымъ демократизмомъ дочери угнетенной націи и заключается оригинальность таланта Леси Украинки.

Одно изъ ея юношескихъ стихотвореній начинается словами:

„На шлях я вийшла раннею весною".

И дѣйствительно, она вышла на свой путь поэзіи и борьбы слишкомъ рано, слишкомъ рано она

„Досвітній огонь запалила",

слишкомъ рано ударила по струнамъ своей лиры.

Выше было отмѣчено, что Леся Украинка не во всемъ была понята роднымъ обществомъ. Но, несомнѣнно, это непониманіе—временное. На смѣну поколѣнія рабовъ придутъ поколѣнія сознавшаго себя народа, и тогда мы увидимъ, какъ то самое общество, среди котораго геніальная поэтесса чувствовала себя такъ одиноко, будетъ,—какъ при перенесеніи тѣла Наполеона во Францію парижская толпа,—въ изступленіи кричать.

„Отдайте этотъ прахъ!
Онъ нашъ!"

Тогда, быть-можетъ, прахъ великой Украинки будетъ положенъ въ украинскомъ Пантеонѣ, воздвигнутомъ для своихъ великихъ людей свободною націею, которую она такъ безумно ненавидѣла и такъ безумно любила...

Дм. Донцовъ.

Открытое письмо къ русскимъ писателямъ.

Когда я беру въ руки разсказъ изъ „хохлацкой“ жизни какого-нибудь русскаго писателя, меня всегда охватываетъ смѣшанное чувство неловкости, стыда и боязни.

Такое чувство бываетъ, когда приходишь въ общество съ человѣкомъ, страдающимъ слабостью къ еврейскимъ или армянскимъ анекдотамъ. Человѣкъ, внѣ сомнѣній, хорошій, чуткій, умный, наблюдательный. Пока дѣло не касается анекдотовъ,—говорить съ нимъ, слушать его—наслажденіе.

Но вотъ по какой-то ассоціаціи ему припоминается еврейскій анекдотъ, и наслажденіе переходитъ сначала въ чувство неясной тревоги, напряженнаго ожиданія безтактности и, наконецъ, горячаго стыда за хорошаго, умнаго человѣка, за евреевъ и армянъ, за себя и за слушателей, старающихся подъ неловкими улыбками скрыть мучительное недоумѣніе, стыдъ и досаду.

Подобное чувство, говорю я, появляется у меня (да не у одного меня, а, навѣрно, у большинства читателей-украинцевъ!), когда приходится читать разсказы русскихъ писателей о „хохлахъ“, какъ издавна принято въ русской литературѣ выражаться объ украинцахъ.

Этой грустной слабостью къ „хохлацкимъ“ анекдотамъ страдаютъ, за немногими исключеніями, всѣ русскіе писатели. Особенно же она приняла угрожающій, почти эпидемическій характеръ за послѣднія нѣсколько лѣтъ. „Хохолъ“ непремѣнно найдется у каждаго беллетриста. Въ этомъ, понятно, ничего удивительнаго нѣтъ: „хохловъ“ въ Россіи болѣе 30 милліоновъ, они занимаютъ громадную часть имперіи, жизнь послѣдней въ очень незначительныхъ проявленіяхъ обходится безъ ихъ вольнаго или невольнаго участія.

Естественно, что всякій болѣе или менѣе отзывчивый писатель старается въ своихъ работахъ отразить такое крупное явленіе. Бѣды въ этомъ нѣтъ. Но вотъ бѣда лишь

въ томъ, *какъ* отражается у нихъ это явленіе. Анекдотъ тоже будто отражаетъ характеръ евреевъ или армянъ, но *какъ*.

Объ этомъ я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Дѣлаю я это по двумъ мотивамъ. Одинъ—чувство обиды члена той націи, которую обижаютъ. Другой—обида и стыдъ за тѣхъ, которые обижаютъ.

Я не хочу сказать, что обижаютъ *сознательно*. Если бы это было такъ, то настоящее мое письмо было бы совершенно безполезно. Только увѣренность, что большинство русскихъ писателей ни на одну минуту не имѣетъ въ виду причинить кому бы то ни было обиду своими разсказами или же поставить себя въ чьихъ-нибудь глазахъ въ положеніе разсказчика „изъ армянскаго быта“,—только эта увѣренность даетъ мнѣ смѣлость привлечь вниманіе моихъ коллегъ на предметъ съ той стороны, съ которой имъ не представлялось случая посмотрѣть.

Сравнивая разсказы большинства русскихъ писателей, въ которыхъ играютъ роль украинцы („хохлы“), съ анекдотами, я готовъ подтвердить это сравненіе доказательствами. Прежде всего, основное сходство такихъ разсказовъ съ анекдотами—въ ихъ шаблонности, въ застывшихъ (и притомъ никогда не бывшихъ вѣрными) формахъ изображенія. Еврей, армянинъ, „хохолъ“, нѣмецъ, всякій другой представитель чужой національности въ анекдотахъ обязательно долженъ имѣть свое „національное лицо“, при этомъ, конечно, такое, которое будетъ вызывать смѣхъ у слушателей и ласкать гордость ихъ собственнаго „національнаго лица“. Въ этомъ задача анекдота. О художественной правдѣ, о творческомъ проникновеніи въ характеръ этихъ „лицъ“, понятно, и рѣчи не можетъ быть. Извѣстная комбинація фактовъ и положеній на фонѣ „смѣшного“ „національнаго лица“ еврея или армянина—и эффектъ готовъ. По духу анекдота еврей или армянинъ всегда и вездѣ одинъ и тотъ же: трусоватъ, глуповатъ, хитроватъ, грязноватъ. Еврей вмѣсто „ж“ произноситъ „з“, а вмѣсто „з“—„ж“. Армянинъ любитъ букву „ы“ и постоянно повторяетъ „дюша мой“.

То же до унынія, до стыда повторяется и въ анекдотахъ „изъ хохлацкаго быта“, называемыхъ разсказами. Всегда и всюду „хохолъ“—немного глуповатъ, немного хитровать, непремѣнно лѣнивъ, меланхоличенъ и порой до-

бродушенъ. О другихъ свойствахъ человѣческой психики у „хохловъ“ изъ этихъ разсказовъ совсѣмъ не слыхать. Болѣе тридцати милліоновъ ихъ, а такая удивительная неподвижность и односторонность развитія. Что ни фигура, то либо мѣшковатый дуракъ, то придурковатый лѣнтяй, либо лѣнивый пройдоха. И рѣдко-рѣдко это—недалекій, сантиментальный, не злой простакъ, въ родѣ „хохла“ М. Горькаго.

Примѣровъ и приводить не стану, ихъ слишкомъ много. Каждый, кому интересно провѣрить меня, пусть возьметъ книги любого русскаго беллетриста и повнимательнѣе ознакомится съ ихъ героями-„хохлами“.

Характеръ языка этихъ „хохловъ“ совершенно аналогиченъ съ характеромъ языка героевъ изъ еврейско-армянскихъ анекдотовъ. Эти удивительные „хохлы“ говорятъ точь-въ-точь, какъ когда-то говорили персонажи Гоголя. Та же наивная грубоватость, та же прославленная „юмористическая нотка“. Мужикъ, интеллигентъ, рабочій—всѣ говорятъ въ одномъ и томъ же тонѣ и чуть не объ одномъ и томъ же.

Не могу все-таки удержаться отъ примѣра. Наудачу беру разсказъ Скитальца „Сумерки“. Тутъ между прочими лицами выводится „хохолъ“-студентъ, по прозванью Гетманъ. Онъ слушаетъ разсказъ о томъ, какъ „украинофильство“ доживаетъ свои послѣдніе дни, какъ на мѣстѣ Запорожской Сѣчи пыхтитъ теперь мыловаренный заводъ и, свѣсивъ „свою круглую голову съ чубомъ, пошевелилъ длинными усами и заговорилъ съ чисто малорусской меланхоліей:

„Эге! Вотъ уже и досадно мнѣ бываетъ, когда я слышу что-нибудь такое! Хотѣлось бы мнѣ, чтобы не было этихъ городовъ проклятыхъ, а были бы опять степи да Сѣчь! Ей-Богу, кинулъ бы я эти книжки и науки да и пошелъ бы гайдамачить. Хай ей чортъ, оцей цивилизаціи!“...

Гетманъ еще много говоритъ въ подобномъ духѣ, но я ограничусь этой выпиской.

Ну, развѣ это не знаменитый Остапъ, сынъ Тараса Бульбы, много разъ бросавшій „оцею“ цивилизацію и убѣгавшій гайдамачить? А тонъ этотъ: „Эге! Вотъ уже и досадно мнѣ“... Совсѣмъ какой-нибудь пьяный гоголевскій мельникъ, ищущій впотьмахъ дверь своей хаты.

И это, надо помнить, студентъ, въ послѣреволюціонное время, въ центрѣ культурной жизни Россіи! До чего должны быть тупы и неподвижны эти „хохлы", если у нихъ студенты въ двадцатомъ вѣкѣ мечтаютъ о томъ же, о чемъ мечтали Остапы Бульбы! Причемъ даже языка своего не знаютъ и употребляютъ такія формы, которыя абсолютно невозможны въ устахъ какъ угодно обрусѣвшаго, захудалаго „хохла", никогда ни однимъ ухомъ не слыхавшаго объ „украинофильствѣ". Г. Скиталецъ, навѣрно, и не подозрѣваетъ, что онъ однимъ этимъ словечкомъ „оцей цивилизаціи" сразу подрываетъ у всякаго знающаго хоть немного украинскій языкъ довѣріе къ художественной правдѣ этого мѣста въ его разсказѣ.

А такихъ словечекъ у каждаго писателя сколько угодно. У каждаго неизмѣнная „жінка", „горілка" и непремѣнно черезъ і (для мѣстнаго колорита!).

Меня много разъ подмывало желаніе обратиться къ писателямъ, употребляющимъ въ однихъ „хохлацкихъ" словахъ і, а въ другихъ и, съ просьбой открыть мнѣ мучающую меня загадку: почему они это дѣлаютъ? Почему, напримѣръ, „бис", „нис" и прочія слова они пишутъ черезъ и восьмеричное, а „жінка", „горілка" и еще нѣкоторыя черезъ і съ точкой?

Я увѣренъ, что ни одинъ изъ нихъ не смогъ бы мнѣ отвѣтить. Пишутъ такъ другіе, ну и я. Чего тамъ еще!

Вотъ тутъ и начинается обида. Обида отъ пренебрежительнаго, грубаго и невѣжественнаго отношенія къ тому, что тебѣ дорого, близко, что вскормило и вспоило тебя. Похоже на то, какъ городовой по обязанности службы и по присущей его положенію грубости безъ церемоніи пихаетъ съ тротуара въ грязь свою мать-крестьянку. Чего тамъ съ ней стѣсняться, не барыня!

Такъ украинскій языкъ въ глазахъ русскихъ писателей на положеніи этой крестьянки. Съ барыней, напримѣръ, французскихъ языкомъ, такъ держать себя ни одинъ не посмѣетъ. Вмѣсто cette femme не напишетъ ce feme. Если самъ не знаетъ, людей свѣдущихъ спроситъ и самымъ почтительнымъ, европейскимъ манеромъ обойдется съ барыней. Даже каблучкомъ прищелкнетъ, accent поставитъ на своемъ мѣстѣ.

Это—одна обида. Другая, какъ я сказалъ,—обида за самихъ писателей, за ихъ работы, которыя очень страдаютъ отъ этихъ „хохлацкихъ" анекдотовъ.

Гоголю простительно было коверкать украинскій языкъ, ихъ бытъ, характеръ, такъ какъ въ этомъ исковерканномъ видѣ была для того времени своя художественная правда. Но въ наше время, когда украинская нація растетъ не по днямъ, а по часамъ, когда украинская интеллигенція, сознательная, знающая свой народъ и языкъ, составляетъ значительную часть читателей Россіи, итти по стопамъ Гоголя уже нельзя безъ вреда для своей репутаціи искренняго и истиннаго художника.

Но русскіе писатели—удивительные консерваторы въ отношеніи украинцевъ. Больше даже русскаго правительства. Правительство уже замѣтило насъ, уже мы пользуемся его благосклоннымъ и сердечнымъ вниманіемъ. Сквозь толстую, вѣковую кору темноты и безправія во всѣхъ мѣстахъ Украины бьетъ струями національная жизнь. Правительство озабоченно, суетливо затыкаетъ, чѣмъ можетъ, непріятныя пробоины.

Несмотря на это, украинское движеніе растетъ. Несмотря на подобныя же старанія польской шляхты, растетъ еще сильнѣе это движеніе и въ австрійской Украинѣ,—Галиціи. Развивается пресса, литература, наука. Во Львовѣ открывается украинскій университетъ, въ австрійскомъ парламентѣ украинская группа расширяетъ съ каждымъ днемъ свое значеніе.

Наконецъ, развитіе Украины доходитъ до той степени, когда выступаетъ на сцену національно-политической жизни пролетаріатъ, эта истинная сила всякой націи. Многими тысячами голосовъ украинскіе рабочіе напоминаютъ своему представителю въ Государственной Думѣ о борьбѣ за ихъ національныя права. Изъ запорожскихъ степей потомки казаковъ, крестьянская демократія и рабочіе, заявляютъ свой протестъ противъ Родзянокъ.

А русскіе писатели ничего этого не замѣчаютъ и попрежнему, по Гоголю, продолжаютъ разсказывать намъ о „жінкахъ“ да „горілкахъ“, объ Остапахъ о Бульбахъ, мечтающихъ забросить „оцею“ цивилизацію и уйти въ степи гайдамачить.

И стыдно, и грустно!

И невольно обратишься съ мольбой: Коллеги! Ради Бога, будьте внимательнѣе къ жизни и къ тому, о чемъ вы пишете. Не обижайте ни себя, ни художественной правды, ни насъ, украинцевъ, своими невольными „хохлацкими“ анекдотами! (*День*).

В. Винниченко.

„The friends of the Ukraine".

Англійская пресса объ Украинѣ и украинскомъ вопросѣ.

Эти слова—„друзья Украины", являются эмблемой недавно основавшагося въ Лондонѣ Украинскаго Комитета. На всѣхъ письмахъ Комитета можно найти эту эмблему. Всѣмъ и вся интересующійся далекій Альбіонъ обратилъ, наконецъ, и на нашъ народъ свое вниманіе. Украинскій вопросъ, до недавна совершенно незнакомый англійской публикѣ, сдѣлался теперь предметомъ многочисленныхъ статей въ разнообразнѣйшихъ органахъ лондонской и провинціальной прессы. Къ сожалѣнію, въ Россіи эти статьи гораздо менѣе извѣстны, чѣмъ слѣдуетъ. Благодаря любезности одного изъ активнѣйшихъ членовъ Укр. Ком., извѣстнаго англійскаго публициста *Джоржа Раффаловича*, приславшаго мнѣ объемистую тетрадь съ вырѣзками изъ статей объ Украинѣ англійскихъ газетъ и журналовъ, я имѣю возможность хотя въ общихъ чертахъ познакомить съ ихъ содержаніемъ россійскихъ читателей.

Первое впечатлѣніе, получаемое отъ этихъ статей, это—то, что англичане проявляютъ глубокій и всесторонній интересъ къ украинскимъ дѣламъ. Каждая мелочь, относящаяся такъ или иначе къ данному вопросу, старательно заносится на страницы разныхъ „магазиновъ" и просто газетъ. Тамъ вы найдете и цѣлую литературу о гр. Бобринскомъ и о томъ, какъ онъ спасалъ „русскихъ" въ Галиціи, о закрытіи „Просвіт" и о проектѣ еп. Никона, и объ украинскихъ кобзаряхъ, такъ же точно, какъ и о значеніи украинскаго вопроса вообще. „Открывъ" Украину, англичане припомнили, что Украина и ея народъ, даже подъ тѣмъ же самымъ именемъ—Ukraine,—давно были извѣстны если не имъ, то ихъ прадѣдамъ. Вспомнили эпизодъ съ герцогомъ Марльборо, которому Петръ I предлагалъ Украину, отыскали цѣлые ворохи англійскихъ газетъ XVII вѣка,—нѣмыхъ свидѣтелей великихъ историческихъ событій, содержащихъ довольно точныя свѣдѣнія и о революціи 1648 г., и о переяславскомъ договорѣ...

Отрывки изъ старыхъ англійскихъ газетъ приводились уже въ украинской прессѣ г. Степанковскимъ [1]). Въ виду того интереса, который они представляютъ, а также въ виду того, что русская публика, навѣрное, съ ними совсѣмъ не ознакомлена, я позволю себѣ привести нѣкоторые изъ нихъ, о которыхъ упоминаетъ въ своей статьѣ „*Marlborough and a Crown*“ г. Раффаловичъ („*Commentator*“, II/12, 1913).

При чтеніи этихъ отрывковъ невольно поддаешься оригинальному ощущенію, близкому къ ощущенію, которое испытывали бы наши отдаленные потомки, увидѣвшіе вдругъ въ кинематографѣ событія, происходившія 250 или 300 лѣтъ назадъ.

Вотъ одинъ изъ отрывковъ:

„*Mercurius Politicus*“, july 3-го 1651 г.

Изъ Штетина въ Помераніи. „Пишутъ, что князь Радзивилъ Литовскій вторгнулся въ край казаковъ, называемый Украиной, и взялъ ихъ главный городъ Кіевъ“.

II—18/XII 1651—„Штетинъ 11/XII. Миръ между поляками и казаками заключенъ. Казаки должны возвратить всѣ занятые ими города; возставшіе крестьяне должны вернуться въ подданство своихъ пановъ (Lords) и казаки должны послать своихъ делегатовъ къ его величеству на сеймъ съ изъявленіемъ благодарности за полученное прощеніе... Для выраженія своей радости по этому поводу въ большихъ городахъ стрѣляли изъ пушекъ“. Та же газета въ номерѣ отъ 16—23 марта 1654 сообщаетъ „послѣднюю новость“ изъ Польши, которой суждено было вычеркнуть Украину изъ памяти цивилизованнаго міра и изъ карты Европы. Газета доноситъ изъ Данцига, что „казаки заключили договоръ съ московитами (Moscovites) и присягнули имъ на вѣрность“...

Большая часть другихъ статей „друзей Украины“ посвящена не прошлому, а настоящему положенію нашего народа. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе статьи того же Раффаловича и извѣстнаго англійскаго музыкальнаго критика Бартлета. Со свойственною англичанамъ обстоятельностью они, считаясь съ совершенною неосвѣдомленностью въ этомъ вопросѣ своихъ читателей, начинаютъ почти всегда ab ovo всѣ свои статьи объ Украинѣ.

„*Daily Citizen*“ въ статьѣ „*Nation of 30.000.000*“ (13/V'13)

[1]) См. объ этомъ также брошюру С. Подолянин. „Українець за кордономъ і мандрівка в минуле“.

пишетъ: „Въ XI вѣкѣ русскіе начали дѣлиться на три племени; мало-по-малу различіе между ними начало усиливаться такъ, что въ настоящее время велико и малороссы говорятъ въ полномъ смыслѣ этого слова разными языками. Различіе между ними нельзя отождествлять съ различіемъ между ланкаширцами и коренными англичанами, скорѣе—между англичанами и голландцами". Вмѣстѣ съ вопросомъ о происхожденіи украинской націи и ея политическаго значенія (о чемъ позже) наиболѣе занимаетъ англичанъ духовный обликъ новооткрытаго народа. Оригинальный характеръ украинской націи,—странная смѣсь необузданнаго темперамента и меланхоліи, такъ ярко отражающаяся въ нашей народной пѣснѣ,—привлекаетъ особенное вниманіе англійской публики. „Нисколько не преувеличивая,—читаемъ въ „*New Age*" (10/IV'13),—можно сказать, что ни одинъ край въ Европѣ, не исключая Венгріи и Ирландіи, не обладаетъ такимъ удивительнымъ богатствомъ народной музыки... (какъ Украина)... Ея пѣсни полны меланхоліи, но не горести, онѣ свѣжи и печальны, подобно гаснущему осеннему дню". Бартлетъ слышитъ въ украинской пѣснѣ недопѣтую трагедію великаго, раздавленнаго колесомъ исторіи народа. „Поэтическая натура украинца,—пишетъ этотъ авторъ,—ища утѣшенія въ своей скорби, обратилась къ своимъ пѣснямъ". Останавливаясь на украинскихъ думахъ и кобзаряхъ, Бартлетъ оканчиваетъ свою статью: „Въ настоящее время кобзари почти исчезли, но народъ не забылъ ихъ пѣсни. Вѣчно будутъ онѣ напоминать украинцамъ, что и они были когда-то свободной націей" („*The Musical Standard*", 30/VIII'13).

Всѣ статьи, посвященныя украинскому вопросу, появившіяся въ послѣднее время въ Англіи, склонны скорѣе переоцѣнивать, чѣмъ не дооцѣнивать значеніе этого вопроса. „Украина,—пишетъ одинъ журналистъ,—была когда-то однимъ изъ самыхъ большихъ государствъ въ Европѣ... Ея народъ населяетъ богатѣйшую и плодороднѣйшую землю на континентѣ, онъ держитъ ключъ отъ Чернаго моря, и возможно, что въ недалекомъ будущемъ ему суждено сдѣлаться могущественнымъ факторомъ въ исторіи Европы"... („*Saturday Review*", 4/VIII'12). Эта запутанная украинская проблема,—читаемъ въ „*Times*'ѣ,—одна изъ двухъ или трехъ въ Европѣ, которыя послѣ ликвидаціи восточнаго вопроса станутъ въ ближайшемъ будущемъ осью международной политики" („*Times*", 24/XII'12). „*Commentator*" считаетъ, что „XX столѣтіе опять введетъ Украи-

ну въ число европейскихъ націй" (*Commentator*, II, 1913). Въ возможность національной смерти Украины англійская пресса не вѣритъ. „Населеніе Англіи, Японіи и Украины,—читаемъ въ одномъ еженедѣльникѣ,—почти равны другъ другу. Уже этотъ одинъ фактъ свидѣтельствуетъ о громадномъ значеніи украинскаго вопроса. Эту колоссальную массу русскіе такъ же мало въ состояніи ассимилировать, какъ Англія Ирландію, а Ирландія Эльстеръ" („*New Age*", 10/IV'13). По мнѣнію той же газеты, украинскій вопросъ въ недалекомъ будущемъ будетъ предметомъ „усиленнаго вниманія всѣхъ европейскихъ кабинетовъ".

Послѣднія событія въ Галиціи и ихъ выходящее за предѣлы края значеніе нашли правильную оцѣнку въ лондонской прессѣ. Одна изъ лондонскихъ газетъ пишетъ въ статьѣ „*Ukrainian Complications*": „Фантомъ 30-милліоннаго народа, пробуждающагося къ сознательной національной жизни и громко требующаго національной автономіи, стоилъ правительству многихъ безпокойныхъ ночей... Императорское посланіе Франца-Іосифа своимъ украинскимъ подданнымъ (рѣчь идетъ объ императорскомъ письмѣ къ Укр. клубу въ Вѣнѣ въ іюнѣ прошл. года), навѣрное, не улучшитъ отношенія между Россіей и Австріей, и возможно, что Украинѣ предназначено въ ближайшемъ будущемъ играть значительную роль въ европейской политикѣ". Почти то же самое читаемъ въ „*Outlorn*", въ статьѣ „*The Problem of the Ukraine*": „Этотъ вопросъ (украинскій) гораздо важнѣе, чѣмъ балканскій, какъ вслѣдствіе громаднаго числа украинскаго населенія, такъ и съ точки зрѣнія его вліянія на международную политику" („*Outlorn*", 31/V'13).

Насколько великолѣпно ознакомлена англійская пресса съ украинскими дѣлами, показываетъ жалкое фіаско агитаціи, предпринятой въ Англіи графомъ Бобринскимъ. Такъ, полемизируя съ графомъ и его англійскими друзьями, „*New Age*" (10/IV'13) замѣчаетъ, что со своими теоріями о „единствѣ русскаго народа" уважаемый графъ попадаетъ въ конфликтъ и съ Имп. академіей наукъ и съ европейскими авторитетами въ области этнологіи и филологіи и, наконецъ, съ самимъ Столыпинымъ, назвавшимъ украинцевъ инородцами. Вообще гр. Бобринскій достигъ своей агитаціей въ Англіи совершенно неожиданныхъ, врядъ ли желаемыхъ имъ, результатовъ.

Одна газета въ статьѣ „*Russifiers and spies*" называетъ

агитацію графа „разсчитаннымъ на обманъ маневромъ, стремящимся затушевать ту разрушительную работу, которую ведутъ въ Галиціи графъ Бобринскій и поддерживающіе его круги".

Авторъ статьи отлично оріентируется въ истинныхъ причинахъ горячей любви русскихъ націоналистовъ къ „подъяремнымъ братьямъ", выясняя попутно своимъ читателямъ, что „украинская нація во всѣхъ отношеніяхъ отличается отъ русскихъ, имѣя свои собственныя политическія традиціи и стремленія, свои обычаи, языкъ и культуру... Украинцы въ Галиціи не имѣютъ ни малѣйшаго желанія стать русскими и православными. Они были бы совершенно счастливы, если бы русское правительство дало ихъ братьямъ въ Россіи хотя бы небольшую частицу тѣхъ правъ, которыми они пользуются въ Галиціи".

Единственною цѣлью православной агитаціи Бобринскаго было, по словамъ автора статьи, сдѣлать изъ нѣсколькихъ сотенъ платныхъ шпіоновъ въ Галиціи страдальцевъ и мучениковъ за идею. Что предпріятіе сіятельнаго графа не удалось, этимъ мы обязаны прежде всего энергичной дѣятельности „друзей Украины", сумѣвшимъ представить англійской читающей публикѣ русско-украинскія отношенія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. „Вмѣсто того, чтобы доказать,—читаемъ въ другой статьѣ,—что галицкіе украинцы въ дѣйствительности русскіе, желающіе стать русскими подданными, гр. Бобринскій достигъ лишь того, что его „преслѣдуемые православные русскіе въ Галиціи" стали извѣстны въ качествѣ платныхъ шпіоновъ. Подобно цитированнымъ мною въ „Укр. Жизни" англійскимъ и нѣмецкимъ авторамъ (Смитъ, Уотсонъ, Самасса и др.), такъ же точно и англійская пресса видитъ въ украинцахъ естественную преграду панславизма. Авторъ статьи „From Scutari to Pekin" въ „*Outlorn*" обращаетъ вниманіе своихъ читателей, слѣпо вѣрящихъ въ панславистскій призракъ, на двѣ націи, насчитывающія вмѣстѣ около 60 милліоновъ душъ (украинцы и поляки), которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе освобождаются отъ вліянія панроссійскихъ идей и плановъ. Эти свои замѣчанія газета приводитъ далѣе въ связь съ вопросами англійской международной политики, остро осуждая ту систему союзовъ, которой придерживается теперь Англія („*Outlorn*", II/X'13). Авторъ другой статьи („*The „Sittle Russian" movement*") точно такъ же видитъ въ быстро развивающемся украинскомъ движеніи „серьезную опасность для панславистскихъ фантазій"·

Въ одной изъ самыхъ послѣднихъ статей—„*The future of The Ukraine*“—г. Раффаловичъ знакомитъ читателей „*New Age*“ (23/X'13 г.) съ законопроектомъ еп. Никона. Инициативу еп. Никона авторъ считаетъ наилучшимъ отвѣтомъ всякимъ гг. Бирбекамъ и прочимъ друзьямъ гр. Бобринскаго въ Англіи, стремившимся представить украинское движеніе чѣмъ-то искусственнымъ и незаслуживающимъ серьезнаго вниманія, продуктомъ іезуитской интриги. „Не хочу себя сравнивать съ еп. Никономъ,—пишетъ авторъ,—но и меня, и еп. Никона, при какомъ угодно напряженіи фантазіи, трудно разсматривать какъ орудіе іезуитовъ“. Авторъ сомнѣвается въ успѣхѣ дѣла, задуманнаго еп. Никономъ, такъ же точно, какъ и относительно „мазепинцевъ“ придерживается нѣсколько иного взгляда, однако считаетъ уступки украинцамъ вещью необходимою въ интересахъ самой же Россіи и ея будущаго.

Я сдѣлалъ лишь бѣглый обзоръ статей объ Украинѣ въ англійской прессѣ. Мнѣ хотѣлось лишь познакомить читателей съ общими взглядами англичанъ на украинскій вопросъ и націю. Масса статей, трактующихъ объ исторіи Украины, ея этнографіи, географическомъ положеніи, музыкѣ и пѣснѣ, написанныхъ обстоятельно и съ полнымъ знаніемъ предмета, я оставилъ въ сторонѣ. Всего лишь два или три года какъ украинскій вопросъ проникъ на страницы лондонской прессы. Всего лишь полгода прошло отъ основанія Украинскаго Комитета, а работа „друзей Украины“ уже можетъ похвалиться значительными результатами. Разъ разбуженный интересъ къ новому вопросу не угаснетъ. Изъ-за газетныхъ замѣтокъ, отдѣльныхъ статей, телеграммъ передъ англійскимъ читателемъ встаетъ сложная сѣть національныхъ отношеній восточной Европы, вырисовываются—пока еще въ неясныхъ очертаніяхъ—контуры поражающей своей широтою проблемы. Приведенные отрывки показываютъ, что геній британской расы, навѣрно, сумѣетъ разобраться въ новомъ вопросѣ, а симпатіи великаго свободнаго народа, которыя всегда были на сторонѣ народовъ угнетенныхъ, навѣрное, сослужатъ еще не одну службу нашей забытой исторіей націи

Дм. Донцовъ.

Какъ я сталъ членомъ „Громады".

Мнѣ очень пріятно отозваться на любезное предложеніе редакціи „Украинской Жизни"—возобновить въ моей памяти ту обстановку, при какой я вступилъ членомъ въ кіевскую „Громаду", которая позже, съ появленіемъ многихъ другихъ „громадъ", организовавшихся по ея образцу, стала называться „Старою громадою".

Мнѣ, какъ великороссу по происхожденію и воспитанію, ставшему впослѣдствіи „украинофиломъ", легче всего отвѣтить на вопросъ, поставленный мнѣ редакціею и обозначенный въ заголовкѣ настоящаго письма. Мнѣ при этихъ воспоминаніяхъ, думаю, позволено будетъ начать не съ 70-хъ или 60-хъ годовъ, а даже съ 50-хъ: на переломѣ этого десятилѣтія, когда, по выраженію Некрасова, „съ пятьдесятъ прорвало этакъ съ пятаго", было то же, что мы пережили недавно—въ девятьсотъ пятомъ году.

Когда военный мундиръ осрамилъ себя подъ Севастополемъ, люди въ штатскихъ платьяхъ стали занимать первое мѣсто въ обществѣ; книжки о Суворовѣ, о войнѣ 12-го года на темы „громъ побѣды раздавайся!" уступили мѣсто книгамъ гражданскимъ и притомъ съ содержаніемъ о мужикѣ, который раньше трактовался только какъ поставщикъ рекрутовъ. Хотя отецъ мой былъ военнымъ врачемъ при кіевскомъ госпиталѣ, но въ гостяхъ у него кромѣ военныхъ бывали и штатскіе люди—его частные паціенты. Разговоры, какіе они вели за чаемъ или карточнымъ столомъ, доходили до ушей дѣтскихъ, по-своему понимаемые, и въ сознаніи моемъ преломлялись по-своему.

Отецъ мой былъ костромичъ; мать его, моя бабушка, пѣвала намъ, забавляя насъ, пѣсни костромскія; а студенты, которые жили у насъ въ качествѣ учителей нашихъ, пѣли какія-то другія пѣсни. И не мудрено: фамиліи ихъ, какъ припоминаю, были: Перемѣжко, Соломка, тогда какъ военныхъ врачей, товарищей моего отца, и дѣтей ихъ, моихъ товарищей, звали: Черкуновъ, Чернобаевъ и т. п. Мое дѣт-

ское ухо различало уже, что тѣ и другія фамиліи—двухъ разныхъ порядковъ или классовъ. Когда учитель заставилъ меня учить стихи:

„Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ"...

мнѣ казалось, что онъ ошибается, выговаривая эти слова на „своемъ" языкѣ, а что нужно читать и заучивать: „посадилъ, преобразилъ"... Я увѣрялъ его, что это не по-русски, а онъ противъ всякой видимости для меня утверждалъ, что и „посадилъ" и „посадивъ"—по-русски и что когда я больше буду учиться, то узнаю, что и русское „посадивъ" значитъ почти то же, что и „посадилъ".

Возражать учителю не приходилось. Но такъ какъ я уже въ отсутствіе учителя на его столѣ въ его комнатѣ нашелъ и прочелъ написанное имъ про себя стихотвореніе, гдѣ были не русскія слова—„сивъ та й зажурывся", то и я, выучивши заданное стихотвореніе, въ угоду учителю выговаривалъ эти слова: „посадывъ, сэбэ въ коня преобразывъ".

Но откуда у меня могли взяться лингвистическія знанія, что есть два разныхъ языка: одинъ — на которомъ нужно учить стихотворенія и басни, а другой—на которомъ учитель пишетъ стихи, а мой отецъ тоже подъ аккомпаниментъ гитары поетъ „Хлопче, молодче!" Я отличалъ уже тотъ языкъ, на которомъ мой отецъ записалъ однажды слѣдующее реченіе или поговорку и потомъ читалъ гостямъ, какъ образецъ неопредѣленности и многозначительности: „Як би міні сеє, або теє, або-що, або аби-що, та нехай міні Бо-зна-що, а не то-що! От що!" Почему для меня тогда уже было ясно, что есть разные языки: одинъ—на которомъ писаны учебные басни и стихи, другой—на которомъ говорятъ въ кухнѣ, и, наконецъ, третій—на которомъ мнѣ задавали учить молитвы?

Для отвѣта на этотъ вопросъ нужно знать, что такое былъ тогдашній Кіевъ? Это былъ городъ не съ полумилліоннымъ населеніемъ и 6—7-этажными домами, какъ теперь, а городокъ, какъ значилось въ географіи Ободовскаго, съ 47-ю тысячами жителей, размѣщенными широко на тѣхъ же горахъ, на какихъ и нынѣ расположены центральныя части города. Дома были въ одинъ, много въ два этажа, въ три или пять окошекъ на фронтъ; при нихъ были сады и огороды, иные по нѣсколько десятинъ величи-

ною. Дворъ съ садомъ, который нанималъ мой отецъ у одного сельскаго священника, простирался отъ нынѣшней Рогнѣдинской и Прозоровской улицъ до военнаго госпиталя; садъ фруктовый и сосновый и березовый лѣсокъ, принадлежавшіе къ этому двору, лежали по одну сторону оврага, по другую сторону котораго помѣщался „шелковичный садъ“ (гдѣ нынѣ Александровская больница и женскій медицинскій институтъ). Съ другой стороны двора и сада, занимаемаго нашею семьею, шла не то улица, не то сельская немощеная широкая дорога, которая вела отъ города къ госпиталю; по другой сторонѣ этой дороги на горѣ, гдѣ теперь главное зданіе всероссійской выставки 1913 года, стоялъ пивоваренный заводъ тогдашней постройки, крытый дранью, а по нашей сторонѣ вплоть до госпиталя располагались хатки такъ-называвшейся тогда „Бульонки“. Эти сельскія хатки въ два окошка, крытыя соломою, назывались такъ потому, что жители этой деревушки пользовались бульономъ, который варили въ госпиталѣ для больныхъ. Позже, когда померъ мой отецъ и понадобилось укрѣпить „сѣверную полубашню“, находящуюся у госпиталя, въ виду предстоявшей севастопольской войны, всѣ эти хатки и сады были срыты и уничтожены, а жители ихъ переселены къ Байковому кладбищу, гдѣ и по настоящее время улица называется Бульонскою, въ воспоминаніе о бывшей когда-то Бульонкѣ.

На Бульонкѣ обыватели говорили не книжнымъ и не славянскимъ языкомъ, а языкомъ крѣпостныхъ,—тѣмъ языкомъ, какой намъ возбранялся, какъ дѣтямъ болѣе или менѣе дворянскимъ, но какой употреблялся и въ стихотвореніяхъ учителя, писанныхъ имъ для себя только, и въ той театральной пьесѣ, подъ заглавіемъ „Шельменко“, какую мнѣ первою пришлось увидѣть; ее разыгрывали кантонисты-фельдшера въ госпиталѣ, и вся наша семья была на этомъ представленіи.

Все это я разсказываю для того, чтобы читателямъ „Украинской Жизни“ стало ясно, почему меня впослѣдствіи, въ юношескомъ и дальнѣйшемъ возрастѣ, потянуло къ людямъ, заговорившимъ послѣ 61 года на презрѣнномъ языкѣ крѣпостныхъ. Какъ ни презирался въ гостиныхъ этотъ языкъ, но если мимо нашего двора проходилъ лирникъ или бандуристъ, его зазывали во дворъ, чтобы накормить борщомъ или супомъ, и онъ для кучера, кухарки и горничной

распѣвалъ про „Біду“ или „Яремy та Хому“, а намъ, дѣтямъ, по вольности дворянства дозволялось прослушать эти рапсодіи на непринятомъ въ гостиныхъ языкѣ.

Съ другой стороны, воспоминанія про эти впечатлѣнія изъ періода 50-хъ годовъ я привожу для того, чтобы констатировать еще одно обстоятельство, которое для меня уяснилось гораздо позже,—когда стали печатать документы о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ. Тогда лишь для меня стало ясно, почему въ концѣ 50-хъ годовъ, когда поднялись рѣчи о такъ-называвшемся тогда „младшемъ братѣ“, такъ много говорили въ Кіевѣ объ одномъ изъ представителей этихъ младшихъ братьевъ, Шевченкѣ, и неудачномъ сватаньи Костомарова. Про перваго моя мать, родомъ съ Кавказа и, казалось бы, посторонняя для кіевской жизни, разсказывала намъ, какъ Шевченко, такой же крѣпостной, какъ и бывшій нашъ кучеръ Трохимъ, написалъ нѣчто такое, что имѣло общегосударственное значеніе, за что и былъ сосланъ; а про Алину Леонтьевну Крагельскую и ея жениха Костомарова она также часто передавала, можетъ-быть, фантастическій разсказъ, что женихъ этотъ арестованъ былъ въ тотъ моментъ, когда передъ зеркаломъ надѣвалъ бѣлый галстухъ, чтобы отправиться въ церковь на вѣнчанье. Если такіе разсказы она слышала во второй половинѣ 50-хъ годовъ, когда по смерти отца мы жили уже въ крайней бѣдности и къ намъ уже не приходили ни такіе писатели, какъ Аскоченскій, бывавшій раньше у насъ какъ паціентъ моего отца, ни вообще какіе-либо посторонніе люди, у которыхъ ей приходилось бывать, то это показывало, что идеи Кирилло-Меѳодіевскаго братства и въ періодъ реакціи послѣ 1848 года были живы въ Кіевѣ вплоть до времени эмансипаціи тѣлъ крѣпостныхъ и рѣчей дворянъ и чиновниковъ, единственныхъ представителей тогдашней интеллигенціи. И въ то же время, когда мнѣ дѣтскимъ умомъ приходилось Тараса Шевченка сопоставлять съ приравниваемымъ ему Трохимомъ, этотъ Трохимъ пришелъ къ намъ въ нашу убогую квартирку изъ двухъ маленькихъ комнатъ вспоминать о прежнемъ довольствѣ, когда онъ служилъ у насъ кучеромъ. Теперь онъ былъ уже денщикомъ у какого-то Кутцендорфа, который за какую-то провинность по укладкѣ пиленыхъ дровъ такъ прибилъ его полѣномъ, что онъ лежалъ безъ памяти четыре дня и едва отошелъ. Разсказывалъ онъ объ этомъ несчастьѣ

своемъ на томъ языкѣ, который черезъ нѣсколько лѣтъ появился въ печати въ изданіи „Кобзаря“ Семиренка, а затѣмъ Кожанчикова; это поселило въ моей головѣ понятіе, что бьютъ жестоко только украинцевъ. Когда я уже былъ въ старшихъ классахъ гимназіи, мой товарищъ по классу Новицкій написалъ на томъ же языкѣ избиваемыхъ „Де-що про світ Божій“,—первую ласточку, которая не сдѣлала весны для украинской популярной литературы вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ гоненій на эту литературу 1863 и 1876 годовъ. Возможность давать духовную пищу младшимъ братьямъ мнѣ понравилась.

Въ этотъ періодъ, хорошо выучивши географію Европы и Россіи, я уже зналъ, какъ разселены славянскія племена и три русскія народности, присутствовалъ иногда при спорахъ студентовъ о томъ, нужна ли украинская литература и для чего; зналъ, что есть кружокъ, издающій книжки на украинскомъ языкѣ, прозванныя тогда за ихъ объемъ „метеликами“, что по этимъ книжкамъ по воскресеньямъ въ нашей гимназіи (2-й) обучаютъ читать дѣтей, говорящихъ по-украински, въ такъ-называемой воскресной школѣ, и т. п. Зналъ я и то, что выходитъ рукописный сатирическій журналъ „Помыйныця“ и его можно достать въ одномъ изъ домовъ на Кузнечной улицѣ, гдѣ была студенческая столовая и гдѣ жили нѣкоторые члены „Громады“. Одинъ нумеръ „Помыйныци“ показывалъ мнѣ въ гимназіи Новицкій, и карикатуры и стихи, помѣщенные въ немъ, мнѣ очень понравились. Новицкій при этомъ мнѣ разсказывалъ, что онъ знаетъ Панченка и Чубинскаго, которые издали, какъ члены „Громады“, его книжечку „Де-що про світ Божий“. Позже я узналъ, что Чубинскій сосланъ въ Архангельскъ за то, что былъ членомъ Громады, хотя я никакъ не могъ понять, что вреднаго находили осудившіе его на ссылку въ тѣхъ книжкахъ, распространеніе которыхъ приписывалось „громадянамъ“, т.-е. членамъ Громады. Для меня и другихъ моихъ сверстниковъ было ясно, что, напримѣръ, нашъ учитель географіи Драгомановъ, лекціи котораго по исторіи я позже слушалъ въ университетѣ, несомнѣнно принадлежитъ къ Громадѣ; но никогда, ни на лекціяхъ, ни въ частныхъ разговорахъ, онъ никакихъ революціонныхъ или сепаратистическихъ мыслей не высказывалъ, хотя всегда, исходя изъ общихъ демократическихъ принциповъ, говорилъ о необходимости развитія украинской литературы для нуждъ украинскаго народа.

Когда я былъ студентомъ, стала выходить въ Кіевѣ газета съ эпиграфомъ: „Это край—русскій, русскій, русскій!“ Смыслъ этого изреченія сначала всѣ понимали такъ, что край этотъ, для котораго издается газета (Юго-западный), —не польскій, а, слѣдовательно, украинскій, ибо поляковъ, помѣщиковъ и оффиціалистовъ, въ немъ небольшой процентъ, вѣроятно, такой же, какъ и великороссовъ, помѣщиковъ и чиновниковъ. Но впослѣдствіи оказалось, что бывшій либеральный профессоръ, читавшій публичныя лекціи о французской революціи, а послѣ издатель „Кіевлянина“ В. Я. Шульгинъ хлопочетъ о субсидіи на изданіе „Кіевлянина“ и готовъ слово русскій интрепретировать въ смыслѣ великорусскій. Громада продолжала существовать, но въ это время съ ея стороны уже нельзя было ожидать выступленія, какое сдѣлано было ею въ началѣ 60-хъ годовъ въ „Современной Лѣтописи“, представлявшей собою еженедѣльное приложеніе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Тогда громадяне смѣло говорили, что несмотря ни на какія обвиненія ихъ въ демагогіи они будутъ продолжать дѣятельность по обученію украинскаго народа на украинскомъ языкѣ; теперь же, когда съ высоты министерскаго кресла было объявлено, что малорусскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, они, по выраженію Драгоманова, должны были, не вступая въ полемику, доказывать фактами, что онъ есть.

Одинъ изъ студентовъ, Гулакъ-Артемовскій, издалъ небольшой сборникъ украинскихъ пѣсенъ съ напѣвами, какъ онъ ихъ записалъ. Драгомановъ по этому случаю мнѣ говорилъ: „Вотъ вы знаете ноты,—напишите рецензію о сборникѣ Гулака. Вѣдь были же въ Греціи философы, которые доказывали, что есть движеніе, тѣмъ, что вставали и ходили передъ противниками; такъ и намъ слѣдуетъ,—постоянно подчеркивать факты существованія языка украинскаго!“ Это было, когда я былъ еще студентомъ. А когда я, окончивъ университетъ и пробывши годъ учителемъ въ Златополѣ, вновь возвратился въ Кіевъ, тотъ же Драгомановъ предложилъ мнѣ принять участіе въ составленіи сборника украинскихъ пѣсенъ и думъ съ историческими комментаріями къ нимъ. Онъ и теперь стоялъ на томъ же утвержденіи, что изданіе такого сборника будетъ еще однимъ лишнимъ фактомъ, доказывающимъ существованіе того языка, о которомъ обрусители говорили какъ о чемъ-то не-

существующемъ. Меня просилъ Драгомановъ переписывать для печати тѣ пѣсни и думы, которыя изъ старыхъ сборниковъ онъ и Антоновичъ находили нужнымъ внести въ свой сборникъ. Я съ охотою взялся за это, тѣмъ болѣе, что мнѣ помогали мои младшіе братъ и сестра, и это-то и послужило поводомъ къ вступленію моему въ число „громадянъ".

Меня занималъ, конечно, вопросъ, на какія средства будетъ издана книга, для уменьшенія объема которой и былъ придуманъ особый способъ указанія сходныхъ строчекъ, но которая все-таки обѣщала выйти довольно объемистою.

„Если не удастся издать за счетъ какого-либо ученаго учрежденія, то издадимъ на средства „Громады",—отвѣтилъ Драгомановъ и предложилъ и мнѣ стать громадяниномъ, дѣлающимъ опредѣленный годовой взносъ и отводящимъ вечеръ каждой субботы интересамъ общаго громадскаго дѣла. Конечно, Драгомановъ мнѣ уяснилъ, что эта организація—тайная, и о ней нельзя болтать на сторонѣ, такъ какъ неосторожность можетъ повести къ преслѣдованіямъ со стороны жандармовъ и даже къ гибели самаго дѣла.

„Васъ знаютъ всѣ члены Громады,—сказалъ мнѣ Драгомановъ,—и никто изъ нихъ не сомнѣвается въ томъ, что вы нигдѣ не пророните слова о существованіи нашей организаціи, въ которую принимаютъ новыхъ членовъ только тогда, когда всѣ единогласно ручаются за нововводимаго члена. А теперь пожалуйте въ субботу вечеромъ на квартиру Лысенка, гдѣ будетъ собраніе нашей „Громады".

Такъ съ 1870 года началось мое участіе въ работахъ Громады. Работъ этихъ было много, и были онѣ очень разнообразны. Припоминая теперь все, что сдѣлано было однимъ—двумя десятками людей за первую половину 70-хъ годовъ, я изумляюсь той продуктивности, какую они осуществляли, обнаруживая недюжинные таланты. Въ этой Громадѣ были не только коренные украинцы, но и поляки, и великороссы, и евреи, которыхъ объединяло одно стремленіе—выставить на показъ тѣ идейныя цѣнности, какія накопило мѣстное украинское населеніе. Изданіе сказокъ и чумацкихъ пѣсенъ, собранныхъ Рудченкомъ, мелодій пѣ-

сенъ, записанныхъ и аранжированныхъ Лысенкомъ, какъ продолженіе изданія тѣхъ пословицъ, какія собраны были Номисомъ и изданы раньше, организація Юго-западнаго Отдѣла Географическаго Общества, а при его помощи—однодневной переписи города Кіева, постановка на сценѣ оперы „Різдвяна ніч“, текстъ которой составлялъ одинъ членъ Громады, а музыку писалъ другой, изданіе трудовъ Отдѣла Географическаго Общества,—эти и многіе другіе публично-общественные акты обсуждались сначала на тайныхъ собраніяхъ тѣснаго кружка членовъ Громады, а затѣмъ уже выходили на свѣтъ Божій. Одинъ изъ галичанъ, пріѣхавшій въ Кіевъ, потому что прослышалъ объ интенсивной дѣятельности Громады, былъ приглашенъ на ея засѣданіе, но съ тѣми оговорками, что онъ нигдѣ никогда не будетъ разсказывать о томъ, что видѣлъ и слышалъ, сравнивалъ собравшихся съ христіанами первыхъ вѣковъ, прятавшихся въ катакомбахъ; а между тѣмъ въ этихъ катакомбахъ позже обсуждались такіе вопросы, какъ помочь возставшимъ противъ Турціи герцоговинамъ. Разсказъ объ этомъ участіи подробно изложенъ предводителемъ украинскаго военнаго отряда Яновскимъ въ „Літературно-Науковому Вістнику“, и я могу туда отослать интересующихся этимъ выступленіемъ Громады, прибавивъ, что еще одинъ отдѣльный отрядъ добровольцевъ подъ предводительствомъ моего брата, капитана, помогалъ Пеко Павловичу.

При этомъ воспоминаніи мнѣ приходитъ на память разсказъ одного изъ болѣе младшихъ членовъ Громады, принятаго въ это время въ ея среду. „Меня больше всего поразило,—разсказывалъ онъ мнѣ впослѣдствіи,—то обстоятельство, что на первомъ засѣданіи Громады, на которомъ я присутствовалъ, рѣчь шла о сборѣ денегъ на снаряженіе отрядовъ въ Герцоговину,—и извѣстные мнѣ раньше люди, которыхъ я не считалъ богачами, не стѣснялись записывать сотни и тысячи рублей на это дѣло!“

Объ участіи Громады въ изданіи „Кіевскаго Телеграфа“ довольно разсказано г-номъ А. Хатченкомъ въ № 7—8 „Украинской Жизни“ за настоящій годъ [1]); объ изданіи Громадою „Кобзаря“ Шевченка въ 2-хъ томахъ въ Прагѣ было разсказано мною въ „Кіевской Старинѣ“; о другихъ ея дѣйствіяхъ и выступленіяхъ по изданію „Кіевской Старины“, составленію словаря украинскаго языка, получившаго по-

[1]) Статья „Памяти Юрія Юрьевича Цвѣтковскаго“.

ловинную премію Костомарова отъ академіи наукъ, по изданію заграничныхъ журналовъ Драгомановымъ и т. п. пусть разскажутъ другіе, болѣе поздніе члены Громады, такъ какъ я съ 1876 года уже не жилъ въ Кіевѣ, а проводилъ жизнь въ разъѣздахъ по Черниговской, затѣмъ Херсонской губ., а потомъ, живши въ Харьковской, Черниговской и Полтавской губерніяхъ и въ Петербургѣ, отсталъ отъ тяжелыхъ перипетій кіевской жизни.

Время первой половины 70-хъ годовъ осталось для меня самымъ свѣтлымъ періодомъ моей жизни именно потому, что я участвовалъ въ жизни кіевской Громады. Все ей въ то время удавалось и вело къ желаннымъ результатамъ: надумалась Громада издать „Кобзаря“ Шевченка, посылаетъ меня къ его братьямъ Мыкытѣ и Осипу; я ѣду, привожу въ Кіевъ старшаго, заключается договоръ и совершается купчая крѣпость; записываю я думы и пѣсни Вересая,—и онѣ появляются въ печати; отправляетъ меня Громада въ Прагу печатать „Кобзаря“,—я ѣду и не только печатаю его съ воспоминаніями Костомарова, Тургенева, Полонскаго и Микѣшина, но даже исхлопатываю для Громады право перевоза перваго тома въ Россію.

Не тотъ результатъ имѣли всѣ подобныя начинанія позже. Собирается въ Елисаветградѣ кружокъ одномышленниковъ и желаетъ издать какую-то невинную книжку на украинскомъ языкѣ,—кончается обысками, арестами ихъ (въ томъ числѣ и меня) неизвѣстно по какому преступленію; выписываемъ въ Харьковѣ заграничныя украинскія изданія,—опять насъ арестуютъ; говорю я въ Полтавѣ статистикамъ, что для лучшаго обезпеченія вѣрности собираемыхъ свѣдѣній нужно задавать вопросы на языкѣ опрашиваемыхъ, т.-е. украинскомъ,—и опять обыскъ и арестъ съ нелѣпымъ обвиненіемъ, что я составилъ какую-то революціонную партію, стремящуюся расторгнуть границы Россійской имперіи, или дословно: „посягающую на цѣлость имперіи“!! При этомъ допрашивающіе жандармы больше всего изумляются тому, что я—великороссъ, а въ захваченной ими моей перепискѣ больше всего встрѣчается разговоровъ о малорусской литературѣ, украинскомъ театрѣ. популярныхъ брошюрахъ и т. п. Они пожимаютъ плечами и никакъ не могутъ взять въ толкъ того, что, живя въ Полтавской или Херсонской губерніи, какого бы происхожденія кто бы ни былъ, разъ онъ не состоитъ въ ихъ чинахъ,

онъ сдѣлается украинцемъ, если не пожелаетъ отдѣлять себя отъ окружающаго, кормящаго его, населенія.

Такія мысли чужды головамъ, сроднившимся съ централистическимъ строемъ; мнѣ же съ дѣтства и юности непонятны были централизаторскія стремленія и вожделѣнія, и когда на старости лѣтъ въ первой Государственной Думѣ я увидѣлъ группу болѣе чѣмъ въ 150 душъ автономистовъ-федералистовъ, мнѣ казалось, что теперь начнется безпрепятственное развитіе тѣхъ идей, какія народились въ Кіевѣ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія и не замирали тутъ ни на малѣйшій срокъ. Мнѣ казалось, что идеи эти затмятъ голоса ретроградовъ и будутъ привлекать къ себѣ все большее число сателитовъ не только изъ среды украинцевъ, но и изъ среды другихъ инородцевъ. На дѣлѣ же вышло, что Родзянки, Савенки, Скоропадскіе, Струве, Пихны и многіе другіе, выступающіе теперь на аренѣ политической жизни Россіи въ той или иной роли, идеаломъ своимъ имѣютъ тѣ формы централистическаго объединенія разнообразныхъ частей нашего государства, какія процвѣтали до 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Если „Украинская Жизнь“ будетъ и далѣе опрашивать стариковъ, представителей разныхъ громадъ, существовавшихъ во второй половинѣ XIX вѣка, причемъ цензурныя препятствія для печатанія такихъ воспоминаній не усилятся, то, мнѣ кажется, совершенно ясно станетъ, что идеалъ того автономно-федеративнаго политическаго строя, какой былъ формулированъ Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ, никогда не забывался на Украинѣ.

А. Русовъ.

По поводу воспоминаній Б. С. Познанскаго.

Воспоминанія Б. С. Познанскаго, напечатанныя въ „Украинской Жизни“, кн. 1—5 за текущій годъ, и выпущенныя теперь отдѣльнымъ изданіемъ, естественно, обратили на себя особое вниманіе. Они хоть немного заполняютъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ о прошломъ украинскомъ движеніи, который остро ощущается благодаря почти полному отсутствію мемуарной литературы. Вспомнимъ хотя бы, что до сихъ поръ не появилось воспоминаній ни одного изъ членовъ кружка, группировавшагося около перваго малорусскаго журнала—петербургской „Основы“. Повидимому, такихъ воспоминаній совсѣмъ и не осталось, и мы навсегда будемъ лишены возможности узнать, какъ объ интимной жизни этого кружка, такъ и о закулисныхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось тогда работать участникамъ украинскаго движенія. Другого очага украинскаго движенія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, именно украинскихъ студенческихъ кружковъ въ кіевскомъ университетѣ касаются воспоминанія Б. С. Познанскаго. Какъ ни велика цѣнность тѣхъ свѣдѣній, которыя въ нихъ сообщаются, нельзя не отмѣтить, что ихъ не достаточно хотя бы потому, что одинъ человѣкъ не могъ быть ни участникомъ, ни свидѣтелемъ, ни даже просто знать обо всемъ, что тогда происходило среди кіевской студенческой молодежи, доходившей путемъ сложныхъ, а подчасъ и тяжелыхъ душевныхъ переживаній до сознанія своей принадлежности къ украинскому народу и своей обязанности посвятить жизнь и дѣятельность на пользу этому народу. Къ этому надо присоединить, что эта молодежь слагалась изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ по національнымъ и культурнымъ особенностямъ той общественной среды, изъ которой она вышла. Тутъ были и поляки, и великороссы, и малороссы;

послѣдніе происходили какъ изъ правобережной, такъ и изъ лѣвобережной Украины, они вышли и изъ нетронутыхъ еще обрусеніемъ крестьянскихъ и священническихъ семей и изъ полуобрусѣлыхъ семей мелкопомѣстныхъ и крупнопомѣстныхъ дворянъ Полтавской и Черниговской губерній. О жизни тѣхъ кружковъ этой молодежи, которые слагались изъ малороссовъ по происхожденію, мы пока, къ сожалѣнію, не имѣемъ еще никакихъ воспоминаній. Б. С. Познанскій въ своихъ воспоминаніяхъ повѣствуетъ только о той части кіевской студенческой молодежи, начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, которая вышла изъ польскихъ или совершенно ополяченныхъ шляхетскихъ семей. Онъ самъ принадлежалъ къ ней, хотя и вышелъ изъ семьи смѣшаннаго происхожденія.

Разсказывая о томъ, какъ нѣкоторые кружки этой польской молодежи пришли къ опредѣленно демократическимъ убѣжденіямъ, онъ останавливается также и на пробужденіи у отдѣльныхъ членовъ этихъ кружковъ сознанія того, что, живя среди украинскаго народа и будучи демократами, они должны стать украинцами. Къ величайшему сожалѣнію, воспоминанія Б. С. Познанскаго обрываются на самомъ интересномъ мѣстѣ. Поэтому осталась недосказанной его мысль о томъ, что именно польское возстаніе 1863 года помѣшало бо́льшему числу лицъ изъ этой демократически настроенной польской молодежи примкнуть къ украинству. А чрезвычайно интересно было бы узнать болѣе подробно детальныя обстоятельства и событія, которыя привели къ тому, что только три человѣка изъ этой польской демократической молодежи—самъ Б. С. Познанскій, В. Б. Антоновичъ и Ѳ. Р. Рыльскій сдѣлались украинцами. Затѣмъ Б. С. Познанскій даже не коснулся того вопроса, изъ-за котораго онъ взялся за писаніе своихъ воспоминаній, а именно крайне несправедливыхъ обвиненій, выдвигаемыхъ нѣкоторыми польскими публицистами и историками, особенно Равитой-Гавронскимъ, противъ отдѣльныхъ изъ этихъ украинцевъ польскаго происхожденія. Наконецъ, онъ едва намекнулъ на обстоятельства, способствовавшія объединенію лицъ, которыя вышли изъ различной культурно-національной среды и принадлежали къ различнымъ студенческимъ кружкамъ, но одинаково, хотя и разными путями, пришли къ однимъ и тѣмъ же украинскимъ національнымъ убѣжденіямъ. Получить хоть нѣко-

торыя свѣдѣнія о томъ, какъ произшло это объединеніе, было бы тѣмъ болѣе интересно, что именно этимъ путемъ возникла кіевская „Громада“.

Но если воспоминанія покойнаго Б. С. Познанскаго остались не законченными, и мы не находимъ въ нихъ свѣдѣній по отмѣченнымъ нами чрезвычайно важнымъ вопросамъ, то пока мы еще не должны отчаиваться получить ихъ. Къ счастью, еще живы другіе свидѣтели тѣхъ же событій. Редакція „Украинской Жизни“ уже получила нѣкоторыя обѣщанія относительно дополнительныхъ сообщеній къ воспоминаніямъ Б. С. Познанскаго и независимо отъ этого она употребитъ усилія, чтобы добыть и другіе мемуары, касающіеся той же и непосредственно за ней слѣдующей эпохи.

Мы въ своей замѣткѣ хотѣли бы освѣтить одинъ частный и второстепенный вопросъ, касающійся воспоминаній Б. С. Познанскаго, который однако можетъ пролить хоть немного свѣта на отношенія между отдѣльными лицами, игравшими роль въ украинскомъ движеніи интересующей насъ эпохи. Б. С. Познанскій придалъ своимъ воспоминаніямъ форму письма съ обращеніемъ къ „дорогому другу“. Въ предисловіи къ этимъ воспоминаніямъ дочь Б. С. Познанскаго А. Б. Познанская высказываетъ предположеніе, что обращеніе это относится къ В. Б. Антоновичу и что самое письмо должно было быть адресовано ему. Однако, ошибочность этого предположенія ясна изъ того обстоятельства, что въ самомъ текстѣ вспоминаній Б. С. Познанскаго В. Б. Антоновичъ называется вездѣ въ третьемъ лицѣ. Съ своей стороны редакція „Украинской Жизни“ указала на возможность другого объясненія внѣшней формы интересующихъ насъ воспоминаній, именно, что „форму письма авторъ придалъ своимъ воспоминаніямъ просто въ интересахъ изложенія, не имѣя въ виду опредѣленнаго адресата“. Но послѣ болѣе тщательнаго размышленія приходится отказаться и отъ этого предположенія, такъ какъ не въ обычаѣ людей шестидесятыхъ годовъ было употреблять чисто риторическія формы; къ тому же анализъ нѣкоторыхъ мѣстъ этихъ воспоминаній заставилъ насъ придти къ заключенію, что ихъ обращенія къ другу, придающія имъ форму письма, относятся къ Вильяму Людвиговичу Беренштаму. Больше всего на эту мысль насъ навелъ одинъ отрывокъ въ этихъ воспоминаніяхъ, напеча-

танный въ книгѣ III „Украинской Жизни“ за 1913 г. (стр. 21. Отдѣльное изд. стр. 45). Въ интересующемъ насъ мѣстѣ авторъ воспоминаній пишетъ: „Припомянутое здѣсь записываю потому, что имѣлъ возможность возобновить въ памяти моей кое-что изъ былого по моимъ разговорамъ объ этомъ у Ѳедора Панченка въ 1884 году. Мы цѣлой компаніей—Антоновичъ, Рыльскій и я—провели дня три у Панченка, въ его домѣ на Жандармской (нынѣ Мар.-Благовѣщенской) улицѣ, и вспоминали то хорошее прошлое, взаимно возстановляли другъ другу въ памяти. М. В. Лысенко первый, а ты, друже, слѣдомъ за нимъ бѣжали отъ насъ, напуганные затѣяннымъ кутежомъ. Ты хоть побывалъ съ нами у Мезера, гдѣ мы снялись группою, а Мыкола (т.-е. Лысенко. А. Х.) забѣжалъ ажъ на Боярку, гдѣ уже мы его нашли на его дачѣ, послѣ окончанія празднества нашего свиданія“. Если сопоставить эти слова съ фотографической группой, о которой въ нихъ говорится, то путемъ исключенія и можно узнать, кто такой „другъ“, къ которому Б. С. Познанскій обращается въ своихъ воспоминаніяхъ. Группа эта приложена къ воспоминаніямъ Б. С. Познанскаго въ пятой книгѣ „Украинской Жизни“ и къ отдѣльному изданію ихъ; она снята въ 1884 г. у кіевскаго фотографа Де Мезера. На ней сняты всѣ названныя лица кромѣ М. В. Лысенка, но съ присоединеніемъ В. Л. Беренштама. Но М. В. Лысенко и не снимался, а зато снялся „другъ“, къ которому обращается Б. С. Познанскій въ своихъ воспоминаніяхъ; слѣдовательно, этотъ „другъ“ и есть В. Л. Беренштамъ.

Чтобы провѣрить свое предположеніе, мы обратились къ В. П. Науменку, который былъ редакторомъ „Кіевской Старины“ въ послѣднія шестнадцать лѣтъ ея существованія, и онъ вполнѣ подтвердилъ нашу догадку. Вотъ что онъ намъ написалъ: „Не сомнѣваюсь ни одной минуты въ томъ, что въ воспоминаніяхъ Познанскаго обращеніе къ другу относится къ покойному Вильяму Людвиговичу, что ясно указывается строками о фотографическомъ снимкѣ. Почему именно къ Вильяму Людвиговичу, для меня вполнѣ ясно, такъ какъ Вильямъ Людвиговичъ писалъ Познанскому по просьбѣ редакціи „Кіевской Старины“. Дѣло было такъ. Чуть не въ каждомъ нашемъ редакціонномъ собраніи (а они бывали еженедѣльно въ понедѣльникъ вечеромъ у меня въ редакціи) шелъ разговоръ о

томъ, что понемногу, и все быстрѣе и быстрѣе, сходятъ въ могилу люди, бывшіе свидѣтелями той интересной поры въ Кіевѣ (конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ), когда здѣсь зарождались тѣ крупныя общественныя теченія, которыя надолго сохранили свою жизненную силу,—и, сходя въ могилу, люди эти не оставляютъ потомству своихъ воспоминаній и замѣтокъ объ этой порѣ. Разговоры эти всегда заканчивались тѣмъ, что мы рѣшали обратиться къ тому или иному лицу съ просьбой написать свои воспоминанія. Обращались къ Житецкому, тогда уже совсѣмъ больному, и онъ кое-что диктовалъ изъ своихъ воспоминаній, но не очень рельефное; обращались къ Антоновичу, который тоже немножко продиктовалъ, но опять-таки мало захватившее широкіе горизонты. Обращались къ Лазаревскому, Вашкевичу съ просьбой написать воспоминанія о времени „Основы“, чего они были свидѣтелями; но эти просьбы остались безъ отвѣта. Когда же появилась книга Равиты-Гавронскаго, мы рѣшили просить Антоновича, тогда далеко не дружески относившагося къ „Кіевской Старинѣ“, написать обстоятельную рецензію. Къ Антоновичу ходили по этому поводу О. И. Левицкій и Вильямъ Людвиговичъ, поддерживавшіе съ нимъ дружескія отношенія. Антоновичъ сказалъ, что онъ по болѣзни ничего не можетъ написать, и посовѣтовалъ обратиться къ Познанскому. Тогда-то и было написано письмо отъ редакціи и одновременно съ нимъ личное—Вильяма Людвиговича. Отвѣтъ былъ полученъ Вильямомъ Людвиговичемъ. Познанскій просилъ прислать ему книгу Гавронскаго, что и было мною исполнено, но рецензіи Познанскій не написалъ, а вмѣсто этого, началъ писать свои воспоминанія“.

Итакъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Б. С. Познанскій обращается въ своихъ воспоминаніяхъ къ В. Л. Беренштаму. Но, въ такомъ случаѣ, вниманіе невольно останавливается на томъ обстоятельствѣ, что Б. С. Познанскій ведетъ свой разсказъ такъ, что изъ этого разсказа ясно вытекаетъ непричастность къ описуемымъ событіямъ В. Л. Беренштама. Изъ біографіи В. Л. Беренштама мы, однако, знаемъ, что онъ въ эти же годы (съ 1858 до 1862 г.) былъ тоже студентомъ кіевскаго университета. При томъ онъ уже тогда не только принималъ участіе въ общественной жизни студенческой молодежи,—напримѣръ, былъ дѣятельнымъ членомъ группы студентовъ, устраи-

вавшей воскресныя школы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ фотографическій снимокъ этой группы, но и еще на студенческой скамьѣ сдѣлался убѣжденнымъ украинофиломъ и примкнулъ къ украинскимъ кружкамъ. Слѣдовательно, между кружками, къ которымъ примыкалъ В. Б. Антоновичъ, Ѳ. Р. Рыльскій и Б. С. Познанскій, и украинскимъ кружкомъ, членомъ котораго былъ В. Л. Беренштамъ, въ тѣ годы, повидимому, не было никакой связи. Изъ лицъ чисто малорусскаго происхожденія въ польскихъ кружкахъ вращался тогда одинъ Ѳ. Т. Панченко, сынъ крестьянина Кіевской губерніи.

Впрочемъ и самъ Б. С. Познанскій относитъ сближеніе В. Б. Антоновича, Ѳ. Р. Рыльскаго и свое собственное съ „малороссами“ къ 1863 году. Далѣе онъ указываетъ, что этому сближенію способствовали женитьбы на двоюродныхъ сестрахъ П. П. Чубинскаго съ одной стороны В. Б. Антоновича, а съ другой—А. Ѳ. Кистяковскаго (см. „Укр. Ж.“ 1913 г., кн. 5, стр. 44. Отд. изд. „Воспоминаній“, стр. 62). Первая женитьба относится къ лѣту 1863 г., а вторая—къ осени 1864 г.

Такимъ образомъ, путемъ сопоставленія отрывочныхъ свѣдѣній и различныхъ умозаключеній мы можемъ установить, что лица, составившія кіевскую „Громаду“, будучи студентами, принадлежали къ различнымъ кружкамъ, между которыми не было постоянной связи. Сближеніе, а можетъ быть, и самое знакомство между этими лицами произошло уже послѣ окончанія ими университета, приблизительно около середины 1863 года. Этимъ, между прочимъ, можетъ быть объяснено то обстоятельство, что различные члены кіевской „Громады“ различно изображали ея возникновеніе; очевидно, каждый изъ нихъ выводилъ ее изъ своего студенческаго кружка.

Но для насъ мало установить эти отрывочные факты. Намъ необходимо имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о жизни тѣхъ студенческихъ кружковъ, изъ сліянія которыхъ потомъ образовалась кіевская „Громада“. Въ частности, если благодаря воспоминаніямъ Б. С. Познанскаго, мы теперь знаемъ о кружкахъ, состоявшихъ изъ лицъ польскаго или полупольскаго происхожденія, то свѣдѣній о кружкахъ, состоявшихъ изъ лицъ малорусскаго происхожденія, у насъ пока нѣтъ рѣшительно никакихъ. Наконецъ, не странно ли, что намъ приходится устанавливать путемъ умозаклю-

ченій сравнительно столь недавніе факты. Еще живы лица, которыя были свидѣтелями этихъ событій или которыя, по крайней мѣрѣ, слыхали разсказъ о нихъ отъ ихъ непосредственныхъ участниковъ. Ихъ обязанность повѣдать намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ о жизни и дѣятельности тѣхъ студенческихъ кружковъ, которые предшествовали возникновенію кіевской „Громады“, и, наконецъ, о возникновеніи самой „Громады“.

А. Хатченко.

Гуцулы и гуцульщина.

Кто онъ, гуцулъ? Мало какъ-то говоритъ намъ объ его происхожденіи наука. Ясно одно—это кровь отъ крови и кость отъ кости украинскаго народа. Давно-давно когда-то пришелъ онъ въ свои горы да тутъ и осѣлъ. Съ того времени гуцулъ акклиматизировался, сроднился съ горами, измѣнилась его психологія, обычаи, но слѣды иной жизни все-же сберегліись какъ въ бытѣ, такъ и въ словесности. Гуцулъ, подобно своему брату-украинцу съ береговъ Псла и Удая, воспѣваетъ красоту моря,—а онъ его и не видалъ никогда; поетъ о Дунаѣ:

Ой з долу долу вітер повіват,
Вітер повіват, Дунай висихат...

или:

Ой звієли си буйні вітрове
Та й тоту гільцу чом завієли.
Ой завієли на тихий Дунай
На тихий Дунай, на сине море,—

а объ этомъ Дунаѣ также не могъ бы сказать, гдѣ онъ находится и существуетъ ли вообще; гуцулъ, живя въ горахъ, гдѣ даже кукуруза не вызрѣваетъ какъ слѣдуетъ, не перестаетъ вспоминать о вьющемся виноградѣ:

Зелене вино в гору си вило,
В гору си вило, сивно вродило

или:

Йа в винограді вино си вило,
Вино си вило, голубо цвило.
Стерегла-ж его пишна дівочька,
Стерегла винце, твердо заснула.
Ай прилетіла із ліса пташка,
Сіла на винце, єла сьпівати...

Или вотъ еще интересная черта. Гуцулъ—скотовой пастухъ сохранилъ въ своей натурѣ даже черты кочевника. Часть года не сидитъ дома, такъ какъ нужно пасти

скотъ въ „полонинѣ“ [1]) или косить траву на отдаленныхъ „верхахъ“, а потомъ часть года проводитъ возлѣ накошеннаго сѣна, пока скотъ не съѣстъ запаса: вѣдь свезти сѣно внизъ, къ хатѣ, нѣтъ никакой возможности, значитъ, нужно итти къ сѣну, если оно не хочетъ итти къ тебѣ. А потомъ идетъ „у бутин“, т.-е. на рубку лѣса,—это опять на 2—3 мѣсяца изъ дому. И никто чаще гуцула не выбирается на заработки и никто дальше гуцула не заходитъ въ чужіе края.

И вотъ этотъ пастухъ, полукочевникъ, сѣющій возлѣ хаты только самые выносливые овощи, не умѣющій и не имѣющій даже гдѣ ходить за хлѣбомъ, питающійся только „кулѣшой“ изъ кукурузной муки,—онъ вдругъ поетъ о поэзіи земледѣльческаго труда. Да какъ поетъ! Какъ творецъ, какъ сросшійся съ этимъ трудомъ во вся дни. Прекрасными словами, образами, хватающими за душу. Вотъ, напримѣръ, коляда:

Ой забарив си місець у крузі,
Місець у крузі, гість у дорозі.
Ой ішло-ж туда та девєть купців,
Що девєть купців молодців.
Они питали та й допитали,
Та й допитали та й пана газду.
«Ци дома дома наш пан господар?»
Каже газдиня: «Нема ю вдома».
«А де то винэ»?—«Йа в поли, в поли,
Йа в поли, въ поли ходить за воли.
Що правов ручков за плужок держе,
А лівов ручков волики гоне,
Пречиста Діва обід приносе,
Обід приносе, Господа просе:
«Орімо, Синку, йа здрібна нивку,
Посіймо на ній єру пшеницу,
Йа вроди, Боже, стебло-серебло;
Стебло-серебло, золотий колос.
Во й наймім женців сімсот молодців
А вєзільничок сімсот дівочок:
Йа дожнім же і у дрібні сніпкі,
Йа складім ї у густі кіпки.
А копок складем як звізд на небі.
Ой наймім возів сімсот обозів,
Ой звезім же ї у крутий берег
Йа складім же і сподом широко,
Сподом широко, дуже високо!

[1]) Полонина—пастбище на высокихъ горахъ.

Позволю себѣ привести здѣсь вольную передачу этой колядки.

Мѣсяцъ ходитъ по вѣчному кругу небесному... Запоздалъ онъ что-то, мѣсяцъ въ кругу. А гость въ дорогѣ, гость, котораго ждутъ на пиршество, гость радостный, долгожданный. Позамѣшкался въ дорогѣ... очень ужъ она путаная какая-то. Вотъ по ней и девять купцовъ шло—все молодцы на подборъ. Разспрашивали про дорогу,—какъ пройти къ нему, къ Хозяину, работнику вѣковѣчному, труженику ратаю-ратаюшкѣ Микулѣ Селяниновичу. Ну, слава Богу, кое-какъ допытались. Только нѣтъ хозяина дома, одна хозяюшка осталась.—«А гдѣ же хозяинъ, милая?»—«Нѣту дома».

«А гдѣ-жъ онъ?»—«Ушелъ въ поле».

Идутъ въ поле и видятъ картину радостную, радостный образъ, отъ котораго прыгаетъ сердце въ груди, а пѣснь хвалы и благодарности родится и звучитъ и солнцу благовѣствуетъ. Да и какъ не радоваться, не умиляться-то какъ! Вѣдь вонъ онъ, хозяинъ-ратаюшка по широкому полю идетъ. Рученькой правой плужокъ держитъ, лѣвой воловъ-друзей погоняетъ. А пора поздняя, повысоку уже солнышко ходитъ. Ишь вѣдь сколько вспахано! Что-й-то не идетъ хозяюшка, не несетъ подкрѣпиться мужику?

Анъ и идетъ! Вонъ она, Хозяюшка Милая! Сама, сама идетъ бѣлыми ноженьками по черному полю вспаханному. Хозяину обѣдъ несетъ! Ратаюшкѣ-труженику, о Всепѣтая, сама! Благослови, благослови, Милая, его трудъ. Покропи, покропи слезою своею, улыбкой согрѣй, Господа Бога Сына своего Христа Спасителя попроси помочь работничку Микулѣ Селяниновичу...

И сходитъ невидимо Христосъ Богъ, налегаетъ на плужокъ вмѣстѣ съ ратаюшкой, а Матерь Божія приговариваетъ:

— Ой и вспашемъ мы нивку мелко-на-мелко, посѣмъ-разсѣемъ ярую пшениченьку дорогую, и возойдетъ она намъ стебломъ - серебромъ золотымъ колосомъ. Кликнемъ - покликнемъ жнецовъ, семь сотъ молодцовъ, писаныхъ красавцевъ, а къ нимъ дѣвушекъ-зазнобушекъ другихъ сотъ семь вязать золотые снопы. Да какъ сожнемъ мы пшениченьку, да какъ сложимъ въ плотныя, твердымъ-твердыя копны—охъ, будетъ тѣхъ копенъ какъ звѣздъ на небѣ! Семь сотъ обозовъ надо будетъ нанять возить пшениченьку-добыченьку на крутой берегъ, высокое мѣсто! Сложимъ въ скирды широкимъ-широкія внизу, а вверхъ—и конца не видать!

Такую пѣсню создать могъ лишь народъ-земледѣлецъ, самъ растившій „золотой колосъ“, понявшій всю святую красоту земледѣльческаго труда. По наслышкѣ подобное творчество невозможно; здѣсь не видно бѣлыхъ нитокъ занесеннаго мотива, сказочнаго какого-либо тезиса,—здѣсь все дышитъ глубокой любовью къ извѣчному, знакомому труду. Индѣецъ американскихъ прерій воспѣваетъ охоту

на бизоновъ, самоѣдъ поетъ о чудномъ оленѣ, и вотъ то, что гуцулъ поетъ о земледѣліи, которое у него въ горахъ въ настоящій моментъ немыслимо, показываетъ, что давно когда-то гуцулъ зналъ этотъ трудъ ближе, нежели теперь, кормился только имъ и воспѣлъ. Этотъ образъ Богоматери, несущей обѣдъ ратаю, глубоко трогаетъ: въ немъ отразилась вся любовь къ земледѣльческому труду, желаніе опоэтизировать его, убрать во всѣ драгоцѣнные камни народной фантазіи.

Но откуда бы ни пришелъ гуцулъ въ Карпаты,—это было очень давно; а теперь онъ настолько сжился съ окружающей его горной природой, что составляетъ съ ней попросту одно нераздѣльное цѣлое. И новѣйшая пѣсня не говоритъ уже намъ о земледѣліи, а воспѣваетъ красоту горъ, поэзію полонинскаго пастушьяго быта, гуцульское „опришківство“ послѣднихъ столѣтій,—словомъ, то, чѣмъ живетъ гуцулъ въ настоящій моментъ. О трудѣ же землепашца говорится только въ самыхъ старыхъ колядкахъ и пѣсняхъ, носящихъ явные слѣды глубокой древности.

Странные и интересные люди гуцулы. Это Божьи дѣти, которыхъ нельзя не любить,—и ихъ дѣйствительно всѣ любятъ. Послушайте „коломийку“, распѣваемую „на долахъ“ далеко отъ Гуцульщины, и въ ней вы услышите ласковое слово о гуцулѣ какъ человѣкѣ, восхищеніе красотами окружающей его природы.

Природа... Мы знаемъ красоты Швейцаріи съ ея триста-по-триста разъ изображенными уголками; знаемъ красоту финляндскихъ озеръ, норвежскихъ фіордовъ, кавказскихъ ущелій,—красотъ гуцульскихъ горъ не знаемъ мы. Этихъ мечущихся въ глубокихъ долинахъ потоковъ, этихъ воспѣтыхъ гуцуломъ полонинъ, красавицы взбалмошной рѣки Черемоша, таинственнаго хребта Черногóры; вечеровъ тихихъ, съ далекими звуками „трембіти“, росистаго утра, ласковыхъ привѣтовъ, шопота вѣковѣчныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Кто ходилъ гуцульскими „грунями“ [1]), любуясь панорамой, разостлавшейся по обѣ стороны долинъ, ловя изгибъ далекой рѣки, сверкающей на солнцѣ, и жадно впивая полной грудью чистый какъ слеза воздухъ; кто бродилъ глубокими гуцульскими долинами, перепрыгивая съ камня на камень, забираясь въ такую глушь, гдѣ нога люд-

[1]) **Грунь** (чит. gruń)—вершина горнаго хребта.

ская никогда не ступила; кто встрѣчалъ утро на далекой полонинѣ, когда просыпаются стада, выстрѣломъ встрѣчаетъ пастухъ восходъ солнца, а оно, радуясь и торжествуя, брызжетъ тысячей брилліантовыхъ голубыхъ лучей на окаменѣвшія волны горныхъ громадъ внизу,—тотъ никогда не забудетъ этой красоты.

Идешь къ истокамъ Черемоша. Вотъ сзади уже остался Буркутъ, съ его „культурой", заѣзжими бездѣльниками и всѣмъ глупымъ аппаратомъ современнаго курорта. Едва минуло послѣднее зданіе „заведенія"—и забудь, уже забудь о XX столѣтіи. Еще нѣсколько десятковъ саженъ, можетъ быть, будешь наталкиваться то на окурокъ папиросы, то на скомканную газету,—это все, что принесла культура въ гуцульскія горы. Скорѣе, скорѣе прочь!

И когда войдешь въ глубокій лѣсъ, когда не видишь уже ничего, кромѣ горъ и неба,—будто воздухъ даже чище станетъ, вздохнешь полной грудью.

Вотъ остался уже сзади и Попадинецъ и Штефулецъ. Есть тутъ одна лѣсная сторожка, а черезъ нѣсколько верстъ другая—вотъ и все. Людей нѣтъ. Никого. Черемошъ сталъ узенькій, присмирѣлъ и не рветъ береговъ.

Вотъ уже и дорога исчезла. Тропка едва замѣтная вьется межъ камнями, да и то не вездѣ. Кто-то когда-то строилъ мостъ, но онъ давно сгнилъ, одно бревно только осталось. Съ хохотомъ лѣсного человѣка бѣгу черезъ бревно. Никто вѣдь не слышитъ и не видитъ никто.

Вдругъ — котловина, отовсюду окруженная горами. Сколько простора сразу! Будто шли, шли горы узкими рядами, какъ высокіе гвардейцы-солдаты, такіе высокіе, что мальчикъ-барабанщикъ карликомъ казался среди нихъ. А потомъ сѣли отдыхать. Широко разсѣлись, даже легли, и мальчикъ почувствовалъ себя великаномъ.

Какъ просторно и свѣтло! Надо бѣгать здѣсь, и кричать, и становиться на руки, колесомъ вертѣться и упасть потомъ на пышную, чуть влажную траву и такъ замереть, слушая тайную легенду о серебряныхъ кладахъ на Чивчинѣ, о Довбушевыхъ „комо́рахъ", о великанахъ, боровшихся нѣкогда здѣсь, и о смерти ихъ, большихъ великановъ.

А дальше—Балта̀гулъ (Baltagul), истокъ Черемоша, славной рѣки гуцульской. Чернаго Черемоша, потому что ихъ два—Черный и Бѣлый. И истоки ихъ недалеко другъ отъ друга. Вотъ взять налѣво, тамъ, гдѣ видно ста-

рые „цуги“ [1]), полуразвалившіяся „колиби“ [2]), подняться на гору—и выйдешь на полонину Листовàту.

Высоко мы уже. Куда глазомъ ни глянешь—горы, горы, горы, вершины горъ, полонины. Гдѣ-то пасется скотъ за лѣскомъ, слышно—разговариваютъ „калатàла“ [3]), щелканье пастушьяго бича и чей-то раздосадованный крикъ. Живетъ и дышитъ полонина! Еще долго она будетъ молодою, веселящеюся! Все время, пока будутъ щелкать вотъ эти пастушьи бичи, пока будетъ жаловаться гуцульская „флоера“ [4]), а „ватаги“ будутъ перекликаться при помощи своихъ длинныхъ „трембітъ“ [5]). А когда повѣютъ осенніе вѣтры и уйдутъ шумливыя стада этихъ понурыхъ быковъ съ тупыми лбами, этихъ хладнокровныхъ, какъ богатыя торговки, коровъ, этихъ пугливыхъ черныхъ и бѣлыхъ овецъ, козъ, у которыхъ половина ноги божья, а половина чортова,—потому коза и полѣзетъ всюду; когда просвиститъ послѣдній разъ гуцульская „сопилочка“ и загаснетъ „ватра“ [6]) въ колыбѣ,—скучно и страшно станетъ въ полонинѣ. Одиноко въ предчувствіи снѣжныхъ бурь, хохота лѣсныхъ чертей и ночи,—ночи, ночи темной до смертельнаго ужаса.

Эй! Будемте же полнѣе наслаждаться Божьимъ лѣтомъ, желтыми травами, ковромъ цвѣточнымъ и нектаромъ-воздухомъ, которому самые боги завидуютъ и приходятъ, вѣроятно, красть ночами это богатство горъ гуцульскихъ!

Полонина окружена лѣсомъ. Спустимся въ него.

Вотъ это уже что называется—лѣсъ! До сихъ поръ мы шли долиной Черемоша, была и рѣка, и дорога, и скалы, и небо. А здѣсь—ничего. Лѣсъ!

Остановишься—и растворишься въ тишинѣ. Вотъ ты уже въ ней, вотъ ты уже самъ тишина, вотъ плывешь гдѣ-то высоко, между стволами этихъ столѣтнихъ „смерекъ“ [7]),

---

[1]) Это заимствованіе изъ нѣмецкаго ziehen,—мѣсто, по которому тащили срубленное дерево.

[2]) „Колиба“—деревянный шалашъ, въ которомъ живутъ работники во время рубки дерева.

[3]) „Калатàло“—звонокъ (иногда деревянный), подвѣшиваемый рогатому скоту подъ шею.

[4]) Флоéра (чит. flojera)—особая флейта гуцульская.

[5]) Трембіта—труба изъ коры, длиною 5—6 арш.

[6]) Ватра—огонь.

[7]) Смерéками (изъ породы хвойныхъ) покрыты сплошь всѣ гуцульскія горы; ель встрѣчается рѣже, сосна еще рѣже, кедръ и другія совсѣмъ рѣдко.

развѣсистыхъ „єлицъ“ [1]), проникая безтѣлеснымъ своимъ существомъ все, разрѣзываясь на части каждой вѣточкой. Чу!—пищитъ что-то... Незнакомъ ты съ лѣсной жизнью, не узнать тебѣ, кто это запищалъ: заяцъ ли, придавленный деревомъ, внезапно повалившимся, молодой ли выводокъ лисій, или, можетъ, лѣсная дѣвушка, вотъ та, что спереди совсѣмъ на человѣка походила, а обернется—видно внутренности.

Бѣлѣетъ ободранная кора. Подойди, посмотри: это онъ, „тотъ великій“ [2]). Баловался. Шелъ, шелъ, сталъ возлѣ дерева и дернулъ лапкой,—а отъ этой ласки окровавилась бѣлой кровью израненная смерека, дрожмя дрожала.

А вотъ уже и шумитъ. Это потокъ Маскатинъ... Гуцульскіе потоки нетерпѣливы. Рвутъ и мечутъ, швыряются во всѣ стороны въ своемъ скупомъ руслѣ, катятъ камни, пѣнятся и все время говорятъ, говорятъ, говорятъ. И все новое—вотъ послушай.

Потокомъ, потокомъ внизъ. Гуцулъ не скажетъ: „иди возлѣ потока“, „по направленію потока“, а все—„потокомъ“. И вотъ этимъ потокомъ Маскатиномъ выйдешь въ долину Сáраты. А Сарата и Перекалàбъ—это двѣ рѣки. Слившись вмѣстѣ, онѣ называются Бѣлымъ Черемошемъ. А при сліяніи ихъ—домъ лѣсничаго, гостепріимная встрѣча, радость общенія съ человѣкомъ, книжкой, газетой. Фу, ты, какъ это все странно знакомо! Будто сто лѣтъ уже прошло съ того времени, когда ты сидѣлъ на стулѣ, пилъ чай за столомъ и человѣческую членораздѣльную рѣчь слышалъ.

Отдыхъ здѣсь. Долгій, пріятный. А потомъ—берегомъ Бѣлаго Черемоша. По лѣвую сторону уніатская Галичина, а по правую—православная Буковина. А дорога космополитическая: то туда, то сюда, справа налѣво, слѣва направо. Источникъ тутъ есть одинъ: какъ начнешь пить—губы горятъ, будто перцемъ ихъ натиралъ,—такая холодная.

Минулъ Еловигóру, Гостовѣцъ съ хатой „побережникà“. Еще нѣсколько верстъ—и Голошинá, первое село. Дальше пойдутъ уже безпрерывно: Гринява, Яблуница, Полянки,

---

[1]) Єлица (по-украински „ялиця“)—ель.

[2]) Гуцулъ чтитъ медвѣдя и всегда отзывается о немъ съ почтеніемъ; подобно тому, какъ русакъ величаетъ медвѣдя по отчеству, гуцулъ скажетъ все „тотъ великій“.

Довгополе, Стебне, Устеріки. А въ Устерікахъ Бѣлый и Черный Черемошъ сливаются вмѣстѣ. Мостъ есть. Село большое, въ исторіи Гуцульщины извѣстное пребываніемъ лютаго „мандáтора“ Гердлички. Нѣкогда существовали такіе не-то земскіе, не-то, скорѣе, крестьянскіе начальники сибирскіе въ Австріи, назывались мандаторами, жизнью и смертью людей распоряжались; но никто изъ нихъ не оставилъ по себѣ такой лютой памяти, какъ Гердличка въ Устерикахъ. Стоитъ еще домъ его. А хотѣлъ я видѣть „кáтушъ“ [1]) Гердлички, тотъ самый, гдѣ онъ столько истязалъ людей,—не сохранился. Говорятъ старожилы, что арендовалъ какой-то еврей подъ корчму, но люди такъ были злы на этотъ памятникъ своихъ мученій, что корчма какъ-то сгорѣла,—„сама“, очевидно. И вообще не везло никому на этомъ мѣстѣ; теперь картофель тамъ растетъ.

А интересно было бы посмотрѣть. Стѣны этого катуша, вѣрно, насквозь пропитались людскою кровью. Гердличка со своимъ помощникомъ Юріштанóмъ измышляли такія мучительства, что имъ могли бы позавидовать сами служители святой инквизиціи. Вотъ, напримѣръ, способъ, названный этими художниками „остатне огниво“. Какими путями двигалась извращенная мысль этихъ людей, называя этотъ видъ истязаній огнивомъ, хотя бы и „остатнимъ“, т.-е. послѣднимъ; какую скрытую логическую связь видѣли они между своимъ изобрѣтеніемъ и словомъ, его именующимъ,—Богъ вѣсть, а заключалось оно въ томъ, что гуцула, обыкновенно невиновнаго, а лишь подозрѣваемаго въ сношеніяхъ съ „опришками“ [2]), связывали палкой. Это значитъ: заткнуть человѣку руки въ пазуху, связать ихъ тамъ, продѣть въ отверстія возлѣ локтей палку, ноги перекинуть черезъ эту палку,—и тогда получается изъ человѣка круглый комокъ, который можно катить. На голову до плечей натягивается рукавъ „сардака“ [3]), и въ такомъ видѣ человѣка бросаютъ въ „катуш“, и въ такомъ видѣ онъ лежитъ недѣлями, и въ такомъ видѣ умираетъ.

Власть Гердлички была поистинѣ безпредѣльна. Куда нашему становому приставу! Одинъ гуцулъ, какими-то судьбами научившись грамотѣ, прочелъ своему сосѣду нѣкую бумагу, по которой значилось, что земля, находя-

---

[1]) Катушъ—тюрьма. Интересно словообразованіе: катъ—палачъ, „катувати“—мучить, отсюда „катушъ“—мѣсто мученій.

[2]) Опришокъ—разбойникъ.

[3]) Сардакъ—то же, что укр. свитка.

щаяся теперь во владѣніи Гердлички, въ сущности принадлежитъ этому самому сосѣду.

Гердличка позвалъ къ себѣ грамотѣя и предложилъ сѣсть въ тюрьму. На вопросъ, за что, вмѣсто отвѣта попросилъ не разсуждать. Нечего дѣлать, гуцулъ сѣлъ, думая, что его дѣло возникло по какому-то недоразумѣнію и скоро разъяснится. И просидѣлъ три года. А по истеченіи этого времени Гердличка призвалъ заточеннаго и съ кроткой улыбкой сказалъ:

— То, что ты немножко посидѣлъ, пропало какъ дымъ изъ трубы, и ты объ этомъ забудь. Да не читай больше бумагъ—понялъ?

— Но я же не виноватъ... буду жаловаться...

— Дурачокъ. Я напишу, что ты волновалъ односельчанъ, выказывалъ свой вредный образъ мыслей, почему государственная мудрость повелѣвала изъять тебя на-время изъ среды, подверженной твоему вліянію. Ну?

Вижу обрадованное лицо читателя и слышу восклицаніе: „Это совсѣмъ какъ у насъ!“ Совершенно вѣрно. Съ тою лишь маленькой разницей, что тамъ это имѣло мѣсто лѣтъ эдакъ съ сотню тому назадъ.

Прекрасна природа Гуцульщины, прекрасенъ и народъ ее заселяющій. Гуцулъ—дитя. Онъ наивенъ, онъ первобытенъ, онъ еще не христіанинъ. Онъ близокъ къ природѣ и вѣритъ въ могущественныя, тайныя силы ея. Нигдѣ нѣтъ столькихъ повѣрій и суевѣрій, какъ здѣсь,—слишкомъ благодарны были условія для сохраненія ихъ на Гуцульщинѣ.

Его окружаютъ горы, а не фабричныя трубы; онъ далекъ отъ желѣзныхъ дорогъ, автомобилей, аэропановъ, онъ живетъ еще въ каменномъ вѣкѣ, хотя и употребляетъ желѣзо. И потому міръ наполненъ для него первобытной тайной, перекрещиваются въ немъ злыя и добрыя силы; надо все время быть на-сторожѣ, чтобы какъ-нибудь не попасться. Когда ребенокъ еще зачинается,—уже судятъ его 12 судей, опредѣляя время, когда и въ какомъ видѣ ему слѣдуетъ придти на свѣтъ Божій: преждевременно или въ пору, живымъ или мертвымъ. Беременная женщина должна быть очень и очень осторожной: увидитъ мышь, сейчасъ же надо плюнуть на ладонь и хорошенько растереть животъ,—иначе на тѣлѣ дитяти изобразится мышь. Если посмотритъ на слѣпого или кривого, или вообще на какого-

либо калѣку, да еще засмѣется, не дай Богъ, при этомъ,—ребенокъ будетъ точь-въ-точь таковъ, какъ тотъ калѣка, надъ которымъ женщина посмѣялась. И главное—нѣтъ противъ этой бѣды ни средствъ, ни лѣкарства. Словомъ, еще въ утробѣ матери человѣка подстерегаютъ всевозможнѣйшія несчастья, и нужно быть очень „сохтівним“, какъ говоритъ гуцулъ, чтобы отъ этого всего уберечься.

И такъ потомъ всю жизнь, на каждомъ шагу, во всякую пору года, дня и ночи. Все одушевлено вокругъ гуцула, все имѣетъ тайный смыслъ, все живетъ своей особой жизнью. На Новый годъ въ 12 часовъ Богъ приходитъ въ хлѣвъ къ домашнему скоту и разспрашиваетъ, какъ обходился хозяинъ въ продолженіе года, не билъ ли, давалъ ли вдоволь ѣсть. И вотъ, чтобы скотина не пожаловалась, наканунѣ съ вечера ее убираютъ, чешутъ, даютъ соли,—вообще ублажаютъ всячески.

Во время освященія воды въ праздникъ Богоявленія рыбаки держатъ на полкѣ кусокъ сѣти подъ водой, приговаривая: „Ловлю рыбу“. Тогда весь годъ будетъ хорошо рыба ловиться,—это тоже вѣрно.

День Благовѣщенія—большой праздникъ у гуцуловъ. Вѣдь это праздникъ весны древняго язычника, перенесенный въ христіанскую обстановку! Гуцулъ говоритъ, что въ этотъ день Богъ вкладываетъ свою голову въ землю, чтобы разопрѣть ее; отъ этого пробуждается всякое дыханіе—муравьи, гады, жабы... И въ этотъ день нельзя ничего дѣлать, въ особенности же копать и рыть землю. И только несчастливецъ, продавшій чорту душу, обтесываетъ въ этотъ день колъ и забиваетъ его въ землю; послѣ этого онъ свободно можетъ цѣлый годъ работать въ самые большіе праздники—и ему ничего не станется.

А вотъ и Свѣтлый праздникъ приближается. Гуцулки начинаютъ „писати писанки“. Это цѣлая наука! Нужно видѣть, съ какою любовью расписываютъ гуцулки эти писанки,—и потому, вѣроятно, ни у кого изъ христіанскихъ народовъ пасхальныя яйца не пріукрашены такъ старательно, какъ у гуцуловъ. Здѣсь полный просторъ народному творчеству, хотя и есть извѣстнаго рода, такъ сказать, русло, по которому охотнѣе всего течетъ это творчество, выливаясь въ нѣкоторыя болѣе или менѣе опредѣленныя формы; и тогда эти узоры носятъ названія „смерічьки“,

„шість руж“, „гребінці“, „плетінка“, „білокрилка“, „настулька“, „решітки“ и т. д. Много ихъ.

При писаніи писанокъ тоже нужно соблюдать извѣстные обряды. Такъ, напримѣръ, писать писанки можетъ только женщина „чиста“, т.-е. та, которая имѣла „чісовицу“ (menstruatio). Мало того: когда „писанчàрка“ занимается своимъ дѣломъ, то женщина „нечиста“ даже войти въ хату не имѣетъ права, иначе все пропало: ни воскъ не будетъ приставать къ яйцу, ни краска, вообще надо все начинать сначала. Если же и случится, что такая женщина войдетъ, то она должна сказать:

— Ні в року, абих вам не з'урочила!

Тогда на эти слова „писанчàрка“ отвѣтитъ:

— Не врічліві усім людем та й міні.

Но все-же надо посыпать сейчасъ же солью всѣ принадлежности, потихоньку приговаривая: „Сіяв ти въ очех, кремінь у зубах... Экъ не шкодит земля воскови, так аби не пошкодили твоі очі моім писанкам“.

Печенье пасхи, этотъ пробный камень хозяйственности всѣхъ хозяекъ всего свѣта, также, несомнѣнно, окружено массой повѣрій. Нѣкоторыя изъ нихъ явно связаны съ явленіями весьма понятными; такъ, напримѣръ, въ старые годы печи были, вѣроятно, не особенно тщательно конструированы, холодный воздухъ при открываніи дверей могъ проникать въ печь и отрицательно вліять на успѣшное выпеченіе пасхи. Отсюда выросло повѣріе, что пасху точно также можно „уречі“ (сглазить); во избѣжаніе этого, какъ только приходитъ время сажать пасху въ печь, хозяинъ долженъ выйти на дворъ и стеречь, чтобы никто не смѣлъ войти въ хату. И все время, пока пасха находится въ печи, никто въ хатѣ не смѣетъ сѣсть, иначе пасха точно такъ же „сядетъ“.

Картина пасхальной ночи гуцульской на фонѣ темныхъ силуэтовъ горъ, съ тысячью сверкающихъ звѣздочекъ-свѣчекъ, прикрѣпленныхъ къ пасхамъ, необычайно прекрасна. Гуцулы любятъ красивую одежду, много тратятъ на нее. Въ этотъ день, конечно, каждый надѣваетъ все, что только у него есть лучшаго. Дѣвушки особенно старательно заплетаютъ свои „уплітки“ [1]), одѣваютъ стародавнія „згар-

[1]) Уплітки—это особая прическа, въ высшей степени сложная: волоса раздѣляются на безконечное число косичекъ, а каждая изъ нихъ перевивается «волічьков», шерстяной ниткой обыкновенно желтаго; цвѣта. Разъ сдѣланная, эта прическа держится недѣлями.

ди“ [1]), самыя лучшія запаски, перетканныя золотыми нитями, а у кого есть—юбку съ широкимъ позументомъ,—это тоже пережитокъ, мало у кого остались такія юбки. Молодицы старательно завязываютъ свои „фустки“, парни приберегаютъ къ этому дню новую „кресàню“ (шляпа), украшенную всевозможнѣйшими блестками, перьями „готура“ (тетерева) и всякими „дармовисами“ (все что „дарма“ (напрасно виситъ). „Кіптарі“ [2]) на всѣхъ новые, расшитые иногда даже шелкомъ (у богатыхъ); новые „постоли“ на ногахъ, шерстяные чулки домашняго издѣлія, на мужчинахъ красные „гáчі“ (штаны), красные „сардаки“ (свитки), дѣвушки съ бѣлыми „гуглями“ [3]), переброшенными черезъ руку. И все это сіяетъ, искрится; новые ремни на мужчинахъ поскрипываютъ, а поясъ гуцулъ носитъ шириной эдакъ вершковъ десять. Черезъ плечо кожаная „тобівка“ [4]), изукрашенная всевозможнѣйшими бляшками; а черезъ другое—пышная „порошниця“ для пороха. Въ рукахъ неизмѣнный товарищъ гуцула — „топорец“ или „бартка“, съ которой гуцулъ, кажется, и на свѣтъ Божій появляется. Дѣйствительно, есть на что засмотрѣться!

А этотъ обычай—мчаться во весь опоръ домой съ посвященной пасхой. Кто кого перегонитъ! Нужно видѣть эту бѣшеную скачку, этотъ восторгъ толпы, эти крѣпкія костистыя лица, разогрѣтыя страннымъ состязаніемъ.

А молодежь сходится возлѣ церкви или вообще на ближней полянѣ и устраиваетъ весеннія игры. Хороводовъ нѣтъ, дѣвичьихъ забавъ также,—все больше чисто мужскія. Не знаю, чѣмъ объяснить это; не указываетъ ли этотъ фактъ на болѣе долгое заключеніе женщины, обособленность ея; а можетъ быть, это вліяніе горнаго образа жизни: въ горахъ трудно сообщаться другъ съ другомъ; мужчинѣ еще такъ-сякъ,—онъ и вооруженъ, и крѣпокъ,—а женщинѣ самое лучшее сидѣть дома. Вотъ она и сидѣла и не выработала ни посидѣлокъ, ни хороводовъ, ни вообще чего-либо, указывающаго на объединеніе женскаго населенія.

---

[1]) Згарда—особый вѣнчикъ изъ монетъ, надѣвающійся на голову; это украшеніе видимъ на Руси еще въ XII столѣтіи.

[2]) Кіптар—короткій кожушокъ безъ рукавовъ, расшитый опредѣленнымъ для каждаго села узоромъ.

[3]) Гугля (чит. gugla)—особый плащъ изъ бѣлаго сукна.

[4]) Тобівка—кожаная сумка, въ которой гуцулъ держитъ все необходимое (кармановъ въ гуцульской одеждѣ нѣтъ).

Игры молодежи носятъ то воинственный, то охотничій, вообще мужской характеръ. Вотъ игра „війна“, вотъ „хаповина“ (этимъ страннымъ именемъ называется гончая собака); при этой игрѣ парни становятся въ рядъ, одинъ изъ нихъ, „стрілец“, выводитъ двухъ товарищей—„сѐрна“ (это родит. пад. отъ слова „сернъ“ мужского рода) и „хапову“. Изображающій собаку долженъ ловить товарища, изображающаго козла, причемъ козла стоящіе рядомъ парни не пускаютъ черезъ границу.

Лѣтомъ самымъ замѣтнымъ днемъ является, очевидно, „Іванішне сето“ (24/VI), хотя гуцулъ и не называетъ его языческимъ именемъ Купалы. Понедѣльникъ передъ днемъ св. Іоанна называется „рóзигри“. Это праздникъ русалокъ: онѣ танцуютъ тогда вокругъ кустовъ (особенно любятъ орѣшникъ). Во избѣжаніе всякихъ непріятностей съ этимъ легкомысленнымъ народомъ гуцулъ предпочитаетъ ничего не дѣлать въ этотъ день,—этимъ якобы задабриваетъ русалокъ.

Канунъ Иванового дня особенно важенъ для всякаго рода волшебствъ, чародѣйства и пр., пр. Чего-чего ни дѣлаютъ въ это время гуцулы! Дѣвушки зельемъ „тирміч“ кличутъ къ себѣ суженыхъ; хозяйки, помазавъ „гадячім часником та свиняком“ вымя, хребетъ и лобъ коровѣ, читаютъ заклинанія противъ вѣдьмъ; въ этотъ же день можно избавиться отъ таракановъ и всякой иной нечисти въ хатѣ,—только нужно знать какъ. Ну, само собой разумѣется, и клады при помощи папоротника надо искать теперь же,—это ночью. А утромъ нужно итти въ поле рано-раненько и кататься по травѣ: это чиститъ человѣка; искупавшись въ этотъ день въ росѣ, человѣкъ уже обезпеченъ отъ чирьевъ, коросты и пр.

До восхода солнца дѣвушка, желающая приворожить парня, идетъ къ источнику, подставляетъ подъ струю воды сухарикъ и говоритъ особое заклинаніе, потомъ три раза должна умыться и скоренько идти домой, чтобы никто не перешелъ дорогу. Это все должна повторить въ первое воскресенье послѣ „новаго“ мѣсяца и въ первый понедѣльникъ, за каждымъ разомъ высушивая сухарь. Потомъ этотъ сухарь истолочь и дать либо съѣсть, либо выпить парню какъ-нибудь незамѣтно,—тогда непремѣнно парень сдѣлаетъ предложеніе.

Да и не пересказать всего, во что вѣритъ гуцулъ.

Правда, вліяніе вѣка сказывается, и мало-по-малу раціоналистическій образъ мыслей дѣлаетъ все большія и большія завоеванія; теперь уже многое изъ того, что было записано этнографами еще 15—20 лѣтъ тому назадъ, исчезло, но все-таки многое и осталось, особенно среди женщинъ, этихъ естественныхъ хранительницъ всяческихъ традицій и вѣрованій. Такъ, напримѣръ, гуцулъ сохранилъ какой-то мистическій страхъ передъ змѣями (не остатокъ ли это культа?). Вѣритъ, что есть царица змѣй, у которой на головѣ корона изъ самосвѣтящагося камня „Доямента“: кому посчастливится найти такой камень,—не надо ему тогда ни свѣчей, ни керосина покупать. И гуцулъ ни за что не убьетъ змѣи. Помню, шелъ я съ однимъ старикомъ. Вижу—пересѣкаетъ намъ дорогу змѣя. Какъ-то инстинктивно хватаешься въ такую минуту за палку, камень,—но старикъ схватилъ меня за руку и не позволилъ двинуться съ мѣста.

— Зачѣмъ? Развѣ она тебѣ что-либо сдѣлала?

Или вотъ случай, въ высшей степени интересный. Ѣду я верхомъ, проводникъ идетъ сзади. Узенькая тропочка по склону горы: вправо отвѣсъ скалы, вверхъ, влѣво—пропасть; только узенькой полосочкой земли можно ѣхать. Вдругъ я вижу передъ собой черную змѣю изъ ядовитыхъ. Вправо ей некуда податься, скала, а влѣво—не то не догадалась, не то побоялась и ползетъ, убѣгая, сколько силъ хватаетъ, прямо по тропинкѣ. У меня въ рукахъ былъ прутъ, которымъ я погонялъ коня, хлыстикъ не болѣе аршина длиной. Не раздумывая долго, я соскакиваю съ лошади, догоняю змѣю и удачнымъ ударомъ по головѣ убиваю ее. Проводникъ мой, идя сзади, не могъ не только помѣшать, но даже видѣть, что дѣлается впереди. И каково же было его удивленіе и... страхъ,—да, именно страхъ,—когда онъ увидѣлъ убитую змѣю. Почти шепотомъ спросилъ онъ меня, ужъ не этимъ ли прутикомъ я убилъ гадину. Я отвѣтилъ утвердительно. И потомъ, когда мы выѣхали на болѣе широкую дорогу, кто бы намъ ни встрѣтился, гуцулъ всѣмъ объяснялъ, что вотъ этотъ панъ убилъ „га́лицу“ вонъ тѣмъ прутикомъ, который держитъ въ рукахъ.

И нужно же было случиться такому совпаденію! Пріѣзжаемъ мы на мѣсто. Вырубленный лѣсъ, „ломи“, какъ называетъ гуцулъ. Вотъ ужъ именно „ломы“: не рубили, а ломали. Больно смотрѣть на такое варварское истребле-

ніе лѣсовъ. Брожу я среди поваленныхъ деревьевъ, пней, торчащихъ надъ землей на 1½—2 аршина, собираю ягоды. Вдругъ—змѣя. Опять гадюка и опять у меня ничего въ рукѣ, кромѣ той же самой палочки, и опять я неожиданнымъ ударомъ убиваю змѣю. Потомъ взялъ ее и повѣсилъ въ расщелину высокаго пня.

И вотъ, когда сошлись гуцулы и увидѣли мой новый трофей и когда, волнуясь и захлебываясь, проводникъ въ сотый разъ разсказалъ о моей чудодѣйственной палочкѣ, изъ среды слушателей выходитъ старикъ, патріархъ лѣсной, и съ таинственнымъ видомъ отводитъ меня въ сторону.

— Мы люди свои, мы понимаемъ другъ друга,—говоритъ онъ мнѣ, близко наклоняя лицо и подмигивая.—Сколько вамъ дать, пане, за этотъ хлыстикъ?

Я, конечно, хлыстика ему не продалъ, сжегъ его тутъ же на кострѣ, прочелъ цѣлую лекцію на подходящую тему, но чтобы я убѣдилъ кого-либо изъ присутствующихъ, что ничего сверхъестественнаго тутъ не произошло, —въ это я самъ не вѣрю.

Да, дѣйствительно интересный народъ, подкупающій своею непосредственностью. Вотъ, напримѣръ, припоминается мнѣ еще случай, въ высшей степени характеристическій; правда, совсѣмъ изъ другой области и нарушаетъ нѣкоторымъ образомъ прагматичность изложенія, но вѣдь я не этнографическое изслѣдованіе пишу.

Организовалъ я гуцульскій театръ. Дѣло въ томъ, что гуцулъ, несмотря на всю свою наивность (а, можетъ быть, именно благодаря ей) и непосредственность, является не только артистомъ во всемъ, къ чему прикоснется, но еще и актеромъ. Правда, сцены онъ никогда не видалъ, но, будучи актеромъ въ жизни, требуетъ минимальной, такъ сказать, тренировки, приспособленія къ техническимъ условіямъ сцены, чтобы играть поразительно интересно.

Писалъ я пьесы для этого театра, само собою разумѣется, „гуцулсков бесідов“ (гуцульскій діалектъ—одинъ изъ самыхъ архаическихъ во всемъ украинскомъ языкѣ) и между прочимъ историческую пьесу „Довбуш“ (XVШ в.). Довбушъ—это герой Гуцульщины. Здѣсь все полно воспоминаніями объ этомъ славномъ опришкѣ. Спросите маленькаго ребенка, и онъ разскажетъ вамъ о Довбушѣ, объ его чудодѣйственной силѣ, объ его благородномъ характерѣ. Каждое чѣмъ-либо замѣчательное мѣсто, каждая оригинальная скала—все это связано съ именемъ Довбуша.

Очевидно, что на роль самого этого Довбуша надо было и человѣка подходящаго: нуженъ и ростъ, и голосъ, и манеры,—да мало ли чего надо! Долго искалъ я исполнителя, но какъ-то не находилось. И вотъ однажды приходитъ гуцулъ... Надо бы написать весь нашъ разговоръ, этотъ оригинальный способъ знакомиться, всю эту занимательную предварительную игру, когда человѣкъ не хочетъ сказать, зачѣмъ онъ пришелъ, а хочетъ побольше вывѣдать отъ противника. Это былъ своего рода поединокъ.

Словомъ, мы поладили. Я обрадованъ сверхъ мѣры, ибо, повидимому, найду въ этомъ Иванѣ идеальнаго исполнителя Довбуша. Доволенъ и Иванъ, но одно меня поразило: все время Иванъ держитъ бесѣду въ какомъ-то таинственномъ тонѣ. Онъ и голосъ понижаетъ, и не договариваетъ словъ, подмигиваетъ въ критическихъ мѣстахъ. Я ничего не понимаю. По-моему, я говорю ясно,—надо вотъ приходить на репетиціи, дѣлать вотъ то-то и то-то. Иванъ на все согласенъ, но нѣкоторые обороты въ его фразахъ все-же остаются для меня неясными. Такъ, когда я выражаю надежду, что онъ, по всей вѣроятности, хорошо исполнитъ свою роль, онъ разсказываетъ мнѣ исторію, которая должна меня убѣдить, что онъ, Иванъ, является роднымъ правнукомъ самого Довбуша,—такъ ему ли ужъ не знать, всего, что надо?

— Кто—кто, а я уже знаю, куда людей повести...

Я ему толкую, что врядъ ли онъ смогъ бы взять на себя режиссерскія обязанности и что эту часть лучше пусть онъ предоставитъ мнѣ,—а онъ опять свое. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, а мы столковались. На репетицію надо было ходить въ другое село, верстъ за 18. Ладно.

Приходитъ Иванъ на репетицію. Разъ, другой... Вижу я, что-то мнется мой Иванъ, что-то не нравится ему. Ну, думаю себѣ, вѣдь это уже пожилой человѣкъ, лѣсной,—страннымъ ему кажется, когда ему велятъ: стой такъ, а говори такъ, а двигайся такъ. Но, нѣтъ, вижу что-то большее. Въ концѣ-концовъ приходитъ мой Иванъ и говоритъ, что это дѣло ему не подходитъ. Да что, да какъ, да почему? Причинъ не объясняетъ. И только потомъ, когда уже уходилъ совсѣмъ и мы остались одни, разсказалъ онъ мнѣ, что ему отсовѣтовали люди.

— Лѣсовъ теперь большихъ нѣтъ, людей много...

Вонъ жандармы въ каждомъ селѣ... Да то бы еще ничего, но главная вещь—лѣсовъ мало... Народъ тоже... пальца въ ротъ не клади.

Оказывается, этотъ милый Иванъ, дитя природы, былъ увѣренъ, что я набираю разбойничью шайку для воскрешенія славныхъ традицій Довбуша и вотъ только нуждаюсь въ опытномъ руководителѣ, который могъ бы вполнѣ замѣнить знаменитаго атамана. Долго думалъ Иванъ, прежде. чѣмъ итти ко мнѣ, но потомъ, чувствуя въ себѣ кровь Довбуша, рѣшилъ, что именно онъ будетъ на мѣстѣ, и пришелъ. Всѣ наши репетиціи считалъ комедіей для отвода глазъ властямъ, для возможности спокойной организаціи, чтобы потомъ, когда наступитъ часъ...

Но, бесѣдуя съ умными людьми, долженъ былъ сознаваться самому себѣ, что взялъ, пожалуй, непосильную задачу.

— Главное — подумай!—говорилъ какой-нибудь сѣдой носитель традицій.—Вѣдь развѣ теперь то, что было во времена Довбуша? Я самъ помню, какъ за рѣкой было всего двѣ хаты, а теперь? А лѣса? Гдѣ теперь старые лѣса? Выйди на Гаджіну, на Шкурушний, на Кізі-влошъ—гдѣ наши лѣса? Нѣту ихъ. Гдѣ же ты будешь прятаться? А люди... Развѣ теперь такіе люди, какъ прежде? Раньше человѣка сжечь на огнѣ можно было, и онъ все-же не проронилъ бы ни слова, а теперь? Да за копейку, какая есть копейка, продадутъ не то тебя, а родного отца.

Крѣпко опять думалъ Иванъ, пока пришелъ ко мнѣ съ отказомъ. И хорошее дѣло начиналось, радъ бы, но что же дѣлать... Не тѣ времена... Богъ съ нимъ... Можетъ, кто помоложе...

Вотъ каковъ гуцулъ. Онъ еще юнъ, міръ представляется ему еще полнымъ дѣтской невинности,—такъ онъ къ нему и относится. Вѣритъ въ слово, въ правду, не понимаетъ исключительной важности расписки, а потому является самымъ благодарнымъ элементомъ для всяческаго рода эксплоататоровъ. И они не кладутъ, конечно, охулки на руку. Что сдѣлали съ этимъ краемъ и съ этими людьми евреи,—больно вспоминать.

Вотъ идетъ гуцулъ „у бутинъ“ (на срубку дерева). Живетъ въ лѣсу два—три и больше мѣсяца съ обязательствомъ брать съѣстные припасы изъ лавочки хозяина-еврея. И до какой степени доходитъ наглость предпринимателя,

показываютъ случаи, далеко не единичные, когда гуцулъ, проработавъ какъ волъ 4—5 мѣсяцевъ, при расчетѣ остается д о л ж е н ъ х о з я и н у. Онъ, работникъ!

И такъ на каждомъ шагу. Срубленное дерево сплавляютъ гуцулы на плотахъ, называемыхъ тамъ „дарàби". Принявъ во вниманіе бѣшеное теченіе горныхъ рѣкъ, легко себѣ вообразить, что это за ремесло; и дѣйствительно, не обходится ни одинъ сезонъ безъ того, чтобы не утонуло нѣсколько душъ сплавщиковъ. И вотъ именно здѣсь, на этой работѣ, всегда соприкасающейся со смертью, эксплоататоръ выжимаетъ каждый грошъ. Уже сама по себѣ плата по сравненію съ рискомъ ничтожна: вѣдь въ случаѣ смерти гуцула никто ни передъ кѣмъ ничѣмъ не отвѣчаетъ. Но и изъ этой скудной платы урывается не часть и не половина даже. Судите сами. Надо наловить дерева, надо три или четыре дня сбивать этотъ плотъ, день провести на сплавливаніи, день возвращаться пѣшкомъ черезъ горы полсотни верстъ отъ Вижницы. Въ общемъ уходитъ недѣля.

Но вотъ дараба сбита. Приходитъ съ инструментомъ довѣренный хозяина, очевидно, тоже еврей. Плата разсчитывается по кубическому содержанію дарабы. Довѣренный мѣряетъ, гуцулъ смотритъ. Но что онъ тамъ видитъ? Вѣдь вычисленія кубическаго содержанія производятся агентомъ дома по таблицѣ, въ которой гуцулъ ничего не смыслитъ. И потому дараба, въ которой гуцулъ на-глазъ предполагалъ сотни полторы кубическихъ метровъ, вдругъ оказывается имѣетъ 70.

Потомъ гуцулу даютъ „фатуру"—бумаженку, которую онъ долженъ предъявить тамъ, внизу, въ Вижницѣ. Въ этой самой „фатурѣ" написано, сколько и чего имѣетъ гуцулъ на дарабѣ и сколько ему надо получить.

Плыветъ гуцулъ „дарабовъ". Что это за путешествіе, надо испытать самому. Когда въ бѣшеной скачкѣ по волнамъ летитъ дараба прямо на скалу и отъ одной десятой секунды, отъ одного поворота передняго весла зависитъ все; когда врѣзывается въ пѣну водопада и вода заливаетъ „кермалича" по поясъ; когда наскочитъ на камень и надо прыгать въ воду, грудью сталкивать огромнѣйшую тяжесть 30—40 большихъ бревенъ,—всего этого не передать въ нѣсколькихъ словахъ.

Но вотъ гуцулъ послѣ цѣлаго дня такой работы, послѣ десять разъ избѣгнутой опасности утонуть или по меньшей мѣрѣ стать калѣкой, предстаетъ, наконецъ, передъ другимъ евреемъ въ Вижницѣ. Тутъ ему объявляютъ, что онъ вмѣсто, скажемъ, двадцати рублей долженъ получить всего тринадцать.

— Да какъ же! Семдесятъ же кубиковъ! Выходитъ...

Но ему не даютъ договорить, бросаютъ деньги на землю, а если недоволенъ, предлагаютъ судиться. А какъ ты будешь судиться, когда сегодня еще твою дарабу разобьютъ на части, разбросаютъ или угонятъ дальше? Кто тамъ ее будетъ мѣрять и устанавливать, что было въ ней не семьдесятъ, а полтораста кубическихъ метровъ, и что надо получить не тринадцать, не двадцать даже, а вдвое больше рублей. А хотя бы и дошелъ до суда (этого никогда не было, такъ какъ это невозможно), такъ вѣдь это дѣло будетъ разбираться въ судѣ, купленномъ, перекупленномъ евреями же. Правды все равно не найдешь.

И идетъ гуцулъ домой. А благодаря этому всему пріѣзжаете вы въ наибольшее изъ гуцульскихъ селъ Жабье, ѣдете 12 верстъ улицей—и ни одной гуцульской хаты. Все корчма, еврейскіе домики, шинки, лавченки. А гуцулъ гдѣ? Вонъ на верхахъ видите точечки, разбросанныя то тамъ, то тамъ,—это гуцулы. Ровное мѣсто возлѣ дороги забралъ еврей, а гуцула выгналъ высоко, куда, пожалуй, и верхомъ не проберешься, а на себѣ надо тащить и муку, и все, что нужно для жизни. А какъ занесетъ иногда снѣгомъ въ декабрѣ, такъ только весной гуцулъ покажется въ село.

А полонины, это главное богатство гуцула! Вѣдь безъ полонины онъ ничто, въ буквальномъ смыслѣ слова. Живетъ только скотоводствомъ, и если у него не будетъ мѣста, гдѣ пасти скотъ, что дѣлать тогда гуцулу? И вотъ всѣ за ничтожными единичными исключеніями полонины находятся уже въ рукахъ евреевъ. Покупались за безцѣнокъ, а теперь цѣнятся въ сотни тысячъ. А какъ покупались,—и говорить не хочется. Вотъ, напримѣръ, гуцулъ дѣлаетъ такое условіе съ евреемъ: „Давай мнѣ водки ежедневно, сколько я захочу до самой смерти, а я за то тебѣ завѣщаю полонину". Дѣлается условіе, нотаріально подтверждается; еврей начинаетъ ухаживать за гуцуломъ. Официально былъ установленъ рядъ фактовъ, когда корчмарь подсыпалъ въ водку медленно дѣйствующаго яда, гуцулъ умиралъ черезъ 1½—

2 года, и еврей становился законнымъ владѣльцемъ огромнаго имущества. И это не единичный случай, извѣстенъ цѣлый рядъ подобныхъ переуступокъ; одно время это носило характеръ попросту какой-то истерической эпидеміи, такъ что на борьбу должны были выступить священники, и только благодаря ихъ культурнымъ усиліямъ кое-какъ удалось погасить это зло, такъ что въ послѣднее время не было слышно о подобныхъ записяхъ.

Но надо спѣшить нести свѣтъ, науку, кооперацію въ гуцульскую среду. Онъ талантливъ, гуцулъ, онъ всестороненъ, но онъ позабытъ, отданъ на съѣдѣніе. А когда извнѣ или изъ самой народной среды появится кто-либо одаренный организаторскими способностями и сумѣетъ сплотить вокругъ себя одинаково мыслящихъ, съ жаромъ неофитизма бросается гуцулъ на всякую общественную работу и поражаетъ быстротою достигнутыхъ благопріятныхъ результатовъ.

Но правительства вообще не спѣшатъ съ просвѣщеніемъ народа, и украинскому народу въ этомъ отношеніи, что называется, и совсѣмъ не везетъ. Положеніе украинцевъ въ Россіи извѣстно, приблизительно таково же оно въ Венгріи, гдѣ точно такимъ же образомъ правительство мадьяризуетъ украинца, какимъ омоскаливаетъ его въ Россіи. Въ Галиціи его ополячиваютъ. Правда, конституція все-таки не даетъ желательнаго размаха польскимъ властямъ предержащимъ, но все-же дѣлаютъ, что могутъ. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы основать польскую гимназію, достаточно извѣстить объ этомъ министерство; для того же, чтобы открыть украинскую гимназію, нужно испросить разрѣшеніе мѣстнаго сейма, въ которомъ до самыхъ недавнихъ временъ было на 170 членовъ два или три украинца, да и то изъ такъ-называемыхъ „порядочныхъ“, т.-е. къ оппозиціи неспособныхъ. Очевидно, что благодаря этой системѣ рядомъ съ нѣсколькими десятками польскихъ гимназій въ Галиціи имѣется только пять украинскихъ; правда, ихъ больше, но частныхъ, основанныхъ на пожертвованныя средства безъ какой бы то ни было правительственной помощи. Надо было заводить частныя гимназіи, когда не было никакой надежды добиться разрѣшенія на устройство казенной.

Такова же политика и для низшей школы. Украинскихъ школъ въ процентномъ отношеніи меньше, но и тамъ, гдѣ они есть, школьная инспекція (въ средѣ которой всего одинъ

украинецъ и тоже „порядочный“) назначаетъ учителя-поляка. Словомъ,—повторяю,—нигдѣ правительства не спѣшатъ съ просвѣщеніемъ народа,—не спѣшатъ и на Гуцульщинѣ. Вотъ развѣ удастся украинцамъ добиться проведенія реформы и избирательнаго закона въ сеймъ, пройдутъ туда представители народа въ большомъ числѣ, потребуютъ правъ для своихъ выборщиковъ и для гуцуловъ въ томъ числѣ. А потомъ, можетъ быть,—и это идеалъ украинской политики въ Галиціи,—придетъ раздѣленіе провинцій; то-есть польская Галиція будетъ сама по себѣ съ сеймомъ въ Краковѣ, а украинская сама по себѣ съ сеймомъ во Львовѣ. Тогда, можетъ быть, и въ гуцульское „віконце загляне сонце“. А до тѣхъ поръ надежды на улучшеніе положенія нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, каждый годъ при разливѣ Черемоша компаніи, эксплоатирующія лѣсныя богатства Гуцульщины, пускаютъ такъ-называемымъ „свободнымъ сплавомъ“ сотни тысячъ бревенъ. При извилистости теченія Черемоша, когда такая масса дерева, развивъ колоссальную динамическую энергію, ударитъ въ берегъ мокрый отъ весеннихъ дождей и снѣговъ,—легко себѣ представить, что получается. Не сотнями, а цѣлыми десятинами отрываетъ у гуцула землю, дорогую, на вѣсъ золота цѣнящуюся землю. Въ горной мѣстности каждый клочокъ ровной земли безконечно дорогъ. И что же? Хотя ни въ одномъ культурномъ государствѣ нѣтъ уже давно этого „дикаго сплава“, гуцулы не могутъ добиться проведенія соотвѣтствующаго закона для себя, ибо это невыгодно полякамъ, эксплоатирующимъ лѣса и непосредственно (князь Любомірскій), и посредственно при помощи нѣмецко-еврейскихъ компаній.

Итакъ, гуцулу пока-что не откуда ждать помощи. Правда, украинская интеллигенція Галиціи, могущая въ смыслѣ національной работы дать по меньшей мѣрѣ сто очковъ впередъ своимъ коллегамъ въ Россіи, дѣлаетъ что можетъ; украинецъ-священникъ, котораго уже ни въ какомъ смыслѣ нельзя сравнивать съ его коллегой здѣсь, дѣлаетъ что можетъ, но все это, являясь частной иниціативой, работой единицъ, на массахъ отражается весьма медленно; условій же для широкой дѣятельности, могущихъ быть созданными только государствомъ, почти нѣтъ, такъ какъ власть,—повторяю,—находится въ рукахъ поляковъ. Остается гуцулу, „не надѣяся на князи и сыны человѣческія, въ самомъ себѣ искать спасенія“. И въ послѣднее время замѣчаются отрадные симптомы въ этомъ направленіи: изъ

гуцульской среды выходятъ народные дѣятели; организуютъ, собираютъ, проповѣдуютъ, и земляки, понимая своихъ людей, что называется, до дна, охотно идутъ навстрѣчу. Тогда получаются самые отрадные результаты. Нужно пожелать гуцуламъ побольше такихъ людей, а дать ихъ должна опять-таки интеллигенція.

Еще нѣсколько словъ, прежде чѣмъ окончить. Природа Гуцульщины прекрасна, народъ оригиналенъ, полонъ своеобычной прелести, языкъ его заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія и... нѣтъ до сихъ поръ поэта Гуцульщины, нѣтъ художника, который бы понялъ душу народа и перенесъ ее на полотно.

Единственнымъ поэтомъ Гуцульщины является Федьковичъ. Онъ—романтикъ, описывалъ только буковинскаго гуцула, но стихъ его такъ богатъ, знаніе языка такъ изумительно, что прощаешь нѣкоторые недочеты, видимые современному искушенному глазу, и читаешь съ восторгомъ. Изъ новеллистовъ хорошъ Семанюкъ, галицкій писатель, но онъ выпустилъ всего одну маленькую книжечку. Стефаникъ писалъ не о гуцулахъ, хотя его персонажи живутъ въ ближайшей мѣстности—Снятинщина. Очень мало написалъ изъ жизни гуцуловъ Франко, но его немногочисленныя въ этой области произведенія отмѣчены печатью литературнаго такта. Франко—самъ галичанинъ, долгое время жилъ на Гуцульщинѣ, самъ записывалъ этнографическіе матеріалы, но онъ никогда не отваживался писать гуцульскимъ діалектомъ. Какъ художникъ, онъ понималъ, что малѣйшая ошибка здѣсь, въ художественномъ произведеніи, уже смѣшна и что хотя найдется пять—десять зрителей, хлопающихъ всякому актеру, но въ театрѣ всегда отыщется кто-нибудь предъявляющій творчеству высокія требованія, и тогда художнику будетъ стыдно. И Франко былъ остороженъ.

Изъ художниковъ-украинцевъ только вещи Петрака заслуживаютъ вниманія. Поляки много писали, и даже имена замѣтныя,—Sichulski, Axentvoicz,—но имъ чуждъ духъ, душа гуцульскаго народа, — изъ-подъ польской кисти не вышло еще ни одного произведенія, затрогивающаго Гуцульщину, которое приковывало бы взоръ.

Такъ и красуются гуцулъ и Гуцульщина для самихъ себя, ожидая поэта, который бы воспѣлъ ихъ огненнымъ стихомъ. Но этотъ поэтъ еще не родился.

И. Хоткевичъ.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Къ юбилею Т. Г. Шевченко. Украинцы Галичины и Буковины уже начали готовиться къ предстоящему въ 1914 году празднованію столѣтія дня рожденія Т. Г. Шевченка. Во Львовѣ состоялось нѣсколько засѣданій украинскихъ общественныхъ дѣятелей по этому поводу. На одномъ изъ нихъ проф. В. Щукевичъ предложилъ планъ празднованія на весь 1914 годъ и на каждый мѣсяцъ этого года въ отдѣльности. Собраніемъ этотъ планъ переданъ для выполненія въ юбилейный комитетъ, въ составъ котораго избрано 7 человѣкъ. Такія же собранія состоялись и въ столицѣ Буковины Черновицахъ. На одномъ изъ собраній украинскій дѣятель З. Кузеля выступилъ съ рефератомъ, требуя признать 1914 годъ юбилейнымъ годомъ для всего края и избрать въ Черновицахъ комитетъ, который долженъ войти въ соглашеніе съ подобными же комитетами во Львовѣ. и Кіевѣ, чтобы сдѣлать торжество всенароднымъ. Въ день торжества занятія въ школахъ должны быть прекращены. Въ юбилейный годъ должны быть основаны публичная библіотека имени Шевченка и національный музей, а также должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы повсюду появились юбилейныя таблицы, дубы и т. д. Проектъ принятъ собраніемъ, избравшимъ для осуществленія его комитетъ изъ 9-ти человѣкъ.

Открытіе памятника Шевченку въ Винникахъ. Въ сентябрѣ, въ м. Винникахъ, близъ Львова, состоялось открытіе памятника Т. Г. Шевченку. На торжество изъ Львова прибыло до 500 челов., которыхъ винникскіе украинцы встрѣтили на вокзалѣ и съ музыкой проводили на площадь, гдѣ поставленъ памятникъ. О началѣ торжества оповѣщено было выстрѣлами. Крестьянскій оркестръ исполнилъ серенаду Шуберта «Надъ моремъ», хоръ пропѣлъ шевченковскій «Заповіт». Затѣмъ начались рѣчи. Въ числѣ ораторовъ выступилъ украинскій писатель и дѣятель Богданъ Лепкый и представитель украинскаго парламентскаго клуба и «Народнаго комітета» Евг. Олесницкій, указавшій въ своей рѣчи, между прочимъ, на то, что памятникъ украинскому національному генію приходится ставить въ Винникахъ, а не въ Кіевѣ или во Львовѣ, гдѣ начинанія встрѣчаютъ недружелюбное отношеніе городскихъ представительствъ. Послѣ рѣчей исполненъ былъ гимнъ «Ще не вмерла Україна», а затѣмъ состоялось шествіе по улицамъ Винникъ. Впереди ѣхали верхомъ мѣстные мѣщане въ козацкихъ одѣяніяхъ, затѣмъ

шли представители различныхъ украинскихъ Обществъ («Соколовъ», «Січей», «Просвітъ») со своими знаменами, а за ними учащіеся, гости изъ Львова, винникскіе украинцы и прибывшіе на торжество изъ сосѣднихъ мѣстностей. Улицы, по которымъ проходило шествіе, украшены были украинскими національными флагами.

Памятникъ, исполненный по проекту архитектора Лушпинскаго, представляетъ бюстъ Шевченка, установленный на гранитномъ постаментѣ. Поставленъ памятникъ на главной улицѣ Винникъ, носящей имя улицы Шевченка.

Памяти Леси Украинки. 2-го октября въ Кіевѣ состоялось засѣданіе «Українськаго Науковаго Товариства», посвященное памяти Леси Украинки. Открывая засѣданіе, проф. М. С. Грушевскій напомнилъ собранію о тяжелыхъ утратахъ, понесенныхъ украинствомъ со смертью Н. В. Лысенка, М. Коцюбинскаго и Л. Украинки. Характеризуя творчество безвременно умершей поэтессы, онъ подчеркнулъ, что высокій уровень идей въ ея произведеніяхъ былъ необычнымъ для украинскаго общества, которое въ большинствѣ не доросло еще до пониманія творчества Л. Украинки. Далѣе Л. М. Старицкая-Черняховская, бывшая подругой покойной съ дѣтскихъ лѣтъ, подѣлилась воспоминаніями о ней, а И. М. Стешенко и А. В. Никовскій въ своихъ рефератахъ дали анализъ творчества Л. Украинки.

Къ юбилею И. П. Котляревскаго. По поводу приближающагося 75-лѣтія со дня смерти отца новой украинской литературы И. П. Котляревскаго полтавскіе украинцы обратились въ полтавскую городскую думу со слѣдующимъ заявленіемъ: «Приближается 75-лѣтняя годовщина смерти славнаго полтавскаго гражданина И. П. Котляревскаго. Полтавское городское общественное управленіе много сдѣлало для того, чтобы достойно почтить память своего великаго гражданина. Заботами городского управленія сооруженъ въ центрѣ города памятникъ автору безсмертной «Наталки Полтавки» и устроено торжественное открытіе его, имѣвшее огромное значеніе для родного края. Потомъ, при содѣйствіи мѣстныхъ жителей городъ соорудилъ школу имени И. П. Котляревскаго. Мы полагаемъ, что полтавская городская дума и въ настоящее время не откажется выполнить свою культурную обязанность, и потому просимъ: 1) въ день смерти И. П. Котляревскаго (29-го октября) исхлопотать разрѣшеніе на помѣщеніе въ полтавской духовной семинаріи, гдѣ учился поэтъ, памятной таблицы съ соотвѣтствующей надписью; 2) заказать эту таблицу и торжественно прибить ее на предназначенное мѣсто; 3) въ день смерти поэта отслужить панихиду на могилѣ его въ присутствіи учениковъ городскихъ училищъ; 4) отслужить панихиду у памятника поэта и возложить вѣнокъ; 5) устроить вечеръ памяти поэта и доходъ отъ этого вечера обратить на упорядоченіе музея имени Котляревскаго и бюста на училищномъ зданіи и 6) устроить актъ въ училищѣ имени поэта или вечеръ для учащихся».

Протестъ екатеринославскихъ крестьянъ. Въ «Радѣ» напечатанъ протестъ екатеринославскихъ крестьянъ противъ извѣстнаго выступленія г. Родзянка въ Гос. Думѣ по украинскому вопросу. Протестъ этотъ, посланный члену Гос. Думы Петровскому, какъ представителю екатеринославскихъ рабочихъ, является чрезвычайно важнымъ показателемъ роста національнаго самосознанія среди украинскаго крестьянства, и потому мы считаемъ необходимымъ привести его въ переводѣ съ украинскаго полностью:

«Товарищу Петровскому, представителю отъ рабочихъ Екатеринославщины въ Государственной Думѣ, протестъ противъ рѣчи предсѣдателя Государственной Думы г. Родзянка.

Мы, крестьяне уѣздовъ Екатеринославскаго, Новомосковскаго, Павлоградскаго и Александровскаго Екатеринославской губерніи, сознавая интересы духовной жизни всего украинскаго народа, съ возмущеніемъ выражаемъ свой протестъ противъ выступленій предсѣдателя Гос. Думы г. Родзянка. Прежде всего г. Родзянко не имѣетъ права вмѣшиваться въ вопросы украинской жизни потому, что мы причисляемъ его къ тѣмъ людямъ, которые оставили свой языкъ и пренебрегли интересами украинскаго народа: они не знаютъ нашего темнаго простого народа и его нуждъ, а также не принимаютъ участія въ культурной жизни украинской національности, которая состоитъ изъ сознательнаго крестьянства и интеллигенціи, ведетъ борьбу за обездоленный безправіемъ людъ. Всѣмъ этимъ господамъ, подобнымъ Родзянку, Скоропадскому и т. п., покинувшимъ свой народъ на произволъ судьбы, смѣло скажемъ: вмѣшиваться въ украинское дѣло не смѣете! Это, во-первыхъ. Не имѣлъ права Родзянко, ссылаясь на слова какихъ-то земскихъ гласныхъ «малороссовъ», увѣрять Гос. Думу, что языкъ, на который переведенъ манифестъ 17-го октября 1905 г., непонятенъ для крестьянъ Екатеринославщины потому, что онъ украинскій, или, какъ онъ говоритъ, украинофильскій. Развѣ можно выдавать никчемныя указанія измѣнниковъ-пановъ, разныхъ полупанковъ и підпанковъ, всякихъ прислужниковъ панскихъ и перевертней за голосъ украинскаго крестьянства. Вѣдь это страшное злоупотребленіе фактами. Крестьяне наши не имѣли возможности высказаться о языкѣ манифеста уже потому, что онъ до крестьянъ почти не дошелъ,—крестьяне его не читали, потому что листки этой печатной бумаги, вѣроятно, застряли гдѣ-то въ уѣздныхъ земскихъ управахъ. Заинтересовавшись вопросомъ благодаря выступленію г. Родзянка, мы съ большимъ трудомъ нашли переводъ манифеста, сдѣланный хорошимъ знатокомъ нашего языка, и сожалѣемъ, что онъ своевременно не дошелъ до крестьянства. Въ самомъ дѣлѣ, манифестъ переведенъ прекраснымъ роднымъ нашимъ украинскимъ языкомъ, совершенно понятнымъ для насъ, на которомъ пишутъ и писали наши лучшіе писатели и на которомъ печатаются наши журналы. Напрасны намеки г. Родзянка на украинофильскій языкъ, который будто бы намъ насильно навязываютъ. Неправда! Кто можетъ

заставить разговаривать такую огромную національность, какъ украинская, на какомъ-то выдуманномъ однимъ человѣкомъ языкѣ? Или развѣ нужно заставлять разговаривать и писать на родномъ языкѣ? Это что-то такое невозможное, чего и не поймешь. Никто насъ не заставляетъ пользоваться роднымъ намъ, украинцамъ, нашимъ украинскимъ языкомъ, ибо мы крѣпко убѣждены, что только родная намъ украинская литература, журналы на украинскомъ языкѣ представляютъ живой источникъ нашего просвѣщенія, ведущій къ культурной сознательности. Школа съ чуждымъ великорусскимъ языкомъ на Украинѣ калѣчитъ нашихъ дѣтей, и, несмотря на то, что мы тратимъ много средствъ на школьное дѣло, получаемъ печальные результаты—75 процентовъ возвращенія къ безграмотности. Поэтому требованія: 1) на Украинѣ языкомъ просвѣщенія долженъ быть родной намъ украинскій языкъ; 2) распространеніе правъ нашего языка на употребленіе его въ различныхъ общественныхъ учрежденіяхъ; 3) права на свободное развитіе нашей литературы. Только автономія Украины наравнѣ съ автономіей другихъ національностей дастъ условія для обезпеченія нашего права на свободное культурное и общественное развитіе. А гг. Родзянкамъ, Скоропадскимъ и Савенкамъ напоминаемъ, что скоро наступитъ время, когда «довідаються небожата, чия на васъ шкура».

Протестъ этотъ подписали: крестьяне Екатеринославкаго уѣзда 380 чел., Новомосковскаго уѣзда 820 чел., Павлоградскаго уѣзда 320 чел., всего 1,790 чел.

Резолюція объ украинскомъ языкѣ. На состоявшемся въ Кіевѣ во время выставки сельскохозяйственномъ съѣздѣ въ секціи общественной агрономіи А. А. Терниченко выступилъ отъ имени «Товариства украінських агрономів», съ докладомъ «Особенности культурно-агрономической работы на Украинѣ». Въ докладѣ этомъ г. Терниченко проводилъ ту мысль, что агрономы въ Украинѣ, какъ работники на нивѣ поднятія общей культуры края, не могутъ не считаться съ историческимъ его укладомъ, съ мѣстными національными особенностями. Чтобы быть ближе къ населенію и чтобы населеніе понимало агрономовъ, они должны разговаривать на его родномъ языкѣ. На популярныхъ лекціяхъ, чтеніяхъ и курсахъ необходимо употреблять украинскій языкъ. Литература по сельскому хозяйству также должна быть на украинскомъ языкѣ. Секція приняла предложеніе А. А. Терниченка безъ дебатовъ.

За украинскій языкъ. Подольскій губернаторъ запросилъ губернскую земскую управу, по какой причинѣ на винницкомъ кооперативномъ съѣздѣ, созванномъ по ходатайству управы, дебаты велись на украинскомъ языкѣ. Полицейскій чиновникъ, дежурившій на съѣздѣ, посаженъ на гауптвахту за то, что не останавливалъ ораторовъ. Исправнику объявленъ строгій выговоръ. Инструкторъ, который первый заговорилъ по-украински, увольняется отъ должности. Предсѣдателемъ съѣзда былъ графъ Гейденъ.

Украинское издательство въ Россіи. Въ «Радѣ» напечатана статья Гр. Тысяченка, подводящая итоги украинскому книжному издательству въ Россіи за первую половину текущаго года. По даннымъ «Книжной Лѣтописи», за этотъ періодъ въ Россіи вышло 87 книгъ въ количествѣ 325,585 экземпляровъ. Прибавивъ къ этому числу 6 книжекъ, почему-то не вошедшихъ въ реестръ «Кн. Л.», получимъ 93 книжки. Изъ нихъ: стихотвореній — 4 книги (5,250 экз.), беллетристики — 14 книгъ (24,875 экз.), драматическихъ произведеній—9 кн. (18,700 экз.), дѣтскихъ книгъ—7 (61,000 экз.), книгъ по теоріи и исторіи литературы, критикѣ, психологіи, педагогикѣ, публицистикѣ и т. д.—12 (18,060 экз.), по исторіи—1 (400 экз.), филологіи—1 (3,000 экз.), этнографіи—4 (10,500 экз.), школьныхъ учебниковъ—1 (4,000 экз.), по экономическимъ и юридическимъ наукамъ—6 (13,000), по сельскому хозяйству (18,900 экз.), сборниковъ—1 (1,000 экз.), музыкальныхъ произведеній—5 (2,900 экз.), справочниковъ—3 (34,000 экз.), лубочныхъ изданій —13 (110,000 экз.). Въ ряду другихъ національностей Россіи, украинцы по книжной производительности занимаютъ с е д ь м о е мѣсто, передвинувшись впередъ на одно мѣсто по сравненію съ прежними годами. Такъ какъ за первую половину 1912 г. украинскихъ книгъ вышло больше, чѣмъ въ настоящемъ году, на 23 названія, то изъ этого слѣдуетъ, что книжная производительность у другихъ народовъ уменьшилась въ еще болѣе значительной степени.

О памятникѣ М. Л. Кропивницкому. Среди украинцевъ м. Бобринецъ (Херсонск. губ.), гдѣ началъ свою артистическую дѣятельность М. Л. Кропивницкій и гдѣ онъ написалъ нѣкоторыя свои драматическія произведенія, возникла, по сообщенію «Рады», мысль поставить памятникъ «отцу украинскаго театра».

Украинство и администрація. Мануйловская «Просвіта», получивъ отъ антрепренера украинской труппы Сабинина согласіе устроить спектакль въ пользу «Просвіты», обратилась за разрѣшеніемъ къ екатеринославской администраціи. Послѣ долгаго ожиданія выяснилось, что на ходатайство «Просвіты» послѣдовала резолюція: запросить новомосковскую уѣздную полицію о благонадежности О-ва. Желая ускорить дѣло, мануйловская «Просвіта» возбудила вторично ходатайство, но уже черезъ екатеринославскую «Просвіту». Но и на это ходатайство послѣдовала прежняя резолюція, причемъ было прибавлено требованіе представить губернатору списокъ артистовъ, которые будутъ участвовать въ спектаклѣ. Въ концѣ-концовъ дѣло со спектаклемъ разстроилось.

Секретарь лубянскаго сельск.-хоз. О-ва агрономъ П. Гавсевичъ подалъ полтавскому губернатору ходатайство о разрѣшеніи открыть въ Лубнахъ украинскій книжный магазинъ. Лубенская полиція не только собрала справки о благонадежности Гавсевича, но еще настоятельно требовала свѣдѣній, на какія средства предполагается открыть магазинъ, гдѣ онъ будетъ по-

мѣщаться и кто будетъ производить продажу, чего г. Гавсевичъ, не имѣя еще разрѣшенія на открытіе магазина, не можетъ, конечно, знать.

Завѣщаніе М. Ф. Комарова, содержаніе котораго сообщено въ предыдущемъ № «У. Ж.», утверждено одесскимъ окружнымъ судомъ.

На нужды украинскаго просвѣщенія. Одесскій окружный судъ послѣ процесса съ наслѣдниками утвердилъ завѣщаніе помѣщика Подольской губ. Константина Володкевича, умершаго 8-го апрѣля 1909 г. По этому завѣщанію 400 тыс. руб. предназначено на благотворительныя цѣли, преимущественно полякамъ. Но, будучи по происхожденію отчасти украинцемъ, покойный оставилъ 30 тыс. руб. на сел.-хоз. училище въ Винницѣ и, кромѣ того, 36 тыс. рублей на учрежденіе во львовскомъ университетѣ стипендіи имени К. Володкевича для лицъ украинской національности родомъ изъ Галичины, пріобрѣтшихъ ученыя степени во львовскомъ или краковскомъ университетѣ, для дальнѣйшаго изученія естественныхъ, медицинскихъ, математическихъ и агрономическихъ наукъ.

Это уже второе значительное пожертвованіе на развитіе высшей науки на украинскомъ языкѣ. Ранѣе пожертвованіе сдѣлано проф. П. П. Пелехинымъ на основаніе во львовскомъ украинскомъ университетѣ каѳедры хирургіи имени жертвователя. Капиталъ этотъ, достигающій въ настоящее время свыше 70,000 тыс. гульденовъ, хранится въ «Товариствѣ имени Шевченка» во Львовѣ. Впредь до основанія украинскаго университета проценты съ этого капитала должны итти на пособія молодымъ украинскимъ ученымъ.

Къ юбилею Ив. Франка. Украинскій писатель Василь Стефаникъ, какъ сообщаютъ галицкія газеты, отправляется въ Канаду съ цѣлью прочесть тамъ рядъ лекцій о дѣятельности Ив. Франка.

Украинскія частныя гимназіи въ Галичинѣ. Къ концу 1912—1913-го учебнаго года количество учащихся въ частныхъ украинскихъ гимназіяхъ Галичины достигало 1498 чел. Такихъ гимназій въ Галичинѣ шесть: въ Збаражѣ (3 класса), Городенкѣ (4 кл.), Коничинцахъ (4 кл.), Рогатинѣ (6 кл.), Чортковѣ (2 кл.), и Яворовѣ (6 кл.). Гимназій безъ правъ двѣ: въ Бускѣ и Донинѣ. Въ нихъ было въ общемъ, 192 уч. Всѣ эти гимназіи состоятъ подъ опекой «Краеваго Шкільного Союза» во Львовѣ. Кромѣ того, «Союзъ» содержитъ еще двѣ учительскія семинаріи—во Львовѣ и Коломыѣ.

О-во защиты украинской старины. Во Львовѣ основывается О-во защиты украинской старины, ставящее своей цѣлью объединить широкіе круги украинской интеллигенціи и при содѣйствіи ея уберечь отъ гибели неуничтоженные еще памятники украинской культуры.

В. И. Дзюбинскій объ украинскихъ дѣлахъ.

Во время пребыванія члена Гос. Думы В. И. Дзюбинскаго въ Кіевѣ сотрудникъ «Рады» имѣлъ съ нимъ разговоръ по вопросу объ объединеніи національностей, о роли въ этомъ дѣлѣ трудовой фракціи и о законопроектѣ еп. Никона. По поводу анкеты, разосланной трудовой фракціей представителямъ прогрессивныхъ группъ среди недержавныхъ національностей Россіи (см. № 9 «Укр. Ж.», стр. 80), В. И. Дзюбинскій сказалъ:

— Мы имѣемъ въ виду собрать обстоятельный матеріалъ о современномъ положеніи недержавныхъ національностей Россіи, объ отношеніи къ нимъ государственныхъ законовъ, объ административной практикѣ по отношенію къ національнымъ движеніямъ, объ отношеніяхъ между народностями, живущими вперемежку или пососѣдству, о возможныхъ или дѣйствительныхъ національныхъ антагонизмахъ, о націоналистическихъ организаціяхъ и общественныхъ теченіяхъ и пр. Весь этотъ матеріалъ мы предполагаемъ обработать и подготовить для предстоящей конференціи представителей недержавныхъ народовъ. Въ этомъ вопросѣ трудовая группа Гос. Думы беретъ на себя иниціативу, а не руководство, потому что это уже дѣло самихъ представителей столковаться, какъ будетъ лучше. Но для насъ ясно какъ Божій день, что національный вопросъ въ Россіи—одинъ изъ важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ, другія же думскія группы не признаютъ его или замалчиваютъ. Между тѣмъ, мы думаемъ, что несмотря на національные конфликты, вражду и недоразумѣнія, напр., между поляками и евреями, татарами и армянами и т. д., все-таки прогрессивные и дѣйствительно демократическіе элементы этихъ націй могутъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ столковаться и притти къ соглашенію. Но наибольшее значеніе имѣетъ выясненіе національнаго вопроса, такъ какъ русское разноплеменное общество мало знаетъ, что такое каждая народность, чѣмъ она живетъ, чего хочетъ, каковъ ея составъ, какія идейныя теченія существуютъ въ ней и т. д. Поэтому нужно выяснить, какія требованія и какое отношеніе у каждой націи къ прочимъ.

— Какіе же способы могутъ существовать для выясненія національныхъ вопросовъ?

— Прежде всего—изданіе общаго періодическаго органа, главнымъ образомъ информаціоннаго, по образцу «Украинской Жизни», но такъ, чтобы каждая нація могла получить въ этомъ органѣ соотвѣтствующее мѣсто. Потомъ книги, брошюры, а также и устная пропаганда въ формѣ лекцій, рефератовъ и т. д.

— Какъ вамъ представляется форма объединенія національностей?

— Рѣшать напередъ мы не можемъ. Это можетъ быть союзъ по образцу союза автономистовъ-федералистовъ, основавшагося еще въ первой Гос. Думѣ. Что касается элементовъ, которые должны войти въ ту или иную международную организацію, то уже иниціатива трудовой группы въ этомъ вопросѣ показываетъ, что для группъ реакціонныхъ, консервативныхъ или такихъ, которыя не признаютъ національнаго вопроса, тамъ не будетъ мѣста.

— Существуетъ ли въ самой Думѣ почва и соотвѣтствующіе элементы для междудумскаго національнаго объединенія? Вѣдь такая думская группа сдѣлала бы далеко больше для національнаго вопроса въ Россіи.

— Видите ли, трудно представить, изъ кого сложится такая думская группа. Польское коло съ его эгоистической и неопредѣленной политикой едва ли имѣетъ много такихъ членовъ, на искренность которыхъ можно было бы положиться; среди прогрессистовъ и кадетовъ что-то не видно такихъ депутатовъ, которые интересовались бы національнымъ вопросомъ; что же касается крестьянъ, которые могли бы дать наиболѣе значительное число членовъ національной группы, то на нихъ никакихъ надеждъ возлагать нельзя. Даже верховоды крестьянской группы, люди довольно интеллигентные, уже пріобрѣвшіе себѣ прочное и независимое положеніе, считаясь съ мыслями и настроеніями правыхъ и націоналистовъ, которые провели ихъ въ Думу, уклоняются отъ прямыхъ и открытыхъ выступленій. Вотъ вамъ примѣръ. Одинъ вашъ землякъ, Мерщій, сознательный украинецъ, когда я спросилъ его въ Думѣ, не думаетъ ли онъ отвѣчать на выступленія правыхъ противъ украинства, отмахнулся: «Теперь еще не время». Другой примѣръ—выступленіе деп. Макогона: можно ли разсчитывать, что онъ отважится на самостоятельную дѣятельность вопреки желаніямъ правыхъ? Поэтому приходится признать, что для организаціи думской объединенной національной группы или нѣтъ почвы, или, можетъ быть, еще не пришло время.

— Почему въ Думѣ никто не выступилъ съ отвѣтомъ на рѣчь Родзянка, имѣвшую явно тенденціозный характеръ?

— Тогда въ Думѣ нашлось бы немало желающихъ дать надлежащую отповѣдь на заявленіе Родзянка о томъ, что украинскій народъ украинскаго языка не понимаетъ, но выступалъ онъ не по личному дѣлу, а по наказу Думы въ такихъ случаяхъ отвѣты не допускаются: это дѣлается для того, чтобы ограничить личную полемику. Но въ предстоящую сессію Гос. Думы я при случаѣ или кто-нибудь другой изъ товарищей по фракціи укажемъ на то, насколько отвѣчаетъ дѣйствительности это заявленіе. Особенно сильнымъ аргументомъ является протестъ 1,790 крестьянъ Екатеринославской губ., изъ той мѣстности, откуда Родзянко имѣетъ мандатъ, и отъ тѣхъ крестьянъ, за которыхъ, какъ за лицъ, будто бы совершенно въ этихъ дѣлахъ неграмотныхъ, расписался въ Думѣ Родзянко.

— Знаете ли вы о законодательномъ предложеніи еп. Никона объ украинскихъ школахъ и Обществахъ и какъ къ этому относитесь?

— Отъ законодательнаго предложенія до законопроекта дорога очень далекая. Прежде всего надо, чтобы набралось 30 подписей подъ заявленіемъ Никона. Но нельзя требовать отъ прогрессивныхъ депутатовъ, чтобы они давали свои подписи подъ это заявленіе или даже склоняли правыхъ крестьянъ къ этому. Несмотря на всю оригинальность еп. Никона, мы не можемъ

забывать, что онъ принадлежитъ къ правому направленію и что написалъ онъ такое предисловіе къ своему законопроекту, гдѣ, путая такія понятія, какъ сепаратизмъ и автономизмъ, и вступая въ полемику съ лѣвыми партіями, совершенно исключаетъ всякую возможность совмѣстнаго выступленія. Слѣдовательно, его заявленіе пойдетъ въ правые круги Думы и тамъ будетъ собирать сторонниковъ. Пусть и соберется 30 подписей, но уже отъ президіума Думы зависитъ признать желательность или нежелательность законопроекта, а развѣ мало существуетъ прекрасныхъ законопроектовъ, которымъ не посчастливится попасть на общее обсужденіе потому, что президіумъ положилъ ихъ подъ сукно? Таковы права президіума.

— А представьте себѣ, что этотъ законопроектъ соберетъ 30 подписей и заслужитъ одобреніе президіума Думы, а слѣдовательно будетъ обсуждаться на общихъ собраніяхъ Думы,— какъ ваша группа тогда къ нему отнесется?

— Мы должны тогда выступить съ рѣзкой критикой предисловія къ законодательному предложенію. Но, принимая во вниманіе, что эти четыре пункта, прямыя предложенія, суть законопроекта,—о преподаваніи въ украинскихъ школахъ на украинскомъ языкѣ, о перевѣсѣ мѣстнаго элемента въ учительскомъ персоналѣ, о свободныхъ условіяхъ существованія и дѣятельности украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ Обществъ,—совершенно соотвѣтствуютъ ближайшимъ очереднымъ требованіямъ украинства, мы голосовали бы за передачу законопроекта въ комиссію. И опять-таки, если бы послѣ комиссіи дѣло дошло до голосованія за или противъ законопроекта, мы, указавъ, что наша группа далеко шире смотритъ на нужды украинскаго народа, что признаетъ за нимъ права на широкое и полное самоуправленіе, все-таки по указаннымъ выше мотивамъ («синица въ руки»...) голосовали бы за него, какъ частичное удовлетвореніе требованій украинскаго народа.

— А самый фактъ выступленія Никона,—выступленія небывалаго и необычайнаго для всей теперешней и предыдущей исторіи отношенія къ украинскимъ требованіямъ со стороны праваго лагеря,—можетъ ли служить въ Думѣ матеріаломъ во время рѣчей и дебатовъ?

— Конечно. Въ четвертой Думѣ еще не разъ прямо или между прочимъ будетъ вспоминаться украинскій вопросъ, и нѣтъ сомнѣнія, что прогрессивные депутаты будутъ пользоваться выступленіемъ еп. Никона, какъ сильнымъ аргументомъ противъ правыхъ («Рада», № 211).

Проф. С. В. Соловьевъ и украинскій языкъ. Въ теплой и задушевно написанной проф. Н. Ф. Сумцовымъ статьѣ «Памяти проф. С. В. Соловьева» († въ Харьковѣ 4-го апрѣля с. г.), напечатанной сперва въ «Южномъ Краѣ» (№ 11344) и появившейся въ дополненномъ и переработанномъ видѣ и отдѣльнымъ изданіемъ, находимъ слѣдующія строки, характеризующія отношеніе талантливаго харьковскаго профессора къ украинскому языку и украинской литературѣ.

«С. В. Соловьевъ не владѣлъ украинскимъ языкомъ, но, проживая среди украинскаго народа, онъ питалъ къ нему расположеніе. Увлекаясь сильно новой провансальской литературой, главнымъ образомъ, какъ онъ самъ признался въ докторской диссертаціи, по причинѣ ея ярко выраженнаго гуманитарнаго направленія, простоты, искренности и любви къ обездоленнымъ, С. В. не могъ не признавать такого близкаго, еще болѣе обездоленнаго явленія, какъ украинское литературное и народное слово. Онъ ознакомилъ какъ-то меня съ наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи стихотвореніями новыхъ провансальскихъ поэтовъ Жасмэна, Обанеля и Мистраля, болѣе того, онъ внесъ ихъ—эти гуманныя стихотворенія,—тѣ самыя, о которыхъ съ похвалою говорилъ мнѣ,—въ свою докторскую диссертацію съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ, по слѣдующему поводу.

Въ 1837 г. узкій французскій патріотъ централистъ Дюмонъ въ рѣчи о провансальскомъ языкѣ поставилъ вопросъ: „mais cette langue elle même doit elle Vivre?“, т.-е. можно ли еще признать право на существованіе, и отвѣтилъ такъ: je ne l'espére pas (не думаю), ôu plutôt, je ne le souhaite même pas (или, точнѣе, я совсѣмъ того не желаю).

Въ отвѣтъ Дюмону провансальскій поэтъ Жасмэнъ въ стихотвореніи отвѣчалъ: «Не спѣшите, господа, хоронить нашъ музыкальный языкъ. Французскіе ученые уже триста лѣтъ какъ приговорили его къ смерти, а языкъ все-таки живетъ; проходятъ годы, а его слова все звучатъ... Это языкъ труда! Онъ вступаетъ въ союзъ съ человѣкомъ отъ колыбели. О, господа, такой языкъ не исчезнетъ, и его нельзя уничтожить... Въ родномъ языкѣ есть нѣчто мистическое. Народъ хранитъ свой языкъ... Вы стѣной отдѣляете мать отъ ребенка; браните насъ, создаете изъ французскаго языка идола... но нашъ родной музыкальный языкъ всегда будетъ намъ матерью. Провансальскій языкъ—старое дерево; но на немъ еще много листьевъ, и корни его глубоко сидятъ въ родной землѣ».

Немного позже Обанель писалъ: «Мы любимъ благословенную Францію такою, какою создалъ Богъ и вѣка; мы хотимъ, чтобы, вспоминая о предкахъ и прошлой славѣ, бретонецъ свободно говорилъ по-бретонски, баскъ—по-баскски, перованславецъ—по-провансальски. Подъ солнцемъ и росою Господь сѣетъ разные цвѣты. Такъ и съ языкомъ. Вотъ почему всякій народъ бережетъ свой языкъ; вотъ почему, вопреки всѣмъ и всему, мы хотимъ сохранить нашъ языкъ, который выражаетъ наши радости и горести, какъ намъ хочется».

Немного позже Мистраль, общепризнанный глава современной провансальской поэзіи, въ стихотвореніи „Va mantene ta engo istorico“ говоритъ: «Поддерживай твой историческій языкъ... Языкъ твой можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что ты несешь свой щитъ высоко и свободно, языкъ—таинство и старое сокровище»...

С. В. съ очевиднымъ сочувствіемъ отмѣчаетъ, что Мистраль, по окончаніи университета на 22-мъ году, вернулся на родину съ

цѣлью «поднять и оживить въ Провансѣ національное чувство, подавленное ложнымъ, ненормальнымъ воспитаніемъ, способствовать національному возрожденію путемъ развитія провансальскаго языка».

С. В. Соловьевъ приводитъ далѣе слѣдующее разсужденіе Мистраля уже въ расцвѣтѣ его силъ и славы: «Приходитъ часъ, когда каждый народъ, довольный своимъ жребіемъ и свободный отъ притѣсненій, поднимаетъ свои колосья, какъ зрѣлый ячмень». Мистраль взываетъ къ «безстрашнымъ хранителямъ родного языка», чтобы они хранили свой языкъ свободнымъ и чистымъ, свѣтлымъ какъ серебро... Если народъ дѣлается рабомъ, но сохраняетъ свой языкъ, то въ языкѣ онъ имѣетъ надежду и опору для освобожденія».

С. В. Соловьевъ, глубоко проникнутый гуманизмомъ провансальской литературы, и на украинскій языкъ, украинскую литературу склоненъ былъ смотрѣть глазами Мистраля. Ему, какъ стилисту, непріятна была порча украинскаго языка, съ которымъ онъ знакомъ былъ по Шевченку, но—въ принципіальномъ смыслѣ—онъ стоялъ на почвѣ безукоризненнаго національнаго и литературнаго доброжелательства».

Къ юбилею «Русскихъ Вѣдомостей». Адресъ украинской прессы. Въ условіяхъ россійской жизни празднованіе 50-лѣтняго юбилея независимаго органа печати—исключительное явленіе, поэтому все передовое русское общество переживаетъ сегодня рѣдкое и большое торжество. Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ многихъ тысячъ почитателей несутся привѣтствія и выраженія искренней и глубокой благодарности за общественно-политическое воспитаніе «Русскими Вѣдомостями» почти двухъ поколѣній русской интеллигенціи въ принципахъ свободы личности и общества.

Украинская пресса, стоя на почвѣ тѣхъ же идеаловъ и стремленій къ свободѣ и справедливости, съ своей стороны привѣтствуетъ въ лицѣ «Русскихъ Вѣдомостей» старѣйшаго и заслуженнаго собрата по оружію, въ теченіе полустолѣтія съ честью стоявшаго на отвѣтственномъ посту руководителя русской общественной мысли и державшаго въ своихъ рукахъ знамя служенія высокимъ идеаламъ гуманности и общественности въ самые тяжелые, въ самые мрачные годы политической жизни въ Россіи. Но при этомъ представители украинской прессы не могутъ не напомнить, что развитіе жизни въ Россіи выдвинуло цѣлый рядъ новыхъ проблемъ первостепенной важности, въ числѣ которыхъ особое мѣсто занимаетъ проблема національная. Въ то время, когда передовое русское общество и руководители его, въ лицѣ независимой прессы, въ вопросахъ политическихъ и соціальныхъ шли за вѣкомъ и проводили въ общественное сознаніе демократическія идеи, они совершенно не замѣтили и не учли значенія одного изъ могущественныхъ рычаговъ демократизма—національнаго возрожденія угнетенныхъ народностей.

Въ интересахъ общеполитическихъ цѣлей и стремленій представители украинской прессы признаютъ необходимымъ, чтобы

передовое русское общество перестало быть равнодушнымъ къ національному вопросу въ Россіи, чтобы оно отказалось отъ традиціоннаго взгляда на національныя движенія какъ на искусственныя и надуманныя явленія, мѣшающія общему освободительному движенію и осложняющія послѣднее; чтобы оно поняло, что національный вопросъ въ Россіи—серьезная и насущная проблема первой очереди, настолько же важная, какъ экономическій и соціальный вопросы, и что для всѣхъ народностей Россіи, а въ томъ числѣ и для украинской, обновленіе Россіи получитъ полный смыслъ и цѣнность только тогда, когда оно принесетъ имъ національную свободу.

Поэтому мы, представители украинской прессы, считаемъ своимъ долгомъ въ этотъ исключительно торжественный день полувѣкового юбилея «Русскихъ Вѣдомостей», какъ старѣйшаго и вліятельнѣйшаго руководителя русской интеллигенціи, высказать пожеланіе, чтобы руководители русскаго общества не только въ интересахъ угнетенныхъ народностей, но и въ своихъ собственныхъ, поставили національную проблему въ сознаніи русскаго общества на подобающую высоту и способствовали усвоенію взгляда на работу національной интеллигенціи, какъ на выполненіе его долга передъ своимъ народомъ, заслуживающее не только самаго серьезнаго вниманія и признанія, но и дѣятельной поддержки.

Изъ дѣятельности украинскаго кружка при московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ. Еще въ старой Петровской академіи, какъ говоритъ устное преданіе, студенты-украинцы чувствовали потребность въ единеніи и стремились къ нему, но выражалось оно больше въ организаціи хора, въ выступленіяхъ на вечеринкахъ и т. д. Тогда мало говорили о возможности культурной работы для украинскаго народа, такъ какъ все украинское всѣми видами начальства изгонялось. И только въ 1909 году послѣ цѣлаго ряда совѣщаній рѣшили подать статутъ будущаго кружка на утвержденіе администраціи института. Кружокъ имѣлъ называться «агрономическимъ для изученія Украины». Но къ послѣднему слову администрація института придралась, и статутъ не былъ утвержденъ. Это было весной 1909 года, осенью же подали снова статутъ безъ «страшнаго» слова, и съ 22-го декабря 1909 года въ институтѣ сталъ существовать «агрономическій кружокъ по изученію украинскихъ губерній». Передъ учредителями кружка неясно еще вырисовывался вопросъ о первыхъ шагахъ дѣятельности кружка, ближайшихъ задачъ и т. д., и для этого была образована комиссія, которая признала, что нужно заняться теоретическимъ изученіемъ интересующихъ вопросовъ по имѣющимся матеріаламъ, а что отъ постановки какихъ-либо практическихъ задачъ (выставки, чтенія, бесѣды и т. д.) слѣдуетъ отказаться, такъ какъ для этого нужно имѣть связи съ мѣстами. Первая половина 1910 года пошла на разрѣшеніе разныхъ мелкихъ вопросовъ организаціоннаго характера, хотя и имѣющихъ существенное значеніе для молодой

организаціи. Однимъ изъ важныхъ вопросовъ, который ставился и ставится въ числѣ главныхъ, это—пріисканіе для членовъ кружка лѣтней практики на Украинѣ, чтобы товарищи имѣли возможность работать для своего народа и изучать его, находясь еще въ институтѣ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ желающіе получили лѣтнюю практику, результатомъ которой явились доклады, прочитанные на общихъ собраніяхъ кружка осенью 1910 года. Первымъ очень интереснымъ докладомъ явилось сообщеніе П. И. Гавсѣвича: «Селянське господарство південної Волині та засоби до його пом'ишения» (Крестьянское хозяйство южной Волыни и мѣры къ его поднятію). Съ этимъ докладомъ можно познакомиться изъ сборника «Нужды деревни», изд. «Кружка общественной агрономіи», гдѣ онъ напечатанъ по-русски. Условія жизни студенчества въ послѣдніе два мѣсяца 1910 года, разруха въ высшей школѣ и т. д., не могли не отразиться на дѣятельности кружка. Многіе товарищи очень рано уѣхали на работы, результатомъ которыхъ явились многочисленные доклады осенью 1911 года и весной 1912 года. Доклады эти слѣдующіе: П. И. Лещенко—«Вага кущування хлібів» (Значеніе кустистости злаковъ); Н. Рыбачекъ—«Первые шаги дѣятельности агронома на Волыни»; В. Ефремовъ—«Економичний нарис Ніжинского повіту» (Экономическій очеркъ Нѣжинскаго уѣзда); М. Воцько—«Организація агрономичної допомоги в центральному районі на Волині»; ассист. А. Е. Любченко—«Культура бавовняника на Укріні» (Культура хлопка на Украинѣ) и т. д. На засѣданіяхъ кружка были кромѣ своихъ студентовъ и нѣкоторые видные работники по сельскохозяйственному опытному дѣлу, которые дѣлились своими выводами и наблюденіями. Такъ, В. В. Талановъ читалъ о «селекціи кукурузы», Яновчикъ (бывш. завѣд. херсонск. опытной станціей) говорилъ о дѣятельности херсонскаго опытнаго поля. Н. Байеръ прочелъ докладъ на общественно-агрономическую тему «Агрономія и кооперація». Въ виду теоретическаго и практическаго интереса доклада А. Любченко, кружокъ рѣшилъ напечатать его въ «Збірнику Природничо-Техничної секціи» при кіевскомъ украинскомъ научномъ Обществѣ. Оттиски этой работы пошли въ продажу. Какъ видно изъ перечня докладовъ, вопросы, интересовавшіе отдѣльныхъ членовъ кружка, были очень разнообразны, и можно только пожалѣть, что мало видно систематичности въ проведеніи основной задачи кружка: культурно-экономическаго и естественно-историческаго изученія Украины. Болѣе планомѣрная дѣятельность видна уже осенью 1912 года, когда членомъ кружка П. И. Гавсѣвичемъ былъ прочитанъ рядъ докладовъ, посвященныхъ изученію Украины въ вышеупомянутыхъ отношеніяхъ. Весной 1913 года официальныхъ общихъ собраній кружка почти не было, а довольно часто устраивались собранія совѣта кружка съ участіемъ прочихъ членовъ кружка для разсмотрѣнія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, касающихся какъ жизни кружка, такъ и общественной агрономіи на Украинѣ. Изъ отдѣльныхъ моментовъ дѣятельности нашей организаціи нужно отмѣтить дифференціацію дѣятельности на отдѣльныя комиссіи и анкету о положеніи земской агрономіи на Украинѣ.

Сознавая, что будущимъ мѣстнымъ работникамъ очень важно знать условія, въ которыхъ приходится работать общественнымъ агрономамъ, кружокъ предпринялъ анкету для выясненія экономическихъ условій, характеризующихъ крестьянское хозяйство и общественныя условія, въ которыхъ приходится работать земскимъ агрономамъ. Въ предисловіи къ анкетѣ кружокъ говорилъ о «необходимости познакомиться съ программой агрономической помощи, поскольку эта программа намѣтилась и проводится въ жизнь». Особенно кружокъ интересовали «методы агрономическаго воздѣйствія и тѣ результаты, которые вѣнчаютъ труды агронома и даютъ ему нравственное удовлетвореніе». Изданіе и разсылка анкеты потребовали отъ кружка большихъ матеріальныхъ затратъ (около 40 р.), но надежды кружка не оправдались, и отвѣтовъ на анкету получено только 60 на 400 разосланныхъ анкетъ. Все-же и тѣ небольшіе результаты анкеты будутъ разработаны и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ будутъ опубликованы. Изъ другихъ сторонъ дѣятельности нужно отмѣтить работу терминологической комиссіи, которая задалась цѣлью собрать какъ литературный, такъ и народный терминологическій матеріалъ изъ области сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Комиссія полагаетъ издать свои работы или отдѣльнымъ изданіемъ, или же печатать на страницахъ журнала «Рілля». Нужно сказать, что эта работа, такъ сказать, въ зачаткѣ, сдѣланы только шаги къ ея разрѣшенію. Былъ изданъ плакатъ для увѣдомленія широкихъ слоевъ украинской интеллигенціи о предпринимаемой работѣ съ просьбой помочь въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ. Воззваніе комиссіи было перепечатано во многихъ украинскихъ газетахъ и журналахъ, а равно были посвящены вопросу о научной украинской терминологіи статьи. Для удобства записи словъ и выраженій комиссія напечатала сначала 10,000, а потомъ еще 20,000 карточекъ для записыванія. И воззванія и карточки комиссія съ охотой высылаетъ каждому желающему работать въ ней. Чтобы полнѣе представить жизнь кружка, нужно прибавить еще, что кружокъ имѣетъ собственную, довольно большую (около 900 назв.), спеціальную библіотеку, довольно большой музей, состоящій изъ гербаріевъ украинской флоры, петрографическихъ коллекцій, богатыя коллекціи кукурузы, сорго, хмеля и т. д. Съ самаго начала существованія украинскаго с.-х. журнала «Рілля» кружокъ всячески старался помочь этому молодому симпатичному изданію, которое въ настоящее время перешло къ Обществу «Українській агроном» и является единственнымъ очень серьезнымъ издательствомъ въ с.-х. отношеніи. Помощь «Рілля» выражалась въ совмѣстномъ разрѣшеніи возникающихъ вопросовъ, иногда въ матеріальномъ отношеніи (распростран. изд. и т. д.), а также и въ сотрудничествѣ на страницахъ «Ріллі». Послѣднее на-дняхъ вылилось въ опредѣленную форму организаціи при кружкѣ «редакціонной комиссіи», которая имѣетъ въ виду прійти на помощь журналу при изданіи имъ отрывного кооперативнаго календаря, календаря с.-х. справочника и организаціи планомѣрной помощи матеріаломъ для самого изданія. Думаемъ, что послѣднее будетъ

немалой подготовкой для членовъ кружка въ смыслѣ навыка популярно излагать агрономическія знанія. Приводить полный денежный отчетъ считаю излишнимъ, скажу только, что средства кружка слагаются изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій самихъ членовъ. Только одинъ разъ за 4 года существованія кружка ему удалось устроить вечеринку (весной этого года), давшую около 100 рублей прибыли. Каждый разъ, когда отъ кружка требовались денежныя затраты, когда являлись потребности, какъ-то само собою являлись средства.

К. Осьмакъ.

Слѣпая злоба. Подъ такимъ заглавіемъ проф. Ѳ. Е. Коршъ напечаталъ въ «Утрѣ Россіи» (№ 236 отъ 13/X) небольшую статью,—отвѣтъ на выпадъ Л. Волкова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 233 отъ 10/X), направленный противъ Ѳ. Корша за статью его, напечатанную на страницахъ нашего журнала и посвященную разбору книги проф. И. А. Сикорскаго «Русскіе и украинцы» (см. «Украинск. Жизнь», кн. 7—8, статья «Національстическая наука»). Г-нъ Л. Волковъ вмѣсто того, чтобы попытаться возразить проф. Коршу по существу тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ послѣдній въ итогѣ разбора положеній отнынѣ слишкомъ знаменитаго профессора Сикорскаго, обвинилъ голословно проф. Корша въ плохомъ знаніи украинскаго языка и даже высказалъ удивленіе «въ смѣлости (horribile dictu!) вступать въ полемику» съ проф. Сикорскимъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ излишнюю «смѣлость» самого г-на Л. Волкова въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ у него, очевидно, недостаетъ ни достаточной подготовки, ни знаній и гдѣ эта смѣлость выводовъ, безапелляціонность сужденій, пересыпанная специфическимъ букетомъ quasi-убійственной иронія и апелляцій охранительнаго свойства, можетъ импонировать лишь невзыскательнымъ читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей». Помѣщая статью проф. Корша по вопросу, затронутому проф. Сикорскимъ, редакція искала не дешевыхъ тріумфовъ надъ несостоятельностью положеній Сикорскаго, а научной истины, которая, конечно, болѣе убѣдительна, чѣмъ газетные выпады и «живыя воспріятія» журналиста «Московскихъ Вѣдомостей», обладающаго всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не способностью логично думать и считаться съ неугодными ему научными положеніями. Исходя изъ этого именно желанія, редакція и обратилась къ знатоку вопроса, человѣку, научный авторитетъ котораго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, но общественныя воззрѣнія котораго, — и въ этомъ вся вина его, — не совпадаютъ со взглядами Л. Волкова. Но г. Волковъ, очевидно, никакъ не можетъ простить тѣмъ русскимъ ученымъ, которые въ украинскомъ вопросѣ, исходя изъ научныхъ мотивовъ и въ интересахъ же науки, занимаютъ обратную позицію, чѣмъ та, которую проводятъ «Московскія Вѣдомости» и спеціалистъ этой газеты въ украинскомъ вопросѣ г. Волковъ. Не можетъ онъ простить этого и проф. Коршу. Вотъ собственно психологическая предпосылка выпада Л. Волкова противъ проф. Корша, который вполнѣ справедливо въ

статьѣ Л. Волкова не видитъ ничего, кромѣ «слѣпой злобы» и,—прибавилъ отъ себя,—полной несостоятельности въ затронутомъ вопросѣ. Считаемъ нелишнимъ провести полностью въ перепечаткѣ замѣтку проф. Корша въ отвѣтъ на выпадъ г. Волкова.

«Рѣдко мнѣ приходится читать что-нибудь изъ «Московскихъ Вѣдомостей», еще рѣже—испытывать отъ этого чтенія удовольствіе. Однако послѣднее случилось на-дняхъ благодаря г. Л. Волкову, повидимому, дѣятельному публицисту этой газеты, уже не разъ обращавшему на мои скромныя писанія свое неблагосклонное вниманіе и, наконецъ, почтившему меня поистинѣ замѣчательной статьей подъ заглавіемъ «Слѣпая ученость». Этотъ драгоцѣнный памятникъ націоналистической полемики вызванъ моей критикой книжки проф. И. А. Сикорскаго «Русскіе и украинцы», въ которой этотъ спеціалистъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ усиливается доказать историко-этнологическій тезисъ—что украинцевъ (малороссовъ) никогда не было и теперь нѣтъ. Почему нѣкоторые изъ нашихъ націоналистовъ считаютъ знатокомъ національныхъ вопросовъ не историка, не этнографа, не лингвиста, а именно психіатра, это ихъ тайна; но уваженіе ихъ къ этому авторитету такъ велико, что мое осторожное и научно обставленное возраженіе ему («Націоналистическая наука» въ «Украинской Жизни» за іюль—августъ) привело г. Волкова въ какое-то берсеркерское неистовство. Само собою разумѣется, что разбирать его возраженія не буду; да ихъ на дѣлѣ и нѣтъ: изо всѣхъ его потугъ къ доказательству моей умственной слѣпоты и моего невѣжества видно лишь то, что онъ никогда ничему систематически не учился. При чтеніи его статьи на каждомъ шагу вспоминается пословица: «бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ». Онъ былъ бы радъ меня въ ложкѣ воды утопить, но, длжно быть, и воды у него нѣтъ, а есть только помои. Подъ его перомъ я оказываюсь не русскимъ, а «иностранцемъ по происхожденію». Если бы я вздумалъ полемизировать такимъ же аргументомъ, я могъ бы подвергнуть подозрѣнію и національность г. Л. Волкова: ну, что, если это имя есть переводъ подлиннаго «Лазарь Вольфъ» или, «по-ритуальному», «Эллеизеръ Зевъ»? Чего добраго! Вѣдь «мешиметы» и всякіе измѣнники своей вѣры и народности особенно стараются зарекомендовать себя религіозной и національной ревностью передъ своими новыми товарищами. Или г. Л. Волковъ есть—упаси Богъ!—«Левко Вовкъ», и даже, можетъ быть, родственникъ кіевской Волкивны. Но и въ такомъ случаѣ онъ не имѣетъ права обвинять меня, какъ это онъ дѣлаетъ, въ незнаніи малорусскаго языка, не представивъ на то ни одного доказательства. Да что ужъ тутъ малорусскій языкъ?—по словамъ г. Л. Волкова, я, какъ иностранецъ, и великорусскаго-то путемъ не знаю. Въ упрекъ мнѣ ставится имъ и то, что моя статья о книжкѣ проф. Сикорскаго помѣщена «на-ряду со статьями австрійскаго профессора Грушевскаго и Донцова» и что «на этотъ разъ... г. Коршъ воздержался отъ своихъ обычныхъ завѣреній, что

въ «украинскомъ» движеніи совершенно отсутствуетъ политическій элементъ»—какъ-будто бы такое завѣреніе было умѣстно среди чисто-научныхъ доводовъ.

Читатель, пожалуй, спроситъ: какое же можетъ быть удовольствіе отъ такихъ выходокъ? А вотъ какое: моя статья «Націоналистическая наука», очевидно, попала въ цѣль. По тому строго научному методу, котораго я неизмѣнно держался въ разборѣ доводовъ проф. Сикорскаго, я могъ ожидать успѣха своего труда, но твердо убѣдила меня въ основательности этого ожиданія безсильная злоба г. Л. Волкова, которому я и считаю пріятнымъ долгомъ выразить за это свою искреннюю благодарность. **Ѳ. Коршъ**».

Невѣжество и безтактность. Намъ доставленъ очень интересный и, если хотите, даже историческій въ нѣкоторомъ отношеніи документъ одного официальнаго учрежденія, за исходящимъ № и датой, который достоинъ того, чтобы не затеряться во «входящихъ» бумагахъ того учрежденія, которому онъ былъ направленъ. Интересующій насъ документъ исходилъ изъ кубанскаго областного статистическаго комитета, а адресованъ правленію библіотеки «Наукового Товариства имени Шевченка» (во Львовѣ). Въ документѣ этомъ (за № 162) и. д. секретаря комитета подъесаулъ... (подпись, къ сожалѣнію, неразборчива) писалъ дословно слѣдующее: «На письмо отъ 24-го сего февраля (н. с.) сообщаю, что указанный правленіемъ обмѣнъ трудами комитета на труды «Товариства», къ моему сожаленію (и. д. секретаря такъ и пишетъ «сожаленіе»), не можетъ состояться потому, во-первыхъ, что при статистическомъ комитетѣ нѣтъ особой библіотеки, а, во-вторыхъ, мѣстной надобности въ изданіи напечатанномъ на малопонятной, если не совершенно непонятной рѣчи, правописаніи и шрифтѣ (sic!), совершенно не имѣется». Таковъ этотъ документъ. Мы лишены возможности судить о томъ, извѣстно ли содержаніе его комитету и составленъ ли онъ съ санкціи послѣдняго или же авторомъ его и исполнителемъ отвѣта на запросъ правленія библіотеки «Наукового Товариства имени Шевченка» является подписавшійся неразборчиво г. подъесаулъ. Послѣднее болѣе вѣроятно, такъ какъ, пройдя черезъ болѣе компетентныя руки, отвѣтъ не оказался бы изобилующимъ ошибками грамматическими, какимъ онъ вышелъ изъ-подъ пера и. д. секретаря комитета и адресованъ правленію библіотеки ученаго учрежденія.

Г-нъ и. д. секретаря написалъ то, что онъ могъ написать по крайнему своему разумѣнію.

И если мы видимъ, что авторъ официальной бумаги оказывается хромающимъ въ грамматикѣ и непониманіи такихъ словъ, какъ шрифтъ, то нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что и въ содержаніи самаго документа, авторство коего, по всей вѣроятности, принадлежитъ ему же, онъ проявитъ себя не болѣе грамотнымъ. И дѣйствительно, и. д. секретаря комитета увѣдомляетъ, что изданія «Товариства» не могутъ состояться потому, во-первыхъ, что при статистическомъ комитетѣ нѣтъ особой библіотеки, а, во-вторыхъ, изволите видѣть, что изданія товариства напечатаны «на малопонятной, если

не (!) совершенно непонятной рѣчи, правописаніи и шрифтѣ», а посему нѣтъ и «мѣстной надобности» въ нихъ. Въ изложенныхъ двухъ мотивахъ первому, пожалуй, хотя и не совсѣмъ можно повѣрить. Быть можетъ, дѣйствительно «особой библіотеки» при комитетѣ и не существуетъ, но не «особая» библіотека несомнѣнно имѣется, хотя бы уже по одному тому, что комитетъ издаетъ и не первый уже годъ свои труды и отдѣльные оттиски помѣщенныхъ въ нихъ статей и изслѣдованій; по всей вѣроятности, обмѣнивается комитетъ своими изданіями съ другими аналогичными учрежденіями или Обществами, такъ что здѣсь и. д. секретаря несомнѣнно нѣсколько неправъ и неточенъ. Но если съ приведеннымъ объясненіемъ отказа въ обмѣнѣ изданіями и можно согласиться, то вторая часть этого отказа, гдѣ господинъ и. д. секретаря такъ авторитетно распространяется насчетъ «малопонятной, если не совершенно непонятной рѣчи, правописаніи и шрифтѣ» изданій научнаго Общества, вызываетъ невольное удивленіе и чувство неловкости за лицо, подписавшее отказъ. Возможно, конечно, и допустимо, что изданія «Наукового Товарства» для него лично и «мало понятны», и совершенно «непонятны, быть можетъ, не только въ отношеніи рѣчи, правописаніи и шрифтѣ», но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ тотъ выводъ, что «мѣстной надобности» въ этихъ изданіяхъ «совершенно не имѣется». Наоборотъ, «мѣстная надобность» въ изданіяхъ ученаго украинскаго Общества «совершенно имѣется», хотя бы уже потому одному, что въ изданіяхъ этихъ помѣщались и помѣщаются труды, имѣющіе и косвенное, и прямое отношеніе и къ историческимъ судьбамъ Черноморскаго края и того населенія, которое живетъ въ этомъ краѣ. Мы склонны думать, что и. д. секретаря не только проявилъ въ мотивировкѣ отказа невѣжество и легкомысліе, мало идущее къ лицу, выступающему отъ имени серьезнаго и не лишеннаго извѣстнаго отношенія къ наукѣ учрежденія, но и далъ неправильныя и не отвѣчающія истинному положенію вещей свѣдѣнія. Для того, чтобы наше опроверженіе категорическаго замѣчанія г. и. д. секретаря относительно отсутствія «мѣстной надобности» въ изданіяхъ Наукового Товарищества не показалось неубѣдительнымъ, мы должны сказать, что, кромѣ статистическаго комитета на Кубани, въ Екатеринодарѣ, существуетъ также и «Общество любителей изученія Кубанской области», состоявшее и состоящее уже нѣсколько лѣтъ въ обмѣнѣ изданіями съ «Науковымъ Товариствомъ имени Шевченка». Дѣятели этого Общества, оказавшаго крупныя услуги дѣлу изученія Черноморья, равно какъ «Кубанскаго войскового этнографическаго и естественно-историческаго музея», состоящаго также въ обмѣнѣ съ Науковымъ Товариствомъ, думали и думаютъ, очевидно, нѣсколько иначе насчетъ надобности изданій украинскаго ученаго Общества для лицъ, интересующихся литературой мѣстнаго края, и считаютъ необходимымъ имѣть такую литературу, независимо отъ языка, «правописанія и шрифта», преслѣдуя въ сосредоточеніи при Обществѣ различнаго рода изданій, на какомъ бы языкѣ послѣднія ни были напечатаны, культурно-просвѣтительныя и научно-образовательныя цѣли. Такъ, очевидно, думалъ раньше и кубанскій обла-

стной статистическій комитетъ, когда обмѣнивался съ 1901 по 1906 г. своими изданіями съ названнымъ выше, «Науковымъ Товариствомъ» (см. «Хроника Наук. Тов.», №№ 5, 9, 13, 17, 21, 25, 29), преслѣдуя обмѣномъ изданіями такія же цѣли, какія имѣютъ въ виду «Общество любителей изученія Кубанской области» и «Кубанскій войсковой этнографическій и естественно-историческій музей». Едва ли пониманіе этихъ цѣлей проявлено было лицомъ, выступившимъ теперь отъ имени комитета въ перепискѣ съ ученымъ украинскимъ учрежденіемъ. Вмѣсто этого мы находимъ безтактность, невѣжество и простую безграмотность.

С. Петлюра.

Украинскіе артисты за границей. III. Модестъ Менцинскій. Въ нѣмецкомъ журналѣ „Bühne und Welt“ помѣщена интересная статья объ украинцѣ оперномъ артистѣ Модестѣ Менцинскомъ. Считаемъ нелишнимъ, въ дополненіе къ нашимъ статьямъ о другихъ украинцахъ-артистахъ, подвизающихся на европейскихъ сценахъ, помѣстить съ нѣкоторыми сокращеніями и статью, посвященную артисту-украинцу, чье имя мало знакомо читателямъ нашего журнала. Модестъ Менцинскій родился въ 1876 г. въ Галиціи, гдѣ его отецъ былъ греко-католическимъ (уніатскимъ) священникомъ въ с. Новосилкахъ. Школьное образованіе получилъ въ гимназіи въ Самборѣ, по окончаніи которой и по настоянію родственниковъ поступилъ на богословскій факультетъ львовскаго университета. Во время прохожденія послѣдняго въ жизни Менцинскаго произошелъ душевный кризисъ: молодой богословъ оставилъ мысль посвятить себя, по примѣру отца, священническому служенію и твердо рѣшилъ отдать себя музыкѣ, сдѣлавъ ее предметомъ и цѣлью своей жизни. Расположеніе къ этому лежало не только въ индивидуальномъ увлеченіи музыкой и способностяхъ къ ней, но также и въ богатомъ талантѣ и склонности къ музыкѣ и пѣнію, культивировавшихся издавна въ семьѣ Менцинскаго, такъ какъ всѣ его родственники какъ со стороны матери, такъ и со стороны отца обнаруживали большія дарованія къ искусству. Такъ, своякъ артиста, Александръ Носалевичъ, извѣстный басъ въ вѣнской народной оперѣ, а другой родственникъ, профессоръ Филаретъ Колесса, пользуется извѣстностью, какъ композиторъ и музыкальный писатель, особенно въ области народной музыки и пѣсни. Ф. Колесса первый познакомилъ молодого Менцинскаго съ основными чертами музыки Вагнера и вообще вызвалъ и развилъ въ немъ стремленіе къ музыкѣ. Послѣдніе три года своего пребыванія въ гимназіи Модестъ Менцинскій дирижировалъ хоромъ, который составили его соученики. Вѣроятно, тяжело было молодому богослову въ семинарскихъ стѣнахъ съ его стремленіемъ къ музыкѣ и пѣнію, такъ какъ питомцы семинаріи во Львовѣ должны жить въ общежитіи, и суровыя правила его запрещали посѣщеніе концертовъ и театра. Однако, Менцинскій нашелъ способъ удовлетворять свою артистическую склонность и даже систематически учился пѣнію подъ руководствомъ профессора консерваторіи Высоцкаго. Такъ въ теченіе трехъ лѣтъ служилъ онъ двумъ господамъ—

Богу и искусству. Было очевидно, что подобное положеніе вещей долго продолжаться не могло и надо было рѣшительно остановиться на чемъ-либо одномъ. Однажды Менцинскій объявилъ своимъ роднымъ, что намѣренъ оставить теологію и уйти отъ тѣсной жизни въ семинаріи. Послѣ тяжелой борьбы родные согласились на это, и съ этого времени Менцинскому можно было бы отдаться своему призванію, если бы онъ имѣлъ необходимыя для этого средства. Отецъ Менцинскаго могъ давать только 30 кор. ежемѣсячно, да и то съ большимъ трудомъ. При участіи и помощи друзей и родственниковъ, наконецъ, Менцинскій достигъ такого положенія, что могъ приступить къ осуществленію своихъ стремленій и учителемъ пѣнія выбралъ себѣ Юлія Штокгавсена во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, который охотно принялъ его въ число своихъ учениковъ, а спеціальное обученіе поручилъ преподавателю школы Теодору Гарольду. Настали тяжелые дни для молодого служителя искусства: имѣя очень ограниченныя средства, приходилось терпѣть временами большую нужду, и временами овладѣвали имъ сомнѣнія въ возможности достиженія поставленной цѣли. Однако тяжелый трудъ не остался безъ вознагражденія, такъ какъ Менцинскій дѣлалъ большіе успѣхи, а первые успѣхи укрѣпили бодрость и вѣру въ свои силы. Послѣ трехгодичнаго пребыванія въ школѣ Менцинскій имѣлъ дебютъ во франкфуртской оперѣ и получилъ ангажементъ, но благодаря наплыву начинающихъ артистовъ не могъ найти постоянныхъ занятій, почему принялъ предложеніе городского театра въ Эльберфельдѣ, гдѣ пробылъ два года и заложилъ основаніе своему объемистому репертуару. Фаустъ, Манрико, Радамесъ, Жоссе, Каніо — это тѣ главныя партіи, которыя укрѣпили за нимъ любовь публики; затѣмъ слѣдовали роли Лоэнгрина, Вальтеръ Шотльнингъ и Зигмундъ, которыя уже тогда указывали на Менцинскаго, какъ на врожденнаго будущаго исполнителя вагнеровскихъ ролей. Гастроли въ королевскомъ театрѣ въ Стокгольмѣ послужили починомъ почетнаго ангажемента на амплуа перваго героическаго тенора въ этомъ театрѣ. Здѣсь, въ «Сѣверной Венеціи» артистъ нашелъ возможность расширить свой репертуаръ и овладѣть такъ-называемыми трудными партіями, предпочтительно вагнеровскими. Хотя Менцинскій имѣлъ разрѣшеніе пѣть свои роли по-нѣмецки, но все-же значительную часть ихъ, какъ, напримѣръ, Флюрестана, Елеазара, Мазаніэля, Отелло, и Симсона, разучилъ и по-шведски, причемъ обнаружилъ прекрасный выговоръ чужого языка. Мѣстная публика быстро его оцѣнила, и самъ король Оскаръ, большой поклонникъ Вагнера, дорожилъ пѣвцомъ-иностранцемъ и наградилъ его большой золотой медалью за искусство и науку—орденъ Г. Вазы. Благодаря продолжительнымъ гастролямъ въ Лондонѣ, прошедшимъ съ большимъ успѣхомъ, артистъ вступилъ въ среду международныхъ пѣвцовъ. Между тѣмъ, вдали отъ нѣмецкой сцены, этой родины вагнеровской оперы, онъ не могъ чувствовать себя въ своей сферѣ, и поэтому, когда получилъ приглашеніе на амплуа

премьера городской оперы въ Колоніи, то съ радостью его принялъ, и въ старой музыкальной и нахдренской столицѣ нашелъ поле дѣятельности, всецѣло удовлетворяющее его какъ артиста. Нандренская сцена нашла въ немъ самую цѣнную артистическую силу и сязала его съ собою на цѣлый рядъ лѣтъ.

Характерныя особенности дарованія Менцинскаго заключаются, прежде всего, въ свѣжести и естественности, въ могучей живости, которой дышатъ всѣ его роли и, которая пробивается какъ въ природномъ дарованіи артиста, такъ и въ его школѣ и въ способѣ его музыкальнаго пониманія искусства. Менцинскій является артистомъ, который изъ сердца поетъ и играетъ, можетъ глубоко почувствовать, что переживали поэтъ и музыкантъ и ко всѣмъ равнодушнымъ задачамъ подходитъ съ дѣйствительнымъ воодушевленіемъ.

Въ этомъ лежитъ тайна глубокаго вліянія артиста на разнообразную, зачастую чуждую по языкѣ публику. Это вліяніе артистъ можетъ имѣть только тогда, когда въ его артистической индивидуальности ярко соединены всѣ качества, которыя въ цѣломъ являются содержаніемъ его творческихъ воспроизведеній. Менцинскаго, какъ артиста только тогда можно понять и оцѣнить, когда мы отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ онъ достигаетъ своихъ артистическихъ успѣховъ.

Менцинскій обладаетъ большимъ и блестящимъ талантомъ. Крѣпкая и здоровая струя звуковъ свободно, безъ всякаго усилія, выходитъ изъ его груди. Его манера пѣть врожденная и, разумѣется развитая школой, заставляетъ насъ слушать его съ искреннимъ восторгомъ, такъ какъ красота и чистота звука вполнѣ удовлетворяютъ самыхъ строгихъ и понимающихъ слушателей. Это одинаково относится какъ къ труднымъ мѣстамъ старыхъ оперъ, такъ и къ тому способу, которымъ Менцинскій овладѣваетъ Вагнеровскими ролями.

Онъ является природнымъ талантомъ, стилизованное и патетическое выраженіе котораго соотвѣтствуютъ характеру музыкальной драмѣ байрейтскаго художника. Свободная и легкая интонація, сочные и звучные средніе тона, надъ которыми возвышаются и какъ бы искрятся высокіе тона, все это гарантируетъ пѣнію артиста сильное и непосредственное впечатлѣніе, которое еще увеличивается благодаря нѣжной экспрессіи, великолѣпной фразировкѣ, выдающейся техникѣ дыханія и богатству динамическихъ оттѣнковъ и красокъ.

Звуку и тону старательно поставленнаго голоса соотвѣтствуетъ и выдающійся темпераментъ, размахъ и энергія въ выраженіи, которая въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ можетъ также ласкать ухо слушателя нѣжнымъ лиризмомъ.

Дикція артиста — безукоризненно чиста, выразительна и точна. Стремленіе передать красоту и благородный стиль созданія искусства сказывается также и въ манерѣ, игры, мимикѣ, жестикуляціи, гдѣ артистъ никогда не переходитъ границъ и обладаетъ чувствомъ такта. Въ нужныхъ мѣстахъ—выразительная экспрессія и яркость красокъ, порывъ и напряженіе темпера-

мента, великая сила страсти. Благодарная сценическая внѣшность и благодарная пластика движеній помогаютъ въ этомъ отношеніи артисту достичь желаемаго эффекта.

Модестъ Менцинскій не принадлежитъ къ числу тѣхъ артистовъ, которые посредствомъ односторонней шлифовки своего таланта, своихъ артистическихъ склонностей и характерныхъ качествъ вырабатывали себя опредѣленный, сравнительно незначительный кругъ ролей, выступая въ которыхъ они заранѣе увѣрены въ успѣхѣ. Менцинскій наоборотъ, ко всякой, поставленной себѣ задачѣ, подходить съ ровной, старательной работой, соединенной съ дѣйствительнымъ одушевленіемъ. Онъ оставляетъ такое впечатлѣніе, которое заставляетъ признать, что у него нѣтъ такъ-называемыхъ излюбленныхъ партій, и когда прослушаешь его въ цѣломъ рядѣ ролей, то трудно сказать, которая изъ нихъ удается ему лучше остальныхъ въ его широкомъ репертуарѣ. Кромѣ перечисленныхъ выше болѣе юношескихъ, героическихъ вагнеровскихъ партій, не меньшую похвалу заслуживаютъ и тѣ роли, для исполненія которыхъ требуется зрѣлое мужество и извѣстныя характерныя отличія, какъ, напр., Ріенцо, Тангейзеръ, Тристанъ, Льоге, Зигфридъ и т. д. Равно какъ Отелло, Верди и Неро Манена даютъ Менцинскому исключительно благодарный матеріалъ для созданія драматическихъ проблемъ, типовъ. Даже закоснѣлыя роли стараго репертуара, какъ Равель, Робертъ, Пророкъ, Манрико и пр., Менцинскій возноситъ до высшей артистической сферы, благодаря углубленію психологическаго выраженія и энергическому, выявленію ихъ драматическаго содержанія.

Библіографія.

Dr. Herman Diamand. *Tablice statystyczne gospodarstwa spoleczneg w Austryi ze szczególnem uwzględnieniem Galicyi.* Краковъ. 1913. Стр. 32о Цѣна 1 крона. Изданіе издательскаго Общества „Książka".

Недавно появившіяся «Статистическія таблицы народнаго хозяйства въ Австріи съ обращеніемъ особаго вниманія на Галицію» д-ра Германа Діаманда, польскаго соц.-демокр. депутата вѣнскаго парламента, заслуживаютъ вполнѣ нашего вниманія.

О Галиціи и ея хозяйствѣ, къ сожалѣнію, у насъ извѣстно очень мало, да и въ самой Галиціи немного знаютъ объ этомъ предметѣ. Поэтому появленіе работы г. Діаманда надо признать очень своевременнымъ, несмотря на нѣкоторые, понятные впрочемъ, пробѣлы. Благодаря таблицамъ нашего автора впервые является возможнымъ для широкихъ круговъ образованнаго общества ознакомленіе съ хозяйственной структурой Галиціи и съ положеніемъ, занимаемымъ ею въ общемъ народно-хозяйственномъ организмѣ Австріи. Таблицы г. Діаманда сообщаютъ намъ данныя по статистикѣ населенія, говорятъ о размѣрахъ хозяйствъ, о сельскомъ хозяйствѣ съ подробными указаніями относительно производства главнѣйшихъ хлѣбныхъ злаковъ, о скотоводствѣ, винокуреніи и многихъ иныхъ отрасляхъ промышленности, добывающей и обрабатывающей (сахароваренie, добыча угля, нефтяное дѣло, фабричная промышленность). Кромѣ того имѣемъ указанія относительно развитія почтоваго и желѣзнодорожнаго дѣла, о податяхъ, государственныхъ и областныхъ (отдѣльно сообщаются данныя о бюджетахъ). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о таблицахъ, знакомящихъ съ иностранной торговлей, съ торговыми отношеніями съ Венгріей, съ больничнымъ дѣломъ, съ потребленіемъ въ Австріи сравнительно съ Германіей.

Всѣ эти данныя какъ нельзя болѣе выразительно свидѣтельствуютъ объ убогости Галиціи, которая во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ позади всѣхъ остальныхъ областей Австріи. Яркое доказательство гибельности для края эгоистическаго хозяйничанья польской шляхты, которая до сихъ поръ держитъ въ своихъ рукахъ безраздѣльное господство въ мѣстномъ управленіи!

Неудивительно, что промышленность въ Галиціи такъ худосочна, что населеніе нищаетъ и бѣжитъ изъ края въ Америку.

Край по преимуществу сельскохозяйственный, Галиція и въ этомъ отношеніи отстаетъ отъ иныхъ областей Австріи, и, напримѣръ, Судетскія области (Чехія, Моравія и Силезія), занимающія почти такое же пространство, какъ и Галиція, имѣютъ

почти на 7% выше ея пахотной земли и добываютъ зерна на 23% болѣе, представляющаго цѣнность, высшую на 35½%. Неудивительно, что Судеты могутъ прокормить значительно больше населенія, чѣмъ Галиція,—заселены они гуще ея на $^1/_5$. Пивоваренiе, сахарозаводство, добыча угля также весьма значительно отстали въ Галиціи, сравнительно съ чешскими землями, хотя природныя условія, казалось бы, должно бы поставить какъ-разъ ее на первомъ мѣстѣ. Только однимъ можетъ похвастать Галиція передъ Чехіей—производствомъ спиртныхъ напитковъ, главнымъ образомъ водки!

Но идемъ далѣе за авторомъ.

Наиболѣе рѣзкимъ является отношеніе платы служащихъ и чиновниковъ. Въ этой области Галиція даетъ 167 милл. кронъ дохода, между тѣмъ какъ Судетскія области—почти 690 милл., т.-е., другими словами, потребленіе служащаго люда въ городахъ Галиціи равно всего ¼ потребленія въ Судетахъ. Доходы съ земель въ Галиціи выражаются въ суммѣ 50 милл. кронъ въ годъ, между тѣмъ какъ въ Судетахъ достигаютъ они 153 милл.

Доходы самостоятельныхъ предпріятій Галиціи исчисляются въ 118 милл., въ Судетахъ—458 милл. Имущественный доходъ (съ лицъ, имѣющихъ свыше 1,200 кронъ ежегоднаго дохода) равенъ для Галиціи около 422 милл., въ Судетахъ же—1,642 милл. и т. д.

Конечно, не во всемъ виновата шляхта. Такъ, крайне невыгодна для всѣхъ вообще областей Цислейтаніи торговая политика Венгріи. Австрія сильно переплачиваетъ Венгріи за вывозимые изъ послѣдней продукты благодаря невыгодному таможенному трактату. Но убыточность венгерской сельскохозяйственной политики вознаграждается для промышленныхъ областей Австріи хорошими доходами отъ вывоза фабричныхъ продуктовъ въ Венгрію, Галиціи же почти нечего туда вывозить. Въ конечномъ результатѣ вина все-же оказывается на сторонѣ галицкихъ верховодовъ.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видимъ, насколько цѣннымъ трудомъ являются «Таблицы» г. Діаманда.

Къ сожалѣнію, онѣ не лишены существенныхъ недостатковъ. Во-первыхъ, не имѣется національной статистики, что имѣло бы для насъ большое значеніе по отношенію именно къ Галиціи. Далѣе, какъ это ни удивительно, но въ трудѣ соціалъ-демократическаго политика очень слабо представлена какъ-разъ рабочая статистика. Весьма мало данныхъ по статистикѣ труда въ отдѣльныхъ областяхъ промышленности, между тѣмъ какъ свѣдѣнія о количествѣ занятыхъ рабочихъ рукъ, о высотѣ получаемаго рабочимъ заработка[1]), о продолжительности рабочаго дня и т. п. были бы весьма цѣнны и поучительны. Большимъ недостаткомъ является также полное отсутствіе эмиграціонной статистики. Слѣ-

[1]) Данныя относительно заработной платы сообщаются авторомъ всего въ двухъ производствахъ: сахароваренной и горнозаводской промышленности. Въ обоихъ средній заработокъ галицкихъ рабочихъ гораздо ниже заработка, получаемаго ихъ товарищами по профессіи въ иныхъ областяхъ.

довало бы сообщить также статистическія данныя о заболѣваемости и смертности и для всего населенія въ цѣломъ, и въ частности для трудящагося люда. Кромѣ того надо было исчислить всюду процентное отношеніе Галиціи къ остальнымъ областямъ. Этакъ картина получила бы значительно большую выразительность.

Конечно, еще бы лучше было, если бы г. Діамандъ далъ намъ и графическое изображеніе сравнительнаго положенія Галиціи въ народнохозяйственномъ организмѣ Австріи подобно извѣстному «Атласу діаграммъ» проф. И. Озерова о положеніи Россіи въ міровой семьѣ, но спасибо и за то, что имѣемъ.

Авторъ обѣщаетъ въ случаѣ, если его «Таблицы» встрѣтятъ сочувствіе и заинтересуютъ общество, вести ихъ изъ года въ годъ, внося соотвѣтствующія дополненія и улучшенія.

Въ добрый часъ!

Вл. Дорошенко.

П. Понятенко. *Національність в освітленню законів спадковости (біольогично-соціольогична росправа). Вид-во „Зоря". Київ. 1913. Стр. 128. Цѣна 75 коп.*

Современная наука, какъ въ лицѣ соціологіи, такъ и государственнаго права и другихъ дисциплинъ къ вопросу о націи подходитъ съ своей вполнѣ опредѣленной точки зрѣнія: для нея націи являются не естественными, а историко-соціальными образованіями. Нельзя сказать, чтобы этимъ вполнѣ исчерпывался вопросъ о націи. Разсматривая, напр., націю, какъ «совокупность людей, связанныхъ общностью характера на почвѣ общности судьбы» (Бауэръ), приходится признать вполнѣ законнымъ и дальнѣйшій анализъ: что же такое представляетъ изъ себя самый характеръ націи? Есть ли это тотъ таинственный духъ народа, которымъ оперировала историческая школа юристовъ, или это доступная научному познанію, совокупность психофизическихъ признаковъ, выработавшихся на почвѣ борьбы за существованіе въ опредѣленной біологической средѣ и унаслѣдованная послѣдующими поколѣніями. Съ этой точки зрѣнія изученіе законовъ наслѣдственности пріобрѣтаетъ большой интересъ. Оно подготовляетъ почву для выясненія столь темнаго вопроса объ унаслѣдованіи пріобрѣтенныхъ свойствъ, бросаетъ свѣтъ на явленія ассимиляціи, на расовые антагонизмы.

Всѣ эти вопросы разсматриваются въ книжкѣ г. Понятенко. Авторъ, пользуясь новѣйшими данными біологіи, въ частности опираясь на ученіе Г. Менделя о наслѣдованіи признаковъ, выясняетъ значеніе законовъ наслѣдственности для націи. Изложивъ обстоятельно столь нашумѣвшее въ послѣднее время ученіе Менделя, г. Понятенко на основѣ антропологическихъ изслѣдованій, дѣлаетъ попытку доказать постоянство и закономѣрность и въ унаслѣдованіи и расщепленіи психо-физическихъ національныхъ свойствъ. Авторъ указываетъ на огромное значеніе физико-географической среды, столь сильно вліяющей на устойчивость и измѣнчивость національныхъ свойствъ.

Въ конечномъ результатѣ общій выводъ г. Понятенка сводится къ тому, что «право человѣка на поддержаніе и развитіе своей національности, въ освѣщеніи законовъ біогенетики, становится «естественнымъ» правомъ не въ смыслѣ морально-гуманитарнаго требованія, а въ дѣйствительномъ значеніи того слова, какъ естественное право человѣка на дыханіе, на трудъ, на удовлетвореніе своихъ физическихъ потребностей» (стр. 128).

Книжка г. Понятенко пріобрѣтаетъ интересъ, какъ попытка освѣтить столь темную и запутанную область, какъ вопросъ о законахъ наслѣдственности въ примѣненіи къ націи.

Нельзя однако не указать на то, что авторъ придаетъ слишкомъ всеобъемлющее значеніе открытію Г. Менделя, какого оно по существу не имѣетъ, относясь только къ сравнительно ограниченной сферѣ соотношенія доминирующихъ и рецессивныхъ признаковъ среди гибридовъ. Какъ видно, на автора повліяло увлеченіе нѣкоторыхъ біологовъ закономъ Менделя, выразившееся въ созданіи цѣлаго направленія, такъ-называемаго «менделизма».

Во всякомъ случаѣ, книга г. Понятенко можетъ быть рекомендована всякому, интересующемуся національнымъ вопросомъ, какъ добросовѣстно и обстоятельно освѣщающая затронутую имъ важную сферу.

И. Л.

Старый Земецъ. Мысли о земствѣ. Матеріалы для земской реформы. Москва. 1913 г.

Брошюра Стараго Земца интересна не столько своими выводами, сколько тѣмъ изобильнымъ фактическимъ матеріаломъ, который она содержитъ.

Выводы Стараго Земца, касающіеся современнаго положенія нашихъ земскихъ учрежденій, подчеркивающіе дворянскій характеръ земствъ и проистекающую отсюда его безхозяйственность, неравномѣрность обложенія въ нихъ и т. д., не новы и въ соотвѣтственной литературѣ встрѣчаются не первый разъ. Если же у Стараго Земца въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его брошюры встрѣчаются упрощеніе и схематизація положеній, уже извѣстныхъ и въ значительной степени принятыхъ, то это не вездѣ приходится относить къ активу брошюры: излишняя схематизація рѣдко бываетъ особенно убѣдительной.

Но рядомъ съ этимъ брошюра содержитъ изобильный фактическій матеріалъ очень большой цѣнности. Длинный рядъ таблицъ, составленныхъ по первоисточникамъ, освѣщаетъ такіе вопросы, какъ распредѣленіе гласныхъ по куріямъ по Положенію 1864 и 1890 гг., число избирателей въ каждой куріи по современному положенію, измѣненія, происшедшія въ ихъ составѣ, соотношенія распредѣленія земскихъ налоговъ и избирательныхъ правъ по отдѣльнымъ куріямъ и т. д. Матеріалъ разработанъ по отдѣльнымъ губерніямъ, и благодаря этому изслѣдователямъ положенія земствъ въ отдѣльныхъ районахъ представляется полная возможность использовать данныя брошюры.

На интересныя выводы наводитъ основная мысль автора объ умираніи дворянскаго земства и проистекающей отсюда необходимости реформы Земскаго Положенія, если сопоставить ее съ современнымъ состояніемъ земскаго дѣла на Украинѣ и продолжить разсужденія автора, принявъ во вниманіе національный моментъ. Если авторъ, по всей видимости, практикъ и близкій къ земскому дѣлу человѣкъ, находитъ возможность говорить объ умираніи земства, то въ примѣненіи къ Украинѣ это умираніе означало бы крахъ не только дворянскаго земства, но и крахъ единственно возможной организаціи самоуправленія, которая проводитъ въ массы культурныя цѣнности въ чужой національной формѣ, опираясь на чужое большинству населенія края русское или руссифицированное дворянство. Мысль автора, въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ, означала бы крахъ единственно возможной организаціи русификаторской работы при содѣйствіи общественныхъ силъ. Въ высшей степени желательно было бы, чтобы эта мысль автора въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ нашла бы разработку и полную обосновку среди людей, интересующихся земской жизнью на Украинѣ. Не мѣшало бы также призадуматься надъ положеніемъ и выводами автора примѣнительно къ нашимъ условіямъ тѣмъ представителямъ земскаго третьяго элемента великороссамъ и общероссамъ, которые теперь на Украинѣ въ такомъ изобиліи съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, ведутъ руссификаторскую работу.

В. Садовскій.

Лев Юркевич. Кляси і суспільство. Київ. 1913. Видавництво „Дзвін". Ціна 20 коп

Популярная брошюра автора-марксиста, предназначенная для читателя-рабочаго, знакомитъ съ основнымъ для марксизма понятіемъ класса. Пользуясь разработкой этого понятія въ литературѣ марксизма, авторъ послѣдовательно даетъ въ популярной формѣ опредѣленіе того, что такое классъ, и касается роли классовъ въ общеполитической и національной жизни. Изложенная простымъ и популярнымъ языкомъ, брошюра безусловно найдетъ своего читателя въ украинской рабочей средѣ.

Мы считали необходимымъ обратить вниманіе русскаго читателя на эту новую брошюру марксистскаго издательства «Дзвін», какъ на одинъ изъ признаковъ начавшагося оживленія въ средѣ украинскихъ марксистовъ. Возобновившаяся болѣе активная дѣятельность издательства «Дзвін», начало изданія съ 1913 года марксистскаго ежемѣсячника «Дзвін, недавно выдвинутый проектъ изданія украинской рабочей газеты—всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о томъ, что украинскій марксизмъ начинаетъ выходить изъ того аморфнаго состоянія, въ которомъ онъ находился послѣдніе годы.

Если бы русскій читатель владѣлъ украинскимъ языкомъ, для него очень полезно было бы ознакомиться съ рецензируемой брошюрой. Она бы дала понятіе ему о томъ, что украинское движеніе совсѣмъ не такъ одноцѣльно и однотонно, какъ это пред-

ставляется среднему русскому интеллигенту, что опредѣленная классовая дифференціація въ немъ уже имѣется въ наличности и въ настоящее время. Впрочемъ, мы высказываемъ совершенно неосуществимое положеніе: съ увѣренностью можно сказать, что еще очень не скоро явится у русскаго интеллигента настолько активный интересъ къ украинскому движенію, если и явится когда-нибудь, чтобы онъ обратилъ вниманіе на брошюру украинскаго марксиста.

В. С.

Актовыя книги Полтавскаго Городового Уряда XVII-го вѣка. *Выпускъ I-й. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Изданіе Полтавской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. Ред. и прим. В. Л. Модзалевскаго. Черниговъ. 1912. Стр. 216.*

Научная разработка юридическаго прошлаго Украины еще находится на той стадіи развитія, когда основная задача изслѣдователя сводится въ большинствѣ случаевъ къ отысканію и изданію огромнаго матеріала, хранящагося по разнымъ архивамъ и остающагося совершенно неизвѣстнымъ. Этотъ матеріалъ еще нуждается въ критическомъ освѣщеніи, въ приведеніи его въ связь съ обще-историческимъ укладомъ той эпохи, когда этотъ матеріалъ возникъ.

Разсматриваемый здѣсь первый выпускъ изданія «Актовыя книги Полтавскаго Городового уряда XVII вѣка», подъ редакціей г. Модзалевскаго, представляетъ выдающійся интересъ не для одного только историка украинскаго права.

Г. Модзалевскій въ предисловіи сравниваетъ эти акты съ актами, использованными О. И. Левицкимъ въ его извѣстной книгѣ «Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.». Кіевъ. 1902 г. и указываетъ на то, что издаваемыя нынѣ книги «едва ли даже не превосходятъ ихъ интересомъ своихъ матеріаловъ, такъ какъ восходятъ къ болѣе раннему времени и захватываютъ собою интереснѣйшее время прошлаго гетманщины—эпоху «Руины», время гетманства Брюховецкаго и Демьяна Многогрѣшнаго» (Предисловіе, стр. 1).

Дѣйствительно, обзоръ собранныхъ въ этомъ выпускѣ актовъ наглядно свидѣтельствуетъ объ ихъ выдающемся интересѣ и цѣнности. Здѣсь записано большое число чисто бытовыхъ дѣлъ, характеризующихъ жизненный укладъ той эпохи и психологію народа. Встрѣчаются здѣсь «справа о покраденю овецъ» (стр. 67), «о покраденю тутюну» (стр. 113), «о забитю овчара» (стр. 144), «о отруеню матки» (стр. 145) и т. д.

Однако значеніе этихъ, въ большинствѣ случаевъ сжатыхъ, записей лежитъ не въ одномъ только воспроизведеніи бытовой обстановки современной имъ эпохи. По нимъ можно судить о формахъ организаціи суда, о самомъ порядкѣ судебнаго разбирательства; документы эти даютъ возможность выяснить тѣ принципы, которыми были проникнуты наказанія того времени.

Кромѣ того, какъ указываетъ г. Модзалевскій, «участіе

въ постановкѣ приговоровъ (декретовъ) городового суда «товариской рады» наводитъ на аналогію и сближеніе этого явленія съ такъ-называемымъ «копнымъ судомъ», о которомъ имѣется изслѣдованіе г-жи А. Ефименко; отсюда легко притти къ выводу, что форма этого суда имѣла значительно большее распространеніе, чѣмъ это принято думать (Предисловіе, стр. 2—3).

Къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы не имѣемъ возможности привести дословный текстъ хотя бы одного изъ этихъ документовъ, чтобы наглядно показать лапидарный, выразительный стиль, иногда съ латинской примѣсью, такъ характерный для той эпохи.

Остается, въ заключеніе, пожелать, чтобы этотъ столь богатый матеріалъ былъ надлежаще использованъ въ научныхъ цѣляхъ.

И. Лебединскій.

Литературная лѣтопись.

Изслѣдованіе на украинскомъ языкѣ о Сковородѣ. А. Товкачевскій, помѣстившій рядъ очерковъ, посвященныхъ Сковородѣ, на страницахъ „Украинской *Хаты*“ (за 1913 г.), выпустилъ теперь свою работу отдѣльнымъ изданіемъ. Работа г. Товкачевскаго является, кажется, первымъ обстоятельнымъ трудомъ на украинскомъ языкѣ, выясняющимъ личность и основные моменты въ философскомъ ученіи украинскаго мыслителя. Несомнѣнно, эта работа украинскаго изслѣдователя привлечетъ къ себѣ вниманіе интересующихся ученіемъ философа - украинца. Желаемъ въ этомъ отношеніи успѣха книгѣ г. Товкачевскаго.

Украинская популярная брошюра о Н. В. Лысенкѣ издана полтавской украинской книгарней. Эта брошюра „Славний Музика Микола Виталіевич Лисенко“, написана популярно, снабжена нѣсколькими иллюстраціями и является достойнымъ увѣковѣченіемъ памяти украинскаго композитора.

Изданіе украинскаго книжнаго магазина, не ограничивающагося въ своей дѣятельности продажею украинскихъ книгъ, но и вступающаго на путь издательства, заслуживаетъ всяческаго поощренія.

Въ изданіи „Вік“ вышла обстоятельная работа *С. Ефремова „Співець боротьбы і контрастів“* (Опытъ литературной біографіи и характеристики Ивана Франка).

— **Ивану Франко** посвящена сентябрьская книжка украинскаго „Літературно-*Н*аукового Вістника“, со статьями *М. Грушевскаго, О. Колессы* (о научной дѣятельности юбиляра), *М. Евшана* (характеристика литературной дѣятельности) и *Р. Заклинскаго* (Франко, какъ публицистъ).

Изъ другихъ статей, посвященныхъ выясненію дѣятельности Франка и появившихся въ украинскихъ журналахъ, обращаетъ на себя вниманіе статья *М. Евшана* въ журналѣ „Українська Хата“. „Иванъ Франко и Галицкая Украина“ рѣзкими нападками на украинское общество, современное юбиляру.

Украинскіе календари на 1914 г. 1) Въ Галиціи а) Календарь „*Свободы*“ (популярный органъ украинскихъ націоналъ-демократовъ). Календарь будетъ разосланъ подписчикамъ „Свободы“ и поступитъ также и въ продажу Кромѣ обычныхъ календарныхъ свѣдѣній значительная часть этого изданія будетъ посвящена статьямъ политическаго содержанія. б) Календарь львовской „*Просвіти*“, завоевавшій уже себѣ популярность въ широкихъ массахъ украинскаго населенія Галиціи. 30,000-титысячный тиражъ этого изданія оказывается неудовлетворяющимъ спросу, и „Просвіта“ увеличиваетъ въ виду этого тиражъ календаря на 1914 годъ. Въ Россійской Украинѣ: в) Календарь-отрывной „*Украинский кооперативный Календарь*“ съ соотвѣтствующими свѣдѣніями. г) „*Хліборобський парадник*“, изд. „Ріллі“, и д) Отрывной календарь изд. „*Час.*“.

— **Участіе русскихъ литераторовъ и ученыхъ въ украинскихъ журналахъ.** Какъ отрадный фактъ должны

отмѣтить участіе нѣкоторыхъ видныхъ русскихъ литераторовъ-публицистовъ и ученыхъ въ украинскихъ журналахъ. Такъ, въ органѣ украинскихъ марксистовъ „Дзвін" помѣщаютъ свои статьи и изслѣдованія пользующіяся извѣстностью и въ русской литературѣ: *А. Луначарскій*, *П. Масловъ*, *А. Богдановъ* и *Алексинскій*, выступающій кромѣ „Дзвона" также и на страницахъ „Літературно-Наукового Вістника".

— *Левъ Дейчъ*, извѣстный ветеранъ русской соціалъ-демократіи, посвящаетъ *въ „Вѣстникѣ Европы"* (октябрь) статью: *„М. П. Драгомановъ въ изгнаніи"*. Воспоминанія г. Дейча представляютъ большой интересъ не только для украинцевъ; послѣ окончанія печатаніемъ этихъ воспоминаній мы будемъ говорить о нихъ на страницахъ нашего журнала болѣе обстоятельно. Интересно пока отмѣтить одну черту въ воспоминаніяхъ Дейча,—это признаніе за Драгомановымъ зрѣлости и вѣрности его взглядовъ, казавшихся въ годы эмиграціи слишкомъ умѣренными и непріемлемыми для болѣе революціонно настроенныхъ круговъ эмиграціи, къ которымъ принадлежалъ авторъ печатаемыхъ теперь воспоминаній.

Въ украинской литературѣ воспоминанія Дейча привлекли уже къ себѣ вниманіе: такъ, имъ посвящаетъ рядъ очерковъ на страницахъ „Рады" С. Ефремовъ.

— Въ сентябрьской книжкѣ *„Голоса Минувшаго"* помѣщены въ хроникѣ замѣтка о „Лесѣ Украинкѣ" (съ портретомъ) и въ отдѣлѣ „Изъ текущей литературы" рецензія *С Петлюры* на новое изданіе „Чудацких думок про україньку національну справу" подъ заголовкомъ „Драгомановъ объ украинскомъ вопросѣ".

— *Г. А. Максимовичъ* издалъ небольшую брошюру, написанную на основаніи архивнаго дѣла харьковскаго Историко-Филологическаго Общества (черниговскій отдѣлъ № 2413), подъ заглавіемъ „Обученіе грамотѣ и воинской экзерциціи въ Старой Малороссіи въ концѣ XVIII вѣка".

— Проф. *Н. Ф. Сумцовымъ*, извѣстнымъ знатокомъ украинской литературы и этнографіи, въ послѣднее время изданы слѣдующія статьи,—оттиски изъ „Вѣстника" харьковскаго Историко-Филологическаго Общества 1) Обзоръ содержанія проповѣдей Іоанникія Голятовскаго, 2) Дубы Т. Г. Шевченка и 3) Новости по исторіи украинскаго искусства. Послѣднее изданіе заключаетъ обзоръ статей и изслѣдованій, появившихся за послѣднее время (начиная съ 1910 г.) по упомянутому вопросу. Проф. Н. Ф. Сумцовъ, не ограничиваясь сводкой достаточно уже накопившагося матеріала, сопровождаетъ эту сводку краткой передачей содержанія отдѣльныхъ статей и отмѣчаетъ какъ достоинства. такъ и недостатки статей. Для лицъ, интересующихся вопросами украинскаго искусства, работа проф Сумцова окажетъ большую услугу. Съ своей стороны пожелаемъ уважаемому профессору и впредь не оставлять начатой имъ работы по обзору текущей литературы на тему объ украинскомъ искусствѣ.

— Въ исторіи *„Русскаго Искусства" Игоря Грабаря* 8-й выпускъ (т. II-го) посвященъ *„Барокко Украины* и *Москвы"*. Выпускъ содержитъ въ себѣ главы „Деревянное зодчество на Украинѣ" проф. Г. Павлуцкаго (гл. XVII); Деревяное церковное зодчество Прикарпатской Руси. И. Грабаря (гл. XVIII); Старинныя деревяныя синагоги въ Малороссіи (гл. XIX); Каменное церковное зодчество на Украинѣ (гл. XX) и Гражданское зодчество на Украинѣ", принадлежащія перу проф Г. Павлуцкаго. Въ главѣ „Барокко Москвы" авторъ ея удѣляетъ вниманіе выясненію значенія украинскаго духовенства въ образованіи новыхъ храмовыхъ формъ.—Выпускъ 9-й, посвященный исторіи скульптуры, содержитъ между прочимъ главу „южно-русское искусство", принадлежащую барону Н. Н. Врангелю.

— Выпускъ 3-й *„Вѣстника Харьковск. Историко-Филологич. Общества"* (1913) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи, имѣющія отношеніе къ Украинѣ а) А. С. Ѳеодоровскій. Верхне-Салтовскій камерный могильникъ VII—V в. б) П. И. Зайцевъ. Русскія поэмы Т. Г. Шевченка; в) А. В. Ветуховъ, Воспоминанія Р. М. Каширенинова объ А. А. Потебнѣ; г) Т. В. Л-ая Воспоминанія о Н. В. Лисенко.

— Въ 4-мъ выпускѣ того же изданія (1913): а) А. П Грековъ. Г. Ф. Квитка-Основьяненко въ изданіи земства. б) Н. Ф Сумцовъ: Обзоръ содержанія проповѣдей Іанникія Голятовскаго. в) А. Я. Краковъ. Насмѣшливыя пѣсни Купальскаго цикла г) В. А. Бабенко. Коцарство въ Харьковской губерніи. д) П. В Ивановъ. Нѣсколько заговоровъ изъ Старобѣльскаго уѣзда. д) В. Я. Данилевичъ. Заклятія на судей.

— Въ безплатномъ приложеніи къ *„Вѣстнику Знанія"* вышелъ изъ печати второй выпускъ *„Иллюстриро-*

ванной исторіи украинскаго народа“ *проф. М. Грушевскаго.*

— 10 книжка (октябрь) „*Русскаго Богатства*“ приноситъ съ собою продолженіе интересныхъ „Очерковъ соціальной жизни Малороссіи“ *В. Мякотина.* Данный очеркъ посвященъ „*Формамъ землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи* XVII—XVIII вв.

— Законопроектъ епископа Никона объ украинскихъ Обществахъ и литературѣ перепечатанъ въ „*Вѣстникѣ Золотоношскаго Сельско-хозяйственнаго Общества*“ (№ 70).

Тому же законопроекту посвящена сочувственная статья въ новой газетѣ „*Лубенскіе Отклики*“ (№ 6).

— *С. Щеголевъ*, авторъ грубо-тенденціозной книги „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южнорусскаго сепаратизма“, выпустилъ сокращенное изданіе этой книги подъ заголовкомъ „*Современное украинство. Его происхожденіе, ростъ и задачи*“, отличающееся тѣми же, далекими отъ объективности, чертами, какъ и первый трудъ г. Щеголева по украинскому вопросу. Снова идетъ проповѣдь борьбы съ украинствомъ, снова брань и злоба, навѣты и извращеніе какъ цѣлей украинства, такъ и его содержанія. Чѣмъ-то удушливымъ и ненавистническимъ дышитъ и эта книга неустающаго „украиноборца“, призывающаго новые скорпіоны и шипы на тернистую дорогу украинскаго возрожденія

— Въ „Некрологѣ“ *Русской Мысли* за сентябрь м-цъ помѣщены краткія свѣдѣнія и объ украинской поэтессѣ Лесѣ Украинкѣ.

— Лесѣ Украинкѣ посвящены нѣсколько статей въ X книжкѣ (за октябрь) „Літературно-Наукового Вістника“.

— Въ нѣмецкомъ „*Bünne und Welt*“ (выходитъ два раза въ мѣсяцъ) помѣщена обстоятельная статья *Роберта Адами*, музыкальнаго критика, посвященная извѣстному оперному артисту-украинцу Модесту Менцинскому (см. выше, въ отдѣлѣ на Украинѣ и внѣ ея).

— **Англійскій музыкальный критикъ объ украинской пѣснѣ.** Въ англійскомъ „The Musical Standart „помѣщена интересная статья англійскаго музыкальнаго критика F. S. *Bartlett*'а объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ (*The music of the ukrainian Folk-Sonqs.*). Авторъ статьи думаетъ, что мелодія украинскихъ пѣсенъ имѣетъ много общаго съ мелодіей старыхъ греческихъ или церковныхъ мотивовъ, причемъ является вполнѣ вѣроятнымъ вліяніе на эти пѣсни татаръ и турокъ. Отмѣчается далѣе крупная заслуга Н. Лисенка въ дѣлѣ созданія украинской музыки.

По мнѣнію англійскаго музыкальнаго критика, украинскій композиторъ наиболѣе вѣрно передалъ ритмъ оригинала, украинскаго музыкальнаго творчества. Выясняется значеніе бандуристовъ и кобзарей и тѣ притѣсненія, какимъ они подвергались. Статья написана съ любовью къ предмету и съ знаніемъ его. Отмѣтимъ, что г. Бартлеттъ не впервые выступаетъ въ англійской прессѣ по вопросамъ украинской жизни и музыки.

— Въ *чешскомъ* соціалистическомъ журналѣ (органъ пражской молодежи) „*Sbornik Miàdeže* (№ 17—18) помѣщена большая статья І. Бочковскаго, посвященная Ивану Франко по поводу 40-лѣтняго юбилея его дѣятельности.

— *Переводы съ украинскаго на чешскій языкъ* Пражское издательство „*Novy Svet*“ выпустило отдѣльнымъ изданіемъ переводы разсказовъ І. Франко „Hrуc ve skole“ и „Tuźka“. Переводъ принадлежитъ V. Chorwat-y; ему же принадлежитъ і біографическій очеркъ Франка, приложенный къ изданію.

— Въ *польскомъ* журналѣ „Krytyka“ Leon Wasilewski посвящаетъ обстоятельную статью разбору брошюры Д. Донцова „Сучасне політичне положенє нації і нашї завдання“. Этой же брошюрѣ посвящены статьи въ „Wiek'ѣ Now'омъ“ (10/X) и „Nappvod'ѣ“ (25/X).

— Изъ *новыхъ* украинскихъ книгъ и брошюръ, появившихся въ послѣднее время, отмѣтимъ слѣдующія: 1) Ар. Вержбицькій—Школа і Культура (Замітки сільскаго вчителя); 2) І оліванов„—Сконав“ (оповідання) 3) С.Ефремов—Борис Грінченко (Пройого життя та діла); 4) М. Левицькій—Лікарський порадник (Епідеміологія або наука про пошесті); 5) М. Комаров—П. Морачевський та його переклад св. Евангелія на українську мову; 6) О. Рогова—Тимішъ Хмельниченко (історична повість), переводъ на украинскій языкъ М. Загірной; 7) Марія Проскурівна—Од сіна до соломи (Легендарне оповідання); 8) Твори Квітки - Основьяненка, т. II; 9) М Драгоманов „Про українських козаків, татар та турок; 10) Країна дітей і квітків (про Японію и японцівъ) 11) Марко Кропівницький—Збірникъ творів; 2) Андрій Чайковський—Віддячився. Оповідання з козацької давнини для української мо-

лоді; 13) Б.Грінченко—„Чудова дівчина“ та инші оповідання. 14) Е Г. Зелігер; „Синя Фльота“. Переводъ М. Лозинскаго;15) Сергій Павленко—Чи бути Чорноморській німеччині

— Обстоятельному обзору 6 и 7—8 книжекъ нашего журнала посвящены статьи М. Григоровича на страницахъ „*Рады*“ —Статьѣ проф. Ѳ Корша„ Націоналистическая наука“ посвящаетъ небольшую замѣтку „Кубанскій Курьеръ“ (№ отъ 14/IX), — Перепечатку статьи М. Возняка „Украинское Общество Просвіта“ въ Львовѣ помѣстило Львовское „Пісьмо з Просвіти“ (№ 7); библіографическую замѣтку на статью С Петлюры „И. Франко—поэтъ національной чести“, вышедшую и отдѣльнымъ изданіемъ, находимъ въ украинскомъ „Маякѣ“

— **Изданія «Украинской Жизни».** Редакціей нашего журнала выпущены отдѣльными изданіями слѣдующія статьи: 1) „Націоналистическая наука“ проф Ѳ. Е. Корша. 2. Юрій Юрьевичъ Цвѣтковскій, какъ общественный дѣятель А. Хатченко

Книги, поступившія въ редакцію.

„Коза-дереза“ казка з малюнками Г. Павловича. 75 коп СБП

А. Кащенко. Борці за правду Історичне оповідання Вид. книг. І. Маркевича. Полтава. 1913 ц. 35 коп.

В. Туша. Як повстав сьвіт. Бібліотека Доброї Новини ч. 3

И. Бодуэн-де-Куртенэ. Національный и территоріальный признак в автономіи. С.-Петербургъ 1913 ц 40 коп.

Н. Ф. Сумцовъ. Новости по исторіи украинскаго искусства. Вып. I. Харьковъ. 1912.

Его же. Дубы Т. Г. Шевченка. Харьковъ 1911.

Его же. Обзоръ содержанія проповѣдей Іоанникія Голятовскаго. Харьковъ. 1913.

Его же. Памяти профессора С. В Соловьева Харьковъ. 1913.

Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Выпускъ 3 и 4 Харьковъ. 1913

В. Будищанецъ. Славний Музика Микола Лисенко, його життя і праця. Полтава. р. 1913. ц 10 коп.

В. Гауф. Казки кн. II. з малюнками Ів. Бурячка Переклав О Олесь. Вид. „Лан“. Київ. 1913. Ціна 20 коп.

Рілля. Хліборобський Порадник. Календарь „Ріллі“ на 1914 рік. Київ. 1913. Ціна 20 коп.

Український Кооперативний календарь—щоденник. Видання „Українського Агронома. Ц. 22 коп

Редакторъ-издатель **Я. А. Шеремецинскій.**

Приймається передплата на 1913 рік на Український місячник літератури науки й громадського життя

„ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК“

Виходить книжками по 12—15 аркушів великого формату. При близчій участи: В. Винниченка, М. Грушевського, М. Євшана, О. Кобилянської, М. Коцюбинського, О. Левицького, В. Леонтовича, Лесі Українки, О. Олеся, Ю. Сірого, Л. Старицької-Черняхівської, Л. Цегельського і инш.

Л.-Н. Вістник виходить при участи визначнійших письменників, учених і публицистів України Російської і Австрійської та служить органом культурнаго жита цілої України. Л.-Н. Вістникъ подає богато оригінальної белетристики; переважна більшість визначнихъ наших белетристів постіино друкує к нім свої твори, а з визначнійших закордонних літературних творів даються переклади. Л.-Н. Вістник містить популярно наукові статі й огляди спеціалистів з української історії, літератури та суспільної економії, наук природних і техніки. Л.-Н. Вістник знайомить з поступами жита і культури української і всесвітної, з філософії і соціольогії, являється неминучо потрібним для всякого освіченого Українця органом всеукраїнського національнаго культурнаго жита.

Редакція і головна контора: Київ, В-Підвальна, 14, кв. 30.

На рік 8 руб.: за піз року 4 руб. 50 коп. для незаможних учнів, студентів, сельських учителів, низчих служащих, робітників і селян 6 руб., але тільки коли вони передлачують журнал просто з контори. Кому трудно відразу, нехай присилає на перше число кожного місяця по 1 руб. поки збереться повна передплата, а журнал посилається зараз. Комісіонерам 5% принятої ними передплати.

КОМПЛЕКТИ за попередні роки продаються по 8 руб.

Передплатіть самі та порадьте й иншім підписатися на

український кооперативний журнал

„НАША КООПЕРАЦІЯ“!

Журнал виходить у Київі два рази на місяць, містить малюнки, баланси та справоздання усяких кооперативних т-в, дає відповіді на запитання, рекомендує книжки по кооперації, щотоводів та инших служащих в т-вах і т. и. і коштує всього тільки 2 р. 50 коп. на рік і 1 р. 50 к. на півроку.

„НАША КООПЕРАЦІЯ“ являється ідейним центром для діячів на ниві української кооперації.

Редакцією завідує Редакційний Комитет.

Видає т-во на вірі „Наша Кооперація“.

Т-во „Наша Кооперація“ видало книжечку про те, як ради (совѣты) кредітових т-в повинні робити ревизію т-в (ц. 5 коп.), де і як. хупувати для товариської крамниці мануфактуру та галантерею (ц. 12 к.) і як відкрити молочарську артіль (ц. 1 коп.), Т-во має видати картини для чарівного ліхтари, листовні картки, плакати і. т. и.

Т-во і редакція „Наша Кооперація“ містяться в Київі, на Мар.-Благовіщеньській улиці, д. № 83, п. 3.

Відповид ред.-видавець І. П. НЕМОЛОВСЬКИЙ.

„ДЗВІН“

новий літературно-науково-артистичний журнал-місячник, виходить у Київі.

«ДЗВІН» є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств; містить твори красного письменства, статі наукового змісту з історіі, литературы і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського житя в Росії і за кордоном, хронику і переписку редакції; при нагоді містить і люстрації і на окремих листах і в тексті.

«ДЗВІН» виходить при участи такихъ співробітників: Алчевська, Х., Антоновичъ, Д., Бачинській, Ю., Безпалко, О., Богун, М., Бувший, П., Винниченко, В., Вороний, М., Гадячанин, С., Гилька, І., Дніпрова-Чайка, Донцов, Д., Дятловъ П., Коцюбинській, М., Лазаревській, Б., Левинський, Е., Леся Українка, Личко, Д., Лозенко, К., Луначарський, А., Миргородський, К., Назаріів, О., Петлюра, С., Понятенко, П., Романовичъ, Н., Садовський, В., Сергієнко, Д., Сірий Юр., Скоропис, О., Степанюк, В., Хвиля, М., Черкасенко, С., Чумак, В., Чупринка, Г., Юркевичъ, Л., и ин.

Рукописи надсилати і в справах редакційних просять тимчасово звертатись по такій адресі: Київ, Жилянська, 20, редакція журнала «Дзвін».

Передплата на «ДЗВІН» коштує: в Россіі на рік 3 карб., на пів року 1 карб. 75 коп., на чверть року 1 карб.; въ Австріи: на рік 6 корон, на пів року 3 корони, на чверть року 1 корона 70 сотиків; в Німеччині на рік 6 марок, на пів року 3 марки; въ Америці на рік 2 доляри, на пів-року 1 доляр.

Передплату с Австріі, Німеччини, Америки і з всіх наших країв належить посилати на таку адресу:

Порфиръ Буняк, у Львові, ул. Різбарска, ч. 5, для «Дзвону».

(Lemberg, Anstria).

5-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1913—1914 годъ

(Подписной годъ журнала съ сентября 1913 г.)

5-й годъ изданія.

На дѣтскій литературно-художественный журналъ

(Единственный по дешевизнѣ въ Россіи)

„ДОБРОЕ УТРО“.

Подписная цѣна на годъ 2 руб, на ½—1 р. 50 к. съ пересылкой Наши маленькіе читатели и читательницы за любовь къ чтенію и къ нашему журналу получатъ: 24 № хорошенькаго журнала съ картинами лучшихъ художниковъ и съ произведеніями заслуженныхъ писателей и научныя новинки.

6 РОСКОШНЫХЪ ПРЕМІЙ: 1) четыре художественныхъ книги со сказками и разсказами для маленькихъ дѣтей подъ названіемъ: осень, зима, весна, и лѣто. Для болѣе взрослыхъ—книга стиховъ лучшихъ писателей подъ назван. „ЮНЫЙ ДЕКЛАМАТОРЪ“ 6) художественная папка для журнала. Въ журналѣ объявленъ конкурсъ дѣтскихъ сочиненій. Юные авторы получатъ отъ редакціи роскошную ПРЕМІЮ за лучшія сочиненія.

Подписка принимается во всѣхъ кн. маг. и почтово-телегр. учрежд. Россіи и загр.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, 3-й Самотечный пер., д. № 15, кв. № 7.

Редакторъ **Н. Покровскій.** Редакторъ-издательница **П. Кочетова.**

Тип. П. Н. Рябушинскаго. Москва.

„Ілюстрована Україна“

новий ілюстрований журнал посьвячений літературі, критиці, малярству, архитектурі, пластиці, народній штуці, театральним справам, музиці, українській минувшин, етнографі і фізичному вихованю.

Містить також описи подорожий, житєписи, спомини, огляди украньского життя, біблїографію і т. п.

«ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА» ведена на взір великих ілюстрованих журналів Европи.

Редагує комітет під проводом

Др. Івана Крипякевича.

Виходить у Львові кождої другої суботи. Передплата виносить в Австриї річно 8 к., піврічно 4 к., по-одиноке число коштує 32 сот., в Россії річно 5 карб., піврічн. 2½ карб.

Адрес редакциї і адмінїстрациї:

„ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА“ ЛЬВІВ,

ул. Сербська, ч. 15 II п. Чекове конто: 22.839.

В Росії приймає передплату на „Ілюстровану Україну“

В Київі: Книгарня Літературно-Наукового Вістника, ул. В. Володимирська, 28.

В Петербурзі: Українська книгарня, Базар, Вас. остр., 3 лінія, д. 24.

В Одессі: Українська книгарня „Діло“, ул. Преображенська, 11.

В Полтаві: Українська книгарня, ул. Малопетровська.

Приймається предплата на 1913 рік

на українську газету „РАДА“ рік видання восьмий

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що дня оприч понеділків і днів після великих свят.

«Рада» має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Россії і за-границею: друкує фельєтони, а також статті критичні і твори красного письменства.

«Рада» зостаючись і надалі непартійною газетою, обстоюватиме змагання до поширення прав суспільства й органів громадського самоврядування.

«Рада» звертатиме як найбільшу увагу на справу **народньої просвіти** шкільної й по-за шкільної, на **потреби** нашого **вчитательства та на питання культурно-просвітного характеру**—і буде змагатися за найкраще розвязання цих справ для всього українського люду.

«Рада» вважає, що поліпшення матеріяльного добробуту людности,—економичний розцвіт країни—є основным грунтом для зросту національної культури. Визнаючи це, „Рада“ буде обстоювати **кооперативну справу** на Вкраіні в усяких ii формах: поширення сельско-господарських товариств, товариств споживчих, продукційних то-що і подаватиме докладні статті, дописи та звістки про кооперативну справу взагалі, а на Україні особливо.

«Рада» буде подавати звістки і статті про **життя культурне, економичне і політичне**, про здобутки і втрати, яких зазнає український люд **за кордоном Росії**: въ Галичині, на Буковині, в далеких колоніях: в Канаді, в Сполучених Штатах, в Бразиліі... Доля та життя наших **переселенців** в Сібірі, на Кавказі—знайдуть тако-ж освітлення на сторінках «Ради».

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в «РАДІ» запрошено визначніші літературні и наукові сили.

«Рада» має ВЛАСНИХ **кореспондентів** в Державній Думѣ, в Державній «Раді», а також в **політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях** і в усіх визначніших містах України по цей і по той бік кордону.

В 1913 році «РАДА» дукуватиметься виразним и стислим шріфтомъ і матеріалу буде входить в кождий № значно більше.

Ціна „РАДИ“ з доставкою і пересилкою в Россії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий переплатник може одержати з к-ри «Рада» за 6 карбованців

„СЛОВНИК української мови“

Зібраний редакцією журн. «Кіевская Старина», премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО.

Адрес редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Передплата на «Раду» на таких-же самих умовах, що і в конторі, приймається: у **Київі:** 1) в «Українській книгарні», Безаківська, 8, 2) в книгарні «Л. Н. В». Б.-Володимирська, 28), 3) въ Книгарні Череповського, Фундуклієвська 4; і 4) в. крамниці «Час», В. Володимирська 53; в **Одесі** «Дѣло», Конна, 11, в **Катеринославі**—Книгарня Лозинської, Проспект: в **Полтаві** — Книгарня Маркевича, бульвар Котляревського і в «Українській Книгарні» Петровська ул.; в **Петербурзі**—Книгарня Вольф і «Украинська Книгарня і Базар» В. О. 3 линія № 24, въ **Харькові**—«Українська Книгарня», Петровський пер. 18.

Редактор В. ЯНОВСЬКИЙ. **Видавець Є. ЧИКАЛЕНКО.**

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

~~3027~~

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 11.
НОЯБРЬ 1913 г.

Москва.

Годъ изданія второй.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Волчья тактика**. *С. А. Ефремова*. 5
II. **Мечты польскихъ націоналистовъ и дѣйствительность**. *В. П. Кошевого* 12
III. **Отвѣтъ на анкету «Украинской Жизни»**. *Кн. Д. И. Шаховского* 24
IV. **Къ 40-лѣтнему юбилею Юго-Западнаго Отдѣла Императорск. Географич. Общества**. *С. Ф. Русовой*. 28
V. **Изъ исторіи кодификаціи украинскаго права**. *И. В. Лебединскаго*. 40
VI. **В. Винниченко**. (Литературный эскизъ) *Л. Аб—ича* 49
VII. **Кризисъ въ Галиціи въ освѣщеніи нѣмецкаго публициста**. *І. П*. 60
VIII. **Украинцы въ Вѣнѣ**. *М. Данька*. 65
IX. **«Сокращенное» разоблаченіе украинства г-номъ Щеголевымъ**. *С. В. Петлюры* 70
X. **На Украинѣ и внѣ ея**. За мѣсяцъ.—Празднованіе юбилея И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ—Изъ прошлаго: Открытіе памятника И. П. Котляревскому въ 1903 г.—Къ юбилею проф. Н. И. Карѣева (пребываніе его во Львовѣ въ 1903 г.) *В.Д.*—Цѣнный едва ли не забытый указъ о сохраненіи памятниковъ старины *С. В. Рклицкаго*. 58
XI. **Библіографія**. Марія Проскурівна. Уляся *Ан. Василька*. И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе. Второе изданіе *И. Л.*—А. Жук. Украинська кооперація в Галичині. *В. Садовскаго*. Жерла до історіі Украіни—Руси. Дневник Я. Марковича. *Д. Дорошенка*. 104
XII. Литературная лѣтопись. 110
XIII. Объявленія. 114

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Украинская Жизнь“

(*Третій годъ изданія*).

«Украинская Жизнь» въ 1914 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ. — Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ. — Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ. — Письма изъ россійской Украины и изъ Галиціи. — Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія. — Украинское искусство. — Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

Въ теченіе 1913 года въ «Украинской Жизни» были напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія статьи:

Проф. М. Грушевскій. На новомъ пути. (По поводу думскихъ выступленій по украинскому вопросу).—**Проф. М. П. Чубинскій.** Украинская національная идея и ея правовые постулаты.—**О. Липовецкій.** Политика пуганой вороны.—**О. Бѣлоусенко.** Украинскій вопросъ въ четвертой Думѣ.—С. А. **Ефремовъ.** Приказъ жизни.—**В. В. Садовскій** Законопроектъ о печати и украинская пресса.—**Его же.** Передъ новой реформой (Къ введенію въ дѣйствіе закона о мѣстномъ судѣ).—**П. Смутокъ.** Перспективы русско-украинскихъ отношеній.—**С. В. Петлюра.** О переоцѣнкѣ.—**Дм. Донцовъ.** Русскій имперіализмъ и украинство.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Украинцы и Австрія.—**Его же.** По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины.—**Его же.** Объ украинскомъ національномъ возрожденіи. (Отвѣтъ на анкету).—**Его же.** Націоналистическая наука.—**Проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.** Украинскій вопросъ съ внѣнаціональной точки зрѣнія. (По поводу анкетъ «Укр. Жизни»).—**И. А. Бочковскій.** Проф. Массарикъ объ украинскомъ вопросѣ.—**С. Ф. Русова.** Украина въ европейской прессѣ.—(Леся Украинка).—**С. В. Петлюра.** Памяти М. Коцюбинскаго.—**Его же.** И. Франко—поэтъ національной чести.—**Мих. Могилянскій.** М. М. Коцюбинскій—**С. А. Ефремовъ.** Писатель-гуманистъ.—**М. Данько.** Дм. Донцовъ. Гетманъ Мазепа въ зап.-европейской литературѣ.—**Его же.** Поэзія индивидуализма Писатель своего народа.—**Его же.** Край скорби.—**Его же.** Отъ реализма къ символизму. (Разсказы и повѣсти М. Яцкова).—**А. Хатченко.** Ю. Ю. Цвѣтковскій, какъ общественный дѣятель.—**Его же.** По поводу воспоминаній Е. С. Познанскаго.—**А. А. Русовъ.** Какъ я сталъ членомъ “громады.“—**Б. С. Познанскій.** Воспоминанія.—**С. Ф. Русова.** Шевченко и украинское общество 60-хъ годовъ.—**В. Обнинскій.** Первые шаги русскаго автономизма.—**И. В. Лебединскій.** Къ вопросу объ изученіи украинскаго права.—**Его же.** Задачи украинскихъ юристовъ.—**Д. Д—ко.** Украинское ученое общество въ Кіевѣ.—**Д-ръ М. Шмигельскій.** По поводу трудовъ «Медичної Секції Наукового Товариства у Київі».—**П. І. Стебницкій.** Петербургская «Просвіта».—**М. Возняк**ъ. Украинское Общество «Просвіта» къ Львовѣ.—**А. Л.** Объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ.—**Н. Г. Филянскій.** О будущемъ украинской архитектуры.—**Д. Марковичъ.** Краткій очеркъ развитія кооперативовъ на Волыни.—**Я. Ченига.** Украинскій учитель и материнскій языкъ въ начальной школѣ.—**Вол. Я.** Петербургская Академія наукъ и украинская литература.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова.**—На текущія темы: **Дм. Донцова**—Письма изъ Галиціи.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: «**На Украинѣ и внѣ ея**» (Извѣстія, замѣтки, сообщенія и т. д.), «**Библіографія**» и «**Литературная Лѣтопись**».

Въ теченіе 1912 года въ «Украинской Жизни» были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Проф. **М. С. Грушевскій.** Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель «Просвіт».—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Pichniana.—**Старый Украинецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Ѳ. Саликовскій.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Больной вопросъ.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и «Вольное Слово».—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ. —**Д. Сиромаха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженко.** Національное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристъ объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко.—**Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.—**Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олесницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ. **М. Горбіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати. **Л. Василевскій** (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній. **С. А. Ефремовъ.** Предъ спущенной завѣсою.—**Его же.** На зарѣ возрожденія.—**П. И. Чижевскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—**К. Е. Шероцкій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**А. Масловъ.** Украинская народная музыка.—**В. Дорошенко.** Украинская академія наукъ.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковскій И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, М. Вознякъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, С. Е. Голицинская, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій. М. Данько, Д-ръ Н. М. Дикій, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, Л. Жигмайло, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, В. П. Кошевой, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, Прив. доц. В. Пичета, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. В. Рклицій, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ѳ. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П Смутокъ, В. Степовый. Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. О. Сърополко, Н. Г. Филянскій, И. М. Хоткевичъ, С. Чепига, С. Черкасенко, П. И. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, д-ръ М. Е. Шмигельскій, Л. А. Яновская, А. И. Ярошевичъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ достав. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р.—к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	—р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	1 р. 50 к.	—р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., причемъ необходима присылка стараго адреса.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к.

ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“
Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 3.44-48.

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

Бібліотека
научного товарищества
имени Шевченка

№ 11.

Годъ изданія второй.

Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств.
1913.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Голчья тактика**. *С. А. Ефремова*. 5
II. **Мечты польскихъ націоналистовъ и дѣйствительность.** *В. П. Кошевого* 12
III. **Отвѣтъ на анкету «Украинской Жизни».** *Кн. Д. И. Шаховского* 24
IV. **Къ 40-лѣтнему юбилею Юго-Западнаго Отдѣла Императорск. Географич. Общества.** *С. Ф. Русовой.* 28
V. **Изъ исторіи кодификаціи украинскаго права.** *И. В. Лебединскаго.* 40
VI. **В. Винниченко.** (Литературный эскизъ) *Л. Аб—ича* 49
VII. **Кризисъ въ Галиціи въ освѣщеніи нѣмецкаго публициста.** *І. П.* 60
VIII. **Украинцы въ Цѣнѣ.** *М. Данька.* 65
IX. **«Сокращенное» разоблаченіе украинства г-номъ Щеголевымъ.** *С. В. Петлюры* 70
X. **На Украинѣ и вић ея.** За мѣсяцъ.—Празднованіе юбилея И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ—Изъ прошлаго: Открытіе памятника И. П. Котляревскому въ 1903 г.—Къ юбилею проф. Н. И. Карѣева (пребываніе его во Львовѣ въ 1903 г.) *В.Д.*—Цѣнный едва ли не забытый указъ о сохраненіи памятниковъ старины *С. В. Рклицкаго.* 58
XI. **Библіографія.** Марія Проскурівна. Уляся *Ан. Василька.* И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе. Второе изданіе *И. Л.*—А. Жук. Украинська кооперація в Галичині. *В. Садовскаго.* Жерла до історіі Украіни—Руси. Дневник Я. Марковича. *Д. Дорошенка.* 104
XII. Литературная лѣтопись. 110
XIII. Объявленія. 114

Волчья тактика.

Давно закончено кошмарное, притягивавшее вниманіе всего цивилизованнаго міра „дѣло Бейлиса“, а вызванное имъ волненіе все еще не улеглось, да врядъ ли и уляжется скоро. Слишкомъ большая обида человѣчности и культурѣ нанесена этимъ безсмысленнымъ процессомъ, чтобы можно было успокоиться на оправдательномъ приговорѣ обвинявшемуся человѣку. Слишкомъ много общественныхъ язвъ вскрыто попутно и слишкомъ настоятельно заявляютъ о себѣ эти общественныя язвы русскаго политическаго строя. Въ близкомъ будущемъ предстоитъ еще нѣсколько процессовъ (напр., дѣло редактора „Кіевлянина“), связанныхъ съ тѣмъ же „дѣломъ Бейлиса“ и обѣщающихъ представить новыя данныя къ исторіи возникновенія и постановкѣ „историческаго процесса“. И дѣло скромнаго приказчика кирпичнаго завода, со всѣми его перипетіями и развѣтвленіями, несомнѣнно, составитъ одну изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ страницъ пока еще не написанной исторіи борьбы между свѣтомъ и мракомъ. Аналогичные по своему общественному значенію процессы уже были въ прошедшемъ, и мы знаемъ, какое значеніе имѣли для современности.

Но не о дѣлѣ Бейлиса во всей его огромной сложности и полнотѣ, не о личной драмѣ невиннаго человѣка и не объ общественной драмѣ народа, къ которому этотъ человѣкъ принадлежитъ, будетъ здѣсь рѣчь. Я не буду точно также касаться и тѣхъ безчисленныхъ бытовыхъ язвъ, которыя попутно вскрылись на этомъ историческомъ процессѣ. Все это, конечно, освѣтитъ, этимъ займется общая пресса, для которой дѣло Бейлиса представляетъ такой благодарный матеріалъ, какого давно уже не давала въ такомъ огромномъ изобиліи и причудливомъ сочетаніи даже богатая кошмарными неожиданностями русская дѣйствительность. Моя задача скромнѣе. Я коснусь одной только частности въ процессѣ,—правда, такой частности, которая, можетъ быть, и придаетъ ему весь его специфическій букетъ.

ЛЬВІВСЬКА ПОЛІТЕХНІКА
АН УРСР
№ П- 85689

Дѣло возникло на Украинѣ, въ Кіевѣ. И, по моему мнѣнію, возникло здѣсь не случайно. Скажу больше—въ предѣлахъ пресловутой черты осѣдлости нѣтъ болѣе удобнаго, если здѣсь умѣстно это слово, мѣста для подобныхъ процессовъ, какъ именно Украина, а на территоріи Украины нѣтъ болѣе подходящаго уголка, какъ Кіевъ. Какъ ни прискорбно это для нашего національнаго самочувствія, но это такъ,—именно названный большой европейскій городъ на территоріи Украины скорѣе всего могъ сдѣлаться въ XX вѣкѣ мѣстомъ такого дѣйствія, которому приличнѣе было бы занимать собой общественное вниманіе развѣ нѣсколько столѣтій тому назадъ. И то, что данный процессъ протекалъ не въ мрачномъ подземельѣ и не при наличности дыбъ и прочихъ остроумныхъ приспособленій, о которыхъ такъ грустно вздыхалъ патеръ Пранайтисъ, а при электрическомъ свѣтѣ и довольно широкой гласности, которую пытался было пресѣчь г. товарищъ прокурора,—это даетъ намъ возможность отвѣтить на вопросъ, почему именно Украинѣ и въ частности Кіеву выпало на долю сомнительное удовольствіе пріютить на цѣлый мѣсяцъ гг. Шмакова, Замысловскаго и др., явившихся сюда съ цѣлью во что бы то ни стало, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, инсценировать этотъ средневѣковый процессъ и дать выставку человѣческой глупости, злобы и ненавистничества. Вѣдь даже то, что происходило за кулисами, что оставалось до сихъ поръ тайной, о чемъ только догадываться можно было,—все это при свѣтѣ гласности приняло полный свой обликъ, явилось въ настоящемъ своемъ видѣ и размѣрахъ, освѣщено съ разныхъ сторонъ. И это освѣщеніе бросаетъ яркій свѣтъ на событія и явленія, далеко выходящія изъ рамокъ „дѣла Бейлиса“, не только какъ личной, но и какъ общественной, но специфически еврейской драмы. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этой драмы, кровно въ ней заинтересованныхъ, выступаетъ новое лицо, коренное населеніе Украины, и, право, я не затрудняюсь сказать, что оно, далекое отъ обвиненій, является все-таки однимъ изъ потерпѣвшихъ въ томъ столкновеніи, молчаливымъ свидѣтелемъ котораго ему пришлось сдѣлаться...

Кому приходилось бывать на процессѣ, тотъ не могъ не отмѣтить одного обстоятельства—обилія въ залѣ засѣданія молодыхъ людей, стяжавшихъ въ Кіевѣ довольно печальную извѣстность потоками чернилъ, храбро проли-

тыхъ ими на стѣнахъ почему-либо не понравившихся имъ учрежденій. Эти молодые люди съ союзническими значками и безъ значковъ попадались рѣшительно на каждомъ шагу и, повидимому, чувствовали себя здѣсь какъ дома. Мало того, они считали себя господами положенія. Еще больше—они фактически руководили процессомъ... Присматриваясь и прислушиваясь къ тому, что происходило на этомъ „міровомъ процессѣ", безпристрастные наблюдатели неизмѣнно приходили къ заключенію, что корректный предсѣдатель существовалъ лишь для формы, а на самомъ дѣлѣ и онъ, и г. Випперъ, и г. Замысловскій, и г. Шмаковъ являлись чѣмъ-то въ родѣ маріонетокъ, нити отъ которыхъ находились въ рукахъ какого-нибудь студента Голубева. Онъ неукоснительно присутствовалъ въ залѣ, онъ распоряжался въ кулуарахъ суда, онъ суетился, направлялъ, руководилъ... И послушныя маріонетки спѣшили выполнить выраженный слишкомъ недвусмысленно заказъ этого ничѣмъ не выдающагося юнца. Оффиціальный міръ оказался во власти, въ безнадежномъ плѣну у кучки такихъ же юнцовъ, чутко прислушивавшихся ко всякому мановенію своего общепризнаннаго начальника. Дѣло дошло до откровеннаго признанія г. прокурора: „пусть насъ судятъ за этотъ процессъ, но мы обязаны были (!) такъ сдѣлать". Дѣло дошло до краснорѣчивыхъ діалоговъ между предсѣдательствовавшимъ г. Болдыревымъ и представителемъ защиты г. Зарудныимъ.

Зарудный. Я защищаю не только подсудимаго, я не защищаю еврейства, но въ эту минуту я защищаю русскій судъ.

Предсѣдатель. Русскій судъ не нуждается въ вашей защитѣ.

Зарудный. Къ сожалѣнію, приходится его защищать. Это нужно.

И несомнѣнно, что оффиціальная реплика предсѣдательствовавшаго звучала въ обстановкѣ даннаго процесса гораздо менѣе убѣдительно, чѣмъ энергическое „это нужно" защитника. Приходилось защищать самыя основы правосудія отъ дружнаго натиска кучки патентованныхъ патріотовъ, по-своему понимающихъ обязанности и задачи суда; приходилось защищать судъ отъ него же самого въ виду слишкомъ ясно выраженной тенденціи катиться по той

наклонной плоскости, на которую его усердно подталкивали Голубевъ и К°. И эта зависимость отъ постороннихъ вліяній была наиболѣе яркой чертой „мірового процесса“.

Впрочемъ, зависимость началась задолго до процесса. Судебное слѣдствіе раскрыло поразительное даже для русскаго суда обстоятельство. Во все время предварительнаго слѣдствія кромѣ неофиціальнаго разслѣдованія велось и другое, которое систематически подавляло официальный матеріалъ и приспособляло его къ своимъ видамъ и цѣлямъ. Это не тѣ частныя, разслѣдованія, полемикѣ съ которыми посвятилъ такъ много задора обвинительный актъ и противъ которыхъ металъ свои громы г. прокуроръ. Противъ того неофиціальнаго слѣдствія, о которомъ я говорю, никто не металъ громовъ въ оффиціальномъ мірѣ, никто не протестовалъ, хотя оффиціальные слѣдователи все время чувствовали на себѣ его тяжелый гнетъ и, вольно или невольно, сознательно или упираясь, „обязаны были“ слѣдовать за указаніями отнюдь не таинственной теперь руки. Должны были слѣдовать, ибо горе тѣмъ, кто осмѣливался идти противъ ея указаній. Осужденъ начальникъ сыскного отдѣленія Мищукъ, заключенъ въ тюрьму руководитель дознанія Красовскій, отстраненъ судебный слѣдователь Фененко, даже сидѣлица казенной винной лавки уволена, какъ скоро рѣшилась дать неугодное г. Голубеву показаніе... Вотъ кто, собственно, при всемъ своемъ ничтожествѣ руководилъ процессомъ во всѣхъ его стадіяхъ, вотъ кому нужна была жертва въ видѣ Менделя Бейлиса, вотъ кто взялъ подъ свою высокую защиту дѣйствительныхъ виновниковъ убійства Ющинскаго,—дегенеративный юноша въ студенческомъ мундирѣ и съ союзническимъ значкомъ, душа патріотическаго общества „Двуглавый орелъ“ и руководитель печатнаго „органа“ патріотической молодежи съ непечатными замашками. Онъ самолично провѣряетъ дѣйствія слѣдователя, онъ въ официальныхъ бумагахъ даетъ свои заключенія, онъ выслушиваетъ доклады должностныхъ лицъ, онъ имѣетъ доступъ во всѣ учрежденія и получаетъ самыя секретныя справки, онъ руководитъ, онъ направляетъ, онъ выдвигаетъ, онъ устраняетъ... Во власти его, партикулярнаго человѣка безъ всякаго официальнаго положенія, оказывается администрація, подъ его давленіемъ „обязана“ дѣйствовать прокуратура, въ плѣну у него пребываетъ судъ, послушно творившій волю этого страннаго человѣка, поль-

зующагося какимъ-то на первый взглядъ необъяснимымъ вліяніемъ. Почему все это произошло? Какъ могла случиться такая нелѣпица, эта сплошная чепуха, мѣсто которой въ Бедламѣ, а не въ благоустроенномъ государствѣ, управляющемся „на твердомъ основаніи законовъ"? Разгадка этого кошмарнаго явленія кроется въ одномъ словѣ—„націонализмъ".

Патріотическія организаціи, націоналисты всѣхъ родовъ оружія хотя и не особенно давно, но прочно свили свое гнѣздо на Украинѣ, въ особенности въ Кіевѣ. Здѣсь колыбель истинно-русскаго націонализма, здѣсь мѣсто наиболѣе выдающихся ихъ подвиговъ, здѣсь обширное поле для патріотической дѣятельности. И здѣсь они диктуютъ властямъ свои условія, и послушно слѣдуютъ за ними лица, „обладающія всей полнотой власти". Слѣдуютъ, ибо на нихъ, на этой кучкѣ истинно-русскихъ „орлятъ", собственно и основывается та „русская работа" въ краѣ, которая якобы оправдываетъ ихъ существованіе и для которой приносятся въ жертву интересы края и населенія. Вліяніе какого-нибудь Голубева, конечно, не въ личныхъ его достоинствахъ и обаятельности, конечно, и не въ общественныхъ заслугахъ ибо, какъ личность онъ круглый нуль, а общественныя выступленія этого нуля могутъ быть сведены вполнѣ и всецѣло къ многочисленнымъ дебошамъ на патріотической подкладкѣ. Причина этого вліянія кроется въ той работѣ по обрусенію края, которой исключительное вниманіе удѣляютъ офиціальныя сферы и которая заслоняетъ собою все, устраняя изъ поля зрѣнія дѣйствительную жизнь, насущныя потребности украинскаго населенія. Оно, слѣдовательно, также является потерпѣвшимъ въ этомъ процессѣ, разсматривая послѣдній какъ результатъ націоналистической политики, и если отъ его имени не выступаютъ гражданскіе истцы, то лишь потому, что въ этомъ дѣлѣ вообще всѣ роли перепутались. Но несомнѣнно, что въ томъ обвинительномъ актѣ, который будетъ же когда-нибудь предъявленъ противъ обрусительной системы, займетъ свое мѣсто и навязанное Украинѣ дѣло Бейлиса, какъ результатъ насильственно привитой темноты и безпомощности.

Русскаго населенія, ради котораго якобы ведется націоналистическая политика, на Украинѣ, конечно, нѣтъ.

Огромное море сельскаго украинскаго населенія плещется вокругъ маленькихъ островковъ городского, частью еврейскаго, частью польскаго, частью обрусѣлаго украинскаго элемента. И истинно-русскій патріотизмъ, несмотря на свою внѣшнюю силу, не имѣетъ здѣсь корней и, будучи враждебнымъ населенію, для своего существованія долженъ былъ взять воинственную par excellence ноту и тянуть ее изо всѣхъ силъ. Именно „инородческій" составъ населенія на Украинѣ и объясняетъ какъ возникновеніе, такъ и развитіе здѣсь того зоологическаго націонализма, благодаря которому украинскія губерніи считаются наиболѣе истинно-русскими губерніями во всей Россіи. Центральныя великорусскія губерніи съ ихъ сравнительно однороднымъ по національному составу населеніемъ не представляютъ той удобной почвы для зоологическаго націонализма; тамъ вопли объ инородческомъ засильѣ звучатъ уныло, до нѣкоторой степени дико и не возбуждаютъ почти никакого отклика, такъ какъ жизнь сама опровергаетъ патріотическія сказки. Не то здѣсь. Офиціальный русскій элементъ, несмотря на весь свой престижъ, не можетъ не чувствовать, что въ сущности у него нѣтъ почвы подъ ногами, что онъ является пришлымъ, наноснымъ элементомъ. Въ поискахъ такой почвы, въ поискахъ сотрудниковъ изъ общества полное сочувствіе и распростертыя объятія онъ можетъ встрѣтить лишь въ средѣ истинно-русскихъ націоналистовъ. На нихъ только и можетъ опереться изолированная офиціальность. И въ силу такого положенія націоналисты попадаютъ въ спасители отечества и—услуга за услугу—получаютъ соотвѣтствующую этому званію огромную долю вліянія, занимаетъ привилегированное, безотвѣтственное положеніе и въ концѣ-концовъ диктуютъ свою волю безпочвенной офиціальности. Возникаетъ та неписанная субординація, которую прекрасно обрисовалъ Толстой и благодаря которой, въ данномъ случаѣ, предъ безвѣстнымъ студентомъ или бывшимъ содержателемъ кассы ссудъ склоняются люди, занимающіе высокое офиціальное положеніе. Въ лицѣ какого-нибудь Голубева или Размитальскаго безудержный націонализмъ становится диктаторомъ.

И онъ пользуется своимъ положеніемъ во-всю. Руками администраціи безшабашный націонализмъ искореняетъ „мазепинство", уничтожаетъ „польщизну", тѣснитъ „жи-

довство". Ни для кого здѣсь не тайна, что всякому ограничительному мѣропріятію, каждой репрессивной новости предшествуютъ таинственныя шептанія съ представителями истинно-русскаго національнаго націонализма, а затѣмъ открытая кампанія въ націоналистической прессѣ, какъ мѣстной, такъ и столичной. И когда почва такимъ образомъ уже достаточно подготовлена, выступаютъ на сцену официальныя сферы и открываютъ вдругъ вредъ тамъ, гдѣ его до тѣхъ поръ не усматривалось. Такимъ порядкомъ были разгромлены украинскія, польскія и еврейскія общества, въ такомъ же порядкѣ ведется вообще травля противъ всего, что не подходитъ подъ рубрику истинно-русскаго: когда на что-либо набрасывается подозрѣніе въ отсутствіи достаточнаго патріотизма, конецъ извѣстенъ... Благодаря такой чисто вандальской работѣ разрушены очаги культуры, вырываются съ корнемъ ростки общественности, ибо всякая культура, всякая общественность, конечно, враждебны зоологическому націонализму, открыто провозгласившему своимъ лозунгомъ и руководящимъ правиломъ—natio nationi lupus.

Волчья тактика въ національномъ вопросѣ, конечно, не можетъ привлечь къ себѣ общественныя силы, не можетъ возбудить симпатій. Смѣхотворныя выступленія, въ родѣ упомянутой уже бомбардировки чернильницами прогрессивныхъ редакцій, окончательно дискредитировали представителей хищнаго націонализма. Необходимо было на чемъ-нибудь отыграться,—и вотъ подоспѣло такое выигрышное дѣло, какъ обвиненіе еврея въ ритуальномъ убійствѣ. Вѣдь до сихъ поръ въ разрушительномъ походѣ на культуру совершенно отсутствовало главное—факты, замѣняемые лишь бреднями Голубевыхъ и Савенокъ. Ритуальное убійство могло послужить такимъ фактомъ, который далъ бы опору націоналистическимъ вожделѣніямъ и, бросивъ искру національной вражды въ массы населенія, оправдалъ бы волчью тактику. Ради такого результата, конечно, стоило поставить это дѣло по всѣмъ правиламъ ритуальныхъ обвиненій, вплоть до шарлатанской экспертизы ташкентскаго патера. И мы видимъ, что предварительное слѣдствіе, несмотря на всѣ доводы здраваго смысла, катилось фатально по тому направленію, по которому толкалъ его благородный, по выраженію г. прокурора, юноша, пока не докатилось до обвинительнаго акта, въ которомъ

Бейлису удѣлено вниманія ровно столько, сколько можно удѣлить первому попавшемуся человѣку. Мы видимъ, что во время судебнаго слѣдствія представители обвиненія проявляли трогательную заботливость объ огражденіи репутаціи преступниковъ, тщательно выгораживая ихъ, лишь бы обвинить инородца. Мы видимъ, какъ обѣляло то же обвиненіе Чеберячку и ея добрыхъ знакомыхъ въ арестантскихъ бушлатахъ все съ той же единственной цѣлью—найти оправданіе и опору волчьей политикѣ. Черезъ націонализмъ къ общественнымъ подонкамъ, къ преступному міру—такова та наклонная плоскость, которая лежала предъ обвиненіемъ, разъ оно приняло названную политику. И оно, „обязанное такъ сдѣлать", безъ колебаній на эту плоскость вступило.

Ошибка была лишь въ томъ, что процессъ поставленъ при свѣтѣ гласности, ярко освѣтившемъ всѣ націоналистическія манипуляціи. Бейлиса судили вѣдь не только въ зданіи кіевскаго окружнаго суда,—его судили по всему міру. И на этомъ судѣ оправдательный вердиктъ былъ вынесенъ раньше даже, чѣмъ подсудимый сѣлъ за отведенную ему въ залѣ суда рѣшетку. И вмѣстѣ съ тѣмъ вынесено безпощадное обвиненіе тѣмъ, кто являлся главными виновниками нелѣпаго процесса, захватившаго перваго попавшагося человѣка исключительно по національнымъ признакамъ и націоналистическимъ соображеніямъ и сознательно устранившаго возможныхъ преступниковъ. И уже въ то время, когда самый исходъ кіевскаго процесса представлялся еще сомнительнымъ, обвиненіе настоящимъ его виновникамъ было все-же произнесено: „Да, виновны, и не заслуживаютъ снисхожденія"...

Ни малѣйшаго, ибо то, что совершено, совершено съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, хотя, можетъ быть, и безъ отчетливаго представленія о всѣхъ возможныхъ послѣдствіяхъ такого поступка.

С. Ефремовъ.

Мечты польскихъ націоналистовъ и дѣйствительность.

Россійская политическая современность въ числѣ другихъ вопросовъ поставила на очередь къ разрѣшенію и вопросъ національный. Россійская интеллигенція группируется въ политическія партіи не только по лозунгамъ политическимъ и экономическимъ, но и по національнымъ постулатамъ, выдвигаемымъ тою или другою народностью. Національно-культурныя требованія различныхъ негосударственныхъ народностей вызвали среди консервативныхъ и даже либеральныхъ элементовъ страны сначала стремленіе противодѣйствовать имъ, а потомъ побудили ихъ организоваться въ партію націоналистовъ для защиты того, что въ ней не нуждается, для защиты великорусскаго лица, языка и великорусской культуры. Вслѣдствіе этого, во всякомъ стремленіи негосударственной народности къ сохраненію культурно-національнаго лица русскіе націоналисты, по какой-то странной логикѣ, видятъ посягательство на лицо великорусское, очевидно, исходя изъ того положенія, что въ Россіи все должно быть великорусскимъ. Странно, что въ XX вѣкѣ могутъ имѣть мѣсто средневѣковые лозунги, когда считалось нормальнымъ cujus rex, cujus religia, измѣнившійся соотвѣтственно нашему времени въ cujus regio, cujus natio. Но самый фактъ существованія партіи русскихъ націоналистовъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что національный вопросъ въ Россіи становится на очередь къ разрѣшенію: онъ возбуждаетъ страсти и привлекаетъ все большее и большее вниманіе широкихъ слоевъ общества.

Либеральная и демократическая интеллигенція страны, раньше относившаяся индифферентно къ этому вопросу, начинаетъ интересоваться имъ и такъ или иначе реагировать на культурно-національныя требованія негосударственныхъ народностей. Но и группы прогрессивной интеллигенціи относятся къ этому далеко не одинаково. Если соціалъ-демо-

краты и трудовики готовы отстаивать права всѣхъ безъ различія негосударственныхъ народностей Россіи, то нельзя того же сказать о конституціонныхъ демократахъ (кадетахъ). Изъ негосударственыхъ народностей Россіи они больше всего обѣщаній надавали полякамъ: къ ихъ національно-культурнымъ требованіямъ они относились съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ такимъ же требованіямъ другихъ народностей,—напр., украинцевъ. Сочувствіе ихъ польскимъ требованіямъ простиралось до того, что они горячо отстаивали даже спорныя домогательства польскихъ націоналистовъ, напр., при обсужденіи въ Думѣ вопроса объ отдѣленіи украинской Холмщины. При этомъ конституціонные демократы до такой степени прониклись точкой зрѣнія польскихъ націоналистовъ въ этомъ вопросѣ, что въ Думѣ высказывались въ ущербъ другой народности, интересы которой, состоящей изъ демократической массы, кадеты, какъ демократы, должны были, казалось, отстаивать. Такое предпочтеніе польскихъ требованій передъ постулатами другихъ народностей для насъ вполнѣ понятно. Будучи въ извѣстной степени реальными политиками, кадеты послѣ 1905 г. должны были уступить національнымъ требованіямъ различныхъ народностей Россіи, но сравнительно серьезно посчитаться лишь съ требованіями тѣхъ народностей, основанія домогательствъ которыхъ для нихъ были наиболѣе понятны. Придавая больше значенія государственности, чѣмъ народности, кадеты, естественно, прежде всего обратили вниманіе на притязанія поляковъ, имѣвшихъ 100 лѣтъ назадъ отдѣльную государственность и боровшихся за нее почти все XIX столѣтіе. Будучи сторонниками исключительно государственной культуры, они понимали, какъ тяжело потерять народу государственную самостоятельность. Съ другой стороны, борьба поляковъ за независимость Польши вызвала среди просвѣщенныхъ европейцовъ такую къ нимъ симпатію и такимъ ореоломъ они окружили эту борьбу, что образованные россіяне не могли съ этимъ не считаться. Возможно, что, благодаря такому именно отношенію образованныхъ европейцевъ и россіянъ къ польскому вопросу русскіе націоналисты въ теченіе послѣдняго пятилѣтія наибольше направили стрѣлъ противъ польскихъ требованій и стремились нанести побольше ударовъ самолюбію польскихъ націоналистовъ.

Сказаннымъ объясняется, почему въ теченіе законода-

тельной дѣятельности 3-й Государственной Думы послѣдняя обсуждала преимущественно тѣ законопроекты по національному вопросу, которые касались главнымъ образомъ поляковъ. Несомнѣнно, и въ ближайшемъ будущемъ по тѣмъ же причинамъ, русское общество, законодательныя учрежденія и даже правительство будутъ больше обращать вниманія на требованія поляковъ, чѣмъ другихъ національностей. Трудно будетъ не посчитаться съ національно-культурными требованіями поляковъ, при развитомъ національномъ самосознаніи польскаго народа и несомнѣнной культурности польскаго буржуазнаго общества.

Поэтому вполнѣ своевременно разобраться въ національныхъ требованіяхъ и притязаніяхъ польской буржуазіи, ибо послѣднія (какъ увидимъ ниже), несомнѣнно, могутъ затронуть интересы и другихъ народностей, такъ или иначе соприкасающихся съ этнографической Польшей, и въ частности насъ, украинцевъ.

Нельзя забывать, что въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, почти въ теченіе трехъ вѣковъ, шелъ большой споръ между русской и польской государственностью за тѣ губерніи нынѣшней Россіи, которыя заселены украинцами и бѣлоруссами. Польскіе буржуазные политики и теперь не могутъ забыть о тѣхъ временахъ былой Рѣчи Посполитой, когда Украина, Литва и Бѣлоруссь были подъ владычествомъ Польши. Эта эпоха—расцвѣтъ польскаго государства: воспоминаніе о ней вызываетъ и теперь даже у буржуазныхъ элементовъ польскаго народа политическій романтизмъ. Поэтому современные польскіе націоналисты, обращающіе свои взоры въ блестящее прошлое польскаго королевства, не могутъ спокойно вспоминать о той тяжелой борьбѣ, которую вынесъ украинскій народъ съ Рѣчью Посполитой за свою національную самостоятельность. Для нихъ украинскія возстанія XVII и XVIII вв.—это не борьба за свободу и независимость противъ ига Польши, а лишь (казацкіе и гайдамацкіе) разбойничьи бунты и своеволіе черни противъ культуры и правового порядка польскаго государства. Воспоминаніе объ этомъ причиняетъ имъ большую боль, ибо съ потерей Украины Польша постепенно пришла въ упадокъ и потомъ прекратила самостоятельное существованіе. Раздѣлъ Польши является и теперь весьма тяжелой раной для польскихъ націоналистовъ. У нихъ мечты не о будущей демократической Польшѣ въ этнографическихъ границахъ,

а о Польшѣ исторической „отъ моря до моря". Поэтому они все время послѣ раздѣла Польши, смотрѣли на Украину, Литву и Бѣлоруссію какъ на части Польши, какъ на „край забранный". Съ такимъ лозунгомъ (историческая Польша) выступали польскіе повстанцы 1831 и 1863 гг. противъ Россіи. Того же домогались и польскія политическія партіи позднѣйшаго времени, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ М. П. Драгомановъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Историческая Польша и великорусская демократія". На этой же точкѣ зрѣнія стоятъ и нынѣшнія польскія національно-буржуазныя партіи (вшехполяки, австрійскіе станчики, консерваторы, народовцы, клерикалы, народовые демократы). Они никакъ не могутъ примириться съ прекращеніемъ существованія польскаго государства въ старыхъ историческихъ границахъ, и Западный край Россіи они считаютъ и называютъ „Молодой Польшей" въ отличіе отъ „Великой Польши"—Привислинскаго края (географическія карты Польши, изданныя австрійскими вшехполяками, подтверждаютъ сказанное). Партіи „угодовцевъ", „демократовъ" и „реалистовъ" (въ духѣ Романа Дмовскаго), какъ-будто примирившіяся съ раздѣломъ Польши, все-таки не думаютъ упускать своего вліянія въ экономической жизни и мѣстныхъ дѣлахъ Юго-западнаго и Сѣверо-западнаго края. Борьба ихъ за вліяніе въ западныхъ земствахъ подтверждаетъ сказанное. И только соціалистическія партіи и нѣкоторыя демократическія съ радикальнымъ міровоззрѣніемъ относятся безразлично къ политическому романтизму буржуазныхъ партій, считаются съ раздѣломъ Польши какъ съ историческимъ фактомъ и ставятъ лишь своей задачей улучшеніе положенія трудящихся массъ въ предѣлахъ этнографической Польши, раздѣленной между Россіей, Австріей и Пруссіей.

Слѣдовательно, большинство польской націоналистической буржуазіи домогается осуществленія культурно-національныхъ задачъ не въ предѣлахъ этнографической Польши, а въ границахъ бывшей Рѣчи Посполитой. Реальная политика польскихъ націоналистовъ послѣ 1905 г. вполнѣ подтверждаетъ сказанное. Депутаты-поляки члены 1-й Государственной Думы, избранные отъ губерній Юго-Западнаго и Сѣверо-западнаго края, вступаютъ въ польское коло Думы, какъ-будто ихъ избрало одно польское населеніе этихъ губерній. Депутаты-поляки во 2-й Государ-

ственной Думѣ выступаютъ съ декларацiей объ автономiи Польши, базируясь на конституцiи 1815 г., т.-е. требуютъ осуществленiя ея въ границахъ Привислинскаго края, а не въ границахъ этнографической Польши. При разсмотрѣнiи въ 3-й Государственной Думѣ законопроекта о выдѣленiи Холмщины изъ Привислинскаго края польское коло въ Думѣ всѣми силами ополчается противъ этого проекта, квалифицируетъ его какъ 4-й раздѣлъ Польши, какъ вопiющее нарушенiе ихъ правъ, хотя, казалось бы, зачѣмъ такъ полякамъ волноваться, если чужiе люди выходятъ изъ хаты. Но польскiе нацiоналисты, очевидно, и теперь еще не могутъ отказаться отъ сомнительныхъ правъ несуществующаго государства на тѣ области, которыя когда-то входили въ составъ Рѣчи Посполитой. Протестуя передъ Европой и русскимъ образованнымъ обществомъ противъ угнетенiя ихъ въ Россiи, польскiе нацiоналисты въ то же самое время проявляютъ нетерпимость по отношенiю къ другимъ такимъ же угнетеннымъ народностямъ и всячески противодѣйствуютъ культурно-нацiональному развитiю этихъ народностей. И такое отношенiе они обнаруживаютъ не только въ предѣлахъ этнографической Польши, но даже и за ея предѣлами—въ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Странная логика у польскихъ нацiоналистовъ. Имъ больно, если польскiй народъ гдѣ-либо угнетается, и въ то же время, будучи угнетенными, сами стремятся угнетать другiя народности во имя бывшаго польскаго государства. Если вѣрить сообщенiю въ прессѣ, весною этого года представители трехъ частей Польши подали меморандумъ лондонскому совѣщанiю пословъ объ автономiи Польши, протестуя противъ ея раздѣла, и въ то же время въ восточной украинской Галицiи (въ Австрiи) польская буржуазiя продолжаетъ вести политику полонизацiи украинскаго населенiя, въ Литвѣ противодѣйствуютъ отправленiю въ костелахъ богослуженiя на литовскомъ языкѣ, (въ Вильнѣ), а въ Привислинскомъ краѣ организуютъ экономическiй бойкотъ евреевъ. Одновременно съ этимъ польское коло въ Думѣ содѣйствуетъ проведенiю правительственнаго законопроекта объ ограниченiи правъ евреевъ въ городскомъ самоуправленiи Привислинскаго края. Оно послѣдовательно въ мелкихъ фактахъ проявляетъ старыя притязанiя польскихъ нацiоналистовъ на Юго-западный и Сѣверо-западный край вмѣстѣ съ Кiевомъ и стремится въ

ЛЬВІВСЬКА С БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85689

этихъ краяхъ создать свое культурно-національное и экономическое вліяніе. Во имя этого послѣдняго польское коло въ Думѣ усиленно боролось противъ національныхъ курій въ западныхъ земствахъ. Оно боролось не за право меньшинства, а за гегемонію поляковъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Въ дѣйствительности по закону 1911 г. поляки получили представительство въ земствѣ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ польское населеніе составляетъ % по отношенію ко всему населенію края. Такъ, на Волыни по переписи 1897 г. поляки составляютъ 6% всего населенія губерніи, а представительство ихъ въ губернскомъ земскомъ собраніи по закону опредѣлено въ размѣрѣ 20%. Очевидно, польское коло въ Думѣ, протестуя противъ законопроекта о западномъ земствѣ, добивалось и большаго по количеству гласныхъ представительства,, и большаго вліянія на мѣстныя дѣла. Романтическія мечты о былой Рѣчи Посполитой, несомнѣнно, сыграли роль движущаго стимула при этой борьбѣ. Но если среди польской буржуазіи распространенъ политическій романтизмъ о былой Рѣчи Посполитой, если она на Западный край и до сихъ поръ смотритъ, какъ на „край забранный“, то украинцы не могутъ относиться къ этому безразлично. Они достаточно испытали „культурный и справедливый“ режимъ польской буржуазіи въ австрійской Галиціи. Не встрѣчая противодѣйствія со стороны вѣнскаго австрійскаго правительства, польскіе націоналисты въ Галиціи всячески противодѣйствуютъ національно-культурному развитію украинства, права котораго на это развитіе гарантированы австрійской конституціей. Если польская буржуазія въ Галиціи, захвативъ въ свои руки власть, ведетъ такую политику по отношенію къ украинцамъ, то нельзя ли того же ожидать и въ Западномъ краѣ Россіи въ томъ случаѣ, если бы она добилась сильнаго вліянія на мѣстныя дѣла въ западныхъ губерніяхъ. Польско-буржуазные націоналисты всегда относились враждебно къ національному возрожденію украинцевъ. Еще въ 70-хъ годахъ XIX стол. часть польской прессы характеризовала національно-культурное возрожденіе украинцевъ какъ будущую гайдамачину. Возможно, что вслѣдствіе этихъ газетныхъ розсказней русское правительство стало подозрительно относиться къ національному движенію украинцевъ и для прекращенія его изобрѣло знаменитый законъ 1876 г. Въ послѣднее время польская буржуазно - клерикальная

пресса распространила лживую инсинуацію сыщика Рачковскаго о „прусскихъ маркахъ“, чтобы дискредитировать въ глазахъ русскаго правительства украинское движеніе и придать ему характеръ политическаго сепаратизма (мазепинства). И своей цѣли она достигла. Часть русскаго общества и правительство стали теперь относиться еще подозрительнѣе къ украинскому движенію, чѣмъ раньше, репрессіи посыпались какъ изъ рога изобилія. Поэтому украинцамъ приходится очень внимательно относиться къ политическому credo польской буржуазіи, къ ея стремленіямъ и притязаніямъ и такъ-называемой ея „реальной“ политикѣ. Украинскій народъ—по преимуществу демократическая земледѣльческая масса, и его интеллигенціи не такъ-то легко бороться на общественной и политической аренѣ съ польской культурой и въ то же время націоналистической буржуазіей. Она теперь уже добилась внимательнаго отношенія къ своимъ требованіямъ со стороны россійской либеральной буржуазіи и даже въ правительственныхъ сферахъ. При политической же ея гибкости и изворотливости она несомнѣнно добьется еще большаго. Она не отказалась еще отъ мечтаній объ исторической Польшѣ, отъ своихъ притязаній на Западный край и стремится понемногу осуществить ихъ подъ видомъ защиты правъ угнетеннаго меньшинства. При слабой колонизаціи польскою народностью Западнаго края польская буржуазія сохранила былую въ немъ экономическую силу и используетъ ее для своего вліянія. Еще съ большей увѣренностью она трактуетъ Привислинскій край какъ исключительно польскій, заселенный поляками, и старается не замѣчать существованія другихъ народностей на территоріи Царства Польскаго. Борьба польскихъ націоналистовъ противъ отдѣленія Холмщины и экономическій бойкотъ евреевъ свидѣтельствуютъ объ ихъ тенденціи трактовать Привислинскій край какъ заселенный исключительно поляками.

Мы видѣли, каковы мечты и притязанія польскихъ націоналистовъ. Посмотримъ теперь, насколько они соотвѣтствуютъ реальной дѣйствительности. Такъ какъ единственнымъ критеріемъ для опредѣленія территоріи, въ предѣлахъ которой могутъ быть осуществлены національно-культурныя требованія негосударственныхъ народностей, являются этнографическія данныя объ ихъ разселеніи, то необходимо выяснить ту территорію, въ предѣлахъ кото-

рой польская народность дѣйствительно преобладаетъ по числу населенія. Въ частности необходимо выяснить, насколько польскіе націоналисты въ правѣ считать Привислинскій край исключительно польскимъ (по народности) и насколько владычество Рѣчи Посполитой надъ Западнымъ краемъ существенно повліяло въ смыслѣ усиленія польской колонизаціи въ этой области Россіи. Тогда можно видѣть, насколько мечты и претензіи польской національной буржуазіи соотвѣтствуютъ въ настоящее время реальной дѣйствительности.

Въ этихъ цѣляхъ разсмотримъ данныя всероссійской переписи 1897 года о составѣ населенія по національностямъ въ 10-ти губерніяхъ Привислинскаго края и 9-ти западныхъ губерніяхъ. Кстати нужно оговориться, что мы воспользуемся данными о сельскомъ населеніи въ губерніяхъ и уѣздахъ (за исключеніемъ городского), такъ какъ данныя о сельскомъ населеніи больше свидѣтельствуютъ о колонизаціи территоріи тою или другою народностью, нежели общія данныя съ населеніемъ городовъ, которые во всѣхъ странахъ становятся все болѣе и болѣе интернаціональными. Данныя всероссійской переписи 1897 г. мы считаемъ относительно поляковъ достовѣрными, такъ какъ нисколько не сомнѣваемся, что поляки вслѣдствіе развитого національнаго самосознанія вездѣ при переписи считали себя по родному языку поляками. Наоборотъ, мы думаемъ, что данныя о числѣ поляковъ въ Привислинскомъ краѣ скорѣе преувеличены, чѣмъ преуменьшены. Комбинаціонныя таблицы о составѣ населенія по вѣроисповѣданіямъ и родному языку даютъ намъ основаніе сдѣлать такой выводъ. Такъ, въ 10-ти губерніяхъ Привислинскаго края зарегистрировано поляковъ:

Среди: Правосл. единовѣрцевъ.	Раскольниковъ и уклоняющихся.	Армяно григоріанъ.	Лютеранъ.	Иныхъ христіанъ.	Іудеевъ.	Магомет анъ.	Проч. вѣроиспов.	Всего.
34117	24	395	31385	1421	46415	144	27	113928

Съ другой стороны, католики среди лицъ разныхъ національностей, кромѣ польской, зарегистрированы переписью въ этихъ губерніяхъ въ слѣдующемъ количествѣ:

Среди украинцевъ (малороссовъ)	Среди великороссовъ	Среди бѣлоруссовъ	Среди нѣмцевъ	Среди иныхъ индоевроп.	Среди евреевъ	Среди финновъ и татаръ	Итого
36172	2476	14852	28925	986	1263	206	84875

Такимъ образомъ, къ полякамъ причислено въ 1897 г. лицъ иныхъ національностей 113,928 душъ, въ томъ числѣ — евреевъ 46,415, лютеранъ — 31,385 и православныхъ—34,117 душъ. Большинство православныхъ, зарегистрированныхъ поляками, несомнѣнно украинцы, такъ какъ по тѣмъ же даннымъ переписи въ Люблинской губ., оказалось такихъ православныхъ 28,320 душъ, а въ Сѣдлецкой—2,072, т.-е. въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ есть, какъ увидимъ ниже, значительная украинская колонизація на территоріи вновь образованной Холмской губерніи. Интересно также отмѣтить, что большинство лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, причисленныхъ по языку къ полякамъ, въ числѣ 29,634 души, зарегистрировано въ Варшавской губ., причемъ въ послѣдней много причислено къ полякамъ и лютеранъ въ числѣ 12,798 душъ. дти данныя свидѣтельствуютъ или о значительныхъ успѣхахъ колонизаціи въ Привислинскомъ краѣ, или о нѣкоторой недостовѣрности матеріаловъ переписи 1897 г. Съ другой стороны, приведенныя вторыя данныя нисколько не свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ руссификаціи Царства Польскаго, скорѣе онѣ говорятъ объ успѣхахъ католицизма. Такъ, 36,172 души украинцевъ, по всей вѣроятности, бывшихъ уніатовъ, перешли въ католичество, стали католиками и 2,476 великоруссовъ, 1,263 евреевъ, 206 финновъ и татаръ, и, наконецъ, зарегистрировано 14,852 бѣлорусса, исповѣдывающихъ католическую религію. Трудно сказать, были ли они католиками съ дѣтства или перешли въ католичество, какъ бывшіе уніаты. Интересно отмѣтить, что почти всѣ украинцы-католики зарегистрированы переписью главнымъ образомъ въ нынѣшней Холмской губ. (въ Люблинской 25,596 душъ, Сѣдлецкой—10,012 душъ), которые теперь, послѣ 1905 г., весьма возможно, стали поляками не только по вѣрѣ, но и по языку.

Выяснимъ сначала, въ какой степени весь Привислинскій край по національному составу населенія можно считать исключительно польскимъ.

Данныя переписи свидѣтельствуютъ, что въ 10-ти губерніяхъ Царства Польскаго поляки въ селеніяхъ составляютъ 92,3—22,4%. Наибольше ихъ въ тѣхъ губерніяхъ, которыя граничатъ съ австрійской Западной Галиціей и прусской Познанью, а именно: въ Кѣлецкой губ., поляки въ селеніяхъ составляютъ 92,3%, Радомской—89,5%, Калишской—88,3%, Плоцкой—87%, Петроковской—86%, Варшав-

ской—85,4%, Ломжинской—84%, Сѣдлецкой—72,6%, Люблинской—67,8%, Сувалкской—22,4%. Слѣдовательно, только въ первыхъ семи губерніяхъ поляки значительно преобладаютъ надъ другими народностями, въ трехъ же остальныхъ губерніяхъ ихъ гораздо меньше, особенно въ Сувалкской губерніи, гдѣ поляки составляютъ почти $^1/_5$ часть всего населенія губерніи.

Если мы разсмотримъ тѣ же данныя по уѣздамъ этихъ послѣднихъ губерній, то можемъ констатировать, что въ Грубешовскомъ и Томашевскомъ уѣздахъ Люблинской губ. и Влодавскомъ Сѣдлецкой губ. украинцы среди всего населенія составляютъ абсолютное большинство (въ первомъ уѣздѣ они составляютъ 65,8%, во второмъ—52,5% и въ третьемъ—63,7%). Въ Холмскомъ у. Люблинской губ. украинцамъ принадлежитъ относительное большинство (17,7%). Украинцы зарегистрированы переписью и въ другихъ уѣздахъ этихъ губерній. Такъ, въ уѣздахъ Люблинской губ.: Бѣлгорайскомъ—22,2%, Замостьскомъ—8,9%, Красноставскомъ—5,7%, въ уѣздахъ Сѣдлецкой губ.: Бѣльскомъ—47,8%, Константиновскомъ—32,2%, Радинскомъ—5,3%, причемъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ среди всего населенія они составляютъ относительное большинство. Населенная украинцами территорія въ этихъ губерніяхъ обычно называется „Холмщиной“.

Что же касается Сувалкской губ., то абсолютное большинство поляки имѣютъ только въ Сувалкскомъ у.—75,8% и относительное въ Августовскомъ—49,7%. Въ Сейнскомъ же уѣздѣ ихъ значительно меньше—22,1%, въ прочихъ уѣздахъ, гдѣ живутъ главнымъ образомъ литовцы, поляковъ очень немного: въ Кальварійскомъ ихъ всего 9,3%, Вильковишскомъ—3,5%, Маріампольскомъ—2% и Владиславскомъ—меньше 1% (0,8%).

Отсюда слѣдуетъ, что Привислинскій край въ недавнихъ административныхъ границахъ нельзя считать территоріей исключительно польской колонизаціи. Часть этого края на юго-востокѣ населена украинцами (Холмщина), а на сѣверѣ—почти исключительно литовцами. Привислянскій край въ административныхъ границахъ по національному составу населенія дѣлится на три неравныхъ части, заселенныхъ тремя разными народами. Однимъ словомъ, границы этнографической Польши не совпадаютъ съ ад-

министративными границами Привислинскаго края на сѣверѣ и югѣ первыя отходятъ на западъ отъ вторыхъ.

Такимъ образомъ, первое положеніе польскихъ буржуазныхъ націоналистовъ о томъ, что Привислинскій край по національному составу населенія польскій, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. Кошевой.

Отвѣты на анкету „Украинской Жизни".

Кн. Дм. Шаховской.

1. Ни одинъ сознательно живущій русскій не можетъ не интересоваться украинскимъ вопросомъ. Поэтому не могу даже сказать, что послужило толчкомъ къ возникновенію интереса къ нему, такъ какъ не помню того времени, когда бы я, начавъ относиться сознательно къ окружающему, не проявлялъ такого интереса. Пищу себѣ на первыхъ порахъ интересъ этотъ находилъ главнымъ образомъ въ статьяхъ А. Н. Пыпина въ „Вѣстникѣ Европы" [1]).

2. Отрицать наличность отличительныхъ особенностей украинцевъ отъ великороссовъ невозможно, такъ что мнѣ и на этотъ вопросъ въ такой его постановкѣ странно даже отвѣчать. Объ отличительныхъ особенностяхъ украинцевъ сравнительно съ другими славянскими народами судить не берусь. Не легко въ случайномъ отвѣтѣ на вопросъ анкеты отмѣтить и отличительныя особенности украинцевъ по отношенію къ великоросамъ. Вкратцѣ укажу на большое развитіе личности, нѣкоторую неподвижность мысли, соединяющуюся съ упорствомъ и отвлеченностью, бо́льшую поэтичность. Не говорю объ особенностяхъ языка, быта, даже физическаго облика,—обо всемъ этомъ, кажется, не мѣсто говорить въ отвѣтѣ на анкету. Особенности украинцевъ я, разумѣется, назвалъ бы существенными, но въ самомъ терминѣ этомъ такъ много условности и неопредѣленности, что этимъ признаніемъ какъ-будто ничего новаго не прибавляется.

3. Я сторонникъ возможно полнаго и всесторонняго развитія всякой индивидуальности. Этимъ опредѣляется и мое общее отношеніе къ развитію украинской національности. Но по вопросу о томъ, какимъ путемъ должно идти это развитіе, совершенно ничего сказать не могу. Пожеланія ему свободныхъ рамокъ и интенсивности умственной дѣятельности, а также и трезваго отношенія къ реальнымъ условіямъ жизни и умѣнья приноровиться къ нимъ—только ничего не говорящіе трюизмы. Попытку же намѣ-

[1]) Вопросы анкеты „Укр. Ж." напечатаны въ № 1 „Укр. Ж." за 1913. Въ настоящемъ отвѣтѣ эти вопросы обозначены цифрами. *Ред.*

тить теперь же болѣе реальныя формы вѣроятнаго или желательнаго развитія и самую попытку полнаго отвѣта на поставленный вопросъ въ настоящій моментъ я признавалъ бы совершенно мечтательной для кого бы то ни было. Во всякомъ случаѣ, при моихъ свѣдѣніяхъ, для себя я считаю совершенно невозможнымъ что бы то ни было отвѣтить на этотъ вопросъ.

4. Этотъ вопросъ для меня совершенно неясенъ: я не сомнѣваюсь, что во всякомъ случаѣ „украинскія народныя массы“ достигнутъ высокаго культурнаго уровня. Слѣдовательно, если полная денаціонализація послѣдуетъ, то все-же высокій уровень будетъ достигнутъ. Но я не могу себѣ представить полной денаціонализаціи.

5. Украинская школа, разумѣется, необходима и тѣми или другими особенностями она, разумѣется, будетъ отличаться. Но роль въ ней украинскаго и русскаго языковъ это совсѣмъ особый вопросъ. Странно, что объ языкѣ вообще совсѣмъ не говорится въ 4-мъ вопросѣ; если подъ національной школой разумѣть школу, въ которой преподаваніе совершается на украинскомъ языкѣ (вѣдь это далеко не тождественныя понятія), то на вопросъ о „нуждѣ созданія другихъ типовъ національной школы, вплоть до университетовъ“, я бы ничего не рѣшился сказать.

6. Я признаю великимъ благомъ существованіе общегосударственнаго языка, какъ можно болѣе доступнаго всѣмъ гражданамъ государства. Съ другой стороны, всѣ формы суда и администраціи должны быть близки населенію. Примиреніе этихъ двухъ началъ есть дѣло факта, и разрѣшать этотъ вопросъ въ рамкахъ отвѣта на общую анкету я не считаю возможнымъ.

7. Украинскую литературу и печать знаю мало, объ ея значеніи сказать поэтому что-либо кромѣ общихъ и потому неопредѣленныхъ положеній не берусь.

8. Съ дѣятельностью украинскихъ научныхъ и культурно-просвѣтительныхъ Обществъ, къ сожалѣнію, знакомъ только изъ указаній русской печати, т.-е. очень мало, и поэтому судить объ ихъ дѣятельности не берусь; сочувственное отношеніе къ самому широкому развитію такой дѣятельности разумѣется само собой.

9. Наличность болѣе свободныхъ формъ развитія украинскаго движенія въ Галиціи имѣетъ, по моему мнѣ-

нію, огромное значеніе для всего украинскаго движенія и является главнымъ залогомъ его безостановочнаго развитія въ ближайшемъ будущемъ.

10—11. Не могу себѣ представить, во что смогутъ вылиться и какія послѣдствія вызвать внѣшнія воздѣйствія правительства на проявленія національной жизни украинсами по себѣ вызвать полной денаціонализаціи, но все-же сами по себѣ вызвать полной денаціонализаціи, но все же преуменьшать ихъ отрицательнаго вліянія на ходъ развитія національной жизни отнюдь нельзя. Въ этомъ отношеніи хорошимъ показателемъ можетъ служить сравненіе хода дѣлъ въ Галиціи; конечно, тамъ помимо большей свободы имѣютъ значеніе и другія особенности, но и болѣе благопріятныя политическія условія играютъ, конечно, очень значительную роль.

Но, придавая столь важное значеніе устраненію всякихъ искусственныхъ преградъ свободному развитію украинской національности, я считаю чрезвычайно опаснымъ сосредоточеніе исключительнаго вниманія активныхъ силъ украинскаго народа на борьбѣ за узко-національные его интересы, поскольку она отвлекаетъ эти силы отъ согласованной съ другими свободными силами во всей странѣ борьбы за улучшеніе общерусскихъ политическихъ условій. Нельзя отрицать, что у угнетенныхъ народностей еще легче, чѣмъ у народностей привилегированныхъ, можетъ проявиться одностороннее и преувеличенное развитіе узконаціональныхъ чувствъ въ ущербъ другимъ сторонамъ политической жизни.

12. Непріязненнаго отношенія къ украинскому движенію среди прогрессивнаго русскаго общества я какъ сколько-нибудь общаго явленія не замѣчаю, но равнодушное и пренебрежительное отношеніе къ нему не рѣдкость. Равнодушіе объясняется прежде всего малымъ знакомствомъ. Съ другой же стороны, при массѣ неудовлетворенныхъ потребностей, болѣе близкихъ или болѣе общихъ, такое равнодушіе до нѣкоторой степени и вполнѣ естественно. Пренебреженіе же къ украинскому движенію происходитъ, главнымъ образомъ, отъ страннаго и, разумѣется, непростительнаго и свидѣтельствующаго объ узости кругозора, непониманія со стороны людей, не ощущающихъ на себѣ гнета національныхъ стѣсненій, а отчасти и отъ нѣкоторыхъ преувеличеній, которыя, несомнѣнно, имѣютъ мѣсто въ украинскомъ движеніи и легче бросились въ глаза при

поверхностномъ наблюденіи, нежели здоровыя стороны движенія.

13. Опредѣлять ближайшія задачи украинской интеллигенціи я не берусь, такъ какъ слишкомъ мало знакомъ съ тѣмъ, что ею уже сдѣлано. Во всякомъ случаѣ, необходимо ближе подойти къ родному народу какъ въ смыслѣ изученія его особенностей, такъ и близкаго участія въ удовлетвореніи его общественныхъ потребностей (культурное развитіе, просвѣщеніе, кооперативы, повышеніе производительности народнаго труда). Но съ этой дѣятельностью по непосредственному обслуживанію народныхъ потребностей необходимо (хотя это нелегко) соединить и трезвое отношеніе къ общей исторической обстановкѣ, а также отношеніе требуетъ самаго дѣятельнаго участія въ общей политической борьбѣ за болѣе свободныя условія политической жизни, такъ какъ безъ достиженія существенныхъ успѣховъ въ этой борьбѣ немыслимо достигнуть какихъ-либо прочныхъ результатовъ и въ болѣе узкомъ кругу задачъ по развитію народной украинской жизни.

14. Я не имѣю непосредственныхъ наблюденій, которыя позволили бы мнѣ судить съ увѣренностью о наличности или отсутствіи тѣхъ или другихъ частичныхъ теченій въ украинскомъ движеніи. Но, разсуждая отвлеченно, я никакъ не рѣшился бы отрицать наличности въ немъ при естественномъ разнообразіи разныхъ оттѣнковъ движенія и теченій сепаратистскихъ, тѣмъ болѣе, что безумная политика правительства именно способна, а иногда, можетъ быть, и сознательно стремится вызвать подобные оттѣнки въ національномъ движеніи.

15. Въ ближайшее время я нахожу наиболѣе подходящей формой согласованія общегосударственныхъ и мѣстныхъ національныхъ требованій—самое широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія, т.-е. созданіе какихъ-либо областныхъ административныхъ центровъ и предоставленіе полной свободы національнымъ проявленіямъ во всѣхъ областяхъ культурной жизни. Только сама жизнь въ свое время укажетъ на дальнѣйшія ступени въ обслуживаніи національныхъ интересовъ. Предрѣшать ихъ теперь же я, по крайней мѣрѣ для себя, находилъ бы совершенно безпочвеннымъ фантазерствомъ: самыя массы пока еще не заговорили сознательно о своихъ желаніяхъ, и всякое заявленіе отъ ихъ имени было бы навязываеніемъ имъ своего мнѣнія.

Дм. Шаховской.

Къ 40-лѣтнему юбилею Юго-западнаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1913 года исполнилось сорокъ лѣтъ со дня открытія въ Кіевѣ Юго-западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Коротка его была жизнь, но по своей жизнедѣятельности и работоспособности онъ оставилъ по себѣ самую свѣтлую память, и періодъ его существованія является одной изъ самыхъ яркихъ страницъ въ исторіи культурнаго развитія Южной Руси. Къ чести организаторовъ Отдѣла слѣдуетъ сказать, что въ немъ объединились самые разные люди—представители разныхъ сословій, разныхъ направленій мысли, но всѣ объединенные однимъ желаніемъ: какъ можно лучше изучить родной имъ всѣмъ край, внести въ это изученіе, какъ можно больше объективности и правды.

По уцѣлѣвшей квитанціонной книжкѣ Отдѣла, видимъ, что между ними были и такіе члены [1]), взносы и пожертвованія которыхъ поступали въ Отдѣлъ при посредствѣ начальника края: гг. Бродскій, Финшенгольцъ, Доппельмейеръ, Бутурлинъ, Енни, Беккерсъ, вносившіе въ кассу Отдѣла сотни рублей. Были и мѣстные аристократы—графъ Милорадовичъ, графъ Кочубей, князь Голицынъ, князь Куракинъ; гг. Тарновскій, Алферовъ, Терещенко, Ханенко и др., они уже не только вносили свои денежные взносы, но и оказывали содѣйствіе при собираніи матеріаловъ. Были и извѣстные ученые и профессора кіевскаго университета: гг. Роговичъ, Ѳеофилактовъ, Цѣхановецкій, Кистяковскій, Петровъ, Бунге, Лазаревскій, Ефименко, Ушинскій, Тумасовъ и др.; были и выдающіеся общественные дѣятели того времени: Константиновичъ, Карпинскій, Линдфорсъ, Петрункевичъ, Воронинъ, Косачъ, Беренштамъ и др. Во-

---

[1]) *Списокъ бывшихъ членовъ Юго-западнаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества* 1873 — 76 гг.: П. А. Косачъ. В. А. Рубинштейнъ. Н. В. Ковалевскій. Н. П. Яснопольскій. Д. А. Сѣницкій. В. П. Антоновичъ. М. М. Левченко. Е. К. Трегубовъ. А. Д. Ушинскій. М. И Драгомировъ.

кругъ Отдѣла работали преданные дѣлу этнографы-собиратели: Манджура, Я. Новицкій, П. Литвинова и мн. др. Руководила всѣмъ дѣломъ небольшая группа людей, но среди нихъ каждое имя пробуждаетъ самыя стѣтлыя воспоминанія о той эпохѣ, которая взлелѣяла этихъ талантливыхъ, честныхъ, широко образованныхъ и безгранично преданныхъ своему краю дѣятелей: Г. Галаганъ, В. Антоновичъ,

---

Р В. Завойко. В. Г. фонъ-Бооль. А. В. Классовскій. А. А. Соковичъ. З. Г. Закаиницъ-Грабовскій. П Л. Цвѣтковскій (? Е. Е.). В. В. Борисовъ. А. Ѳ. Воронинъ. М. М. Котляревскій. О. Г. Лисицынъ. А. Н Ханенко. В. П. Гаринъ. М. В. Симашкевичъ. А. А. Русовъ. Н. В. Лысенко. В. Р. Лысенко. Л. К. Делла-Восъ. В. Л. Беренштамъ. П. Г. Лебединцевъ Н. С. Тумасовъ. В. В Петровъ Пасяда. В Кочубей. И И. Голицынъ. А. Лазаревскій С П. Алферьевъ. Островскій. Яковенко-Яковлевъ. А. Кистяковскій. Ѳеофилактовъ К. М. Я. Г. Демченко. Л. В. Ильницкій. В. И. Запончевскій. Г. А. Замобовскій. П П. Чубинскій. Д. А. Синицкій. М. А. Константиновичъ. В. Я. Шульгинъ А. Д Антоновичъ. В. С. Курбановъ. А. Г. Янчевецкій. П. И Житецкій. Н Х. Бунге. А. Ф. Линдфорсъ. Юскевичъ-Красковскій. Симоновъ. Морозъ. Андріевскій. Н. И. Аммосовъ. Н. П. Сахаровъ. Н. А. Гатцукъ. Ген Май Шмитъ. И. А. Чередынченко. Л С. Бѣлецкій. Горовой. Синевичъ Кибальчичъ. И. Дейкунъ. П. П. Михальчукъ. А. Пѣшкевичъ. П И Богдановъ Т Е Маковецкій. Т. И. Бѣленькій. П. С. Иващенко. К Р. Овсяный. Б. Ю. Поповскій. Н. Бѣлозерскій. Подлипскій. В. Л. Бусинталь И. С. Левицкій. М Антоновъ-Галицкій. Н. А. Константиновичъ. А. В. Михайловъ. Л. С. Мацѣевичъ. Н. А. Троцкій. А. Т. Бѣлоусовъ. Н Н. Милорадовичъ. Н А Антіоховъ-Вербицкій. В И. Василенко. М. П Старицкій. А. В. Розовъ. Д. И. Линтваревъ. С. Д. Носъ. С. Т. Дорожкинъ. У М Зенькевичъ. П. К. Любимовъ Л В Шебалдаевъ. В. П. Науменко. О. И. Левицкій Я Н. Шульгинъ. А. И. Михалевичъ К. Турчаковскій. Л. С. Бѣлецкій, Ѳ. Воронецкій. І. М. Кардышъ. А. И. Маркевичъ. М. І. Грейтъ. И Я Бѣложадецкій. Стебницкій. М Т. Симоновъ. А. А. Кандыба В. Зеленко. Г. С. Киріаковъ Л. С. Калусовскій. М. Н Гантелѣевъ. В И. Яновскій. А. В. Михайловъ В В. Тарновскій. П. А. Ильяшенко Б. А Михельсонъ. А. Г Терскій. И Н. Давидовичъ В. В. Завилейскій. Н. И Петрункевичъ. Н. Н Марковичъ К. М Жукъ. В М Сикевичъ. Н Ѳ. Тарановскій. М. А Ганицкій Н. П. Дашкевичъ. Г В. Донцовъ. В. В Максимовъ. Шугаровъ. М. П. Драгомановъ. В. Ф Семиренко. В Соловьевъ. А Я. Конискій. А. И. Домантовичъ. Г. А Янчевецкій. Б. Ю. Половскій. К. П. Михальчукъ. Діаконенко. П. Е. Ваденюкъ. Ф. В Гвздикъ. Я, П. Новицкій. Э Э. Линдеманъ. Б. С. Познанскій. Г. И. Маркевичъ. Л. А. Милорадовичъ. Турчаковскій. М. М. Овсѣенко. Казачковскій. А. Г. Гулакъ-Артемовскій. С. Т. Дорожкинъ. Я. Г. Демченко. Л. А. Смоленскій. В. В. Монтрезоръ. А. П. Карпинскій. Я. В. Бѣловодскій. Н. Ѳ. Федоровскій. М. И. Тхоревскій. Г. Н. Карачевскій-Волкъ. В. Л. Андрусскій. (Записано изъ квитанціонной книги Общества). Среди дѣлъ Общества хранится нѣсколько рукописей, а именно: „Нѣсколько дополненій къ словарю народныхъ названій растеній“ А. С. Роговича. Черновая программа Н. Зибера и переписка Общества съ Манджурой, Купченкомъ и др. лицами.

М. Драгомановъ, А. Русовъ, П. Чубинскій. Изъ нихъ составилось бюро Общества, ихъ доклады сразу поставили дѣятельность отдѣла на вполнѣ научную почву. Галаганъ (предсѣдатель отдѣла) правильно высказался въ своей второй рѣчи на годичномъ собраніи Отдѣла: съ такими помощниками легко быть предсѣдателемъ ученаго Общества. Душою дѣла былъ П. Чубинскій: его громовый голосъ гремѣлъ на всѣхъ засѣданіяхъ, его неутомимая энергія одухотворяла всѣхъ членовъ, призывала къ работѣ. Этнографія и экономика были спеціальной областью его изслѣдованій всю жизнь. Еще будучи въ ссылкѣ въ Архангельской губерніи, Чубинскій вмѣстѣ съ г. Ефименко произвели первое изслѣдованіе этого далекаго и чужого имъ края. Затѣмъ по порученію центральнаго Географическаго Русскаго Общества имъ организована экспедиція для собиранія свѣдѣній по Юго-западному краю, и труды этой экспедиціи вышли изданіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 7-ми томахъ подъ редакціею Чубинскаго и Костомарова, являясь и до сихъ поръ цѣннымъ, не потерявшимъ своего значенія, этнографическимъ и фольклорнымъ матеріаломъ по изученію Украины.

Въ какихъ же внѣшнихъ условіяхъ приходилось этой блестящей плеядѣ работать въ Юго-западномъ Отдѣлѣ Русскаго Географическаго Общества?

„Положеніе“, на основаніи котораго работалъ Отдѣлъ, гласило въ 1-мъ §, что для успѣшнаго содѣйствія цѣли Имп. Русск. Геогр. Общества учреждается въ Кіевѣ особый отдѣлъ Общества подъ названіемъ „Юго-западнаго“; по 2-му § „Юго-западный отдѣлъ“ И. Р. Г. О., подъ ближайшимъ руководствомъ главнаго начальника края, занимается преимущественно изученіемъ губерній кіевскаго учебнаго округа во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя составляютъ предметъ занятій Общества, и въ особенности изслѣдованіями по статистикѣ и этнографіи.

Для этихъ цѣлей по § 3-му Отдѣлъ отыскиваетъ и приводитъ въ извѣстность собранныя уже и хранящіяся въ мѣстныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ свѣдѣнія о краѣ, разсматриваетъ ихъ и рѣшаетъ, какое употребленіе можетъ быть сдѣлано изъ нихъ для науки, а также собираетъ относящіеся до края этнографическіе и статистическіе матеріалы черезъ мѣстныхъ жителей и снаряжаетъ ученыя экспедиціи для тѣхъ же цѣлей изученія края.

„Положеніе“, на основаніи котораго функціонировалъ Юго-западный Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, было утверждено 10-го ноября 1872 г., но открытъ былъ Отдѣлъ начальникомъ края княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ только 13-го февраля 1873 г. Въ этомъ же засѣданіи изъ членовъ-учредителей и лицъ, пользовавшихся уваженіемъ въ наукѣ и въ обществѣ, выбраны были: предсѣдатель—Григорій Павловичъ Галаганъ, дѣлопроизводитель—Павелъ Платоновичъ Чубинскій и въ помощники ему—учитель 1-й кіевской гимназіи Ал. Ал. Русовъ.

Въ рѣчи, произнесенной на этомъ же засѣданіи, П. П. Чубинскій указалъ, что Юго-западный Отдѣлъ возникъ позже другихъ отдѣловъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, его открытіе знаменуетъ пробужденіе самодѣятельности русскаго общества, подъема его экономической и умственной дѣятельности. Задачей отдѣла является всестороннее изученіе края, а преимущественно этнографическое и статистическое. „Отдѣлу предстоитъ изучить три этнографическихъ типа—малорусскій, польскій и еврейскій, всѣ изслѣдованія,—говорилъ Чубинскій,—должны носить вполнѣ объективный характеръ. Мы будемъ давать матеріалы о явленіяхъ жизни, мы будемъ изучать всѣ ненормальности, какія породила въ нашемъ краѣ исторія, какъ изучаютъ патологи разныя патологическія явленія въ человѣческомъ организмѣ. Будемъ трудиться по мѣрѣ силъ для русской науки, для изученія юго-западной части Россіи, этой колыбели русскаго народа, этой богато одаренной природою страны, „откуда пошла есть русская земля“.

Въ такомъ же тонѣ желанія работать для изученія края говорилъ на слѣдующемъ засѣданіи, 6-го марта 1873 г., и самъ предсѣдатель отдѣла Г. П. Галаганъ, но въ его рѣчи уже есть указанія на тѣ затрудненія, какія могутъ встрѣтиться при этой научной работѣ. „Географическіе предѣлы дѣйствій Юго-западнаго отдѣла не обширны, страна, заключающаяся въ нихъ, не есть какой-либо вновь открываемый, доселѣ невѣдомый край; напротивъ того, мы призваны дѣйствовать на нашей древней родной почвѣ, и тѣмъ не менѣе труда предстоитъ чрезвычайно много, и дай Богъ, чтобы стало у насъ и матеріальныхъ, и всякаго рода средствъ для выполненія задачи“. Почему же предсѣдателя такъ смущаетъ несложная въ сущности работа ученаго

Общества, посвящающаго свои силы на изученіе своего же родного края?

Дальнѣйшія слова рѣчи Галагана поясняютъ его тревогу.

„Въ числѣ пяти губерній кіевскаго учебнаго округа три губерніи составляютъ край, находящійся въ томъ, часто упоминаемомъ, исключительномъ положеніи, которое вызвало до сихъ поръ много отрадныхъ (какихъ?), но еще болѣе безотрадныхъ явленій въ жизни народной. Эта исключительность положенія, вводя затрудненія во всѣ отрасли здѣшней общественной жизни, неминуемо принесетъ свою долю затрудненій и въ наши занятія. Если тяжелъ трудъ изслѣдователя, пускающагося въ край, только-что открытый, никому не извѣстный, гдѣ на всякомъ шагу онъ встрѣчаетъ что-либо новое, для него неожиданное, то не менѣе тяжелъ трудъ добросовѣстнаго изслѣдователя въ томъ краѣ, гдѣ вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ безполезно повторять, все затемнено и запутано, гдѣ свѣдѣнія, цифры и заключенія выводились часто подъ вліяніемъ самыхъ противоположныхъ направленій, среди упорной внутренней борьбы національной, религіозной и соціальной, среди которой самые зоркіе администраторы должны были дѣйствовать, такъ сказать, ощупью“. Вотъ какъ характеризуетъ условія культурной работы въ краѣ одинъ изъ честнѣйшихъ его дѣятелей.

Тѣмъ не менѣе Отдѣлъ началъ работу сразу очень энергично и привлекъ къ себѣ симпатіи всего общества и довѣріе администраціи въ лицѣ князя Дондукова, собиравшаго для него крупныя пожертвованія, а также и въ лицѣ многихъ губернаторовъ, предсѣдателей съѣздовъ мировыхъ судей, которые содѣйствовали Отдѣлу въ собираніи этнографическихъ данныхъ. Число членовъ увеличивалось, со всѣхъ сторонъ присылались вещественныя пожертвованія—гербаріи, книги, предметы обиходной крестьянской жизни, орудія труда и т. п., такъ что Отдѣлу пришлось озаботиться открытіемъ музея и библіотеки. Весною перваго же года жизни Отдѣла начальникъ края обращается къ нему съ предложеніемъ взять на себя организацію однодневной переписи населенія города Кіева и разработку при ея помощи полученныхъ матеріаловъ. Для этой отвѣтственной работы изъ членовъ Отдѣла и представителей городской администраціи подъ предсѣдательствомъ Галагана

и вице-президента Борисова образовался комитетъ, который и провелъ всю подготовительную къ переписи работу и руководилъ самою переписью. Какъ извѣстно, перепись была совершена въ одинъ день, съ соблюденіемъ всѣхъ, требуемыхъ наукою, требованій, и матеріалы ея были очень скоро отпечатаны.

Рядомъ съ этой большой работой въ Отдѣлѣ энергично шла жизнь и по другимъ направленіямъ, завязывались сношенія со всѣми учеными Обществами не только внутри Россіи, но и съ заграничными и главнымъ образомъ съ славянскими [1]); съ ними непосредственныя связи были завязаны Русовымъ во время его поѣздки по славянскимъ землямъ лѣтомъ 1873 г. Доклады разрабатывали разные мѣстные экономическіе и этнографическіе вопросы. По случаю смерти М. Максимовича въ торжественномъ засѣданіи Отдѣла были произнесены рѣчи съ оцѣнкою историческихъ и филологическихъ трудовъ покойнаго. Ораторами выступили выдающіеся ученые—В. Антоновичъ, П. Житецкій, М. Драгомановъ. Въ концѣ 1873 г. въ правленіи Отдѣла возникла мысль приступить къ изданію записокъ, въ которыя входили бы всѣ журналы засѣданій Отдѣла и рефераты, на нихъ читаемые. Такихъ „записокъ“ вышло два тома, за 1874 и 1875 гг.; за 1876 г. уже нѣтъ печатныхъ сборниковъ, по которымъ можно было бы прослѣдить дѣятельность отдѣла до его закрытія въ іюнѣ 1876 г., до какового срока еще идутъ „исходящія“ и „входящія бумаги“ Отдѣла. По нимъ можно видѣть, какъ широко Отдѣлъ привлекалъ въ ряды своихъ сотрудниковъ разныхъ людей и разныя учрежденія, разсылая свои программы для

[1]) Вотъ тѣ ученыя славянскія Общества—„Матицы“, съ какими отдѣлъ имѣлъ сношенія: сербская Матица, (въ Бѣлградѣ), чешская (въ Прагѣ), словинская, словацкая, сербо-лужицкая и галицко-русская. Кромѣ того онъ сносился съ юго-славянской академіей, съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Сербіи, съ институтомъ Оссолинскихъ, съ Географическимъ Обществомъ въ Каирѣ и др. Въ Россіи Отдѣлъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ другими Отдѣлами Императ. Географич Общества—Сѣверо-западнымъ, Оренбургскимъ, Кавказскимъ, съ Археографическими коммиссіями, Императорскимъ Общ исторіи и древностей россійскихъ, Статистическимъ Комитетомъ и Комитетами всѣхъ входящихъ въ его территорію губерній, такъ же какъ со всѣми губернскими земскими управами, съѣздами мировыхъ судей, епархіальными статистическими учрежденіями, Русскимъ Техническимъ Обществомъ, Императорскимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, Обществомъ сельскаго хозяйства Южной Россіи, Главнымъ военнымъ штабомъ, Центральной физической обсерваторіей, кіевскимъ университетомъ и др.

изслѣдованій и свои просьбы о сотрудничествѣ и къ высшимъ представителямъ мѣстной администраціи—губернаторамъ, исправникамъ и къ высшему духовенству—митрополиту, архіепископамъ и епископамъ, ко всѣмъ священникамъ, смотрителямъ епархіальныхъ училищъ; къ предводителямъ дворянства, къ мировымъ посредникамъ, къ земскимъ дѣятелямъ, къ народнымъ учителямъ и къ отдѣльнымъ лицамъ, сколько-нибудь проявившимъ свою культурность, свой интересъ къ окружающей ихъ жизни. Казалось, что организаторы отдѣла были такъ проникнуты сами любовью къ родному краю и глубокимъ интересомъ къ изученію его, что они съ полнымъ довѣріемъ обращались ко всему мѣстному обществу, не сомнѣваясь въ каждомъ его представителѣ встрѣтить такое же проникновенное отношеніе къ мѣстному населенію и разнымъ условіямъ его жизни.

Судя по тому огромному матеріалу, который Отдѣлу удалось собрать всего за три года, очевидно, его корреспонденты охотно отзывались на приглашенія Отдѣла и сочувствовали его задачамъ. Далеко не весь собранный матеріалъ успѣли подвергнуть обработкѣ и напечатать; но и въ напечатанныхъ трудахъ Отдѣла есть много очень цѣннаго. На первомъ мѣстѣ, конечно, должна стоять исполненная имъ перепись города Кіева,—работа, за которую начальникъ края горячо благодарилъ правленіе Отдѣла. Вся предварительная работа была совершена поразительно скоро и основательно, сначала небольшой комиссіей, въ составъ которой вошли члены отдѣла В. Л. Беренштамъ, Ф. К. Волковъ, В. А. Рубинштейнъ, В. Б. Антоновичъ и П. П. Чубинскій. Предсѣдателемъ былъ вице-предсѣдатель отдѣла В. В. Борисовъ. Эта комиссія выработала: 1) предѣлы мѣстностей г. Кіева, подлежащихъ переписи; 2) время переписи; 3) процессъ производства переписи; 4) форму листковъ для опроса; 5) способъ раздачи листковъ; 6) производство самой переписи.

Дальнѣйшій ходъ дѣла былъ порученъ распорядительному комитету, въ которомъ рядомъ съ членами Отдѣла работали представители различныхъ вѣдомствъ: админи-

---

[1]) Въ этомъ распорядительномъ комитетѣ представителями Отдѣла были его члены: В. Л. Беренштамъ, М. П. Драгомановъ, С. В. Завойко, А. А. Русовъ, П. П. Чубинскій, В. Я. Шульгинъ (бывшій редакторъ „Кіевлянина“). В. Б. Антоновичъ участвовалъ какъ представитель города.

страціи, города, университета, духовныхъ учрежденій и т. п. Всѣ предварительныя работы продолжались меньше 11 мѣсяцевъ со дня перваго предложенія начальника края Отдѣлу принять участіе въ этомъ дѣлѣ, въ засѣданіи 12-го апрѣля 1873 г., и до дня самой переписи, 2-го марта 1874 г., а напетана она была уже въ 1875 г. Интересные доклады по разработкѣ данныхъ переписи были прочтены въ годичномъ собраніи Отдѣла 23-го марта 1875 г. П. П. Чубинскимъ—„Обзоръ данныхъ о населеніи города Кіева по однодневной переписи, произведенной 2-го марта 1874 г.“ и С. В. Завойко—„О домахъ и квартирахъ г. Кіева по однодневной переписи 2-го марта 1874 г.“. Какъ не похожа нарисованная ими картина населенія и зданій тогдашняго города Кіева на теперешній нарядный, оживленный Кіевъ и какъ, пересматривая эти матеріалы, виденъ ростъ города за 40 лѣтъ и чувствуется необходимость новой переписи, въ которой этотъ ростъ выступилъ бы передъ нами рядомъ выразительныхъ цифръ.

Изъ другихъ напечатанныхъ работъ Отдѣла особенную цѣнность представляютъ: „Опытъ словаря народныхъ названій растеній Юго-западнаго края“, въ которомъ извѣстный профессоръ ботаники Роговичъ далъ больше 200 названій растеній южной Россіи съ разными связанными съ ними повѣрьями и медицинскимъ употребленіемъ. Докладъ А. Русова „Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ малорусскихъ кобзарей“, гдѣ передана біографія этого народнаго музыканта, истиннаго художника и подвергнуты научному разбору его пѣсни и думы. На эту интересную филологическую работу обращено было вниманіе англійскихъ ученыхъ критиковъ, интересовавшихся въ тѣ годы украинской народной музыкой и поэзіей. Н. В. Лысенко далъ этой музыкѣ научныя объясненія въ своемъ докладѣ „Характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Вересаемъ“. Въ докладахъ Ф. Волкова „О сельскихъ ярмаркахъ и кустарной промышленности“ и П. Чубинскаго „Село Сокиренцы и сокиренское ссудо-сберегательное товарищество“ и его же „Инвентарь крестьянскаго хозяйства“ сдѣланы первыя попытки экономическаго изученія края. Всѣ эти научно обставленныя работы являются теперь библіографической рѣдкостью, а между тѣмъ онѣ остаются очень цѣнными для сопоставленія тогдашнихъ экономическихъ условій

жизни мѣстнаго населенія съ теперешними. Богатый пѣсенный матеріалъ напечатанъ въ сообщеніи Купченко [1]) изъ Буковины, онъ помѣщенъ въ приложеніяхъ ко II т. записокъ. Здѣсь, въ трудахъ Отдѣла, началъ свои изслѣдованія надъ метереологіею юга Россіи извѣстный ученый Классовскій, а также и М. Драгомановъ въ докладѣ своемъ „Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ", гдѣ проводитъ новую для того времени сравнительную точку зрѣнія при изученіи народной поэзіи, указываетъ „бродячія" темы въ украинской, великорусской и западно-европейской народной литературѣ. Среди ненапечатаннаго матеріала (на приливъ котораго указываетъ докладъ Русова въ 1874 г.) особенно цѣнны записи съ народныхъ устъ Манджуры и другихъ собирателей пѣсенъ, сказокъ, поговорокъ, обычаевъ и т. п. этнографическаго и литературнаго богатства.

Трудно найти прямое указаніе, почему эта плодотворная работа была вдругъ насильственно прекращена и Отдѣлъ признанъ вредной организаціей. Ученое Общество, отдѣленіе Императорскаго центральнаго Общества, открытое въ 1873 г. представителемъ высшей власти въ краѣ, работавшее три года на пользу науки, вдругъ въ 1876 г. признается негоднымъ и безъ указанія оказываемаго имъ вреднаго вліянія закрывается. Цѣнный музей, такъ любовно, толково собираемый по отдѣльнымъ предметамъ, почему-то передается въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи и остается закрытымъ для публики. Библіотека, составившаяся изъ пожертвованій членовъ Отдѣла и состоявшая изъ ученыхъ трудовъ по мѣстному краю и общихъ научныхъ изслѣдованій, растеривается и послѣ многихъ скитаній немногими своими остатками попадаетъ въ 1911 году въ библіотеку коммерческаго института (?!), а члены Отдѣла, не жалѣвшіе своего труда, отдававшіе свое время безъ всякаго иного, кромѣ нравственнаго вознагражденія,—эти люди становятся „въ подозрѣніи" у начальства, имъ надо спасаться, какъ послѣ какого-то погрома. Странно, что именно въ Россіи, гдѣ еще царитъ такое страшное невѣжество, такъ дорого цѣнится всякая культурная работа,—чуть она проявляется на той или

[1]) См доклады, присланные Купченкомъ: 1) Нѣкоторые историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ и 2) Пѣсни буковинскаго народа.

иной окраинѣ Россіи, къ ней немедленно администрація становится подозрительно и враждебно. Можно впрочемъ найти отдѣльныя указанія на „перемѣну курса“ офиціальныхъ сферъ по отношенію къ Юго-западному Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Такъ, первый намекъ мы улавливаемъ въ постановленіи Отдѣла „прекратить печатаніе всякихъ сообщеній отъ Отдѣла въ газетѣ „Кіевлянинъ“ (см. журн. засѣд. 5-го декабря 1874 г. „Записки“, т. II, стр. 37). Очевидно, что это постановленіе было вызвано какими-нибудь ужъ очень недостойными инсинуаціями на страницахъ этого офиціоза. А между тѣмъ раньше редакторъ „Кіевлянина“ В. Шульгинъ принималъ самъ участіе въ жизни Отдѣла какъ дѣйствительный его членъ. Затѣмъ начинается работа извѣстнаго инсинуатора Юзефовича: въ началѣ 1875 г. организуетъ правительство особое совѣщаніе, гдѣ г. Юзефовичъ, тоже членъ Отдѣла, представляетъ дѣятельность Отдѣла какъ выраженіе украинофильскаго движенія, а самое движеніе какъ измышленіе австрійско-польской интриги, указываетъ на замаскированный въ немъ соціализмъ, а слѣдовательно, всякое „украинофильское движеніе“ есть прикрытое стремленіе къ обособленію, скрытое посягательство на государственное единство Россіи“. Совѣщаніе рѣшаетъ: „употребить всѣ усилія, чтобы остановить украинское движеніе“. Первой жертвой этихъ благонамѣренныхъ усилій падаетъ Юго-западный Отдѣлъ. Затѣмъ въ 1876 г. выходитъ распоряженіе или такъ-называемый „законъ Юзефовича“, воспрещающій всякую литературу на украинскомъ языкѣ. Другое косвенное объясненіе этого закрытія можно найти въ „запискѣ“ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора М. И. Черткова. „Записка“ вызвана прошеніемъ Н. В. Лысенка въ 1881 г. разрѣшить ему издать сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Какъ генералъ-губернаторъ, онъ не видитъ никакой опасности для ввѣреннаго ему края въ существованіи украинской музыки и литературы. Чертковъ знаетъ, что подъ именемъ украинофиловъ сдѣлались извѣстны дѣятели 60-хъ годовъ, стремящіеся къ созданію равноправности для малорусскаго языка. Онъ прямо говоритъ далѣе въ этой „Запискѣ“: „Гг. Антоновичъ, Драгомановъ, Чубинскій, Старицкій, Лысенко,—первые трое въ сферѣ историческихъ, археологическихъ и статистическихъ изслѣдованій, Лысенко въ области музыки,—являются глав-

ными теоретическими и практическими дѣятелями въ этомъ направленіи. Къ ихъ числу слѣдуетъ отнести Петрункевича, Карпинскаго, Савича, Русова и друг. Направленіе дѣятельности этихъ лицъ нашло себѣ полное выраженіе въ открытомъ въ 1873 году въ Кіевѣ Отдѣлѣ Имп. Русск. Географ. Общества. Быстро наполнивъ свои ряды лицами яркаго украинофильскаго оттѣнка, оно какъ въ трудахъ своихъ, такъ и въ практической дѣятельности своихъ членовъ столь ясно обнаружило свои цѣли (курсивъ нашъ), что вынудило правительство закрыть его послѣ всего лишь трехлѣтняго существованія“ [1]). Такъ вотъ гдѣ зарыта собака: направленіе Отдѣла показалось администраціи (т.-е. черезъ очки г. Юзефовича) украинофильскимъ! Какимъ же оно могло быть, разъ Отдѣлъ создался для изученія Украины, хотя бы она называлась Юго-западнымъ краемъ или губерніями Кіевской, Волынской, Подольской? Только любя эту территорію Украины и населяющее ее украинское населеніе, можно отдавать все свое время и силы на ея изученіе, на выясненіе условій ея жизни. Только „украинофилы“, начиная отъ Метлинскаго, Максимовича и др., любя свою родную пѣсню, могли собрать такіе роскошные сборники народныхъ пѣсенъ, находить для нихъ правильное толкованіе, изучать мельчайшія подробности быта. Такія работы накапливаютъ матеріалъ для пониманія жизни всего человѣчества, вотъ почему онѣ цѣнятся наукой. Въ такомъ многранномъ государствѣ, какъ Россія, только „окраинофилы“ и могутъ помочь изученію и пониманію нуждъ всѣхъ частей цѣлаго. Кѣмъ изучена и описана Сибирь, какъ не людьми, влюбленными въ эту далекую суровую окраину. Конечно, они лучше другихъ понимали ненормальныя условія ея жизни, но чѣмъ же они вредили этимъ знаніемъ интересамъ Россіи? Но для людей, глядящихъ въ очки Юзефовичей, Шеголевыхъ и т. п., какое значеніе могутъ имѣть знанія, наука или благородная любовь къ родному краю? Имъ вездѣ мерещится „тенденціозность“, измѣна, сепаратизмъ.

Послѣ закрытія Юго-западнаго Отдѣла некому было продолжать его дѣятельность, многіе матеріалы совсѣмъ погибли, нѣкоторые повторно переписанные собирателями (напр., сборникъ Манджуры) печатались въ сборникахъ

[1]) См. журн. „Украина“, іюнь 1907 г., стр. 255—256, статья С. Петлюры

историко-филологическаго Общества при харьковскомъ университетѣ; часть задачъ Отдѣла старалась выполнить начавшая выходить въ 80-хъ годахъ въ Кіевѣ „Кіевская Старина“, издаваемая при участіи бывшихъ членовъ Отдѣла Антоновича, Лазаревскаго, Лебединцева, Науменка, Михальчука и др. Въ этомъ цѣнномъ изданіи появилось много цѣннаго матеріала по исторіи Украины, ея старинной литературѣ, по фольклору. Но журналъ этотъ прекратилъ свое существованіе въ 1906 г., просуществовавъ 25 лѣтъ,— срокъ, почтенный для провинціальнаго историческаго журнала. Но до сихъ поръ, за 40 лѣтъ, на югѣ Россіи не организовалось ни одного ученаго Общества, которое всецѣло продолжало бы дѣло Юго-западнаго Отдѣла, и одна изъ богатѣйшихъ окраинъ Россіи до сихъ поръ не изслѣдована ни въ естественно-историческомъ, ни въ географическомъ отношеніи.

С. Русова.

Изъ исторіи кодификаціи украинскаго права

(Сводъ мѣстныхъ законовъ западныхъ губ. подъ ред. проф. М. Я. Пергамента и пр.-доц. бар. А. Э. Нольде. СПБ. 1910).

Судя по имѣющимся въ печати свѣдѣніямъ, близится разрѣшеніе вопроса огромной важности для правовой жизни всей Россіи—взамѣнъ устарѣвшихъ и несовершенныхъ нормъ гражданскаго права, помѣщенныхъ въ т. X, правительство предполагаетъ внести на обсужденіе законодательныхъ учрежденій проектъ Гражданскаго Уложенія. Въ этомъ столь важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, гдѣ сплетаются разнообразные соціальные интересы, должны быть приняты во вниманіе и правовыя особенности многочисленныхъ національностей Россіи, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ правовой культуры, начиная отъ Польши, гдѣ находится въ дѣйствіи богатый правовыми традиціями Code Napoléon, и кончая бродячими племенами востока, живущими примитивной правовой жизнью.

Естественно, что безъ насильственной ломки и серьезныхъ потрясеній въ народно-правовой психикѣ, трудно втиснуть все это многообразіе жизни въ единую правовую схему, и недаромъ столь выдающійся авторитетъ, какъ О. Гирке, протестуетъ противъ современнаго увлеченія унификаціей права, не считающагося съ реальными потребностями жизни.

„Единство права,—говоритъ онъ [1]),—есть несомнѣнно драгоцѣннѣйшій плодъ національной жизни. Однако, ни въ коемъ случаѣ внѣшнее однообразіе не можетъ почитаться само по себѣ такимъ благомъ, ради котораго можно жертвовать внутреннею жизненною силою права и связью его съ народною жизнью. Фанатизмъ единства, ожидающій спасенія отъ единства, какъ такового, попадаетъ въ ту же роковую ошибку, которой Испанія обязана своимъ единствомъ въ области вѣры“.

---

[1]) Цит. изъ ст. *М. Винавера.* Гражданская хроника. *Вѣстникъ Гражд. Пр.*, № 2, 1913. Ср. также O. Gierke. Deutsches Privatrecht. 1895. S. 23,80 ff.

Весьма часто эти объединительныя тенденціи въ области права диктуются не соображеніями мудрой законодательной и правовой политики, а чисто политическими цѣлями, направленными къ отмѣнѣ мѣстныхъ особенностей вообще и правовыхъ въ частности, къ подавленію національной индивидуальности и ея ассимиляціи господствующей народностью.

Исторія Украины является наглядной иллюстраціей этой объединительной политики не въ одной только области права.

И вотъ предстоящая кодификація гражданскаго права снова выдвигаетъ на порядокъ дня этотъ весьма серьезный вопросъ о соотношеніи между общеимперскимъ правомъ и нормами мѣстныхъ законодательствъ.

Не слѣдуетъ, конечно, смотрѣть на эти національно-правовыя особенности какъ на „національні святощі“, нужно черпать изъ нихъ тѣ живыя творческія начала, которыя благодаря непосредственной связи съ народной жизнью могутъ способствовать развитію гражданскаго оборота среди сложной соціально-экономической структуры нашего времени.

Передъ законодателемъ стоитъ, слѣдовательно, весьма трудная задача—оставаясь на высотѣ требованій современнаго соціально-экономическаго оборота, настолько удачно конструировать правовыя нормы, чтобы онѣ явились подвижнымъ регуляторомъ народно-правовой жизни, не ломая насильственно его бытового уклада, его правовыхъ особенностей.

Въ нашу задачу не входитъ указаніе путей и средствъ, при помощи которыхъ возможно разрѣшеніе этой столь сложной кодификаціонной задачи.

Мы хотимъ только напомнить читателямъ о весьма важномъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстномъ памятникѣ кодификаціоннаго творчества мѣстныхъ законовъ.

Въ исторіи нашей кодификаціи имѣется весьма любопытная страница, когда законодатель пытался собрать и уяснить себѣ нормы мѣстнаго законодательства, затѣмъ изъ чисто политическихъ соображеній отказался отъ ихъ сохраненія. Мы имѣемъ въ виду попытку кодифицировать нормы литовско-польскаго права для Западнаго края, результатомъ чего явился интереснѣйшій памятникъ кодификаціоннаго творчества: „Сводъ мѣстныхъ зако-

новъ западныхъ губерній", изданный въ 1910 году подъ редакціей проф. М. Я. Пергамента и пр.-доц. бар. А. Э. Нольде. Хотя „Западный Сводъ" и не получилъ законодательной санкціи, однако, какъ завершеніе развитія литовско-польскаго и украинскаго права, онъ остается весьма цѣннымъ источникомъ для ихъ научнаго изученія.

Кромѣ того, и для нормъ нынѣ дѣйствующаго права въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской „Западный Сводъ" служитъ незамѣнимымъ пособіемъ при толкованіи, бросая свѣтъ какъ на происхожденіе этихъ статей, такъ и на связь ихъ съ той системой права, откуда онѣ были механически заимствованы.

Въ приложеніи къ этому изданію „Западнаго Свода" имѣется весьма цѣнная записка: „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о составленіи Свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній".

„Обозрѣніе" содержитъ въ себѣ исторію источниковъ права польскаго и украинскаго, а также обзоръ попытокъ ихъ кодифицировать. Какъ сказано во введеніи къ „Обозрѣнію", „къ числу губерній и областей Западнаго края, коимъ предоставлены мѣстные законы, принадлежитъ: I. Малороссія, нынѣ губерніи Черниговская и Полтавская; II. Области, присоединенныя отъ Польши". Затѣмъ упоминается также о томъ, что при присоединеніи Малороссіи и прочихъ областей, „Монаршимъ словомъ было, между прочимъ, обѣщано, и въ послѣдствіи многократно подтверждено имъ право: производить судъ и расправу по ихъ законамъ и обычаямъ". Въ дальнѣйшемъ содержаніе „Обозрѣнія" распадается на нѣсколько частей, соотвѣтственно обозрѣвающихъ „мѣстные законы, дѣйствовавшіе въ Польшѣ и Литвѣ и въ Малороссіи въ особенности"; Украинѣ здѣсь посвященъ сжатый, но довольно обстоятельный историческій очеркъ событій, какъ имѣвшихъ мѣсто до присоединенія ея къ Москвѣ, такъ и послѣдующихъ. Нѣтъ надобности передавать здѣсь содержаніе общеизвѣстныхъ фактовъ, нужно указать только на то, что „Обозрѣніе" является дѣйствительно первымъ научнымъ трудомъ по исторіи какъ литовско-польскаго, такъ и украинскаго права, составленнымъ при непосредственномъ участіи такого выдающагося знатока этой системы права, какъ проф. И. Н. Даниловичъ. „Обозрѣніе", несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія историковъ права.

Исторія возникновенія самого проекта „Западнаго Свода“ уже изложена въ краткихъ чертахъ въ нашей статьѣ „Къ вопросу объ изученіи украинскаго права“ [1]), и мы не будемъ на ней останавливаться.

Самый „Сводъ“, какъ это обстоятельно выяснено въ цѣнной книгѣ пр.-доц. бар. А. Э. Нольде „Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при гр. Сперанскомъ“, Спб., 1906, не есть продуктъ бюрократическаго творчества, онъ явился результатомъ „долгой и тщательной работы выдающихся знатоковъ этой системы права, обладавшихъ всѣми доступными въ то время пособіями (Предисловіе къ изд. „Свода“, стр. XI).

Въ параллель къ содержанію „Западнаго Свода“ невольно напрашивается сравненіе его съ другимъ, тоже забытымъ и не получившимъ силы дѣйствующаго права памятникомъ кодификаціи украинскаго права, „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“, Кіевъ, 1879, изданіе котораго составляетъ заслугу извѣстнаго, нынѣ покойнаго, проф. А. Ѳ. Кистяковскаго.

Какъ для составителей „Правъ“ „Литовскій Статутъ“ служилъ главнымъ законодательнымъ памятникомъ, доставившимъ имъ матеріалъ, такъ и для составителей „Западнаго Свода“ принципы римскаго права и основанный во многомъ на послѣднихъ „Литовскій Статутъ“ служили главнымъ образомъ непосредственнымъ источникомъ, ихъ вдохновлявшимъ; оттуда они и заимствовали нормы, соотвѣтственно видоизмѣняя и приспособляя ихъ къ потребностямъ своей эпохи, ибо, какъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ проф. А. Ѳ. Кистяковскій, „Литовскій Статутъ“ былъ основнымъ закономъ малороссійскаго народа, какъ въ періодъ польскаго владычества, такъ и послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи [2]). Въ статьѣ, предназначенной для болѣе широкаго круга читателей не-юристовъ, не мѣсто критическому разбору содержанія „Западнаго Свода“; мы ограничимся тѣмъ, что вкратцѣ, насколько позволяютъ размѣры статьи, отмѣтимъ тѣ характерныя мѣстныя особенности, которыя отличали его отъ права общеимперскаго и такимъ образомъ оправдывали его появленіе.

Несомнѣнно одно, что разсматриваемый съ точки зрѣ-

---

[1]) „Укр. Ж.“, № 1, 1913. Еще раньше исторія возникновенія Свода была воспроизведена въ статьѣ *П. Кравцова.* Проект окремих законів для України за часи ц. Миколи І. „Літ.—Наук. Вістник“, 1908, кн. 12.

[2]) *Права, по которымъ судится малор. народъ*, Кіевъ, 1879, стр. 32.

нія исторической перспективы „Западный Сводъ“ для своего времени наилучше выразилъ дѣйствовавшее въ Западномъ краѣ право гражданское, конечно, по своимъ соціальнымъ тенденціямъ „Западный Сводъ“ уходитъ корнями въ глубь эпохи, когда существовали нѣсколько иныя историческія условія, дѣйствовали иныя соціальныя силы, права и преимущества шляхетскаго сословія, сведенные воедино и формулированные еще въ „Литовскомъ Статутѣ“, нашли и здѣсь свою защиту; элементы обычнаго права почти не нашли пристанища въ „Западномъ Сводѣ“, всецѣло проникнутомъ духомъ и принципами „Литовскаго Статута“.

По сравненію съ общеимперскимъ законодательствомъ въ „Западномъ Сводѣ“ содержатся подробныя постановленія о шляхетствѣ, а также объ однодворцахъ, лицахъ, незаконно присваивавшихъ себѣ названіе шляхтичей. По отношенію къ духовенству мѣстные законы всецѣло отсылаютъ къ общимъ; только для греко-уніатскаго и римско-католическаго духовенства, „Сводъ“ устанавливаетъ подробныя нормы.

Къ состоянію городскихъ обывателей „Сводъ“ причисляетъ гражданъ западныхъ губерній, т.-е. лицъ, которыя не могли доказать своего дворянскаго происхожденія, и вольныхъ людей—заграничныхъ выходцевъ.

Въ примѣчаніи къ статьѣ 106-й излагается исторія постепенной отмѣны магдебургскаго права въ городахъ Западнаго края. Особо упоминаетъ „Сводъ“ о тѣхъ лицахъ, „кои обращаются въ какихъ-либо ученыхъ занятіяхъ, какъ-то врачахъ, учителяхъ и т. д.“, присваивая имъ названіе почетныхъ гражданъ западныхъ губерній.

Среди сельскихъ обывателей „Сводомъ“ устанавливается три категоріи: 1) водворенныхъ на земляхъ казенныхъ; 2) на земляхъ владѣльческихъ и 3) на собственныхъ земляхъ.

Подробныя подраздѣленія этихъ обывателей на крестьянъ казенныхъ, чиншевыхъ, огородниковъ, іезуитскихъ и т. д. юридическаго значенія не имѣли и только свидѣтельствуютъ о многообразіи отношеній въ средѣ зависимыхъ крестьянъ.

Подробно регламентированы „Западнымъ Сводомъ“ крѣпостныя отношенія; перечислены, напримѣръ, личныя работы крестьянъ, раздѣляющіяся на постоянныя и непостоянныя.

Въ § 154 указывается на то, что „число рабочихъ дней опредѣляется инвентарями и экономическими реестрами; но по общему закону крестьяне болѣе трехъ дней въ недѣлю, а равно и въ праздничные дни къ работѣ на своего помѣщика принуждаемы быть не должны". Какъ видимъ, здѣсь сдѣлана попытка ограничить крѣпостныхъ отъ произвола помѣщиковъ, вліяніе этихъ началъ сказалось на отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, проводившихся по отношенію къ крестьянамъ въ царствованіе Николая I.

Въ раздѣлѣ шестомъ „объ инородцахъ и иностранцахъ" содержатся постановленія о татарахъ и евреяхъ; о послѣднихъ говорится немного; упоминается о запрещеніи имъ постояннаго жительства въ г. Кіевѣ, на двухъ улицахъ г. Вильны и нѣкоторыя ограниченія въ г. Каменецъ-Подольскѣ; въ остальномъ сохраняютъ силу общіе законы.

Болѣе значительное число мѣстныхъ особенностей содержится во второй части „Западнаго Свода" о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ; многое изъ этихъ нормъ впослѣдствіи было воспроизведено въ статьяхъ т. X, ч. I, относящихся къ губерніямъ Черниговской и Полтавской. Эти особенности сохранились въ нормахъ, регулирующихъ отношенія родителей къ дѣтямъ, въ постановленіяхъ объ имущественныхъ правахъ супруговъ, устанавливающихъ раздѣльность ихъ имущественныхъ массъ, исключая имущества, нажитаго во время брачнаго сожительства. Постановленія эти извѣстны изъ т. X, ч. I, и мы на нихъ останавливаться не будемъ.

Менѣе оригинальнымъ является „Западный Сводъ" въ постановленіяхъ, относящихся къ праву вещному. Приводится раздѣленіе имуществъ на ленныя и ординацкія. Въ отношеніи объема права собственности имѣютъ значеніе нормы общихъ законовъ. Болѣе подробно изложены постановленія о правѣ угодій въ чужихъ имуществахъ, о лѣсахъ въѣзжихъ, о звѣриныхъ и другихъ промыслахъ.

По § 427 отдѣльное владѣніе по договорамъ можетъ быть установлено: 1) договоромъ арендным; 2) договоромъ заставнымъ и 3) договоромъ пожизненнаго владѣнія.

Нормы „Свода", устанавливающія отвѣтственность за ущербы по имуществамъ и за обиды лучныя, носятъ тотъ оригинальный оттѣнокъ, что за обиды личныя налагается обязанность имущественнаго вознагражденія.

Въ отдѣлѣ о правѣ судебной защиты по имуществамъ

различается тяжба вотчинная, имѣющая цѣлью отысканіе имущества изъ чужаго неправильнаго владѣнія и тяжба исковая, предоставляющая возможность искать матеріальнаго удовлетворенія и вознагражденія въ случаѣ неисполненія по договорамъ и обязательствамъ, а также въ случаѣ обидъ, ущербовъ и убытковъ.

Довольно тщательно и подробно регламентированъ въ „Сводѣ“ порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества. Различаются акты крѣпостные, требующіе удостовѣренія при посредствѣ личнаго сознанія, а также акты предъявленные и домашніе.

Постановленія о выдѣлѣ и о приданомъ также вошли въ число статей, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, и входить въ ихъ описаніе нѣтъ надобности.

Въ данномъ случаѣ, какъ въ другихъ, „Сводъ“ всецѣло реципировалъ постановленія Литовскаго Статута.

Постановленія „Свода“ о приданомъ проникнуты бо́льшей близостью къ мѣстнымъ жизненнымъ условіямъ, чѣмъ соотвѣтственныя начала Свода Законовъ. Весьма цѣлесообразнымъ является установленіе права на совмѣстное пользованіе доходами съ приданаго; затѣмъ „Сводъ“ гарантируетъ цѣнность приданаго жены гипотекою его въ имуществѣ мужа, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ при расторженіи брака по винѣ мужа право на дополнительное обезпеченіе.

Въ главѣ пятой о духовныхъ завѣщаніяхъ „Западный Сводъ“ содержитъ нѣкоторыя оригинальныя постановленія; такъ, напримѣръ, въ § 730 предписано во свидѣтели при завѣщаніи, составляемомъ дворяниномъ, приглашать преимущественно помѣстныхъ дворянъ.

Затѣмъ, относительно подписи свидѣтелей на завѣщаніи постановлено, что она должна вкратцѣ обозначить главныя распоряженія и отказы, содержащіеся въ завѣщаніи.

Порядокъ же наслѣдованія по закону многими существенными чертами отличается отъ порядка, усвоеннаго т. X, ч. I.

Хотя значительная часть наслѣдства идетъ дѣтямъ мужского пола, однако, положеніе дочерей все-же лучше по сравненію съ тогдашними нормами т. X, такъ какъ устанавливаетъ обязательный выдѣлъ приданаго. Кромѣ того, согласно „Западному Своду“, за родителями сохранялось

право наслѣдованія послѣ дѣтей въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ, если послѣдніе умерли безъ потомства; супруги другъ послѣ друга не наслѣдуютъ.

Общія нормы, относящіяся къ договорамъ и обязательствамъ, кромѣ незначительныхъ деталей, какъ, напримѣръ, § 865 допускаетъ словесное поручительство на сумму не менѣе 12 рублей серебромъ, не содержатъ чего-либо существенно отличающагося отъ принциповъ X т. Зато институты закладного права стоятъ далеко выше таковыхъ, помѣщенныхъ въ т. X. „Западный Сводъ“ различаетъ общую форму залога, простую ипотеку, спеціальную ипотеку и заставный договоръ. „Западный Сводъ“ знаетъ также оригинальный институтъ, неизвѣстный Общему Своду Законовъ, это договоръ пожизненнаго владѣнія. Вкратцѣ касается „Западный Сводъ“ договоровъ аренды и найма. Ученіе о личномъ наймѣ весьма мало разработано; оригинальнымъ является право слуги требовать, уходя отъ господина, выдачи аттестата; въ случаѣ же отказа въ выдачѣ такового слуга можетъ получить его изъ суда.

Отвѣтственность господина за дѣйствія слугъ возникаетъ только въ томъ случаѣ, если они дѣйствовали по его приказанію; въ противномъ случаѣ отвѣчаютъ сами слуги. Нельзя, конечно, понимать это приказаніе въ смыслѣ спеціальнаго порученія; такъ, въ „Литовскомъ Статутѣ“, откуда, судя по источникамъ, заимствована эта статья, устанавливается обязанность господина представить провинившагося слугу въ судъ; въ противномъ случаѣ „самъ повиненъ платить за голову“ (см. И. И. Рубинъ. Объ условіяхъ отвѣтственности господъ и вѣрителей за недозв. дѣянія слугъ и повѣренныхъ. Москва. 1913. Сем. по гражд. пр. А. Э. Вормса, стр. 12—13).

Постановленія „Западнаго Свода“, относящіяся къ судебнымъ учрежденіямъ и обрядамъ, а также мѣрамъ взысканій, представляютъ цѣльную законченную систему, тѣсно связанную съ жизненными условіями той эпохи. Такъ, судебныя сессіи, такъ-называемыя каденціи назначались въ опредѣленные сроки; объяснялось это тѣмъ, что судьи были выборные, и законъ пытался приспособиться къ ихъ потребностямъ. При каждой гражданской палатѣ полагалось по штату 12, при уѣздномъ судѣ 10, при магистратѣ 5 адвокатовъ.

Слѣдуетъ упомянуть о способахъ доказательствъ въ

судѣ, среди которыхъ „Сводъ“ устанавливаетъ пять видовъ: 1) собственное признаніе; 2) письменныя доказательства; 3) показанія свидѣтелей; 4) присяга и 5) осмотръ на мѣстѣ. Присяга являлась дополнительнымъ доказательствомъ, но она вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшала дѣло безповоротно. Порядокъ исполненія рѣшенія также содержитъ въ себѣ много любопытныхъ чертъ.

По дѣламъ вотчиннымъ исполненіе рѣшеній было предоставлено полиціи; по дѣламъ же исковымъ принималъ участіе и судъ, давая срокъ отвѣтчику, напримѣръ, для уплаты денежной суммы и указами опредѣляя способъ исполненія рѣшенія.

Рядъ постановленій „Свода“ относится къ судопроизводству по особеннымъ родамъ тяжбъ, какъ, напр., споры о законности рожденія, о раздѣлѣ наслѣдства.

Эти бѣглыя замѣчанія не исчерпываютъ тѣхъ многочисленныхъ характерныхъ особенностей, которыми отличается „Западный Сводъ“; тѣмъ не менѣе они даютъ общее представленіе о томъ, какія области права являются тамъ наиболѣе разработанными и своеобразными по сравненію съ общеимперскимъ законодательствомъ.

Конечно, наше время ставитъ иныя задачи въ области нормированія гражданскихъ отношеній, и многія изъ постановленій „Западнаго Свода“ уже устарѣли и сохраняютъ только историческую цѣнность, тѣмъ не менѣе этотъ полузабытый памятникъ кодификаціи мѣстнаго права стоитъ живымъ укоромъ передъ законодателемъ и напоминаетъ о томъ, что залогъ жизненности правовыхъ нормъ въ области гражданскихъ отношеній лежитъ въ ихъ непосредственной близости къ народной жизни, а не въ мертвящемъ нивеллированіи всей пестроты и многообразія жизненныхъ отношеній.

И. Лебединскій.

В. Винниченко

(Литературный эскизъ).

„Изъ всего написаннаго я люблю только то, что пишется собственной кровью. Пиши кровью и ты узнаешь, что кровь есть духъ".

(„Такъ говорилъ Заратустра", 41—42 стр.).

Поставивъ эпиграфомъ къ своему очерку слова Заратустры „о чтеніи и письмѣ", я хотѣлъ подчеркнуть тѣмъ самымъ двѣ черты, характерныя, по моему мнѣнію, для творчества украинскаго писателя: искренность и страстность, съ которыми онъ защищаетъ положенія, кажущіяся ему истиной.

Ставитъ ли онъ передъ собой вопросы, связанные съ соціальной жизнью людей, рѣшаетъ ли „проблему пола", отыскиваетъ ли начала и принципы новой морали,—всюду онъ горитъ „святымъ огнемъ" протеста, всюду искренень и прямъ. Можно соглашаться съ его положеніями и выводами, можно возражать, негодовать и недоумѣвать, но нельзя сказать, чтобы авторъ гдѣ-либо говорилъ и защищалъ положенія, въ которыя самъ онъ не вѣритъ, которыя онъ не выстрадалъ вмѣстѣ со своими героями.

Эта „выстраданность" чувствуется во всѣхъ его произведеніяхъ, читатель видитъ, что авторъ говоритъ о томъ, что у него „накипѣло" и накипѣло такъ, что онъ молчать объ этомъ не можетъ.

Въ своихъ произведеніяхъ Винниченко откликается на всѣ болѣе или менѣе важные вопросы современной дѣйствительности. То, что волнуетъ другихъ, глубоко задѣваетъ и автора, и онъ торопится (именно торопится) высказать мысли, какія поднимаетъ въ немъ сама жизнь.

Этой чуткостью къ явленіямъ современности, постояннымъ, такъ сказать, „кипѣніемъ" и жаждой дѣлиться съ другими, воплощать свои мысли въ художественные образы и можно объяснить то, что литературная дѣятельность Винниченка переламывается какъ бы на двѣ части. Думается,

что здѣсь—не погоня за „модой“, не желаніе удивить кого-то эксцентричностью и парадоксальностью положеній, не желаніе идти въ ногу со вкусами публики, а именно чуткость, какая-то особая нервность художника.

Выше было сказано, что литературная дѣятельность Винниченка распадается какъ бы на двѣ части, и это мнѣ кажется правильнымъ.

Первый періодъ—періодъ, когда авторъ, съ присущимъ ему огнемъ и талантомъ, изображалъ наши соціальныя язвы, давалъ картины „контрастовъ“, порожденныхъ самою жизнью, издѣвающеюся надъ людьми.

Здѣсь дѣйствующія лица разсказовъ—сельскіе пролетаріи, влачащіе жалкую жизнь, наполненную только борьбой за кусокъ хлѣба.

Это періодъ наиболѣе ранній. Онъ заканчивается приблизительно 1906 годомъ. Далѣе уже на смѣну выступаютъ вопросы пола, вопросы морали и психологіи. Большинство произведеній этого періода посвящено анализу переживаній чисто-„интеллигентскихъ“, и герои этихъ произведеній—интеллигенты разныхъ видовъ, группъ, убѣжденій...

Къ этому же періоду относится и увлеченіе автора новой для него формы писательства—драмой, увлеченіе, котораго я, лично, автору простить не могу, такъ какъ считаю, что болѣе всего ему удаются разсказы: въ нихъ его талантъ развертывается болѣе широко и полно.

Оба періода въ творчествѣ Винниченка не являются рѣзко-отграниченными другъ отъ друга. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ былъ виденъ то одинъ, то другой авторъ. Онъ всюду остается самимъ собою, и всюду въ его произведеніяхъ звучитъ одинъ мотивъ: это пѣсня борьбы за счастье и освобожденіе человѣка отъ соціальныхъ путъ и отъ путъ старой морали.

Сближаетъ ихъ и то, что въ большинствѣ произведеній Винниченка, по существу дѣла, одинъ и тотъ же герой—глубоко обиженный жизнью человѣкъ, котораго преслѣдуютъ то муки голода, холода и оскорбленій, то муки духовной и душевной „дисгармоніи“, то муки неудовлетворенной любви, недостижимаго счастья...

Чтобы подтвердить свои положенія, я сдѣлаю краткій обзоръ литературныхъ работъ Винниченка и попутно постараюсь показать особенности его незаурядного дарованія.

Однимъ изъ первыхъ разсказовъ Винниченка, на кото-

ромъ остановила свое вниманіе критика, былъ разсказъ „Заручини“.

Студентъ Семенюкъ любитъ дѣвушку, которая кажется ему идеально-чистой, тѣмъ добрымъ геніемъ, который будетъ охранять его и превратитъ его скучную будничную жизнь въ свѣтлый праздникъ любви и чистоты.

Любящій и восторженный, отправляется онъ на „заручини“ къ своимъ знакомымъ, надѣясь встрѣтить тамъ Галю. Встрѣча состоялась. Семенюкъ „объяснился“ и въ отвѣтъ услыхалъ фразы, поставившія его втупикъ: Галя какъ-будто и любитъ его, но въ то же время быть его женой не можетъ, да это, собственно говоря, и не важно, такъ какъ любовь—это одно, а бракъ—другое... Семенюкъ такъ и не уясняетъ себѣ сразу смысла Галиныхъ словъ; только во время ужина, когда во всеуслышаніе хозяинъ дома объявляетъ о предстоящихъ въ скоромъ времени еще однихъ „заручинахъ“,—Гали съ Ѳомой Лукичемъ (богатымъ и глупымъ саврасомъ),—Семенюку становится понятнымъ все: Галя продаетъ себя Ѳомѣ, а онъ... онъ можетъ занять амплуа „друга дома“...

Сразу рушатся свѣтлыя надежды на будущее, тонетъ въ какомъ-то мракѣ та самая любовь, которая скрашивала его жизнь, и стоитъ онъ въ холодномъ туманѣ мокрой осенней ночи, а въ мозгу плывутъ мучительныя мысли:

„Какъ же теперь? Что же... Какъ жить? Дальше-то что же?.. Жить какъ? Опять въ номерокъ?.. Навѣки ужъ? И тараканы, и все... Навѣки?..“

Въ этомъ маленькомъ разсказѣ, хотя въ немъ мѣстами и видна еще нетвердая рука начинающаго беллетриста, уже выясняются характерныя черты таланта Винниченка: знаніе жизни, художественность въ обрисованіи отдѣльныхъ моментовъ, взятыхъ изъ этой жизни, чуткость его къ самымъ тонкимъ, подчасъ даже и неяснымъ переживаніямъ человѣческой души.

Картинка студенческой жизни въ „Заручинах“ дышитъ такой правдивостью, такъ вѣрно вырисована, какъ это бываетъ только у крупныхъ художниковъ-реалистовъ.

Представляетъ большой интересъ этотъ разсказъ и тѣмъ, что въ немъ авторъ въ уста студента Ганенка вложилъ такое опредѣленіе женщины и любви, какое впослѣдствіи подчеркнулъ гораздо рѣзче въ „Куплѣ“.

— Каждый человѣкъ согласится,—говоритъ Ганенко,—

что башмакъ и женщина—все равно. И тамъ покупаешь, и тутъ, и тамъ, пока наведенный для людского ока для продажи глянецъ держится, кажется красивымъ, и тутъ...

Любовь... Страсть... Женщина... Другъ...

Глупости, выдуманныя слюнявыми мальчишками! Женщина, башмакъ, водка, паръ, электричество, лампа, столъ—все это товаръ на потребу людямъ...

Эта женщина-„товаръ“ часто фигурируетъ въ произведеніяхъ Винниченка. Иной разъ передъ читателемъ встаютъ другіе образы,—напр., Зины (въ разсказѣ „Зіна“) или Катри („Великій Молох“), женщинъ, которыя „выплываютъ въ море“ и хотятъ сдѣлать свое сердце такимъ, чтобы человѣкъ могъ „плакать надъ страданіями тѣхъ, что были передъ нами“, хотятъ сдѣлать свое „я“ „такимъ широкимъ, какъ прошедшее, какъ будущее, какъ вѣчность“...

Но онѣ пока рѣдки!

Галя разбила жизнь Семенюка, рана въ его сердцѣ, быть-можетъ, уже не заживетъ никогда, и въ душѣ читателя вырастаетъ печаль и жалость къ этому пришибленному первымъ ударомъ жизни юношѣ. Вырастаетъ она неизбѣжно: всѣ душевныя движенія героя переданы авторомъ сильно и отчетливо. Писатель не холоденъ, не безразличенъ къ Семенюку, онъ и его горе понятны автору, какъ понятна и близка ему судьба каждаго обездоленнаго человѣка. Фигуры людей-неудачниковъ, людей, придавленныхъ неправдою жизни, удаются Винниченку. Въ цѣломъ рядѣ разсказовъ онъ обрисовалъ яркими красками тѣ самыя соціальныя неравенства, которыя такъ часто выливаются въ положительно чудовищную форму. И героемъ, центральной фигурой этихъ произведеній является все тотъ же обездоленный человѣкъ.

Я не знаю другого беллетриста, которому такъ хорошо удавались бы эскизы изъ жизни сельскихъ рабочихъ, той самой „голоты“, которая голодаетъ и вымираетъ на панскихъ поляхъ, возлѣ панскихъ сельскохозяйственныхъ машинъ, на панскихъ кухняхъ...

Вся жизненная обстановка этихъ людей нашла въ Винниченкѣ серьезнаго, вдумчиваго и, что самое главное, талантливаго изобразителя.

Въ его очеркахъ, въ которыхъ такъ удачно переплетаются между собою реализмъ рисунка съ художественнымъ вдохновеніемъ, находимъ мы изображеніе экономическаго

кризиса въ деревнѣ, превращающаго въ конечномъ результатѣ крестьянъ-собственниковъ въ пролетарія. Картина вышла художественно-сильная. Рабочіе въ экономіяхъ; крестьяне, ищущіе заработка въ лѣтнее время, проходятъ передъ нами голодные, оборванные, пришибленные своей бѣдностой, убожествомъ... „Обокраденные, ободранные тѣми, кто имѣетъ силу обдирать, они идутъ продавать себя, свои силы, свое здоровье, свое тѣло, стыдъ, любовь, они идутъ наниматься къ сытымъ, распутнымъ, бездѣльникамъ, которые имѣютъ деньги, но которые не обрабатываютъ своей земли, потому что у нихъ есть другая работа: ѣсть, пить и развратничать“...

Недѣлями бродятъ они отъ экономіи къ экономіи въ поискахъ работы, ночуя подъ открытымъ небомъ, изнемогая отъ жары подъ лучами южнаго солнца. А тѣ самые бездѣльники, о которыхъ говоритъ авторъ, выжидаютъ удобнаго момента, чтобы предложить самую минимальную плату. Болѣютъ дѣти, голодаютъ взрослые и ждутъ... Когда вы читаете описаніе найма рабочихъ въ экономіи („Чужі люде“), вамъ становится и страшно, и кажется, не картинка ли это изъ „Хижины дяди Тома“?.. Подъ давленіемъ костлявой руки „Царя-Голода“ люди превратились въ рабовъ и надъ ними слышится даже свистъ плети...

Пойдемъ за авторомъ къ панскимъ полямъ, хоромамъ. Сдѣлка состоялась... Вотъ чуть не дерутся рабочіе у казана съ похлебкой („Чужі люде“), вотъ хозяинъ требуетъ къ себѣ дѣвушку въ „экономки“ (тамъ же), вотъ сынъ помѣщика при любезномъ содѣйствіи приказчика выбираетъ себѣ среди работницъ одну, чтобы „послать цвѣты“ кому-то съ ней(„Біля машини“), вотъ паничъ Александръ покупаетъ Кылыну („Голота“)...

Но бываетъ, что напрасны ожиданія остроты перехода отъ имѣнія къ имѣнію,—работы нѣтъ.

Ходятъ, постепенно нищаютъ...

Компанія веселящейся молодежи, возвращаясь съ пикника, какъ-разъ натыкается на такую группу оборванныхъ голодныхъ „заробітчан“. Давно уже ходятъ они... „Хлѣба высохли, повыгорѣли, вездѣ управляются своими руками. Сколько было денегъ изъ дому, проѣли, а теперь хоть живымъ къ Богу лѣзь“... объясняетъ одинъ изъ нихъ барышнѣ Гликеріи („Контрастъ“).

Контрастъ получается полный, настоящій жизненный контрастъ, ничѣмъ не затушеванный.

И художникъ Иванъ, только-что пространно разглагольствовавшій за рюмкой душистаго ликера на тему о контрастахъ, не выдерживаетъ столкновенія съ однимъ изъ этихъ контрастовъ и едва не лишается чувствъ при видѣ того, какъ толпа голодныхъ людей набрасывается на хлѣбъ, вино, консервы.

Такіе же контрасты видимъ мы и въ другомъ разсказѣ Винниченка, „Голота".

Передъ нами—„наймыты" большой экономіи. Живутъ въ „черной" кухнѣ, въ грязи и холодѣ, спятъ вповалку. Иной разъ покупаютъ водку и въ ней топятъ горе. Ни минуты просвѣта, сплошная цѣпь страданій, оскорбленій. И съ одной стороны стоятъ: сытый паничъ—офицеръ Александръ, гости „пана", услужливый приказчикъ Халабуда; а съ другой — озлобленный, измученный Трохимъ, умудренный опытомъ, весь какой-то придавленный дѣдъ Юхимъ, гордая Кылына и забитая, запуганная Маринка... Рядъ тяжелыхъ картинъ далъ Винниченко въ „Голотѣ". Видимъ мы, какъ выбрасываютъ изъ экономіи больного Панаса, какъ водкой пытается залить свою муку Софійка, какъ прогоняютъ Трохима, какъ продаетъ себя Кылына.

Тотъ изъ читателей, кто по старымъ украинскимъ пьесамъ составилъ себѣ представленіе объ Украинѣ какъ о какой-то идиллической странѣ, гдѣ вѣчно поетъ скрипка, звучатъ пѣсни и слышится гулъ веселаго „гопака", горько разочаруется, раскрывъ книжку разсказовъ Винниченка.

Безспорно, въ украинской деревнѣ и ея жизни есть и другое, есть явленія болѣе отрадныя, но не правъ ли былъ авторъ, когда направилъ наше вниманіе именно на бѣдность, приниженность и забитость сельчанъ?

Тѣ разсказы, о которыхъ я упомянулъ выше, даютъ массу матеріала, въ нихъ открываются новыя стороны украинской народной жизни, они заставляютъ читателя вдуматься въ современную соціальную жизнь Украины. Читатель видитъ, что разрушаются прежнія соціально-экономическія отношенія, что разслоеніе проникаетъ въ самую глубь деревни, что вырастаютъ тамъ новыя силы. И моментами въ тяжелую атмосферу вдругъ свѣжей струей врывается порывъ протеста, изголодавшійся и забитый человѣкъ вдругъ поднимаетъ голову (разсказы „Біля машини", „Кузь і Грицунь").

Вы читаете разсказы Винниченка и не испытываете

скуки, ваше вниманіе не устаетъ, и вы не откладываете книгу въ сторону, не дочитавъ ея. Авторъ все время держитъ ваше вниманіе настороженнымъ: онъ сумѣлъ, заглянувъ въ самую глубь человѣческихъ отношеній, перестрадавъ вмѣстѣ со своими героями, влить въ разсказы свои частичку тѣхъ самыхъ слезъ и горя, какія видѣлъ.

Позднѣе авторъ пробовалъ свои силы и на другомъ пути литературнаго творчества (приблизительно съ 1906 г.), и изъ-подъ его пера выходитъ нѣсколько драмъ. Литературная цѣнность этихъ произведеній ниже его повѣстей и разсказовъ (выгодно выдѣляется среди нихъ „Великій Молох"), но они интересны по тѣмъ вопросамъ, какіе выдвинулъ авторъ.

Тутъ и половой вопросъ, и дисгармоничность человѣческой натуры, и борьба между „я" и „мы", между личностью и коллективомъ. Передъ нами проходятъ и добрые буржуа, и партійные дѣятели, и формалисты-буквоѣды, и идейные люди, люди труда и дармоѣды... Темы злободневныя и дѣйствующія лица избраны изъ самыхъ различныхъ соціальныхъ группъ, но при всемъ томъ драматическія произведенія Винниченка значительно ниже его разсказовъ и повѣстей.

Послѣ чтенія этихъ произведеній получается впечатлѣніе какой-то недосказанности, неоконченности. Кладешь книгу съ чувствомъ недоумѣнія. Мнѣ кажется, что это происходитъ отъ того, что въ драмахъ своихъ и въ нѣкоторыхъ разсказахъ, трактующихъ тѣ же темы (напр., „Честность съ собою") Винниченко выполнилъ не всю работу, взятую на себя. Герои его сумѣли, правда, отбросить правила старой, никчемной, по ихъ мнѣнію, морали, разрушили эту скорлупу, въ которую затиснута душа человѣка, но на мѣсто старой морали они ничего не создали. Принципъ „честности съ собою", излюбленный авторомъ лозунгъ, за который уцѣпились они, повисъ въ воздухѣ неясный, неопредѣленный, точно такъ же, какъ неясны автору тѣ начала, на которыхъ долженъ строить свою жизнь новый „гармоническій" человѣкъ. У Винниченка хватило силы и умѣнья разрушить старое, но мѣсто, занятое моралью буржуа, осталось пустымъ.

Едва ли можно ставить это автору въ вину: его талантъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ дарованіемъ тѣхъ художниковъ и артистовъ, которые творятъ „нутромъ", творчество

его нѣсколько стихійно, оно—сама жизнь; а жизнь какъ-разъ не дала ему матеріала, изъ котораго онъ смогъ бы создать образъ „гармоническаго“ человѣка. Создать его изъ „ничего“ могъ бы только геніальный творецъ, который „прозрѣлъ“ бы его, новаго человѣка, во тьмѣ грядущаго.

Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Винниченка мы видимъ не тѣхъ людей, какихъ находимъ въ первыхъ его разсказахъ: чаще мелькаетъ фигура „интеллигента“, и его переживанія становятся темою разсказовъ и пьесъ Винниченка. Но всюду и вездѣ у автора чувствуется одно: глубокое презрѣніе къ мягкотѣлости, безпринципности и мѣщанству и любовь къ яркому и сильному проявленію человѣческаго духа.

Авторъ любитъ жизнь и людей и страстно желаетъ людямъ счастья. Мнѣ думается, что онъ вѣритъ въ тотъ „парадоксъ“, что „человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета“, но на свѣтѣ больше печали и муки, чѣмъ радости и смѣха, и авторъ мучится вмѣстѣ со своими героями.

Умираетъ неудачливый, несчастный авторъ исповѣди („Дрібниця“) отъ того, что, „будучи курицей, захотѣлъ летать“; страдаетъ, пораженный трагическимъ сочетаніемъ красоты и уродства въ человѣкѣ герой „Эпизода“, которому любимая имъ женщина кричитъ: „Давай мнѣ денегъ, а не пѣсенъ. Денегъ! Понимаешь?“... рушится, и подъ своими обломками хоронитъ строителя „Якимова зданія“ („Історія Якимоваго будинку“), и сидитъ на берегу Днѣпра въ глубокой тоскѣ и недоумѣніи другъ этого трагическаго экспериментатора Якима...

Не хочется ли вамъ послѣ чтенія этихъ разсказовъ Винниченка „оплакивать кого-то или что-то“, чтобы въ слезахъ вашихъ были „и нѣжность, и радость, и печаль, и безнадежность“ („Чудний епізод“)?..

Я уже не буду повторять того, сколько моментовъ, полныхъ страданія и горя, отражено авторомъ въ прежнихъ, болѣе раннихъ его произведеніяхъ и сколько несъ его съ собой, напримѣръ, Миронъ Антоновичъ въ „Щаблях життя“, въ которомъ авторъ хотѣлъ изобразить героическую натуру человѣка, твердо и неуклонно лѣзущаго по „щаблям“ куда-то вверхъ...

Форма, въ которую выливаются произведенія Винниченка, въ общемъ красива и легка.

Одинъ очень почтенный критикъ увидѣлъ опасный

симптомъ у этого художника—тенденціозность и грубость формы. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Винниченка есть нѣкоторая тенденціозность, явившаяся несомнѣннымъ результатомъ увлеченія „моментомъ"; есть мѣстами и грубость формы, но за нею идутъ слѣдомъ и изящество и красота. Авторъ набрасываетъ краски торопливо и небрежно, отъ этого происходитъ неотдѣланность, незаконченность въ формахъ, о которыхъ говоритъ критика, но, по моему личному впечатлѣнію, явленіе это не обще всѣмъ произведеніямъ Винниченка, оно замѣчается мѣстами.

Вообще образы у Винниченка ярки и сильны, характеристика, описанія, картины природы—просты и въ то же время высокохудожественны.

Избѣгая всякихъ хитросплетеній, рискованныхъ оборотовъ, авторъ безхитростно и умѣло кладетъ мазокъ за мазкомъ.

Вотъ иллюстрація къ сказанному:

„Вы поймите,—говоритъ разсказчикъ („Зіна"),—я родился въ степяхъ. Вы понимаете, хорошо понимаете, что это значитъ: „въ степяхъ"?

Тамъ прежде всего нѣтъ торопливости. Тамъ люди, напримѣръ, ѣздятъ волами. Впрягутъ въ широкій солидный возъ пару воловъ, возложатъ надежду на Бога и ѣдутъ. Волы себѣ переступаютъ, земля ходитъ вокругъ солнца, планеты совершаютъ свой путь, а человѣкъ лежитъ на возу и ѣдетъ. Немножко заснетъ, подзакуситъ слегка, пройдетъ съ кнутомъ впередъ, подождетъ воловъ, крикнетъ задумчиво „гей!" и опять важно идетъ впередъ.

А вокругъ теплая степь да могилы, все степь да могилы. А надъ могилами вверху кругами плаваютъ ястреба; временами, какъ по проволокѣ, въ яръ спустится аистъ, мягко, важно, не торопясь. Тамъ нѣтъ торопливости. Тамъ каждый знаетъ, что какъ ты ни торопись, а все будетъ небо, да степь, да могилы.

И поэтому-то человѣкъ ѣдетъ, не портя крови торопливостью, и въ концѣ-концовъ пріѣзжаетъ туда, куда ему нужно".

Весь этотъ разсказъ написанъ, какъ и многіе другіе разсказы Винниченка, красиво и вдумчиво (онъ много проигрываетъ при переводѣ), и его описанія навѣваютъ настроеніе, нѣсколько напоминающее тихое и грустное настроеніе пейзажей Левитана.

Вы ясно видите передъ собою, когда читаете разсказъ Винниченка, „поважного“ невозмутимаго героя, уроженца степей, удивляющагося самому себѣ, когда ему приходится скорѣе двигаться и хлопотать; вѣчно смѣющуюся жизнерадостную Зину; видите вы ясно и степь, и старыя задумчивыя могилы, надъ которыми плавно и тихо кружатся ястреба...

Для каждаго положенія, для каждаго момента у художника есть особыя краски—то яркія и подчасъ грубоватыя, то нѣжныя, тонкія.

Прекрасное въ природѣ и душѣ человѣка умѣетъ находить авторъ. Даже тамъ, гдѣ другой художникъ прошелъ бы мимо, Винниченко умѣло отыскиваетъ поэзію жизни („Раб краси“, „Кузь і Грицунь“).

У Винниченка нѣтъ идеализаціи героевъ: всѣ они стоятъ передъ нами со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, слабостями и страстями, любовью и ненавистью.

Любовь, тему излюбленную беллетристами, авторъ показалъ лишенною той сантиментальности, подъ покровомъ которой ее не разъ показывали. Вышло, можетъ быть, грубо, но правдиво. Отъ этой правды многіе отпихиваются и кричатъ, что авторъ сгущаетъ краски, преувеличиваетъ, но эти ламентаціи врядъ ли искренни.

Я выше отмѣчалъ, какой типъ женщины преобладаетъ у Винниченка, отмѣтилъ то рѣзкое сравненіе женщины со всякимъ другимъ „товаромъ“, какое авторъ сдѣлалъ въ „Заручинах“.

Положивъ грань между любовью тѣла и души, писатель отмѣтилъ, что первая преобладаетъ, инстинктъ постоянно торжествуетъ надъ разумомъ и чувствомъ. Якимъ-экспериментаторъ съ дѣтства хорошо это понялъ, когда задумалъ укрѣпить рушащееся зданіе своего личнаго счастья путемъ удовлетворенія инстинкта.

Вѣрный или ложный путь избралъ онъ—другой вопросъ, но „будинок“ его сталъ трещать по всѣмъ швамъ именно оттого, что инстинктъ сталъ брать верхъ. Ни чувство, ни моральныя задержки уже не могли спасти Якимова зданія.

„Пушистыя“ и не-пушистыя самочки пестрѣютъ въ произведеніяхъ Винниченка, и наврядъ ли можно ставить въ вину автору, что женщины у него большей частью повинуются инстинкту прежде всего. Онѣ—не выдумки автора, и взглядъ его на любовь и отношенія мужчины и

женщины явился результатомъ его анализа дѣйствительности.

Всѣ образы его произведеній—глубоко реальны, и самъ Винниченко реалистъ, такъ сказать, до мозга костей.

Какъ реалистъ и человѣкъ, любящій жизнь, человѣкъ энергичный и искренній, авторъ находится въ постоянномъ движеніи, онъ кипитъ и бурлитъ, смѣется надъ тѣмъ, что достойно смѣха, и груститъ надъ тѣмъ, что печально и тоскливо. Видя зло и неправду жизни, онъ бросается на нихъ съ поднятымъ забраломъ; видя лицемѣріе и ханжество, бичуетъ ихъ съ присущимъ ему сарказмомъ.

Явленія общественной жизни, которыя волновали и волнуютъ насъ, писатель не оставилъ безъ вниманія. Лишенный благодаря „независящимъ обстоятельствамъ“ возможности жить въ родныхъ мѣстахъ, выброшенный за границу, онъ нарисовалъ такую картину эмигрантской жизни („На вѣсахъ жизни“), отъ которой пришли въ ужасъ многіе, и критики робко заговорили, что авторъ преувеличиваетъ.

Но стоитъ только вдуматься, поговорить съ людьми, испробовавшими всѣхъ прелестей эмигрантской жизни, чтобы повѣрить.

На-ряду съ этой повѣстью, которую многіе находятъ, быть можетъ, какимъ-то пасквилемъ, Винниченко далъ и такую изящную и полную глубокаго интереса вещь, какъ „Тайна“.

Винниченко—большой художникъ, въ его рукахъ всѣ данныя для того, чтобы занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ украинской литературѣ, но чѣмъ больше талантъ, тѣмъ большія требованія предъявляются къ нему. Съ особой бережливостью долженъ онъ относиться къ тѣмъ „талантамъ“, которыхъ ему „много дано“, и не расходовать ихъ небрежно и безпорядочно. Необходима тщательная обработка и предъявленіе болѣе высокихъ требованій къ своему дарованію, чтобы къ автору нельзя было примѣнить словъ Л. Н. Толстого, сказанныхъ нѣкогда по адресу одного изъ наиболѣе талантливыхъ представителей современной русской литературы:

„Онъ позволяетъ себѣ писать Богъ знаетъ какъ. Полное отсутствіе чувства мѣры, а въ искусствѣ во всякомъ—въ поэзіи, въ музыкѣ, въ скульптурѣ—это главное“ (дневникъ Гусева).

Л. Абр—чъ.

Кризисъ въ Галиціи въ освѣщеніи нѣмецкаго публициста.

Событія, имѣвшія мѣсто въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ Галиціи, тѣсно связаны были съ основнымъ вопросомъ жизни этого края,—вопросомъ о реформѣ избирательнаго права въ галицкій сеймъ, дающаго возможность широкимъ народнымъ массамъ вліять черезъ своихъ представителей на областное законодательство. Составъ нынѣшняго сейма, какъ объ этомъ уже писалось неоднократно на страницахъ „Украинской Жизни", таковъ, что даетъ власть въ краѣ представителямъ исключительно крупновладѣльческихъ классовъ. Представители этихъ классовъ—польскіе помѣщики—въ своей политикѣ и законодательной дѣятельности преслѣдовали не только узко-классовые интересы, но и традиціонныя задачи исторической Польши, выступая враждебно противъ интересовъ крестьянской и рабочей массы, равно какъ и противъ интересовъ мѣстнаго украинскаго населенія, земледѣльческаго по преимуществу. Представители украинскаго народа въ сеймѣ, владѣя незначительнымъ количествомъ голосовъ, принуждены были въ своей оппозиціонной тактикѣ прибѣгать къ рѣзкимъ методамъ борьбы и обструкціи, создавшей такія условія законодательной работы въ сеймѣ, что польское большинство его нелегально, среди шума и криковъ, могло только выносить постановленія о принятіи бюджета и т. д. Результаты такого положенія вещей быстро отразились на экономической жизни Галиціи. Развитію ея былъ нанесенъ тяжелый ударъ. Послѣдствія его почувствовали прежде всего поляки, различныя экономическія учрежденія которыхъ стали клониться къ упадку. Споръ и борьба украинцевъ перестали быть вопросомъ исключительно областной жизни и перенесены были въ имперскій парламентъ. Представители украинскаго народа въ парламентѣ употребили всѣ мѣры къ тому, чтобы украинскій вопросъ пріобрѣлъ общегосударственное значеніе и, какъ таковой,

сталъ предметомъ общественнаго вниманія всей страны. Усиленію этого вниманія въ значительной степени способствовали тѣ обструкціонныя мѣры, къ которымъ прибѣгли украинскіе депутаты въ парламентѣ въ цѣляхъ дезорганизаціи текущей работы послѣдняго вплоть до того момента, когда парламентъ принужденъ будетъ взяться за улаженіе давнишняго спора между національностями Галиціи. Нелишнимъ, въ виду сказаннаго, будетъ ознакомиться со статьей одного изъ вліятельныхъ публицистовъ Австріи,—Penizek'a, посвященной кризису въ Галиціи и напечатанной въ солидномъ вѣнскомъ журналѣ „Oesterreichische Rundschau" (т. XXXV, вып. 6, с. г.).

„Тяжелыя времена, пишетъ г. Penizek, — переживаетъ наиболѣе обширный коронный край австрійскаго государства и оба народа-населяющіе его, почти одинаковые своею численностью, но не равные по правамъ, которыми обладаютъ. Давно уже назрѣвавшій кризисъ достигъ теперь высшаго развитія. Жертвой его сталъ намѣстникъ Галиціи, одинъ изъ лучшихъ и солиднѣйшихъ, какого только зналъ этотъ край; въ жертву кризиса принесенъ былъ и сеймъ. Какія новыя жертвы будутъ еще принесены, предугадать нельзя. Кризисъ заставилъ снова обнажить оружіе борьбы между поляками и украинцами, временно опущенное въ ножны, кризисъ разбилъ солидарность польской делегаціи, сила и достоинство которой были основою и гарантіей успѣха, равно какъ и доминирующаго вліянія польскаго клуба въ парламентѣ; кризисъ объявилъ войну всѣмъ противъ всѣхъ, подточилъ финансы страны и все хозяйство ея. Благодаря ему стали болѣе обостренными отношенія между городомъ и селомъ, возросъ антагонизмъ между крупными владѣльческими элементами и крестьянами и ярче обнаружились противорѣчивые интересы консерваторовъ съ одной стороны и демократовъ и людовцевъ—съ другой. Къ этому прибавилась и культурно-религіозная борьба на нѣсколько фронтовъ сразу.

Въ такомъ видѣ сложились отношенія въ пограничной области, парламентское представительство которой въ продолженіе полустолѣтія отдано было въ руки поляковъ и носило поэтому вполнѣ опредѣленный характеръ, выставивъ своимъ девизомъ послѣ революціи 1863 г. слова, обращенныя къ монарху: „При тобі, пане, стоімо".

И вотъ буря налетѣла съ двухъ сторонъ: съ украин-

ской и польской, причемъ катастрофа разразилась благодаря партійному раздору въ польскомъ лагерѣ.

Вмѣсто того, чтобы приняться за излѣченіе внутреннихъ язвъ, послѣднія были раздражены. Высшіе представители церкви, призванные и обязанные быть служителями мира, сошли съ алтарей на арену и стали наиболѣе видными агитаторами борьбы. Дѣло дошло до того, что польскій епископатъ своимъ поведеніемъ въ вопросѣ о реформѣ избирательнаго права и изданіемъ пастырскаго посланія началъ осуществлять миссію ecclesia militans, что можно объяснить только мѣстными условіями и отношеніями. Естественно, что такое положеніе вещей можетъ быть использовано въ благопріятномъ для себя смыслѣ только соціалъ-демократами и либералами. Однако соотвѣтствуетъ ли достиженіе подобныхъ результатовъ интересамъ представителей католической іерархіи,—объ этомъ думаютъ одинаково какъ въ вѣнской нунціатурѣ, такъ и въ Ватиканѣ.

Нынѣшняя Галиція далеко не та, какой была въ 1863 г., а нынѣшніе поляки и украинцы не тѣ же, что въ началѣ 50-хъ годовъ. Всеобщее обученіе, всеобщее избирательное право, среднія и высшія учебныя заведенія, публицистика, которая послѣ уничтоженія цензуры пріучила широкія массы пользоваться принадлежащими имъ правами, демократизація обоихъ народовъ—всѣ эти факторы вмѣстѣ, какъ и каждый въ отдѣльности, совершили рѣшительный переворотъ въ соотношеніи силъ народа. Въ иныхъ коронныхъ областяхъ этотъ переворотъ совершился постепенно, здѣсь же переходъ былъ рѣзокъ и непосредствененъ. Еще до 1897 г., до введенія 5-й общей куріи, въ польскомъ клубѣ помѣщики являлись рѣшающимъ факторомъ, но уже со времени реформы избирательнаго закона 1907 г. рѣшающимъ факторомъ является народовская партія Стапинскаго. Раньше польская шляхта, стоявшая во главѣ всѣхъ польскихъ возстаній, могла бы хвалиться, что она являлась единственной подвижницей національной и автономистской идей; теперь же она уже не одна.

Когда же у поляковъ эволюція шла сверху внизъ, то у украинцевъ—наоборотъ, подобно чехамъ и словинцамъ. И процессъ этотъ продолжается и долго еще будетъ расти, не только потому, что поляки имѣютъ свой классъ чиновниковъ во всемъ краѣ, имѣютъ больше среднихъ

школъ, больше городовъ, но главнымъ образомъ оттого, что украинскій народъ не можетъ ни интеллигенціей, ни экономической мощью сравниться съ чехами. Однако, не взирая на то, что украинцы остаются сельскимъ народомъ и медленно завоевываютъ себѣ почву, они все-же растутъ, и та ступень развитія, до которой они дошли въ дѣлѣ завоеванія позицій въ промышленной и экономической жизни, заслуживаетъ полнаго уваженія. Украинцы растутъ и укрѣпляются хотя и медленно, но твердо. Самопомощь и ассоціація являются главными рычагами ихъ силы. Они сумѣли умной и продуманной тактикой въ государственныхъ вопросахъ завоевать себѣ симпатіи рѣшающихъ круговъ и факторовъ.

30 лѣтъ назадъ поляки и Галиція было синонимомъ, такъ же какъ мадьяре и Угорщина. Маленькая горсточка украинцевъ въ парламентѣ была раздѣлена. Одна часть примыкала къ лѣвому центру графа Каронини, другая часть въ 5 человѣкъ составляла незначительный клубъ. Когда заговаривалъ старый Гофратъ-Ковальскій, совѣтникъ императорскаго двора, или О. Озаркевичъ, то къ ихъ рѣчамъ никто не прислушивался. Являлись они тогда quantité negligeable. Отъ имени края говорилъ только лишь польскій клубъ. То было время наибольшей славы польскаго коло, когда голова его совершенно справедливо говорилъ: „Когда я здѣсь говорю, то это говоритъ цѣлая польская делегація“.

Однако это прошло. Польскій клубъ уже не имѣетъ права говорить отъ имени края. Въ тотъ часъ, когда самое важное культурное требованіе украинцевъ—реформа избирательнаго права въ сеймѣ—будетъ осуществлено, они выступятъ на арену, какъ конкуренты поляковъ, и тогда политическая цѣнность поляковъ будетъ котироваться на политическомъ торгѣ значительно ниже“.

Такъ говоритъ по поводу остраго вопроса въ современной государственной жизни Австріи виднѣйшій нѣмецкій публицистъ, котораго отнюдь нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ украинцамъ и послѣдовательномъ демократизмѣ. Мысли, высказанныя Penizek'омъ, пріобрѣтаютъ особенное значеніе въ связи съ тѣми событіями и слухами, которые имѣютъ теперь мѣсто въ Австріи и въ частности въ Вѣнѣ. Какъ читатель знаетъ уже изъ газетныхъ свѣдѣній, украинскіе депутаты, не находящіе твердой поддержки требованіямъ

украинскаго народа и въ университетскомъ вопросѣ, и въ вопросѣ о реформѣ избирательнаго права, вотъ уже болѣе трехъ недѣль, ведутъ обструкцію въ парламентѣ, тормозя его текущую работу и въ частности утвержденіе новыхъ финансовыхъ законопроектовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Неуступчивость украинцевъ снова вызвала попытки переговоровъ съ ними и со стороны центральнаго правительства, и со стороны поляковъ. Всѣ переговоры, для участія въ которыхъ вызванъ въ Вѣну намѣстникъ Галиціи, разбились о неуступчивость польской стороны, и центральная власть очутилась въ тупикѣ. Какой выходъ она найдетъ изъ него,—пока судить трудно. Но нельзя не отмѣтить упорныхъ слуховъ, циркулирующихъ въ парламентскихъ кругахъ и ставшихъ уже достояніемъ гласности, о томъ, что новый галицкій сеймъ будетъ созванъ только для того, чтобы быть въ тотъ же день распущеннымъ. Вслѣдъ за роспускомъ сейма пріостановлено будетъ функціонированіе мѣстныхъ органовъ самоуправленія и произойдетъ передача управленія краемъ спеціальному военному комиссару съ широкими полномочіями. Рѣшится ли правительство на этотъ рискованный и чреватый послѣдствіями шагъ,—трудно сказать. Но такъ или иначе украинцы Австріи стоятъ въ данное время передъ событіями, исходъ которыхъ можетъ имѣть громадное значеніе для ихъ дальнѣйшаго развитія въ государствѣ.

І. П.

Украинцы въ Вѣнѣ.

Число украинцевъ въ Вѣнѣ не велико. Правда, на офиціальную статистику полагаться нельзя, такъ какъ въ основу ея былъ положенъ такой шаткій признакъ, какъ разговорный языкъ, а затѣмъ число всѣхъ славянъ вообще было искусственно уменьшено въ пользу нѣмецкаго элемента столицы; во всякомъ случаѣ число украинцевъ здѣсь не превосходитъ 4000. Масса украинскаго населенія Вѣны является элементомъ текучимъ: рабочіе приходятъ сюда главнымъ образомъ на заработки и рѣдко остаются навсегда въ Вѣнѣ; ремесленники, усовершенствовавшись въ своемъ ремеслѣ, также обыкновенно возвращаются домой; исключеніе составляютъ немногія единицы, обзаведшіяся въ Вѣнѣ семьей. Кромѣ того, въ Вѣнѣ находятся постоянно два полка, состоящіе почти исключительно изъ украинцевъ. Болѣе осѣдлымъ элементомъ являются здѣсь украинцы-чиновники, занятые въ правительственныхъ учрежденіяхъ и частныхъ предпріятіяхъ, и лица, занятыя такъ-называемыми либеральными профессіями (адвокаты, врачи и т. д.). Начинаютъ проникать украинцы и въ торговлю, такъ какъ украинскіе кооперативы („Союзъ для сбыта скота“, „Молочный союзъ“ и т. п.) съ каждымъ годомъ доставляютъ все болѣе продуктовъ скотоводства и земледѣлія на вѣнскій рынокъ и имѣютъ своихъ агентовъ, представителей и служащихъ въ Вѣнѣ.

Въ послѣдніе годы, особенно послѣ знаменитой сецессіи украинскаго студенчества изъ львовскаго университета, пріѣзжаетъ въ Вѣну много украинской молодежи, поступающей главнымъ образомъ въ университетъ и агрономическій институтъ. И не только болѣе зажиточныя семьи посылаютъ своихъ сыновей въ Вѣну, сюда пріѣзжаютъ часто и дѣти бѣдныхъ крестьянъ; многіе заботливые родители посылаютъ сыновей въ Вѣну между прочимъ и для того, чтобы держать ихъ вдали отъ такихъ опасныхъ

центровъ науки, какъ львовскій университетъ. Впрочемъ такая неумѣренная, хотя, можетъ быть, и вполнѣ понятная съ родительской точки зрѣнія, заботливость въ послѣдніе годы напряженной борьбы за львовскій университетъ начинаетъ встрѣчать сильное противодѣйствіе со стороны дѣтей, которыя смотрятъ на поступленіе именно во львовскій университетъ какъ на своего рода патріотическую обязанность. Нѣкоторые изъ моихъ коллегъ мотивировали этимъ въ прошломъ году свой переходъ во львовскій университетъ. Впрочемъ, для многихъ, особенно для медиковъ, вѣнскій университетъ является просто незамѣнимымъ научнымъ центромъ.

При сравненіи со студентами россійской Украины украинскіе студенты изъ Галиціи обнаруживаютъ много позитивныхъ качествъ, недостающихъ, къ сожалѣнію, первымъ; среди галичанъ я почти не встрѣчалъ людей „съ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ“, этотъ типъ, такъ любовно взращиваемый въ Россіи искусственною оторванностью человѣка отъ общества. Галицкое украинское студенчество въ значительной степени освобождено отъ смертныхъ грѣховъ, которыми надѣлило россійскихъ студентовъ отечественное дворянство. Соціальный инстинктъ среди украинской молодежи Галиціи, несомнѣнно, развитъ довольно сильно, но среди вѣнскихъ студентовъ-украинцевъ не слышно безконечныхъ теоретическихъ споровъ на темы о спасеніи человѣчества, хотя они и принимаютъ значительное участіе въ соціально-политической жизни своей страны; своею политическою и національною сознательностью украинское крестьянство Галиціи въ значительной степени обязано работѣ учащейся молодежи. И въ Вѣнѣ украинскіе студенты находятъ время заняться просвѣтительной работой и выступаютъ отъ времени до времени съ рефератами въ Обществахъ украинскихъ рабочихъ и служащихъ, о которыхъ подробнѣе буду говорить ниже. Главнымъ образомъ студенческими силами обслуживается и Общество украинской школы въ Вѣнѣ „Просвіта“.

Значительная часть украинскаго студенчества Вѣны сорганизована въ ферейнѣ „Січ“. Ферейнъ этотъ существуетъ уже много лѣтъ и имѣетъ свои традиціи. Членами его было немало украинцевъ, ставшихъ впослѣдствіи извѣстными общественными и политическими дѣятелями своего края. На ежегодное очередное общее собраніе „Січі“

являются обыкновенно и представители старшаго поколѣнія, иногда и нѣкоторые изъ депутатовъ парламента; и собраніе проходитъ обыкновенно довольно торжественно, съ привѣтственными рѣчами и т. д. На этомъ же собраніи выбирается обыкновенно и правленіе ферейна на цѣлый годъ. Ферейнъ, имѣющій собственное помѣщеніе съ библіотекою и читальнею, существуетъ почти исключительно на средства, образуемыя изъ небольшихъ, но обязательныхъ взносовъ членовъ ферейна. Здѣсь уже украинская молодежь пріучается быть членами націи, создавшей незначительными, но массовыми взносами національную школу и могучія кооперативныя организаціи. Самообразовательная дѣятельность ферейна сосредоточивается главнымъ образомъ въ секціяхъ, и рефераты по различнымъ, главнымъ образомъ соціально-политическимъ вопросамъ можно слышать въ помѣщеніи „Січі“ почти каждое воскресеніе. Главная же ея задача, это—служить мѣстомъ общенія украинскихъ студентовъ и доставлять имъ книги и газеты. Имѣется при „Січі“ и хоръ, выступающій обыкновенно на вечеринкѣ въ честь Шевченка и на другихъ національныхъ празднествахъ. Членами „Січі“ бываютъ обыкновенно и тѣ немногіе украинцы изъ россійской Украины, которыхъ судьба забрасываетъ въ Вѣну. Болѣе близкое знакомство украинскаго студенчества россійской Украины съ „Січю“ и другими студенческими организаціями Австріи было бы, конечно, весьма желательно, но, къ сожалѣнію, украинцы изъ Россіи проѣзжаютъ черезъ Вѣну обыкновенно лѣтомъ, во время каникулъ, когда вѣнская „Січ“ не фукціонируетъ.

Существуютъ въ Вѣнѣ и другія украинскія организаціи, между которыми особаго вниманія заслуживаетъ организація украинскихъ рабочихъ „Поступ“ (прогрессъ). Она между прочимъ иллюстрируетъ, какой сравнительно высокой самодѣятельности достигъ уже украинскій рабочій въ Австріи; къ тому же надо замѣтить, что украинскіе рабочіе принадлежатъ здѣсь къ низшимъ категоріямъ пролетаріата, занятымъ главнымъ образомъ въ мелкихъ предпріятіяхъ. Эти украинскіе рабочіе, разбросанные по всей Вѣнѣ, имѣютъ возможность лишь въ праздники сходиться въ помѣщеніи своей организаціи. Здѣсь можно видѣть иногда и украинцевъ въ австрійскихъ военныхъ мундирахъ, хотя посѣщеніе всякаго рода собраній, а особенно соціали-

стическихъ, солдатамъ строго запрещено, но желаніе побесѣдовать съ земляками и потанцовать съ землячками у многихъ оказывается сильнѣе запрещенія. Отъ времени до времени организація силами собственныхъ актеровъ-любителей ставитъ какую-либо небольшую пьесу; эти спектакли охотно посѣщаются рабочими и пополняютъ убогую кассу организаціи, давая ей возможность имѣть небольшую библіотечку и выписывать нѣсколько соціалъ-демократическихъ періодическихъ изданій. Первая часть воскреснаго вечера посвящается обыкновенно реферату кого-либо изъ членовъ „Поступа“ или студента-соціалиста, а затѣмъ слѣдуютъ танцы, пѣніе и товарищеская бесѣда за кружкою пива; причемъ слѣдуетъ замѣтить, что вторая часть вечера не менѣе способствуетъ объединенію рабочихъ, чѣмъ первая. Лѣтомъ вмѣсто вечернихъ воскресныхъ собраній организація устраиваетъ товарищескія прогулки, чаще всего на луговой берегъ Дуная, пользующіяся большою популярностью среди украинскихъ рабочихъ. Одною изъ интересныхъ особенностей „Поступа“ является то, что эта организація болѣе чѣмъ какая-либо иная украинская организація связана съ населеніемъ Вѣны. „Поступ“ принимаетъ посильное участіе и въ отдѣльныхъ выступленіяхъ вѣнскаго пролетаріата, какъ, напримѣръ, въ традиціонномъ демонстративномъ шествіи на могилы жертвъ мартовской революціи, и въ повседневной борьбѣ за лучшее будущее.

Въ непосредственной связи съ „Поступомъ“ стоитъ основавшаяся недавно организація молодыхъ украинскихъ рабочихъ,—учениковъ различныхъ ремесленныхъ предпріятій. Положеніе этихъ учениковъ у мастеровъ не всегда сносно, и одною изъ задачъ новой организаціи является защита и улучшеніе положенія ея членовъ. Кромѣ того, организація ставитъ себѣ цѣлью самообразованіе своихъ членовъ, и въ этомъ направленіи было уже сдѣлано въ прошломъ году сравнительно очень много однимъ изъ членовъ украинской соціалъ-демократіи при помощи ряда систематическихъ лекцій.

Есть въ Вѣнѣ еще одна организація, къ которой принадлежатъ украинскіе рабочіе, хотя и не съ такимъ однороднымъ складомъ членовъ, какъ „Поступ“. Называется эта организація „Родина“ (Семья). Можно въ ней встрѣтить и рабочаго, и горничную, и солдата, и мелкаго служащаго; одно время эта организація была ареною борьбы

буржуазно-клерикальныхъ и соціалистическихъ вліяній, но въ послѣднее же время эта борьба уступила мѣсто танцамъ, пѣнію, пиву и прочимъ веселымъ вещамъ.

Организація „Кружокъ земляковъ“ является мѣстомъ единенія людей, достигшихъ высокихъ степеней общественной іерархіи. Кружокъ этотъ имѣетъ болѣе декоративный, чѣмъ жизненный характеръ; верхи общества, вообще говоря, не созданы для организаціи, кромѣ того, въ Вѣнѣ, этомъ городѣ кафэ, достаточно мѣстъ единенія верховъ общества. Впрочемъ, въ случаяхъ, требующихъ декораціи и денежной помощи,—напримѣръ, на національныхъ праздникахъ,—„Кружокъ земляковъ“ выступаетъ вмѣстѣ съ прочими украинскими организаціями Вѣны.

Въ прошломъ году состоялось довольно торжественное открытіе вѣнскаго отдѣленія „Просвіти“. Предпріятіе это вызвало къ себѣ сочувствіе всѣхъ круговъ украинскаго общества въ Вѣнѣ, начиная съ депутатовъ парламента и кончая рабочими. „Просвіта“ уже озаботилась организовать небольшую школу для украинской дѣтворы. Впрочемъ, „Просвіта“ не ограничивается просвѣщеніемъ дѣтей, заботясь и о просвѣщеніи взрослыхъ. Эта заботливость о національной школѣ весьма характерна для австрійскихъ украинцевъ и является весьма отраднымъ показателемъ живучести украинскаго національнаго элемента.

Въ общемъ вѣнскіе украинцы чувствуютъ себя не болѣе заброшенными на чужбинѣ, чѣмъ украинцы въ Петербургѣ. Чувствуется, что украинцы здѣсь живутъ въ политическомъ центрѣ страны, въ управленіи которою и они имѣютъ голосъ, не являются заброшенными и не теряютъ связи съ роднымъ краемъ.

М. Данько.

„Сокращенное“ разоблаченіе украинства г-номъ Щеголевымъ.

Авторъ появившейся въ печати книги „Современное украинство, его происхожденіе, ростъ и задачи“ не является незнакомцемъ для читателей нашего журнала. Страницы „Украинской Жизни“ въ достаточной степени испещрены фамиліей г-на С. Щеголева. Съ научнымъ багажомъ этого эксперта по украинскимъ дѣламъ, съ ярко выраженными пріемами его въ области литературнаго подвижничества, направленнаго къ разоблаченію украинства, съ опредѣлившейся уже ролью этого профилактика въ борьбѣ съ украинскими бациллами достаточно познакомилъ читателей г. С. Ефремовъ (см. „Украинская Жизнь“, 1912, кн. 4, стр. 53—65, кн. 7—8, стр. 105—107; 1913 г., кн. I, стр. 97—98, кн. II, стр. 85—98). Затѣмъ, на основаніи ст. 12-й прилож. къ ст. 144-й Устава Цензурн., предсталъ предъ нами и самъ г. Щеголевъ, захотѣвшій завязать непосредственное знакомство съ аудиторіей „Украинской Жизни“ и выступившій съ опроверженіемъ статьи С. Ефремова.

Такимъ образомъ, г-на Щеголева всѣ мы знаемъ хорошо и „за глаза и въ глаза“. И если я собираюсь въ настоящей замѣткѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о новомъ литературномъ подвигѣ нашего общаго знакомаго, то единственно по той только причинѣ, чтобы многогранная литературная индивидуальность его предстала съ нѣсколько новыхъ сторонъ и выявила новыя черты, оставшіяся доселѣ мало оттѣненными. Онъ достоинъ этого—этотъ трудолюбивый „изслѣдователь“ украинства, этотъ „изыскаскатель“ профилактическихъ средствъ противъ него, эта неустающая рука, начертавшая: а) „прекрасный“ докладъ о дѣятельности кіевской „Просвіт'ы“, послѣдствіемъ коего было закрытіе ея, б) цѣлый рядъ статей въ „Кіевлянинѣ“, изобличающихъ украинство и призывающихъ кары на него, в) обширную монографію „Украинское движеніе, какъ

современный этапъ южно-русскаго сепаратизма", которую „Россія" назвала „прекрасной и богато снабженной документами", а фельетонистъ „Рѣчи", ознакомившись съ характеромъ сихъ документовъ,—„голубой книгой", предназначенной для теоретическаго и практическаго пособія для гг. жандармовъ, и г) наконецъ, рецензируемую нами книгу, къ которой можно примѣнить то же названіе, какое авторъ установилъ за „Украинскимъ движеніемъ, какъ современнымъ этапомъ южно-русскаго сепаратизма", согласившись съ С. Ефремовымъ, что названная книга его, пожалуй, и есть „доносъ", хотя и направленный къ русской читающей интеллигенціи.

Да не посѣтуетъ читатель на насъ за то, что мы въ настоящей замѣткѣ угостимъ его „порціей" г-на Щеголева: если достоинъ признанія трудъ пчелъ, собирающихъ медъ изъ цвѣтовъ, то нельзя отказать во вниманіи человѣку, ткущему съ упорствомъ и злымъ умысломъ паутину, въ которую попадетъ потомъ не одна легкомысленная муха.

Человѣку труда свойственна скромность. О ней говоритъ и г. Щеголевъ въ приложеніи къ своей особѣ: „Наше скромное желаніе заключается лишь въ томъ, чтобы поднять вопросъ объ истинной подоплекѣ украинскаго движенія". Но признаніе г. Щеголева не такъ ужъ отвѣчаетъ дѣйствительности: исполненіе желанія, осуществленіе его не такъ скромно и, въ сущности говоря, переходитъ всякія границы скромности. Прежде всего и главнѣе всего онъ литературно невоспитанъ—этотъ авторъ со „скромными желаніями". Онъ не обладаетъ ни тактомъ, ни безпристрастіемъ, ни умѣньемъ спокойно считаться съ неугодными ему фактами, ни объективно разбираться въ нихъ. Г-нъ Щеголевъ на протяженіи всей книги „сердится" и „ругается", вводя въ изложеніе недопустимые пріемы и методы борьбы со своими идейными противниками. Это тѣ же пріемы, которыми пользуются всѣ, кто, чувствуя шаткость занимаемой позиціи и безсиліе выдвигаемыхъ аргументовъ, связанное, какъ въ данномъ случаѣ, съ предвзятостью и нечистотою намѣреній, усиливаетъ свою аргументацію quasi-ироническими выпадами, „крѣпкими" словами, приписывая своимъ противникамъ чуждыя имъ цѣли и мысли и стремясь во-что бы то ни стало очернить, дискредитировать и набросить на нихъ возможныя и невозможныя тѣни подозрѣній. Вотъ эта черта является наиболѣе характерной для литератур-

наго облика г-на Щеголева. Отъ нея онъ не можетъ избавиться даже тогда, когда старается сохранить спокойствіе и безпристрастіе: „крѣпкія“ слова вылазятъ, какъ шило изъ мѣшка, на большинствѣ страницъ его книги, направленныя кажущимся остріемъ ироніи или чаще брани въ ненавидимое имъ украинское движеніе и его представителей.

Все, что есть испорченнаго, предвзятаго, деморализующаго въ общежитіи и человѣческихъ отношеніяхъ, всѣми этими пороками страдаютъ украинцы. И если вѣрить г-ну Щеголеву, то украинское общество—это какое-то вмѣстилище злыхъ умысловъ, порочности, нечистоплотности, а дѣятели его—какая-то банда подозрительныхъ людей, отъ которой надо сторониться подальше, какъ отъ заразы—чумы или проказы. Если т а к і е дѣятели создаютъ культуру, что это за культура? Конечно, всѣ созданія ея ничтожны, мизерны, лишены значительности. Бездарность царитъ, думаетъ г. Щеголевъ, среди украинцевъ: всѣ они, почти безъ исключеній, сѣры какъ кошки ночью и какъ кошки же обладаютъ пороками, свойственными испорченнымъ натурамъ. Извѣстно, кошки ласковы, кошекъ любятъ и ласкаютъ. Но довѣрять имъ не слѣдуетъ: онѣ хищны и испорчены. То же надо имѣть въ виду и по отношенію къ украинцамъ. Имъ сочувствуютъ, ихъ поддерживаютъ, ихъ скорбь и жалобы раздѣляютъ, но только потому, что доподлинно не знаютъ, что это за гуси. А не знаютъ потому, что въ познаніи украинства шли неправильными путями, нарочито спутанными самими украинцами. И вотъ для того, чтобы не заблудиться въ лабиринтахъ и „тайныхъ тропахъ“ украинскаго движенія, г-номъ Щеголевымъ изобрѣтается sui generis Bedekker съ описаніемъ какъ достопримѣчательныхъ мѣстъ („очаговъ заразы“) на Украинѣ, такъ и примѣчательныхъ своею зловредною дѣятельностью людей Украины.

Послѣдуемъ нѣкоторое время за этимъ путеводителемъ и будемъ нанизывать то своеобразное ожерелье, которымъ онъ обмоталъ украинство и его дѣятелей какъ въ исторіи, такъ и въ современности. Много труда ушло на нанизываніе этого ожерелья, но зато мы знаемъ теперь, что это за люди—эти украинцы. Со всѣхъ сторонъ разсмотрѣлъ ихъ г. Щеголевъ, и то, что до сихъ поръ было тайнымъ, сдѣлалось явнымъ, то, чего не могли распознать и оцѣнить люди науки и большихъ познаній,

отнынѣ достовѣрно установлено всезнающимъ, во все проникающимъ и всѣхъ и вся исправляющимъ Щеголевымъ.

Взять хотя бы Шевченка. Критика, и не только русская или украинская, а и нѣмецкая, признала за творчествомъ украинскаго поэта міровое значеніе. Щеголевъ съ этимъ не согласенъ: онъ, для котораго Шевченко является „пасквилянтомъ“ и „грязнымъ циникомъ“, утверждаетъ, что „Шевченко при сочиненіи тенденціозныхъ произведеній жилъ въ значительной степени чужимъ умомъ“. Жаль, что въ то время не было г-на Щеголева, у котораго Шевченко могъ бы позаимствовать то, чего ему не хватало! Кулишъ „дѣлалъ въ текстѣ думъ измѣненія, дополненія и цѣлыя вставки тенденціозно-политическаго характера“, а „въ своихъ литературно-историческихъ трудахъ позволялъ себѣ чисто политическіе пріемы“. „Руководящія статьи многоглаголиваго Кулиша дышали яркимъ обскурантизмомъ“. И объ этомъ говоритъ просвѣщенный Щеголевъ! Костомаровъ—„третій членъ Кирилло-Меѳодіевской троицы—былъ самымъ талантливымъ и наиболѣе порядочнымъ изъ всей этой компаніи“. Какова степень порядочности у Шевченка и Кулиша, Щеголевъ не говоритъ, но во всякомъ случаѣ таковую надо считать сомнительной.

Подъ бо́льшимъ сомнѣніемъ и подозрѣніемъ находится проф. М. Грушевскій. На протяженіи своей книги г. Щеголевъ неоднократно возвращается къ украинскому ученому, вѣшая на его шею, что называется, всѣхъ „мертвыхъ собакъ“, во многомъ его обвиняя, многое ему приписывая и во многомъ разоблачая.

Проф. Грушевскій, какъ извѣстно, написалъ многотомную исторію Украины (еще не законченную), научныя достоинства которой оцѣнены компетентными людьми. Со схемой этой исторіи считаются теперь русскіе профессора при чтеніи лекцій по русской исторіи. Академія наукъ въ Петербургѣ удостоила „Краткій очеркъ исторіи украинскаго народа“ проф. Грушевскаго Уваровской преміи, а харьковскій университетъ наградилъ украинскаго ученаго высшей научной степенью доктора русской исторіи honoris causa. Но развѣ это можетъ быть убѣдительнымъ въ глазахъ г-на Щеголева? До него вѣдь всѣ заблуждались, и онъ—единственный теперь, кто можетъ исправлять ошибки ученыхъ учрежденій. Такъ нѣкогда галерка одесской оперы, возмущенная высокой платой за входъ на гастроли Баттисти-

ни, исправляла „міровую ошибку“ и освистала его. Свищетъ по адресу проф. Грушевскаго и г. Щеголевъ: Грушевскій—„гастролеръ“, „морочитъ въ своихъ попыткахъ писать на „родномъ“ языкѣ не только читателей, но и себя вмѣстѣ съ ними“, „въ своихъ трудахъ не брезгаетъ прибѣгать къ некрасивымъ пріемамъ, именуемымъ подлогами“, причемъ „описываемые имъ факты и событія пріобрѣтаютъ очень часто характеръ фантазіи на историческія темы“. Иногда Щеголеву искренно жаль Грушевскаго, и въ такія минуты онъ говоритъ: „Въ смѣшное положеніе ставитъ себя человѣкъ, который съ великимъ трудолюбіемъ старается свить веревку изъ песку“, но зато въ другія минуты онъ можетъ повѣдать, что „изъ любезности къ нѣмцамъ и, быть можетъ, изъ благодарности къ Бисмарку за проектъ кіевскаго королевства профессоръ выпустилъ часть своего труда (по исторіи Украины) въ нѣмецкомъ переводѣ“. Приведенное объясненіе дѣлаетъ честь проникновенности автора въ научные замыслы украинскаго историка, но было бы тогда ужъ нелишнимъ и отвѣтить на слѣдующій вопросъ: не изъ благодарности ли къ Столыпину проф. Грушевскій выпустилъ на русскомъ языкѣ „Очеркъ исторіи украинскаго народа“ или здѣсь руководили имъ какія-нибудь другія, не менѣе злокозненныя и подозрительныя соображенія. Кстати объ этомъ очеркѣ. Щеголевъ не затрудняется оповѣстить читателей, что „большинство рецензентовъ „Очерка“ не находятъ возможнымъ согласиться съ выводами автора“. Вы, конечно, ищете подкрѣпленій и ссылокъ на это „большинство“. Ожидаете, что авторъ назоветъ его? Ничуть не бывало. „Большинство“ представлено однимъ рецензентомъ „Вѣстника Европы“, притомъ въ вопросахъ украинской исторіи не такъ уже авторитетнымъ. Читатель долженъ вообще вѣрить на-слово Щеголеву и отбросить, послѣ прочтенія его книги, не только всѣ сомнѣнія, но и то, что онъ зналъ за установленное. Вы до сихъ поръ, напр., были увѣрены, что академія наукъ является учрежденіемъ научно-компетентнымъ и что тамъ сидятъ люди, которыхъ въ научномъ легкомыслiи нельзя заподозрѣть. Оказывается, вы фатально заблуждались: въ высшемъ ученомъ учрежденіи Россіи членами состоятъ люди, которые иногда не знаютъ, что творятъ, такую околесину могутъ пустить, такой „удивительный“ и даже „апокрифическій“ документъ изготовить, который „по своей непродуманности или пристраст-

ности является сплошнымъ недоразумѣніемъ". Этотъ криминальный документъ—„Записка академіи наукъ объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова". Надъ составленіемъ ея долго работала спеціальная комиссія, въ составъ которой входили такіе спеціалисты-филологи, какъ Коршъ, Фортунатовъ, Шахматовъ,—все люди, чьи имена говорятъ нѣчто значительное, внушающее къ себѣ признаніе и уваженіе, а вотъ приходитъ со своей книжкой г. Щеголевъ и разоблачаетъ людей науки, людей съ европейскимъ именемъ, заявляя, что они отнеслись къ своей задачѣ легкомысленно, не продумали ея и получился одинъ конфузъ для академіи.

И Коршъ, и Фортунатовъ, и Шахматовъ натворили въ „Запискѣ" „филологическихъ красотъ", причемъ эти „филологическія красоты блѣднѣютъ передъ попыткой авторовъ ея сойти съ дороги умозаключеній и экспериментовъ", а „ученое учрежденіе (академія) наше открыло этотъ поистинѣ крестовый походъ противъ элементарной педагогики". Съ удалью джигита или кавалерійскаго юнкера скачетъ г. Щеголевъ по заглавіямъ научныхъ трудовъ, нѣсколькими фразами вскрывая „легкомысліе" академиковъ, несостоятельность тѣхъ выводовъ, къ которымъ они пришли въ итогѣ вдумчивой работы. И когда вы читаете эти выпады противъ авторитетныхъ ученыхъ, когда вы вчитываетесь въ этотъ гаерскій тонъ, которымъ насыщена книга, вамъ кажется, что слышите грозный окликъ лихача: „Сторонись! Ожгу!" А эта разудалость, это стремленіе „быть дерзкимъ и смѣлымъ" и нѣсколькими фразами сводить на-нѣтъ, къ res nulium признанныя научныя положенія и культурныя цѣнности, такъ ярко выражены, такъ послѣдовательно проведены, что вы недоумѣваете: имѣете ли дѣло съ авторомъ, не отдающимъ себѣ отчета въ томъ, что онъ пишетъ, или сознательно спекулирующимъ на неосвѣдомленность читателя.

Существовалъ, напр., журналъ „Кіевская Старина". За 25-лѣтнее существованіе этого изданія на страницахъ его было помѣщено много цѣннаго матеріала въ видѣ монографій, статей, изслѣдованій, замѣтокъ и документовъ по исторіи Украины, археологіи, этнографіи, литературы и т. д. Къ участію въ журналѣ привлечены были лучшіе знатоки въ вопросахъ украиновѣдѣнія. Ни одинъ изслѣдователь Украины и вообще юга Россіи не можетъ и понынѣ обой-

тись безъ книжекъ „Кіевской Старины“, причемъ для удобства пользованія разнообразнымъ матеріаломъ, помѣщеннымъ въ ней, составляются спеціальные указатели (полтавской архивной ученой комиссіей). И оказывается, что все это напрасно. По словамъ г. Щеголева, въ журналѣ только „иногда помѣщались весьма цѣнныя монографіи, но это лишь были оазисы среди тенденціозной украинофильской стряпни“. Пусть читатель вѣритъ на-слово въ подобной оцѣнкѣ журнала.

Далѣе, украинцы, добиваясь украинизаціи школы, подкрѣпляютъ это требованіе самой жизни между прочимъ ссылкой на авторитеты въ области педагогики. Въ числѣ другихъ называютъ и покойнаго харьковскаго профессора, крупнаго ученаго Потебню. Но кто такой, въ глазахъ г. Щеголева, Потебня? Правда, онъ былъ талантливый филологъ (этого не можетъ отрицать даже Щеголевъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принадлежалъ къ украинофиламъ: „Его нападки на русское преподаваніе въ южной школѣ, его проповѣдь замѣны этого преподаванія малорусскимъ вытекали главнымъ образомъ изъ ненависти къ „кацапамъ“, ну, а потомъ еще одинъ безподобный аргументъ, долженствующій вселить окончательное недовѣріе къ авторитету Потебни: „онъ воспитывался въ Польшѣ, а его братъ участвовалъ въ польскомъ мятежѣ“. Эта аргументація мало чѣмъ различается отъ той, къ которой прибѣгаютъ торговки на базарѣ: „я ее знаю, у нея и отецъ такой же, и братъ мошенникъ, и мать куръ крала!“.

Ссылаются украинцы и на Ушинскаго, и на Весселя. Но и здѣсь „не трудно убѣдиться, что такія ссылки—облыжны“. И главнымъ образомъ потому, что Ушинскій и Вессель, если бы знали, что „малорусская литература станетъ рядиться въ платье жаргонно-польскаго фасона“, они никогда бы не высказывались за введеніе украинскаго языка въ народную школу. Они, бѣдные, не подозрѣвали, какое употребленіе сдѣлаютъ изъ ихъ словъ украинцы, и, конечно, тѣмъ хуже, такъ сказать, для нихъ, что у нихъ не стало догадливости для такой, казалось бы, незамысловатой задачи. Да, если бы люди знали раньше, что ножемъ будутъ рѣзать пальцы, они никогда бы не додумались до изобрѣтенія ножа!

Человѣкъ всестороннихъ знаній, чувствующій себя вездѣ дома, всюду своимъ человѣкомъ, разоблачающій из-

вѣстныхъ филологовъ, исправляющій ошибки историковъ, толкующій по-своему педагоговъ, Щеголевъ оказывается знатокомъ и въ области статистики. Да еще какимъ! Онъ умѣетъ не только дѣлать подсчеты по всѣмъ правиламъ ариѳметики, но и говорить о методѣ въ статистикѣ и противопоставлять испытанному и общепринятому свой собственный, до котораго, подобно гоголевскому персонажу, „своимъ умомъ“ дошелъ. Общая перепись 1897 г. и земскія изслѣдованія установили, что процентъ грамотности на Украинѣ низокъ, а украинцы объясняютъ это явленіе въ значительной степени тѣмъ, что обученіе на Украинѣ въ народной школѣ ведется на чуждомъ для пониманія учащихся языкѣ. Все это—„подтасовка статистики“,—заявляетъ Щеголевъ,—объясняемая попросту тѣмъ, что украинцы „любятъ дѣлать изъ мухи большущаго слона“ и пользуются обслѣдованіями статистиковъ юга, которыя непригодны въ качествѣ матеріала для выводовъ по сравнительному методу. Щеголевъ изобрѣтаетъ свою колонку цифръ, которая должна разрушить всѣ работы и всѣ статистическіе итоги всѣхъ статистиковъ юга!

Возвратимся къ украинцамъ: они не только „изъ мухи любятъ дѣлать большущаго слона“, но и вообще народъ подозрительный.

„Я ихъ знаю всѣхъ,—освѣдомляетъ Собакевичъ Чичикова,—это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ—прокуроръ, да и тотъ, если правду сказать, свинья“.

Приблизительно въ такомъ же духѣ аттестуетъ г. Щеголевъ украинцевъ, съ тою только разницей, что аттестація его не лишена поэтическихъ вымысловъ и сравненій, заимствуемыхъ по преимуществу изъ міра животныхъ, пернатыхъ, гадовъ и насѣкомыхъ. Вотъ, напр., описаніе превращеній украинскихъ изданій: „Съ 1907 г. въ Кіевѣ издавалась соц.-дем. гусеница „Слово“, изъ нея вышла, подъ опекой М. Грушевскаго, куколка „Село“, переименованная въ „Засів“; въ нынѣшнемъ году изъ куколки вылетѣлъ ежемѣсячный мотылекъ „Дзвін“. Чѣмъ не живописаніе и не въ правѣ ли мы пожалѣть о томъ, что талантъ публициста убиваетъ у Щеголева талантъ поэта, такъ прекрасно оперирующаго образами изъ міра насѣкомыхъ! Порою украин-

цы изъ міра насѣкомыхъ переносятся въ міръ животныхъ и гадовъ, и тогда они, по описанію автора, „хотятъ изъ лягушки раздуться въ быка“. Безполезное занятіе: какъ ни дулись, до быка не раздулись, но въ процессѣ этого своеобразнаго занятія натворили Богъ знаетъ какихъ дѣлъ. Начали съ того, что создали „кованный языкъ“. Конечно, отъ рожденія, а можетъ быть и зачатія своего онъ былъ „дикимъ и произвольнымъ“ и страдалъ „врожденными пороками“,—словомъ, какъ преступникъ по теоріи Ломброзо. Создавъ языкъ, украинцы начали писать на немъ,—само собой понятно, что ничего путнаго не могли написать. Но возмутительнѣе всего то, что они стали вскорѣ пользоваться этимъ языкомъ для переводовъ съ русскаго языка. Указанное обстоятельство, по мнѣнію Щеголева, свидѣтельствовало о крайней наглости украинцевъ („наглость горе-культурниковъ дошла до того, что появились даже переводы съ русскаго языка“). Затѣмъ создали прессу, литературу, научную и популярную, причемъ, не говоря уже о первой, послѣдняя вся, за рѣдкими исключеніями, проникнута „тенденціями пламеннаго сепаратизма“ и исковеркана „тенденціозно-фонетической орѳографіей“. А создавая прессу и литературу, потеряли обликъ человѣческій, стали какъ бы жить въ области галлюцинацій, призраковъ, вообще въ мірѣ фантастики и въ то же время заниматься неблаговидными дѣлами уголовнаго свойства, какъ, напр., плагіаты, подлоги и т. д.

Въ мірѣ призраковъ живетъ популярный журналъ „Маякъ“. Само названіе его, по толкованію Щеголева, „соотвѣтствуетъ не реальному сооруженію, красующемуся на обложкѣ, а понятію призракъ“. „Все въ этомъ журналѣ призрачно“: и статьи, и задачи. Только сотрудники порою бываютъ вполнѣ реальны: когда они перестаютъ быть лунатиками и спускаются на грѣшную землю,—о, тогда они показываютъ себя, на что пригодны. Они вѣдь способны „заниматься плагіатами“ и выдавать русскія пословицы за украинскія.

Одни живутъ въ мірѣ призраковъ, другіе страдаютъ неизлѣчимыми болѣзнями. Таковъ нашъ журналъ, „страдающій отъ рожденія своего рода національнымъ дальтонизмомъ и притомъ, повидимому, въ неизлѣчимой формѣ“, а въ дополненіе къ этому органическому недостатку заболѣвшій еще одной страшной болѣзнью—„расовой слѣпотой“.

Но и больной и неизлѣчимый нашъ журналъ, оказывается, можетъ увеселять пернатыхъ и помѣщать статьи „курамъ на смѣхъ".

Третьи, напр., „Літер.-Наук. Вістник", — „левіафанъ украинской журналистики",—страдаетъ нечистоплотностью и сомнительной этикой, въ послѣднее время пустился даже, „на шантажъ". Четвертые въ своей дѣятельности исходятъ „изъ преступнаго положенія" („Світло", „Молода Украина") и „толкаютъ на путь подпольнаго служенія антигосударственной культуры". Пятые—какіе-то просто чудаки: „кохаются въ штукѣ", т. е., по неподражаемому объясненію Щеголева, обѣщаютъ „нарядить древне-греческихъ музъ въ плахты и запаски". Словомъ, съ одной стороны клиника, съ другой стороны—чуть не острогъ съ ихъ обитателями! Роль прокурора выпала на долю „Рідного Краю" и марксистскаго „Дзвіна".

Если больна пресса, поражена литература, то такъ же безнадежны и украинскіе ученые, журналисты, писатели, нѣтъ ничего здороваго, естественнаго и въ томъ дѣлѣ, которое они созидаютъ и къ созданію котораго привлекаютъ все новыя и новыя силы. А если дѣло будетъ развиваться безъ препятствій, то зараза поразитъ весь югъ Россіи и, быть-можетъ, будутъ каяться, что проглядѣли эту эпидемію, да только поздно будетъ. Объ этомъ вѣдь надо подумать, надо вникнуть, а вникнувъ—пресѣчь. Правда, и раньше г. Щеголева обо всемъ этомъ и думали, и вникали, и, какъ могли только, пресѣкали: мы вѣдь и до сихъ поръ помнимъ незабвенный указъ 1876 г. и рядъ другихъ распоряженій государственныхъ мудрецовъ въ духѣ Валуева, пытавшихся заморозить и пресѣчь живое дѣло возрожденія нашего народа. Мы помнимъ это и осуждаемъ. На минуту нашимъ единомышленникомъ оказывается и г. Щеголевъ; онъ тоже осуждаетъ, но только по другимъ соображеніямъ: не за антигосударственную систему запрещеній по отношенію къ украинскому слову, а за непослѣдовательное проведеніе ея. Такъ и теперь, въ наши времена, старый крѣпостникъ осуждаетъ правительство за освобожденіе крестьянъ, такъ и теперь еще мы слышимъ рѣчи „зубровъ" на съѣздахъ объединеннаго дворянства съ призывами къ старому-доброму времени и осужденіемъ новыхъ порядковъ. Г-нъ Щеголевъ, имѣющій въ этомъ отношеніи много общаго съ психологіей „зубра", думаетъ, что былое не уте-

ряно, погребенное можно вызвать къ жизни, а допущенныя правительствомъ ошибки—исправить въ духѣ 1876 г. Но въ то же время онъ знаетъ и о томъ, что повторенія экспериментовъ 1876 г. въ наше время немыслимы безъ санкціи законодательныхъ учрежденій и общественнаго мнѣнія. И вотъ для того, чтобы уменьшить, ослабить, отравить и обезсилить силу новыхъ факторовъ общественной и государственной жизни нашего времени, мы—гг. Щеголевы—начинаемъ агитировать ихъ и изготовлять спеціальные источники для ознакомленія съ порочнымъ украинствомъ, долженствующіе открыть всему русскому міру, какую змѣю, какую гангрену онъ грѣетъ у себя на груди, съ преступнымъ попустительствомъ относясь къ украинству. Оно имѣло ореолъ, къ нему наклеили ярлыки, къ которымъ такъ падко общество. Долой ихъ! Надо рвать и разоблачать это „панургово стадо“, это „черное гнѣздо пришельцевъ съ запада“, „одурманивающихъ темный людъ лжепросвѣщеніемъ и лжепророчествами“. И вотъ Щеголевъ „разоблачаетъ“.

Говорятъ, украинство демократично и радикально. Но „высокопробность соціальнаго радикализма“ въ украинской программѣ сомнительна. Г. Щеголевъ убійственно для украинцевъ доказываетъ это ссылкой на стихотвореніе въ одномъ украинскомъ изданіи: „стихотвореніе съ далеко не соціалистическими лозунгами“.

Въ украинскомъ движеніи движущимъ факторомъ является стремленіе къ культурѣ? Разсказывайте: „если бы украинофиламъ дали волю хозяйничать въ краѣ или оказали бы поддержку и помощь ихъ начинаніямъ... то такое хозяйничанье задержало бы на цѣлыя десятилѣтія культурно-экономическое развитіе южной Россіи“, а сами бы украинофилы уподобились и евангельскому рабу, зарывшему свой талантъ въ землю, и старообрядцамъ, „которые согласны молиться лишь предъ иконами стариннаго образца“ и играли бы роль... „шкловскихъ евреевъ, соперничавшихъ еще недавно другъ предъ другомъ въ отращиваніи классическихъ „пейсовъ“.

Украинство—стихійно? Все это „беззастѣнчивое надувательство“,—заявляетъ Щеголевъ. Украинство, по его объясненію, „уже потому не можетъ претендовать на стихійность, что оно вовсе не демократично“. Правда, по словамъ его же, выходитъ, что „сознательная украинская интел-

лигенція дѣйствительно всегда льнула къ народнымъ массамъ, но это не дѣлаетъ ея истинно-демократичной: интеллигенція только ухаживала за народными массами, а такое ухаживаніе не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ демократизмомъ". Это говоритъ г. Щеголевъ, требующій бараньяго рога для украинства и въ то же время обнаруживающій склонность стать на одну точку зрѣнія съ ортодоксальнымъ марксистомъ. Какая гибкость и эластичность тамъ, гдѣ эта классовая точка зрѣнія удобна для цѣлей, отъ которыхъ съ ужасомъ и негодованіемъ отвернется марксистъ! Но г. Щеголевъ можетъ вѣдь стать на какую угодно точку зрѣнія въ украинскомъ вопросѣ, все равно высказываетъ ли ее Столыпинъ, Струве, Погодинъ, вшехполякъ Равита-Гавронскій, марксистъ, радикалъ, обыватель просто или полицейскій околоточный: онъ можетъ съ кѣмъ угодно побрататься и очутиться на-время въ любомъ лагерѣ, лишь бы изъ этого лагеря удобно было обстрѣливать ненавистное ему украинское движеніе. „Все должно служить человѣку"!—Ибо „человѣкъ все можетъ". И это „всемогущество" человѣка г. Щеголевъ иллюстрируетъ на примѣрѣ разоблаченія имъ украинства. Онъ къ указаннымъ нами выше порокамъ украинства прибавляетъ новые, причемъ и здѣсь методъ разоблаченія остается прежній: украинство: 1) обскурантно, 2) некультурно, 3) лжестихійно, 4) лжефедеративно, 5) лжепрогрессивно, 6) насквозь проникнуто руссофобствомъ и потому страдаетъ изувѣрствомъ, 7) поддерживается „прусскими марками", 8) и въ то же время насыщено полонофильствомъ, сопровождаемымъ „лакейскою угодливостью и предложеніемъ маклерскихъ услугъ". Всѣ эти разоблаченія и многія другія, для перечисленія которыхъ у насъ не станетъ мѣста, должны открыть украинство въ его подлинномъ видѣ и сплотить противъ него всѣхъ друзей русской культуры. Одинъ изъ этихъ „друзей", самъ г. Щеголевъ, въ одномъ мѣстѣ своей книжки какъ-то обмолвился умнымъ словомъ: „русская культура лучше пушекъ и штыковъ охраняетъ цѣлость государства". Но потомъ унизилъ ее и опошлилъ, низведя до того уровня, на которомъ она уже не въ состояніи безъ помощи „пушекъ и штыковъ" справиться на Украинѣ со своимъ молодымъ конкуррентомъ. Во имя ея, этой сильной культуры, давшей міру Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, выдвинувшей въ ряды великихъ борцовъ культу-

ры Герцена, знающей своихъ подвижниковъ и мучениковъ, г-нъ Щеголевъ требуетъ драконовскихъ мѣръ противъ молодой украинской культуры, мотивируя свой походъ противъ нея слѣдующими словами: „Ограничиваться идейной борьбой (съ украинствомъ) мы не въ правѣ, чтобы не уподобиться повару изъ крыловской басни". Какимъ надо быть поистинѣ некультурнымъ, чтобы, прячась за басенную метафору, оправдывать тѣ „штыки и пушки", къ литью и ковкѣ которыхъ призывается русское общество и правительство! Я не знаю, быть можетъ, и здѣсь г. Щеголевъ несетъ свое „новое слово" и уничтожаетъ установившіяся понятія культурнаго обихода, какъ уничтожилъ онъ однимъ росчеркомъ пера, сопровождаемымъ бранью и неправдой, все, что до сихъ поръ было создано и нынѣ создается украинскимъ національнымъ движеніемъ. Но я смѣю надѣяться, что по отношенію къ друзьямъ русской культуры типа г. Щеголева вполнѣ примѣнимы слова: „Избави насъ, Господи, отъ друзей, а съ врагами я сама сумѣю справиться".

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ мѣстахъ книги „защитника" русской культуры, гдѣ онъ, во имя послѣдней, призываетъ къ насилію надъ нами и къ подавленію всѣми мѣрами (слѣдуетъ подробный перечень ихъ), какими располагаетъ государство и общество, самосознанія украинскаго народа и его культурнаго творчества. Хотя эти страницы, пожалуй, наиболѣе цѣнны въ изслѣдованіи г-на Щеголева, наиболѣе характерны для его общественнаго облика, но читатель не посѣтуетъ на насъ за то, что мы не познакомимъ его детально съ этимъ перечнемъ драконовскихъ мѣръ по отношенію къ украинцамъ: слишкомъ ужъ стыдно дѣлается за автора, когда читаешь подобное изложеніе, и просто не хочется передавать читателю той брезгливости, когда знакомишься съ реляціями о „желѣзной рукѣ закона", долженствующей карать плоды и начинанія украинскихъ культурныхъ устремленій.

Нѣтъ точно также и никакого смысла вступать по поводу этихъ проектовъ обузданія украинства въ полемику съ авторомъ ихъ: здѣсь нельзя найти ни общаго языка, ни общихъ исходныхъ положеній, обязательныхъ для спорящихъ. Тѣмъ болѣе, что, говоря по сути дѣла, вся такъ-называемая теоретическая часть изслѣдованія г-на Щеголева, всѣ разоблаченія украинства въ его различныхъ проявленіяхъ и видахъ притянуты за волосы къ заключитель-

ной части книги. Послѣдняя ничуть не проиграла, а, наоборотъ, выиграла бы въ смыслѣ опредѣленности и сжатости, если бы авторъ ограничился только изложеніемъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ, необходимыхъ для подавленія украинства, съ приложеніемъ къ этому изложенію подробнаго справочника, наподобіе адресъ-календаря, о мѣсторожденіяхъ украинской заразы и лицахъ, виновныхъ въ ея распространеніи по югу Россіи. Въ такомъ видѣ трудъ г-на Щеголева имѣлъ бы, пожалуй, большій успѣхъ въ нѣкоторыхъ кругахъ и создалъ бы славу автору его, подобную той, какую имѣютъ иные отставные генералъ-майоры или статскіе совѣтники не у дѣлъ, занимающіеся надосугѣ изготовленіемъ проектовъ о спасеніи Россіи. Будемъ надѣяться, что, сокращая свой трудъ по украинскому движенію въ третій разъ, г-нъ Щеголевъ и остановится на предлагаемыхъ границахъ сокращенія и этимъ избавитъ себя отъ тѣхъ эпитетовъ, которые нельзя признать особенно лестными и которые не могутъ не быть приложимы по отношенію къ автору, вносящему въ литературу пріемы, чуждые ей и потому непріемлемые для нея. Не считая возможнымъ входить, по приведеннымъ выше мотивамъ, въ полемику съ г-номъ Щеголевымъ по существу вопроса и считая также излишнимъ опровергать навѣты и измышленія его по адресу украинства, мы ограничили свою задачу лишь изложеніемъ нѣкоторыхъ информаціонныхъ моментовъ книги автора. Тонъ, форма этихъ информацій безусловно ярко выражены, и изъ любой страницы вы можете набрать цѣлый букетъ своеобразныхъ литературныхъ цвѣтовъ съ неповторяемымъ и неподражаемымъ запахомъ.

Автору этихъ строкъ приходилось слышать, что книгѣ г-на Щеголева суждено сыграть нѣкоторую новую роль въ усиленіи репрессій по отношенію къ украинскому движенію, что на эту книгу уже обращено вниманіе со стороны вліятельныхъ по нынѣшнимъ націоналистическимъ временамъ сферъ и лицъ. Быть можетъ, эти опасенія и слухи и имѣютъ подъ собою почву, быть можетъ, суровая дѣйствительность и грозитъ намъ новыми экспериментами и репрессіями. Но достичь своей цѣли, той, къ которой стремится авторъ книги, они не въ силахъ. Украинству не стать привыкать къ репрессіямъ: онѣ закалили его, создали въ немъ уже значительную отпорную силу и гибкость, съ по-

мощью которыхъ новыя попытки шумящаго, свистящаго и воинствующаго русскаго національнзма могутъ быть нами перенесены безъ особаго ущерба для развитія нашего національнаго движенія. Наоборотъ, намъ кажется, что появленіе такихъ книгъ, какъ данная, свидѣтельствуетъ о безсиліи нашихъ „идейныхъ“ противниковъ; исчерпавъ въ борьбѣ съ нами убогіе, „идейные аргументы“, они судорожно хватаются за „желѣзную руку закона“, и подъ звуки брани и шума, сердитаго окрика и ироническихъ возгласовъ пытаются остановить всѣми мѣрами то, что стихійно движется и стихійно же смететъ со своего пути всѣ загражденія, изготовляемыя руками г-дъ Щеголевыхъ. Ибо правду говоритъ въ заключеніи своей книги авторъ ея: „Смѣется море надъ утлыми загражденіями рукъ человѣческихъ, а гладкіе валуны хлопотливо шумятъ“.

С. Петлюра.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Проф. М. С. Грушевскій и «Наукове т-во ім. Т. Шевченка». Проф. М. С. Грушевскій, стоявшій въ теченіе 15 лѣтъ во главѣ «Науковаго товариства імени Т. Шевченка» во Львовѣ, отказался, какъ сообщаетъ украинская пресса, отъ должности предсѣдателя этого О-ва. Нельзя, конечно, думать, чтобы этотъ отказъ знаменовалъ отстраненіе проф. Грушевскаго отъ дальнѣйшей дѣятельности въ О-вѣ, которое можно считать созданнымъ его неустанной энергіей и дѣятельностью.. До 1894 г., когда проф. Грушевскій переѣхалъ изъ Украины въ Галичину, О-во дѣйствовало, выпуская едва по одному тому своихъ «Записокъ» въ годъ, имѣло весьма ограниченный бюджетъ. Теперь, послѣ 15-лѣтняго предсѣдательствованія проф. Грушевскаго, оно выпускаетъ десятки томовъ различнаго рода научныхъ изданій, обладаетъ прекрасной библіотекой и музеемъ, обмѣнивается своими изданіями съ сотнями ученыхъ учрежденій міра, раздаетъ стипендіи, устраиваетъ научныя экскурсіи; бюджетъ О-ва превышаетъ теперь сто тысячъ кронъ; О-во владѣетъ собственными домами. Если О-во и не получило до сихъ поръ офиціальнаго названія академіи наукъ, то фактически оно превратилось въ таковую, а по интенсивности своей дѣятельности оставляетъ позади себя цѣлый рядъ славянскихъ ученыхъ учрежденій, получившихъ офиціально это почетное названіе.

Къ упорядоченію могилы Шевченка. Въ засѣданіи каневскаго земскаго собранія 22-го октября разсматривался докладъ управы объ ассигнованіи 1000 руб. на упорядоченіе могилы Шевченка. Докладъ, подписанный предсѣдателемъ управы Беренговичемъ-Борщомъ и членомъ управы В. Гущенкомъ, констатируетъ, что «едва ли есть гдѣ-либо другая могила, настолько близкая населенію нашего уѣзда и нашего края, хранящая въ себѣ останки человѣка, который посвятилъ всю свою жизнь на службу родной землѣ, положилъ на алтарь ея свои лучшія способности и въ пѣсняхъ братской любви, общественной скорби и гнѣва выявилъ духовную мощь и красу нашего народа». Далѣе въ докладѣ указывается на примѣръ кіевскаго городского управленія и земствъ Полтавской губерніи,—золотоношскаго и др.,—принявшихъ дѣятельное участіе въ собираніи пожертвованій на памятникъ Т. Шевченку въ Кіевѣ и сдѣлавшихъ пожертвованія на поддержаніе могилы, и на то, что каневское земство, сдѣ-

лавшее пожертвованіе на памятникъ Гончарову, тѣмъ болѣе должно принять на себя заботы о могилѣ Шевченка, какъ болѣе близкой, болѣе дорогой, болѣе понятной для мѣстнаго населенія. А такъ какъ испрашиваемой ассигновки въ 1000 руб. не хватитъ на всѣ работы по приведенію могилы въ порядокъ, то докладъ проситъ собраніе уполномочить управу обратиться циркулярно ко всѣмъ земскимъ и городскимъ управленіямъ юга Россіи съ просьбой принять участіе въ упорядоченіи могилы.

Противъ доклада яростно возсталъ предсѣдатель кіевскаго губернскаго земства М. А. Суковкинъ. Онъ находилъ, что приведеніе въ порядокъ могилы Шевченка—не дѣло земства. Для этого-де въ Кіевѣ есть В. П. Науменко, который якобы имѣетъ такую сильную организацію, что, стоитъ ему пожелать, и денегъ явится больше, чѣмъ надо. (Это, очевидно, намекъ на неосуществившееся вслѣдствіе административнаго запрета Общество надзора за могилой Шевченка). Далѣе г. Суковкинъ говорилъ о томъ, что и памятника Шевченку въ Кіевѣ не будетъ, такъ какъ, молъ, «возникли большія тренія»...

Докладъ защищали вмѣстѣ съ представителями управы Н. Ф. Бѣляшевскій и Ю. А. Кистяковскій, указавшіе, что въ 100-лѣтній юбилей Шевченка на могилу соберется много народу, и земству будетъ стыдно, когда всѣ увидятъ, какъ небрежно охраняется отъ разрушенія могила великаго поэта.

Собраніе, большинствомъ всѣхъ, противъ шести, ассигновало на упорядоченіе могилы 1000 руб., отклонивъ, однако, предложеніе обратиться за помощью къ другимъ земствамъ и городамъ.

Харьковская городская дума о памятникѣ Н. В. Лысенку. Въ октябрѣ въ харьковской городской думѣ поднятъ былъ вопросъ по поводу состоявшагося постановленія думы о постановкѣ въ Харьковѣ памятника Н. В. Лысенку. Членъ Госуд. Совѣта фонъ-Дитмаръ подалъ 15-го октября заявленіе о томъ, что дѣло постановки памятника надо отложить въ виду неясности для многихъ гласныхъ значенія Н. В. Лысенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ фонъ-Дитмаръ указывалъ въ заявленіи, что необходимо въ 1914 году чѣмъ-нибудь почтить столѣтіе со дня рожденія Лермонтова. Въ засѣданіи думы выступилъ съ протестомъ противъ предложенія фонъ-Дитмара Н. И. Михновскій, произнесшій горячую рѣчь.

«Фонъ-Дитмаръ говоритъ: или Лермонтовъ, или Лысенко. А я скажу: и Лысенко, и Лермонтовъ. Нельзя заставлять покойниковъ соперничать между собой, потому что за ними могутъ встать живые люди. Гл. фонъ-Дитмаръ говоритъ, что дума не была подготовлена къ разрѣшенію вопроса о памятникѣ Лысенку. Но вѣдь думѣ былъ представленъ докладъ, и вопросъ прошелъ черезъ школьную и другія комиссіи. Гл. фонъ-Дитмаръ желаетъ знать мнѣніе спеціалистовъ о значеніи Лысенка, такъ вотъ: Чайковскій назвалъ его оперу «Тарасъ Бульба» шедевромъ. Фонъ-Дитмаръ хочетъ знать, какое мѣсто занимаетъ Лысенко въ русскомъ пантеонѣ искусства въ сравненіи съ Глинкой, Даргомыжскимъ и др. Противъ такого пріема Михнов-

скій протестовалъ, такъ какъ тогда можно было бы спросить: а чего стоитъ Глинка и другіе композиторы, заслужившіе уже себѣ памятники, по сравненію съ Бетховеномъ и Моцартомъ? Для насъ Лысенко имѣетъ значеніе не только тѣмъ, что онъ внесъ въ міровую сокровищницу искусства, но и тѣмъ, что онъ выявилъ душу народную, собралъ всѣ созданія музыкальнаго народнаго творчества. Какое мѣсто занимаетъ Шевченко въ русской литературѣ? Но онъ былъ великъ какъ украинскій геній. Очевидно, что для фонъ-Дитмара наибольшее значеніе имѣютъ какіе-то его посторонніе мотивы».

Въ своемъ отвѣтѣ фонъ-Дитмаръ говорилъ уже о томъ, что значеніе Лысенка не выяснено собственно въ русской музыкѣ. Словъ Михновскаго, что Лысенко выявилъ душу «какого-то своего народа» (Михновскій: «Украинскаго!»), фонъ-Дитмаръ не понимаетъ: «существуетъ единый русскій народъ, общая семья изъ великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго племени, а потому для него имѣетъ значеніе только общій пантеонъ литературы и искусства».

Михновскій встаетъ и говоритъ:

— Позвольте мнѣ отмѣтить, что гл. фонъ-Дитмаръ, членъ Государственнаго Совѣта, не знаетъ о существованіи 27-милліоннаго украинскаго народа, живущаго на Украинѣ...

— Я живу въ Россіи, а не въ Украинѣ,—отвѣчаетъ фонъ-Дитмаръ.

Гл. А. А. Поддубный предлагаетъ не измѣнять постановленія думы о памятникѣ Лысенку, а гл. фонъ-Дитмару рекомендовать познакомиться съ произведеніями Лысенка. Предсѣдатель отказывается ставить предложеніе на баллотировку, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ личный элементъ. Начинаются пререканія. Въ концѣ-концовъ дума рѣшила, что никакихъ новыхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе коихъ надлежало бы пересмотрѣть постановленіе о памятникѣ Лысенку, не имѣется. Такимъ образомъ, постановленіе это осталось въ силѣ.

Администрація и украинство. Полтавскій губернаторъ не разрѣшилъ секретарю лубенскаго сел.-хоз. О-ва агроному Гавсевичу открыть въ Лубнахъ украинскій книжный магазинъ. Причины неизвѣстны.

— Въ Каменецъ-Подольскѣ «Просвіт'ѣ» запрещено устройство хоровыхъ спѣвокъ. На одной изъ вечеринокъ «Просвіт'ы» полицеймейстеръ запретилъ исполненіе совершенно невинной народной пѣсни «Комy воля, а комy неволя».

— Золотоношскому о-ву изящныхъ искусствъ полтавскимъ губернаторомъ не разрѣшено устройство публичной лекціи о Шевченкѣ.

— Одесской администраціей запрещена одесскому украинскому клубу «Украінська Хата» лекція д-ра Луценко и декламація. Правленіе клуба постановило обжаловать запретъ въ сенатъ. Д-ръ Луценко объяснялся по поводу запрета съ градоначальникомъ, который сказалъ, что съ декламаціей произошла ошибка, что же касается лекцій и рефератовъ, то онъ можетъ

разрѣшить ихъ лишь для членовъ клуба въ закрытыхъ засѣданіяхъ.

— Въ Вильнѣ полицеймейстеръ въ афишѣ украинской труппы Гайдамаки вычеркнулъ слово «украинская» и написалъ «малороссійская» на томъ основаніи, что-де «въ Россіи нѣтъ Украины. Это тамъ, во Львовѣ, украинцы, а тутъ малороссы».

— Въ с. Яланкѣ Подольской губ., полиція заставила мѣстное кредитное товарищество снять вывѣску, на которой помѣщена была надпись на украинскомъ языкѣ: «Єднаймося, братаймося в товариство чесне».

Украинскій языкъ. Въ засѣданіи роменскаго земства (Полтавской губ.), гласный Викторъ-Берченко поднялъ походъ противъ выписки земствомъ книгъ и брошюръ «на непонятномъ галицкомъ языкѣ» и противъ чтенія агрономами и инструкторами лекцій по-украински. Собраніе, однако, не согласилось съ г. Викторъ-Берченкомъ и постановило выписывать книги и брошюры на мѣстномъ украинскомъ языкѣ, а также чтобы агрономы и инструкторы читали свои лекціи «на удобопонятномъ языкѣ». На вопросъ гласнаго изъ крестьянъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ «удобопонятнымъ языкомъ», ему было разъяснено, что это значитъ языкъ украинскій.

Неразрѣшеніе «Просвіт». Екатеринославское губернское по дѣламъ объ Обществахъ присутствіе отказало «Просвіт'ѣ» въ Екатеринославѣ въ регистраціи филій этого О-ва въ селеніяхъ Каменка, Одинцовка, Чапли и Сурско-Михайловкѣ.

Выставка картинъ украинскихъ художниковъ предполагается въ началѣ декабря въ Полтавѣ. Въ выставкѣ примутъ участіе художники, выставлявшіеся осенью въ Кіевѣ. Къ участію приглашаются и другія желающія лица.

Украинскій стиль. Каневское земство постановило строить въ 1914 году всѣ школы въ украинскомъ стилѣ по проектамъ архитектора Дьяченка и художника Сластьона.

Украинская популярная литература. При лубенскомъ земскомъ книжномъ складѣ открытъ отдѣлъ популярной украинской литературы.

Украинская коммерческая агентура. Украинскіе дѣятели основали въ Лондонѣ агентуру, имѣющую цѣлью помочь кооперативамъ на Украинѣ войти въ непосредственныя торговыя сношенія съ Западной Европой. Адресъ агентуры: 61. Mark Lane London E. C. The Ukranian cooperative Agency. Importers of Agricultura Produce.

Наказы депутатамъ. Членамъ Государственной Думы соц.-дем. Бурьянову, Муранову и Петровскому присланы наказы отъ украинскихъ крестьянъ и рабочихъ объ отстаиваніи и защитѣ правъ украинскаго народа («За Правду», № 28).

Юбилей Л. П. Линицкой. 16-го октября исполнился 25-лѣтній юбилей артистической дѣятельности артистки труппы Н. К. Садовскаго Любови Павловны Линицкой. Г-жа Линицкая—талантливѣйшая изъ украинскихъ артистокъ второй генераціи, послѣдовавшей за блестящимъ созвѣздіемъ артистовъ и артистокъ, выступившихъ на украинской сценѣ при возникновеніи украинскаго театра и создавшихъ этотъ театръ. На ея долю выпала трудная и отвѣтственная обязанность—взять на себя то амплуа, въ которомъ такъ неизмѣримо высоко стояла несравненная ни съ кѣмъ М. К. Заньковецкая. И г-жа Линицкая вышла изъ этого положенія съ честью.

Дебютировала Л. П. Линицкая въ первый разъ въ 1888 году въ Маріуполѣ, въ небольшой труппѣ Муравьева, въ роли Уляны въ пьесѣ Квитки-Основьяненка «Сватяння на Гончарівці». За тѣмъ, однако, ей пришлось оставить украинскую сцену и перейти на русскую, но уже въ слѣдующемъ году, выйдя замужъ за Загорскаго, она вмѣстѣ съ мужемъ поступила въ труппу Кропивницкаго, отъ котораго въ 1891 г. перешла въ труппу Саксаганскаго. Въ этой труппѣ она и играла почти все время до самаго конца существованія труппы, выступая въ качествѣ гастролерши также и въ труппѣ Суслова. Послѣ распада въ 1910 году труппы Саксаганскаго г-жа Линицкая перешла въ труппу Садовскаго, въ которой играетъ и въ настоящее время, пользуясь неизмѣннымъ и серьезнымъ успѣхомъ.

Въ день 25-лѣтняго юбилея артистической дѣятельности Л. П. Линицкой въ Народномъ домѣ, гдѣ играетъ труппа Садовскаго, продполагалось чествованіе юбилярки. Однако, въ виду состоянія своего здоровья г-жа Линицкая уклонилась отъ публичнаго чествованія въ театрѣ, и украинское общество Кіева чествовало ее въ клубѣ «Родина». Чествованіе состоялось 10-го ноября. Въ помѣщеніи клуба послѣ 10 час. вечера собрались представители украинскаго общества, общественные дѣятели, писатели, нѣкоторые изъ товарищей юбилярки по сценѣ. Чествованіе началось чтеніемъ адреса отъ украинскаго общества. Въ адресѣ отмѣчался тотъ общественный подвигъ, который съ честью вынесла на своихъ плечахъ артистка, четверть вѣка неутомимо работая на нивѣ родного искусства. Адресъ заключается слѣдующими словами (приводимъ ихъ въ переводѣ съ украинскаго): «Еще недавно прошли передъ нашими глазами глубокотрогательныя фигуры «Наймички», «Бондарівни», Софіи изъ «Безталанной», Елены изъ «Богдана Хмельницкаго»,—теперь вы очаровываете насъ прекрасными воплощеніями изъ новаго репертуара, такого близкаго и желаннаго для современной украинской интеллигенціи. И что особенно нужно поставить вамъ въ заслугу,—это то, что вы въ своемъ творчествѣ шли и идете своимъ самостоятельнымъ путемъ, никому не подражая и не беря образцовъ отъ своихъ болѣе раннихъ товарищей. Если правда, что сочувствіе общества можетъ ободрить артиста и вдохновить его къ дальнѣйшей работѣ, то клубъ «Родина», взявъ на себя иниціативу этого торжества и проникшись лучшими

чувствами благодарности къ вамъ, высокоуважаемая артистка, будетъ счастливъ, если вы такъ же искренно примете его пожеланіе еще долго-долго жить и работать на пользу родного края и его славнаго театра».

Затѣмъ прочитаны были многочисленныя телеграммы съ привѣтствіями юбиляркѣ, въ томъ числѣ отъ семьи Кропивницкаго, отъ Саксаганскаго и др. Въ рѣчахъ охарактеризованы были заслуги юбилярки передъ роднымъ искусствомъ и ея выдающееся мѣсто среди дѣятелей украинской сцены.

† **С. А. Венгжиновскій.** 26-го сентября въ с. Могильной Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ. умеръ С. А. Венгжиновскій, пріобрѣвшій себѣ имя своими трудами по этнографіи и исторіи Украины. Венгжиновскій происходилъ изъ священнической семьи, Могилевскаго уѣзда. Родился онъ 7-го октября 1844 г., учился въ подольской семинаріи, а затѣмъ въ качествѣ вольнослушателя въ университетѣ въ Одессѣ по историко-филологическому факультету. Съ 1887 г. онъ состоялъ на службѣ по акцизному вѣдомству въ Подольской губ., отличаясь замѣчательной честностью и добросовѣстностью. Всю жизнь Венгжиновскій съ любовью собиралъ украинскія пѣсни и мелодіи къ нимъ, пересылая собранный матеріалъ Н. В. Лысенку, который использовалъ нѣкоторыя изъ записей Венгжиновскаго въ своихъ операхъ. Кромѣ пѣсенъ, Венгжиновскій записывалъ и другіе этнографическіе матеріалы. Онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на проявленія народнаго творчества въ писанкахъ и вышивкахъ. Его коллекція вошла въ альбомъ писанокъ, изданный лубенскимъ музеемъ Скаржинской въ 1899 г. Съ 1886 по 1895 г. Венгжиновскій сотрудничалъ въ «Кіевской Старинѣ», гдѣ помѣстилъ рядъ статей по исторіи и этнографіи Украины. Въ послѣдніе годы напечатанъ его солидный трудъ «Матеріалы по исторіи уніи въ Брацлавскомъ воеводствѣ». Послѣ него остался ненапечатанный еще трудъ о скифахъ въ Подоліи. Свою переписку съ украинскими учеными Лебединцевымъ, Антоновичемъ, Сумцовымъ и др. покойный приводилъ въ порядокъ, намѣреваясь издать ее.

Въ Галиціи и Буковинѣ до сихъ поръ еще для обозначенія украинской народности употребляется терминъ «Руський». Въ послѣднее время этотъ терминъ все болѣе и болѣе вытѣсняется наименованіемъ «україньский», которое, надо отмѣтить, употреблено между прочимъ и въ извѣстномъ императорскомъ рескриптѣ на имя украинскаго парламентскаго клуба, изданномъ въ связи съ украинской обструкціей по вопросу объ украинскомъ университетѣ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Нашей Школы» проф. Томашевскій помѣстилъ обширную статью, въ которой приглашаетъ галицкое украинское общество къ послѣдовательному и исключительному употребленію терминовъ «Україна» и «україньский». Буковинская газета «Україна», присоединяясь къ проф. Томашевскому, приглашаетъ своихъ читателей, хотя бы съ новаго года, который является юбилейнымъ годомъ великаго украинскаго поэта Шевченка, употреблять исключительно эти термины, особенно въ офиціальныхъ бумагахъ и сношеніяхъ.

Музыкальный институтъ имени Н. В. Лысенка во Львовѣ заказалъ украинскому скульптору Парашчуку, члену мюнхенскаго художественнаго О-ва, большіе бюсты Шевченка и Лысенка для установки въ залѣ проектируемаго собственнаго дома О-ва. Парашчукъ для собиранія матеріала посѣтилъ Кіевъ.

Украинская гимназія имени Т. Шевченка. Кружокъ украинскаго педагогическаго О-ва имени Т. Шевченка въ Городенкѣ (Галичанина) обратился въ галицкую краеву шкільну раду съ заявленіемъ о желательности, въ виду предстоящаго Шевченковскаго юбилея наименовать существующую въ Городенкѣ украинскую частную гимназію украинской гимназіей имени Т. Шевченка. «Шкільна рада» согласилась съ предложеніемъ кружка.

Школа имени Б. Гринченка. Основанная во Львовѣ въ честь Б. Гринченка украинская народная школа помѣщалась до послѣдняго времени въ наемномъ помѣщеніи. Въ настоящемъ году о-во «Дністер» пріобрѣло на Городенкомъ предмѣстьѣ, представляющемъ наиболѣе украинскую часть Львова, два трехъ-этажныхъ дома, что дало возможность поставить болѣе правильно организаціонную и культурно-просвѣтительную работу среди украинскаго населенія этого предмѣстья. Въ этихъ домахъ помѣщены «Захоронка» (ясли для дѣтей бѣдныхъ родителей), читальня «Просвіт'ы», кредитное О-во. «Народний Дім», гимнастическое О-во «Сокіл» и школа имени Б. Гринченка. 19-го октября (н. ст.) состоялось тожественное освященіе школы, на которое прибыли украинскіе депутаты сейма и парламента, учащіеся въ украинскихъ учебныхъ заведеніяхъ и др. гости, въ общемъ до тысячи человѣкъ. Говорились рѣчи. Закончилось торжество пѣніемъ національнаго гимна.

Положеніе украинской школы въ Галичинѣ. Заимствуемъ изъ галицкой прессы очень поучительныя свѣдѣнія о положеніи украинской школы въ Галичинѣ. Въ своемъ стремленіи къ ополяченію украинскаго населенія Галичины поляки, занимающіе, какъ извѣстно, господствующее положеніе въ краѣ, обратили наибольшее вниманіе на народное просвѣщеніе. Вся украинская часть Галичины покрыта сотнями польскихъ школъ. Раньше вопросъ объ языкѣ преподаванія въ школѣ рѣшался «грмадскою радою» того селенія, въ которомъ открывалась школа; теперь же Краєво Рада Шкільна, не справляясь съ желаніями сельскихъ обществъ, устраиваетъ вездѣ польскія школы. За послѣдніе 2—3 года польское „Towarzystwo szkoly ludowej" основало болѣе 365 польскихъ школъ; еще больше основано Краєвою Радою Шкільною, такъ что въ настоящее время существуетъ до тысячи польскихъ школъ, основанныхъ въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ. Всѣ школы Галичины въ послѣднее время раздѣляются на польскія и украинскія. Поляки имѣютъ въ Галичинѣ высшихъ школъ 6, казенныхъ гимназій 51, реальныхъ училищъ 14; украинцы же не имѣютъ ни одной высшей школы и только 5 гимназій. Далѣе, поляки имѣютъ 17 учительскихъ семинарій, 2 торговыя академіи, 7 казенныхъ промышленныхъ учи-

лищъ, 80 общественныхъ дополнительныхъ промышленныхъ училищъ и т. д., и т. д. Польскихъ народныхъ школъ въ 1911 году было 2.919, аукраинскихъ—2.450, причемъ почти всѣ украинскія школы были одноклассныя и учительскія должности въ нихъ были заняты поляками. Всѣхъ учителей Галичины насчитывается 16.000, изъ коихъ украинцевъ всего около 3.000, остальные же поляки. На должности окружныхъ школьныхъ испекторовъ назначаются исключительно поляки-украинофобы. Учителя-поляки ведутъ преподаваніе настолько плохо, что количество неграмотныхъ до сихъ поръ превышаетъ ¾ всего украинскаго населенія Галичины.

На украинскія просвѣтительныя цѣли. Чрезвычайно характерны цифры, назначенныя въ бюджетѣ 1914 г. на украинскія просвѣтительныя цѣли. Науковому Т-ву імени Т. Шевченка во Львовѣ ассигновано 17.000 кронъ, женскому лицею въ Перемышлѣ—5.000, львовской «Просвіт'ѣ»—2.000, женской семинаріи во Львовѣ—4.000 и женской семинаріи въ Коломнѣ—500, а всего украинскимъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ отпускается 29.000 кронъ. Между тѣмъ, полякамъ на однѣ частныя школы ассигновано 112.000 кронъ. На одну школу „Towarzystwa szkoly ludowej" въ Бѣлой ассигновано 30.200 кр., т.-е. больше, чѣмъ на всѣ украинскія учрежденія.

Украинскіе студенты. Во львовскомъ университетѣ украинскихъ студентовъ насчитывается около 1,200, въ черновецкомъ—до 250, вѣнскомъ—до 200 и въ другихъ университетахъ Австріи—до 200 чел., а всего около 2.000. Изъ этого числа около 400 человѣкъ признаютъ себя москвофилами. Въ настоящемъ году гимназіи окончили около 400 учениковъ украинскаго происхожденія, изъ нихъ 100 чел.—москвофилы. Въ прошломъ году москвофиловъ среди окончившихъ гимназіи было 80 чел. Болѣе всего москвофиловъ поставляютъ такіе города, какъ Львовъ, Самборъ, Броды, гдѣ имѣются хорошо обставленныя москвофильскія общежитія для учащихся (такъ-называемыя «бурсы»), въ которыхъ ученики содержатся за очень низкую плату или совсѣмъ безплатно.

«Товариство імени Петра Могили». Въ просвѣтительной дѣятельности галицкихъ украинцевъ видное мѣсто принадлежитъ «Товариству українських наукових викладів ім. Петра Могили», дѣйствующему въ Галичинѣ уже 4 года. Иниціатива основанія этого Общества принадлежитъ комитету подъ руководствомъ проф. Ол. Колесы, организовавшемуся въ 1906 г. Но, въ силу различныхъ обстоятельствъ, дѣятельность О-ва началась лишь въ декабрѣ 1909 г. Постоянно развивая свою дѣятельность, О-во распространило свое вліяніе не только на Львовъ, но и на цѣлый рядъ другихъ городовъ и селеній Галичины (18 городовъ и 5 селеній), устраивая въ нихъ лекціи и рефераты на украинскомъ языкѣ. За четыре года Обществомъ устроено было 501 лекція, прочитанныя 144 лекторами. Общее число посѣтителей этихъ лекцій достигло 54.134, что даетъ въ среднемъ, 108 посѣтителей

на одну лекцію. По отраслямъ знанія лекціи раздѣляются такъ: по исторіи было 78 лекцій, философіи—19, педагогикѣ—7, общественнымъ наукамъ—30, праву—11, наукѣ объ языкѣ—5, литературѣ—111, музыкѣ—14, искусству и архитектурѣ—24, географіи—50, естественнымъ наукамъ—66, медицинѣ и гигіенѣ—20, украиновѣдѣнію—150. Кромѣ того, художникъ Ив. Трушъ устроилъ по иниціативѣ О-ва рядъ лекцій въ болѣе значительныхъ городахъ Галичины, причемъ сборъ пошелъ на юбилейный даръ Ив. Франку. Во Львовѣ О-вомъ устроены были 3 экскурсіи по музеямъ съ 386 участниками и 4 посѣщенія церквей съ историко-художественнымъ цѣлямъ со 123 лицами. О-во имѣетъ въ настоящее время 7 отдѣленій (во Львовѣ, Перемышлѣ, Самборѣ, Сокалѣ, Станиславовѣ, Тернополѣ и Рогатинѣ) и 6 кружковъ (въ Белзѣ, Бережанахъ, Дрогобичѣ, Золочевкѣ, Стріѣ и Теребовлѣ). тельствомъ М. Галушинскаго и станиславовская подъ предсѣдательствомъ Юл. Чайковскаго. Филія въ Рогатинѣ имѣетъ библіотеку и основываетъ читальню для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ. Хорошо развивается также филія въ Перемышлѣ, также имѣющая собственную библіотеку болѣе, чѣмъ въ 2½ тысячи томовъ. Въ минувшемъ году О-во совмѣстно со львовской «Просвітой» устроило во Львовѣ первые украинскіе курсы высшихъ наукъ, о которыхъ въ свое время было сообщено въ «Укр. Ж.».

Чествованіе памяти И. П. Котляревскаго. Торжества чествованія памяти И. П. Котляревскаго начались панихидой у памятника поэту въ скверѣ Котляревскаго въ 12 часовъ дня. Къ началу панихиды скверъ и прилежащія улицы были буквально запружены народомъ. Многіе расположились на крышахъ и балконахъ сосѣднихъ домовъ. На крышахъ же расположились и фотографы съ фотографическими аппаратами. Панихиду служилъ преосвященный Сильвестръ, въ сослуженіи съ градскимъ духовенствомъ. Пѣлъ соединенный поръ архіерейскій, семинарскій и общества «Баянъ», подъ управленіемъ Попадича. Предъ панихидой преосвященный произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Бр. христіане! Священная Библія даетъ руководящія указанія почти для всѣхъ сторонъ нашей жизни. На сей разъ мы обратимъ свое вниманіе на слѣдующее обстоятельство въ жизни избраннаго народа. Избранный народъ, въ средѣ котораго Господь явилъ намъ Спасителя міра, какъ извѣстно, представляетъ собою двѣ рѣзко выраженныя половины: такъ-называемое, царство іудейское и царство израильское. Дѣленіе это не было случайнымъ,—оно глубокіе корни имѣло для себя въ характерѣ колѣнъ народныхъ, въ условіяхъ ихъ внѣшняго быта, въ складѣ жизни. Іудейская половина, населяя горную страну, ведя частыя войны съ сосѣдями, выработала у себя прочное государственное начало и общественную жизнь. Здѣсь мы видимъ столицу царей. Здѣсь же главная святыня народная—храмъ іерусалимскій. Израильская половина, напротивъ, живетъ по преимуществу жизнью пастушеской и земледѣльческой. При наличіи такихъ особенностей въ складѣ жизни были у нихъ особенности въ самомъ языкѣ. Эти именно особенности говора, какъ мы зна-

емъ изъ исторіи страданій Спасителя, дали возможность служанкѣ во дворѣ первосвященника Каіафы изобличить принадлежность ап. Петра къ Христову Галилейскому обществу: «ибо галилеянинъ еси и бесѣда твое подобится» (Мар. XIV, 70),—говорила служанка Петру. При такомъ племенномъ различіи обѣ половины народа крѣпко связаны были—а) единствомъ вѣры и святыни, б) единствомъ верховной государственной власти и в) сознаніемъ цѣлости и единства народа по крови. Пока крѣпко было это сознаніе единства, до тѣхъ поръ сильно было государство.

Пора высшаго развитія силы и благополучія народной жизни при царяхъ Давидѣ и Соломонѣ была временемъ наиболѣе крѣпкаго единства обѣихъ половинъ. Послѣ царя Соломона происходитъ расчлененіе народа на двѣ половины или два царства, и это повлекло за собою ту агонію, которая закончилась паденіемъ сначала царства израильскаго, а потомъ іудейскаго.

Въ жизни народовъ можно найти много примѣровъ сему подобныхъ и народъ русскій въ своихъ частяхъ южной и сѣверной явилъ племенныя особенности въ складѣ жизни и рѣчи, но при великихъ основахъ единства въ св. вѣрѣ православной, въ единствѣ верховной власти и въ единствѣ народа по крови. И какъ народъ русскій пережилъ въ древнѣйшую пору своей жизни единство южной и сѣверной Руси, потомъ пережилъ гибельное раздѣленіе, затѣмъ опять послѣдовало соединеніе. Незабвенны слова представителя южно-русскаго народа въ родномъ намъ Переяславлѣ: «волимъ подъ Царя Восточнаго, Православнаго». Дороги намъ тѣ сыны родного края, которые смогли раскрыть богатство нашихъ народныхъ силъ, всѣхъ оосбенностей его жизни внѣшней и духовной, при соблюденіи этого спасительнаго единенія. Много у насъ было достойныхъ сыновъ страны во всѣхъ родахъ жизни, которые умѣли сочетать это разнообразіе дарованій своего народа съ единствомъ всего великаго цѣлаго.

Изъ среды писателей такимъ былъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстный Н. В. Гоголь. Такимъ же былъ и молитвенно поминаемый нынѣ писатель Іоаннъ Петровичъ Котляревскій. Оаъ глубоко сознавалъ и талантливо выразилъ въ своихъ писаніяхъ особенности родного края и родного народа; и въ то же время онъ ясно понималъ великое значеніе народнаго единства. Поэтому мы чтимъ и молитвенно поминаемъ семидесятилѣтіе со дня его смерти.

Можно довѣрить тому, кто говоритъ въ своихъ твореніяхъ:

«Коли хочешь быть счастливымъ,
То на Бога полагайся,
Перенось все терпѣливо
И на бидныхъ оглядайся».

Для такого человѣка несомнѣнно лучшею данью уваженія и любви будетъ искренняя молитва ко Господу Богу объ упокоеніи души его.

Послѣ окончанія панихиды состоялось возложеніе вѣнковъ къ памятнику И. П. Котляревскаго представителями мѣстныхъ и иногородныхъ учрежденій и общественныхъ организацій и кружковъ.

Отъ городского самоуправленія возложилъ вѣнокъ городской голова Заньковскій съ надписью: «Славному народному поэту отъ родной Полтавы».

Отъ «Науковаго Товариства ім. Шевченка» и «Товариства підмоги українській літературі, музиці і штуці» возложилъ проф. Грушевскій («Обновителю украінського слова»).

Отъ Кіевскаго громадянства («Батькові нової украінської літератури) возложилъ Жебуневъ.

Отъ «новорожденної украінської інституціі»—Полт. клуба возложилъ Сіяльскій.

Отъ харьковской городской думы гл. Михновскій возложилъ серебряный вѣнокъ («На труну Ів. Котляревському в 75 роковину його смерти харьк. городська дума складае вислови пошани. По постановленію думы отъ 8 ноября»).

Отъ украінської періодичної пресси—сотрудникъ «Рады» Ніковській.

Отъ полтавской губерской земской управи (серебряный вѣнокъ)—Данковскій (Дѣйствительному поэту и выразителю красотъ украинскаго языка).

Отъ общества взаимнаго кредита—Имшенецкій (Славной памяти основателя украинской литературы).

Отъ о-ва «Баянъ»—Чижевскій.

Отъ служащихъ полт. городской управы—Коваленко.

Отъ служащихъ полтавской губернской земской управы серебряный вѣнокъ—Макаренко.

Отъ учащихся высшихъ учебныхъ заведеній въ Харьковѣ. («Предтечі украінського відродження»).

Отъ полтавской комиссіи народныхъ чтеній. (Славному Полтавцу)—Кондзеровская.

Отъ полтавскаго городского страхового общества. (Невмірущему співцеві).

Отъ «українських урядовців» (чиновниковъ). (Славному батькові).

Отъ украинск. «музично-драматичного гуртка». (Творцеві невмірущої «Наталки-Полтавки»).

Отъ полтавскаго фельдшерско-акушерскаго общества—Никитченко.

Кромѣ того были возложены вѣнки: «від гуртка Константиноградців»; «від Катеринославської Просьвіти», экономическаго общества чиновниковъ, «від Кременчуга і повіта», «Самопомощи», черниговскихъ украинцевъ. Послѣ возложенія вѣнковъ многотысячная публика стала медленно расходиться. Многіе устремились къ памятнику, увѣшанному вѣнками.

Фотографомъ былъ снятъ памятникъ, окруженный участниками торжества.

Днемъ состоялось въ театрѣ литературно-музыкальное «утро», на которомъ В. А. Щепотьевъ сдѣлалъ докладъ о значеніи

Котляревскаго, а затѣмъ были прочитаны отрывки изъ «Энеиды», а хоромъ общества «Баянъ» исполнено нѣсколько музыкальныхъ номеровъ.

Вечеромъ въ театрѣ состоялся торжественный спектакль-концертъ. Г. А. Коваленко произнесъ рѣчь о значеніи И. П. Котляревскаго, въ которой отмѣтилъ, что поэту пришлось жить во время тяжкой эпохи крѣпостничества, когда интеллигенція была совершенно оторвана отъ народа и они не могли понимать другъ друга. Литература не могла быть тогда полезной народу, такъ какъ онъ не могъ понимать ее на чужомъ языкѣ. Заслуга Котляревскаго, главнымъ образомъ, и заключается въ томъ, что онъ показалъ, какими качествами и красотами обладаетъ украинскій языкъ и что этотъ языкъ можно сдѣлать такимъ же литературнымъ, какъ и другіе.

Этимъ онъ расчистилъ дорогу слѣдующему поколѣнію украинскихъ писателей, поднявшихъ украинскую литературу на современную высоту.

Произведенія Котляревскаго важны не только потому, что они написаны на родномъ языкѣ—въ нихъ мы находимъ обличеніе гражданскихъ непорядковъ жизни, въ нихъ можно черпать силы для воспитанія въ себѣ бодрости и жизнерадостности.

Онъ училъ, что надо служить человѣчеству, служа каждой отдѣльной личности, и благо каждаго человѣка, благо каждаго народа онъ ставилъ выше всего.

Зовя къ «згодѣ» онъ вѣрилъ, что «все минеться—одна правда зостанеться».

Затѣмъ была поставлена очень тщательно «Наталка-Полтавка», съ участіемъ извѣстнаго украинскаго артиста Саксаганскаго и артистовъ труппы Садовскаго въ Кіевѣ г-на Марьяненко и г-жи Литвиненко. Пьеса прошла съ огромнымъ успѣхомъ. По окончаніи ея хоръ «Баяна», подъ управленіемъ Попадича выполнилъ «Веснянкі» и «Прославный хоръ» изъ оперы «Энеіда», муз. Лисенко.

Публичное чествованіе закончилось чтеніемъ телеграммъ и адресовъ прибывшими делегаціями и возложеніемъ вѣнковъ къ бюсту И. П. Котляревскаго, который былъ помѣщенъ на сценѣ подъ аркой, сдѣланной въ украинскомъ стилѣ.

Депутаціи прибыли изъ Кіева, Харькова, Екатеринослава и Москвы.

Адресъ «кіевского громадянства» указывалъ на примѣръ Полтавы, достойной подражанія, которая первой изъ другихъ городовъ стала чтить украинскаго писателя. П. Чижевскій указалъ на значеніе Котляревскаго въ дѣлѣ борьбы съ крѣпостнымъ правомъ. Никовскій указалъ на значеніе Котляревскаго для украинской періодической прессы, которая живетъ теперь по его завѣтамъ. Адреса учащихся городовъ Кіева, Москвы и Харькова обратили вниманіе на значеніе И. П. для воспитанія молодежи.

Вообще въ адресахъ указывалось на значеніе И. П. Котляревскаго, какъ «батька нової української літератури», какъ на человѣка, проповѣдывавшаго «братерство і добробут життя народів», звавшаго до «згоди».

Были прочитаны адреса отъ селянъ «Просвіт» Б.-Переще-пины, Мануйловки и Дедивки.

Делегація отъ учащихся высшихъ уч. зав. г. Кіева и Москвы возложила будетъ изъ живыхъ цвѣтовъ—«щірий подарунок любому батькові».

Послѣ этого были оглашены привѣтственныя телеграммы, полученныя по случаю чествованія памяти И. П. Котляревскаго.

Въ числѣ послѣднихъ: отъ украинской труппы Садовскаго, студентовъ петербургскаго и варшавскаго университетовъ, отъ студентовъ-полтавцевъ изъ Варшавы, отъ «гуртка молоді» въ Петербургѣ, отъ екатеринославскихъ студентовъ, «гуртка ім. Шевченка» въ психо-неврологическомъ институтѣ, студентовъ изъ Москвы, кіевскаго женскаго общественнаго собранія, миргородскаго гуртка украинцевъ, воронежскаго укр. «товариства», «гуртка ім. Шевченка» при московскомъ университетѣ, харьковскаго «літ.-худож. гуртка», отъ Васильківськаго, Варенициna, Леве-ренка и др.

Привѣтствія на имя городского головы продолжали поступать и въ теченіе вчерашняго дня.

Прибывшіе на торжества гости были приглашены въ украинскій клубъ, гдѣ состоялся торжественный ужинъ.

Изъ поступившихъ вѣнковъ, нѣкоторыми украшенъ памятникъ Котляревскому въ скверѣ его имени и его бюстъ въ школѣ его имени; серебряные вѣнки переданы въ музей имени И. П. Котляревскаго, находящійся при школѣ его имени.

Изъ недавняго прошлаго.

(*Къ чествованію памяти И. П. Котляревскаго*).

Памятникъ И. П. Котляревскому открытъ въ Полтавѣ 30-го августа 1903 года.

Еще задолго до этого времени Полтава готовилась къ торжествамъ. Особая комиссія, въ составъ которой вошли не только гласные, но и другія лица, подробно разработала программу чествованія памяти родоначальника украинской литературы.

Приглашенія на торжества были разосланы буквально по всей Россіи и даже за границу.

И, дѣйствительно, съѣздъ оказался огромный.

Полтава въ то глухое время представляла необычайный видъ, особенно въ день открытія памятника. Не хватило билетовъ для приглашенныхъ лицъ, и многіе полтавцы не попали на торжества. Всюду слышалась украинская рѣчь. На памятникъ возложено было огромное количество вѣнковъ.

Все это, очевидно, произвело впечатлѣніе, и къ вечеру, когда должно было состояться торжественное засѣданіе думы, начали циркулировать слухи о какомъ-то запрещеніи и возможномъ скандалѣ.

Торжественное засѣданіе думы состоялось въ просвѣтительномъ зданіи. Красивый зрительный залъ собралъ рѣдкое общество.

На сценѣ за столомъ размѣстились гласные, въ центрѣ выдѣлялась характерная фигура городского головы Трегубова. Всегда спокойный, онъ теперь сильно волновался и все время о чемъ-то совѣщался съ сосѣдями.

Съ замѣтнымъ смущеніемъ городской голова сказалъ краткую привѣтственную рѣчь.

И. М. Стешенко говорилъ о литературно-художественномъ значеніи произведеній И. П. Котляревскаго.

Затѣмъ начались привѣтствія. Нѣсколько привѣтствій изъ Галиціи безпрепятственно произнесены были на украинскомъ языкѣ. Много прочитано было привѣтствій на русскомъ языкѣ. М. М. Коцюбинскій прочелъ на украинскомъ языкѣ привѣтствіе отъ черниговскаго драматическаго кружка. Привѣтствіе было краткое. Публика замѣтила, что городской голова порывался нѣсколько разъ прервать рѣчь делегата, но послѣдній быстро и не обращая вниманія на Трегубова прочелъ адресъ. На украинскомъ же языкѣ начала читать привѣтствіе О. Андріевская отъ черниговскаго драматическаго товарищества.

Блѣдный, надтреснутымъ голосомъ городской голова остановилъ Андріевскую: «Я не считаю себя въ правѣ допустить чтеніе привѣтствій на малорусскомъ языкѣ отъ учрежденій, Обществъ и частныхъ лицъ, живущихъ въ Россіи, поэтому прошу делегатовъ выражать свои привѣтствія на русскомъ языкѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду закрыть засѣданіе думы, чѣмъ было бы омрачено наше торжество».

Нѣсколько мгновеній въ залѣ стояла мертвая тишина. Но это продолжалось недолго, а затѣмъ поднялась цѣлая буря протестовъ. Возмущенная публика поднялась со своихъ мѣстъ. Раздались настойчивые крики «просимъ» по адресу делегатовъ, отъ которыхъ, казалось, дрожалъ залъ. Мундирные гости быстро начали покидать засѣданіе...

Г-жа Андріевская молча передала свой адресъ городскому головѣ.

Шумъ и крики нѣсколько стихли, когда къ столу подошелъ извѣстный въ украинскихъ кругахъ Н. И. Михновскій. Наступила тишина, когда раздались первые его слова. «Я являюсь представителемъ харьковской колоніи украинцевъ и уполномоченъ произнести привѣтствіе на нашемъ родномъ языкѣ, но такъ какъ это привѣтствіе не можетъ быть заслушано, то адресъ будетъ возвращенъ колоніи, пустую же папку оставляю городской управѣ». Растерянный Трегубовъ беретъ протянутую ему папку.

Г. Михновскій продолжаетъ: «Считаю, что недопущеніе привѣтствій на украинскомъ языкѣ является незаконнымъ. Прошу это мое заявленіе занести въ протоколъ и выдать мнѣ копію протокола для обжалованія распоряженія городского головы».

Красивый жестъ Михновскаго, съ какимъ онъ передалъ папку городскому головѣ, вызываетъ бурю апплодисментовъ и крики «браво»

Трегубовъ и гласные сидятъ подавленные, на нихъ жалко смотрѣть.

Б. Гринченко (представитель украинскихъ писателей) и В. П. Науменко (отъ ред. «Кіевской Старины» и кіевскаго Общества грамотности) молча вручили адреса.

Г. Чеботаревъ, если не ошибаюсь, тотъ самый, который затѣмъ сотрудничалъ и сотрудничаетъ въ крайнихъ правыхъ органахъ печати (въ томъ числѣ полтавскихъ), отказывается читать привѣтствіе отъ редакціи «Орловскаго Вѣстника», хотя оно и написано на русскомъ языкѣ, такъ какъ «празднество омрачено». Заявленіе г. Чеботарева покрывается возгласами «браво».

Г. П. Иваненко отъ одесскаго литературно- артистическаго Общества говоритъ, что онъ настолько взволнованъ, что не можетъ выполнить возложеннаго на него порученія, хотя адресъ написанъ на русскомъ языкѣ.

Дѣлается цѣлый рядъ аналогичныхъ заявленій. Передъ городскимъ головой, растерянным, подавленнымъ и жалкимъ, вырастаетъ груда папокъ. Нѣкоторые делегаты рвутъ адреса. Невольно закрадывается жалость къ Трегубову, который не сумѣлъ найти достойнаго выхода изъ нелѣпаго положенія. Очевидно, это чувство заставило И. Л. Шрага, представителя украинцевъ изъ Чернигова, заявить, что онъ проситъ городского голову принять привѣтствіе безъ чтенія, такъ какъ онъ увѣренъ, что запрещеніе привѣтствій на украинскомъ языкѣ исходитъ не лично отъ Трегубова. Городской голова растроганъ и благодаритъ г. Шрага.

Праздникъ былъ испорченъ. Публика постепенно оставляла залъ, и когда папки были сложены, просвѣтительное зданіе опустѣло. Засѣданіе пришлось прервать. Многочисленныя привѣтствія, поступившія по почтѣ и телеграфу, не были оглашены.

Культурное торжество самаго невиннаго свойства невольно такимъ образомъ, обратилось во внушительную демонстрацію. Въ городѣ царило необычайное возбужденіе.

На слѣдующій день, 31-го августа, назначено было литературно-музыкальное утро и торжественный спектакль. Просвѣтительное зданіе было переполнено. Стояли, гдѣ только можно было. Настроеніе было приподнятое, но все прошло стройно, безъ всякихъ неожиданностей. Въ спектаклѣ принимали участіе корифеи украинской сцены—Н. К. Садовскій, Н. В. Лысенко, И. К. Карпенко-Карый, М. Л. Кропивницкій, С. В. Тобилевичъ, Л. П. Линицкая. Кантата исполнялась хоромъ подъ управленіемъ автора музыки Н. В. Лысенка. Вызовамъ не было конца.

Возбужденіе по поводу торжественнаго засѣданія не улеглось, и 9-го сентября было созвано экстренное засѣданіе думы.

Цѣлый рядъ гласныхъ во главѣ съ М. И. Сосновскимъ и А. А. Зиновьевымъ настойчиво потребовали отъ городского головы объяснить свое поведеніе, благодаря которому торжество было обращено въ похороны.

Г. Трегубовъ оглашаетъ предложеніе губернатора, въ которомъ послѣдній сообщаетъ, что въ силу телеграфнаго распоря-

женія министерства внутреннихъ дѣлъ чтеніе адресовъ на малорусскомъ языкѣ на торжественномъ засѣданіи 30-го августа не можетъ быть допущено. Г. Казинъ негодуетъ, что городской голова подчинился этому распоряженію, основанному не на законѣ, а на усмотрѣніи.

«Общественныя учрежденія обязаны руководствоваться точнымъ указаніемъ закона. Распоряженіе не имѣетъ подъ собой никакой законной почвы, а потому я предлагаю въ настоящемъ засѣданіи прочесть всѣ адреса».

Въ публикѣ апплодисменты.

Городской голова встревоженъ—«Я долженъ быть послѣдовательнымъ, да къ тому же настоящее засѣданіе—продолженіе торжественнаго».

Высказывается рядъ гласныхъ.

— Странно,—говорилъ М. И. Сосновскій,—что съ Высочайшаго соизволенія разрѣшено открыть памятникъ писателю, который украинскій языкъ возвелъ на степень языка литературнаго, и въ то же время администрація находитъ нужнымъ запретить привѣтствіе на этомъ языкѣ. Является логическая несообразность—память украинскаго писателя можно чтить лишь въ русскомъ языкѣ.

Горячую рѣчь произнесъ гласный г. Черненко. «Мы не можемъ отнестись безучастно ко всему происшедшему... Населеніе, которое послало насъ сюда, говоритъ главнымъ образомъ на украинскомъ языкѣ и взволновано всѣмъ происшедшимъ. Всѣ были возмущены запрещеніемъ».

Единогласно принимается предложеніе обжаловать распоряженіе администраціи въ правительствующій сенатъ.

Городской голова упорно не понимаетъ создавшагося положенія и, какъ добродушный обыватель, предлагаетъ прочесть привѣтствія на русскомъ языкѣ. Большинствомъ всѣхъ голосовъ, за исключеніемъ одного, по предложенію М. И. Сосновскаго постановлено отложить чтеніе всѣхъ привѣтствій до рѣшенія вопроса въ сенатѣ.

Какъ извѣстно, правительствующій сенатъ отмѣнилъ распоряженіе министерства.

Въ такой атмосферѣ десять лѣтъ тому назадъ чествовалась память родоначальника современной украинской литературы.

Перемѣнилась ли къ лучшему эта атмосфера теперь, пусть опредѣлитъ читатель («Полтав. День»).

Проф. Н. И. Карѣевъ въ гостяхъ у львовскихъ украинцевъ.

Письмо изъ Львова.

(По поводу 40-лѣтія научной дѣятельности).

Лѣтомъ 1900 года проф. Карѣевъ посѣтилъ Львовъ, чтобы познакомиться съ національными отношеніями въ Галиціи для соотвѣтствующихъ страницъ своей исторіи Западной Европы новаго времени. Тепло принятый мѣстнымъ обществомъ (какъ поль-

скимъ, такъ и украинскимъ), проф. Карѣевъ такъ заинтересовался львовскою жизнью, что въ январѣ слѣдующаго года снова пріѣхалъ во Львовъ. На этотъ разъ онъ выступилъ съ публичными лекціями для ознакомленія галичанъ съ русскимъ культурнымъ движеніемъ. Въ польскомъ Историческомъ обществѣ проф. Карѣевъ сдѣлалъ докладъ объ изученіи всеобщей исторіи въ Россіи, а для украинской публики прочелъ двѣ лекціи: «Стремленіе русской учащейся молодежи къ самообразованію»—въ украинскомъ студенческомъ обществѣ «Академічна Громада» (7/19 янв.), а на слѣдующій день, передъ болѣе широкой публикой—«О значеніи Н. К. Михайловскаго въ русской литературѣ», въ пользу библіотеки при Науковомъ Товариствѣ им. Шевченка. Слѣдуетъ отмѣтить, что и на этой лекціи преобладала, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь.

Послѣ лекціи устроена была въ честь проф. Карѣева вечеринка (такъ-наз., «коммерсъ») и долго за полночь лились рѣчи и шла дружеская бесѣда на тему отношеній прогрессивной, нешовинистической части русскаго общества къ украинству, необходимости большаго освѣдомленія ея въ этомъ направленіи и вообще взаимнаго сближенія. Говорили: проф. Грушевскій, Ив. Франко и др. На слѣдующій день проф. Карѣевъ уѣхалъ изъ Львова, оставивъ послѣ себя у всѣхъ участниковъ наилучшія воспоминанія, какъ о талантливомъ лекторѣ и популяризаторѣ и гуманномъ человѣкѣ, искренне расположенномъ къ украинству.

Слѣдуетъ отмѣтить, что такъ-наз., «москвофилы», причисляющіе себя къ «великому русскому народу отъ Карпатъ до Камчатки» бойкотировали лекцію дѣйствительно р у с с к а г о (безъ кавычекъ) ученаго. На лекцію явилось изъ нихъ всего три человѣка, и то журналисты изъ «Галичанина», которые среди лекціи вышли, демонстративно хлопая дверями.

Лекція проф. Карѣева о Михайловскомъ была напечатана въ томъ же году въ украинскомъ переводѣ въ 3-й книжкѣ «Літературно-Наукового Вістника». Замѣтимъ еще, что это не единственная вещь проф. Карѣева, вышедшая по-украински. Въ 1905 году «Україньско-руська видавнича спілка» издала переводъ его «Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени», а въ самое недавнее время появились по-украински «Письма къ учащейся молодежи по самообразованію» (3-й выпускъ, Львовъ. 1912 г. Изд. гимназическаго журнала «Житэ») и «Умственное движеніе во 2-й половинѣ XIX ст.» (также въ 1912 г., въ переводѣ М. Залізняка).

Какъ видимъ, симпатіи къ юбиляру у галицкихъ украинцевъ не остались мимолетны. Прогрессивные круги русскаго общества вообще встрѣчаютъ здѣсь симпатію и сочувствіе, поскольку они не заражены хищническими вожделѣніями гг. Струве, Кашкаровыхъ и имъ подобныхъ, которымъ рукоплескаютъ здѣсь только враги свободной и прогрессивной Россіи—москвофилы.

В. Д.

Львовъ 28/15 XI 1913 г.

Цѣнный, едва ли не забытый теперь, указъ.

(*Изъ архива старой церкви*).

Цыркулярно.

«Министерство внутреннихъ дѣлъ департаментъ Государственнаго хозяйства публичныхъ зданій, отдѣленіе II, столъ 2. Санктпетербургъ, 31 декабря 1826 года.

Касательно доставленія свидѣній объ остаткахъ древнихъ зданій въ городахъ и о запрещеніи разрушать оныхъ.

Господину (идетъ обозначеніе) Гражданскому Губернатору.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ собрать немедленно слѣдующія свидѣнія по всѣмъ губерніямъ:

1-е. Въ какихъ городахъ есть остатки древнихъ замковъ и крѣпостей или другихъ зданій древности.

2-е. Въ какомъ они положеніи нынѣ находятся, какъ Его Величества въ то же время повелѣніе есть, чтобы строжайше было запрѣщено таковыя зданія разрушать, что и должно остатся къ отвѣтственности начальниковъ городовъ и мѣстныхъ полицій.

Государю Императору угодно, дабы я, получая сіи свидѣнія, доносилъ объ оныхъ Его Величеству по мѣрѣ поступленія изъ каждой губерніи.

Буде есть возможность снять съ таковыхъ зданій плани и фасади у нинѣшнѣмъ ихъ положеніи, то сіе Его Величеству весьма желательно, для приведенія сего Высочайшаго повелѣнія со стороны Вашего (слѣдуетъ титулъ) въ точное и непремѣнное исполненіе я прошу Васъ, Милостивый Государь, принять немѣдленно всѣ зависѣщіе отъ Васъ мѣри.

При семъ Вамъ нужно будетъ приказать отискать въ Архивахъ, отъ Губерскихъ присудственныхъ мѣстъ зависящихъ и въ запискахъ городскихъ прежнихъ временъ, и потребовать отъ другыхъ начальствъ, какого бы званія не были, подробныхъ свидѣній о всѣхъ вишеупомянутыхъ зданіяхъ: А) Когда и кѣмъ оныя отстроенные или перестроенны; Б) По какому случаю или для какого намѣренія; В) Если они не полны, то сколько когда и почему оны разрушены; Г) Изъ какихъ матеріаловъ строенны; Д) Какія у нихъ достойныя примѣчанія или отличныя отъ обикновенныхъ вѣщей, или часто оныхъ находятся (?); Е) Въ какомъ оны теперь положеніи у чьемъ видѣніи и для чего употребляются; и, наконецъ, можно ли ихъ поддержать подчинкою, не перемѣняя ихъ древнихъ плановъ и фасадовъ.

Свидѣнія таковыя вѣроятно могутъ быть полученны отъ часныхъ лицъ, а особливо владѣльцевъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ древныя зданія или остатки находятся, почему весьма полезно было бы въ такихъ случаяхъ войты въ сношеніе съ симы лицамы и приличнымъ образомъ просить ихъ о содѣйствіи въ сыхъ полезныхъ открытіяхъ.

Что касается до плановъ и фасадовъ сихъ зданій, кои Его Императорскому Величеству особенно имѣть угодно, то прошу (слѣдуетъ титулъ) поставить въ обязанность губерского и городскихъ архитекторовъ, гдѣ оные есть, и пригласить другыхъ

знающихъ къ снятію плановъ и фасадовъ людей, чтобы по мѣрѣ открытія сыхъ древностей планы оныхъ и фасады окуратно были составляемы, и чрезъ Васъ ко мнѣ присилаемы еслы не вмѣсте съ ниже изложенними свидѣніями, которыя нужно мнѣ немѣдлѣнно доставить, то по крайней мѣрѣ вслѣдъ за оними.

Приводя при семъ случаѣ на выдъ Вашего (титулъ) циркулярное мое отношеніе отъ 20 іюля 1824 года съ изложеніемъ Высочайшей воли о собраніи всѣхъ плановъ и фасадовъ казенныхъ зданій, каковое Высочайше повѣленіе тогда же отъ бывшаго статсъ-секретаря Кикина сообщено и всѣмъ другимъ, кромѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, вѣдомствамъ, я полагаю, что въ составленіи плановъ и фосадовъ древнихъ зданій не можетъ быть нинѣ особеннаго затрудненія.

Подписалъ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланской.

Скрѣпилъ деректоръ Степанъ Рунковскій.

Вѣрно: началникъ отдѣленія Яковъ Поспѣловъ.

Вѣрно: писарь Левицкій».

Точно такое же отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ послѣдовало и къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, причемъ въ отношеніи этомъ есть такое мѣсто: «какъ древнія зданія въ сохраненіи коихъ и приведенію въ извѣстность вышесказанное Высочайшее Государя Императора повелѣніе, находятся и по вѣдомству Святѣйшаго Синода, какъ-то: монастири, церкви и прочее, я счелъ долгомъ увѣдомить объ ономъ Ваше Сіятельство съ тѣмъ, неугодно ли будетъ со стороны главнаго духовнаго начальства дать приличные подведомственнымъ местамъ и лицамъ предписанія какъ о воспрещеніи разрушать оныя зданія, такъ и о томъ дабы со стороны ихъ оказываемо было содѣйствіе ко исполненію изъясненной Высочайшей воли...».

Какъ своевременно, думалъ я, вчитываясь въ пожелтѣвшій отъ времени указъ черниговской «дикастеріи», напомнить содержаніе его и въ наши дни, когда всюду и вездѣ, а на Украинѣ, все еще богатой историко-археологическими цѣнностями, въ особенности, идетъ едва ли не сплошное уничтоженіе ихъ, и въ вопросахъ перестройки-передѣлки древней архитектуры церквей, звонницъ и т. п. сооруженій царитъ полнѣйшій произволъ...

С. Рклицкій.

Библіографія.

Марія Проскурівна. Уляся. *Повість. Видавництво „Відродженнє" Київ. 1913. Стр.124. Ц. 70 коп.*

Странное впечатлѣніе производятъ первыя страницы этой повѣсти: языкъ, стиль, образы, объекты изображенія,—все какъ-будто уже знакомое, въ украинской литературѣ бывшее, прожитое и забытое. Такъ вѣдь писала Марко Вовчокъ, таковы пріемы Ганны Барвинокъ, таковы персонажи Квитки-Основьяненка и его преемниковъ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія. И если бы повѣсть Маріи Проскуривны была дѣйствительно во всемъ повтореніемъ, хотя бы и блестящимъ, произведеній отжившей свое украинской литературной школы, говорить было бы не о чемъ: старыя пѣсни могутъ повторяться, но это бываетъ въ моменты печальныхъ личныхъ и общественныхъ настроеній; въ украинской же литературѣ нашего времени все живо, свѣжо и ново, и кряхтящій голосъ старости и старины врядъ ли въ ней можетъ быть услышанъ, а тѣмъ менѣе оцѣненъ и привѣтствованъ. Но повѣсть имѣетъ нѣсколько такихъ черточекъ, которыя позволяютъ отнести ее къ произведеніямъ нашего времени, да къ тому же подумать и надъ тѣмъ, что можетъ внести отъ своей индивидуальности въ украинскую литературу г-жа Марія Проскуривна. Первый небольшой разсказъ Маріи Проскуривны «Од сіна до соломи», изданный отдѣльной книжечкой, совершенно не встрѣтилъ сочувствія въ украинской критикѣ: анекдотическій характеръ разсказа, рѣшительная безыдейность и слабое развитіе позаимствованной фабулы дѣйствительно не даютъ возможности видѣть въ дебютѣ Маріи Проскуривны что-нибудь отрадное или обѣщающее.

Въ повѣсти «Уляся» изображаемая авторомъ жизнь является для него прежде всего прошлымъ, на милыя и мягкія отношенія дѣйствующихъ лицъ, на симпатичный бытъ и поэзію авторъ смотритъ глазами нашего современника, и уже одно это обстоятельство является источникомъ критицизма по отношенію къ духовной жизни ближайшихъ предшественниковъ. Между родителями Уляси, богатыми полтавскими козаками, отношенія мирныя, всегда дружныя; часто они принимаютъ гостей изъ мелкаго дворянства, ничего для нихъ не жалѣютъ, устраивая гомерическія пиршества; къ дѣтямъ относятся любовно, ласково и мягко. Вся жизнь проходитъ въ сытости и довольствѣ, съ поэтическими народными обрядами, пѣснями, мечтами; все красиво и эффектно подъ мягкимъ ласкающимъ солнцемъ, все этой жизни можно простить и во всемъ увидѣть теплую, мягкую, сантимен-

тальную душу человѣческую—«благословенная Малороссія»! Эта жизнь богата внутренней красотой, поэзіей, гармоничностью, и если въ нее врывается посторонняя, чужая сила, хотя бы и ничтожная, гармонія пропадаетъ, приходятъ горе, слезы, отчаяніе, болѣзнь и смерть. Красивый писарь, чужой человѣкъ въ селѣ, разбиваетъ сердце Уляси, и въ жизни всей семьи съ непобѣдимой силой развивается горе, подтачивающее старшихъ членовъ семьи и губящее Улясю, ибо все хорошее сохранили въ себѣ эти потомки козаковъ изъ быта старой Украины, кромѣ с и л ы. Вотъ уже эта сторона повѣсти Маріи Проскуривны позволяетъ видѣть въ авторѣ не копіиста, а самостоятельнаго мастера, который умѣло и спокойно справляется со своимъ матеріаломъ для своихъ цѣлей.

Съ другой стороны, и прекрасный поэтическій языкъ Маріи Проскуривны отнюдь не является простой копіей языка народнаго. Народный языкъ, «приказка», сравненіе, образъ являются только матеріаломъ, изъ котораго авторъ комбинируетъ свои краски. Краткость, экспрессивность и красочность—таковы черты стиля Маріи Проскуривны, которыя отдѣляютъ ее отъ этнографической литературной школы минувшаго столѣтія и роднятъ по стилю съ Стефаникомъ и Тесленкомъ.

Если запасъ впечатлѣній и наблюденій автора надъ народной жизнью не исчерпался повѣстью «Уляся», то слѣдуетъ ожидать новыхъ произведеній Маріи Проскуривны, такихъ же живыхъ, оригинальныхъ и творческихъ, какъ и эта хорошая повѣсть. Самое важное въ такого рода творчествѣ — это не сдѣлаться рабомъ интереснаго матеріала, а пользоваться имъ для соціальныхъ и психологическихъ проблемъ.

Ан. Василько.

И. П. Бѣлоконскій.—*Земское движеніе. Второе изданіе 397. стр. К-во „Задруга“.* Москва. 1914. Цѣна 3 рубля.

Исторія земства въ Россіи служитъ наглядным показателемъ того, что между строемъ мѣстнаго управленія данной страны и ея государственной организаціей должна существовать извѣстная внутренняя связь и зависимость. Тѣ обстоятельства, при которыхъ было введено Положеніе 64 года, неизбѣжно толкали земство на путь борьбы за введеніе представительнаго строя; эта борьба являлась логическимъ слѣдствіемъ несовмѣстимости между самодержавнымъ строемъ и земскими учрежденіями, которая проявлялась съ большей или меньшей силой на протяженіи его исторіи. Весьма подробную и обстоятельную картину этой борьбы земства за представительный строй и даетъ И. П. Бѣлоконскій въ своей книгѣ, недавно вышедшей уже вторымъ изданіемъ. Онъ не пытается объяснить возникновеніе этой борьбы и освѣтить ее съ точки зрѣнія исторической перспективы, онъ не изучаетъ, а изображаетъ на основаніи богатаго матеріала самый ходъ этой борьбы и ея любопытныя детали.

Для насъ, украинцевъ, эта книга, помимо своего общаго зна-

ченія, имѣетъ еще особый спеціальный интересъ. Несомнѣнно, можно считать установленнымъ тотъ фактъ, что украинскіе дѣятели 60-хъ и 70-хъ гг. сыграли свою, хотя до сихъ поръ и мало выясненную, но все-таки значительную роль въ этомъ движеніи. Вѣдь первоначальнымъ очагомъ земскаго конституціоннаго движенія явился именно югъ Россіи, отсюда же оно захватило и другія земства; несомнѣнно также, что здѣсь, при содѣйствіи украинскихъ дѣятелей и организацій формировались оппозиціонныя силы и только, какъ говоритъ самъ г. Бѣлоконскій, «начиная съ 1879 года, центръ земскаго движенія передвигается на сѣверъ, и первенствующую роль начинаетъ играть тверское земство (стр. 16).

И съ этой-то стороны и любопытно подойти къ книгѣ г. Бѣлоконскаго и установить, даетъ ли она какой-либо матеріалъ для выясненія вопроса о степени участія украинцевъ въ конституціонномъ движеніи.

Къ сожалѣнію, авторъ только какъ-бы мимоходомъ затрогиваетъ этотъ интересный вопросъ, хотя другія стороны конституціоннаго движенія, вплоть до разговоровъ съ высокопоставленными особами, изображены имъ весьма детально.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи своей книги г. Бѣлоконскій оставилъ безъ всякаго измѣненія данныя о рядѣ земскихъ частныхъ съѣздовъ, на которыхъ принимали участіе не одни только земскіе украинофилы. Такъ, въ нѣсколькихъ строкахъ и довольно туманно останавливается авторъ на весьма любопытномъ кіевскомъ съѣздѣ, на которомъ, по его же словамъ, «принимали участіе и соціалисты-революціонеры и украинофилы» (стр. 7). Между тѣмъ, и по этому вопросу, даже на основаніи матеріаловъ, опубликованныхъ въ «Быломъ», можно было дать бо́льшія подробности.

Конечно, авторъ не могъ принять во вниманіе недавно появившейся статьи г. Хатченка, гдѣ опредѣленно устанавливается, что собранія, на которыхъ велись переговоры между различными общественными группами, устраивались «Громадой» [1]).

Г. Бѣлоконскій ограничился только указаніемъ на то, что «данныхъ объ этихъ съѣздахъ, покуда весьма мало».

Болѣе значительное мѣсто удѣлено въ книгѣ г. Бѣлоконскаго М. П. Драгоманову и его отношенію къ «Земскому Союзу».

Такъ, указано на то, что Драгомановъ сдѣлалъ земскимъ издававшійся имъ органъ «Вольное Слово»; затѣмъ приведенъ отрывокъ изъ автобіографіи М. П. Драгоманова, въ которомъ послѣдній излагаетъ тѣ мотивы, какіе побудили его, соціалиста-постепеновца, согласиться на предложеніе земцевъ взять на себя редактированія «Вольнаго Слова». Нельзя не выразить удивленія, что авторъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ объ извѣстной статьѣ М. П. Драгоманова «Либерализмъ и земство въ Россіи». Совершенно неиспользованнымъ осталось и предисловіе Б. А. Ки-

---

[1]) *А. Хатченко.* Ю. Ю. Цвѣтковскій, какъ общественный дѣятель *Укр. Ж.* 1913 г. № 7—8.

стяковскаго, какъ къ парижскому, такъ и московскому изданію сочиненій Драгоманова.

Въ извѣстной полемикѣ между В. Я. Богучарскимъ и Б. А. Кистяковскимъ по вопросу о томъ, было ли «Вольное Слово» органомъ Земскаго Союза, г. Бѣлоконскій занимаетъ опредѣленную позицію: онъ въ обширномъ примѣчаніи развиваетъ ту мысль, что «Вольное Слово» было дѣйствительнымъ органомъ Земскаго Союза, что главную роль въ сношеніяхъ съ Драгомановымъ игралъ В. А. Гольцевъ и что, г. Богучарскій сдѣлалъ слишкомъ поспѣшные выводы изъ данныхъ, которые возбуждаютъ лишь сомнѣніе, но ничего достовѣрно ни опровергаютъ, ни доказываютъ (стр. 32—33).

Этимъ и исчерпывается матеріалъ книги г. Бѣлоконскаго, имѣющій непосредственное отношеніе къ занимающему васъ вопросу объ участіи украинскихъ дѣятелей въ конституціонныхъ стремленіяхъ земства.

Отмѣтимъ еще то, что среди многочисленныхъ фотографическихъ снимковъ помѣщены портреты проф. В. Б. Антоновича, В. Л. Беренштама, И. А. (?) Житецкаго, А. А. Русова, М. П. Старицкаго и М. П. Драгоманова.

И. Л.

Андрій Жук Українська кооперація въ Галичині. Ціна 60 коп. (1,50 кор. Київ—Львів. 1913.

Небольшая брошюра кооператора-практика г. Жука даетъ очень много цѣннаго статистическаго матеріала о современномъ положеніи украинской кооперації въ Галиціи. Давъ въ началѣ своей брошюры краткій очеркъ соціально-экономическихъ отношеній въ Галиціи, г. Жукъ послѣдовательно излагаетъ современное положеніе отдѣльныхъ отраслей кооперації; брошюра даетъ картину дѣятельности Общества «Просвіта», сельскохозяйственнаго товарищества «Сільський Господарь», «Краевого Союза ревизійного», кооперативовъ кредитныхъ, потребительныхъ, маслодѣльныхъ, для продажи скота, для продажи и покупки предметовъ сельскаго хозяйства, страховыхъ и смѣшанныхъ. Авторъ, очевидно, умышленно избѣгаетъ комментаріевъ и разъясненій, ограничиваясь систематизаціей и сводкой статистическаго матеріала.

Несмотря на неизбѣжную при такихъ условіяхъ сухость изложенія, факты, приводимые авторомъ, производятъ импонирующее впечатлѣніе, особенно, если ихъ сопоставить съ цифрами, обрисовывающими экономическое положеніе населенія украинской Галиціи. Край безграмотныхъ, край малоземельнаго крестьянства, благодаря свободнымъ условіямъ политической жизни достигъ въ развитіи кооперації такого положенія, которое еще долго будетъ недостижимымъ идеаломъ для россійской Украины, находящейся въ несравнимо болѣе благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ. Приведемъ только одну цифру: при 3,208.092 украинскаго населенія въ Галиціи украинскихъ кооперативовъ

въ 1911 году было 1117. Какъ разнится она отъ соотвѣтственной цифры въ любой изъ губерній россійской Украины, каждая изъ которыхъ по своему пространству и населенію приблизительно равняется Галиціи!

Въ Петербургѣ въ настоящее время галицко-русскимъ благотворительнымъ Обществомъ, съ неизбѣжнымъ гр. Бобринскимъ и очередными ламентаціями «Новаго Времени» организуется комитетъ помощи пострадавшимъ отъ неурожая въ «подъяремной Руси». Обычный для этихъ организацій составъ изъ сіятельныхъ особъ и галицкихъ ренегатовъ и авантюристовъ на этотъ разъ дополненъ представителемъ прогрессивнаго лагеря—чл. Гос. Думы Велиховымъ. Для господъ изъ этого комитета, вѣрнѣе для той его части, если такая имѣется, которая не потеряла чувства правдивости и порядочности въ общественныхъ дѣлахъ, брошюра и цифры г. Жука были бы очень полезны и умѣстны. Они бы увидали, какъ помогаетъ народъ себѣ самъ, какъ онъ ищетъ и находитъ выходъ изъ своего положенія, если онъ имѣетъ возможность жить при условіяхъ конституціоннаго государства.

Къ дефектамъ брошюры г. Жука, которые не покрываютъ всѣхъ ея положительныхъ сторонъ, мы бы отнесли ея нѣкоторую неполноту. Намъ казалось бы, что въ брошюрѣ необходимъ былъ бы отдѣльный очеркъ культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативовъ, былъ бы умѣстенъ также очеркъ положенія москвофильской кооперації.

Но, повторяемъ, и въ настоящемъ видѣ брошюра г. Жука представляетъ серьезный интересъ и заслуживаетъ всяческаго вниманія читателей.

В. Садовскій.

Жерела до історії України-Руси. Видає Археографічна Комісія Наукового Товариства імени Шевченка. Томъ XXII. Дневник Якова Марковича, рр. 1735-1740. Видав Вадим Модзалевскій. Київ—Львів. 1913. Стр. 385. Ціна 1 р. 50 к.

Дневникъ малороссійскаго генеральнаго подскарбія Якова Марковича, веденный имъ въ теченіе полувѣка (1717—1767 гг.), представляетъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для характеристики домашняго уклада украинской старшины того періода въ жизни Гетманщины, когда совершалась постепенно коренная ломка ея автономныхъ учрежденій и когда эта самая старшина превращалась въ «благородное россійское дворянство». Мы находимъ въ этомъ дневникѣ массу мелкихъ чертъ, рисующихъ взаимныя отношенія между представителями русской власти и командующимъ классомъ украинскаго населенія, массу подробностей, относящихся къ экономической жизни этого класса, поставившаго себѣ цѣлью послѣ крушенія автономистскихъ стремленій начала XVIII вѣка упроченіе своего собственнаго соціально-экономическаго положенія на счетъ крестьянства и рядового козачества. На-ряду съ этимъ мы находимъ въ Дневникѣ Марковича отраженіе культурныхъ понятій его общества,—недаромъ его авторъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей на Украинѣ въ

первой половинѣ XVIII вѣка. Окончившій курсъ въ кіевской академіи, любимѣйшій ученикъ и другъ Ѳеофана Прокоповича, сдѣлалъ довольно удачную служебную карьеру благодаря сильнымъ родственнымъ связямъ (тетка его по отцу, Настасья Марковна, была замужемъ за гетманомъ Скоропадскимъ), а еще лучше устроилъ свои матеріальныя дѣла. Но онъ выгодно отличался отъ своей братіи, козацкой старшины, представлявшей въ его время въ большинствѣ случаевъ сѣрую толпу алчныхъ пріобрѣтателей и вообще искателей житейскихъ благъ, своею культурностью, любовью къ просвѣщенію и до конца дней не оставлялъ своихъ литературныхъ интересовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его Дневникъ, пестрящій выписками и цитатами изъ латинскихъ авторовъ, замѣтками о культурныхъ или прочитанныхъ книгахъ на языкахъ польскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ. Меньше всего даетъ Дневникъ матеріала для характеристики политическихъ и общественныхъ отношеній, ограничиваясь голымъ упоминаніемъ о томъ или иномъ фактѣ. Объясняется это, конечно, кромѣ особой осторожности, которая была присуща украинцамъ послѣ мазепинской катастрофы и полуботковской исторіи, еще и общимъ пониженіемъ политическихъ интересовъ въ средѣ старшины въ половинѣ XVIII столѣтія. Заботы о пріобрѣтеніи «грунтовъ», объ увеличеніи крестьянскихъ «послушенствъ» затмили былыя мечты о «маткѣ-отчизнѣ» и вольностяхъ козацкихъ. Но во всякомъ случаѣ Дневникъ Якова Марковича, наравнѣ съ Дневникомъ его товарища по академіи Николая Ханенка представляетъ въ украинской исторіографіи XVIII вѣка памятникъ исключительной цѣнности.

Впервые Дневникъ изданъ былъ въ Москвѣ въ 1859 г. роднымъ внукомъ его автора А. М. Марковичемъ (1790—1865), принадлежавшимъ, въ свою очередь къ образованнѣйшимъ представителямъ украинскаго дворянства прошлаго вѣка. Но двухтомное изданіе это давало матеріалъ въ значительномъ сокращеніи и—что всего хуже—съ «исправленіями» языка, значительно лишившими его колорита. Впервые научное изданіе Дневника было предпринято покойнымъ историкомъ Гетманщины А. М. Лазаревскимъ въ приложеніи къ журналу «Кіевская Старина». Изданія этого вышло всего три тома (Кіевъ. 1893—97 гг.), заключающихъ дневникъ съ 1717 по 1734 гг., и затѣмъ оно прекратилось. За продолженіе его теперь взялось «Наукове Товариство імени Шевченка». Редакцію принялъ на себя одинъ изъ авторитетнѣйшихъ въ настоящее время знатоковъ исторіи Гетманщины г. Модзалевскій, снабдившій текстъ многочисленными примѣчаніями. Въ настоящемъ томѣ напечатаны записи дневника съ 1735 по 1740 годъ. Остальной матеріалъ разсчитанъ еще на три тома приблизительно. Разумѣется, текстъ Дневника печатается безъ всякихъ измѣненій и сокращеній, съ оригинала, переданнаго редактору владѣльцами его, потомками Якова Марковича.

Нечего и говорить, какой цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу дѣлаетъ «Наукове Товариство» опубликованіемъ полнаго текста Дневника Марковича. Можно пожелать

только, чтобы оно не остановилось на этомъ и предприняло изданіе также другихъ памятниковъ, или вовсе еще не обнародованныхъ, какъ, напримѣръ, многотомный дневникъ гетмана Филиппа Орлика, или изданныхъ давно и уже ставшихъ большою библіографическою рѣдкостью. Конечно, это зависитъ главнымъ образомъ отъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ изданія такого рода очень рѣдко окупаются и осуществленіе ихъ почти всегда зависитъ отъ поддержки со стороны учрежденій или же частныхъ лицъ, просвѣщенныхъ любителей родной старины.

Д. Дорошенко.

Литературная лѣтопись.

Юбилейныя изданія въ честь Шевченка.—Въ связи со столѣтнимъ юбилеемъ со дня рожденія Шевченка цѣлый рядъ украинскихъ обществъ и издательствъ намѣрены выпустить сборники, посвященные всестороннему изученію личности и творчества украинскаго поэта Кіевское Украинское Общество посвящаетъ одинъ томъ своихъ записокъ исключительно памяти Шевченка; то же намѣрено сдѣлать и Львовское Научное О-во им. Шевченка; 2-я книжка „Літературно Наукового Вістника“ за 1914 г. будетъ также посвящена Шевченку; Библіографическая Комиссія Львовскаго Украинскаго Научнаго Общества постановила издать полную библіографію „Sevčenkiana“, куда войдутъ библіографическіема теріалы о Шевченкѣ кончая 1913 г.

— Февральская книжка нашего журнала (за 914 г.) также будетъ посвящена памяти Шевченка

Къ 75 лѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго – Въ Вѣчи (№ 2 5, 28/X) помѣщена статья Павла Зайцева Въ ней онъ кратко излагаетъ біографію украинскаго поэта и выясняетъ значеніе его въ дѣлѣ возрожденія новой украинской литературы: „подобно Сковородѣ, онъ– Котляревскій—вмѣстѣ съ проповѣдью гуманизма открылъ всему міру и сокровища общечеловѣческаго значенія, кроющіяся въ украинскомъ народѣ“. Эта же статья помѣщена и въ газетѣ „*Современное слово*“ (28/X); „*Раннее Утро*“ (№ 2 9) также посвятило статью „Отецъ новой украинской литературы“

Работа Шведскаго ученаго о Котляревскомъ. Ученый *Енсенъ* (Стокгольмъ) написалъ большое критическое изслѣдованіе объ Энеидѣ Котляревскаго. По мнѣнію Енсена, „Энеида“ въ переработкѣ Котляревскаго стоитъ выше травестій, Виргилія, появившихся въ Европѣ со времени ренесанса; Енсенъ видитъ въ украинской „Энеидѣ“ широкую національную основу, высокую художественность, связанную съ многограннымъ изображеніемъ народной жизни. Работа Енсена была реферирована на одномъ изъ послѣднихъ собраній Научнаго О ва имени Шевченка во Львовѣ и будетъ напечатана въ ближайшей книжкѣ его „Записок“.

Юбилейный сборникъ въ честь И. Франка выйдетъ въ началѣ 19 4 г. Сборникъ будетъ распадаться на три части: 1) библіографія произведеній Франка,) беллетристика и 3) научныя и критическія статьи Въ сборникѣ примутъ участіе болѣе сорока авторовъ, причемъ кромѣ извѣстныхъ украинскихъ писателей и ученыхъ въ немъ будутъ участвовать: Короленко, Горькій, Тодоровъ, проф Коршъ, проф. Бодуенъ-де-Куртене. проф Шахматовъ, Енсенъ, Брикнеръ, Черни, Поливка, и др. Статьи будутъ напечатаны на языкѣ ихъ авторовъ: украинскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ, нѣмецкомъ, болгарскомъ, шведскомъ и т. д.

Сборникъ будетъ снабженъ портретами и иллюстраціями художниковъ Труша, Скорописа, Холодного и др

— Вышелъ 1-й сборникъ „Медичної секціі Українського Наукового Товариства у Київі“ со слѣдующимъ содержаніемъ: Д-ръ Михайло Кос—Хиби очей у новобранців; Д-ръ С. Кобзаренко—Матеріяли до питання про діяльність периферічних кровяних жил та про ролю їх в акті коловороту крови; Д-ръ Е Черхняівський — До питання про шво жил при гоїнні аневрізм; Д-ръ Г. Квятковський—Два випадки численних пухирних глистів; Д-ръ Е. Лукасевичъ—Tumor malignus pulmonis decstri. Sarcoma pulmonis primaria

— Издательства **„Дзвін“** выпустило шестой томъ произведеній В. Винниченка, куда вошелъ романъ „Рівновага“ (На вѣсахъ жизни), переведенный съ россійскаго на украинскій языкъ. Переводъ сдѣланъ Н. Романовичъ.

— Въ русскомъ переводѣ М Могилянскаго и Ф. Волховскаго вышли отдѣльнымъ изданіемъ О ва писателей „*Тѣни забытыхъ предковъ*“ *М. Коцюбинскаго*

— Въ ноябрьской книжкѣ „*Русскаго Богатства*“ помѣщено продолженіе „Очерковъ соціальной жизни Малороссіи“ (Формы земл.владѣнія въ Лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.) *В. Мякотина*

— Въ новомъ „*Ежемѣсячномъ Журналѣ*“, издаваемомъ В С Миролюбовымъ (бывшимъ редакторомъ „Журнала для Всѣхъ), обѣщаны печатаніемъ въ 1914 г. „*Очерки*“ *М. Грушевскаго* и переводный съ украинскаго разсказъ *В. Винниченка* „*Терень*“. (Начало этого разсказа въ украинскомъ оригиналѣ помѣщено въ журналѣ „**Дзвін**“, кн. 10)

— Въ „*Приазовскомъ Краѣ*“ напечатанъ переводъ съ украинскаго разсказа М. Коцюбинскаго „Маленькій грѣшникъ“.

Переводъ принадлежитъ **Л** М-ву и помѣщенъ въ № 255 (29/XI) названной газеты

— „*Провинціальный Голосъ*“ (издается въ г. Умани Кіевск губ.) помѣщаетъ свѣдѣнія изъ украинской жизни въ отдѣлѣ, носящемъ такое же названіе. „*Лубенскіе Отклики*“ (№ 9, 3/X) въ статьѣ „Изъ Украинской Жизни“, противопоставляя извѣстному заявленію Предсѣдателя Государственной Думы г. Родзянка письмо екатеринославскихъ крестьянъ съ 1770 подписями, приходятъ къ тому выводу, что эта цифра во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствуетъ понятію „народъ“, чѣмъ та, которую употребилъ въ видѣ факта г. Родзянко, т.-е. нѣсколько пановъ

„Но для насъ— говоритъ далѣе газета,— въ данномъ случаѣ важны не цифры, а самый фактъ несправедливаго отношенія интеллигенціи къ своему народу.

Мы слишкомъ погрузли во мракѣ печальной русской дѣйствительности и не можемъ почувствовать во всѣмъ объемѣ тотъ трагизмъ, которымъ наполнена украинская жизнь и который такъ удачно и своеобразно выразился въ означенныхъ думскихъ выступленіяхъ“

— Въ „*Южной Зарѣ*“ (№ 2198, 7/X) въ отдѣлѣ „Изъ украинской жизни“ перепечатано нѣсколько хроникерскихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ 9 кн нашего журнала.

— „*Рѣчь*“ (№ 295, 28/X) помѣщаетъ рецензію Мих. Могилянскаго на повѣсть украинской писательницы Ольги Кобылянской „Черезъ кладку“. Г. Могилянскій считаетъ произведеніе Кобылянской «однимъ изъ наиболѣе выдающихся художественныхъ произведеній украинской литературы за послѣдніе годы». Не закрывая глаза на нѣкоторые дефекты этого произведенія, авторъ «интересъ повѣсти усматриваетъ въ психологическомъ анализѣ, утонченномъ и углубленномъ Почти не давая внѣшнихъ описаній, писательница достигаетъ скульптурной четкости и опредѣленности образовъ... Кобылянская стоитъ на высотѣ задачъ художника, ея образы не только убѣдительны и понятны изъ условій быта, но, и въ свою очередь, являются психологическимъ истолкованіемъ быта».

— Прочувствованную статью, по поводу 70 лѣтія годовщины со дня рожденія *академика Ѳ. Е. Корша* посвящаетъ проф *Н. Ф. Сумцовъ въ «Южномъ Краѣ»* (№ 11709, 31/X) Указавъ въ общихъ чертахъ на значеніе научной дѣятельности юбиляра и отмѣтивъ исключительную эрудицію его, Сумцовъ оттѣняетъ яркую личность проф. Корша какъ филолога-гуманиста Съ особенною яркостью, по мнѣнію Сумцова, этотъ гуманизмъ обнаруживается въ статьяхъ объ украинскомъ національномъ возрожденіи и украинскомъ языкѣ, помѣщенныхъ въ , 7, и 8 кн. нашего журнала Свою статью проф. Сумцовъ заключаетъ слѣдующими словами: «Говорятъ, наука сушитъ; но Ѳ Е. она не засушила, несмотря на большое число его изслѣдованій, отличающихся глубокой спеціальностью; хотя прошло 70 лѣтъ и подошли преклонные годы, но у почтеннаго юбиляра умъ широко раскрытъ для всѣхъ впечатлѣній знанія и сердце чутко къ чувству добра и справедливости Для такихъ людей наука всегда служитъ живоноснымъ источникомъ Какъ бы ни была темна окружающая ихъ ночь, они неизмѣнно стоятъ на горизонтѣ жизни, какъ полоса багрянаго свѣта, мерцаютъ среди житейской тьмы и служатъ путеводной нитью для всѣхъ искателей чудной страны свѣтлаго бытія».

— Въ «*Южной Зарѣ*» (№ 2 99, 18/X) посвящена статья пересказу воспоминаній Дейча «Драгомановъ въ эмиграціи».

— „*Вѣстникъ Золотоношскаго Сельско-Хозяйственнаго Общества*“ (№ 80) помѣстилъ въ украинской перепечаткѣ изъ «Рады» статьи, посвя-

щныя Н. Лысенко, «Перші роковини» «В історичній перспективі».

Въ № 7—8 «*Искусства*» помѣщена статья Г. Лукомскаго «Волынская старина».

Украинской лирикѣ посвящаетъ свои «Этюды» В. Міаковскій въ прибавленіи къ газетѣ «День» «Литература, искусство, наука» (№ 5). Данный этюдъ посвященъ характеристикѣ творчества Хрысти Алчевской. Перепечатку статьи этой находимъ въ «Подольскихъ Извѣстіяхъ» (№ 258, 10/XI).

— «Открытое письмо къ русскимъ писателямъ В. Винниченка *) перепечатано въ Приазовскомъ Краѣ» (№ 275 20/X) подъ заголовкомъ «Хохлы» въ русской литературѣ». На письмо В. Винниченка отозвался «Одесскій Листокъ» (№ 248. 20/X) статьей «Слишкомъ» К. Пересвѣтова. Авторъ этой статьи считаетъ, что письмо г Винниченка подъ взглядомъ трезваго спокойствія и непристрастнаго отношенія теряетъ свою основательность и вызываетъ слово «Слишкомъ». Г-нъ Пересвѣтовъ думаетъ, что «національная щепетильность и больная чуткость гипертрофировали реакцію г Винниченка на то, что его заинтересовало»; «Утро Россіи» (№ 240) истолковало письмо украинскаго беллетриста въ юродивомъ духѣ: Винничено, молъ, утопистъ и хочетъ запретить русскимъ писателямъ употреблять мѣстныя нарѣчія, которыхъ такъ много въ Россіи

— Англійскій «*The New Age*» (№ 26), информирующій англійскихъ читателей о положеніи украинцевъ, посвящаетъ новую статью на тему «The Future of the Ukraine», принадлежащую перу г. Рафаловича Статья вызвана законопроектомъ еп Никона объ украинскихъ школахъ и Обществахъ. Авторъ полемизируетъ съ Birbecko'мъ выступающимъ на страницахъ «Russian Review» (руссофильскій) и доказывающимъ, что никакого украинскаго народа нѣтъ и что всѣ стремленія украинцевъ къ національному стремленію объясняются происками іезуитовъ Въ законопроектѣ еп Никона г Рафаловичъ усматриваетъ лучшее доказательство вздорности свѣдѣній распространяемыхъ Birbecko'мъ и др. Подвергая тщательному анализу этотъ законопроектъ и указывая его дефекты, авторъ попутно много мѣста въ своей статьѣ удѣляетъ просвѣтительной работѣ украинскихъ „Просвіт" какъ въ Галиціи, такъ и въ россійской Украинѣ. Касается также авторъ и научной дѣятельности Научнаго О-ва им. Шевченка во Львовѣ.

— „*Familly Herald Weekly Star*", англійскій еженедѣльникъ, выходящій въ Монтреалѣ(Канада , посвящаетъ обстоятельную статью украинскимъ эмигрантамъ изъ Галиціи, переселившимся въ Канаду. Авторы статьи Hardy и Staples подчеркиваютъ преданность эмигрантовъ національнымъ обычаямъ и развитое національное чувство, призывая въ то же время къ ассимиляціи переселенцевъ.

На нѣмецкомъ языкѣ печатается и выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ „Очеркъ исторіи украинскаго народа" проф. М. Грушевскаго.

Украинская грамматика на нѣмецкомъ языкѣ проф. Смаль-Стоцкаго (Ruthenische Grammatic von Dr. Stephan von Smal-Stockyi, Professor an der Universität Czernowitz.) вышла на этихъ дняхъ въ изданіи Гёшена (Берлинъ—Лейпцигъ). Грамматика носитъ популярный характеръ, отвѣчая въ то же время и научнымъ требованіямъ.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ «Ділом», вслѣдъ за данной работой проф. Смаль-Стоцкаго упомянутое издательство Гёшена намѣрено выпустить на нѣмецкомъ языкѣ краткую украинскую хрестоматію и краткую исторію украинской литературы того же автора — Та же газета сообщаетъ, что въ настоящее время печатается въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ обширная и строго научная грамматика украинскаго языка, написанная Смаль-Стоцкимъ и Гартнеромъ.

— Въ мюнхенскихъ газетахъ, какъ, напр., Müncher Neueste Nachrichten, Münchene Post, Münchener Zeitung, München Aubsburger Abendzeitung, попосвящены сочувственные отзывы объ украинцѣ оперномъ артистѣ *М. Меничинскомъ* по поводу выступленій его въ вагнеровскихъ операхъ въ Prinz Regenter Theater

—Галицко-русское Общество въ Петербургѣ, во главѣ котораго стоитъ извѣстный графъ Бобринскій, рѣшило издавать свой органъ „Червоная Русь" (Галиція) Какъ извѣстно, названное Общество поддерживаетъ москвофильскую пропаганду въ Галиціи: этимъ же цѣлямъ, очевидно, будетъ посвященъ и новый органъ

— Изъ новыхъ украинскихъ книгъ вышедшихъ въ послѣднее время, отмѣтимъ слѣдующія: 1) В. Винниченко „Рівновага" (На вѣсахъ жизни), романъ въ переводѣ съ русскаго Н Романовичъ. 2) *Его же*, „Хведько-Халамидникъ",

*) См. „Украинская Жизнь", 10 кн., 1913.

разсказъ, 3) В. Леонтовичъ „Старе и нове", повѣсть, 4) О. Кобець. „Ряст" Сборникъ поэзій. 5) Іван Франко Дантова друга любов. 6) Его же. „Рутенці". Типы галицкихъ русиновъ 60-70-хъ гг. 7) Его же. Молитва за ворогів. Изслѣдованіе. 8) Его же. „Найстарші памятки німецької поезії IX—XI в в. Текстъ переводъ и примѣчанія, 9) Его же. „Пяницьке чудо в Корсуні". Изслѣдованія. 10) Его же. „Алькай и Сапфо" Текстъ и изслѣдованіе 11) Его же „Котра віра ліпша". (Интермедія жида з русином). Текстъ и изслѣдованіе. 12) Василь Пилинчук, Практичний ілюстрований підручник пасічництва. 13) Коваленко-Коломацький (Гр Сьогобочній). Спомини про Миколу Віталіевича Лисенка. (Съ портретами), 13) Андрій Жук, Українська кооперація въ Галичині 14) Милорадович. Казки і оповідання (Записані в Лубенщині), 15) М Порш. Робітництво Україні. 16 Чуприна Лицарь — сам, поэма 17) В. Щербаківский Українське мистецтво. 18) Звідомлення Українського Літературно-артистичного товариства у Катеринославі за 1912 рік. 19) Адам Сміт Про богатство народів, въ переводѣ О Михалевича

— „*Современная Психіатрія*" (сентябрь 1913) отмѣчаетъ въ своей хроникѣ (замѣтка: «Дѣло Ющинскаго и проф. Сикорскій») статью «Націоналистическая Наука» проф. Ѳ. Е. Корша, напечатанную въ нашемъ журналѣ. Органъ московскихъ психіатровъ называетъ статью Корша, «основательной критикой" доклада проф. Сикорскаго „*Кіевская Мысль*" (№ 317, 16 XI) въ статьѣ „Изъ прошлаго „Старої Громади" сжато излагаетъ содержаніе воспоминаній А. А Русова „Какъ я сталъ членомъ „Громады", напечатанныхъ въ предыдущей книжкѣ нашего журнала. Отмѣчая важность воспоминаній украинскихъ шестидесятниковъ и семидесятниковъ не только для исторіи украинства, „но и для исторіи русскаго общественнаго движенія, въ частности земскаго конституціонализма, авторъ статьи въ названной газетѣ выражаетъ увѣренность что „своими воспоминаніями подѣлятся и другіе старые товарищи А А. Русова по украинскому движенію".

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ 9 кн. нашего журнала, въ отдѣлѣ „Литературная лѣтопись" (стр. 115) было сообщено о томъ, что газета „Полтавскій Голосъ" завела „постоянный отдѣлъ" „Украинская жизнь". Въ данное сообщеніе вкрался досадный недосмотръ: Такой отдѣлъ заведенъ газетой „Полтавскій День" а не „Полтавскій Голосъ".

Редакторъ-издатель Я. А. Шеремецинскій.

Приймається передплата на рік 1914.
на український місячний літературний, науковий і громадського життя

Літературно-Науковий Вістник

ЩО ВИХОДИТЬ КНИЖКАМИ ПО 12—15 АРК.

при близшій участи В. Винниченка, М. Грушевського, М. Левшана, О. Кобилянської, О. Лотоцького, В. Леонтовича, О. Олеся, Ю. Сірого, Л. Старицької-Черняхівської, Л. Цегельського і инших. Містить белетристику оригінальну й переклади—повісти, оповідання, драми, поезії, статї з української історії, літератури, суспільної економії й инших областей знання; огляди літератури, суспільно-політичного життя; критику й бібліографію.

Завідує літературним виданням О. Олесь.

Редакція і головна контора: Київ, В. Підвальна 36, кв. 8.
Контора Львівська, вул. Супінського, ч. 21.
(Lemberg. Supincki-str. 21, Anzeiger für Literatur und Wissenschaft).

Передплата для Росії: на рік 8 р. за пів року 4 р. 50 к.

З огляду на тяжкі матеріяльні обставини нинїшнього українського життя передплата на „Літературно-Науковий Вістник" в 1914 р. для незаможних учнів, студентів, сельських учителїв і учительок, низших служащих, робітників і солян знижена на 6 рублїв (коли вони передплачують журнал просто з контори).

Кому трудно відразу цілу передплату внести, нехай присилає по 1 р. на перше число кожного місяця, поки збереться повна передплата, а журнал пересилатиметься зараз.

Книгарням і всяким посередникам від передплати 5½, коли вона повна (8 руб.) і виплачуеть ся відразу. Комплети журналу за попередні роки продають ся по 8 р.

На зміну адреси треба висилати 30 коп. Ціна книжки осібно 90 к.

Приймається передплата на 1913—1914 шкільний рік
НА УКРАЇНСЬКИЙ ПЕДАГОГИЧНИЙ ЖУРНАЛЪ

„СВІТЛО"

четвертый рік видання.

Журнал призначається для сем'ї і школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 4 до 5 аркушів) по такій програмі:
1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти. 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного і семйового життя. 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти. 4) Сьогочасне становище народньої освіти, школи і народнього учительства на Україні. 5) Хроніка діяльности всяких просвітніх, педагогичних і наукових товариств. 6) Огляди педагогичних російських і закордонних журналів. 7) Твори красного письменства. 8) Бібліографія Въ журналі „Світло" за перший й другий рік взяли участь своїми писаннями такі співробітники: Х. Алчевська, Батько, С. Бердяєвъ, Бія-кий, Ан. Василько, С. Васильченко, С. Волох, П. Воронін, М. Грінченко (Загірня), Я. З—кевич, Дніпрова Чайка, Д. Дорошенко, С. Ефремов, Д. З. Бір, Т. Згор льський, П. Капельгородський, Н. Кибальчич, А. Курилас, В. Куц, Людомир П., Гр. Михайлець, З. Мірна, Он. Мусієнко, Гр. Наш, Гр. Неборак, М. Невада, К. Оберучев, Ол. Он—ко, О. Она, Сергій Павленко, П. Понятенко, В. Поточний, Педагог, Д. Пісочинець, Провінціал, Я. Савченко, Гр. Сьогобочній, М. Рубакин, Ол. Русов, С. Русова, Ю Сірий, Ю. Стрижавський, С. Сірополко, Слюсар, В. Спілка, Ів. Стешенко, Я. Стороженко, М. Ткаченко, П. Є. Т—ро, С. Титаренко, Ф. Тусін, Є. Чарнолуська, Чепелянський, Я. Чепіга, С. Черкасенко, Л. Чулий, Св. К. Шар—кий, С. Шелухін, С. Шохоръ-Троцький.

Журнал „Світло" виходить з сентября. Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб. 50 к. За кордон 5 карб. Передплата приймається в конторі „СВІТЛА", у Київі, В.-Володимирська. 93 Передплачувати „Світло" можна ще у Київі: 1) в Українській книгарні, Безаківська, 8; 2) в книгарні Л.-Н. Вістника, В.-Володимирська, 28; 3) в Краминиці „Час" Вел. Волод. 53, въ Харькові, в Українській книгарні Рибна. 25, в Полтаві в „Українській книгарні" Петровська ул., буд. Ворожейкини, поруч з європейським готелем; в Одесі: въ книгарніи „Діло", Преображенська, 11, риг. Лисаветинської, в Катеринодарі, Красна ул. Книгарня Запорожця.

ЗАМОВЛЯЙТЕ І ЧИТАЙТЕ!

Вже вийшов з друку і продаєть ся перший український великий

Гумористичний Календар

„Ж А Л О“

на новий, 1914-ий рік.

Є се одинокий український гумористичний календар, який розвеселить - забавить Вас я кождім часі! Зміст Гумористичного календара „Жало“ дуже ріж нородний і богатий. Повно в нім веселих віршів, оповидань, сьміховинок і дотепів, а крім того є в нім кількадесять образків. Ціна дуже мала, бо один календар коштує всього 60 сотіків 30 копійок 25 центів вже з оплатою почти.—Хто бере більше календарів, платить за один лише по 45 сотиків—25 копійок—20 центів.—Без гроший не посилаємо нікому.—Хто хотів би заняти ся продажю календарів, нехай напише до нас, а ми подамо йому приступні услівя.

Замовленя і гроші на Гумористичний календар „Жало“ посилайте лише на таку адресу:

Адміністарція „ЖАЛА“, у Львові, ул. кшинського ч. 34.

(*„Żalo“, Lemberg, Austria*).

Открыта подписка на 1914 годъ.

на ежемѣсячный журналъ исторіи и исторіи литературы.

„Голосъ Минувшаго“

подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго. (2-й годъ изданія). Программа журнала: I. Научныя статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи. II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ. III. Различные матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д. IV. Историческая беллетристика. V. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. VI. Критика и библіографія. VII. Новости русской и иностранной науки. VIII. Хроника, біографіи, некрологи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей. Журналъ иллюстрируется картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ въ 20 листовъ, начиная съ января 1914 года. Въ 1913 году въ «Голосѣ Минувшаго» приняли фактическое участіе: Арсеньевъ К. К., Аваліани, С. Л., Адарюковъ В. Я., Ашенбреннеръ М. Ю., Батюковъ Ѳ. Д., Безобразовъ П. В., Бирюковъ П. И., Боборыкинъ П. Д., Богучарскій В. Я., Боровой А. А., Бродскій Н. Л., Бѣлоконскій И. П., Василенко Н. П., Васютинскій А. М., Веселовскій Б. Б., Веселовскій Ю. А., Вишницеръ М., Вѣтринскій Ч., Гернетъ М. Н., Гершензонъ М. О., Горяиновъ С. М., Готье Ю. В., Грузинскій А. Е., Дживелеговъ А. К., Дьяконовъ М. А., Евгеньевъ В. М., Егоровъ Д. Н., Игнатовичъ И. И., Игнатовъ И. Н., Іорданскій Н. М., Каллашъ В. В., Карсавинъ Л. П., Карѣевъ Н. И., Кизеветтеръ А. А., Ковалевскій М. М., Коваленскій М. Н., Козловскій Л. С., Колосовъ А. Е., Кони А. Ѳ., Корфъ С. А., Коршъ Ѳ. Е., Кузьминскій К. С., Лаппо-Данилевскій А. С., Лазурскій В. Ф., Лернеръ Н. О., Лучицкій И. В. Максимовъ А. Н., Мельгуновъ С. П., Мендельсонъ Н. М., Мокіевскій П. В., Морозовъ Н. А., Новорусскій М. В., Ольнемъ В. Н., Пантелѣевъ Л. Ѳ., Перцевъ В. Н., Петлюра С. В., Пичета В. И., Плехановъ Г. В., Покровскій М. М., Покровскій М. Н., Полнеръ Т. И., Полянскій Н. Н., Попельницкій А. З., Поповъ И. И., Пругавинъ А. С., Розановъ М. Н., Розенбергъ В. А., Романовъ Н. И., Русановъ Н. С., Рѣзановъ В. И., Рѣпинъ И. Е., Рябининъ И. С., Савинъ А. Н., Сакулинъ П. Н., Сватиковъ С. Г., Семевскій В. И., Сидоровъ Н. П., Стекловъ Ю. М., Сыромятниковъ Б. И., Тарасовъ Е. И., Тарле Е. В., Успенскій К. Н., Фигнеръ В. Н., Фриче В. М., Хижняковъ В. М., Чайковскій Н. В., Чебышевъ А. А.,

Черткова А. К., Чертковъ В. А., Чубинскій М. П., кн. Шаховской Д. И., Щеголевъ П. Е., Щепкинъ В. Н., Щепкинъ Е. Н., Шрейдеръ И. И., Яковлевъ А. И. и др. Условія подписки: съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 8 руб., на ½ года—4 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб., за границу—10 руб. Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка по 2 руб. Въ отдѣльной продажѣ книга журнала 1 руб. Перемѣна адреса 20 коп. Подписныя деньги на 1914 годъ должны направляться въ редакцію журнала (Москва, Гранатный пер., домъ 2, кв. 31, телефонъ 1-78-28) или въ новую контору журнала (Складъ книгоиздательства «Задруга». Москва, Нижняя Кисловка, д. 1, кв. 4, телеф. 1-36-27).

Открыта подписка на 1914 годъ

„Сѣверныя записки"

(2-й годъ изданія) на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

4 рубля 12 книгъ.

Содержаніе X номера (октябрь). I. У колыбели. Стихотвореніе.—Бориса Садовскаго. II. Виноградъ. Разсказъ.—Ив. Шмелева. III. Микель-Анджело. Стихотвореніе.—Сергѣя Городецкаго. IV. Свѣтлояръ. Романъ главы VI—VIII.—С. Патрашкина. V. Гитанджали. (Пѣсенныя жертвоприношенія).—Рабиндоната Тагора. Переводъ и предисловіе Л. Б. Хавкиной. VI. Сова. Стихотвореніе.—Бориса Садовскаго. VII. Въ селѣ учителемъ.—С. Бондарева. VIII. О нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонахъ современной литературы. Ѳедора Степлуна. IX. Дидро и искусство. (Къ 200-лѣтію со дня его рожденія).—А. Овсянникова. X. Германская соціалъ-демократическая партія. (Іенскій партейтагъ). М. Б. Ратнера. XI. Сельскохозяйственный съѣздъ.—Дм. Скворцова. XII. Одна изъ мѣръ борьбы съ дороговизной жизни—Э. Вулиха. XIII. Философское донкихотство.—Б. Яковенко. XIV. Памяти Помяловскаго. (1863—1913).—Н Геккера. XV. Наша вина.—А. Керенскаго. XVI. Пятидесятилѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей». XVII. Содержаніе вышедшихъ номеровъ «Сѣверныхъ записокъ». XVIII. Книги, поступившія въ редакцію для отзыва XIX. Объявленія. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—4 руб., на 6 мѣс.—2 р., на 3 мѣс.—1 р., 1 м.—40 к. за границу—6 р. Подписка принимается: въ конторѣ журнала—С.-Петербургъ, Загородный, 21, телефонъ 569-49, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Издательница С. И. Чацкина.

Открыта подписка на 1913—14 годъ (5-й годъ изданія).

Бюллетени Литературы и Жизни.

двухнедѣльный журналъ **новаго типа.**

4 рубля въ годъ за 24 книги.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печатн. листовъ большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2,000 страницъ). «Бюллетени» идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интеллигентныхъ читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью, какъ періодич, такъ и неперіод, какъ русской, такъ и иностранной. Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. «Бюллетени»—

это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. О типѣ журнала «Бюллетини» еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. За истекшій годъ въ «Бюлл.» напечатано 240 ст. по самымъ разнообраз. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2,500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. Библіографія въ «Бюлл.» ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. жур. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей. Проспектъ журнала высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 руб., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р. За границу на годъ—5 руб. Для сельск. учителей, при непосредственномъ обращеніи въ контору, на годъ—3 руб. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежд. Имѣются полные комплекты «Бюлл.» за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.)—4 р. 50 к. Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Контора и ред. Москва, Мерзляковскій пер., д. 6. Тел. 5-02-06. Издатели: В. Крандіевскій и В. Носенковъ. Редакторъ: В. Крандіевскій.

Открыта подписка на 1914-й годъ.

„ХУТОРЯНИНЪ“.

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ, посвященный интересамъ сельскохозяйственной кооперації, промышленности и торговли.

Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства съ 1896 года. Годовая подписка съ пересылкой и доставкой 2 руб. 20 коп. Въ теченіе года подписчики получатъ: 52 номера (отъ 2 до 3 листовъ каждый, что за годъ составляетъ томъ свыше 2,200 стр. текста съ иллюстраціями). Сборникъ с.-х. статей. Календарь «Хуторянинъ» (свыше 250 стран. текста, съ массой рисунковъ и чертежей, цѣна въ отдѣльной продажѣ 25 коп.). О сборникахъ имѣются самые лучшіе отзывы. Руководство по молочному хозяйству. Сост. старш. спец. Деп. Земл. М. Я. Примо. Около 160 стр. текста съ массой иллюстрацій. Въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 25 коп. Какъ помочь малоземельнымъ. (О товариществахъ для совмѣстной обработки земли). Сост. губ. зем. агрон. Ю. Ю. Соколовскій. Въ отдѣльной продажѣ 10 коп. Какъ повысить урожай озимыхъ. Плакатъ въ краскахъ. Въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 10 коп. 10 сортовъ сѣмянъ. Сѣмена заказаны въ одномъ изъ лучшихъ сѣменныхъ хозяйствъ и будутъ разосланы въ началѣ марта всѣмъ подписавшимся до 1-го января 1914 года. Редакціи журнала въ теченіе послѣднихъ лѣтъ присуждены три золотыя медали. На Южно-Русской областной выставкѣ въ Екатеринославѣ въ 1910 году изъ всѣхъ сельскохозяйственныхъ журналовъ только редакція журнала «Хуторянинъ» получила золотую медаль. Спеціально избранная комиссія Одесскаго отдѣленія Императорскаго Техническаго общества признала журн. «Хуторянинъ» чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающимъ полнаго одобренія. Журналъ «Хуторянинъ» допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Имѣются полные годовые комплекты за 1911, 1912 и 1913 гг. Цѣна по 2 руб. 50 к. за комплектъ. Требуйте безплатно проспекты, номера и смѣты на объявленія. Адресъ: Полтава, Пушкинская улица, д. Полтав. об-ва сельскохоз., редакція «Хуторянинъ». Отвѣтственный редакторъ—Президъ. Полтав. общ. сел. хоз., заслуженный профессоръ А. П. Шимновъ. Секретарь редакціи Д. О. Ярошевичъ.

Открыта подписка на 1914 годъ.

„ДЗВІН“

новий літературно-науково-артистичний журнал-місячник, виходить у Київі.

«ДЗВІН» є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств; містить твори красного письменства, статі наукового змісту з історії, литературы і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського житя в Росії і за кордоном, хронику і переписку редакції; при нагоді містить і люстрації і на окремих листах і в тексті.

«ДЗВІН» виходить при участи такихъ співробітників: Алчевська, Х., Антонович, Д., Бачинській, Ю., Безпалко, О., Богун, М., Бувший, П., Винниченко, В., Вороний, М., Гадячанин, С., Гилька, І., Дніпрова-Чайка, Донцов, Д., Дятловъ П., Коцюбинській, М., Лазаревській, Б., Левинський, Е., Леся Українка, Личко, Д., Лозенко, К., Луначарський, А., Миргородський, К., Назаріів, О., Петлюра, С., Понятенко, П., Романович, Н., Садовський, В., Сергієнко, Д., Сірий Юр., Скоропис, О., Степанюк, В., Хвиля, М., Черкасенко, С., Чумак, В., Чупринка, Г., Юркевич, Л., и ин.

Рукописи надсилати і в справах редакційних просять тимчасово звертатись по такій адресі: Київ, Жилянська, 20, редакція журнала «Дзвін».

Передплата на «ДЗВІН» коштує: в Россії на рік 3 карб., на пів року 1 карб. 75 коп., на чверть року 1 карб.; въ Австріи: на рік 6 корон, на пів року 3 корони, на чверть року 1 корона 70 сотиків; в Німеччині на рік 6 марок, на пів року 3 марки; въ Америці на рік 2 доляри, на пів-року 1 доляр.

Передплату с Австріі, Німеччини, Америки і з всіх наших країв належить посилати на таку адресу:

Порфиръ Буняк, у Львові, ул. Різбарска, ч. 5, для «Дзвону».

(Lemberg, Anstria).

5-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1913—1914 годъ

(Подписной годъ журнала съ сентября 1913 г.)

5-й годъ изданія.

На дѣтскій литературно-художественный журналъ

(Единственный подобный въ Россіи)

„ДОБРОЕ УТРО“.

Подписная цѣна на годъ 2 руб., на ½—1 р. 50 к. съ пересылкой. Наши маленькіе читатели и читательницы за любовь къ чтенію и къ нашему журналу получатъ: 24 № хорошенькаго журнала съ картинами лучшихъ художниковъ и съ произведеніями заслуженныхъ писателей и научныя новинки.

6 РОСКОШНЫХЪ ПРЕМІЙ: 1) четыре художественныхъ книги со сказками и разсказами для маленькихъ дѣтей подъ названіемъ: осень, зима, весна, и лѣто. Для болѣе взрослыхъ—книга стиховъ лучшихъ писателей подъ назван. „ЮНЫЙ ДЕКЛАМАТОРЪ“ 6) художественная папка для журнала. Въ журналѣ объявленъ конкурсъ дѣтскихъ сочиненій. Юные авторы получатъ отъ редакціи роскошную ПРЕМІЮ за лучшія сочиненія.

Подписка принимается во всѣхъ кн. маг. и почтово-телегр. учрежд. Россіи и загр.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, 3-й Самотечный пер., д. № 15, кв. № 7.

Редакторъ Н. П[illegible]вскій. Редакторъ-издательница П. Кочетова.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

Приймається предплата на 1914 рік

на українську газету „РАДА“ рік видання восьмий

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що дня оприч понеділків і днів після великих свят.

«Рада» має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Росії і за-границею: друкує фельетони, а також статті критичні і твори красного письменства.

«Рада» зостаючись і надалі непартійною газетою, обстоюватиме змагання до поширення прав суспільства й органів громадського самоврядування.

«Рада» звертатиме як найбільшу увагу на справу **народньої просвіти** шкільної й по-за шкільної, на **потреби** нашого **вчитательства та на питання культурно-просвітного характеру**—і буде змагатися за найкраще розвязання цих справ для всього украіньского люду.

«Рада» вважає, що поліпшення матеріяльного добробуту людности,—економичний розцвіт країни—є основным грунтом для зросту національної культури. Визнаючи це, „Рада“ буде обстоювати **кооперативну справу** на Вкраіні в усяких її формах: поширення сельсько-господарських товариств, товариств споживчих, продукційних то-що і подаватиме докладні статті, дописи та ззвістки про кооперативну справу взагалі, а на Украіні особливо.

«Рада» буде подавати звістки і статті про **життя культурне, економичне і політичне**, про здобутки і втрати, яких зазнає украінський люд **за кордоном Росії**: въ Галичині, на Буковині, в далеких колоніях: в Канаді, в Сполучених Штатах, в Бразилії... Доля та життя наших **переселенців** в Сібірі, на Кавказі—знайдуть тако-ж освітлення на сторінках «Ради».

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в «РАДІ» запрошено визначніші літературні и наукові сили.

«Рада» має ВЛАСНИХ **кореспондентів** в Державній Думѣ, в Державній «Раді», а також в **політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях** і в усіх визначніших містах Украіни по цей і по той бік кордону.

В 1913 році «РАДА» дукуватиметься виразним и стислим шріфтомъ матеріалу буде входить в кождий № значно більше.

Ціна „РАДИ“ з доставкою і пересилкою в Россії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий переплатник може одержати з к-ри «Рада» за 6 карбованців

„СЛОВНИК украінської мови“

Зібраний редакцією журн. «Кіевская Старина», премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО.

Адрес редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Передплата на «Раду» на таких-же самих умовах, що і в конторі, приймається: у **Київі:** 1) в «Украінській книгарні», Безаківська, 8, 2) в книгарні «Л. Н. В», Б.-Володимирська, 28), 3) въ Книгарні Череповського, Фундукліївська 4; і 4) в крамниці «Час», В. Володимирська 53; в **Одесі** «Дѣло», Конна, 11, в **Катеринославі**—Книгарня Лозинської, Проспект: в **Полтаві**—Книгарня Маркевича, бульвар Котляревського і в «Украінський Книгарні» Петровська ул.; в **Петербурзі**—Книгарня Вольф і «Украинська Книгарня і Базар» В. О. 3 линія № 24, въ **Харькові**—«Украінська Книгарня», Петровський пер. 18.

Редактор В. ЯНОВСЬКИЙ. **Видавець Є. ЧИКАЛЕНКО.**

При этомъ № прилагаются при всѣхъ экземплярахъ: 1) проспекты и 2) переводы журнала „Украинская Жизнь“.

„Ілюстрована Україна“

новий ілюстрований журнал посьвячений лїтературі, критиці, малярству, архитектурі, пластиці, народній штуці, театральним справам, музиці, українській минувшині, етнографіі і фізичному вихованю.

Містить також описи подорожий, житєписи, спомини, огляди украньского життя, бібліографію і т. п.

«ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА» ведена на взір великих ілюстрованих журналів Европи.

Редагує комітет під проводом

Др. Івана Крипякевича.

Виходить у Львові кождої другої суботи. Передплата виносить в Австриї річно 8 к., піврічно 4 к., поодиноке число коштує 32 сот., в Россії річно 5 карб., піврічн. 2½ карб.

Адрес редакциї і адмінїстрациї:

„ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА“ ЛЬВІВ,

ул. Сербська, ч. 15 II п. Чекове конто: 22.839.

В Росії приймає передплату на „Ілюстровану Україну“

В Київі: Книгарня Лїтературно-Наукового Вістника, ул. Фундуклеевская, 12.

В Петербурзї: Українська книгарня, Базар, Вас. остр., 3 лїнїя, д. 24.

В Одессї: Українська книгарня „Діло“, ул. Преображенська, 11.

В Полтавї: Українська книгарня, ул. Малопетровська.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

23027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 12.
ДЕКАБРЬ 1913 г.

Москва. Годъ изданія второй.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Наканунѣ** (Къ Шевченковск. юбилею) *С.А. Ефремова*. 5
II. **Украинцы въ Сибири** *G. Peeddoobny*. 11
III. **Къ нашей анкетѣ** I. Письмо въ редакцію кн. *Д. И. Шаховского*.—Отвѣты кн. *Евг. Трубецкого* и *Журналиста*. 20
IV. **Деревянное церковное зодчество Украины и стиль барокко** *А. Вар—ъ*. 30
V. **Мечты польскихъ націоналистовъ и дѣйствительность.** (Окончаніе) *В. П. Кошевого* 42
VI. **Въ поискахъ красоты.** (Повѣсти и разсказы О. Кобылянской). *М. Данька*. 53
VII. **Культурные праздники Украины.** I. Открытіе „Національнаго Музея во Львовѣ. *О. Назаріива* II. Юбилей проф.Д. Еварницкаго. *М. Жученка*. . 64
VIII. **Обзоръ украинскихъ журналовъ:** I. „Дзвін". *Л. Аб—а*. II. „Добра Новина" *В. С.* III. „Життє і Знанне". *Д-ра Н. Дикаго* 72
IX. **На Украинѣ и внѣ ея.** За мѣсяцъ.—Украинскія кустарныя издѣлія заграницей—С. И. Пономаревъ. *В. Рѣзн—енка*. 86
X. **Библіографія.** Ukrainica въ послѣднихъ 4-хъ кн. Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности И.А. Н.—„Н. В. Гоголь и Русскіе Галичане" *Библіофила*.—Новая англійская книга объ Украинѣ. *Дм. Донцова*.—В. Леонтовичъ Старе й нове. *Л. Аб—ча* „Український Студент" *И.Л.*—A. Prusiewicz Kamieniec *Д. Д—ка*.—Grammatik der ruthenischen Sprache *Вол. Я.*—Г. А. Максимовичъ. Дѣятельность Румянцева-Задунайскаго. *С. Рклицкаго*. 99
XI. Литературная лѣтопись. Книги, поступившія въ редакцію. 110
XII. Объявленія. 115
XIII. Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ I—XII кн. „Украинской Жизни" за 1913 годъ. . . 130

23027

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Украинская Жизнь“

(Третій годъ изданія).

«Украинская Жизнь» въ 1914 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ. — Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ. — Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ. — Письма изъ россійской Украины и изъ Галиціи. — Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія. — Украинское искусство. — Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

Въ теченіе 1913 года въ «Украинской Жизни» были напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія статьи:

Проф. М. Грушевскій. На новомъ пути. (По поводу думскихъ выступленій по украинскому вопросу).—**Проф. М. П. Чубинскій.** Украинская національная идея и ея правовые постулаты.—**О. Липовецкій.** Политика пуганой вороны.—**О. Бѣлоусенко.** Украинскій вопросъ въ четвертой Думѣ.—**С. А. Ефремовъ.** Приказъ жизни.—**В. В. Садовскій** Законопроектъ о печати и украинская пресса.—**Его же.** Передъ новой реформой (Къ введенію въ дѣйствіе закона о мѣстномъ судѣ).—**П. Смутокъ.** Перспективы русско-украинскихъ отношеній.—**С. В. Петлюра.** О переоцѣнкѣ.—**Дм. Донцовъ.** Русскій имперіализмъ и украинство.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Украинцы и Австрія.—**Его же.** По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины.—**Его же.** Объ украинскомъ національномъ возрожденіи. (Отвѣтъ на анкету).—**Его же.** Націоналистическая наука.—**Проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.** Украинскій вопросъ съ внѣнаціональной точки зрѣнія. (По поводу анкеты «Укр. Жизни»).—**И. А. Бочковскій.** Проф. Массарикъ объ украинскомъ вопросѣ.—**С. Ф. Русова.** Украина въ европейской прессѣ.—(Леся Украинка).—**С. В. Петлюра.** Памяти М. Коцюбинскаго.—**Его же.** И. Франко—поэтъ національной чести.—**Мих. Могилянскій.** М. М. Коцюбинскій—**С. А. Ефремовъ.** Писатель-гуманистъ.—**М. Данько.** Край скорби. Новеллы и разсказы В. Стефаника —**Его же.** Украинская трибуна въ Европѣ.—**Его же.** Писатель своего народа (И Франко какъ беллетристъ).—**Его же.** Отъ реализма къ символизму.—**Его же.** Въ поискахъ красоты. **Дм. Донцовъ.** Гетманъ Мазепа въ зап.-европейск. литер.—**Его же.** Поэзія индивидуализма Писатель своего народа.—Его же. Край скорби.—Его же. Отъ реализма къ символизму. (Разсказы и повѣсти М. Яцкова).—**А. Хатченко.** Ю. Ю. Шѣтковскій, какъ общественный дѣятель.—**Его же.** По поводу воспоминаній Б. С. Познанскаго.—**А. А. Русовъ.** Какъ я сталъ членомъ “громады.“—**Б. С. Познанскій.** Воспоминанія.—**С. Ф. Русова.** Шевченко и украинское общество 60-хъ годовъ.—**В. Обнинскій.** Первые шаги русскаго автономизма.—**И. В. Лебединскій.** Къ вопросу объ изученіи украинскаго права.—**Его же.** Задачи украинскихъ юристовъ.—**Д. Д—ко.** Украинское ученое общество въ Кіевѣ.—**Д-ръ М. Шмигельскій.** По поводу трудовъ «Медичної Секціі Наукового Товариства у Київі».—**П. І. Стебницкій.** Петербургская «Просвіта».—**М. Вознякъ.** Украинское Общество «Просвіта» въ Львовѣ.—**А. Л.** Объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ.—**Н. Г. Филянскій.** О будущемъ украинской архитектуры.—**Д. Марковичъ.** Краткій очеркъ развитія кооперативовъ на Волыни.—**Я. Чепига.** Украинскій учитель и материнскій языкъ въ начальной школѣ.—**Вол. Я.** Петербургская Академія наукъ и украинская литература. **И. Я. Стелецкій**—Подземная Украина.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова.**—На текущія темы; **Дм. Донцова**—Письма изъ Галиціи.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: **«На Украинѣ и внѣ ея»** (Извѣстія, замѣтки, сообщенія и т. д.), **«Библіографія»** и **«Литературная Лѣтопись»**.

Въ теченіе 1912 года въ «Украинской Жизни» были напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Проф. **М. С. Грушевскій.** Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель «Просвіт».—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Pichniana.—**Старый Украинецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Ѳ. Саликовскій.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Больной вопросъ.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и «Вольное Слово».—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ. —**Д. Сиромаха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженко.** Національное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристъ объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко.—**Проф. И. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи.—**Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олесницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ. **М. Гордѣенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати. **Л. Василевскій** (Плохошкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній. **С. А. Ефремовъ.** Предъ спущенной завѣсою.—**Его же.** На зарѣ возрожденія.—**Н. И. Чижевскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—**Н. Е. Шероцкій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**А. Маслюкъ.** Украинская народная музыка.—**В. Дорошенко.** Украинская академія наукъ.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковскій, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, М. Вознякъ, проф. Ф. К. Волковъ, Е. Выровой, Гр. Гетьманецъ, Е. Е. Голицинская, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій. М. Данько, Д-ръ Н. М. Дикій, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, Л. Жигмайло, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, В. П. Кошевой, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, О. Назаріевъ, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, Прив. доц. В. Пичета, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. В. Рклицій, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ѳ. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, В. Степовый, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. О. Сѣрополко, Н. Г. Филянскій, И. М. Хоткевичъ, С. Чепига, С. Черкасенко, П. И. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, д-ръ М. Е. Шмигельскій, Л. А. Яковская, А. И. Ярошевичъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Съ достав. и перес. Въ Россіи	6 р.	3 р.—к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	—р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	1 р. 50 к.	—р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., причемъ необходимъ присылка стараго адреса.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к.

ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“
Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 3.44-48.

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 12.

Годъ изданія второй.

23027

Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. д.
1913.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Наканунѣ** (Къ Шевченковск. юбилею) *С.А. Ефремова.* . 5
II. **Украинцы въ Сибири** *G. Peeddoobny.* 11
III. **Къ нашей анкетѣ** I. Письмо въ редакцію кн. *Д. И. Шаховского.*—Отвѣты кн. *Евг. Трубецкого* и *Журналиста.* 20
IV. **Деревянное церковное зодчество Украины и стиль барокко** *А. Вар—ъ.* 30
V. **Мечты польскихъ націоналистовъ и дѣйствительность.** (Окончаніе) *В. П. Кошевого* 42
VI. **Въ поискахъ красоты.** (Повѣсти и разсказы О. Кобылянской). *М. Данька.* 53
VII. **Культурные праздники Украины.** I. Открытіе „Національнаго Музея во Львовѣ. *О. Назаріива* II. Юбилей проф.Д. Еварницкаго. *М. Жученка.* . 64
VIII. **Обзоръ украинскихъ журналовъ:** I. „Дзвін". *Л. Аб—а.* II. „Добра Новина" *В. С.* III. „Життє і Знанне". *Д-ра Н. Дикаго* 72
IX. **На Украинѣ и внѣ ея.** За мѣсяцъ.—Украинскія кустарныя издѣлія заграницей—С. И. Пономаревъ. *В. Рѣзн—енка.* 86
X. **Библіографія.** Ukrainica въ послѣднихъ 4-хъ кн. Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности И.А. Н.—„Н. В. Гоголь и Русскіе Галичане" *Библіофила.*—Новая англійская книга объ Украинѣ. *Дм. Донцова.*—В. Леонтовичъ Старе й нове. *Л. Аб—ча* „Український Студент" *И.Л.*—A. Prusiewicz Kamieniec *Д. Д—ка.*—Grammatik der ruthenischen Sprache *Вол. Я—* Г. А. Максимовичъ. Дѣятельность Румянцева-Задунайскаго. *С. Рклицкаго.* 99
XI. Литературная лѣтопись. Книги, поступившія въ редакцію. 110
XII. Объявленія. 115
XIII. Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ I—XII кн. „Украинской Жизни" за 1913 годъ. . . 130

BIBLIOTECA

БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

Наканунѣ.

Къ Шевченковскому юбилею.

Приближающійся 1914 годъ еще заблаговременно отмѣчался въ украинскихъ кругахъ, какъ годъ незаурядного значенія въ исторіи украинской литературы и общественности. Какъ извѣстно, въ этомъ году истекаетъ столѣтіе рожденія величайшаго представителя украинской литературы, титана народной поэзіи всѣхъ странъ, выдвинувшаго украинское движеніе изъ узкихъ рамокъ мѣстнаго провинціализма и придавшаго ему широкое національное значеніе. Естественно, что на Украинѣ, гдѣ давно уже создался своего рода культъ геніальнаго поэта, юбилейный годъ его рожденія напередъ выдѣлялся изъ ряда предыдущихъ и послѣдующихъ лѣтъ. Ко дню столѣтняго юбилея пріурочивались тѣ или иныя общественныя выступленія, съ нимъ соединялись извѣстные планы достойнаго чествованія великаго поэта, по своему значенію въ ходѣ развитія украинскаго движенія занимающаго такое исключительное мѣсто. И вотъ мы стоимъ уже наканунѣ этого знаменательнаго года, и, естественно, возникаютъ вопросы, чѣмъ мы, какъ украинское общество, ознаменуемъ его, приготовлены ли мы къ приближающемуся крупному событію и въ состояніи ли вообще отмѣтить его чѣмъ-либо достойнымъ великаго имени Шевченка? Вопросы эти тѣмъ болѣе умѣстны, что времени осталось очень мало, и то, что сейчасъ уже сдѣлано, едва ли будетъ пополнено болѣе или менѣе замѣтно въ теченіе отдѣляющаго насъ отъ юбилейныхъ дней незначительнаго промежутка времени.

Чествованіе писателя должно выражаться прежде всего, конечно, въ распространеніи его произведеній среди возможно болѣе широкихъ массъ народа, въ изданіи его произведеній по возможности въ полныхъ и провѣренныхъ текстахъ, въ распространеніи свѣдѣній объ его жизни и дѣятельности и въ увѣковѣченіи его памяти общественными

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № П- 85689

способами. Съ этой стороны украинское общество за послѣдніе годы пыталось исполнить свой долгъ передъ памятью своего писателя. „Кобзарь“, который и прежде расходился въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по цѣнѣ доступной даже массовому читателю, трудами главнымъ образомъ покойнаго Доманицкаго приведенъ былъ въ такой видъ, который не далекъ уже и отъ дѣйствительно научнаго изданія. Полный и по возможности провѣренный и установленный по автографамъ текстъ, дающій массу цѣннаго матеріала для научнаго изученія поэзіи Шевченка, былъ отличительной особенностью изданій 1906, 1908 и 1911 гг. Но въ смыслѣ полноты послѣдующія изданія дѣлаютъ уже значительный шагъ назадъ. Благодаря націоналистическимъ ламентаціямъ въ самый юбилейный 1911 г. полныя изданія „Кобзаря“ были конфискованы, затѣмъ сенатъ вновь судилъ „малороссійскаго поэта Т. Шевченка“ и осудилъ: извѣстнѣйшія и популярнѣйшія произведенія, какъ „Марія“, „Кавказ“, „Юродивый“ и „Царь Саул“, были исключены полностью; изъ остальныхъ произведеній 21 пьеса видоизмѣнены болѣе или менѣе значительными сокращеніями. Столѣтній день рожденія писателя застаетъ, такимъ образомъ, его мысли и образы все еще подъ запретомъ. И указаннаго пробѣла, конечно, не въ состояніи восполнить предполагающіяся къ этому дню новыя изданія произведеній Шевченка, обязанныя руководствоваться приведеннымъ сенатскимъ приговоромъ. Завѣса, спавшая было съ Шевченка и открывшая фигуру его во весь ростъ, вновь прилажена къ своему мѣсту, и вновь за ясными очертаніями облика многострадальнаго поэта выступаютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ лишь неопредѣленные контуры, недоговоренные намеки. Въ такомъ урѣзанномъ пока видѣ „Кобзарь“ долженъ предстать предъ читателемъ сто лѣтъ спустя послѣ рожденія его автора... И, конечно, не вина въ этомъ украинскаго общества: оно сдѣлало все, что при данныхъ обстоятельствахъ могло сдѣлать.

Но не все сдѣлано для распространенія „Кобзаря“ среди массъ. Правда, какъ выше было отмѣчено, по цѣнѣ „Кобзарь“ доступенъ массовому читателю изъ народа; правда, значительной своей частью послѣднія дешевыя изданія и устремились именно въ украинскую деревню; правда, наконецъ, что и здѣсь мы натыкаемся на препятствія—то въ видѣ загражденій, поставленныхъ враждебной

рукой, то въ видѣ естественной, какъ ни странно звучитъ здѣсь это слово, преграды, заключающейся въ весьма низкомъ уровнѣ грамотности украинской деревни. И обязанность украинскаго общества—устранять эти препятствія, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя поддаются какому-либо воздѣйствію. Прежде всего, конечно, должно быть обращено самое серьезное вниміне на повышеніе какъ общей культурности, такъ и національнаго сознанія украинскихъ народныхъ массъ. Широкое распространеніе „Кобзаря“ было бы не только исполненіемъ лежащаго на украинскомъ обществѣ долга предъ памятью Шевченка, но и средствомъ поднятія культурности и національнаго сознанія. Нужно позаботиться, чтобы „Кобзарь“ сдѣлался настольной книгой каждаго грамотнаго украинца, и, несомнѣнно, эта книга проложитъ широкую и торную дорогу вообще украинской хорошей книгѣ, что отразится благопріятнымъ образомъ и на повышеніи общей культурности, и на поднятіи національнаго самосознанія,—отразится пріобрѣтеніемъ и укрѣпленіемъ того чувства самоуваженія, безъ котораго не можетъ быть ни возрожденія націи, ни ея правильнаго развитія. Въ этомъ отношеніи то, что дѣлается сейчасъ, представляется далеко не достаточнымъ.

Не все сдѣлано и въ отношеніи какъ изученія жизни и произведеній Шевченка, такъ и широкаго распространенія этихъ свѣдѣній. Правда, мы имѣемъ нѣсколько опытовъ біографіи Шевченка, имѣемъ, попытки изученія его творчества, имѣемъ, наконецъ, нѣсколько популярныхъ изложеній результатовъ, добытыхъ этимъ изученіемъ, для широкаго читателя. Но все это опять-таки находится почти въ зачаточномъ состояніи и далѣе за отчасти уже устарѣвшія работы Чалаго, Конисскаго, Комарова и Доманицкаго мы почти не подвинулись. Совершенно не изучены условія творчества Шевченка и разнообразныя вліянія на него со стороны тѣхъ или иныхъ представителей литературы и искусства. Остаются въ тѣни цѣлыя полосы его личной жизни. Не освѣщены достаточно общественныя отношенія, вызвавшія къ жизни эту могучую музу и придавшія ей тотъ, а не иной обликъ. Не открыты и не использованы цѣликомъ даже сырые матеріалы, относящіеся къ жизни и творчеству Шевченка. Нѣтъ, наконецъ, полной библіографіи и сводной біографіи, разрабатывающей въ общемъ видѣ уже опубликованный матеріалъ. Конечно, кое-

что изъ намѣченнаго сейчасъ будетъ выполнено въ ближайшее время, но и за всѣмъ этимъ остается такое широкое поле для изученій, на которомъ найдется достаточно мѣста десяткамъ работниковъ. И нужно лишь пожелать, чтобы они не замедлили своимъ появленіемъ.

Остаются еще различные способы увѣковѣченія памяти поэта, въ видѣ памятниковъ, учрежденій его имени, собранія предметовъ, имѣвшихъ къ нему то или иное отношеніе и т. п. По обстоятельствамъ времени, изъ этихъ способовъ на первый планъ выдвинулся вопросъ о созданіи памятника Шевченку въ центрѣ современной украинской жизни, въ Кіевѣ. Собрана уже довольно значительная сумма денегъ, хотя слѣдуетъ озаботиться, чтобы притокъ пожертвованій на ослабѣвалъ до момента постановки памятника. Въ остальномъ же и вопросъ съ памятникомъ пребываетъ въ довольно неопредѣленномъ положеніи. Нѣтъ до сихъ поръ готоваго проекта памятника, такъ какъ состоявшіеся три конкурса оказались неудовлетворительными, а результаты, личнаго обращенія къ опредѣленнымъ художникамъ еще впереди. Нѣтъ мѣста, такъ какъ отведенное первоначально кіевской городской думой, ею же и отобрано для другого памятника, а предложенное взамѣнъ возбуждаетъ основательныя сомнѣнія и нареканія. До сихъ поръ неизвѣстно поэтому, когда и гдѣ именно состоится закладка памятника, которую, по общему мнѣнію, слѣдовало бы пріурочить къ юбилейнымъ днямъ. Въ этомъ отношеніи просторъ для общественной работы и воздѣйствія представляется, какъ видимъ, также достаточно широкимъ.

Въ послѣднее время сдѣлана попытка такого общественнаго выступленія съ цѣлью воздѣйствія на кіевскую городскую думу, проявлявшую доселѣ довольно-таки замѣтную вялость въ отношеніи къ памятнику Шевченку. 4-го декабря, какъ сообщаютъ кіевскія газеты, на имя кіевскаго городского головы поступило слѣдующее заявленіе за подписью 1183 жителей города Кіева:

„25-го февраля 1914 года истекаетъ 100 лѣтъ со дня рожденія геніальнаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, поэзія котораго пріобрѣла славу не только среди единоплеменниковъ его, но и среди другихъ народовъ, носителей старыхъ культуръ. Многіе города начинаютъ готовиться къ этому торжественному дню. Въ Екатеринославѣ, напримѣръ, уже образовался съ надле-

жащаго разрѣшенія юбилейный комитетъ; даже въ Москвѣ организованъ подобный комитетъ подъ предсѣдательствомъ академика Корша; а въ другихъ городахъ возбужденъ вопросъ объ участіи въ ознаменованіи юбилея и городскихъ управленій. Городъ Кіевъ, гдѣ предстоитъ постановка памятника творцу „Кобзаря“, не можетъ остаться бездѣятельнымъ и равнодушнымъ къ этому дню. Кіевская городская дума отводитъ мѣсто для памятника, образовала комитетъ для сбора пожертвованій на него и вообще прилагаетъ старанія увѣковѣченія памяти великаго поэта, обнаруживая этимъ высокое пониманіе культурныхъ задачъ. Слѣдовательно, кіевской же городской думѣ должна принадлежать честь иниціативы и ближайшаго участія въ ознаменованіи наступающей годовщины по примѣру архангельской думы, готовящейся праздновать двухсотлѣтіе рожденія Ломоносова, или полтавской, недавно помянувшей торжественно родоначальника новой украинской литературы Котляревскаго. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что кіевское городское самоуправленіе, признавая и цѣня творчество Т. Г. Шевченка и сознавая свою гражданскую отвѣтственность по отношенію къ предстоящему знаменательному дню, возьметъ на себя иниціативу и станетъ во главѣ организаціи достойнаго чествованія поэта“ [1]).

10-го декабря это заявленіе было разсмотрѣно въ городской думѣ, причемъ почти единогласно постановлено избрать комиссію изъ состава гласныхъ, поручивъ ей разработку программы юбилейнаго чествованія. Слѣдуетъ надѣяться, что комиссія съ должнымъ вниманіемъ и серьезностью отнесется къ своей отвѣтственной задачѣ. Тѣмъ болѣе, что—опять и опять приходится повторять—времени осталось слишкомъ мало и нужно стараться интенсивной дѣятельностью наверстать упущенное.

Время общественнаго упадка вообще мало благопріятствуетъ чествованію такихъ людей, какъ Шевченко. Тяжелая рука реакціи уже разъ дала себя чувствовать въ этомъ вопросѣ и, нужно думать, не упуститъ новаго случая, чтобы опять и опять не напомнить, что не отошли въ область далекаго преданія порядки, вызывавшіе такое возмущеніе въ чествуемомъ писателѣ, что еще попадаютъ въ глазъ современности его пламенныя обличенія. И мнѣ кажется, что

[1]) „Кіевская Мысль“, № 336

кромѣ указанныхъ выше задачъ, связанныхъ со 100-лѣтнимъ юбилеемъ рожденія Шевченка, наиболѣе, быть можетъ, настоятельной по условіямъ времени является именно организація отпора вѣроятнымъ реакціоннымъ поползновеніямъ. Разумѣется, это есть уже тотъ крайній minimum, ниже котораго не можетъ и не должно, разумѣется, опускаться уважающее себя общество...

С. Ефремовъ.

Украинцы въ Сибири.

Какъ-то мнѣ пришлось проѣзжать по Сибирской желѣзной дорогѣ около Томска. Въ вагонъ вошелъ книгоноша съ книгами Свящ. Писанія.

— Евангелія на славянскомъ, русскомъ языкѣ и на вкраинской мовѣ!—громко провозгласилъ онъ.

Я взялъ одинъ экземпляръ.

Село, въ которое я ѣздилъ по дѣлу, находилось близъ станціи и напоминало собой Украину,—дома вымазаны глиной, выбѣлены; временами слышалась украинская рѣчь, хотя и исковерканная; на станціи торговки также разговариваютъ по-украински. Но тутъ же жили и великороссы.

Заходимъ съ однимъ, какъ оказалось, „тоже малороссомъ“ въ одну изъ хатъ и спрашиваемъ чего-нибудь закусить. Находившееся у меня въ рукахъ украинское Евангеліе заинтересовало хозяина. Я показываю.

„У мене есть добра книжка, та я ії не понімаю, бо читаю вже два місяца і не можу кончить. „Воскресеніе“ Толстого. Дуже добре тамъ написано. Ви дайте мені оцю, а я вамъ тую“.

Изъ разспросовъ выяснилось, что этотъ крестьянинъ живетъ уже десять лѣтъ въ Сибири. Русскую разговорную рѣчь понимаетъ, но читать не можетъ, ибо сколько онъ ни старался прочесть „хорошее чтеніе“, сочиненія Толстого, ничего не выходило.

Ѣдемъ назадъ въ переселенческомъ вагонѣ, переполненномъ украинцами, бѣлоруссами и великороссами. Ѣдетъ цѣлое украинское семейство. Я случайно озываюсь на лепетаніе ребенка.

— Ма, дивись! Пан балакае по-нашому!

Еще минута, и мы узнаемъ, что ѣдетъ это семейство изъ Самарской губ. въ Енисейскую. Переселяются уже другой разъ.

„А у неі чоловік руський, не наш, він у салдатах“,—вдругъ неожиданно выпалила дѣвочка лѣтъ семи, указывая на свою старшую замужнюю сестру.

На прощанье я даю дѣвочкѣ Евангеліе для ея отца, который гдѣ-то сидѣлъ на самыхъ высокихъ нарахъ и бесѣдовалъ.

— Тату, на! Тобі пан дав книжку!

— Яку книжку, а ну давай ії сюда,—услышалъ я грубый мужской голосъ, выходя изъ вагона.

Около одного быстро, по-американски, выросшаго города въ средней Сибири стоитъ небольшая деревушка со смѣшаннымъ населеніемъ. Проходя по ней, вы услышите, украинскую рѣчь и отъ дѣтей школьнаго возраста, и отъ женщинъ и стариковъ. Близость города мало оказала вліянія въ смыслѣ денаціонализаціи. Въ самомъ городѣ, въ особенности на окраинахъ, много домовъ напоминаютъ украинскія хаты. Среди жителей на каждомъ шагу встрѣчаются „тоже малороссы“,—среди конторщиковъ, приказчиковъ, и просто обывателей. Въ базарные дни въ городъ пріѣзжаетъ много украинцевъ изъ сосѣднихъ селъ.

Заходитъ въ столовую человѣкъ съ цѣлой корзиной книгъ, большая часть которыхъ высшаго качества; предлагаетъ купить Толстого, Дрепера и еще что-то.

— „Кобзарь“ есть?

— Нѣтъ, тутъ его не спрашиваютъ. Вотъ когда я былъ въ Татарскѣ, я продавалъ тамъ за одинъ разъ сорокъ штукъ „Кобзарей“. Тамъ все живутъ малороссы. Какъ узнали, что у меня есть книжки на ихнемъ языкѣ, такъ прямо нарасхватъ. Еще продалъ бы, да всѣ вышли. А тутъ малороссовъ мало, и я не держу такихъ книгъ.

Въ любомъ мѣстѣ Западной, Средней Сибири или Дальняго Востока можно на каждомъ шагу натолкнуться на явленіе подобнаго рода, и всюду потребности украинской жизни въ Сибири заявляютъ о своемъ существованіи, всюду вырастаютъ вопросы о культурной и организаціонной работѣ на благо мѣстнаго украинскаго населенія.

Не лишнимъ будетъ указать еще на кое-какія проявленія здѣсь украинства. Въ одномъ изъ городовъ Томской губ. лѣтомъ 1912 года украинская труппа Кармелюка ставила спектакли, и они посѣщались публикой больше, чѣмъ русскія пьесы, когда послѣ отъѣзда „малороссовъ“ ихъ мѣсто заняли русскіе артисты. Во многихъ городахъ имѣются, правда, малооживленныя украинскія Общества, „громады“,—въ Харбинѣ, Благовѣщенскѣ, Иркутскѣ. Дѣятельность ихъ чисто артистическо-клубнаго характера, но все-же она порой привлекаетъ къ себѣ вниманіе.

Если поѣхать въ вагонѣ третьяго класса по Сибирской и Забайкальской жел. дорогѣ, можно все время слышать украинскую рѣчь, хотя часто коверканную; о переселенческихъ поѣздахъ уже и говорить нечего. Во Владивостокѣ есть кіоскъ съ украинской литературой. Никольско-Уссурійскъ въ базарные дни бываетъ переполненъ украинскими крестьянами изъ окрестностей. Въ Забайкальѣ можно изъ окна вагона наблюдать интересную картину: вдоль дороги тянутся типичныя украинскія хаты и цѣлые поселки, иногда проползаетъ цѣлая вереница телѣгъ, запряженныхъ волами. Не хочется вѣрить, что это не на Украинѣ.

Всюду чувствуется присутствіе украинской народной стихіи. Проникнувъ въ Сибирь, украинскій народъ уже теперь наложилъ на эту огромную многоплеменную страну свой отпечатокъ.

Задачей этой статьи является только постановка вопроса объ украинцахъ въ Сибири. Не выходя за предѣлы этой задачи, будетъ вполнѣ допустимымъ коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ о количествѣ украинцевъ, о потребностяхъ текущаго момента въ жизни украинцевъ въ Сибири, о грядущихъ возможностяхъ.

По работѣ г. Стасюка, напечатанной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Літер.-Науков. Вістника“ за 1912 г., можно заключить, что украинскій элементъ въ количественномъ отношеніи занимаетъ въ Сибири послѣднее мѣсто. Вѣроятно, цифра эта поднимается до полутора милліоновъ при общемъ 8—10-милліонномъ населеніи Сибири. Цифра настолько значительна, что есть о чемъ поговорить, особенно если принять во вниманіе, что украинцы осѣдаютъ главнымъ образомъ компактными массами, образуя мѣстами цѣлые украинскіе уѣзды и волости съ характерными названіями, какъ напр., Новокіевская, Украинская и т. п. По отдѣльнымъ мѣстамъ, какъ, напр., въ Приморской и Тургайской областяхъ, украинцевъ больше, чѣмъ великоруссовъ, въ другихъ ихъ столько же, какъ въ Акмолинской обл., или 17—20 процентовъ, какъ въ Томской губ.

Всякій, кто хотя сколько-нибудь задумывался надъ соціальными явленіями, долженъ задаться вопросомъ о будущемъ этого народа въ Сибири. Возможно, конечно, что вслѣдствіе заброшенности и отдаленности отъ культурныхъ украинскихъ центровъ онъ мало-по-малу сольется съ великороссами, занимающими въ Сибири, какъ и во всей Россіи,

господствующее положеніе. Постоянныя сношенія, полное отсутствіе украинской интеллигенціи, вліяніе солдатчины, школы,—все это можетъ привести къ національзаціи украинскихъ колонистовъ Сибири. Но можетъ быть и другой исходъ. Появленіе сибирской украинской интеллигенціи, сношенія съ украинской при помощи газеты, литературы, необходимость прибѣгнуть въ цѣляхъ просвѣщенія къ болѣе радикальнымъ средствамъ, чѣмъ путь длительнаго, и мучительнаго обрусенія,—а этимъ средствомъ является популярная литература на украинскомъ языкѣ по всѣмъ отраслямъ знанія,—и, наконецъ, при содѣйствіи нѣкоторой части самого сибирскаго общества,—при наличности всего этого возможно, что масса сибирскихъ украинцевъ пробудится къ національной сознательно-творческой жизни и внесетъ этимъ свой особый колоритъ, свои сохранившіеся издавна нѣкоторые культурные навыки въ будущее развитіе Сибири, которая даже теперь, при отсутствіи самыхъ элементарныхъ основъ общественности, представляетъ изъ себя своеобразный конгломератъ народностей.

О томъ, что для украинскаго народа, для украинскаго общества желательно сохраненіе своихъ земляковъ въ Сибири отъ руссификаціи, говорить, конечно, не приходится.

Врядъ ли станетъ кто-либо оспаривать пользу отъ развитія укр.-національной жизни въ Сибири для самихъ украинцевъ-сибиряковъ, кромѣ развѣ тѣхъ, кто вообще относится враждебно къ развитію украинскаго народа, независимо отъ времени и пространства. Вѣдь только одно обстоятельство въ ряду многихъ другихъ дѣлаетъ освобожденіе украинцевъ въ Сибири безконечно цѣннымъ и высокимъ.

Если даже стать на точку зрѣнія, такъ сказать, общей пользы, того, что называютъ благомъ, справедливостью, то и тутъ нельзя найти никакихъ возраженій.

Въ данномъ случаѣ имѣется въ виду точка зрѣнія такъ-называемаго общедемократизма съ ея аргументомъ „единеніе во имя общаго дѣла“.

„Единеніе“, предлагаемое такимъ способомъ, въ сущности значитъ подчиненіе, сліяніе; руссификація слѣва—вотъ истинная сущность этого единенія, въ которомъ сказывалось вѣчное заблужденіе, вѣчное якобинство: приносить въ жертву молоху будущаго (каковъ бы прекрасенъ онъ ни былъ) живыхъ людей.

Не лишнимъ было-бы напомнить тутъ мысль Михайловскаго, гдѣ онъ говоритъ объ основномъ критеріи въ общественной жизни. Альфой и омегой дѣйствій всякой общественной группы должна быть живая, чувствующая, страдающая человѣческая личность. Никакой идеалъ общественнаго переустройства не имѣетъ никакой цѣны, если только въ жертву ему приносится реальная мыслящая личность.

Во имя какого же идеала нужны страданія маленькихъ существъ въ школахъ среди украинцевъ въ Сибири и во имя какого молоха можетъ кто-либо изъ людей прогресса требовать, чтобы для сибиряка-украинца былъ закрытъ свѣтъ, который исходитъ изъ близкаго и родного ему источника? На эти вопросы не можетъ быть отвѣта. Все это, конечно, избитыя истины, которыя было бы незачѣмъ повторять, если бы только онѣ находили столько же реальнаго п р и з н а н і я, сколь онѣ избиты.

Самое же главное—для всѣхъ сибиряковъ, въ томъ числѣ и для великороссовъ, пробужденіе къ сознательной жизни украинцевъ не только не безразлично, но и въ высокой степени необходимо. Развитіе и ростъ духовной и хозяйственной культуры требуютъ этого. Надо признаться, что Сибирь все-же отстала отъ Европейской Россіи въ культурномъ отношеніи. Искренніе общественные дѣятели въ Сибири прилагаютъ всѣ усилія, чтобы поднять въ ней культуру, и было бы величайшей непростительной ошибкой, если бы они избрали для этого средствомъ столь вредную денаціонализацію. Украинцы, бѣлоруссы, великороссы, якуты, башкиры, киргизы, буряты и т. д. только тогда быстро пойдутъ въ гору въ духовномъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ экономическомъ, если каждый изъ этихъ народовъ, будетъ усваивать знанія съ наибольшей легкостью и съ интересомъ, а это возможно лишь при широкой національной жизни каждаго изъ нихъ, при обученіи въ школахъ на родныхъ языкахъ.

Уже теперь въ Сибири агрономы, инструкторы и др. дѣлаютъ попытки читать лекціи крестьянамъ по сельскому хозяйству, снабжать ихъ спеціальной литературой, издавать журналы для сибиряковъ по кооперації и т. д.

Было бы огромной ошибкой со стороны ихъ не воспользоваться литературой другихъ народовъ, живущихъ въ Сибири, и стремиться къ уравненію ихъ подъ одинъ „ранжиръ“ съ великороссами въ отношеніи языка и т. д.

Для украинской же интеллигенціи и въ Сибири, и на Украинѣ прямой обязанностью является теперь же поднимать эти вопросы и стараться осуществлять ихъ, пользуясь всякими средствами. Украинцы-агрономы должны поднимать эти вопросы на сибирскихъ съѣздахъ, фельдшера должны позаботиться о популярной литературѣ для народа, въ родѣ, напр., „Життя і знання". Слѣдуетъ поднимать эти вопросы въ сибирской печати, тѣмъ болѣе, что среди послѣдней есть органы, которые при настойчивости и желаніи не откажутся печатать статьи на эту тему.

Конечно, намъ приходится считаться съ существующими политическими условіями; улучшеніе ихъ откроетъ возможность болѣе широкой и плодотворной работы украинской интеллигенціи для мѣстнаго украинскаго населенія.

Вопросы объ организаціи украинской народной школы, тогда могутъ найти вполнѣ надлежащее разрѣшеніе. И не только это. Вѣдь количественно украинцы занимаютъ въ Сибири послѣ великороссовъ второе мѣсто; кто же можетъ отказать имъ въ правѣ на среднюю школу. То же самое можно сказать и относительно издательства общихъ и спеціальныхъ газетъ, которыя для Сибири будутъ носить свой мѣстный отпечатокъ. Но все это дали будущаго. Пока же можно заняться подготовкой къ нему. Нужно, чтобы великороссы въ Сибири не удивились ни при требованіи школы, ни при появленіи тамъ, вообще, украинцевъ на общественной сценѣ. Иначе можетъ случиться то же, что съ вопросомъ объ украинской школѣ въ Г. Думѣ, когда нѣкоторые прогрессивные депутаты подходили къ украинцамъ и спрашивали, въ самомъ ли дѣлѣ имъ нужна такая школа.

Украинцамъ - сибирякамъ слѣдуетъ уже подумать о своемъ сибирско-украинскомъ органѣ.

Если же для этого или текущій общественный моментъ, быть-можетъ, не совсѣмъ благопріятенъ, ибо онъ не дастъ достаточно свободы для широкаго распространенія печатнаго слова и организаціи сбыта книгъ и журналовъ, или же еще нѣтъ потребнаго количества газетныхъ работниковъ, то можно теперь же заняться собираніемъ силъ; связать въ одно цѣлое всякаго рода украинскіе клубы, любительско-артистическіе кружки, разбросанные по кое-какимъ уголкамъ въ Сибири, привлечь къ общественной жизни отдѣльныхъ лицъ, которыхъ теперь немало живетъ по городамъ и селамъ сибирскимъ, устраивать украинскіе отдѣлы по книж-

нымъ магазинамъ и по библіотекамъ, гдѣ это возможно, и, наконецъ, приложить всѣ старанія къ тому, чтобы по сибирскимъ газетамъ появились спеціальные отдѣлы, посвященные украинской жизни въ Сибири и внѣ ея.

Но думается, что энергія и предпріимчивость отдѣльныхъ лицъ могли бы даже и въ данный моментъ создать украинскую газету, если не чисто, то хотя двуязычную. Все дѣло лишь въ томъ, чтобы тѣ украинскія силы, которыя имѣются въ настоящее время въ Сибири, перешли изъ „потенціи“ въ „акцію“. Хорошо поставленная реклама дастъ достаточное число подписчиковъ. Нужно только, чтобы газета эта имѣла все то, что имѣютъ русскіе сибирскіе органы плюсъ украинская жизнь, статьи на украинскія темы, фельетоны, иногда по-русски, иногда по-украински. Это подготовило бы почву для основанія чисто украинской газеты.

Есть еще одна ступень, ведущая къ той же цѣли,—ступень, которая безусловно осуществима да уже частично и осуществлялась.

Рѣчь идетъ о правильно поставленномъ освѣдомленіи сибиряковъ насчетъ украинцевъ при помощи открытія въ сибирскихъ органахъ печати украинскихъ отдѣловъ. Это дѣло не только возможное, но и отчасти уже кое-гдѣ и проведенное въ жизнь. Такъ, напр., „Обская Жизнь“ („Сибирская Новь“) уже печатала не разъ статьи на украинскія темы: „Украинцы и бѣлороссы въ Сибири“, о Лысенко, о борьбѣ украинцевъ въ Галиціи за университетъ. Встрѣчаемъ иногда статьи на украинскія темы, а иногда и на украинскомъ языкѣ въ „Текущемъ Днѣ“ (Владивостокъ). Конечно, нужны хлопоты, старанія, часто длинные переговоры, но вѣдь это дѣло новое, да и не только для одной Сибири. Интересны нѣкоторые поучительные примѣры въ этомъ отношеніи. Когда была предложена упомянутой нами „Обской Жизни“ статья принципіальнаго характера по украинскому вопросу въ Сибири, то редакторъ сказалъ лишь, что она слишкомъ большая, далека отъ непосредственной мѣстной жизни и что у нихъ просто нѣтъ мѣста, чтобы напечатать ее.

— Но, если бы вы давали намъ постоянно небольшія статьи изъ украинской жизни, ну хотя бы въ мѣсяцъ разъ, то мы бы съ удовольствіемъ ихъ помѣщали,—добавилъ онъ.

Какъ видно изъ этого, сама редакція предлагала свои страницы для украинскихъ статей.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № П- 85689

Другая, только-что родившаяся, газета отвѣтила не совсѣмъ ясно.

— Видите ли, вы пишете про украинскаго мужика; а вѣдь русскій мужикъ тоже теменъ и нуждается въ просвѣщеніи.

— Но почему же нужно писать только о русскомъ? Развѣ „малороссу“ такъ и пропадать безъ статей?

— Да вѣдь малороссы слишкомъ далеко живутъ; мы должны писать о мѣстныхъ дѣлахъ.

— Помилуйте, вы посмотрите, сколько живетъ украинцевъ въ Сибири.

Удивленіе, молчаніе и потомъ новое сомнѣніе.

— Вы тутъ затрагиваете „Утро Россіи“ и „Русскую Мысль“. Съ такими крупными органами, знаете ли, неудобно вступать во вражду. Но вы оставьте ее, мы совѣтомъ всей редакціи обсудимъ ее.

Резолюція была такова: такъ какъ у насъ нѣтъ въ редакціи спеціальнаго знатока украинскаго вопроса, то мы печатать эту статью не рѣшаемся; но редакція съ удовольствіемъ помѣстила бы статью о Шевченкѣ или Котляревскомъ. Приходилось бесѣдовать на эту же тему съ извѣстнымъ сибирскимъ ученымъ и общественнымъ дѣятелемъ Анучинымъ.

— Этотъ случай, — такъ приблизительно заключилъ онъ,—еще разъ убѣждаетъ меня въ томъ, что для Сибири нуженъ свой спеціальный областной органъ, въ которомъ бы подобнаго рода статьи находили себѣ мѣсто. Украинцы принесли въ Сибирь, по моему мнѣнію, много хорошихъ хозяйственныхъ навыковъ, они культивируютъ ее, и о нихъ слѣдуетъ писать и говорить, и намъ прямая выгода дѣйствовать совмѣстно съ украинцами,—какъ они, такъ и мы „областники“.

Какъ Анучинъ, такъ и Потанинъ являются сторонниками областнаго устройства Сибири, и дѣйствительно, врядъ ли можно украинцамъ найти болѣе лучшихъ союзниковъ и друзей по ту сторону Урала.

Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ органъ откажется поставить широкій информаціонный украинскій отдѣлъ.

Чтобы не отодвигать всего этого дѣла въ даль будущаго, можно сдѣлать одинъ очень важный шагъ въ этомъ направленіи теперь же. Нужно по образцу уже произведенной

среди русской интеллигенціи анкеты составить еще одну анкету, уже спеціально для Сибири, измѣнивъ ее, конечно, сообразно особенностямъ положенія украинцевъ въ Сибири. Часть вопросовъ или даже всѣ вопросы изъ бывшей уже анкеты можно оставить, добавивъ рядъ новыхъ приблизительно по слѣдующей программѣ: 1) количество украинцевъ въ Сибири; 2) интенсивность денаціонализаціи; 3) мѣры просвѣщенія; 4) народная украинская школа въ Сибири; 5) желательно ли развитіе самостоятельной украинской жизни въ Сибири и т. д. И такимъ или другимъ образомъ добавленную анкету разослать рѣшительно по всѣмъ редакціямъ прогрессивныхъ сибирскихъ газетъ, виднымъ агрономамъ, кооператорамъ и сибирскимъ общественнымъ дѣятелемъ, Анучину, Потанину и др.

Это положило бы начало пробужденію вниманія къ украинцамъ въ Сибири, привлекло бы вниманіе общества, вызвало бы обмѣнъ мнѣній и дало бы немало практическиполезныхъ результатовъ для пробужденія творчества украинской стихіи, заброшенной въ безконечныхъ пространствахъ Сибири [1]).

G. Peeddoobny.

[1]) Редакція, помѣщая настоящую статью, надѣется, что сибирскіе читатели нашего журнала предоставятъ намъ соотвѣтствующіе матеріалы и данныя по существу вопросовъ, затронутыхъ авторомъ статьи.

Къ нашей анкетѣ

(Отвѣты кн. Евг. Трубецкого и Журналиста).

Письмо въ редакцію.

Многоуважаемый господинъ редакторъ!

Я давно написалъ свой отвѣтъ на вашу анкету *) и все не рѣшался его отослать. На всѣ 15 вопросовъ анкеты я въ сущности и могъ отвѣтить однимъ только словомъ: не знаю. И мнѣ казалось, что всякій общественный дѣятель обязанъ по вопросу такой огромной важности, разъ только онъ сознаетъ себя по немъ невѣждой, познакомиться съ сутью вопроса и составить себѣ по немъ болѣе опредѣленное сужденіе. Я такъ и поступилъ и постараюсь узнать дѣло поближе. Въ свое время постарался изложить это свое сужденіе и въ литературной формѣ, а пока посылаю вамъ свои давнишніе отвѣты въ томъ видѣ, какими они въ свое время вылились безъ всякой предварительной подготовки. Какъ простой фактъ, опредѣляющій степень сознательности по данному вопросу среди рядового русскаго обывателя, отвѣты мои, можетъ быть, окажутся нелишенными показательнаго значенія.

Дмитрій Шаховской.

Предпринятая редакціей „Украинской Жизни“ въ прошломъ году анкета объ отношеніи русскаго общества къ украинскому національному движенію (см. статью „Больной вопросъ“ въ № 2-мъ „Украинской Жизни“ за 1912 г.) вызвала, какъ извѣстно читателямъ, рядъ откликовъ. Нѣкоторые изъ нихъ содержали болѣе или менѣе обстоятельные отвѣты на отдѣльные пункты анкетной программы, другіе же были очень кратки. Нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ В. Я. Богучарскій, С. Н. Булгаковъ, Г. В. Плехановъ, Н. А. Рубакинъ и М. И. Туганъ-Барановскій, обѣщали въ скоромъ

---

*) См. „Украинская Жизнь“, Ноябрь 1913.

времени прислать свои отвѣты, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ этого обѣщанія не осуществили.

Наиболѣе обстоятельные изъ отвѣтовъ редакція „Украинской Жизни“ уже помѣстила на своихъ страницахъ. Всѣ они, какъ извѣстно, свидѣтельствуютъ о благожелательномъ отношеніи авторовъ къ украинскому національному дѣлу. Къ этой же категоріи нужно отнести остающіеся въ портфелѣ редакціи отвѣты членовъ Государственной Думы Булата, Чхеидзе, Калугина, Мейендорфа, Старлочанова и затѣмъ, проф. Чубинскаго, Діонео, Сакулина, Чарнолускаго, Русинова, Прохаско и др.

Враждебно къ украинцамъ и ихъ національному возрожденію не отнесся никто, но имѣется два крайне характерныхъ отвѣта, признающихъ наше національное движеніе ошибкой, явленіемъ не нужнымъ и не жизнеспособнымъ. Обоимъ отвѣтамъ нельзя отказать въ идейной искренности и прямотѣ, но, разумѣется, для насъ въ этомъ утѣшительнаго мало. Характерными же эти отвѣты являются потому, что, несомнѣнно, отражаютъ мнѣнія, болѣе или менѣе распространенныя въ тѣхъ кругахъ русскаго общества, которые мало интересуются національными вопросами и потому оцѣниваютъ ихъ съ точки зрѣнія привычныхъ формулъ и масштабовъ общаго характера, или же на основаніи случайныхъ и чисто эмпирическихъ впечатлѣній.

Одинъ изъ этихъ отвѣтовъ принадлежитъ бывш. кіевскому и затѣмъ московскому профессору кн. Е. Н. Трубецкому, другой—Журналисту, довольно видному заграничному корреспонденту прогрессивной вліятельной русской газеты. Послѣдній до такой степени далеко стоитъ отъ предложенныхъ ему вопросовъ, что, повидимому, совершенно не замѣчаетъ неумѣстности принятаго въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ тона и оскорбительности своей терминологіи: „хохлы“, „хохлацкій“ и т. п.

Въ интересахъ всесторонняго отраженія на страницахъ „Украинской Жизни“ того матеріала, который данъ предпринятой анкетою, ниже печатаются полностью отвѣты кн. Трубецкого и г. Журналиста.

1. Отвѣты кн. Е. Н. Трубецкаго.

1. Интересовались ли вы украинскимъ вопросомъ? Въ чемъ выражался и выражается вашъ интересъ къ нему и что послужило толчкомъ къ его возникновенію?

Вопросомъ, разумѣется, интересовался, но самый вопросъ о существованіи украинской національности для меня подверженъ сильному сомнѣнію. Сомнѣнія эти усиливаются между прочимъ тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые изъ знакомыхъ мнѣ украинофиловъ плохо говорятъ по-украински и хорошо по-русски. Возможенъ ли подобный фактъ среди поляковъ?

2. Признаете ли вы наличность отличительныхъ особенностей, которыя выдѣляютъ украинцевъ изъ среды другихъ славянскихъ народовъ и, въ частности, отличаютъ ихъ отъ „державной народности"—великороссовъ; въ чемъ вы эти особенности усматриваете, и являются ли онѣ, по вашему мнѣнію, существенными?

Я не признаю ни украинской, ни великорусской народности: мы здѣсь имѣемъ два развѣтвленія о д н о г о русскаго народа и два очень близкія нарѣчія одного русскаго языка.

3. Какъ относитесь вы къ вопросу объ ассимиляціи украинскаго народа: признаете ли вы желательнымъ поглощеніе и исчезновеніе его, какъ національнаго коллектива, или, напротивъ, являетесь сторонникомъ дальнѣйшаго развитія его національныхъ чертъ? Если вы сторонникъ такого развитія, то почему, и какимъ, по вашему мнѣнію, путемъ должно это развитіе идти? Если—противникъ, то почему? Какой и для кого въ этомъ развитіи усматриваете вы вредъ?

Ассимиляторскія попытки считаю вообще вредными, къ какому бы народу онѣ ни относились; въ данномъ же случаѣ считаю ихъ не только вредными, но и безсмысленными, такъ какъ не существуетъ самаго народа, т.-е. возможнаго объекта ассимиляціи. Если же нашъ націонализмъ говоритъ одновременно и о необходимости ассимиляціи украинской народности, и объ ея несуществованіи, то это—явное противорѣчіе.

4. Отдѣляете ли вы національно-политическое развитіе украинскаго народа отъ его культурнаго развитія; считаете ли вы возможнымъ для украинскихъ народныхъ массъ достиженіе высокаго культурнаго уровня при ихъ полной денаціонализаціи?

„Денаціонализацію" считаю во всякомъ случаѣ несовмѣстимою съ культурой; поэтому желаю національнаго,

русскаго развитія для обѣихъ вѣтвей русскаго народа—украинской и великорусской — при сохраненіи мѣстной особенности той и другой.

5. Какъ вы относитесь къ вопросу объ украинской школѣ: признаете ли вы украинскую народную школу необходимой; видите ли вы нужду въ созданіи другихъ типовъ національной школы вплоть до университетовъ?

Преподаваніе украинскаго языка считаю вообще полезнымъ и даже необходимымъ, такъ какъ дорожу сохраненіемъ всѣхъ мѣстныхъ особенностей каждаго развѣтвленія русскаго народа. Но настаиваю на единствѣ школы въ виду единства національности.

6. Каковъ вашъ взглядъ на употребленіе родного языка въ судѣ, въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ церкви?

Языкъ долженъ быть—непремѣнно—понятный всему населенію. Этому требованію соотвѣтствуетъ наше великорусское нарѣчіе русскаго языка, которое въ Малороссіи понимается даже неграмотными крестьянами. Въ этомъ я убѣждался всякій разъ, когда мнѣ приходилось исполнять обязанности присяжнаго засѣдателя въ Кіевѣ. Вообще чуждое нарѣчіе не есть еще чуждый языкъ. Живя въ Украинѣ, я привыкъ считать малорусское нарѣчіе своимъ; не думаю, чтобы и московское было вполнѣ чужимъ языкомъ и малороссамъ, у которыхъ чаще всего именно оно являлось языкомъ разговорнымъ, домашнимъ (въ образованныхъ семьяхъ). Въ Украинѣ я не чувствую себя за границей, а потому считаю одинаково призрачными и „великорусскій“, и „украинскій“ народъ. Таковыхъ вовсе нѣтъ на свѣтѣ.

7. Знакомы ли вы съ современною украинскою литературой и, въ частности, съ періодическою печатью, и если знакомы, то какое значеніе вы имъ придаете?

Оставленъ безъ отвѣта.

8. Извѣстна ли вамъ дѣятельность украинскихъ научныхъ и культурно-просвѣтительныхъ обществъ (какихъ именно?) и какое значеніе придаете вы этой дѣятельности?

Оставленъ безъ отвѣта.

9. Какое значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ украинскаго національнаго движенія въ Россіи можетъ имѣть ходъ этого движенія въ австрійской Украинѣ и относительно свободныя условія, въ какихъ оно тамъ находится?

Оставленъ безъ отвѣта.

10. Можетъ ли быть достигнута путемъ государственныхъ мѣропріятій денаціонализація украинскаго народа и какое въ этомъ отношеніи значеніе придаете вы внѣшнимъ мѣрамъ воздѣйствія?

Самое отрицательное. Мѣры къ „денаціонализаціи“, которыя сводятся къ гоненію противъ одной вѣтви русскаго народа, могутъ возстановить эту вѣтвь противъ общаго ствола, т.-е. вызвать къ жизни „національность“ тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

11. Какіе результаты приносили до сихъ поръ и какихъ можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ отъ мѣръ воздѣйствія, направленныхъ къ денаціонализаціи украинскаго народа, въ видѣ: а) административныхъ мѣропріятій; б) вліянія общественныхъ организацій націоналистическаго (правильнѣе: „панруссистскаго“) характера и в) непріязненнаго отношенія къ національному украинскому движенію со стороны русскаго общества вообще (печать, интеллигенція)?

„Націонализмъ“, плохо списанный у насъ съ плохого нѣмецкаго образца, всегда приводитъ къ одному результату: онъ разрушаетъ ту самую національность, которой онъ якобы служитъ. Если русскій народъ сведется къ однимъ великороссамъ, а изъ великороссовъ за „русскихъ“ будутъ признаваться только чиновники и помѣщики, то ничего кромѣ разрушенія Россіи отсюда не произойдетъ. Если бы я повѣрилъ этимъ господамъ, что русскій народъ олицетворяется ими и только ими, я бы, можетъ быть, тоже поспѣшилъ провозгласить себя отдѣльной націей. Нѣтъ ли такого же оптическаго обмана въ современномъ украинскомъ движеніи?

12. Усматриваете ли вы достаточныя основанія для высказываемыхъ иногда въ украинской печати по адресу представителей прогрессивнаго русскаго общества и прогрессивной русской печати обвиненій: а) въ равнодушномъ; б) въ

пренебрежительномъ и г) въ непріязненномъ отношеніи къ украинскимъ національнымъ интересамъ? Если такое отношеніе (какое именно?) дѣйствительно существуетъ, то какъ оно значительно, въ какихъ именно кругахъ наблюдается и въ чемъ находитъ свое объясненіе?

Незнакомъ съ этими обвиненіями; но предполагаю въ нихъ все то же недоразумѣніе. Какъ можемъ мы равнодушно относиться къ мѣстному украинскому развѣтвленію нашихъ собственныхъ національныхъ интересовъ? Считать же ихъ интересами другого, отличнаго отъ насъ народа я, по совѣсти, и не могу, и не желаю: особому украинскому національному такъ же мало сочувствую, какъ и національному великорусскому. Великорусскій національнымъ есть „сепаратизмъ сверху". Мнѣ онъ такъ же нежелателенъ, какъ и украинскій „сепаратизмъ снизу".

13. Каковы должны быть, на вашъ взглядъ, ближайшія задачи современной украинской интеллигенціи?

Оставленъ безъ отвѣта.

14. Усматриваете ли вы въ существующихъ теченіяхъ общественно-политической мысли на Украинѣ тенденціи сепаратизма, „мазепинства" и т. д.? Если, по вашему мнѣнію, такія теченія существуютъ, то въ чемъ они выражаются и откуда почерпнуты вами свѣдѣнія о нихъ?

Оставленъ безъ отвѣта.

15. Какія формы отношеній со стороны государства и русскаго общества къ Украинѣ представляются вамъ наиболѣе нормальными, справедливыми и желательными въ интересахъ Россіи, какъ цѣлаго, и Украины, какъ части?

Вопросъ этотъ имѣетъ смыслъ только на почвѣ всеобщаго освобожденія всѣхъ племенъ и нарѣчій Россіи, въ томъ числѣ и великорусскаго—отъ внутреннихъ монголовъ. Какъ широко должно быть при этихъ условіяхъ областное самоуправленіе Украины, это должно зависѣть, конечно, отъ степени широты о б щ е й свободы. Думаю только, что оно должно быть, но не предрѣшаю вопроса о его объемѣ.

Кн. Евгеній Трубецкой.

2. Отвѣты г. Журналиста.

1. Я мало знакомъ съ украинскимъ вопросомъ и съ украинскимъ движеніемъ, вѣроятно, потому, что оно оживилось и получило хотя слабое литературное выраженіе лишь въ самые послѣдніе годы.

2. Полагаю, что украинцевъ выдѣляетъ изъ среды другихъ славянскихъ народовъ ихъ языкъ, ихъ нарѣчіе. Думаю, что существуетъ и нѣсколько особенный малороссійскій душевный складъ, находящій свое выраженіе въ малороссійской народной поэзіи и музыкѣ, въ нѣкоторыхъ особенностяхъ быта и нравовъ. Но я не думаю, чтобы отсюда можно было заключить о существованіи особой малороссійской націи. Націи—сложныя историческія производныя, въ которыхъ совмѣщаются признаки, данные расой, культурой, и отдѣльнымъ, обособленнымъ въ извѣстный періодъ ихъ жизни, существованіемъ. Этимъ условіямъ малороссы, кажется, не отвѣчаютъ. Думаю, что малороссы не особый этнографическій видъ, а лишь разновидность; ихъ языкъ—лишь говоръ. Ихъ культура—но ея нѣтъ, этой культуры. Допускаю, что культура эта можетъ возникнуть, но думаю, что это будетъ общечеловѣческая, а не малороссійская культура. Кажется, прошло время, когда возникали національныя культуры.

3. Если „національный коллективъ“ (малороссійскій) существуетъ, то ассимиляція въ смыслѣ обезличенія и не желательна, и почти не осуществима. Желать исчезновенія національныхъ чертъ такъ же безсмысленно, какъ желать, чтобы всѣ носили одинаковаго вида шапки. Каждая индивидуальность имѣетъ право жить, и, вѣроятно, цѣлое только выигрываетъ отъ того, что не всѣ голоса поютъ въ одну ноту. Но я думаю, что національное самосознаніе, ростъ котораго мы замѣчаемъ начиная съ половины XVIII вѣка въ Турціи (славянскія народности), въ XIX вѣкѣ — въ Австріи, есть лишь моментъ въ процессѣ культурнаго сближенія народовъ.

4. Не вполнѣ понимаю сущность этого вопроса. Конечно, національно-политическое развитіе и развитіе культурное—вещи различныя. Перваго можетъ не быть, а второе можетъ тѣмъ не менѣе совершаться.

Ни одинъ человѣкъ, ни одинъ народъ не можетъ достигнуть высокаго культурнаго уровня, если онъ не имѣетъ

счастья пользоваться всегда тѣмъ языкомъ, на которомъ онъ думаетъ и на которомъ говоритъ самъ. Эсперанто и чужіе языки—лишь для людей, уже достигшихъ культуры.

5. Школа (народная), въ которой дѣти учатся на незнакомомъ языкѣ,—вздоръ. Хохлацкимъ дѣтямъ нуженъ хохлацкій букварь. Гимназіи и университетъ? Не хочу говорить непріятнаго украинцамъ, но amicus Plato.

До сихъ поръ малороссійскій языкъ былъ говоромъ простонародья. Своего рода Patois. Этихъ языковъ во Франціи десятокъ; и въ Германіи тоже. И въ Россіи нѣсколько. Бѣлорусскій, напр. Надо ли имѣть бѣлорусскій университетъ? Надо ли имѣть малороссійскій? Вѣроятно, надо, если бѣлоруссы и малороссы очень хотятъ и громко требуютъ и не желаютъ на другомъ языкѣ учиться. Но мнѣ кажется, что и бѣлоруссы, и малороссы очень много отъ этого потеряютъ и мало выиграютъ. Русская наука существуетъ; русская литература существуетъ. Русскій языкъ выработалъ не только слова, но и русская мысль выработала соотвѣтствующія имъ понятія высшаг научнаго порядка. Малороссійскій языкъ—языкъ младенческій, языкъ простонародія, варварская рѣчь. Цивилизовать ее? Отчего же? Когда живущій въ Турціи болгаринъ ставилъ эту задачу,—я понимаю его, ибо велика пропасть, отличающая турка отъ болгарина, ихъ расы, религіи, культуры, языки. Понимаю и славянъ въ нѣметчинѣ, добивающихся собственнаго университета. Но хохлы въ Россіи? Различіе малороссовъ отъ великороссовъ не такъ ужъ велико. Образованный малороссъ долженъ знать русскій языкъ такъ же хорошо, какъ и малороссійскій. Создать свою малороссійскую науку и свою малороссійскую литературу—нужны вѣка. Не будетъ ли простой растраты силъ стремленія изучать римское право или анатомію непремѣнно въ терминахъ, наспѣхъ перелицованныхъ на малорусскій говоръ. Правда, вопросъ сложнѣе и не исчерпывается этимъ. Хохлацкій университетъ сталъ бы центромъ хохлацкаго движенія. Потерявъ въ образовательной цѣнности, онъ сослужилъ бы другую службу. Но... но въ общемъ я совершенно равнодушенъ къ тому, будетъ ли или не будетъ существовать малороссійскій университетъ. Это ваше дѣло. Я знаю, что, будучи бѣлоруссомъ, пальцемъ не пошевельну, чтобы создать бѣлорусскій университетъ и сдѣлать русскую науку и русскую литературу иностранной для бѣлоруссовъ. Если вы находите по-

лезнымъ сдѣлать ихъ иностранными для себя—на здоровье.

6. Въ судѣ, въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и въ церкви я хотѣлъ бы, чтобы каждый могъ говорить на своемъ языкѣ. Но, къ сожалѣнію, это не всюду достижимо. Нельзя Государственную Думу заставить понимать и якутовъ, и калмыковъ. Вопросъ, слѣдовательно, рѣшается условно. Въ мѣстныхъ учрежденіяхъ долженъ и имѣетъ право превалировать мѣстный языкъ. Но для общихъ центральныхъ учрежденій долженъ существовать общій, государственный языкъ.

7. Почти незнакомъ. Первые шаги ея привѣтствую.

8. Неизвѣстны. Значеніе могъ бы отрицать только врагъ просвѣщенія.

9. Вѣроятно, украинское движеніе въ Австріи будетъ стимулировать ростъ его и въ Россіи.

10. Государственныя мѣропріятія и внѣшнія мѣры воздѣйствія, имѣющія цѣлью денаціонализировать народъ, въ которомъ пробудилось національное самосознаніе, обыкновенно представляютъ простую растрату силъ. Денаціонализируемымъ они доставляютъ множество страданій. Денаціонализирующихъ развращаютъ. Кромѣ того, эти мѣры обыкновенно портятъ національное самосознаніе, способствуя его экзажераціи.

11. Этихъ же дурныхъ послѣдствій я жду и отъ украинофобіи русскихъ правящихъ сферъ. Угонятъ движеніе подъ полъ. А въ подпольѣ все проѣдается плѣсенью. Я знаю это, такъ какъ немало побродилъ по подпольямъ.

12. Русская прогрессивная интеллигенція мало интересовалась украинскимъ движеніемъ, потому что, насколько я знаю, до послѣднихъ лѣтъ оно было само—пустымъ мѣстомъ. Въ послѣднее время украинское движеніе встрѣтило въ нѣкоторыхъ кругахъ возраженія (Струве), но круги эти очень тѣсны; возраженія мало обоснованы. Прочное и обоснованное отношеніе къ украинскому движенію сложится только тогда, когда само движеніе оформится и выяснится. Очень боюсь, чтобы благодаря увлеченіямъ съ обѣихъ сторонъ не замутились отношенія между русской и украинской интеллигенціей.

13. Участвовать въ національномъ движеніи, въ національномъ рожденіи и всѣми силами сохранять связь съ Великороссіей, съ общей всѣмъ Россіей, и съ человѣчествомъ.

Я врагъ національнаго шовинизма, узкаго экзажерированнаго націонализма, всего, что въ немъ разобщаетъ, уединяетъ и поселяетъ вражду къ другимъ народамъ.

14. Не встрѣчалъ ни мазепинцевъ, ни политическихъ сепаратистовъ, но я и вообще мало встрѣчалъ украинцевъ. Считалъ бы ихъ появленіе большимъ несчастьемъ.

15. На общеземскихъ съѣздахъ профессоромъ Антоновичемъ былъ поднятъ вопросъ объ украинской автономіи. Въ прогрессивныхъ русскихъ кругахъ къ ней не отнеслись отрицательно. Но требованіе ея показалось необоснованнымъ, такіе вопросы рѣшаются не въ кабинетахъ и не въ редакціяхъ газетъ и даже не на общеземскихъ съѣздахъ, а народнымъ сознаніемъ и жизнью.

Можетъ быть, хохламъ будетъ довольно равноправія своего языка на мѣстахъ. Можетъ быть, экономическія отношенія свяжутъ Волынь и Минскую губ. тѣснѣе, чѣмъ Волынь и Подолію. А Полтавскую и Черниговскую губерніи тѣснѣе, чѣмъ Полтаву и Кіевъ. Я этого не знаю.

Но если образуется народное теченіе въ пользу областного обособленія малороссійской территоріи, государство, подавляя его, будетъ дѣйствовать во вредъ и себѣ, и Малороссіи.

Но, конечно, малороссійская автономія, если она станетъ на очередь политическаго дня, будетъ уже автономіи польской и финляндской. Думать такъ заставляетъ то соображеніе, что поляки и финляндцы—народы съ собственной исторіей и культурой, а малороссы, украинцы—этническая разновидность безъ замѣтнаго прошлаго.

Мои взгляды, конечно, не удовлетворятъ васъ. Тѣмъ не менѣе, примите отъ меня пожеланіе успѣха въ культурной работѣ на украинскомъ языкѣ для блага говорящихъ на немъ народныхъ массъ.

Журналистъ.

Деревянное церковное зодчество Украины и стиль барокко *).

Кто слѣдитъ за новѣйшею литературою, посвящаемою древнему южно-русскому зодчеству, тотъ не могъ не замѣтить, какъ неожиданно и существенно измѣнился въ послѣднее время взглядъ одного изъ вѣрныхъ изслѣдователей украинской старины на деревянное церковное зодчество старой Украины. Такое измѣненіе явно обнаружилось въ статьѣ проф. Г. Павлуцкаго „Деревянное церковное зодчество на Украинѣ“, помѣщенной въ 8-мъ выпускѣ „Исторіи русскаго искусства“ Иг. Грабаря. Въ этомъ выпускѣ,—кромѣ названной,—напечатаны еще статьи проф. Павлуцкаго 1) „Старинныя деревянныя синагоги въ Малороссіи“, 2) „Каменное церковное зодчество на Украинѣ“, 3) Гражданское зодчество на Украинѣ“ и 4) Игоря Грабаря „Деревянное церковное зодчество Прикарпатской Руси“. Эти пять статей составляютъ особый отдѣлъ, носящій общее заглавіе „Барокко Украины“.

Прежде чѣмъ изложить новыя мнѣнія г. Павлуцкаго, приведемъ здѣсь кратко тотъ взглядъ на старинное деревянное церквостроительство Украины, который установился главнымъ образомъ, благодаря работамъ Е. Сѣцинскаго („Исчезающій типъ деревянныхъ церквей Подоліи“. 1904 г.), проф. Г. Павлуцкаго („Древности Украины“. 1905 г.) и Ѳ. Волкова („Старинныя деревянныя церкви на Волыни“. 1910 г.).

Уцѣлѣвшіе въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи, а равно и въ восточной Галиціи памятники церковной деревянной архитектуры XVII и XVIII столѣтія убѣждаютъ въ томъ, что на всемъ этомъ пространствѣ существовалъ особый архитектурный стиль съ очень опредѣленнымъ оригинальнымъ характеромъ, сохранявшимся,—

*) Статья эта была предметомъ доклада въ украинскомъ худож.-архитектурномъ Отдѣлѣ харьковскаго Лит.-худож. Кружка.

какъ есть основаніе предполагать,—долгое время неизмѣннымъ, но въ различныхъ областяхъ принимавшимъ различные оттѣнки, нигдѣ однако не затемнившіе, общаго всѣмъ, основного характера. Хотя уцѣлѣвшіе памятники относятся къ XVII и XVШ вѣкамъ, „но они представляютъ собою настолько законченную, выработанную цѣнность стиля, что возникновеніе малорусскихъ деревянныхъ церквей, безъ всякаго сомнѣнія, нужно отнести къ гораздо болѣе древнему времени“ (Г. Павлуцкій. „Древности Украины“, стр. 14).

Что касается особенностей этого архитектурнаго деревяннаго стиля, то наиболѣе серьезными изслѣдователями признано было, что здѣсь виденъ „особый мѣстный стиль“, что „во всякомъ случаѣ здѣсь нѣтъ ничего западнаго, романскаго или готическаго“ (Е. Сѣцинскій), что „къ малорусскимъ деревяннымъ храмамъ нельзя примѣнить ни одной изъ извѣстныхъ художественно-историческихъ схемъ; ихъ нельзя отнести ни къ готикѣ, ни къ стилю возрожденія, ни къ барокко; они сами представляютъ стиль, естественнымъ образомъ возникшій изъ строительнаго матеріала“ (Г. Павлуцкій). Ѳ. Волковъ въ своей работѣ „Старинныя деревянныя церкви на Волыни“ высказывается по этому вопросу такъ:

„Въ образованіи украинскаго типа деревянныхъ церквей могли, разумѣется, играть извѣстную роль стороннія вліянія, заимствованныя извнѣ. Вліяніе греко-византійской церковной архитектуры на церковное зодчество древней Руси не отрицается никѣмъ и, несомнѣнно, имѣло мѣсто, хотя и въ отдаленномъ смыслѣ, и по отношенію къ украинскому деревянному церквостроительству. Кіевскіе и другіе каменные храмы греческой постройки и особенно крестоваго плана всегда должны были представляться идеаломъ деревянныхъ церквей на Украинѣ, что, конечно, не мѣшало этимъ послѣднимъ развиваться совершенно самобытнымъ образомъ и вырабатываться въ оригинальный архитектурный типъ. Но тутъ является вопросъ: не принимали ли участія въ образованіи этого типа украинскихъ церквей какія-нибудь болѣе позднія вліянія? Г. Нарбековъ еще не такъ давно усматривалъ въ немъ „въ значительной степени“ отраженіе вліянія сѣверной деревянной архитектуры. Г. Сусловъ предполагалъ, наоборотъ, западныя вліянія до Антверпенскаго собора включительно“... Эти предположенія „были отвергнуты позднѣйшими и очень серьезными изслѣдователями“... „Для

выясненія вопросовъ о происхожденіи и развитіи украинскаго деревяннаго зодчества остается ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій, а прежде всего—приведенія въ извѣстность и внимательнаго изученія хроно- и типологическаго матеріала. Окончательные же выводы появятся сами собой изъ сопоставленія добытыхъ научныхъ фактовъ".

Къ изложенному остается добавить, что отличительныя особенности, характеризующія описываемый здѣсь стиль, свойственны главнѣйшимъ образомъ памятникамъ деревяннаго зодчества. По мѣрѣ того, какъ въ теперешней россійской Украинѣ возникаетъ (въ XVII вѣкѣ) зодчество каменное, эти характерныя особенности утрачиваются, и въ украинской архитектурѣ болѣе или менѣе явно показываются признаки вліянія барокко.

Въ своей новѣйшей статьѣ о деревянномъ церковномъ зодчествѣ на Украинѣ, проф. Павлуцкій, упомянувъ о томъ, „что какого-нибудь твердаго взгляда на украинское зодчество до сихъ поръ еще не выработано", говоритъ: „Болѣе тщательное наблюденіе и изслѣдованіе, кажется, дастъ теперь возможность точнѣе рѣшить вопросъ объ источникахъ украинскаго зодчества"... „Тѣ признаки стиля, которые считаются специфическою особенностью украинскаго зодчества, ясно выступаютъ уже въ архитектурѣ Запада".

По мнѣнію автора, „мысль о совершенно самостоятельномъ, безъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства, украинскомъ зодчествѣ должна быть оставлена, какъ несогласная съ характеромъ архитектурныхъ формъ".

„Время, — говоритъ онъ, — къ которому относится украинское деревянное зодчество, принадлежитъ къ интереснымъ эпохамъ въ исторіи западной культуры и искусства. То было время контръ-реформаціи, стиля барокко, когда любили блескъ показного и все самое простое облекалось въ пышныя, многорѣчивыя формы!.. Архитектурный стиль барокко, созданный въ Италіи и отсюда распространившійся по всему Западу, нашелъ радушный пріемъ въ Малороссіи раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Откуда проникало это западное вліяніе? Безъ сомнѣнія, ближе всего, изъ Польши. Съ другой стороны, выходцы изъ Галиціи также, вѣроятно, заносили къ своимъ сосѣдямъ культурные вкусы"...

Цитируемыя ниже мѣста поясняютъ, въ чемъ выразилось, по мнѣнію автора, вліяніе стиля барокко.

„Вліяніе барокко преобразовываетъ форму плана и куполовъ (деревянныхъ украинскихъ храмовъ). Многогранная или круглая форма срубовъ, созданная подъ вліяніемъ Запада, беретъ почти окончательный перевѣсъ надъ древней прямоугольной формой"... „Круглая форма срубовъ дѣлается постепенно излюбленною въ украинскомъ деревянномъ зодчествѣ".

„Подъ вліяніемъ барокко вырабатывается также своеобразная форма куполовъ, которая вскорѣ становится типической чертой украинскихъ храмовъ"... „Въ стремленіи къ выработкѣ башеннаго типа куполовъ украинская архитектура слѣдовала тѣмъ же новымъ принципамъ, незнакомымъ первоначальному южно-русскому зодчеству, какимъ слѣдовала и западно-европейская такъ-называемая барочная архитектура XVII вѣка. Первоначально въ украинскихъ церквахъ нижніе срубы прямо крылись куполами, имѣющими форму низкаго шатра на четыре грани. Лишь подъ вліяніемъ барокко изъ этой служебной формы, имѣвшей самостоятельное значеніе и зародившейся изъ свойствъ матеріала—дерева, развилась декоративная форма купола въ видѣ башни"... „Стиль барокко вообще обнаруживалъ стремленіе всѣ формы вытягивать вверхъ".

„Свой тріумфъ на почвѣ Украины барокко празднуетъ созданіемъ типа девятикупольнаго храма. Этотъ типъ особенно наглядно характеризуетъ приверженность украинской архитектуры по формамъ барокко. Планъ девятикупольнаго храма явился отраженіемъ собора св. Петра въ Римѣ, по проекту Браманте".

Разсматривая характерную особенность деревянныхъ украинскихъ церквей—такъ-называемыя „опасныя",—г. Павлуцкій находитъ, что „трудно сомнѣваться въ западномъ происхожденіи этихъ навѣсовъ, такъ какъ они встрѣчаются главнымъ образомъ въ западной части Малороссіи". „Мы ихъ находимъ,—добавляетъ онъ, — въ деревянныхъ храмахъ Галиціи и Силезіи XVII вѣка, выстроенныхъ въ стилѣ барокко, откуда они и были заимствованы".

Въ видѣ заключенія авторъ говоритъ: „Украинское деревянное зодчество можно прослѣдить въ двухъ направленіяхъ. Одно направленіе представлено памятниками, въ которыхъ есть много такого, что изстари существовало на русской почвѣ, что составляло достояніе ея обитателей еще въ домонгольскій періодъ... Другое направленіе,

ничуть не отказываясь отъ старыхъ традицій, подчинилось формамъ западнаго барокко. Вліяніе барокко вызвало соотвѣтствующія измѣненія нѣкоторыхъ частей украинскаго храма: прямоугольные срубы должны были утратить свою форму; повсюду стали господствовать кривыя линіи; низкіе купола замѣнились высокими столпообразными башнями. Измѣненіе формы придало украинскому храму совсѣмъ другой характеръ; онъ перенялъ отъ западнаго барокко его специфическую особенность—живописный элементъ, элементъ картинности"...

Таковъ новѣйшій взглядъ проф. Павлуцкаго на деревянное церковное зодчество Украины, явившійся, какъ онъ говоритъ, слѣдствіемъ „болѣе тщательнаго наблюденія и изслѣдованія" памятниковъ этого зодчества. Взглядъ этотъ изумляетъ читателя какъ полною противоположностью прежнимъ мнѣніямъ автора, такъ и самою сущностью своею. Многое здѣсь представляется удивительнымъ и необъяснимымъ. Неужели же источники украинскаго деревяннаго зодчества можно видѣть въ стилѣ барокко? Если въ западной архитектурѣ такъ ясно видны особености, свойственныя украинскому деревянному зодчеству, то какъ могло случиться, что это не было замѣчено до сихъ поръ ни г. Павлуцкимъ, ни другими изслѣдователями? Почему выходцы изъ Галиціи могли заносить къ сосѣдямъ вкусы барокко, а деревянные храмы Галиціи оставались и остаются до сихъ поръ въ состояніи глубокой архаичности? Гдѣ въ украинскихъ деревянныхъ церквахъ можно видѣть господство кривыхъ линій?

Мысль о вліяніи стиля барокко на деревянное церковостроительство Украины не высказывалась до сихъ поръ ни однимъ изъ изслѣдователей. Наоборотъ, утверждалось, что этотъ стиль не имѣлъ на развитіе украинскаго типа деревяннаго храма никакого вліянія, и утверждалось это, вѣроятно, потому, что даже въ самыхъ позднихъ образчикахъ этого типа никто не усматривалъ признаковъ барокко; кромѣ того, самые архитектурные характеры барокко и украинскаго деревяннаго зодчества совершенно одинъ другому противоположны. Здѣсь—чрезвычайная простота, отсутствіе наружныхъ украшеній и затѣйливыхъ подробностей, красота, неразрывно связанная съ конструкціей, достигнутая живописною группировкою архитектурныхъ массъ; тамъ—богатство и затѣйливость украшеній, изобиліе дета-

лей, чуждыхъ конструкцій, затемняющихъ общее впечатлѣніе отъ цѣлаго. Самый матеріалъ,—деревянныя бревна,—совершенно лишенный гибкости, мало пригоденъ для выраженія „извилистаго“ характера барокко.

Посмотримъ, насколько указываемые проф. Павлуцкимъ архитектурные признаки даютъ поводъ видѣть въ нихъ позаимствованія отъ стиля барокко.

Измѣненіе формы плана и куполовъ, возникновеніе „опасаній“, живописность строенія и, наконецъ, появленіе девятикупольнаго храма,—вотъ тѣ архитектурныя черты и формы, которыя заставляютъ автора оставить мысль о совершенно самостоятельномъ украинскомъ зодчествѣ; все это, по мнѣнію автора, должно быть отнесено на счетъ западнаго вліянія,—вліянія стиля барокко.

Всѣ измѣненія плана, которыя приписываются здѣсь вліянію барокко, сводятся къ усѣченію прямыхъ угловъ основныхъ срубовъ, такъ что вмѣсто четырехгранныхъ срубовъ являются восьмигранные—(круглыхъ срубовъ нѣтъ ни въ украинскихъ церквахъ, ни въ галиційскихъ). Но можно ли приписывать вліянію Запада такое измѣненіе формы плана? Помимо того, что ломаная линія, ограничивающая въ данномъ случаѣ планъ, мало отвѣчаетъ вкусамъ барокко, неужели люди, строившіе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ подобные храмы, не могли „собственнымъ умомъ“ дойти до такого незначительнаго усложненія излюбленнаго типа постройки. Было бы странно и несправедливо у народа, которому всѣ изслѣдователи приписываютъ нѣкоторую самобытность въ творчествѣ, совсѣмъ отрицать способность развивать, съ теченіемъ времени, сообразно собственному вкусу, свое національное зодчество.

Приписывать возникновеніе много-ярусныхъ башенъ въ деревянныхъ храмахъ Украины вліянію барокко нѣтъ никакихъ основаній. Прежде всего надо замѣтить, что мнѣніе г. Павлуцкаго, будто „стиль барокко вообще обнаруживалъ стремленіе всѣ формы вытягивать вверхъ“ само по себѣ требуетъ доказательствъ. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что съ высокими церковными башнями украинскіе строители могли знакомиться и въ древнихъ каменныхъ храмахъ Кіева и Чернигова, а затѣмъ и осуществлять ихъ въ своемъ деревянномъ зодчествѣ, по мѣрѣ усовершенствованія техническихъ пріемовъ и увеличенія средствъ храмосозидателей. Что такое развитіе церков-

ныхъ башенъ въ высоту не зависѣло отъ вліянія барокко и началось раньше, чѣмъ могло дѣйствовать это вліяніе, показываетъ, между прочимъ, примѣръ очень старой (построенной въ 1605 году церкви въ деревнѣ Знѣсенье, около Львова. Изображеніе и планъ этой церкви (нынѣ уже разобранной) помѣщены въ книгахъ К. Моклювскаго „Sztuka ludowa w Polsce“ (стр. 391) и Б. Яныша „Cerkwie drewniane w okolicach Lwowa“ (Warszawa 1912). Въ послѣдней книгѣ приведено подробное описаніе и указанъ годъ постройки. Въ этомъ древнемъ храмѣ, на нижнемъ (основномъ) срубѣ возведены были двѣ башни—одна надъ среднею частью храма, другая надъ бабинцемъ; каждая состояла изъ двухъ, поставленныхъ одинъ на другой, срубовъ, при чемъ всѣ срубы—архаическаго характера, четырехгранные. У Ѳ. Волкова („Старин. церкви на Волыни“) можно видѣть изображеніе Благовѣщенскаго собора въ Ковелѣ; постройку этого собора относятъ къ 1505 году. Хотя относительно этой даты и существуетъ нѣкоторое сомнѣніе, но во всякомъ случаѣ это—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ деревяннаго зодчества Волыни. Въ этомъ соборѣ на первый, (основной) прямоугольный срубъ поставленъ былъ второй — восьмиугольный.

Раньше проф. Павлуцкій, описывая украинскій храмъ, говорилъ: „люди создали здѣсь простой и задушевный памятникъ своему чувству, которое стремится къ небу; въ этомъ порывѣ, въ этомъ стремленіи къ небу вылилась вся малорусская архитектура; во всѣхъ линіяхъ и формахъ явно обозначилось направленіе въ высоту“ („Древности Украины“, стр. 4).

„Въ восьмомъ выпускѣ „Исторіи русскаго искусства“, какъ упомянуто уже выше, рядомъ съ разсматриваемою статьей г. Павлуцкаго и, очевидно, въ дополненіе къ ней помѣщена статья г. Игоря Грабаря, трактующая о „деревянномъ церковномъ зодчествѣ Прикарпатской Руси“, но взглядъ послѣдняго автора на высокія церкви россійской Украины не совпадаетъ съ новѣйшимъ взглядомъ г. Павлуцкаго. Г. Игорь Грабарь, правда, также находитъ, что видъ церквей Поднѣпровья „пріобрѣлъ явную печать стиля барокко“, но тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что онѣ „сохранили отъ своего исконнаго типа первичный планъ, систему рубки и стремящіяся вверхъ громады своихъ пирамидальныхъ завершеній“.

Галицко-русское племя „бойковъ", какъ извѣстно, въ своихъ деревянныхъ храмахъ обнаружило наибольшее, сравнительно со своими сородичами, стремленіе къ увеличенію числа срубовъ или ярусовъ церковныхъ башенъ. По этому поводу г. И. Грабарь замѣчаетъ: „На Бойковщинѣ южнорусское деревянное зодчество достигло своего наиболѣе пышнаго расцвѣта, и здѣсь-то создались тѣ изумительные храмы-сказки, которые можно сравнить развѣ лишь съ ихъ сѣверными братьями, храмами-богатырями русскаго Сѣвера". Затѣмъ въ концѣ своей статьи этотъ же авторъ, останавливаясь на постепенномъ усложненіи бойковскаго храма, говоритъ: „Дальнѣйшее развитіе бойковскаго храмового типа шло въ сторону увеличенія числа ярусовъ, что вызывалось тѣмъ же стремленіемъ создать храмъ „преукрашенный" и „предивный", которое вызвало къ жизни деревянные храмы Норвегіи и русскаго Сѣвера"... Наконецъ, въ заключеніе, указывая на наиболѣе развитые,—съ наибольшимъ числомъ ярусовъ, — образцы этого типа церквей, г. И. Грабарь восклицаетъ: „Вотъ гдѣ самобытное искусство Прикарпатской Руси торжествуетъ свое высшее достиженіе!". Такимъ образомъ даже ближайшій сотрудникъ г. Павлуцкаго по составленію исторіи южно-русскаго зодчества усматриваетъ въ стремленіи южно-русскихъ зодчихъ развивать свои храмы въ высоту черту ихъ самобытнаго творчества.

Проф. Павлуцкій называетъ теперь форму купола въ видѣ башни формою декоративною. Но, кажется, ближе къ истинѣ прежнее его мнѣніе, что эта форма являлась выраженіемъ нѣкоторой основной руководящей мысли, замѣчаемой въ южно-русскомъ зодчествѣ. Сравнивая сѣверные деревянные храмы съ южными, онъ говорилъ: „Если шатровый куполъ (въ сѣверно-русскихъ церквахъ) закрывали плоскимъ потолкомъ, то отсюда слѣдуетъ, что въ немъ не было нужды, и что это—форма не органическая, а чисто декоративная. Малорусская архитектура, менѣе живописная, чѣмъ сѣверная, должна быть поставлена выше ея въ идейномъ отношеніи. Стремленіе вверхъ, чувство страстнаго желанія неба сдѣлалось основной руководящей мыслью южно-русскаго строительнаго искусства. Глядя на малорусскіе храмы, кажется, что зодчіе въ своемъ желаніи подняться

выше земли, въ своемъ стремленіи къ небу преслѣдовали лишь одну мысль—подниматься все выше и выше въ воздушное пространство башни своихъ церквей" („Древности Украины". стр. 13).

Что касается „опасаній", г. Павлуцкій не сомнѣвается въ западномъ происхожденіи „этихъ навѣсовъ", потому что они встрѣчаются главнымъ образомъ въ западной части Малороссіи. Но возможно, что „опасанье" по мѣрѣ расширенія внутренности храмовъ мало-по-малу, исчезло въ восточной Украинѣ, гдѣ, къ тому же, не было настоятельной надобности — вслѣдствіе сравнительной сухости климата — предохранять отъ воды нижнія части строенія. Во всякомъ случаѣ можно усомниться въ томъ, чтобы эта характерная деталь, наблюдаемая въ самыхъ древнихъ церквахъ Волыни, Подоліи и Галиціи, органически связанная съ корпусомъ храма, деталь чисто служебнаго назначенія,—могла явиться подъ вліяніемъ барокко, и если мы встрѣчаемъ „опасанье" въ храмахъ Галиціи и Силезіи XVII вѣка, построенныхъ въ стилѣ барокко, то можно съ увѣренностью сказать, что сюда оно вошло какъ заимствованіе изъ болѣе древнихъ деревянныхъ церквей. Если „опасанья" и перешли въ южно-русское зодчество съ Запада, то это случилось очень рано,—до появленія стиля барокко. Самый видъ и живописность этихъ навѣсовъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуютъ общему характеру украинской деревянной архитектуры, и они кажутся созданными именно этою архитектурою.

Изъ вышеизложеннаго видно, что проф. Павлуцкій,—хотя и подвелъ вмѣстѣ съ г. Грабаремъ, все деревянное зодчество Украины подъ рубрику „Барокко Украины",—признаетъ однако же въ этомъ зодчествѣ два направленія, изъ коихъ въ одномъ „есть", какъ онъ выражается, „много такого, что изстари существовало на русской почвѣ". Это направленіе онъ считаетъ свободнымъ отъ вліянія барокко. Это направленіе представляютъ, надо полагать, старинныя, деревянныя, менѣе высокія церкви Подоліи, Волыни и В. Галиціи. Живописность этихъ церквей настолько велика и замѣтна, что привлекаетъ вниманіе не только спеціалистовъ-изслѣдователей, но и всякаго зрителя, не лишеннаго способности чувствовать и цѣнить форму. Живописность ихъ ничуть не меньше той, что наблюдается въ памятникахъ, представляющихъ второе,—по раз-

дѣленію г. Павлуцкаго,—направленіе, подчинившееся формамъ барокко. Эта бросающаяся въ глаза черта украинской деревянной архитектуры—совсѣмъ не того порядка, что живописность или картинность памятниковъ архитектуры барокко. Здѣсь—та же разница, что и въ характерахъ этихъ двухъ стилей. Въ украинской архитектурѣ—живописность массъ, въ барокко—болѣе или менѣе поверхностная разукрашенность. Особеная живописность украинскихъ деревянныхъ храмовъ никоимъ образомъ не можетъ считаться новымъ пріобрѣтеніемъ, которое появилось будто бы только въ XVII вѣкѣ, она была присуща этимъ постройкамъ и раньше.

Сказать, что въ деревянныхъ церквахъ Украины „повсюду стали господствовать кривыя линіи", нельзя даже о наиболѣе усложненныхъ и развитыхъ ихъ типахъ. Кривыхъ линій и поверхностей въ этихъ постройкахъ чрезвычайно мало. Въ высокихъ церквахъ, имѣющихъ по три—поставленныхъ одинъ на другой—сруба, мы видимъ, что изъ трехъ междуярусныхъ покрытій или поясковъ два имѣютъ прямолинейное очертаніе и только одинъ—криволинейное, что врядъ ли допустили бы строители, зараженные вкусами барокко.

Обратимся теперь къ девятикупольному храму, который, по словамъ проф. Павлуцкаго, „особенно наглядно характеризуетъ приверженность украинской архитектуры къ формамъ барокко". Вѣроятно, для доказательства этой приверженности, авторъ помѣщаетъ здѣсь же нѣсколько забавное утвержденіе, что „планъ девятикупольнаго храма является отраженіемъ собора св. Петра въ Римѣ по проекту Браманте". Но Браманте, умершій въ 1514 г., былъ мастеромъ лучшей эпохи Возрожденія; видѣть въ украинскомъ храмѣ отраженіе его идей значитъ, признавать еще вліяніе и стиля Высокаго Возрожденія. Къ сожалѣнію, проф. Павлуцкій ничѣмъ болѣе не поясняетъ, почему онъ усматриваетъ въ девятикупольномъ храмѣ „тріумфъ" барокко. Нельзя не видѣть, что характеръ архитектурныхъ формъ въ этомъ храмѣ—тотъ же, что и въ храмахъ съ меньшимъ числомъ куполовъ; та же простота, то же отсутствіе украшеній, то же въ высшей степени умѣренное примѣненіе кривыхъ поверхностей. Что касается плана, то на него до сихъ поръ смотрѣли какъ на дальнѣйшее раз-

витіе крестоваго плана пятикупольныхъ церквей, безъ участія какихъ-либо постороннихъ вліяній. Такого мнѣнія держался раньше и проф. Павлуцкій. Вотъ что говорилъ онъ въ своей книгѣ „Древности Украины“: „Въ церковной архитектурѣ Донской области мы встрѣчаемъ такую же форму храма о девяти главахъ, какую представляетъ соборъ въ г. Новомосковскѣ Екатеринославской губ.; форма эта не встрѣчается въ правобережной Малороссіи; явилась она какъ осложненіе болѣе простой формы пятикупольнаго храма. Зодчество Донской области вообще является дальнѣйшимъ развитіемъ малорусскаго. Со времени возникновенія казачества въ самомъ началѣ XVI вѣка огромная масса малороссовъ переселяется на Донъ“... (стр. 30).

То обстоятельство, что девятикупольныя деревянныя церкви встрѣчаются исключительно въ Донской области,—и только какъ исключеніе, одна въ Екатеринославской губерніи,—говоритъ также не въ пользу новѣйшаго мнѣнія проф. Павлуцкаго. Представляется необъяснимымъ, почему наибольшее торжество барокко явилось въ наиболѣе удаленной отъ Западной Европы мѣстности.

Стремленіе проф. Павлуцкаго видѣть всюду въ украинскомъ зодчествѣ вліяніе стиля барокко приводитъ его, наконецъ, къ явной и грубой ошибкѣ, которую не слѣдовало бы допускать въ работѣ по исторіи искусства. Въ своей статьѣ „о каменномъ церковномъ зодчествѣ на Украинѣ“ онъ причисляетъ извѣстную Сутковецкую церковь-замокъ (Подольской губ.) также къ памятникамъ архитектуры барокко. Можно спорить—въ извѣстныхъ предѣлахъ, конечно,—о времени постройки этой церкви, но нельзя спорить объ ея стилѣ; „свидѣтельство архитектурныхъ формъ“ не допускаетъ такого спора, ибо не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что каменная часть этой церкви есть образчикъ романской архитектуры.

Итакъ, мы видимъ, что въ „Исторіи русскаго искусства“ г. Грабаря, въ особомъ отдѣлѣ, посвященномъ древнему зодчеству Украины, сдѣлана даже попытка рѣшить точнѣе, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ, вопросъ объ источникахъ и развитіи этого зодчества. Насколько эта попытка, предпринятая гг. Павлуцкимъ и Грабаремъ, удачна, оцѣнитъ, конечно, современемъ компетентная критика; здѣсь можно только замѣтить, что было бы, пожалуй, правильнѣе въ подобнаго рода изданіи помѣщать только факты, прочно

установленные предыдущими изслѣдованіями, избѣгая предположеній слишкомъ новыхъ, которыя могутъ быть или совсѣмъ отвергнуты, или видоизмѣниться до неузнаваемости, или же, допуская такія предположенія, представлять ихъ какъ не вполнѣ устойчивыя гипотезы. Въ настоящемъ случаѣ введеніе въ отдѣлъ объ украинскомъ зодчествѣ совершенно новаго на этотъ предметъ взгляда привело къ серьезному неудобству. Отдѣлъ написанъ двумя авторами, изъ коихъ одинъ держится еще, повидимому, общепринятаго взгляда или, по крайней мѣрѣ, находится ближе къ нему, чѣмъ къ новому. Вслѣдствіе этого между авторами замѣчается разладъ: на одни и тѣ же предметы они иногда смотрятъ совершенно различно. Легко понять, въ какомъ затруднительномъ положеніи окажется человѣкъ мало освѣдомленный, при чтеніи этого отдѣла. Кромѣ того и главнымъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе совершенно неудовлетворительное представленіе въ этой „Исторіи искусства“ вообще южно-русскаго зодчества. И г. Грабарь въ своей статьѣ говоритъ о существованіи самобытнаго южнорусскаго зодчества, и г. Павлуцкій признаетъ наличность особаго направленія украинской деревянной архитектуры, свободнаго отъ вліянія барокко, а между тѣмъ все зодчество Украины и Прикарпатской Руси безъ изъятія заключено въ отдѣлъ подъ заглавіемъ „Барокко Украины“. Такимъ образомъ, цѣлое архитектурное направленіе съ рѣзко выраженнымъ характеромъ, господствовавшимъ на громадномъ пространствѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, оказывается какъ бы пропущеннымъ и во всякомъ случаѣ недостаточно отмѣчено въ новѣйшемъ трудѣ по исторіи русскаго искусства, которому, вѣроятно, предстоитъ широкое распространеніе и коего руководящее значеніе несомнѣнно.

А. Вар—ъ.

БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

Мечты польскихъ національстовъ и дѣйствительность

(Окончаніе).

Посмотримъ теперь, насколько сильна польская колонизація въ трехъ губерніяхъ Юго-западнаго края и шести губерніяхъ Сѣверо-западнаго края, входившихъ когда-то въ составъ Рѣчи Посполитой.

При разсмотрѣніи такихъ же данныхъ мы можемъ видѣть, что наибольше поляковъ въ селеніяхъ губерніи Гродненской—9,6%, меньше въ губерніи Ковенской—7,9%, Волынской—6%, Виленской—5,4% и совсѣмъ немного въ губерніи Витебской—2,6%, Минской—2,5%, Подольской—2,1%, Кіевской—1,5% и, наконецъ, въ Могилевской—0,9%.

Если же мы разсмотримъ эти данныя по уѣздамъ указанныхъ губерній, то увидимъ, что ни въ одномъ уѣздѣ поляки въ селеніяхъ не составляютъ абсолютнаго большинства среди всего населенія. Больше всего ихъ въ Бѣлостокскомъ у. Гродненской губ., гдѣ они среди населенія составляютъ относительное большинство (41,7%). Въ остальныхъ уѣздахъ ихъ меньше, и никакого,—ни абсолютнаго, ни относительнаго,—большинства они не имѣютъ. Сравнительно больше ихъ въ уѣздѣ Бѣльскомъ Гродненской г.—36,5%, въ Ново-Александрійскомъ и Ковенскомъ ковенской губ. (въ первомъ—27,2% и во второмъ—23,5%) и, наконецъ, въ Виленскомъ и Трокскомъ у. Виленской губ. (въ первомъ—12,2% и во второмъ—11%). Въ остальныхъ уѣздахъ этихъ трехъ губерній, а также въ Юго-западномъ краѣ и Бѣлоруссіи (Минской, Могилевской и Витебской губ.) поляки въ селеніяхъ составляютъ незначительное меньшинство—меньше 10% (9,3%—0,2%). Интересно отмѣтить, что въ Ковельскомъ у. на Волыни, расположенномъ почти на границѣ съ Сѣдлецкой губ., поляковъ всего 4,2%, а въ Кременецкомъ у., граничащемъ съ австрійской Галиціей и соединенномъ желѣзной дорогой съ Львовомъ, поляки составляютъ 2,8%, въ Гродненскомъ у., расположен-

номъ на границѣ съ Ломжинской губ., поляковъ всего 3%. Слабость польской колонизаціи въ девяти западныхъ губерніяхъ для насъ вполнѣ понятна. Кіевская, Подольская и Волынская губерніи—это губерніи украинскія, съ % украинцевъ отъ 74,4 на Волыни до 84% въ Подольской губ.; Минская и Могилевская губ. населены почти исключительно бѣлоруссами. Въ большинствѣ уѣздовъ (8) Витебской губ. преобладаютъ бѣлоруссы и лишь въ трехъ уѣздахъ, Двинскомъ, Люцинскомъ и Рѣжицкомъ, абсолютное большинство принадлежитъ латышамъ. Въ Виленской губ.—въ у. Виленскомъ, Дисненскомъ, Лидскомъ, Ошмянскомъ значительно преобладаютъ бѣлоруссы, въ Трокскомъ—литовцы, въ Виленскомъ и Свѣнцянскомъ проходитъ этнографическая граница между литовской и бѣлорусской колонизаціей. Въ Ковенской губ. имѣютъ абсолютное большинство во всѣхъ уѣздахъ или литовцы, или жмудь. Въ Гродненской губ. въ Кобринскомъ и Брестскомъ у. абсолютно преобладаютъ украинцы (свыше 80%), въ Гродненскомъ, Волковишскомъ, Пруханскомъ, Слонимскомъ и Сокольскомъ — бѣлоруссы, въ Бѣлостокскомъ у. проходитъ этнографическая граница между польской и бѣлорусской колонизаціей, а въ Брестскомъ и Бѣльскомъ у. такая же граница между украинской и польской колонизаціей.

Слѣдовательно, поляки въ селеніяхъ Западнаго края составляютъ болѣе или менѣе значительный % лишь въ Бѣлостокскомъ и Бѣльскомъ у. Гродненской губ., расположенныхъ на границѣ съ Ломжинской губ., въ Ново-Александрійскомъ и Ковенскомъ у. Ковенской губ. и Виленскомъ и Трокскомъ у. Виленской губ. (Трокскій у. граничитъ съ Сейнскимъ у., Сувалкской губ., гдѣ поляковъ 22,2%). Польская колонизація въ Гродненской губ. территоріально соединена съ польскою по составу населенія Ломжинской губ. Что же касается польской колонизаціи въ Ковенской и Виленской губ., то хотя она имѣетъ территоріальную связь съ польскими по населенію уѣздами Сувалкской губ., но представляетъ собою какъ бы клинъ, врѣзавшійся въ территорію литовской колонизаціи.

На основаніи приведенныхъ данныхъ можно намѣтить границы этнографической Польши въ Россіи, которыя приблизительно проходятъ отъ р. Сана (на юго-востокѣ Привислинскаго края) до р. Вейра и далѣе по прямой линіи

до р. Западнаго Буга и г. Бѣлостока, отсюда до р. Нѣмана, гдѣ впадаетъ въ нее каналъ, и до р. Виліи, потомъ по р. Нѣману до желѣзной дороги Ораны—Сувалки и, наконецъ, по прямой линіи до прусской границы.

Такимъ образомъ, только весьма незначительная часть территоріи Западнаго края входитъ въ составъ этнографической Польши, въ большинствѣ же уѣздовъ девяти губерній этого края поляки по числу населенія составляютъ незначительное меньшинство, и состоитъ оно преимущественно изъ помѣщиковъ, мелкой шляхты, арендаторовъ, слугъ и служащихъ въ большихъ экономіяхъ польскихъ магнатовъ.

Слѣдовательно, владычество Рѣчи Посполитой надъ Западнымъ краемъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не дало существенныхъ результатовъ для польской колонизаціи девяти западныхъ губерній. Она почти не усилилась даже въ границахъ Привислинскаго края—на юго-востокѣ около Буга и на сѣверѣ около Нѣмана, какъ это мы видѣли выше. Очевидно, эти западныя губерніи, населенныя другими народами, а не поляками, совершенно случайно входили 120 лѣтъ назадъ въ составъ польскаго государства, онѣ не связаны съ этнографической Польшей не только по національности населенія, но и по экономическимъ особенностямъ этихъ губерній. Эти губерніи могли входить въ составъ польскаго государства и могли не быть въ числѣ его областей. При измѣнившейся международной ситуаціи эти губерніи вошли въ составъ Россійскаго государства, а въ X вѣкѣ на юго-западѣ существовало самостоятельное Кіевское государство, а на сѣверѣ—Литовское. Претензіи же и притязанія нѣкоторыхъ польскихъ націоналистовъ на девять западныхъ губерній у серьезнаго политика могутъ вызвать такое же отношеніе, какое могли бы вызвать претензіи татаръ (если бы онѣ были) на все былое Московское царство и Югъ Россіи только по тѣмъ мотивамъ, что въ XII вѣкѣ эти области были завоеваны татарами и около 300 лѣтъ находились подъ ихъ владычествомъ. Польскіе націналисты имѣютъ столько же основаній считать польскими девять западныхъ губерній, какъ и большіе города Россіи, гдѣ живутъ поляки въ большемъ или меньшемъ числѣ. Такъ, въ Петербургѣ переписью въ 1897 г. зарегистрировано 36,729 поляковъ, въ Одессѣ—17,395, Ригѣ—13,415, Двинскѣ—11,420, Москвѣ—9,236. Но польскіе націоналисты не станутъ же го-

ворить, что эти города по составу населенія польскіе, хотя число ихъ въ этихъ городахъ несомнѣнно превышаетъ количество населенія во многихъ уѣздныхъ городахъ.

Интересно выяснить теперь, насколько сильна польская колонизація въ Привислинскомъ краѣ и въ частности въ предѣлахъ самой этнографической Польши, границы которой мы намѣтили выше. Приведемъ соотвѣтствующія данныя:

ГУБЕРНІИ:	Числ. уѣзд.	% поляковъ въ уѣздахъ безъ городовъ.		% евреевъ въ уѣз. безъ городовъ.		% нѣмц. въ уѣзд. безъ городовъ.		% украинцевъ въ уѣзд. безъ городовъ.		% литов. въ уѣзд. безъ городовъ.		% бѣлорус. въ уѣзд. безъ городовъ.	
		Min.	Max.	Min.	Max	Min	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.	Min.	Max.
Кѣлецкая .	7	90,3	—95,0	2,1	— 9,9	0,5	— 0,7	—		—		—	
Петроковская	8	67,2	—92,7	3,2	— 8,7	1,5	—27,2	—		—		—	
Плоцкая . .	7	76,5	—93,1	4,7	— 8,5	1,2	—20,3	—		—		—	
Калишская. .	8	85,0	—91,9	2,4	— 8,4	0,8	—14,6	—		—		—	
Варшавская.	14	75,0	—95,9	1,6	— 6.3	1,9	—14 4	—		—		—	
Ломжинская	7	77,6	—89,6	1,2	— 9,7	0,1	— 2,6	—		—		—	
Люблинская.	10	24,0	—92,9	1,2	—14,6	0,0	—14,6	1,1	—65,8	—		—	
Сѣдлецкая .	9	20,9	—91,1	3,7	—14,6	0,0	— 5,0	0,0	—63,7	—		—	
Сувалкская .	7	0,8	—75,8	5,2	—12,7	0,0	—16,1	—		0,2	—89,7	0,0	—38,1
Радомская .		84,8	—94,7	4,8	—11,4	0,0	— 3,4	0,0	— 0,3	0,2	—89,7	0,0	—38,1

Эти данныя показываютъ, что въ сельскихъ мѣстностяхъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Привислинскаго края живутъ и лица другихъ національностей и притомъ въ значительномъ числѣ, особенно на границѣ съ Пруссіей и отчасти въ Варшавской губерніи. Въ западной части русской Польши нѣмецкая колонизація даже создала значительные центры. Больше всего нѣмцевъ въ селеніяхъ Лодзинскаго у. Петроковской губ.—27,2%. Много нѣмцевъ въ Бржезинскомъ у. (14,3%) и Ласскомъ (10,6%) Петроковской губ., Схупецкомъ у. (14,6%), Конинскомъ (10,8%) и Кольскомъ (10,4%) Калишской губ., Липновскомъ (20,3%) и Рыпинскомъ (11,5%) Плоцкой губ., Гостынскомъ (14,4%), Нешавскомъ (10,5%) и Сахачевскомъ у. (10,6%) Варшавской губ. Интересно отмѣтить, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ значительна нѣмецкая колонизація, % еврейскаго населенія въ уѣздахъ падаетъ, какъ-будто оно уступаетъ мѣсто нѣмцамъ. Евреевъ много въ восточной части Привислинскаго края, больше, чѣмъ въ западной его части.

Благодаря наличности въ селеніяхъ Привислинскаго

края другихъ національностей въ значительномъ % сила польской колонизаціи начинаетъ слабѣть. Она во всякомъ случаѣ слабѣе (по % польскаго населенія), нежели украинская колонизація во многихъ уѣздахъ Черниговской и Полтавской губ. (бывшей Гетманщинѣ), гдѣ украинцы среди всего населенія составляютъ 96—99%. Такъ, въ 14 уѣздахъ Полтавской губ. (кромѣ Константиноградскаго у.) украинцы въ селеніяхъ составляютъ 96,9—99%, въ 4-хъ уѣздахъ южной части Черниговской губ. (Кролевецкомъ, Нѣжинскомъ, Козелецкомъ и Черниговскомъ)—96,8—98,4% и въ Валковскомъ у. Харьковской губ.—97,2%. Между тѣмъ въ селеніяхъ Привислинскаго края наибольше поляковъ въ Ловичскомъ у., Варшавской губерніи, гдѣ они составляютъ среди всего населенія 95,9%. Нужно при этомъ сказать, что нѣмцы и евреи въ Привислинскомъ краѣ въ національномъ отношеніи элементъ довольно устойчивый и не легко поддается чужому культурному вліянію. И если польскіе націоналисты не станутъ обращать вниманіе на евреевъ въ этнографической Польшѣ, то должны будутъ серьезно посчитаться съ колонизаціей нѣмецкой.

Въ еще болѣе печальномъ видѣ представляются данныя и о національномъ составѣ населенія въ городахъ этнографической Польши.

Названіе губернскихъ и другихъ городовъ, выдѣляющихся по числу населенія.	% поляковъ	% евреевъ	% нѣмцевъ	% великороссовъ	% украинцевъ	% литовцевъ
Варшава	61,7	27,1	1,7	7,3	1,3	
Калишъ.	75,7	13,0	4,7	5,8	0,5	
Кѣльцы.	56,4	26,9	0,6	13 6	1,1	
Петроковъ	57,7	29,6	1,7	8,4	1,4	
Лодзь.	46,4	29,4	21,4	2.2	0,1	
Плоцкъ	49,7	28,0	2,3	15,5	2,9	
Радомъ.	47,3	37,5	0,8	11,2	1,2	
Ломжа	34,4	35,4	0,6	24,9	1,9	
Сувалки.	38,8	33,0	2,9	21,6	0,7	0,5
Люблинъ.	40,1	46,9	0,7	9,7	1,3	
Сѣдлецъ	31,5	43,5	0,4	1,9	2,0	

Изъ этихъ данныхъ мы можемъ видѣть, что поляки абсолютно преобладаютъ по числу населенія лишь въ 4 городахъ—въ Калишѣ, Кѣльцѣ, Петроковѣ и Варшавѣ. Въ остальныхъ губернскихъ городахъ и Лодзи преобладаютъ или сами евреи или евреи съ нѣмцами и великоруссами.

Что же касается уѣздныхъ городовъ Привислянскаго края, то только въ немногихъ изъ нихъ польское населеніе является преобладающимъ среди всего городского населенія, что можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

Губерніи	Число городовъ, и посадовъ губерніи	Число городовъ, въ которыхъ по числу населенія преобладаетъ та или другая національность.			
		Поляки.	Евреи.	Евреи и нѣмцы.	Евреи и великоруссы.
Варшавская.	21	7	13	1	—
Калишская .	12	8	4	—	—
Петроковская	9	5	4	—	—
Плоцкая. . .	8	1	2	—	5
Радомская. .	10	2	7	—	1
Кѣлецкая .	9	1	7	—	1
Ломжинская.	7	—	7	—	—
Сувалкская .	9	—	8	—	1
Сѣдлецкая. .	12	—	11	—	1
Люблинская.	13	1	10	—	2
Итого. . .	110	25	73	1	11

Значитъ, въ громадномъ большинствѣ уѣздныхъ городовъ и посадовъ Привислянскаго края еврейское населеніе является преобладающимъ. Такимъ образомъ, поляки въ смыслѣ національной массы еще больше ослаблены въ городахъ, чѣмъ сельскихъ мѣстностяхъ.

Всѣ вышеприведенныя статистическія данныя о польской колонизаціи въ Привислянскомъ краѣ и 9 западныхъ губерніяхъ ясно показываютъ, насколько мечты національной буржуазіи объ исторической Польшѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а претензіи ихъ на Западномъ краѣ и цѣлостность Привислинскаго края совершенно неосновательны. Нѣтъ никакихъ реальныхъ данныхъ, чтобы польская колонизація могла усилиться въ Юго-западномъ и Сѣверо-западномъ краѣ и чтобы польская національная культура оказала бы сколько-нибудь серьезное вліяніе на народныя инонаціональныя массы. Но если есть какія-либо на это претензіи, то съ ними необходимо такъ или иначе посчитаться. Даже при введеніи въ Привислинскомъ краѣ и нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ мѣстнаго самоуправленія необходимо имѣть въ виду указанное обстоятельство—фантастическія претензіи польскихъ націоналистовъ, мечтающихъ не о благѣ этнографической Польши, а о власти въ былой Польшѣ исторической. Еще больше при-

шлось бы посчитаться при удовлетвореніи требованій польской буржуазіи объ автономной Польшѣ или объ областномъ самоуправленіи Привислинскаго края. Въ самомъ дѣлѣ, если бы рѣчь зашла объ автономіи Польши, то несомнѣнно возникъ бы вопросъ объ отдѣленіи восточныхъ частей Люблинской и Сѣдлецкой губ. (нынѣшней Холмщины, и сѣверной части губерніи Сувалкской). Въ томъ же случаѣ, если бы было рѣшено ввести въ Привислинскомъ краѣ областное самоуправленіе, то и тогда возникъ бы вопросъ объ обезпеченіи государственнымъ закономъ правъ національнаго меньшинства въ Привислинскомъ краѣ. Быть-можетъ, въ этихъ цѣляхъ пришлось бы выдѣлить въ отдѣльныя губерніи или уѣзды тѣ территоріи, которыя заселили украинцы на югѣ и литовцы на сѣверѣ Привислинскаго края, чтобы устранить возможныя національныя распри и угнетеніе одного народа другимъ. Послѣ той печальной національной распри въ Австріи, современниками которой мы являемся, теперь, въ эпоху капиталистическаго общественнаго строя, нельзя довѣрять ни одной національной буржуазіи и тѣмъ болѣе отдавать „на ласку“ національному большинству меньшинство національное. Ясный и положительный законъ государства долженъ стать на защиту этого меньшинства, исходя изъ священныхъ правъ человѣка и гражданина.

Сказанное необходимо имѣть въ виду особенно при разрѣшеніи въ Россіи польскаго вопроса, такъ какъ реальная политика польской національной буржуазіи даже теперь, когда этотъ вопросъ стоитъ на очереди къ разрѣшенію, проявляетъ такія намѣренія и дѣйствія въ отношеніи другихъ національностей, о которыхъ мы говорили выше и къ которымъ нельзя безразлично относиться. Такая политика, конечно, не можетъ имѣть успѣха, но можетъ создавать между народами нежелательныя тренія. Мы даже полагаемъ, что такая политика польской буржуазіи принесетъ лишь вредъ польскому народу. Нельзя забывать, что національныя стремленія, борьба за культурно-національное лицо бываютъ только тогда прогрессивными и имѣютъ raison d'être, когда требованія національности вытекаютъ изъ священныхъ правъ человѣка и гражданина, когда она добивается свободы личности для труда и ея развитія. Если же представители какого-либо народа забываютъ объ этой основной цѣли, національнизмъ становится зоологическимъ и превращается въ дикій шовинизмъ.

Шовинистическіе „вольты“ польской буржуазіи никого не убѣдятъ въ правотѣ ея стремленій и реальной политики. Въ третьей Государственной Думѣ польское коло увѣряло, что отдѣленіе Холмщины для нихъ тяжелая рана, но этотъ „голосъ“ противъ реальной дѣйствительности никого не убѣдилъ, и Холмщина отдѣляется въ особую губернію. И мы увѣрены въ томъ, что демократическіе слои польскаго общества относятся къ этому совершенно безразлично, безпокоятся лишь тѣ, кто мечтаетъ объ исторической Польшѣ въ старыхъ границахъ. Не поможетъ польской буржуазіи и экономическій бойкотъ евреевъ. Послѣдній свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что евреи въ Привислинскомъ краѣ уже имѣютъ силу, которая для польскихъ шовинистовъ кажется весьма опасной. Не сила, а безсиліе побуждаетъ польскихъ націоналистовъ бороться съ евреями.

Но благодаря такому шовинизму польской буржуазіи Польша, какъ нація, нигдѣ не вызоветъ симпатій, какъ въ былое время въ XIX столѣтіи. Польскіе націоналисты завели польское общество въ такіе углы, изъ которыхъ они сами уже его не выведутъ. Печальное наслѣдство они оставятъ демократіи, которой, несомнѣнно, принадлежитъ будущность.

Таковы мечты польскихъ націоналистовъ и такова реальная дѣйствительность, вскрытая въ матеріалахъ переписи 1897 года. Какова она теперь, трудно сказать. Узнаемъ ее лишь послѣ всероссійской переписи населенія, намѣченной къ исполненію въ 1915 году. Но мы склонны думать, что сводныя данныя послѣдней принесутъ еще больше ударовъ національному самолюбію польскихъ націоналистовъ, чѣмъ матеріалы переписи населенія 1897 года. Вѣроятно, нѣмецкая колонизація теперь усилилась еще больше, чѣмъ прежде, а еврейская концентрація въ городахъ достигла еще большихъ результатовъ. И если число поляковъ немного увеличилось, то, вѣроятно, только въ Холмщинѣ.

В. Кошевой.

Въ поискахъ красоты

(Повѣсти и разсказы О. Кобылянской).

Произведенія Ольги Кобылянской являются большимъ вкладомъ маленькой Буковины въ сокровищницу украинской литературы. Говоря о Кобылянской, очень часто забываютъ объ ея буковинскомъ происхожденіи и какъ-то невольно причисляютъ ее къ плеядѣ художниковъ слова Галицкой Украины. А между тѣмъ между ними и Кобылянской существуетъ большая разница, для объясненія которой нужно принять во вниманіе между прочимъ и особенности общественной и національной жизни буковинскихъ украинцевъ. Одною изъ этихъ особенностей является вліяніе здѣсь нѣмецкой культуры, которое замѣтно и въ произведеніяхъ Кобылянской, и въ культурной жизни украинской интеллигенціи Буковины. И это вліяніе, кажется, сильнѣе и во всякомъ случаѣ глубже, чѣмъ многолѣтняя, неутомимая работа польскихъ ассимиляторовъ въ Галиціи, и не только потому, что нѣмцы располагаютъ безконечно болѣе сильнымъ культурнымъ аппаратомъ, чѣмъ поляки, но и потому, что нѣмецкія культурныя вліянія не встрѣтили такого отпора въ украинскомъ обществѣ Буковины, какъ ассимиляторскія поползновенія поляковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, подъ нѣмецкимъ крыломъ выросла здѣсь украинская аристократія sui generis, высшій классъ, отдѣленный отъ массы народа чужой культуры, но не ассимилированый этими вліяніями. чужой культуры но не ассимилированы этими вліяніями.

Интеллектуальный аристократизмъ не находится въ непремѣнной логической связи съ аристократизмомъ соціальнымъ, но весьма часто послѣдній служитъ необходимой почвой первому. Во всякомъ случаѣ, произведенія Кобылянской могутъ доказать неправильность представленія объ украинской литературѣ, какъ о литературѣ en 1ə демократической. Аристократизмъ Кобылянской состоитъ совсѣмъ не въ отмежеваніи себя отъ народа или въ пренебрежительномъ отношеніи къ нему. У Кобылянской имѣется

большое произведеніе „Земля“ и много другихъ произведеній, посвященныхъ жизни крестьянъ, и она показала въ нихъ много гуманности и любви къ человѣку. А вмѣстѣ съ тѣмъ, описывая ихъ, Кобылянская смотритъ хоть и не сверху внизъ, то во всякомъ случаѣ со стороны. Въ гущу жизни писательница не вмѣшивается; и этимъ отчасти объясняется отсутствіе у нея того жгучаго натурализма, который мы находимъ въ произведеніяхъ Стефаника и Франка. Этимъ же объясняется и слабость соціальныхъ мотивовъ у Кобылянской. Кобылянская по преимуществу писательница личности. Поиски за „личностью въ себѣ“ на почвѣ ея душевнаго аристократизма привели писательницу къ индивидуализму. Индивидуумъ, а не общество является исходной точкой міровоззрѣнія Кобылянской, не общество создаетъ у нея условія для свободнаго развитія, а индивидуумъ долженъ вести за собой и совершенствовать общество. Въ связи съ этимъ и женщина, играющая въ обществѣ обыкновенно второстепенную роль, въ личной жизни выступаетъ у Кобылянской рядомъ съ мужчиной, а весьма часто если и не ведетъ за собой, то во всякомъ случаѣ поднимаетъ его къ себѣ. Эмансипація женщины отъ превалирующаго вліянія мужчины черезъ внутреннее совершенство и красоту является однимъ изъ главныхъ мотивовъ творчества Кобылянской; и несомнѣнно, что произведенія Кобылянской производятъ извѣстное впечатлѣніе на украинскихъ женщинъ, не менѣе, впрочемъ, если не болѣе, свободныхъ, чѣмъ женщины другихъ націй. Вопросъ иной, конечно, можетъ ли само лишь внутреннее самоусовершенствованіе освободить женщину и возможно ли оно для массы женщинъ при существующихъ соціальныхъ условіяхъ... Къ тому же Кобылянская и не создаетъ новыхъ моральныхъ цѣнностей истины и добра и ограничивается главнымъ образомъ идеаловъ красоты. Таковой, впрочемъ, несоединимъ въ дѣйствительной жизни съ моральнымъ безобразіемъ, но и индивидуалистически настроенные герои произведеній Кобылянской бываютъ довольно слабо связаны съ дѣйствительною жизнью общества. Такимъ образомъ, у нея незамѣтно дисгармоніи между идеаломъ красоты и прочими идеалами. Эстетизмъ въ произведеніяхъ Кобылянской основывается непосредственно на индивидуализмѣ. Главной задачей индивидуума является „ваяніе собственной души“, служеніе красотѣ собственнаго духа, и главныя героини Кобы-

лянской надѣлены художественными средствами для такого служенія ихъ. Эстетизмъ въ произведеніяхъ Кобылянской возведенъ на ступень жизненной силы, которая даетъ возможность, не жалуясь, страдать и гордо умереть. Въ произведеніяхъ Кобылянской есть картины горя и страданія, но нѣтъ некрасиво раздавленныхъ жертвъ.

Перенесеніе центра тяжести изъ области конкретной жизни общества въ область психической жизни личности и поиски за красою жизни повели Кобылянскую въ далекую страну романтизма. Весьма интересно то обстоятельство, что романтическіе мотивы наиболѣе замѣтны не въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Кобылянской, а въ ея послѣдней большой вещи „Через кладку“. Здѣсь создала Кобылянская „бѣлую мечту“ романтизма въ то время, когда другіе украинскіе писатели уже давно и безповоротно вступили на путь реализма въ литературѣ. Романтизмъ у Кобылянской проявляется прежде всего въ области интимныхъ отношеній между мужчиною и женщиною: здѣсь нѣтъ и слѣда какихъ-либо натуралистическихъ описаній любви. Эмоціональный моментъ любви здѣсь доведенъ до минимума, сама любовь перенесена въ область мечты и горитъ ровнымъ пламенемъ безъ особыхъ вспышекъ десятокъ лѣтъ до момента соединенія любящихъ. Такъ любили средневѣковые рыцари, совершая подвиги въ Палестинѣ въ честь дамъ своего сердца. Но въ произведеніяхъ Кобылянской дамы не только ожидаютъ своихъ рыцарей, а и сами совершаютъ подвиги, пожалуй, больше самихъ рыцарей. Поставивъ личность впереди общества, писательница подняла также и духовную жизнь индивидуума надъ сферою конкретной жизни. Кобылянская въ поискахъ красоты охотно углубляется мечтою въ область поэтическаго минувшаго, идеализированной ею „старосвѣтскости“. А вмѣстѣ съ тѣмъ мечта, не связанная законами причинности, легко увлекаетъ писательницу въ область прекраснаго будущаго. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Кобылянская мыслитъ не реалистически. Жизнь человѣка не вмѣщается у нея цѣликомъ въ рамки эмпирическаго міра, за ними существуетъ еще нѣчто нереальное, вліяющее, впрочемъ, иногда весьма реально на судьбу героевъ произведеній Кобылянской и могущее напомнить имъ о своемъ существованіи какимъ-либо „оменомъ“, хотя бы и въ видѣ обыкновеннаго паука. Эти мистическіе элементы у Кобылянской замѣтны между прочимъ

и въ одной изъ наиболѣе реалистически написанныхъ вещей, „Земля“, вообще же они гармонируютъ съ романтическимъ настроеніемъ творчества Кобылянской; впрочемъ, элементы мистицизма въ произведеніяхъ Кобылянской въ общемъ довольно слабы и далеки отъ религіозности какого-либо рода, и въ этомъ отношеніи они не угрожаютъ художественности ея произведеній.

Символизмъ у Кобылянской замѣтенъ по временамъ, главнымъ образомъ въ настроеніи нѣкоторыхъ изъ ея произведеній. Писательницѣ удается иногда съ большимъ совершенствомъ перенести жизнь человѣческой психики въ мертвую природу и оживить ее. Такъ, напримѣръ, деревья въ одномъ изъ наиболѣе красиво написанныхъ разсказовъ, „Битва“, ненавидятъ дровосѣковъ, борются съ ними, ранятъ и убиваютъ ихъ своимъ паденіемъ и, наконецъ, гордо умираютъ подъ ихъ топорами. Это умѣнье оживить природу, передать ей настроеніе человѣка и гармонично связать ее съ нимъ является одной изъ наибольшихъ художественныхъ заслугъ писательницы. Сильно развитая чуткость къ красотамъ природы и тонкая наблюдательность, проявленная писательницею къ внутренней жизни человѣка, главнымъ образомъ женщины, дали Кобылянской возможность справиться съ этой художественной задачей. Въ произведеніяхъ ея, такихъ, какъ „Царівна“, „Некультурна“, „Через кладку“ и многихъ другихъ, находимъ мы цѣлый рядъ прекрасныхъ картинъ природы, главнымъ образомъ буковинскихъ Карпатовъ.

Въ созданіи своихъ типовъ, въ особенности женскихъ, Кобылянская обнаружила много субъективизма; всѣ они, и помимо своего аристократизма, имѣютъ много общихъ чертъ; съ одной стороны, это повело къ тому, что излюбленный типъ женщины у Кобылянской очерченъ очень ясно, а съ другой стороны, это повело, къ сожалѣнію, къ тому, что типы Кобылянской довольно однообразны. Героиня послѣдней повѣсти Кобылянской, „Через кладку“, является завершеніемъ предыдущихъ женскихъ типовъ писательницы, и, проанализованъ этотъ послѣдній, можно себѣ составить представленіе о предыдущихъ. Горизонтъ упомянутой повѣсти значительно расширенъ по сравненію съ болѣе ранними произведеніями; въ міровоззрѣніе писательницы внесены нѣкоторые, до извѣстной степени новые элементы, не измѣнившіе, впрочемъ, его качественно, лишь развившіе въ прежнемъ направленіи.

Повѣсть написана по воспоминаніямъ главнаго героя Богдана Олеся; мѣстами вплетается переписка другихъ дѣйствующихъ лицъ; внѣшнихъ событій въ ней не много; содержаніе повѣсти представляютъ главнымъ образомъ психическія переживанія ея героевъ, какъ и въ большинствѣ произведеній Кобылянской, такъ охотно посвящающей себя психологическому анализу. Повѣсть окутана романтизмомъ бѣлой зимней ночи, подъ покровомъ которой и проходятъ главные моменты повѣсти. Развитіе дѣйствія повѣсти, обусловленнаго логически самимъ характеромъ дѣйствующихъ лицъ, растянуто на 12—13 лѣтъ и наполнено психической борьбой между Маней Обрынской и Богданомъ Олесемъ. До извѣстной степени символическимъ началомъ ихъ болѣе близкихъ отношеній служитъ встрѣча при переходѣ „черезъ кладку“, переброшенную черезъ рѣку: встрѣтившіеся не захотѣли уступить другъ-другу дороги черезъ узкую кладку, и Богданъ, обнявши упрямую дѣвушку, повернулся съ нею и поставилъ ее за собою, открывая ей путь домой. Упрямство у героини Кобылянской—явленіе не случайное, оно находится у нея въ неразрывной связи съ ея характеромъ и міровоззрѣніемъ. Маня по натурѣ своей аристократка, какъ называетъ ее Богданъ, хочетъ быть самостоятельною женщиною, хочетъ размахнуть крыльями, помѣряться силами и „пренебречь мужскою ласкою, которая иногда причиняетъ женщинамъ столько боли подчиненности“. Она хочетъ „лишь образованія, независимаго положенія“ и личной свободы для себя. Позже она говоритъ тому же самому Богдану, противнику женской эмансипаціи, что лучше всего быть возможно долѣе себѣ самому цѣлью“; это, между прочимъ, идея почти всѣхъ героинь Кобылянской. Для достиженія этой цѣли Маня семнадцатилѣтней дѣвушкой хотѣла предложить себя въ жены семидесятилѣтнему профессору, который долженъ былъ помочь ей пріобрѣсти образованіе и независимое положеніе. Маня обладаетъ, между прочимъ, и большою гордостью, качествомъ, характернымъ въ большей или меньшей степени для всѣхъ героевъ Кобылянской. Эту гордость сильно задѣла мать Богдана, предположившая, что бѣдная „гербовая“ аристократка, Маня, старается привлечь вниманіе ея богатаго сына. Въ результатѣ Маня отправляется воспитательницею въ знакомое семейство, чтобы достичь независимаго положенія, а Богданъ не забываетъ о ней, довольствуясь въ теченіе ше-

сти лѣтъ случайными свѣдѣніями о любимой дѣвушкѣ. О Богданѣ приходится судить по его словамъ о самомъ себѣ, а такое свидѣтельство часто бываетъ сомнительнымъ. Онъ называетъ себя „мужикомъ“ главнымъ образомъ, впрочемъ, потому, что его отецъ, священникъ, происходилъ изъ крестьянской семьи. Слѣдующимъ и болѣе важнымъ доказательствомъ его „мужицтва“ должна служить его „старосвѣтскость“, выражающаяся, между прочимъ, и въ его взглядахъ на женскій вопросъ, по которому онъ высказывается приблизительно такъ: „Я одинъ все еще больше поклонникъ непорочныхъ устъ женщины, чѣмъ произносящихъ парламентскія рѣчи. Я предпочитаю спокойный библейскій характеръ, украшенный внутреннею красотою и культурою, мужеско-женскому существу, со знаменемъ въ рукахъ зовущему къбою. Я—мужикъ, по мнѣнію котораго семейный очагъ („домівство“) ни на волосъ не должно быть нарушено профессіональнымъ занятіемъ женщины“. Впрочемъ, прочитавъ повѣсть, можно видѣть, что и взгляды аристократовъ представленныхъ Манею и ея братомъ Несторомъ, въ концѣ-концовъ отличаются очень мало отъ взглядовъ „мужика“ Богдана на этотъ вопросъ. Женщина Кобылянской, стремясь къ независимости, меньше всего посягаетъ на цѣлость семейнаго очага даже въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ теперь въ Буковинѣ, да и не только тамъ. Въ лучшемъ случаѣ героиня Кобылянской старается войти въ семейный союзъ равною мужчинѣ... Къ свойствамъ „мужика“ причисляетъ Богданъ и свою мужскую силу, этой силѣ покоряется отчасти и аристократка Маня, и послѣ многихъ лѣтъ ожиданія Богданъ внесъ на рукахъ въ свой домъ „свою тихую, серьезную, бѣлую мечту“. Проходя черезъ домъ со мною, она вдругъ заслушалась. Музыка (старосвѣтскихъ часовъ), доходившая до насъ, была такъ нѣжна и гармонична, что казалось, будто мы вступали въ окружавшей насъ тишинѣ въ какую-то сказку...“ Это настроеніе сказочнаго романтизма, такъ мало похожаго, впрочемъ, на дѣйствительность, облеченнаго часто въ дѣйствительно художественныя формы, служитъ главнымъ украшеніемъ повѣсти Кобылянской. Но сильно ошибся бы тотъ, кто предположилъ бы здѣсь какіе-либо идиллическіе моменты приближенія „мужика“ къ аристократіи. Богданъ все время остается тутъ лишь мужикомъ въ кавычкахъ, въ дѣйствительности же онъ мало чѣмъ отли-

чается отъ Мани и ея брата Нестора, что доказываетъ, между прочимъ, и его восторженное отношеніе къ Нестору. Этотъ послѣдній является новымъ шагомъ впередъ въ развитіи философіи Кобылянской. Правда, онъ такъ же гордъ, замкнутъ, самолюбивъ и упоренъ, какъ и прочіе аристократы въ произведеніяхъ Кобылянской, держится съ такимъ достоинствомъ, что производитъ впечатлѣніе даже на надменную и властолюбивую мать Богдана, мыслитъ и чувствуетъ еще болѣе романтически, чѣмъ его сестра Маня и Богданъ, но у него имѣется и собственная философія аристократическаго иднивидуализма, служащая дополненіемъ и завершеніемъ міровоззрѣнія первыхъ двухъ. Онъ хочетъ „прежде всего развить свою собственную культуру—культуру индивидуума“. Несторъ не любитъ быть среди товарищей, равно какъ и читать газеты. По его мнѣнію, „газеты уничтожаютъ у насъ возможность задумываться самимъ, въ особенности тѣ, которыя каждый день мѣняютъ свои взгляды“, а товарищи „не многимъ лучше газетъ“... „жизнь каждаго изъ насъ въ отдѣльности могла бы быть искусствомъ, а бываетъ лишь гешефтомъ“. Маня говоритъ о своемъ братѣ, что онъ превышаетъ товарищей „бѣлостью и глубиною души“. Его соціальная философія такова: „для своего народа (мужика) мы уже кое-что если не сдѣлали, то по крайней мѣрѣ дѣлаемъ. А для интеллигенціи? Для нашей интеллигенціи мы еще ничего не сдѣлали. Я мечтаю о томъ, чтобы у насъ было побольше глубокой, серьезной интеллигенціи. „Украинецъ еще не пришелъ даже къ позначенію своей собственной силы черезъ призму истинной интеллигенціи... вообще говоря, мы народъ, который еще не нашелъ себя“.

Интеллигентъ долженъ сорганизовать прежде всего самого себя, затѣмъ уже народъ, какъ массу и націю. Подъ какимъ лозунгомъ должна вестись эта организація, можно приблизительно судить по словамъ того же Нестора, который сожалѣетъ, что „мы отбросили Бога“ и не дали своему народу вмѣсто него ни науки, ни искусства, ни возможности познать самого себя... Въ своей работѣ Несторъ хочетъ подняться „надъ уровнемъ будничности“. „Будничность пошла, какъ и тѣ члены, изъ которыхъ она составлена“.

Но жизненная программа Нестора, такъ и остается въ области идеаловъ; его дѣйствительность дѣлится между бюрократической работой, научными занятіями и музыкой, по-

слѣдняя, впрочемъ въ малой степени, принадлежитъ дѣйствительности. Несторъ „былъ бы поэтомъ, если бы бюрократическая работа не угнетала его“; но мысля идеалистически, онъ не отличаетъ бюрократической работы отъ всякой иной, что вызываетъ даже ѣдкое замѣчаніе со стороны его друга Богдана: „О, вы, аристократы!.. Въ томъ ли вашъ героизмъ, ваша возвышенность и благородство, чтобы сгибаться передъ формализмомъ и правительственнымъ ярмомъ?“. Но Несторъ хочетъ, чтобы за нимъ „остались бѣлые слѣды“ и высказываетъ мысль о томъ, „что лишь наше я освящаетъ нашу работу! независимо отъ того, буднична ли она, идеальна, патріотична или какая-либо иная“... Въ этомъ же пунктѣ индивидуалистическая философія Кобылянской достигаетъ своихъ геркулесовыхъ столбовъ и разбивается о камни крайняго индивидуализма и отрицанія объективной цѣнности вещей. Индивидуумъ, носитель идеи, ставится здѣсь выше самой идеи: Несторъ, готовившійся выступить на полѣ общественной работы, развивавшій идеи о необходимости науки и искусства для народа и видѣвшій передъ собою долгій путь подготовки къ этой работѣ, умираетъ подъ тяжестью бюрократическихъ обязанностей, освященныхъ его „я“. Такимъ образомъ, намъ не удается узнать о жизненной дѣятельности этого наиболѣе оригинальнаго героя произведенія Кобылянской. Больше узнаемъ мы объ его любви; онъ любитъ избранницу своего сердца съ глазами русалки и змѣиными движеніями такъ же романтически, какъ и Богданъ и нѣкоторые другіе герои Кобылянской, до самой смерти, обусловленной, между прочимъ, и этой несчастливой любовью. Впрочемъ, можно надѣяться, что вмѣстѣ съ нимъ не умрутъ тѣ новые соціальные элементы въ творчествѣ Кобылянской, которые были отмѣчены при характеристикѣ ея новаго героя, Нестора, къ которому писательница относится съ особою симпатіей. Эти новые элементы въ творчествѣ писательницы можно привѣтствовать, между прочимъ, и потому, что они свидѣтельствуютъ о непрерывномъ развитіи давно уже созрѣвшаго таланта писательницы.

Эстетизмъ въ произведеніяхъ Кобылянской былъ до сихъ поръ главною составною частью художественности этихъ произведеній. Все прекрасное, конечно, — художественно, но необъятная область художественнаго содержитъ въ себѣ не только прекрасное. Писательница, конечно, мо-

жетъ быть права съ своей точки зрѣнія, ища художественнаго въ прекрасномъ... Но въ жизни современнаго общества, а въ особенности украинскаго, еще такъ мало прекраснаго, что въ поискахъ за нимъ писательница рискуетъ пройти мимо хотя и не прекрасныхъ, то по крайней мѣрѣ важныхъ явленій жизни, могущихъ послужить матеріаломъ художественной обработки. Вниманіе писательницы до сихъ поръ лишь скользило по поверхности такихъ явленій, не проникая въ глубь ихъ и ища въ нихъ лишь прекрасное. Необходимыми предпосылками прекраснаго являются законченность и гармонія его частей; ища же лишь его въ людяхъ или явленіяхъ, писательница должна брать ихъ въ готовомъ—статическомъ состояніи. А отсюда проистекаютъ двѣ опасности для нормальнаго развитія художественнаго творчества: во-первыхъ, сильно ограничивается синтетическая дѣятельность творческой психики, а во-вторыхъ, уменьшается иллюзія жизни въ художественныхъ образахъ, весьма необходимая для достиженія художественнаго впечатлѣнія; такъ какъ непремѣннымъ условіемъ жизненнаго явленія является эволюціонный процессъ—развитіе жизненнаго явленія. Повышенный эстетизмъ въ произведеніяхъ Кобылянской повліялъ на уменьшеніе творческой комбинаціи частей художественнаго произведенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабилъ и жизненность этихъ произведеній. Въ большихъ вещахъ Кобылянской, а также и въ послѣдней повѣсти, „Через' кладку", замѣчается недостатокъ дѣйствія; замѣтенъ онъ у Кобылянской тѣмъ болѣе, что она не порвала всѣхъ связей съ реализмомъ; между конкретными и психическими явленіями у Кобылянской проведена довольно рѣзкая черта. А вмѣстѣ съ тѣмъ и интенсивность психическихъ переживаній у Кобылянской ослаблена элементами романтизма, и эти переживанія иногда бываютъ недостаточно сконцентрированы вокругъ дѣйствующихъ центровъ. Правда, Кобылянская вноситъ много чисто женской теплоты и чуткости въ психологическій анализъ своихъ героевъ; но все-же этимъ достигается лишь единство настроенія, а не единство дѣйствія литературнаго произведенія. Впрочемъ, по сравненію съ ея прежними большими вещами въ этой послѣдней повѣсти сдѣлала Кобылянская шагъ впередъ и въ творческой комбинаціи дѣйствія повѣсти, которое развивается здѣсь вокругъ сердечныхъ склонностей двухъ главныхъ героевъ повѣсти—Богдана и Нестора.

Указанными выше особенностями творчества Кобылянской объясняется отчасти и то обстоятельство, что и на многихъ чувствующихъ красоту произведеній Кобылянской вѣетъ отъ нихъ холодомъ мраморныхъ статуй.

Кобылянская не принадлежитъ къ числу писательницъ, пользующихся большою популярностью въ украинскомъ обществѣ; въ своемъ отечествѣ и въ Галиціи Кобылянская менѣе популярна, чѣмъ на россійской Украинѣ; и объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что украинская интеллигенція еще не дожила до той эпохи своего развитія, когда эстетизмъ, какъ таковой, бываетъ въ большомъ фаворѣ. Типъ Дориана Грея все еще довольно рѣдкое явленіе въ украинскомъ обществѣ. Эстетизмъ Кобылянской еще не имѣетъ достаточно крѣпкой почвы среди украинской интеллигенціи, и поэтому, вѣроятно, и у нашей талантливой буковинской писательницы онъ идетъ чаще всего въ парѣ съ романтизмомъ...

Во всякомъ случаѣ Кобылянская еще не сказала своего послѣдняго слова, и ея послѣдняя, большая не только размѣрами вещь позволяетъ ожидать дальнѣйшаго развитія ея таланта.

М. Данько.

Культурные праздники Украины.

I. Открытіе „Національнаго Музея“ во Львовѣ.

1-го декабря состоялось, наконецъ, давно уже съ нетерпѣніемъ ожидавшееся всѣми любителями искусства и старины, дѣятелями украинской науки и культуры и болѣе сознательными и просвѣщенными кругами украинскаго населенія открытіе львовскаго „Національнаго музея“. Къ торжеству открытія пріуроченъ былъ также актъ торжественной передачи музея его основателемъ въ вѣчную національную собственность и распоряженіе всего украинскаго народа.

Послѣднее—представляется чрезвычайно важнымъ какъ для будущности музея, такъ и для его культурнаго и національнаго значенія. Отнынѣ музей этотъ является уже не „Музеемъ митрополита Шептицкаго“, какъ его нерѣдко называли, а дѣйствительно „Національнымъ“. Такого названія заслуживаетъ онъ не только вслѣдствіе характера и содержанія своихъ коллекцій (которыя уже въ настоящемъ своемъ видѣ представляютъ весьма цѣнный и богатый матеріалъ для ознакомленія съ прошлымъ и настоящимъ, въ особенности—духовнымъ, бытомъ украинскаго народа), но также и главнымъ образомъ, потому, что хозяиномъ и распорядителемъ его является теперь вся нація, весь украинскій народъ, а между иными подобнаго рода украинскими учрежденіями онъ, безусловно, занимаетъ главное мѣсто.

На торжество собрались многочисленные представители общественныхъ и правительственныхъ учрежденій и организацій, науки, политики и прессы. Отчеты газетъ насчитываютъ до тысячи присутствовавшихъ при открытіи, что одно уже свидѣтельствуетъ о томъ повышенномъ интересѣ, который проявило мѣстное украинское общество къ этому учрежденію и высокой оцѣнкѣ имъ культурнаго и національнаго значенія музея.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что мѣстное польское общество и большинство польскихъ общественныхъ учрежденій отнеслись, по обыкновенію, къ украинскому культурному празднику „какъ-разъ, наоборотъ“, т.-е. съ дѣланнымъ

равнодушіемъ и нескрываемымъ недоброжелательнымъ пренебреженіемъ. Правда, сочли своей обязанностью явиться намѣстникъ Корытовскій, областной „маршалокъ“ Голуховскій, вице-президенты—областного школьнаго совѣта Дембовскій, галиційскаго намѣстничества Градзицкій, г. Львова Дутовскій, проф. Балозъ-Антонѣвичъ; однако, если принять во вниманіе, что явились они преимущественно—или въ роли представителей цетральнаго правительства и центральныхъ правительственныхъ учрежденій (министерство народн. просвѣщенія, центральный комитетъ по охраненію памятниковъ старины и искусства и т. п.), или же изъ уваженія главнымъ образомъ, къ особѣ основателя музея, митрополита, то „необыкновенная“ многочисленность высокихъ польскихъ сановниковъ на украинскомъ національномъ торжествѣ не покажется удивительной; если добавить, что необыкновенно тактичные совѣтъ („кураторія“) и правленіе музея разослали, какъ намъ извѣстно, приглашенія рѣшительно всѣмъ учрежденіямъ и выдающимся дѣятелямъ и лицамъ въ краѣ, безъ различія національности, то „абсентеизмъ“ представителей польскаго общества представляется еще болѣе краснорѣчивымъ: изъ частныхъ лицъ наиболѣе подробныя репортерскія изслѣдованія и изысканія смогли отмѣтить всего лишь шесть отважныхъ единицъ, между которыми—вдова недавно умершаго извѣстнаго украинца-адвоката, бывшаго члена куратоpіи музея, извѣстный писатель и дѣятель, соціалистъ и эмигрантъ изъ Россіи Л. Кульчицкій и художникъ, пріобрѣвшій извѣстность своими картинами изъ украинской жизни, С. Обстъ. Довольно краснорѣчиво охарактеризовала отношеніе польскаго общества къ украинскому торжеству единственная, насколько намъ извѣстно, повторенная почти безъ измѣненій и дополненій нѣкоторыми иными польскими газетами, коротенькая репортерская замѣтка, увѣдомлявшая, что-де — „при участіи цѣлаго ряда выдающихся украинскихъ политиковъ и мужей науки украинской (тонкая ирония!) состоялось сегодня около полудня торжественное открытіе основаннаго митрополитомъ гр. Шептицкимъ украинскаго національнаго музея, помѣщающагося въ домикѣ („pałacіku“) бывшемъ Дуниковскаго, при ул. Махнацкаго (см. Gazeta Wieczorna“ и проч., отъ 13/XII 1913).

Торжество началось богослуженіемъ въ каѳедральномъ соборѣ св. Юра, которое совершилъ митрополитъ при уча-

стіи двухъ остальныхъ уніатскихъ епископовъ, перемышльскаго и станиславовскаго. Отуда приглашенная публика отправилась въ музей. Здѣсь, въ одной изъ наибольшихъ залъ музея, украшенной цвѣтами, комнатными растеніями и устланной украинскими коврами, собрались наиболѣе почетные гости и представители депутацій. Остальные примыкающія къ ней залы наполнились вплотную сбитою какъ въ церкви массою многочисленныхъ присутствующихъ. Первую рѣчь произнесъ митратъ о. Билэцкій, предсѣдатель „кураторіи“ музея, указывая въ ней на значеніе событія, заслуги основателя музея и заканчивая юридически-стилизованнымъ вопросомъ, обращеннымъ къ митрополиту, о желаніи послѣдняго передать музей въ вѣчную и неотъемлемую собственность украинскаго народа. На рѣчь эту отвѣтилъ митрополитъ торжественнымъ публичнымъ подтвержденіемъ этого своего намѣренія и пожеланіемъ, чтобы съ открытіемъ музея онъ „сталъ средоточіемъ культурной и ученой дѣятельности“ для всего украинскаго народа. Рѣчь свою закончилъ митрополитъ заявленіемъ о своемъ желаніи, чтобы кураторія музея, на основаніи учредительнаго устава, озаботилась основаніемъ при музеѣ ученыхъ секцій (богословской, литературной, исторической, археологической, этнографической, юридической, архитектурной и эстетической) и обстоятельнымъ рефератомъ „Объ исторіи и проблемахъ нашего искусства“, основаннымъ на серьезномъ изученіи предмета.

Послѣ исполненія студенческимъ хоромъ „Бандурыстъ“ составленной спеціально въ честь открытія музея однимъ изъ мѣстныхъ композиторовъ кантаты послѣдовали рѣчи делегацій и чтеніе присланныхъ на торжество письменныхъ привѣтствій. Между послѣдними слѣдуетъ отмѣтить привѣтственныя телеграммы: императора Франца-Іосифа, эрцгерцога Франца-Фердинанда, римскаго папы, намѣстника Буковины, центральной комиссіи по охраненію памятниковъ старины и искусства, галиційской комиссіи по охраненію памятниковъ старины и искусства и разнаго рода Обществъ и учрежденій: „Науковаго товариства імени Шевченка“, краковской польской академіи наукъ, словенской матицы въ Люблянѣ, литовскаго ученаго Общества въ Вильнѣ, болгарской національной библіотеки въ Софіи, Общества любителей наукъ („Towarzystwa Przyjacioł Nauk“) въ Познани,

пражскаго музея королевства Чехіи, венгерскаго національнаго музея въ Будапештѣ, Имп. Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ, польскаго національнаго музея въ Краковѣ, музея кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, національнаго польскаго института им. Оссолинскихъ (Zakładu Narodowego im. Ossolińscich)во Львовѣ, буковинскаго промышленнаго музея въ Чернивцахъ, польскаго Общества любителей изящныхъ искусствъ во Львовѣ, буковинскаго областного музея, виленскихъ бѣлоруссовъ, издательскаго бѣлорусскаго Общества „Заглянэ солнцэ и въ нашэ вйконцэ“ въ С.-Петербургѣ, боснійско-герцеговинскаго областного музея въ Сараевѣ, патріаршей библіотеки въ Карловцѣ (Венгрія), чешскаго національнаго музея въ Прагѣ и проч. Кромѣ того, прислали личныя свои привѣтствія многіе выдающіеся ученые и общественные дѣятели славянскаго міра (проф. Л. Нидерле, проф. О. Бальцеръ, проф. И. Поливка, проф. В. Абрагамъ, Михайло Павлыкъ, проф. М. Сумцовъ, депутаты бар. Васылько и Ю. Романчукъ, М. Левитскій, І. Шрагъ, гр. Тышкевичъ и др.).

Въ торжествѣ принималъ участіе также отрядъ украинскихъ соколовъ, во главѣ съ предсѣдателемъ „Сокола-Батька“ проф. Н. Боберскимъ и со знаменемъ своей центральной организаціи.

Благодаря позднему времени пришлось сократить программу торжества, снявъ съ очереди рефератъ директора и организатора музея проф. И. Свѣнцицкаго, котораго съ живымъ интересомъ ожидали многіе присутствующіе. Торжество закончилось традиціоннымъ исполненіемъ соединеннымъ студенческимъ хоромъ и присутствующими украинскаго національнаго гимна.

Несмотря на крайне мерзкую погоду, сравнительную тѣсноту помѣщенія музея, не предназначеннаго для принятія огромной массы собравшихся гостей, и непріятно поразившую многихъ малочисленность привѣтствій изъ Россіи, торжество открытія можно признать вполнѣ удавшимся.

О. Назаріив.

Юбилей проф. Д. Еварницкаго.

II (Корреспонденція изъ Екатеринослава).

24-го ноября въ Екатеринославѣ состоялось чествованіе 30-лѣтія научной дѣятельности маститаго изслѣдователя запорожской старины Д. И. Эварницкаго. Не случайно мѣ-

стомъ празднованія юбилея былъ избранъ Екатеринославъ: съ этимъ городомъ, являющимся нынѣ культурнымъ центромъ территоріи бывшихъ запорожскихъ владѣній, тѣсно связаны какъ вся вообще тридцатилѣтняя работа юбиляра по изученію Запорожья, такъ въ особенности послѣднія 10 лѣтъ его научно-общественной дѣятельности, съ 1902 г., когда онъ по приглашенію екатеринославскаго губернскаго земства занялъ мѣсто директора учреждавшагося тогда на средства земства областного историческаго музея. Исключительно трудами Д. И. Эварницкаго изъ этого музея создалось научно-просвѣтительное учрежденіе, имѣющее огромное культурное значеніе въ жизни не только Екатеринослава и служащее его лучшимъ украшеніемъ.

Инициатива чествованія юбилея Д. И. Эварницкаго принадлежитъ екатеринославской ученой архивной комиссіи, которая совмѣстно съ совѣтомъ областнаго музея имени А. Н. Поля выработала программу юбилейнаго засѣданія комиссіи и совѣта съ чтеніемъ докладовъ, посвященныхъ оцѣнкѣ дѣятельности Д. И. Эварницкаго, адресовъ и привѣтствій. Торжественное засѣданіе состоялось въ 1 ч. дня 24-го ноября въ залѣ екатеринославской городской думы и привлекло массу публики, среди которой были представители самыхъ разнообразныхъ круговъ мѣстнаго общества, начиная отъ высшихъ представителей губернской администраціи и кончая рабочими и крестьянами, членами филій екатеринославской „Просвіт'ы", явившимися привѣтствовать „запорожського батька", пользующагося вообще огромной популярностью среди екатеринославскихъ украинцевъ. И это присутствіе „сіряковъ" и рабочихъ пиджаковъ на-ряду съ официальными мундирами, а также присутствіе учащейся молодежи сообщало торжественному празднованію особенно задушевный характеръ; объединеніе представителей различныхъ группъ, различныхъ общественныхъ теченій и направленій вокругъ симпатичной личности юбиляра и признанія его выдающихся научно-просвѣтительныхъ заслугъ создали изъ чествованія 30-лѣтней ученой дѣятельности Д. И. Эварницкаго настоящій культурный праздникъ провинціи, вообще небогатой такими моментами общественнаго единенія на почвѣ высшихъ духовныхъ интересовъ.

Юбилейное засѣданіе было открыто рѣчью уѣзднаго предводителя дворянства В. В. Маламы, замѣнившаго от-

сутствовавшаго предсѣдателя архивной комиссіи кн. Н. П. Урусова, который прислалъ юбиляру привѣтственную телеграмму. Въ своей рѣчи г. Малама отмѣтилъ заслуги Д. И. Эварницкаго какъ историка Запорожья, какъ археолога и какъ организатора прекраснаго областнаго музея имени Поля и подчеркнулъ особенное значеніе трудовъ юбиляра для мѣстнаго края, изученію котораго онъ посвятилъ всѣ тридцать лѣтъ своей дѣятельности.

Затѣмъ, по программѣ, началось чтеніе докладовъ членовъ архивной комиссіи, посвященныхъ оцѣнкѣ различныхъ сторонъ ученой дѣятельности Д. И. Эварницкаго. Товарищъ предсѣдателя архивной комиссіи А. С. Синявскій сообщилъ краткія біографическія свѣдѣнія о юбилярѣ. Дмитрій Ивановичъ Эварницкій родился 26-го октября 1856 года въ селѣ Сонцевкѣ Харьковскаго уѣзда. Первоначальное образованіе получилъ дома, а среднее и высшее—на историко-филологическомъ факультетѣ университета въ Харьковѣ. Еще на школьной скамьѣ зародился у него интересъ къ исторіи и этнографіи родного края и принялъ вполнѣ сознательный характеръ въ годы студенчества, когда Д. И. сталъ предпринимать систематическія экскурсіи, обыкновенно по способу „пѣшаго хожденія“ по Харьковщинѣ и Екатеринославщинѣ. Тернистъ былъ вообще жизненный и научный путь изслѣдователя быта и исторіи украинскаго народа, и такимъ остается почти и до настоящаго времени. Нужна была особенная любовь къ своему краю, чтобы стать именно на этотъ путь. При окончаніи университета совѣтъ профессоровъ отклонилъ предложенную Д. И—чемъ работу на тему изъ исторіи Запорожья, когда же Д. И. отказался взять рекомендованную факультетомъ тему изъ общероссійской исторіи и продолжалъ работать въ области исторіи Запорожья, то былъ лишенъ за это казенной стипендіи. Таково было первое крещеніе Д. И—ча при вступленіи его на путь изученія родной старины. Начало дѣятельности Д. И—ча, какъ этнографа, относится къ половинѣ 70-хъ годовъ, когда онъ началъ собирать народныя пѣсни въ Харьковщинѣ, и собственно давно уже можно было праздновать 35-лѣтіе его дѣятельности.

Преимущественное вниманіе Д. И—ча, какъ этнографа-собирателя, направилось на Екатеринославщину, входившую нѣкогда въ составъ „Вольностей (т.-е. владѣній) войска

запорожскаго". Д. И. собираетъ здѣсь преданія, пѣсни, и историческіе и археологическіе памятники, посѣщаетъ и изслѣдуетъ мѣста всѣхъ существовавшихъ Сѣчей Запорожскихъ, исходитъ вдоль и поперекъ запорожскія степи, переправляется неоднократно черезъ всѣ пороги, разыскиваетъ старыхъ дѣдовъ, которые сохранили въ своей памяти пѣсни и преданія о запорожцахъ, посѣщаетъ и осматриваетъ древнія церкви, мѣста, гдѣ уцѣлѣли архивые матеріалы, любовно собираетъ старину и изучаетъ ее. Хотя Д. И. послѣ двухъ лѣтъ учительства въ Харьковѣ переселяется въ Петербургъ, гдѣ служитъ и также работаетъ въ архивахъ и музеяхъ, но каждое свободное время посвящаетъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ на мѣстѣ и провѣркѣ того, что даютъ ему архивные матеріалы и писанные источники. Результатомъ этихъ работъ явилось двухтомное изданіе „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ малорусскаго народа", содержащее богатый этнографическій матеріалъ. Особенно цѣнны записи преданій и пѣсенъ объ эпохѣ Руины, о Паліи, о Сиркѣ, Грицькѣ Сагайдачномъ, Калнышевскомъ, о разореніи Сѣчи, сильно поразившемъ народное воображеніе, и вообще о запорожцахъ и гайдамакахъ. Огромное количество пѣсенъ вошло въ изданіе Д. И—ча. „Малороссійскія народныя пѣсни, записанныя въ 1874—1905 гг. въ Екатеринославщинѣ" (Ек—въ. 1905). Много этнографическаго матеріала заключается и въ другихъ его изданіяхъ. На-ряду съ фольклорными записями Д. И. собралъ и громадный лексическій матеріалъ, который имъ еще приготовляется для опубликованія. Этнографическія работы ставятъ Д. И—ча въ первомъ ряду не только мѣстныхъ, екатеринославскихъ этнографовъ, какъ, напримѣръ, Манжура, Залюбовскій, Новицкій, но и вообще заслужили ему почетное имя въ ряду дѣятелей украинской этнографіи.

Весьма обстоятельный докладъ В. А. Бѣднова характеризовалъ дѣятельность Д. И., какъ археолога и организатора музея имени А. Н. Поля. Занятія Д. И. археологіей шли параллельно его работамъ по исторіи Запорожья. Запорожскія степи сохранили множество памятниковъ временъ доисторическихъ. Обиліе кургановъ, слѣды городищъ, майдановъ, остатки громадныхъ, нынѣ несуществующихъ животныхъ, находимыхъ въ большомъ количествѣ въ рѣчныхъ плавняхъ, памятники кочевой эпохи, оружіе, украшенія, монетные клады—все это не могло

оставаться безъ вниманія со стороны Д. И., странствовавшаго по степямъ въ поискахъ запорожскихъ древностей. Онъ совершаетъ цѣлый рядъ раскопокъ, давшихъ богатые результаты, въ видѣ многочисленныхъ коллекцій предметовъ культа, украшеній, оружія, посуды и пр. Особенно цѣнны раскопки Д. И. кургановъ эпохи кочевниковъ. Всѣ прежніе археологи увлекались поисками памятниковъ греко-скиѳскаго міра, степные же кочевники тюркско-татарскаго племени игнорировались, и наука располагала о нихъ очень скудными свѣдѣніями. Раскопки Д. И. въ этой области даютъ необыкновенно цѣнный матеріалъ, позволяющій со всею наглядностью представить бытовую обстановку разныхъ кочевниковъ, послѣдовательно населявшихъ южно-русскія степи. Результаты раскопокъ описаны Д. И—чемъ въ цѣломъ рядѣ его докладовъ на археологическихъ съѣздахъ. Разумѣется, изслѣдуя курганную старину, Д. И. не забывалъ и излюбленной имъ старины запорожской и ей удѣлялъ большую часть времени и труда. Огромная популярность Д. И—ча, его широкое знакомство со всѣми кругами мѣстнаго населенія давали ему возможность видѣть и знать много такого, что для другого оставалось совершенно недоступнымъ. И эта широкая освѣдомленность Д. И—ча въ области мѣстной старины дала ему возможность стать во главѣ завѣдываемаго имъ теперь музея имени А. Н. Поля.

Наилучшее украшеніе г. Екатеринослава, — областной музей имени Поля,—основанъ въ 1902 году по иниціативѣ кружка любителей мѣстной старины, сгруппировавшихся вокругъ „Научнаго Общества“. Въ основу музея положены были коллекціи, пожертвованныя частными лицами, въ томъ числѣ и Д. И—чемъ. На помощь музею пришло губернское земство, ассигновавшее крупныя средства для постройки собственнаго зданія музея и его содержанія. Тоже земство позаботилось, чтобы во главѣ дѣла сталъ такой человѣкъ, какъ Д. И., быстро организовавшій музей и двинувшій его впередъ. Д. И. добивается разрѣшенія, чтобы коллекціи, добытыя раскопками, производившимися на счетъ частныхъ лицъ и учрежденій г. Екатеринослава, поступали въ областной музей; до сихъ поръ было такъ, что всѣ вещи поступали въ Императорскую археологическую комиссію. Было организовано систематическое обслѣдованіе населенныхъ мѣстъ Екатеринославщины въ поискахъ предметовъ

старины. Музей сталъ быстро расти. Теперь онъ заключаетъ въ себѣ отдѣлы: доисторическій, княжеской эпохи, запорожскій, церковно-археологическій, этнографическій, естественно-историческій и сельскохозяйственный. Флора, фауна, бытъ населенія Екатеринославщины въ прошломъ и въ настоящемъ представлены въ музеѣ со всевозможной полнотой. Количество предметовъ музея возросло настолько, что въ настоящее время возбужденъ вопросъ о постройкѣ новаго зданія, разрѣшенный благодаря настойчивымъ хлопотамъ Д. И—ча въ положительномъ смыслѣ. Нечего и говорить объ огромномъ общественно-воспитательномъ (помимо научнаго) значеніи этого музея, представляющаго поистинѣ культурное сокровище Екатеринослава.

Третій докладчикъ, Д. И. Дорошенко, остановился на значеніи спеціально историческихъ трудовъ кобиляра. Въ дѣлѣ изученія историческихъ судебъ Запорожья Д. И—чу пришлось распахивать ниву почти нетронутую. Исторіографія Запорожья до Д. И. находилась въ зачаточномъ состояніи, если не считать труда А. Скальковскаго по исторіи Новой Сѣчи. Д. И—чу пришлось взять на себя весь колоссальный трудъ собиранія и разработки сырого матеріала. Прежде всего Д. И. приступилъ къ изученію топографіи Запорожья и памятниковъ его матеріальной культуры, а также къ собиранію воспоминаній и преданій, сохранившихся еще въ памяти народа. Первый печатный трудъ Д. И., которымъ обыкновенно датируется формальное начало его научной дѣятельности, это—статья „Жизнь запорожскихъ казаковъ по разсказу современника-очевидца", появившаяся въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1883 годъ. Этой статьей начинается длинный рядъ печатныхъ работъ Д. И. по исторіи Запорожья, скоро снискавшихъ Д. И—чу извѣстность перваго спеціалиста въ этой области. Систематическія поѣздки въ теченіе восьми лѣтъ по запорожскимъ землямъ дали Д. И. обильнѣйшій топографическій, историко-бытовой и этнографическій матеріалъ, использованный имъ въ двухтомномъ трудѣ „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа" (1888). Спеціально типографіи Запорожья былъ посвященъ трудъ „Вольности запорожскихъ казаковъ" (1890 г., второе изданіе—1898 г.). На-ряду съ изслѣдованіемъ бытовой старины шла разработка и архивныхъ матеріаловъ

въ хранилищахъ Петербурга, Москвы, Харькова, Варшавы, Одессы, Екатеринослава и др. городовъ, а также изученія литературы предмета. Синтезомъ многолѣтней работы Д. И. явилась его „Исторія запорожскихъ казаковъ", первый томъ которой вышелъ въ 1895 г. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ научную энциклопедію свѣдѣній о топографіи Запорожья, о составѣ запорожскаго братства, военно-административномъ, юридическомъ и экономическомъ строѣ Запорожья, о церковномъ дѣлѣ, практикѣ военной жизни, объ общемъ состояніи культуры, объ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и пр. Этотъ томъ „Исторіи" долженъ служить настольной книгой для всякаго приступающаго къ изученію запорожскаго быта. Второй и третій томы, заключающіе исторію запорожскаго казачества отъ его возникновенія во второй половинѣ XVI в. и до 1734 года, вышли въ 1895 и 1897 гг. Часть архивнаго матеріала, послужившаго основаніемъ для этихъ томовъ вышла отдѣльно въ двухъ огромныхъ книгахъ подъ названіемъ „Источники для исторіи запорожскихъ казаковъ" (1903 г.). Въ это изданіе Д. И., по собственному его признанію, „вложилъ свою душу" и придаетъ ему особенно важное значеніе.

Д. И. принадлежитъ заслуга не только спеціальнаго изученія исторіи Запорожья, но и ея популяризованія среди широкихъ круговъ общества. Этой цѣли служили: университетская каѳедра въ Москвѣ, съ которой онъ съ 1896 по 1902 годъ читалъ въ качествѣ приватъ-доцента спеціальные курсы по исторіи Запорожья; публичныя лекціи во многихъ городахъ и даже селахъ; популярныя статьи и брошюры на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Огромная и неоспоримая заслуга Д. И. въ этомъ неустанномъ возбужденіи въ обществѣ интереса къ родной старинѣ, ведущаго къ національному самосознанію.

Послѣ доклада г. Дорошенка началось чтеніе адресовъ и привѣтствій. Юбиляра привѣтствовали адресами депутаціи и представители: городского самоуправленія г. Екатеринослава, совѣта музея Поля, 1-й классической гимназіи, духовной семинаріи, 2-й классической гимназіи, духовнаго училища, 3-й городской женской гимназіи, корпораціи городскихъ учителей, корпораціи учителей семинаріи, екатеринославскаго уѣзднаго земства, екатеринославской „Просвіт'ы" филій „Просвіт'ы" въ сс. Мануйловкѣ и Діевкѣ, пѣхотнаго Симферопольскаго полка. Въ адресахъ „Просвіты"

было высказано то, о чемъ не говорилось въ официальныхъ докладахъ, а именно были подчеркнуты заслуги Д. И. какъ украинца-громадянина, всегда откликающагося на всякое культурное начинаніе, направленное къ пользѣ родного народа и спеціально оказывающаго огромную поддержку екатеринославской „Просвіт'ѣ“ съ ея сельскими филіями.

Затѣмъ началось чтеніе огромнаго количества телеграммъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Изъ учрежденій привѣтствовали Д. И—ча: историко-филологическій факультетъ новороссійскаго университета, кіевское церковно-археологическое Общество, кіевскій историческій музей Имп. Николая II, украинсько-наукове товариство въ Кіевѣ, харьковское историко-филологическое О-во, московскій Историческій музей, кіевская археологическая комиссія, полтавская архивная комиссія, курская архивная комиссія, пензенская арх. комиссія, смоленская арх. комиссія, „Запорожське просвітне товариство в селі Амурі“, николаевская „Просвіта“, черниговскіе украинцы, каменецъ-подольская „Просвіта“, петербургское О-во изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, полтавскій украинскій клубъ, музей полтавскаго земства, комитетъ О-ва попечительства о женскомъ образованіи, псковское археологическое О-во, музей украинскихъ древностей им. В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ, московское Императорское археологическое О-во, александровское общественное управленіе, маріупольская городская управа; екатеринославская губернская земская управа, рада старшихъ клуба „Родина“ въ Кіевѣ, редакція газеты „Рада“, редакція „Маяка“, редакція „Рідного Краю“, студенты-украинцы харьковскаго университета, студенты-украинцы варшавскаго университета, студенты-украинцы варшавскаго политехникума, студенты-украинцы кіевскаго университета, украинцы изъ Кременчуга, украинцы изъ Роменъ, тверская архивная комиссія, Ѳеодоссійскій пѣхотный полкъ, почти всѣ среднія учебныя заведенія г. Екатеринослава и рядъ другихъ коллективныхъ телеграммъ.

Изъ отдѣльныхъ лицъ, приславшихъ Д. И—чу привѣтственныя телеграммы, назовемъ слѣдующія имена: городского головы г. Екатеринослава И. Способнаго, артиста Оп. Саксаганскаго, члена Госуд. Совѣта И. М. Миклашевскаго, проф. Трефильева изъ Одессы, московскаго журналиста В. Гиляровскаго, херсонскаго городск. головы, епископа

Агапита, проф. М. Грушевскаго, проф. М. Довнаръ-Запольскаго, проф. Н. Петрова, художника И. Рѣпина, предс. Гос. Думы М. Родзянка, группы членовъ Госуд. Думы Блатнова, Гамолѣя, С. Родзянка, Полуюна, Гриневича, Мазуренка, Пан-Совѣта Нейдгардта, генерала Каульбарса, инспектора артиллеріи въ Россіи ген. Потоцкаго, ген. Струкова, ген. Скалона, проф. Н. Сумцова, профессоровъ Бузескула и Гинце, одесскаго арх. Назарія, проф. Ю. Кулаковскаго, И. М. Каманина, ректора юрьевск. ун-та Алексѣева, проф. Р. Заклинскаго изъ Галичины, чл. Гос. Совѣта Карпова, херсонскаго губернатора бар. Гревеница, полтавскаго вице-губернатора Гололобова, графини П. Уваровой, И. Ф. Павловскаго изъ Полтавы и отъ цѣлаго ряда другихъ лицъ. Всего телеграммъ было получено на засѣданіи и послѣ него свыше 200.

Растроганный привѣтствіями, юбиляръ отвѣтилъ рѣчью. Онъ выразилъ глубокую благодарность всѣмъ почтившимъ его вниманіемъ, перешелъ къ воспоминаніямъ прошлаго, когда онъ только приступалъ къ изученію Запорожья и ему приходилось сталкиваться со всевозможными трудностями и препятствіями, весьма картинно и образно изобразилъ свои скитанія въ поискахъ запорожской старины; далъ мастерскую характеристику Запорожья и его значенія въ судьбахъ украинскаго народа. Въ заключеніи, произнесенномъ на родномъ языкѣ, юбиляръ высказалъ, что сдѣланное имъ—только начало задуманнаго имъ дѣла и что довести это дѣло до конца должны молодыя силы, въ появленіи которыхъ онъ увѣренъ. Рѣчь, произнесенная съ сильнымъ подъемомъ, произвела большое впечатлѣніе и вызвала долго неумолкавшія овваціи со стороны присутствовавшей на засѣданіи публики. Въ общественной жизни Екатеринослава чествованіе юбиляра Д. И. Эварницкаго явилось безусловно крупнымъ событіемъ и нашло себѣ продолжительный отзвукъ на страницахъ мѣстной печати, равно какъ и украинскихъ изданій.

М. Жученко.

Обзоръ украинскихъ журналовъ.

„Дзвін".

Літературно-науково-артистич. журнал-місячник. Київ. Рік. 1913. Кн. I—X.

Условія, въ которыхъ существуетъ украинская пресса и литература, могутъ повергнуть болѣе или менѣе внимательнаго наблюдателя въ уныніе.

Они настолько же тяжелы, насколько и многообразны. Многообразны въ томъ смыслѣ, что ни въ коемъ случаѣ украинцы, работающіе на поприщѣ родной литературы и журналистики, не могутъ угадать, съ какой стороны на нихъ будетъ сдѣланъ нажимъ и въ какую форму онъ выльется. Всякое проявленіе культурно-національной жизни на Украйнѣ заставляетъ пугливо настораживаться не только „охранителей" разнаго вида и типа, но даже и нѣкоторыхъ представителей „либеральныхъ" круговъ.

Каждый изъ нихъ по мѣрѣ силъ и возможности борется съ „сепаратистскими" поползновеніями „мазепинцевъ" и каждый по-своему бьетъ тревогу. Въ этой атмосферѣ неукоснительнаго наблюденія и доносовъ, гдѣ, съ одной стороны, г. Щеголевъ трудится въ „доносительномъ направленіи", съ другой—г. Струве бряцаетъ оружіемъ и пугаетъ россійскаго интеллигента „украинской опасностью", появленіе новыхъ украинскихъ газетъ и журналовъ—фактъ самъ по себѣ уже интересный и отрадный. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что украинская пресса и литература живетъ и развивается, несмотря ни на что.

Количество украинскихъ газетъ и журналовъ, выходящихъ на территоріи русской Украины не такъ велико, не велико сравнительно и общее количество печатаемыхъ и издаваемыхъ книгъ на украинскомъ языкѣ, но изъ года въ годъ цифры растутъ и все большее и большее оживленіе украинскаго книжнаго рынка—фактъ несомнѣнный. Въ періодической печати наблюдается появленіе органовъ разныхъ оттѣнковъ мысли, что также является необходимымъ признакомъ того, что культурная жизнь Украйны развивается, ширится и растетъ.

Журналъ „Дзвін“, обзору содержанія котораго за первый годъ его существованія будутъ посвящены нижеслѣдующія строки, заявилъ себя,—какъ органъ демократическій, защищающій интересы рабочаго класса. Именно такого журнала литературно-научнаго со строго-демократическимъ направленіемъ,—на Украйнѣ не хватило. „Дзвін“ заполнилъ этотъ пробѣлъ, причемъ редакціи удалось привлечь къ сотрудничеству въ журналѣ талантливыхъ беллетристовъ и публицистовъ. Въ немъ сотрудничала покойная поэтесса Леся Украінка, работаютъ Х. Алчевская, Винниченко, Вороный, Чупринка. Какъ отрадный фактъ слѣдуетъ отмѣтить участіе въ журналѣ и извѣстныхъ русскихъ публицистовъ: Г. А. Алексинскаго, Луначарскаго, Маслова и др.

О двухъ произведеніяхъ Л. Украінки, появившихся на страницахъ „Дзвона“ („Айшта Махаммедъ“ и „Оргія“), намъ не приходится говорить: характеристикѣ творчества этой писательницы были посвящены двѣ статьи въ „Украинской Жизни“ (Л. Жигмайло—„Лебединая пѣсня Л. Украинки“ и Д. Донцова—„Поэзія индивидуализма“), и объ ея послѣднемъ произведеніи „Оргія“, этомъ блещущемъ талантомъ страстномъ проклятіи ренегатству, говоритъ въ своей статьѣ г. Донцовъ. Глубокія по содержанію и прекрасныя по формѣ эти оба произведенія покойной поэтессы заставятъ задуматься надъ ними каждаго читателя.

Находимъ мы въ журналѣ и нѣсколько произведеній В. Винниченка.

Въ первой и второй книжкѣ помѣщены его разсказъ „Олаф Стефензон“,—эпизодъ изъ жизни художниковъ. Не бросающійся въ глаза, не выдѣляющійся изъ цѣлаго ряда другихъ написанныхъ ранѣе авторомъ разсказовъ, онъ интересенъ главнымъ образомъ тѣми отдѣльными мѣстами его, гдѣ Винниченко говоритъ устами Стефнзона о современномъ искусствѣ.

> „Всѣ ихніе исканія (большинства современныхъ художниковъ)—это исканія лакеевъ, которые хотятъ какъ можно лучше занять вниманіе прихотливаго барина. Кто удачнѣе это выполнитъ, кто найдетъ то, что наиболѣе щекочетъ нервы, тому баринъ броситъ горсть золота“.

Далѣе Стефензонъ указываетъ задачи истиннаго художника. Стефензону не повезло: онъ на конкурсѣ со своей картиной „провалился“, получилъ премію его соперникъ Діего,

и Стефензонъ объясняетъ свою неудачу тѣмъ, что „онъ (Діего) взялъ то, что есть, а я то, чего нѣтъ. Вотъ въ этомъ-то и заключается все несчастье. Я лгалъ себѣ, когда писалъ, а онъ нѣтъ“...

> „Человѣкъ—это движеніе—переживаніе, это мысль, радость, печаль, мечта, страданіе, надежда. Техника? Форма? Давайте ее сюда, давайте наилучшую форму,—импрессіонизмъ, примитивизмъ, натурализмъ, чортъ—дьяволъ, все, что можетъ наилучше выдѣлить человѣка, давайте все сюда! Но все-же человѣческое обрисовывайте, а не собачье!“..

„Олаф Стефензон“ читается съ интересомъ, мѣстами онъ даже „захватываетъ“, и какъ-то невольно при чтеніи этого разсказа выплываетъ мысль о томъ, что Винниченку тоже удаются главнымъ образомъ тѣ произведенія, гдѣ онъ пишетъ о томъ, „что есть“; а не о томъ, что будетъ или что можетъ быть. Удачно задуманъ имъ и романъ „По свій!“ („Къ своимъ!“), къ глубокому сожалѣнію, не доведенный до конца по „независящимъ отъ автора и редакціи“ причинамъ.

Романъ не оконченъ, и нельзя говорить о томъ, какую цѣнность представлялъ бы онъ собою: мы совершенно не знаемъ, куда бы повелъ авторъ своего героя, Стельмашенка, но все-же есть нѣкоторыя данныя, и въ томъ, какъ авторъ изобразилъ жизнь двухъ семействъ, Микульскихъ и Рыбацкихъ, какимъ онъ обрисовалъ Вадима Стелмашенка, во всемъ этомъ есть нѣчто, дающее право отмѣтить новый романъ В., какъ интересно задуманное произведеніе. Въ каждой строчкѣ его свѣтится сама жизнь, на насъ оттуда глядятъ живые люди, которыхъ мы вчера видѣли, встрѣтимъ сегодня, завтра...

Отступленіе изъ лагеря соціалистовъ къ „культурникамъ“, измѣна старымъ знаменамъ, проникновеніе въ среду студенчества „воинствующихъ академистовъ“, провокація... Много той гнусности и гнили, которую преподноситъ намъ сейчасъ дѣйствительность, показалъ читателю Винниченко въ новомъ своемъ романѣ.

На нѣсколькихъ страницахъ онъ изобразилъ картинку изъ жизни политическихъ ссыльныхъ на сѣверѣ, и оттуда пахнуло той же мерзостью запустѣнія... Есть въ романѣ В. и другіе люди, правда, намѣченные авторомъ чуть-чуть и въ нихъ мы угадываемъ живыхъ и честныхъ людей, но въ общемъ въ появившемся кусочкѣ романа много темныхъ

тоновъ. Его романъ—сама жизнь, и, какъ жизнь эта, онъ и тяжелъ, и интересенъ.

Пьеса Винниченка „Молода кровь“ (кн. 7—8) не приковываетъ къ себѣ вниманія читателя. Читается она легко, по всей вѣроятности, будетъ имѣть извѣстный успѣхъ на сценѣ (она идетъ уже у М. Садовскаго въ Кіевѣ), но впечатлѣнія большого не оставляетъ. Персонажи ея жизненны, но въ то же время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автору не удалось избѣжать каррикатурности. Картинка, гдѣ селяне празднуютъ свадьбу бывшей панской горничной Ивги съ „паничемъ“ Антосемъ въ барскомъ домѣ, лишена типичности и надумана.

Гораздо лучше разсказъ того же автора, „Терень“ (кн. 10). Начатъ онъ въ прекрасныхъ задушевныхъ тонахъ, свойственыхъ автору. Въ немъ много красотъ, поэзіи и правды.

Кромѣ произведеній Винниченка, изъ разсказовъ другихъ беллетристовъ, помѣщенныхъ въ „Дзвонѣ, нужно отмѣтить разсказъ Н. Кибальчичъ „За високим тином“ (кн. 9), въ которомъ талантливо нарисована жизнь семейства Черненка на хуторѣ, „за високим тином“, вдали отъ людей и жизни. Очень правдиво и безхитростно изображена жизнь ихъ, скучная, однообразная, безъ новыхъ впечатлѣній...

Единственнымъ интереснымъ моментомъ въ жизни четырехъ сестеръ-дѣвицъ является пріѣздъ молодого врача Часенка, къ которому онѣ другъ друга ревнуютъ. Не тяжело и не скучно одной дѣвочкѣ Галѣ: она живетъ въ мірѣ фантазіи, она любитъ и чувствуетъ жизнь природы, она пишетъ стихи, разсказы, драматическіе этюды и живетъ ими. Въ домѣ мрачно и неуютно, и жизнь сестеръ такъ неинтересна и безцвѣтна, что невольно понимаешь автора, заканчивающаго разсказъ такъ:

„Сестры молчали. Ольга чувствовала, что ей нѣтъ другого пути... Только къ самоубійству“...

Хорошъ разсказъ С. Черкасенка „Що сильніш?“ (кн. 7—8) и А. Воробчука „Життя Якова Субаби“ (кн. 10). Автору послѣдняго разсказа удалось въ живой и оригинальной формѣ изобразить на нѣсколькихъ страницахъ всѣ жизненные этапы, пройденные крестьяниномъ Яковомъ Субабой.

Есть въ разсказѣ юмористическія нотки, но юморъ А. Воробчука не изъ тѣхъ, который заставляетъ читателя

смѣяться. Жизнь Субабы была удивительно проста и несложна, была тяжела и нелѣпа, не было въ ней радости и удачи... Нелѣпой была и самая смерть Субабы, смертельно раненнаго сыномъ, стрѣлявшимъ по воришкамъ, пришедшимъ красть яблоки...

Отведено въ журналѣ довольно много мѣста и поэзіи: она представлена такими именами, какъ О. Олесь, Г. Чупринка, С. Черкасенко, М. Вороный, П. Стахъ, Х. Алчевська...

Размѣры настоящей замѣтки не даютъ возможности подробно остановиться на стихотвореніяхъ, принадлежащихъ перу перечисленныхъ выше авторовъ, да и что, собственно говоря, можно добавить въ бѣгломъ обзорѣ, къ тому, что отмѣчалось раньше въ статьяхъ, посвященныхъ поэзіи О. Олеся, Алчевской, Чупринки...

Мало знакомо читателю имя П. Стаха. Большая часть его стихотвореній посвящена городу, и хотя мы нѣсколько и избалованы уже, написанными на ту же тему яркими и сильными произведеніями Э. Верхарна, но у молодого поэта нашлись новыя формы,, новые образы... Его „Усміх міста“ (кн. 5) и „Діти міста“ (кн. 10) говорятъ о незаурядномъ дарованіи автора.

Для него городъ—не только ряды каменныхъ бездушныхъ громадъ, не только ленты улицъ, ярко освѣщенныхъ, не толпы людей,—поэтъ видитъ, что кроется за внѣшнимъ блескомъ, за мишурой... Ему городъ кажется живымъ чудовищемъ, прожорливымъ и жестокимъ... За грохотомъ и шумомъ города слышитъ онъ стонъ и слезы и за бьющей въ глаза роскошью—голодъ и убожество.

Угрюмъ и безрадостенъ городъ, въ которомъ:

„Тихі дзвони
Ридають сумно въ купльоних сльозах,
І в Міста гімн страшний свої
прокльони
Вплітае чорний Сум і мертвий
Жах“.

Но поэта не пугаютъ призраки города, онъ живетъ въ надеждѣ, что:

„У життя бурхливім морі
Скоро радощів нових
Блиснуть вам огнисті зорі“...

Неблагодарное занятіе—заниматься предсказаніями. Кто знаетъ, что ждетъ П. Стаха на его литературномъ пути. Мо-

жетъ быть, онъ блеснетъ яркимъ метеоромъ, какъ молодой русскій поэтъ Е. Тарасовъ, два томика стиховъ котораго (въ изд. „Шиповникъ“) въ свое время были очень благосклонно встрѣчены критикой и имя котораго какъ-то вдругъ перестало попадаться въ печати, или, можетъ быть, его ждетъ извѣстность...

Кто знаетъ... Во всякомъ случаѣ у поэта есть данныя для того, чтобы занять современемъ далеко не послѣднее мѣсто въ рядахъ поэтовъ Украины.

Въ общемъ отдѣлъ беллетристики въ „Дзвонѣ“ представленъ хорошо и оставляетъ послѣ себя прекрасное впечатлѣніе.

Слабѣе представленъ отдѣлъ литературной критики. Въ 10 книжкахъ напечатано семь статей, причемъ три статьи принадлежатъ хорошо извѣстному русской читающей публикѣ А. Луначарскому и удѣлены онѣ поэтамъ Запада („Еміль Вергарн, співець енергіі та поступу“, кн. I; „Співець парижской голоти“, кн. 5, и „Пролетарська література Франціі“, кн. 10) и только четыре трактуютъ объ украинскихъ писателяхъ.

Если изъ этихъ четырехъ статей мы выдѣлимъ статейку М. Троцкаго „Украинське красне пісменство“ (кн. 4), какъ весьма и весьма краткую газетную замѣтку, а не статью, то останется только три статьи (В. Винниченка—„Фільозофія і етика Шевченка“; М. Троцкаго—„Пролетарська творчість“ и С. Черкасенка—„Леся Украінка“).

По всей вѣроятности, не редакціи вина въ томъ, что статей по украинской литературѣ въ журналѣ мало,—во всякомъ случаѣ сравнительная скудость этого отдѣла—фактъ печальный.

По содержанію статьи этого отдѣла интересны, и сближаетъ ихъ то обстоятельство, что авторы, произведеніямъ или творчеству которыхъ посвящены эти статьи, являются большей частью представителями „пролетарской литературы“, характеръ и особенности которой Луначарскій опредѣляетъ такъ: „Авторомъ ея можетъ и не быть пролетарій. Она можетъ не изображать пролетарія. Но что для нея совершенно необходимо — это быть проникнутой пролетарскимъ міровоззрѣніемъ“ („Пролетарська література во Франціі“)...

Послѣдовательный позитивизмъ, любовь къ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть и протестъ противъ предразсуд-

ковъ и лицемѣрія жизни современнаго общества, исканіе подъ внѣшними формами жизни внутренняго смысла,—все это, по мнѣнію другого критика (Троцкій, „Пролетарська творчість"), кладетъ грань между писателемъ-представителемъ пролетарской литературы и беллетристами буржуазнаго міровоззрѣнія.

Съ интересомъ читаются статьи В. Винниченка („Фильозофія і етика Шевченка") и С. Черкасенка. Любовно написанныя строки, посвященныя памяти Леси Украінки.

Довольно много мы находимъ въ журналѣ статей по вопросамъ экономическимъ, національному, на злободневныя темы...

Всѣ вопросы трактуются авторами въ свѣтѣ марксистской доктрины; особый интересъ пріобрѣтаетъ это обстоятельство, когда читателю приходится знакомиться со статьями, посвященными національному вопросу.

Интересующихся тѣмъ, какъ разрѣшаютъ его русскіе марксисты теоретически и практически, отсылаемъ къ обстоятельной статьѣ К. Залевскаго: „До національнаго питання въ Россіі" (кн. 6) и Л. Юркевича „Россійські марксісти і украінський робітничий рух" (кн. 7—8). Перу послѣдняго принадлежитъ также статья, посвященная вопросу о роли среднихъ классовъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія („Середні кляси і національне відроджене", кн. II). Выводы, которые онъ дѣлаетъ, вытекаютъ изъ основныхъ положеній марксизма: авторъ говоритъ, что средніе классы заявляютъ теперь, что новое украинское движеніе пропитано насквозь „національною идеею", которая выросла на гуманитарной основѣ и имѣетъ одинаковую цѣнность для всего украинскаго общества. Она внѣ-классовая или надъ-классовая.

По образному выраженію автора, украинское мѣщанство зоветъ всѣхъ подъ крышу національной идеи, врагомъ которой являются украинскіе марксисты, хорошо видящіе подоплеку этихъ разсужденій. Г. Юркевичъ предостерегаетъ отъ увлеченія лозунгами, выдвигаемыми украинскимъ „мѣщанствомъ".

Тема о политикѣ украинскаго мѣщанства и отношеніе къ нему пролетарскихъ круговъ на Украинѣ затронуты Л. Рибалкой въ статьѣ „Украінське стародоміщанство і молодоміщанство" (кн. 10). Отмѣчая, что политика украинскаго мѣщанства идетъ путемъ торговли и „лоялизма" (причемъ

это утвержденіе не обосновано авторомъ), авторъ противопоставляетъ ей политику демократическихъ слоевъ, не идущихъ на компромиссы. Симпатіи автора, конечно, далеко не на сторонѣ украинскаго мѣщанства и его прессы.

Если къ этимъ двумъ статьямъ еще присоединить статью В. Левинскаго, въ которой говорится о томъ, какимъ путемъ идетъ политика украинскаго мѣщанства въ Галиціи (кн. 1), то въ общемъ читателю будетъ довольно ясно видна подоплека національныхъ лозунговъ, выдвигаемыхъ „мѣщанствомъ“, въ освѣщеніи того направленія, котораго держится новый журналъ. Для лицъ, интересующихся національнымъ вопросомъ статьи „Дзвона“, указанныя выше, представляютъ несомнѣнный интересъ. Интересна и экскурсія въ области статистики, сдѣланная Г. Алексинскимъ въ статьѣ: „Україна въ Москві“, (кн. 2). Авторъ приводитъ выдержки изъ данныхъ московской переписи 1902 года и показываетъ число украинцевъ, живущихъ въ Москвѣ, разбиваетъ ихъ по профессіямъ, устанавливаетъ отношеніе ихъ къ общему числу украинцевъ въ русской Украинѣ и отмѣчаетъ, сколько изъ этихъ эмигрантовъ назвали своимъ роднымъ языкомъ при переписи—украинскій. Оказалось, что такихъ было не болѣе, ни менѣе, какъ 1,495 человѣкъ на 22,048 человѣкъ всѣхъ украинцевъ въ Москвѣ. Какъ ни старъ цифровой матеріалъ, приводимый г. Алексинскимъ, какъ ни несовершенны въ общемъ пріемы статистическихъ обслѣдованій въ Россіи (послѣдняя перепись Москвы 1912 года показала, какъ неудачно составляются листки и формулируются вопросы), но фактъ остается фактомъ: громадный процентъ украинцевъ, живущихъ въ Москвѣ, не призналъ своего родства съ украинскимъ народомъ.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на обстоятельную работу В. Левинскаго „Із українського робітничого руху въ Галичині“, начавшуюся печатаніемъ съ 6-й книжки журнала. Всякому, кто интересуется исторіей рабочаго движенія вообще и положеніемъ рабочаго класса въ Галиціи въ частности, эта статья даетъ много матеріала. На остальныхъ статьяхъ, набедшихъ себѣ мѣсто въ „Дзвонѣ“, мы за недостаткомъ мѣста останавливаться не будемъ. По содержанію своему онѣ разнообразны, но размѣщены въ журналѣ безъ всякой видимой системы, и многія носятъ характеръ какой-то случайный. Нельзя не отмѣтить того факта, что въ „Дзвонѣ“ пока-что

имѣется только одинъ постоянный отдѣлъ: „З робітничого життя“ (К. Миргородскій), если не считать беллетристическаго. Помѣщались обзоры украинской жизни, которые велъ въ журналѣ Д. Донцовъ, но оборвались, за выходомъ г. Донцова изъ состава сотрудниковъ. Это не въ интересахъ журнала.

Не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, какими причинами обусловлена эта, такъ сказать, „неналаженность“, мы должны отмѣтить, что редакціей, повидимому, приложены всѣ усилія къ тому, чтобы журналъ дѣйствительно былъ демократическимъ, стоящимъ на-стражѣ интересовъ рабочаго класса. Есть основанія предполагать, что редакціи современемъ удастся расширить и пополнить его.

Уже самый фактъ появленія и существованія „Дзвона“ говоритъ за то, что потребность въ немъ и интересъ къ нему существуютъ, а это, пожалуй, наиболѣе важно. Мы съ своей стороны желаемъ журналу всяческаго успѣха.

Л. Абр—чъ.

БІБЛІОТЕКА НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

Добра Новина,

просвітно-наукова та суспільна часопись для працюючого люду з образками. Виходить у Львові два раза за місяць.

Во Львовѣ заканчиваетъ первый годъ изданія популярный журналъ, который необходимо отмѣтить и выдѣлить. Едва ли не самымъ труднымъ и отвѣтственнымъ журнальнымъ предпріятіемъ является изданіе популярнаго органа; найти и понять запросы и потребности читателя-рабочаго и крестьянина для интеллигента, какимъ является и редакторъ, и сотрудники популярнаго журнала, представляется задачей трудной и сложной; избѣгнуть вульгаризаціи и морализаторства, одинаково нежелательныхъ, но, къ сожалѣнію, очень часто встрѣчающихся въ популярныхъ изданіяхъ, и сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленно выдержанное направленіе, является задачей, разрѣшить которую дано не всякому. Вслѣдствіе этого популярныя изданія сплошь и рядомъ при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ ихъ организаторовъ

оставляютъ желать много лучшаго. „Добра Новина“, имѣющая за собой почти годовой опытъ, во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ въ украинской журналистикѣ явленіе выдающееся, журналъ, котораго въ россійской Украинѣ мы еще не имѣемъ. „Добра Новина“ — популярный соціалистическій органъ. Исполняя свою непосредственную задачу, онъ знакомитъ читателя-рабочаго съ основами соціализма, даетъ въ рядѣ статей изложеніе основъ соціалистическаго ученія, освѣщаетъ съ своей точки зрѣнія разнообразныя явленія общественной жизни, причемъ ей удается избѣгнуть грѣха очень многихъ соціалистическихъ изданій, гдѣ соціалистическая фраза идетъ въ ущербъ содержанію. Среди статей этого разряда обращаютъ вниманіе какъ своей выдержанностью, такъ и популярнымъ изложеніемъ, статьи, посвященныя балканскимъ событіямъ. Удачно составляется въ журналѣ и литературный отдѣлъ. Нельзя, между прочимъ, не отнестись вполнѣ положительно къ тому, что редакція помѣщаетъ, кромѣ новыхъ произведеній, перепечатки старыхъ, лучшихъ вещей такихъ авторовъ, какъ Франко. Въ популярно-научномъ отдѣлѣ редакція удѣляетъ особое вниманіе популяризаціи естественныхъ наукъ. Выборъ темъ и изложеніе статей по этимъ вопросамъ точно также представляется вполнѣ удовлетворительнымъ.

Но важнѣе всего то общее впечатлѣніе, которое оставляетъ журналъ выдержанностью своего направленія; журналъ представляетъ изъ себя не сборникъ отдѣльныхъ статей, а нѣчто цѣлое, объединенное одной мыслью, однимъ направленіемъ. Читатель такого журнала проникнется той же мыслью, которая воодушевляетъ редакцію, и журналъ явится для него первой ступенью въ пріобщеніи къ опредѣленному міровоззрѣнію.

Редакція „Доброі Новини“ организовала при журналѣ издательство популярныхъ брошюръ. До сихъ поръ вышли четыре брошюры, готовятся къ печати и выйдутъ въ непродолжительномъ времени еще двѣ. Всѣ онѣ по своему содержанію и направленію дополняютъ и развиваютъ статьи, помѣщенныя въ „Добрій Новині“.

В. С.

„Життя и Знаннє".

Съ половины іюня т. г. сталъ выходить въ Полтавѣ новый украинскій журналъ „Життє і Знаннє — вѣстникъ гигіены, санитаріи, медицины и природовѣдѣнія. По настоящее время выпущено 9 номеровъ, почему намъ представляется возможность сдѣлать ему болѣе или менѣе правильную оцѣнку.

Журналъ, издаваемый на прекрасной бумагѣ, по очень дешевой цѣнѣ (по 15 коп. за выпускъ) и со всякаго рода льготами, является доступымъ для всякой украинской семьи, физическое оздоровленіе которой и составляетъ идейную задачу этого изданія.

Въ первомъ выпускѣ редакція журнала формулируетъ въ статьѣ „Вступне слово" свои стремленія и задачи въ строго опредѣленныхъ, ясныхъ выраженіяхъ:

„Виступаючи в світ між люде, з новим ділом, ми з початку мусимо сказати, що хочемо працювати для життя, щоб воно було краще, здоровіще, веселіще, справедливіще; іти до того будемо з світлом знання, бо тільки воно зможе освітити нам шлях до кращої будущини".

„Життя людського тіла і духа, що йому шкодить, а що помагає, що веде до добра і щастя,—того і будемо доходити".

Несомнѣнно, что безъ здоровья не будетъ счастья, и эта истина на столько стара, насколько старъ нашъ міръ,— и въ древнія времена постоянно твердили: in sano corpore sana mens.

Но почему нѣтъ и невидно въ нашей жизни стремленія реализировать эту истину?

Наоборотъ, въ этомъ отношеніи мы очутились какъ-будто въ тупикѣ: острыя, хроническія, эпидемическія заболѣванія, алкоголизмъ развиваются въ колоссальныхъ размѣрахъ, и если мы въ статистическихъ данныхъ не находимъ подтвержденія сейчасъ сказанному, то только потому, что статистика разсматриваетъ процессъ и результатъ борьбы съ тѣмъ или другимъ явленіемъ, не касаясь причинъ и условій, производящихъ ее (мы говоримъ о статистикѣ оффиціальной).

Между тѣмъ процессъ борьбы—въ настоящее время болѣе или менѣе скорый, вѣрный, точный, и поэтому результатъ борьбы плодотворнѣе, богаче.

Намъ сплошь и рядомъ приходится встрѣчаться не только въ невоспитанной, необразованной семьѣ, но даже въ культурной съ невѣроятно невѣжественными взглядами по вопросу физіологическаго самосохраненія, по вопросу о народномъ здравіи. Лѣнь въ изученіи, усвоеніи истинъ и положеній, важныхъ и необходимыхъ для здоровой и физіологической счастливой жизни?

Чѣмъ же объясняется такая косность, отсталость и лѣнь въ изученіи, усвоеніи истинъ и положеній важныхъ и необходимыхъ для здоровой и физіологической жизни?

Вѣдь литература заполнена всякаго рода по данному вопросу научными работами; устраиваются выставки, демонстрируются картины и пр., и пр., а результатъ, если не грустный, то плачевный.

Быть можетъ, идея о здоровьѣ неприложима къ жизни и подлежитъ компетенціи однихъ только врачей, или же человѣкъ, общество, народъ настолько неразвиты, невѣжественны, что не могутъ понять сущности данной идеи, или же разрѣшеніе вопроса кроется во внѣшнихъ условіяхъ, неблагопріятно складывающихся для народа?

Намъ думается, что предположеніе о неприложимости данной идеи къ жизни вполнѣ возможно и не потому, что идея о народномъ здравіи строго спеціальная, а въ значительной степени благодаря тому, что литературная форма проведенія ея въ жизнь далека отъ пониманія народа. Идея о народномъ здравіи—идея не утопичная, идея великая, гуманная, которая, будучи осуществленной въ Россіи въ имени геніальнаго Н. И. Пирогова, энергично проповѣдуется Обществомъ имени его же, не останавливающимся передъ внѣшними условіями или такъ-называемыми непредвидѣнными обстоятельствами. Слѣдовательно, жизненность идеи заключается не въ неприложимости ея къ жизни и не во внѣшнихъ условіяхъ; жизненность данной идеи, какъ и всякой другой, зависитъ отъ способностей, отъ таланта лица, проповѣдующаго ее.

Чѣмъ яснѣе, проще и живѣе излагается мысль, идея, тѣмъ легче, безъ труда, и потери времени воспринимается она даже стоящимъ на низшей ступени умственнаго развитія. Говорить о томъ, что здѣсь имѣетъ большое значеніе языкъ и его доступность для пониманія, не приходится. Это condicio sine qua non успѣшной борьбы въ дѣлѣ оздоровленія народа.

Близко знакомясь съ журналомъ „Життє і Знаннє“, мы убѣждаемся, что онъ стремится любовно, съ удивительной энергіей къ высказанной сейчасъ нами цѣли. Во всѣхъ выпускахъ всѣ статьи какъ по медицинѣ, такъ и природовѣдѣнію написаны настолько живо, ясно, увлекательно и на строго научныхъ основахъ, что, несмотря на наше близкое знакомство съ трактуемыми вопросами, мы „зачитываемся“ имъ какъ поэтическимъ произведеніемъ.

Талантливое изложеніе невольно приковываетъ вниманіе читателя къ себѣ, будитъ мысль его, вселяя стремленіе къ изученію необходимыхъ понятій о сохраненіи здоровья.

Статьи о туберкулезѣ, холерѣ, чумѣ и пр., и пр., восхищаютъ насъ своимъ картиннымъ, живымъ и истиннымъ изображеніемъ.

Указываемъ на эти статьи, какъ на статьи „сухія“, серьезныя по своему содержанію, а между тѣмъ, благодаря увлекательному изложенію онѣ являются такими же интересными и увлекательными, какъ и повѣсть „Нові хрести“.

Что же касается языка,—почему издается народный журналъ „Життє іЗнаннє“ на украинскомъ языкѣ,—то мы распространяться по данному вопросу не станемъ, такъ какъ и самъ журналъ даетъ вполнѣ опредѣленное, логическое объясненіе: „працювати мусимо там, де нам близше, де нас знают і розуміют“. Констатируемъ только, что языкъ „Життя і Знання“—языкъ живой, родной, народный и потому наиболѣе понятный той аудиторіи, для которой предназначенъ журналъ.

Заканчивая свое „Вступне слово“, редакція обращается къ обществу, къ народу съ приглашеніемъ на помощь: „рушаймо в дорогу—в тій надіі, що знайдеться на нашій землі багато живих душ, прихильних до громадського добра. Вони помогатимуть нам у роботі, ширитимуть наше видання, будуть користуватись ним для просвітної праці“.

Этотъ призывъ долженъ найти откликъ у всякаго, кому дорога идея возрожденія украинскаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ, Украина находится въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ, приведшихъ ее, помимо національнаго упадка, къ невѣроятной нищетѣ и развитію всякаго рода заболѣваній, включая алкоголизмъ.

Украинѣ не ждать отъ добрыхъ сосѣдей существенной, духовной помощи, могущей вывести ее на прямую дорогу

и предъявить къ жизни свои требованія наравнѣ со всѣми культурными народами. Между тѣмъ для выхода изъ этого тяжелаго положенія одинъ путь—путь къ развитію физическихъ и духовныхъ силъ народа при посредствѣ сознательнаго изученія враговъ и друзей своего организма, при посредствѣ изученія природы, насъ окружающей.

Мы не сомнѣваемся, что на такой горячій призывъ не замедлятъ откликнуться многія „живі душі“ и примкнутъ „для просвітної праці“ къ первому народному украинскому медицинскому журналу „Життє і Знаннє“, который, судя по первымъ №№ его, является цѣннымъ вкладомъ въ украинскую культуру и окажетъ въ дальнѣйшемъ несомнѣнную услугу въ дѣлѣ возрожденія украинскаго народа.

Гордясь качествами журнала, талантливыми работниками его, игнорируя незначительные промахи, мы смѣло рекомендуемъ „Життє і Знаннє“ всѣмъ и каждому, какъ вѣрнаго и честнаго друга, который сможетъ вывести на дорогу здоровой и счастливой жизни. Пожелаемъ самаго широкаго распространенія этому симпатичному изданію и стать настольнымъ каждой грамотной украинской семьи.

Д-ръ **Н. Дикій.**

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

— Редакторъ-издатель „Украинской Жизни“ Я. А. Шеремецинскій привлеченъ къ судебной отвѣтственности по 1034[5] ст. Улож. о нак. за статью А. А. Русова „Какъ я сталъ членомъ Громады“, помѣщенную въ 10-й книжкѣ журнала.

— № 11 „Украинской Жизни“ конфискованъ и редакторъ-издатель привлеченъ къ отвѣтственности по 1034[4] ст. Улож. о нак. за статью С. А. Ефремова „Волчья тактика“.

Къ чествованію 100-лѣтія рожденія Т. Г. Шевченка. Въ связи съ предстоящимъ въ 1914 г. празднованіемъ 100-лѣтія со дня рожденія Т. Г. Шевченко кіевскому городскому головѣ подано было два заявленія: одно—отъ жителей города Кіева, другое—отъ группы гласныхъ кіевской гор. думы.

Петиція отъ жителей г. Кіева, подписанная 1.183 представителями различныхъ слоевъ кіевскаго населенія, такова:

«25-го февраля 1914 года истекаетъ 100 лѣтъ со дня рожденія геніальнаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, поэзія котораго пріобрѣла славу не только среди единоплеменниковъ его, но и среди другихъ народовъ, носителей старыхъ культуръ. Многіе города начинаютъ готовиться къ этому торжественному дню. Въ Екатеринославѣ, напримѣръ, уже образовался съ надлежащаго разрѣшенія юбилейный комитетъ; даже въ Москвѣ организованъ подобный комитетъ подъ предсѣдательствомъ академика Корша; а въ другихъ городахъ возбужденъ вопросъ объ участіи въ ознаменованіи юбилея и городскихъ управленій. Городъ Кіевъ, гдѣ предстоитъ постановка памятника творцу «Кобзаря», не можетъ остаться бездѣятельнымъ и равнодушнымъ къ этому дню. Кіевская городская дума отводитъ мѣсто для памятника, образовала комитетъ для сбора пожертвованій на него и вообще прилагаетъ старанія для увѣковѣченія памяти великаго поэта, обнаруживая этимъ высокое пониманіе культурныхъ задачъ. Слѣдовательно, кіевской же городской думѣ должна принадлежать честь иниціативы и ближайшаго участія въ ознаменованіи наступающей годовщины по примѣру архангельской думы, готовящейся праздновать двухсотлѣтіе рожденія Ломоносова, или полтавской, недавно помянувшей торжественно родоначальника новой украинской литературы Котляревскаго. И не можетъ быть сомнѣнія въ томъ,

что кіевское городское самоуправленіе, признавая и цѣня творчество Т. Г. Шевченка и сознавая свою гражданскую отвѣтственность по отношенію къ предстоящему знаменательному дню, возьметъ на себя иниціативу и станетъ во главѣ организаціи достойнаго чествованія поэта».

Текстъ заявленія гласныхъ кіевской гор. думы, поданнаго за подписью 23 лицъ, слѣдующій:

«26-го февраля 1914 г. истекаетъ 100-лѣтіе со дня рожденія геніальнаго поэта Украины Т. Г. Шевченко. Подобно тому, какъ чествованіе 50-лѣтія со дня его смерти было отмѣчено Императорской академіей наукъ, академіей художествъ и многими другими научными и обществен. учрежден., нужно полагать, что и въ будущемъ году въ таковомъ примутъ участіе различныя научныя и общ. учрежденія г. Кіева. Кіевское городское самоуправленіе, принявшее на себя заботы по увѣковѣченію памяти поэта путемъ постановки памятника, не можетъ пройти молча 100-лѣтіе его рожденія и должно взять на себя иниціативу въ достойномъ чествованіи этого дня. Въ виду изложеннаго, мы, нижеподписавшіеся, просимъ городскую думу избрать особую комиссію для выработки программы чествованія и предоставить г. гор. головѣ приглашать могущихъ оказаться полезными свѣдущихъ лицъ».

Заявленія эти были разсмотрѣны въ засѣданіи думы 10 декабря. Гласные держали себя очень сдержанно, точно вопросъ шелъ о чемъ-то очень рискованномъ, требовавшемъ особой осторожности. На вопросъ предсѣдательствовавшаго въ собраніи гор. думы И. Н. Дьякова, желаетъ ли дума избрать комиссію, гл. Добрынинъ начинаетъ дебаты.

Гл. Быховскій. Украинцы имѣютъ пока одного такого поэта, какъ Шевченко, и справедливо гордятся имъ. Но такіе поэты—достояніе всего свѣта, и намъ слѣдуетъ принять участіе въ чествованіи...

Гл. Добрынинъ. Шевченко ничего замѣчательнаго не написалъ. Дѣятельность его шла вразрѣзъ съ интересами Россіи. Едва ли намъ удобно чествовать его...

Гл. Ковалевскій говоритъ что-то такое о томъ, что онъ, конечно, не сторонникъ сепаратизма, но живетъ онъ на Украинѣ, гдѣ бываютъ такія чудныя ночи, а потому «пѣвца Украины» слѣдуетъ чествовать. Но не устраивать «ничего политическаго»...

Г. Дьяковъ. Да дѣло идетъ лишь о чествованіи поэта!.. Ничего больше...

Гл. Дембицкій. Если бы чествованіе происходило въ Москвѣ,—тогда еще вопросъ... А тутъ—какіе разговоры...

Больше никто не высказывался. Дума всѣми голосами противъ одного гл. Добрынина постановила принять участіе въ чествованіи 100-лѣтія рожденія Шевченка и избрать комиссію для выработки программы празднованія.

На упорядоченіе могилы Т. Г. Шевченка. Группа гласныхъ кіевской гор. думы подала кіевскому гор. головѣ заявленіе объ ассигнованіи г. Кіевомъ нѣкоторой суммы на охрану и приведеніе

въ порядокъ могилы Кобзаря Украины, указывая, что Кіеву предстоитъ украситься памятникомъ поэта, на что уже собрано около 130 тыс. рублей, но въ этой суммѣ денегъ, ассигнованныхъ городомъ, всего 3 тысячи рублей.

Юбилейный библіографическій указатель къ сочиненіямъ Т. Г. Шевченка. Библіографическая комиссія «Науковаго товариства імени Шевченка» во Львовѣ постановила издать въ 1914 году полный указатель произведеній великаго Кобзаря и статей и замѣтокъ о немъ. Въ основу изданія будетъ положенъ указатель покойнаго М. Ф. Комарова («Шевченко въ литературѣ и искусствѣ», 1903 г.), причемъ прибавлены будутъ тѣ дополненія, которыя собралъ для новаго изданія самъ Комаровъ, а также новый матеріалъ, собранный комиссіей. Въ виду того, что россійскихъ изданій общелитературнаго и политическаго характера (газеты и журналы) въ библіотекѣ «Науковаго товариства» почти нѣтъ (кромѣ изданій на украинскомъ языкѣ), библіографическая комиссія обращается ко всѣмъ землякамъ, сочувствующимъ задуманному ею изданію, съ просьбой не отказать въ своей помощи и присылать комиссіи соотвѣтствующіе номера и выпуски журналовъ хотя бы и за старые годы или хотя бы указанія, гдѣ и что именно было въ журналахъ (или книжкахъ и брошюрахъ, особенно провинціальныхъ) о Шевченкѣ. Если кто-либо изъ читателей имѣетъ у себя какіе-либо собранные матеріалы о Шевченкѣ,—комиссія будетъ очень благодарна за присылку ихъ. Конечно, въ предисловіи къ указателю будутъ упомянуты имена всѣхъ сотрудниковъ комиссіи.

Много могли бы помочь комиссіи воспитанники высшихъ школъ собраніемъ столичныхъ изданій или выписываніемъ изъ нихъ Sevcekiana. Существующіе при нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ «научные кружки» могли бы даже поставить себѣ задачей систематическій пересмотръ періодическихъ изданій, особенно начиная съ 1900-хъ годовъ. Если бы кто-либо изъ отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ кружковъ пожелалъ заняться такой работой, комиссія охотно дастъ каждому потребныя указанія (какъ дѣлать выписки и какіе именно журналы слѣдовало бы прежде всего пересмотрѣть). Кто не могъ бы дѣлать этого безплатно, благоволитъ войти въ соглашеніе съ комиссіей по вопросу о гонорарѣ за свою работу.

Шевченковская литература, имѣющая появиться въ юбилейномъ 1914 г., войдетъ въ особый показатель, который комиссія издастъ не позднѣе 1915 года. Комиссія надѣется, что наши земляки отовсюду будутъ присылать ей также и эту юбилейную литературу. Желательно было бы издать по возможности полный указатель, сдѣлать же это безъ помощи всего общества комиссія не въ состояніи, почему и обращается ко всему украинскому обществу.

Разумѣется, необходимо слѣдить не только за изданіями на русскомъ языкѣ, но и на другихъ чужихъ языкахъ (польскомъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ, грузинскомъ и т. д.). Проживающихъ внѣ Россіи лицъ комиссія проситъ слѣдить за заграничными изданіями.

Для сношеній и за всякими справками комиссія проситъ обращаться къ предсѣдателю комиссіи по адресу: Львів, ул. Супінського, 21, Володимир Дорошенко (Lemberg, Oesterreich).

Неутвержденное постановленіе. Кіевскій губернаторъ не утвердилъ постановленіе каневскаго уѣзднаго земства объ ассигнованіи изъ запаснаго капитала на 1914 г. 1,000 руб. на приведеніе въ порядокъ могилы Шевченка.

Къ чествованію памяти И. П. Котляревскаго. Полтавская городская управа представила полтавской думѣ докладъ о чествованіи 75-лѣтія со дня смерти И. П. Котляревскаго. Какъ видно изъ доклада, дневной и вечерній спектакли, поставленные въ день празднованія, дали 804 руб. чистой прибыли. Прибыль эту предположено употребить частью на мраморную доску съ надписью для установки въ полтавской семинаріи, воспитанникомъ которой былъ Котляревскій, частью же на образованіе фонда имѣющаго быть устроеннымъ въ Полтавѣ музея имени Котляревскаго. Докладъ управы единогласно былъ принятъ думой.

Открытіе украинскаго клуба въ Полтавѣ. 9-го ноября, наканунѣ празднованія 75-лѣтія со дня смерти И. П. Котляревскаго, въ Полтавѣ состоялось открытіе украинскаго клуба. Въ произнесенной представителемъ украинскихъ научныхъ учрежденій рѣчи было указано, между прочимъ, на желательность того, чтобы городъ реставрировалъ домикъ Котляревскаго по оставшимся описаніямъ и устроилъ въ немъ музей имени поэта.

Помѣщеніе клуба, особенно залъ, отличается стильностью обстановки. Въ залѣ обращаетъ вниманіе типичный украинскій «сволокъ» съ рѣзной орнаментаціей и надписью: «В своій хаті своя правда і сила і воля». У стѣнъ—украинскія «лавы» (скамьи) съ рѣзными спинками. Въ залѣ помѣщенъ бюстъ Шевченка; на стѣнахъ—портреты историческихъ дѣятелей: князь Святославъ, Даніилъ Галицкій, Ольгердъ, гетманы, Сагайдачный, Хмельницкій и Дорошенко; отдѣльно—портреты знаменитыхъ полтавцевъ—Сковороды, Котляревскаго, Драгоманова, Лысенка. Въ читальнѣ—портреты украинскихъ писателей.

Предсѣдателемъ клуба прис. пов. Сіяльскій.

По поводу законопроекта еп. Никона объ украинскихъ школахъ и Обществахъ въ «Радѣ» напечатанъ цѣлый рядъ писемъ, полученныхъ изъ различныхъ мѣстностей Украины отъ священниковъ, привѣтствующихъ инициативу еп. Никона. Еп. Никонъ напечаталъ въ «Радѣ» обширное письмо, благодаря въ немъ всѣхъ лицъ, сочувственно отозвавшихся объ его «маломъ словѣ въ защиту украинскаго дѣла». Въ своемъ письмѣ еп. Никонъ между прочимъ пишетъ: «Внесенный мною въ Государственную Думу законопроектъ объ украинскихъ школахъ и Обществахъ встрѣченъ нѣкоторыми газетами очень сочувственно, другія газеты его порицаютъ. Я получилъ и получаю со всѣхъ сторонъ Россіи массу писемъ въ связи съ присланнымъ въ вашу газету моимъ законопроектомъ. Письма можно раздѣлить на двѣ діаметрально противо-

положныя группы: въ однихъ восхваляютъ, а въ другихъ меня прямо называютъ «мазепинцемъ», угрожаютъ и т. п.»

— Подольскіе украинцы послали еп. Никону письмо за 63-мя подписями, опровергая измышленія черносотенной прессы, направленной противъ украинства, и доказывая, что въ домоганіяхъ украинцевъ не заключается ничего противозаконнаго и враждебнаго интересамъ Россійскаго государства и что домогания эти вызываются самою жизнью. Въ заключеніе письма они благодарятъ еп. Никона за защиту родного языка.

Украинскій языкъ въ школѣ. Въ с. Кустынь, Волынской губ., ученикамъ мѣстной школы были предложены, какъ сообщаетъ «Рада», вопросы о томъ, когда они лучше понимаютъ учителя— когда онъ говоритъ по-русски или по-украински. Всѣ ученики отвѣтили, что лучше понимаютъ, когда учитель говоритъ «по-нашему», т.-е. по-украински. Одна дѣвочка изъ 4-й группы, дочь діакона, сказала: «Когда я читаю въ школѣ книжку или слушаю, какъ учитель говоритъ съ нами по-русски, мнѣ все кажется точно въ туманѣ, а потомъ и совсѣмъ забывается. Мнѣ лучше всего, когда учитель говоритъ «по-нашему», тогда я все понимаю и ничего не забываю».

Противъ украинскаго языка. По требованію инспектора народныхъ училищъ уманская земская управа распорядилась изъять изъ школьныхъ библіотекъ украинскія книги. Изъяты не только популярныя изданія по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи и т. п., но даже Евангеліе въ украинскомъ переводѣ, изданное, какъ извѣстно, съ благословенія св. синода. Такой фактъ имѣлъ мѣсто между прочимъ въ с. Ладыжинѣ.

Украинство и администрація. Чигиринскій исправникъ запретилъ украинской труппѣ Николаенка, играющей въ Златополѣ, ставить такія совершенно невинныя пьесы, какъ «Пан Штукаревич», «Мазепа», «Ой не ходи, Грицю» и даже «Наталку Полтавку», ссылаясь на то, что этихъ пьесъ не имѣется въ спискѣ.

— Въ м. Ичнѣ, Борзенскаго у., Черниговской губ., приставъ, какъ сообщаетъ «Рада», запретилъ мѣстной интеллигентной молодежи пѣть украинскія пѣсни.

— Въ Подольской губерніи администрація воздвигла усиленное гоненіе противъ украинства. Не утвержденъ уставъ потребительнаго товарищества въ с. Щербаняхъ, такъ какъ въ немъ былъ «мазепинецъ». Не разрѣшено сел.-хоз. товарищество въ с. Кордышевкѣ. Въ библіотекѣ кордышевскаго товарищества конфискована украинская книжка. Въ с. Радовцахъ потребительному товариществу предъявлено требованіе снять украинскую вывѣску.

Литературныя дѣла. 5-го декабря въ кіевскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло редактора газеты «Рада» В. В. Яновскаго по 3 п. 1034[4] ст. Улож. о нак. за напечатаніе корреспонденціи въ земской больницѣ въ с. Великіе Половцы, Васильковскаго уѣз., въ чемъ прокуратура усмотрѣла подрывъ довѣрія населенія къ общественнымъ учрежденіямъ. Яновскій приговоренъ къ штрафу въ 50 руб.,

съ замѣной 10 днями ареста. Того же числа слушалось дѣло редактора «Маяка» Шевченка, привлеченнаго также по 3 п. 1034[4] статьи за напечатаніе статьи «Зробітничого життя», гдѣ трактовалось объ аграрныхъ мѣропріятіяхъ правительства. Шевченко приговоренъ къ 25 руб. штрафа съ замѣной 5 днями ареста.

Произведенія Т. Шевченка въ народныхъ библіотекахъ. Мелитопольское земство (Таврической губ.) разослало во всѣ народныя библіотеки уѣзда по 24 книжки съ произведеніями Т. Шевченка въ отдѣльномъ изданіи В. Яковенка съ иллюстраціями.

Проектъ памятника Лысенку. Скульпторъ Риха представилъ въ харьковскую городскую управу модель памятника Н. В. Лысенку, который будетъ сооруженъ по постановленію харьковской думы, въ г. Харьковѣ. По проекту памятникъ представляетъ обелискъ на широкомъ основаніи съ бюстомъ Лысенка сверху. Внизу обелиска—фигура украинскаго мальчика на колѣняхъ, пишущаго на обелискѣ имя композитора.

Закрытіе украинскаго клуба въ Одессѣ. Печальная участь постигла украинскій клубъ въ Одессѣ. Въ послѣднее время онъ перешелъ въ руки людей, ничего общаго съ украинствомъ не имѣющихъ, и лишь по имени могъ считаться украинскимъ. Въ клубѣ усиленно культивировалась игра въ карты, и въ настоящее время клубъ закрытъ за допущеніе азартной игры.

Украинская старина. Членъ совѣта «Просвіты» въ Николаевѣ С. И. Гайдученко принесъ въ даръ николаевскому городскому музею различные старинные украинскіе предметы, въ томъ числѣ портретъ гетмана Сагайдачнаго.

25-лѣтній юбилей Ф. В. Левицкаго. 28-го ноября кіевское украинское общество праздновало 25-лѣтіе сценической дѣятельности одного изъ лучшихъ украинскихъ артистовъ-комиковъ, Федора Васильевича Левицкаго. Свою сценическую карьеру Ф. В. Левицкій началъ въ ноябрѣ 1888 г. въ труппѣ Кропивницкаго, который обратилъ вниманіе на его дарованіе, когда онъ выступалъ въ любительскомъ спектаклѣ въ роли Стецька въ «Сватанні на Гончарівці». Левицкій оставилъ свою службу (съ 1877 по 1887 г. онъ служилъ старшимъ учителемъ въ Новоукраинскомъ 2-классномъ училищѣ, а затѣмъ перешелъ на службу въ съѣздъ мировыхъ судей) и посвятилъ себя сценѣ. Четыре года онъ игралъ въ труппѣ Кропивницкаго, затѣмъ, въ 1892 г., перешелъ въ труппу Садовскаго, а отъ него въ 1895 г. въ труппу Саксаганскаго. Затѣмъ онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Заньковецкой въ труппѣ Найды по южнымъ городамъ (Ялта, Симферополь, Севастополь, Мелитополь, Екатеринославъ) и восемь лѣтъ служилъ въ труппѣ Суслова. Въ 1903 г. ему пришлось изъ-за матеріальныхъ невзгодъ перейти на русскую сцену, въ труппу Бауэра, но украинскій антрепренеръ Волчекъ уплатилъ Бауэру неустойку и далъ Левицкому возможность остаться на украинской сценѣ. Въ 1905 году Левицкій вмѣстѣ съ артисткой Л. К. Квиткою основалъ собственную труппу, съ которой ѣздилъ въ Петербургъ, Москву, Кіевъ, Одессу,

Кишиневъ. Послѣднія 5 лѣтъ играетъ съ большимъ успѣхомъ въ труппѣ Садовскаго въ Кіевѣ. Комическій артистъ по природѣ, онъ вкладываетъ въ свои роли много знанія быта, много неподдѣльнаго юмора и въ то же время обдуманности. У публики онъ пользуется неизмѣннымъ успѣхомъ, особенно въ бытовыхъ и историческихъ пьесахъ. Для своего бенефиса юбиляръ сдѣлалъ едва ли вполнѣ удачный выборъ, воскресивъ изъ забвенія пьесу Старицкаго «Кривда і правда», въ которой онъ не могъ даже показать свой талантъ во весь его ростъ. Но тѣмъ не менѣе юбилей прошелъ съ большимъ подъемомъ. Чествованіе началось съ перваго же антракта. На сцену вышла вся труппа во главѣ съ Садовскимъ. Были прочитаны адреса и привѣтственныя телеграммы отъ украинскихъ общественныхъ дѣятелей, украинскихъ труппъ и поклонниковъ дарованія юбиляра.

Затѣмъ чествованіе продолжалось послѣ каждаго акта. Было прочитано между прочимъ привѣтствіе и отъ городской театральной комиссіи предсѣдателемъ ея гл. Іозефи. Однако всѣ пожеланія, высказанныя въ этомъ привѣтствіи, являлись страннымъ контрастомъ съ дѣятельностью гл. Іозефи, въ симпатіи котораго къ украинскому театру кіевляне не разъ могли убѣдиться изъ того, напр., что какъ-разъ наканунѣ юбилейнаго спектакля гл. Іозефи настаивалъ въ думѣ на помѣщеніи канцеляріи по квартирно-воинской повинности въ народномъ домѣ, гдѣ играетъ труппа Садовскаго, а ранѣе онъ же отвелъ прилегающія къ сценѣ театральныя помѣщенія подъ казармы.

Къ юбилею Т. Шевченка. «Наукове товариство ім. Шевченка у Львові» рѣшило отпраздновать 100-лѣтній юбилей со дня рожденія Т. Г. Шевченка торжественнымъ собраніемъ 10-го марта (нов. ст.) 1914 г. и рядомъ ученыхъ изслѣдованій на Шевченковскія темы и обратилось къ членамъ О-ва съ просьбой принять участіе въ чествованіи. Въ настоящее время получено согласіе отъ двадцати писателей изъ австрійской и россійской Украины, въ томъ числѣ отъ Ив. Франка, проф. Ф. Колессы, К. Михальчука, В. Гнатюка, В. Дорошенка, С. Смаль-Стоцкаго, З. Кузели и др.

Полонизація Львова. Какъ отмѣчаетъ галицкая украинская пресса, во Львовѣ ежемѣсячно переходитъ изъ уніатства въ католицизмъ, въ среднемъ, около 30 чел., закрѣпляя этимъ переходомъ свой переходъ къ польской національности. Такимъ образомъ, украинская національность теряетъ ежегодно около 300—400 членовъ. Львовская «Просвіта» обратила вниманіе на это явленіе и рѣшила сдѣлать причины его предметомъ серьезнаго изслѣдованія.

Борьба съ денаціонализаціей. Украинское общество Львова по мѣрѣ силъ борется съ денаціонализаціей украинскаго населенія города. Во Львовѣ уже тринадцатый годъ существуетъ женское Общество, содержащее въ настоящее время трое «захоронок» (яслей) для дѣтей низшихъ классовъ украинскаго населенія. Эти «захоронки» выполняютъ большую національную миссію, прививая дѣтямъ малосознательныхъ національно и даже ополячив-

шихся родителей національное чувство и оберегая ихъ отъ денаціонализаціи. Въ трехъ «захоронкахъ» теперь находитъ пріютъ 150 дѣтей. За время своего существованія изъ «захоронок» выпущено 250—300 дѣтей, научившихся говорить и чувствовать по-украински и любить родную національность. Общество имѣетъ въ виду устроить такія же «захоронки» на всѣхъ предмѣстьяхъ Львова.

«Селянська Бурса» въ Станиславовѣ. Серьезную роль въ дѣлѣ охраны украинскаго школьнаго юношества отъ денаціонализаціи играютъ въ Галичинѣ такъ-называемыя «бурсы», или интернаты для учениковъ различныхъ учебныхъ заведеній. О дѣятельности одного изъ такихъ интернатовъ, «Селянської Бурсы» въ Станиславовѣ, находимъ свѣдѣнія въ отчетѣ за 1912—13 годъ. Станиславовская «бурса» устроена для воспитанниковъ мѣстной украинской гимназіи. «Селянською», то-есть крестьянскою, она названа потому, что предназначается для дѣтей крестьянъ. Какъ видно изъ отчета, въ 1912—13 г. членовъ было 73, главнымъ образомъ изъ мстной интеллигенціи. Средства О-ва составляются частью изъ членскихъ взносовъ, частью изъ платы за ученіе и добровольныхъ пожертвованій. Въ отчетномъ году приходъ О-ва въ общемъ составилъ 25,075 кронъ (въ томъ числѣ 20,420 кр. платы за учениковъ), а расходъ—24,907 кр. Учениковъ было въ «бурсѣ» 103. Содержаніе ихъ обходилось въ среднемъ, по 23 кр. въ мѣсяцъ, платили же они, въ среднемъ, по 21 кр. такъ, что о-во ежемѣсячно доплачивало за каждаго ученика по 2 кр. Платили ученики не одинаково: 72 платили по 24 кр., 6 было безплатныхъ, остальные же платили отъ 6 до 22 кр. Чтобы избавиться отъ расходовъ на плату за помѣщеніе, О-во собирается построить собственный домъ, для чего собрало уже свыше 7½ тыс. кронъ.

Украинизація полонизированнаго села. Чрезвычайно поучительный примѣръ возвращенія къ родной національности сообщаетъ галицкая украинская пресса, разсказывающая объ успѣхахъ національной работы украинцевъ въ с. Клепоровѣ. Это село, расположенное вблизи Львова, населено по преимуществу украинцами, отцы или дѣды которыхъ потеряли свою національность и перешли «на латинську віру», «на польське». Подъ вліяніемъ, однако, роста украинскаго національнаго движенія клепоровцы начали возвращаться къ утраченной національности. Въ 1880 г. уніатовъ (уніатство является, такъ сказать, религіознымъ признакомъ украинскаго населенія Галичины, какъ католичество—польскаго) было въ Клепоровѣ 10 проц., въ 1890 г.—17 проц., а въ въ 1910 г.—21 проц. Сознательныхъ украинцевъ, признавшихъ при переписи своимъ разговорнымъ языкомъ украинскій, въ 1900 г. было всего 19 чел. на 3,090 чел. населенія, а въ 1910 г.—234 чел. на 6,812. Теперь украинцы ведутъ энергическую работу, чтобы возвратить клепоровцевъ къ ихъ родной національности. Въ Клепоровѣ существуетъ «Просвіта», насчитывающая 131 членовъ и соорудившая прекрасный народный домъ въ 80 тыс. кронъ стоимостью, гимнастическое Общество «Сокіл», кредитное

товарищество, кружокъ «Рідной Школы», имѣющей цѣлью поддерживать украинское школьное дѣло въ Галичинѣ, комитетъ украинской политической организаціи, церковный комитетъ по сооруженію церкви, женское «братство». Важнѣйшимъ успѣхомъ клепоровскихъ украинцевъ является то, что имъ удалось провести въ мѣстную «громадську раду» шестерыхъ украинцевъ. Если дѣло пойдетъ такъ и далѣе, то лѣтъ черезъ 10 Клепоровъ сдѣлается изъ польскаго украинскимъ. Уже и теперь многіе ополячившіеся клепоровцы подъ вліяніемъ культурной работы мѣстной украинской интеллигенціи возвращаются къ національности своихъ предковъ.

Курсъ украинскаго яз. въ мюнхенскомъ университетѣ. Извѣстный славистъ, профессоръ мюнхенскаго университета Бернекеръ сообщилъ проф. Смаль-Стоцкому, что онъ предполагаетъ прочесть въ лѣтнемъ семестрѣ въ своей филологической семинаріи курсъ украинскаго языка съ чтеніемъ и поясненіемъ лучшихъ произведеній Шевченка. Въ основу своего курса онъ кладетъ недавно вышедшую на нѣмецкомъ языкѣ научно разработанную Смаль-Стоцкимъ грамматику украинскаго языка. Проектируемый курсъ будетъ первымъ курсомъ украинскаго языка въ университетѣ Западной Европы.

Новое просвѣтительное учрежденіе. Во Львовѣ возникаетъ новое украинское просвѣтительное учрежденіе, ставящее себѣ такія же цѣли, какъ извѣстная «комиссія распространенія техническ. и соціальн. знаній» въ Москвѣ, принесшая огромную пользу дѣлу распространенія самообразованія въ Россіи. Это—«Драгоманівська Громада», уставъ которой недавно утвержденъ галицкими властями. Общество имѣетъ цѣлью распространеніе среди своихъ членовъ знанія общественныхъ наукъ. Оно имѣетъ въ виду пріобрѣсти необходимую библіотеку, которою могла бы пользоваться молодежь, живущая вдали отъ культурныхъ центровъ и не имѣющая возможности, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, пріобрѣтать эти знанія. Кромѣ того, О-во предполагаетъ и само заняться издательской дѣятельностью. Иниціативу основанія О-ва далъ съѣздъ украинской радикальной молодежи.

Характерная подробность. Какъ распредѣляются правящими въ Галичинѣ польскими шовинистами подати, взыскиваемыя съ населенія, 42 проц., котораго составляютъ украинцы, можно видѣть изъ слѣдующей подробности, извлекаемой украинской прессой изъ бюджета на 1912 г. Изъ назначенной бюджетомъ суммы въ 94,000 кронъ на субсидіи частнымъ школамъ двѣ украинскія частныя школы, во Львовѣ и Гвиздкѣ, получили 350 кр., остальная же сумма распредѣлена между польскими школами.

Украинскіе «соколы». Въ февралѣ 1913 г. исполнилось 20 лѣтъ существованія львовскаго украинскаго гимнастическаго Общества «Сокіл», которое носитъ теперь названіе «Сокіл-Батько», такъ какъ изъ него возникла вся сокольская организація и онъ является въ настоящее время центромъ сокольскаго движенія. Первое собраніе «Сокола состоялось 11-го февраля (н. ст.) 1894 года. Къ

концу 1913 г. «Сокілъ-Батько» имѣлъ уже 30 гимнастическихъ филій, 552 гимнастическо-пожарныхъ филій и 311 гимнастическо-пожарныхъ «Січей», а всего 893 организаціи. Въ этихъ организаціяхъ въ 1912 г. состояло 32,717 членовъ (27,335 мужчинъ и 5,382 женщины). Стоимость инвентаря и недвижимаго имущества этихъ организацій достигла свыше 150 тыс. кронъ, денежныхъ суммъ было свыше 75 тыс. кр. Пожарныя филіи имѣли 481 насосъ и тушили пожары въ 1912 г. 611 разъ.

Украинскія кустарныя издѣлія за границей. Украинскія кустарныя издѣлія пользуются большимъ успѣхомъ за границей. Показателемъ этого успѣха является, между прочимъ, рѣшеніе к.-подольскаго земства экспонировать мѣстныя издѣлія кустарей на выставкѣ домашняго промысла въ Берлинѣ, гдѣ спросъ на эти издѣлія достаточно широкъ. Объ этомъ же интересѣ къ украинскому кустарному производству уже въ Америкѣ, говоритъ Ол. Грановскій въ № 21—22 «Ілюстрованой Україні»: «Въ апрѣлѣ сего года въ Нью-Іоркѣ была устроена выставка кустарныхъ издѣлій главнымъ образомъ католиковъ. Въ выставкѣ приняли участіе французы, нѣмцы, итальянцы, испанцы и украинцы изъ Галиціи, какъ греко-католики. Организаціей украинскаго отдѣла выставки занялся священникъ Подгородецкій. Въ продолженіе сравнительно короткаго времени собрано было среди украинцевъ, живущихъ въ Нью-Іоркѣ и ближайшихъ къ нему украинскихъ колоніяхъ, много различныхъ издѣлій. Послѣдніе были размѣщены въ двухъ кіоскахъ: въ одномъ были сосредоточены наиболѣе художественные образцы предметовъ украинскаго кустарнаго производства, въ другомъ происходила продажа дублетовъ ихъ и болѣе мелкихъ кустарныхъ издѣлій. Особое вниманіе посѣтителей выставки привлекали вышивки, ткани и издѣлія изъ бусъ. Больше всего восторгались посѣтители выставки гуцульскими издѣліями: рамы, кресты, канцелярскія кустарныя принадлежности и игрушки своимъ изяществомъ и красивымъ орнаментомъ просто восхищали американцевъ. Видное мѣсто на выставкѣ занимали также народныя украинскія «вышивки». Особенное вниманіе привлекъ къ себѣ «рушник» (полотенце), вышитый шелкомъ на льняномъ полотнѣ съ орнаментомъ XVII—XVIII столѣтія, широко распространенномъ въ Полтавщинѣ. Было еще нѣсколько изящныхъ издѣлій изъ россійской Украины, но большинство экспонатовъ были образчиками издѣлій Галиціи и Буковины. Здѣсь на-ряду со стильными вышивками на полотенцахъ и сорочкахъ красовался пышный дѣтскій костюмчикъ и масса другихъ мелкихъ вещей, что давало полную картину богатства народныхъ вышивокъ и орнаментики.

На-ряду съ народнымъ искусствомъ помѣщалось и церковное. Особенное вниманіе посѣтителей, и въ особенности католиковъ, обращала на себя плащаница, шитая шелкомъ, серебромъ и золотомъ, и фелонь со всѣми другими принадлежностями облаченія священника, шитая скромнымъ, но необыкновенно красивымъ гуцульскимъ орнаментомъ. Цвѣта черный, желтый, голубой и др., умѣло подобранные, выгодно оттѣняли орнаментъ на бѣломъ фонѣ фелони.

Стѣны кіосковъ были увѣшаны украшенными портретами украинскихъ писателей и нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей, а художественныя открытки, издѣліе художниковъ, дополняли видъ Украины многочисленными украинскими видами, народными типами и пр.

Американцы очень охотно раскупали все то, что можно было продать, такъ какъ почти все болѣе или менѣе значительныя вещи продажѣ не подлежали. Были онѣ собраны у частныхъ лицъ, которыя не пожелали разставаться съ дорогими предметами изъ далекой родины.

Возлѣ кіосковъ стояли дѣвушки въ украинской одеждѣ. Онѣ удовлетворяли любопытство посѣтителей и тутъ же раздавали даромъ брошюрку на англійскомъ языкѣ объ Украинѣ, но надо сказать, брошюрку неудачную. Въ теченіе выставки два раза пѣлъ украинскій хоръ въ національномъ уборѣ, и въ эти дни украинцы всецѣло овладѣли всеобщимъ вниманіемъ.

Выставку посѣтило нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, и многіе изъ нихъ впервые въ жизни услыхали о существованіи забытаго всѣми народа, который въ концѣ-концовъ и самъ сталъ забывать свое имя, въ прошломъ же былъ извѣстенъ культурнымъ народамъ. Въ Америкѣ впервые украинцы обратили на себя вниманіе, и почти всѣ нью-іоркскія газеты помѣстили спеціальныя статьи объ украинскомъ отдѣлѣ на выставкѣ.

С. И. Пономаревъ.

Около полутора мѣсяца тому назадъ въ городѣ Конотопѣ, Черниговскй губ., скончался, доживъ до весьма преклоннаго возраста (на 87-мъ году жизни), извѣстный библіографъ второй половины истекшаго столѣтія и членъ-корреспондентъ Императорской академіи наукъ Степанъ Ивановичъ Пономаревъ, другъ Срезневскаго, Максимовича, Лазаревскаго и другихъ нашихъ ученыхъ того времени. Смерть его въ украинскомъ обществѣ прошла совершенно незамѣченной, не вызвавъ не только ни одного некролога, а даже простого упоминанія о самомъ фактѣ кончины.

А между тѣмъ упомянуть о кончинѣ С. И. Пономарева необходимо—уже хотя бы и потому, что покойный принадлежалъ къ числу старѣйшихъ сотрудниковъ украинской «Кіевской Старины», сотрудничествомъ котораго очень дорожила «Кіевская Старина» и цѣнила его. Большинство статей и мелкихъ замѣтокъ, помѣщенныхъ С. И. Пономаревымъ въ послѣдней, носитъ или исключительно библіографическій характеръ, или же по своему содержанію тѣсно связано съ библіографіей, служенію которой покойный посвятилъ всю свою многолѣтнюю и плодотворную жизнь и въ которой стяжалъ себѣ по справедливости заслуженную извѣстность. Назовемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ: Альбомъ М. А. Максимовича (К. Ст., 1-й годъ изданія, кн. 1-я), Тысячелѣтіе Кіева (ibid., кн. 3), Рукописи Румянцевскаго музея по исторіи Кіева (кн. 4), Пасхальная вірша, говоренная черноморцами кн. Потемкину въ 1786—1787 г. (ibid.), Старинная вірша на малороссійскомъ языкѣ (ib., кн. 12), Письма Гоголя къ В. И. Тарновскому

(К. Ст., 1883, кн. 2), Письма къ М. А. Максимовичу отъ С. Аксакова, Ѳ. Чижова, Мерзлякова, кн. Одоевскаго и другихъ съ примѣчаніями (ibid., кн. 4), Письма М. А. Максимовича къ Шевченку (К. Ст., 1884, кн. 4), Нѣжинскій журналъ Гоголя (ibid., кн. 5), Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ (К. Ст., 1886, кн. 4), О переводчикѣ «Востолы» (Люцеккѣ; К. Ст., 1888, кн. 1), Не лишнее слово о гіршах (ibid., кн. 4), Къ литературной дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева (редакт. К. Старины; ibid., кн. 4), Кіевская поэзія за 50 лѣтъ назадъ (К. Ст., 1891, кн. 12), Къ первому кіевскому юбилею въ честь М. А. Максимовича (К. Ст., 1900, кн. 12), Памяти Мих. Мих. Левченка (К. Ст., 1902, кн. 2), Еще строки Шевченка (ibid.), На могилѣ Ал. М. Лазаревскаго (ibid., кн. 5), Труды А. М. Лазаревскаго (ibid.) и нѣкоторыя другія, въ томъ числѣ немало и вовсе неподписанныхъ. Кромѣ «Кіевской Старины», Ст. Ив. Пономаревъ участвовалъ и во многихъ другихъ научныхъ изданіяхъ второй половины XIX вѣка, какъ, напримѣръ: Записки Имп. Акад. Наукъ, Извѣстія Отдл. Русск. Яз. и Слов., Сборникъ II-го Отд., Историч. Вѣстн., Русск. Стар., Извѣстія Нѣжинск. Лицея Кн. Безбородка, Труды Кіевск. Дух. Акад., Кіевлянинъ (прежняго времни), Филологическія Записки, Библіографъ и мн. друг., на страницахъ которыхъ было имъ помѣщено въ разное время также немало ученыхъ трудовъ и статей, прямо или косвенно соприкасающихся съ наукой украиновѣдѣнія, какъ, напр., Историческія замѣтки о кіевскихъ контрактахъ (Современ., 1851, 5), Преосв. Филаретъ, архіеп. Черниг. (Полт. Епарх. Вѣд., 1866, 16—18), Матеріалы для біографіи митр. Евгенія (Труды Кіевск. Дух. Акад., 1867, 8), Мих. Ал. Максимовичъ, біографич. и историко-литер. очеркъ (Ж. М. Н. П. 1871, 10), Памятникъ Максимовичу (Кіевл., 1875, 108), Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу (Сборн. Отд. Рус. Яз. и Сл. Акад. Наукъ, 1877, 3), Письма Боровиковскаго къ Максимовичу (Историч. Вѣстникъ, 1881, 5), Памяти Гоголя (матеріалы для библіографіи литературы о немъ; Извѣстія Нѣжинск. Инст. Кн. Безбородка, 1882, VII) и многіе другіе, въ томъ числѣ и нѣкоторые оставшіеся въ рукописи. Остался не напечатаннымъ также и большой библіографическій словарь выдающихся уроженцевъ Украины, охватывающій губерніи: Черниговскую, Полтавскую, Волынскую и Подольскую [1]).

Свою учено-литературную дѣятельность покойный С. И. Пономаревъ началъ еще будучи студентомъ кіевскаго университета св. Владиміра (1848—52). Къ этому времени относится и его увлеченіе украинскимъ фольклоромъ, плодомъ котораго явилось довольно объемистое собраніе украинскихъ пословицъ и поговорокъ, переданное для печатанія И. И. Срезневскому и гдѣ-то затерявшееся въ его бумагахъ. За свои ученые труды по библіографіи С. Пономаревъ не разъ удостаивался награды отъ Акад.

[1]) Рецензію (Н. П. Шугурова) на напечатанное въ 1898 г. извлеченіе изъ него п. з. „Земляки, достопамятные уроженцы Черниговск. земли“ см. К. Ст., 1901, 10.

Наукъ (медали), членомъ-корреспондентомъ которой покойный состоялъ до самой смерти.

Послѣ смерти Пономарева осталась большая библіотека, собранная покойнымъ за 65 лѣтъ неустанныхъ занятій библіографіей. Библіотека эта, подаренная нѣсколько лѣтъ тому назадъ конотопскому земству, принадлежитъ по количеству содержащихся въ ней библіографическихъ раритетовъ, какъ русскихъ, такъ и украинскихъ (первыя изданія: Енеиды Котляревскаго, сочиненій Гул.-Артемовскаго, Шевченка [2]), Куліша, Марка Вовчка и др.) къ числу самыхъ цѣнныхъ частныхъ библіотекъ въ Россіи.

В. Рѣзн—енко.

---

[2]) Въ числѣ этихъ послѣднихъ находится, между прочимъ одинъ экземпляръ „Кобзаря“ съ собственноручно-надписью и четверостишіемъ поэта (К. Ст., 1902, кн. 2).

Библіографія.

Ukraïnica *въ послѣднихъ 4-хъ книжкахъ „Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности* **И. А. Н**“—*книжки 3 и 4 за 1912 г., книжки 1 и 2 за 1913 г.*

Вполнѣ понятно, что въ изданіи, посвященномъ прежде всего русскому языку и словесности, украинскія, какъ и прочія славянскія, филологическія дисциплины занимаютъ лишь второе мѣсто.

Въ послѣднихъ 4-хъ книжкахъ «Извѣстій» для украинской науки представляютъ большее или меньшее значеніе статьи М. Приселкова и В. Пархоменко по исторіи и исторіи церкви, В. Ярошенко и А. Сорочана по языку, А. Требина, В. Рѣзанова, В. Перетца и О. Маркова по исторіи литературы.

М. Приселковъ въ своей статьѣ: «Афонъ въ начальной исторіи Кіево-Печерскаго монастыря» («Изв.» кн. 3) трактуетъ о древнихъ церковно-іерархическихъ отношеніяхъ на Украинѣ, а именно объ установленіи въ Кіевской державѣ церковной іерархіи сначала болгарской, а съ 1036 г. греческой. В. Пархоменко въ 1-й кн. «Изв.» даетъ критическую замѣтку на эту статью и отмѣчаетъ довольно существенныя «шероховатости» въ системѣ начинающаго историка церкви. Во 2-й кн. «Изв.» имѣемъ статью В. Пархоменко: «Три центра древнѣйшей Руси»; въ ней авторъ предлагаетъ свое рѣшеніе спорнаго вопроса о томъ восточномъ славянскомъ племени, которые у арабскихъ писателей IX—X в.в. извѣстно подъ именемъ Артанія, Артаніахъ. В. Пархоменко находитъ возможнымъ опредѣленно признать, что въ этой Артаніи слѣдуетъ видѣть Тмутараканскую Русь. Доказывая это свое положеніе, авторъ останавливается между прочимъ и на сношеніяхъ Кіева съ Новгородомъ въ IX—X вв.

Болѣе или менѣе обработанный матеріалъ для украинской науки о діалектахъ представляютъ статьи В. Ярошенко: «Украинскія фонограммы въ фонетической транскрипціи» (изъ Полтавщины) и А. Сорочана: «Описаніе говора с. Монастырскаго, Подольской губ.». Оставляя оцѣнку названныхъ статей спеціальнымъ научнымъ органамъ, здѣсь приведемъ только нѣсколько словъ изъ предисловія, предпосланнаго В. Ярошенко своимъ фонограммамъ. Объясняя довольно значительное количество по большей части лексическихъ русизмовъ въ украинскомъ языкѣ наговаривавшихъ, авторъ среди общихъ причинъ останавливается прежде всего на «чуждой мѣстному украинскому населенію русской школѣ, которая, какъ приходилось,—говоритъ авторъ,—неоднократно наблюдать, не содѣйствуя культурному развитію населенія, благопріятствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякимъ вообще разлагающимъ народность и твердый жизненный укладъ вліяніямъ».

Изъ работы второго лингвиста—А. Сорочана—остановимся лишь на слѣдующемъ; авторъ пишетъ, что въ данномъ говорѣ «ф слышится на мѣстѣ хв у к р а и н с к а г о» (252), переходъ о въ у извѣстенъ «всему у к р а и н с к о м у н а р ѣ ч і ю» (252), г приставочное «встрѣчается на всемъ протяженіи м а л о р у с с к а г о н а р ѣ ч і я» (253), «въ в е л и к о р у с с к о м ъ» (255), вм. у к р а и н с к а г о карбован'ц'і» (255), мѣстный ед. оканчивается на о б щ е у к р а и н с к о е і» (256), «въ в е л и к о р у с с к и х ъ говорахъ» (256), «говорящій по р у с с к и бюрократической интеллигенціи (249) (курсивъ вездѣ нашъ Б.). Какимъ же, наконецъ, языкомъ говорятъ по мнѣнію автора тѣ «неграмотныя лица с. Монастырскаго, съ которыми онъ «имѣлъ возможность бесѣдовать довольно продолжительное время»? Если на правомъ берегу Днѣпра украинское населеніе говоритъ уже не по украински, то на какомъ же языкѣ? Неужели на языкѣ «юго-западнаго края»? Русскимъ филологамъ вообще, а лингвистамъ въ особенности давно бы пора оставить весь этотъ «русско-малорусскій» ералашъ, эту терминологическую халатность, которая буквально «въ трехъ соснахъ» запутываетъ и автора и читателя. На столбцахъ «Кіевлянина и «Новаго Времени такая путаница понятна и даже почтенна, но на страницахъ ученыхъ изданій, по нашему мнѣнію, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть терпима.

Какъ имѣющая значеніе для исторіи украинской литературы, должна быть указана въ 4-й кн. «Изв.» статья А. Требина: «Славяно-русскія старопечатныя книги древлехранилищъ г. Житоміра», въ которой авторъ даетъ списокъ около трехсотъ старопечатныхъ книгъ, по большей части украинской печати, и нѣкоторыя изъ нихъ сопровождаетъ ссылками на существующія описанія. Къ сожалѣнію авторъ «оставляетъ на будущее время изданіе своего полнаго, всесторонняго описанія волынскихъ старопечатныхъ книгъ», хотя появленіе такого описанія (особенно на страницахъ нашихъ украинскихъ научныхъ органовъ, гдѣ мы уже встрѣчали работы автора) было бы очень желательно.

Н. В. Гоголь и „Русскіе Галичане".

Въ 1-й кн. «Изв.» отмѣтимъ статью В. Рѣзанова: «Къ вопросу о старинной драмѣ . Авторъ, познакомившись въ одномъ изъ львовскихъ книгохранилищъ съ латинской рукописью XVII в. «Poetyka szkolna , приводитъ изъ нея обширныя выписки и на основаніи ихъ устанавливаетъ различіе между «діалогами и декламаціями», этими своеобразными явленіями украинской сцены XVII в.

Во 2-й кн. для историка украинской литературы интересна будетъ статья В. Перетца: «Украинскій діалогъ и трены на Успеніе Богородицы». Неутомимый изслѣдователь старинной украинской литературы въ настоящей статьѣ публикуетъ по украинской рукописи, повидимому XVII в., со своими вводными замѣчаніями рѣчи двухъ декламаторовъ и шесть «треновъ албо хоровъ» на Успеніе Богородицы.

Нѣсколько неожиданной для читателя «Извѣстій» является статья О. Маркова: «Н. В. Гоголь въ галицко-русской литературѣ

(2-я кн.), написанная довольно нелитературнымъ русскимъ языкомъ [1]). Статья эта имѣетъ въ виду показать русскому читателю, какъ и за что обожаютъ «русскіе Галичане Н. В. Гоголя (вѣдь у нихъ по словамъ автора—«культъ Гоголя») и сколько они понесли трудовъ для ознакомленія своей украинской публики съ произведеніями Гоголя.

Авторъ принадлежитъ къ тѣмъ «возсоединеннымъ галичанамъ», которые въ Гоголѣ цѣнятъ не великаго художника слова, а прежде всего средство для борьбы съ живымъ народнымъ украинскимъ возрожденіемъ. «Для приверженцевъ идеи культурно-національнаго единства Руси, Гоголь въ первой мѣрѣ (?),—пишетъ О. Марковъ,—выразитель этого единства, и въ этомъ его значеніе. (sic!). Гоголь завершитель (!) духовнаго объединенія Руси (по автору искони единой! Б.), исполнившій свое великое посланничество (?) и указавшій дорогу, по которой слѣдуетъ итти и Галицкой Руси» (64), Гоголь, который палъ жертвой національнаго раздвоенія, добавимъ отъ себя. «Сильно возросшій за послѣднее время культъ Гоголя на Галицкой Украинѣ,—продолжаетъ авторъ,—является въ первой мѣрѣ (курсивъ О. Маркова) культомъ Гоголя—геніальнаго выразителя и проповѣдника (sic!) идеи единства Руси, величайшаго представителя единства (?) русской культуры» (64). Какъ видимъ, для нашего автора Гоголь—геніальный русскій писатель цѣненъ превыше всего, какъ предтеча (весьма проблематическій) современнаго москофильства. Непонятно зачѣмъ автору столько пафоса, вѣдь, если духовное объединеніе искони «единой Руси» завершено Гоголемъ, то «для приверженцевъ идеи культурно-національнаго единства Руси, остается только и дѣла, что обожать Гоголя; если же то, что авторъ разумѣетъ видъ «единой Руси», вовсе не едино и если украинская почва все больше и дальше уходитъ изъ подъ ногъ объединителей, то здѣсь и культъ Гоголя не поможетъ, не помогутъ и болѣе сильныя средства.

Изъ статьи О. Маркова, несмотря на всѣ старанія автора убѣдить читателя въ противномъ, ярко выступаетъ все культурное ничтожество и стараго и новаго москвофильства.—Впервые показали Гоголя широкой украинской публикѣ Галиціи не «русскіе», а украинцы, выпустивши украинскій переводъ «Тараса Бульбы» въ 1850 г. И въ 70-хъ годахъ среди сторонниковъ русскаго теченія была лишь «слабая тенденція знакомиться съ произведеніями русской литературы, для широкаго же распространенія русской литературы, а главное для болѣе глубокаго и серьезнаго изученія ея этой партіей (?sic!) не дѣлалось прямо ничего» (55). Такъ обстояли «русскія дѣла» у нашихъ москвофиловъ какъ разъ тогда, когда «сепаратистъ М. Драгомановъ наводнялъ австрійскую Украину цѣлыми транспортами книгъ, основывалъ цѣлыя русскія библіотеки. Правда, эта «руссофильская» про-

[1]) „Проектъ предлежащей етатьи“ (37), „переводъ“ зъ-хуществленія), „сотный“ ы (сотый), „авторъ имѣетъ на мысли“ (ы—въ видѣ), „нѣсколько кратныхъ“ (59), „самообразовательной анціи“ (59). „занималъ книги (49) и проч.

паганда произведеній русскихъ писателей и ученыхъ (Чернышевскаго, Гл. Успенскаго, Тургенева, Гоголя и др.) вызвала въ Галиціи развитіе только не націоналистическаго москвофильства, а украинскаго радикализма съ яркой соціалистической окраской, и дала Украинѣ М. Павлыка, Ив. Франко.

Но что общаго между этими дѣятелями украинскаго возрожденія и галицкими москвофилами, даже обожаемаго Гоголя читающими до сихъ поръ, если не просто въ украинскомъ переводѣ, то ужъ непремѣнно въ сопровожденіи «будь словарчика, будь объясненій то подъ строкой, то въ контекстѣ» (60), слѣдуетъ замѣтить, объясненій въ такомъ количествѣ, что отъ нихъ буквально рябитъ самый текстъ. Какъ въ своей библіографіи gogolianae на Галицкой Украинѣ, такъ и въ предпосланной ей статьѣ О. Марковъ совершенно напрасно перемѣшиваетъ украинство съ москвофильствомъ. Очевидно авторъ имѣлъ въ виду «самыя благія намѣренія»: усилить за счетъ украинства худосочное «русское дѣло» въ Галиціи, и сознательно запутывалъ читателя «Извѣстій», трактуя подъ флагомъ «галицко-русской литературы» въ компаніи съ Мончаловскими, Бендасюнами и Вергунами о такихъ украинскихъ дѣятеляхъ какъ Драгомановъ, Франко, Грушевскій и др., не имѣющихъ и не имѣвшихъ никогда ничего общаго съ современными «галицко-русскими подвижниками . Заканчивается эта статья довольно нескладнымъ и неумѣстнымъ стихотвореніемъ («Памяти Гоголя») «галицко-русскаго поэта» М. Ѳ. Глушкевича, столь сильно гремѣвшаго недавно въ Петербургѣ во время москвофильской «голодной кампаніи». Есть разумѣется въ этомъ «твореніи» и «трезвонъ родимаго Кремля», и «низвергнувшая чужевластіе родная Русь», о которой со вскипѣвшимъ духомъ грезятъ русскіе націоналисты изъ Галиціи, есть, разумѣется и «Мазепы тѣнь», но среди всего этого трезвону и треску имѣется драгоцѣнное признаніе: «живые мертвецы, мы ждемъ могилы, и камни мечемъ въ братняго борца». Думается, что полезнѣе было бы для самихъ авторовъ и ихъ «партій» не хвастаться передъ русскимъ читателемъ такой «дѣятельностью» и такими «дѣяніями», но вѣдь «мы... рабы, рабы» восклицаетъ М. Ѳ. Глушкевичъ, а рабъ и родного брата—камнемъ, лишь бы угодить «господину».

Странно, какъ и для чего попалъ весь этотъ «трезвонъ» на страницы академическихъ «Извѣстій»...

Библіофилъ.

Новая англійская книга объ Украинѣ.

15 декабря н. ст. появилась на англійскомъ книжномъ рынкѣ новая книга объ Украинѣ, принадлежащая перу англійскаго журналиста, выступившаго подъ псевдонимомъ Bedvin Sands. Книжка нѣсколько большого формата, чѣмъ «Ук. Ж.» содержитъ 71 страницу, нѣсколько иллюстрацій и довольно богатую библіографію. Полное заглавіе памфлета слѣдующее: «Украина—лекціи, читанныя объ исторіи и настоящемъ политическомъ значеніи Украинской проблемы» («The Ukraine, reprint of a lecture delivered

on Ukrainian history and present-day political problems).» Что обращаетъ на себя вниманіе при чтеніи памфлета—это обстоятельное знакомство автора съ обсуждаемымъ вопросомъ.

Ни одной сколько-нибудь серьезной ошибки въ оцѣнкѣ украинскаго вопроса,—такъ извинительной у иностранца, ни неясности въ групировкѣ и освѣщеніи массы фактовъ, собранныхъ авторомъ о прошломъ и настоящемъ украинскаго народа.

Начинается книга указаніемъ на громадное значеніе украинской проблемы для современниковъ—что авторъ иллюистрируетъ двумя приложенными картами Европы: „Europe With (съ) and Without (безъ) the Ukraine".

Подробно останавливается дальше авторъ на происхожденіи украинцевъ, ихъ числѣ, разселеніи, названіи. Въ достаточной степени разсмотрѣнъ вопросъ терминологіи («Малороссы—Русины—Украинцы). Съ характерною для англичанина добросовѣстностью, къ книгѣ приложенъ украинскій алфавитъ и его отличія отъ русскаго. Особая глава посвящена украинской исторіи.

Покрытыя историческимъ туманомъ далекія времена старой Руси, короткій часъ украинской независимости, пріобщеніе Украины къ западно-европейской цивилизаціи, наиболѣе бурный періодъ ея исторіи, приведшій совершенно неожиданно къ разрыву не только съ худшими, но и съ лучшими историческими традиціями Края, наконецъ, послѣдняя вспышка сторонниковъ «сѣдой старины» и—полный упадокъ и упадокъ національной жизни—всѣ эти періоды исторіи Украины, какъ и ея возрожденіе—представлены въ книгѣ умѣлою рукою опытнаго журналиста. Нѣсколько дальше останавливается Bedvin Sands на судьбѣ Мазепы. «Лордъ Байронъ,—пишетъ онъ,—хотя зналъ о немъ только лишь изъ написаннаго Вольтеромъ,—написалъ удивительную поэму о гетманѣ. Я убѣжденъ, что знаніе дѣйствительной, фактической стороны вопроса, зажгло бы его великую душу по меньшей мѣрѣ точно такимъ же энтузіазмомъ, какъ и страданія Грековъ».

Во главѣ объ «австрійской Украинѣ» находимъ довольно точное изложеніе сущности той политической борьбы, которая ни на минуту не утихаетъ въ этомъ несчастномъ краѣ. Отчетливо оріентируется авторъ и въ послѣдней стадіи польско-украискихъ переговоровъ. Глава о церковныхъ отношеніяхъ содержитъ краткую исторію религіозныхъ движеній на Украинѣ, исторію Уніи и «возсоединенія» ея съ православною церковью, наконецъ,—послѣднее oni genevis религіозное движеніе въ Галиціи, руководимое о. о. Гудимами, Гецевами и Дуджевичами.

Заключенія автора, которыя, впрочемъ, напрашиваются сами собою по прочтеніи книги,—полны вѣры въ жизненность и силу украинскаго народа. Оканчиваетъ книгу авторъ указаніемъ на значеніе украинскаго вопроса для Европы.

Въ оцѣнкѣ украинскаго вопроса авторъ далекъ отъ того нѣсколько сентиментальнаго отношенія къ Украинѣ, какое къ сожалѣнію иногда встрѣчается у европейцевъ и какого отчасти не чуждъ и Сеньобосъ, что въ сущности основывается на недостаточномъ знакомствѣ или непониманіемъ вопроса. Авторъ внесъ

въ свою оцѣнку украинской проблемы добросовѣстную старательность англичанина,—и трезвый политическій умъ гражданина міровой имперіи, Не подлежитъ сомненію, что его памфлетъ для развитія украинскаго вопроса, окажетъ несомнѣнную услугу.

Дм. Донцовъ.

Вол. Леонтович. Старе й нове. Оповідання. *Видання Товариства прихильників українськоі літературы, науки і штуки у Львові. 1914*

Больше половины небольшой книжки разсказовъ В. Леонтовича занимаетъ повѣсть «Старе й нове». Тему авторъ взялъ довольно интересную: показалъ, какъ постепенно въ жизни маленькаго провинціальнаго городка «старое» уступало мѣсто «новому», старыя формы жизни исчезали и на развалинахъ прежнихъ патріархальныхъ отношеній создавались новыя...

Въ началѣ повѣсти мы видимъ Якова Демидовича Чаплія,—стараго, пользующагося извѣстнымъ уваженіемъ, портного,—въ полномъ достаткѣ, къ концу же передъ нами другой Чаплій—обнищавшій, полуголодный наемный подмастерье, гнущій съ утра до вечера спину въ обширной мастерской Тарнорудскаго. Конкурренція и давленіе капитала съѣли все благополучіе Чаплія, превратили его изъ хозяина въ работника. Тѣмъ же кончилъ и его конкуррентъ и личный врагъ портной Кибець. Бокъ-о-бокъ стали работать Чаплій и Кибець въ одной и той же мастерской.

Автору довольно хорошо удалось изобразить жизнь ремесленниковъ въ Дубнахъ, удались ему и фигуры главныхъ персонажей—живые и понятные, сумѣлъ онъ также и прослѣдить, какъ въ Дубны — этотъ медвѣжій уголъ — проникъ капиталъ въ лицѣ ловкаго и предпріимчиваго дѣльца Тарнорудскаго и смелъ совершенно мастерскія другихъ дубнинскихъ портныхъ, не исключая и «Вновь прибывшаго изъ Кіеву военнаго и партыкулярнаго портняжныхъ делъ мастера» Прокопа Кибця...

Но авторъ захотѣлъ пошире охватить картину жизни въ Дубнахъ, ввелъ много эпизодическихъ фигуръ, разсказалъ и о еврейскомъ погромѣ въ городкѣ, и о «карательной экспедиціи», и о первыхъ шагахъ нарождающейся рабочей ячейки... Благодаря введенію этихъ моментовъ въ повѣсти, послѣдняя слишкомъ растянута, причемъ автору не удалось избѣжать трафарета, и повѣсть къ концу читается съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ въ началѣ, гдѣ рѣчь идетъ о разныхъ перепитіяхъ жизни Чаплія и Кибця.

Другіе разсказы г. Леонтовича не лучше и не хуже перваго. «Самовбивець», «Я заробив у мого Бога» и «Заповіт і смерть пана Івана Гречки» читаются съ интересомъ, но общій недостатокъ этихъ разсказовъ тотъ, что авторъ не всегда умѣетъ вовремя остановиться. Его персонажи — живые подлинные люди, описываетъ ихъ г. Леонтовичъ просто и умѣло, но свои разсказы въ то же время уснащаетъ излишними подробностями, отступленіями, что сообщаетъ этимъ разсказамъ нѣкоторую растянутость и нарушаетъ цѣльность и архитектонику ихъ.

Л. Аб—чъ.

„Український Студент“.

Збірник 2. С-Петербург. 1913 р. Ціна 50 коп.

Вторая книжка «Українського Студента» служитъ наглядным показателемъ тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые въ своей жизни переживаетъ современное украинское студенчество. Наряду съ проблемой организаціи его волнуютъ вопросы принципіальные и прежде всего выработка соціально-политическаго міровоззрѣнія. Передовая статья пытается формулировать два основныхъ лозунга, вокругъ которыхъ студенчество должно сплотиться въ своей повседневной работѣ во избѣжаніе распыленія своей энергіи и силъ,—это національный вопросъ въ связи съ автономіей и параллельное изученіе «певних соціяльних течій въ нашому громадянствi» (стр. 6). И органъ студенчества пытливо обращается къ украинскому обществу съ надеждой на оживленіе среди послѣдняго интереса къ волнующимъ молодежь вопросамъ.

Съ своей стороны, конечно, и украинское общество въ правѣ обратиться къ молодежи съ вопросомъ: «чѣмъ она жива», какіе интересы преобладаютъ въ ея средѣ, готовится ли она къ активной и серьезной работѣ на полѣ украинства. Для отвѣта, на поставленный выше вопросъ весьма интересный матеріалъ даетъ статья М. Карбовського «Наші книгозбірні і їх читальники».

Правда, матеріалъ этотъ основывается на отчетахъ только трехъ украинскихъ библіотекъ высшихъ учебныхъ заведеній г. С.-Петербурга: университета, технологическаго института и Бестужевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ; однако для характеристики студенчества онъ даетъ небезынтересныя данныя.

Авторъ статьи группируетъ цифры о составѣ только двухъ изъ указанныхъ выше библіотекъ, и эти цифры свидѣтельствуютъ о томъ, что наиболѣе значительное мѣсто среди книгъ принадлежитъ художественной литературѣ; такъ, въ технологическомъ институтѣ изъ общаго числа книгъ, 450 на долю послѣдней приходится 201 экз,, или 44,8%, на Бестужевскихъ курсахъ на 303—116, или 38,3%.

Соотвѣтственно такому составу библіотекъ наибольшій спросъ со стороны читателей-студентовъ опять-таки падаетъ на долю, «красного письменства». Ясно говорятъ объ этомъ цифры; такъ, въ университетѣ изъ общаго числа требованій 1,189, 537, или 45,2%, достается опять-таки художественной литературѣ, 14,6% падаетъ на исторію, 13,2—на исторію литературы и только 8%—на общественныя науки. Подобное же соотношеніе мы находимъ и въ библіотекѣ технологическаго инстиута и на Бестужевскихъ курсахъ.

Любопытныя данныя приведены и по отдѣльнымъ авторамъ, на которыхъ существуетъ наибольшій спросъ; такъ, первое мѣсто принадлежитъ Франку, второе—Винниченко, затѣмъ идетъ Б. Гринченко; на четвертомъ мѣстѣ стоитъ Нечуй-Левицкій, на пятомъ—Олесь.

Изъ сферы общественныхъ наукъ авторъ приводитъ цифры, относящіяся къ чтенію книгъ по національному вопросу; нельзя

не отмѣтить незначительнаго интереса къ этому столь жгучему для украинцевъ вопросу: всего на три библіотеки—112 требованій, изъ отдѣльныхъ авторовъ наибольшимъ вниманіемъ пользовались проф. Грушевскій и М. П. Драгомановъ.

Что касается журналовъ, то здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ «Л.-Н. Вістник», затѣмъ, «Укр. Ж.», «Укр. Хата», «Дзвін», «Світло», «Сяйво», «Ілюстр. Україна».

Конечно, на основаніи этихъ отрывочныхъ и немногочисленныхъ данныхъ трудно судить о культурной физіономіи украинскаго студенчества, однако, и они свидѣтельствуютъ о томъ, что процессъ пробужденія національнаго самосознанія не такъ ужъ глубоко захватилъ глубины студенческой массы, ограничившись немногочисленными активными единицами; а на долю этихъ единицъ достается трудная задача,—привлеченіе этой аморфной массы. Однимъ изъ способовъ привлеченія этихъ инертныхъ и колеблющихся въ національномъ отношеніи элементовъ могли бы явиться научная работа въ области украиновѣдѣнія, пытающаяся внѣдриться и проникнуть въ обыденную студенческую работу, которая въ большинствѣ случаевъ проходитъ мимо украинскихъ симпатій студентовъ. И темы отдѣльныхъ рефератовъ въ семинаріяхъ, и кандидатскія работы сплошь и рядомъ берутся изъ чужой отдаленной сферы, и поневолѣ получается какая-то раздвоенность между національными симпатіями студента и его научной работой. Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ во второмъ № «Українського Студента» слѣдуетъ отмѣтить интересную стаью М. Плевако «З історії украинської студентської Громади в Харькові», а также полемическую статью О. К. «Де-що про «культурництво» и о «політизм. укр. молоді».

Значительно расширеннымъ и дающимъ довольно полную картину жизни украинскаго студенчества по отдѣльнымъ университетскимъ центрамъ является отдѣлъ «Наше життэ».

Въ отдѣлѣ «Бібліографія» слѣдуетъ привѣтствовать приведенный тамъ перечень новинокъ украинскаго книжнаго рынка, дающій свѣдѣнія о цѣнности того или другого произведенія.

И. Л.

Aleksander, Prusiewicz. Kamieniac Podolski. Szkic historyczno-topograficzny. „Litwa i Rus", 1913 rok. zeszyt IV — V. Wilno. Стр. 108 ц. 1 р. 20 к.

За послѣдніе мѣсяцы вышелъ цѣлый рядъ книгъ на польскомъ языкѣ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ старыхъ городовъ и мѣстностей на Украинѣ. Таковы—монографія Кардашевича объ Острогѣ, Руликовскаго—описаніе Кіевскаго повѣта, Шнарбаховскаго—о м. Фастовѣ, наконецъ, Прусевича—о Каменцѣ-Подольскомъ. Вообще польская исторіографія въ дѣлѣ монографической разработки исторической топографіи старой Украины (преимущественно правобережной) далеко опередила русскую, не говоря уже объ украинской. Разумѣется, польскіе изслѣдователи интересуются украинской стариной, какъ нѣкото-

рою разновидностью старины давней Рѣчи Посполитой и очень часто склонны преувеличивать вліяніе польской государственности и культуры въ ихъ прошлыхъ судьбахъ украинскихъ земель, но, тѣмъ не менѣе, ихъ труды, основанные, большею частью на цѣнныхъ архивныхъ источникахъ, представляютъ большой интересъ.

Интересной новинкой является и книга г. Прусевича, изданная какъ отдѣльный выпускъ выходящаго уже второй годъ въ Вильнѣ историческаго журнала „Litwa i Rus“, правда, не имѣющая строго научнаго значенія, какъ трудъ компилятивный (основанный преимущественно на работахъ покойнаго А. Ролле), но очень цѣнный своими многочисленными удачно подобранными иллюстраціями. На русскомъ языкѣ имѣется очень обстоятельное историческое описаніе Каменца-Подольскаго, принадлежащее перу свящ. Е. Сѣцинскаго (Кіевъ. 1895 г.), также съ весьма хорошими иллюстраціями. Книга г. Прусевича составлена по нѣсколько уменьшенному масштабу, но зато она удѣляетъ значительно больше вниманія топографическому описанію города и въ особенности его примѣчательностямъ: храмамъ, старымъ домамъ и разнымъ сооруженіямъ, памятникамъ, кладбищамъ и пр. Въ этомъ смыслѣ она можетъ служить хорошимъ историческимъ путеводителемъ по Каменецъ-Подольску, городу съ богатымъ и весьма бурнымъ прошлымъ, хранящему памятники временъ Баторія и турецкаго владычества во времена Руины. Въ концѣ книги приведены справочныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ Каменецъ-Подольскѣ. Какъ мы уже упомянули выше, особую цѣнность придаютъ книгѣ иллюстраціи (около 40), представляющія снимки общихъ видовъ города, его храмовъ, старинныхъ зданій, памятниковъ и плановъ. Внѣшность изданія производитъ вообще весьма благопріятное впечатлѣніе.

Д. Д-ко.

Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache von Stephan von Smal-Stockyj und Theodor Gratner. *Wien. 1913. S. 550.*

Въ концѣ прошлаго мѣсяца вышла въ свѣтъ давно съ нетерпѣніемъ ожидавшаяся украинскими лингвистами большая научная грамматика украинскаго языка Ф. Гартнера и профессора украинскаго языка, при университетѣ въ Чернивцахъ (Буковина)—Ст. Смаль-Стоцкаго. Оставляя въ сторонѣ научныя достоинства и недостатки (а они имѣются) даннаго труда, здѣсь мы только хотѣли бы подчеркнуть всю важность появленія его вообще для насъ—украинцевъ.

Какъ справедливо указываютъ авторы въ предисловіи къ своей грамматикѣ, «съ украинскимъ языкомъ даже слависты мало знакомы. Пособій для его изученія и научнаго изслѣдованія имѣется крайне мало и только неудовлетворительныя». Авторы, разумѣется, имѣютъ здѣсь въ виду пособія на западно-европейскихъ языкахъ и, какъ намъ кажется, немного сгущаютъ краски, такъ какъ трудъ Миклошича и О. Огоновскаго до сихъ поръ не потеряли своего значенія. «Но съ другой стороны, продолжаютъ ав-

торы, это языкъ второго по величинѣ славянскаго народа, занимающаго вѣроятную прародину славянъ и почти центральное положеніе среди другихъ славянскихъ языковъ, слѣдовательно это языкъ особенно важный для историческихъ и сравнительныхъ изслѣдованій славянскихъ языковъ» (V).

Въ началѣ грамматики авторы даютъ краткія свѣдѣнія по географіи, статистикѣ и исторіи украинскаго народа, свѣдѣнія безусловно необходимыя для Западно-европейцевъ; затѣмъ слѣдуетъ самая грамматика, состоящая изъ фонетики, словообразованія, морфологіи и синтаксиса; въ заключеніе послѣднія сорокъ страницъ посвящаютъ авторы опредѣленію «мѣста украинскаго языка среди другихъ славянскихъ языковъ».

Въ этой заключительной части авторы путемъ тщательнаго научнаго анализа стараются доказать полную несостоятельность традиціоннаго дѣленія славянскихъ языковъ на три группы: восточную, западную и южную и приходятъ къ выводу, что вообще дѣленіе славянскихъ языковъ на группы на основаніи родства не выдерживаетъ критики и должно быть оставлено, какъ оставлено уже такое дѣленіе въ области сравнительнаго языкознанія индогерманскихъ языковъ (S. 494). Такая постановка вопроса навѣрное встрѣтитъ горячихъ противниковъ, но во всякомъ случаѣ ей нельзя отказать въ раціональности.

Настоящій трудъ уже встрѣтилъ надлежащій интересъ среди зап.-европейскихъ языковѣдовъ; такъ имѣемъ сообщеніе, что въ мюнхенскомъ университетѣ «извѣстный славистъ Бернекеръ, изучивши эту грамматику, объявилъ въ лѣтнемъ семестрѣ курсъ украинскаго языка и чтеніе съ комментаріемъ избранныхъ поэмъ Т. Шевченко» («Діло» р. 1913. ч. 277); пожелаемъ же этой работѣ популярности и въ средѣ русскихъ филологовъ, въ массѣ знающихъ украинскій языкъ наименьше изъ всѣхъ славянскихъ.

Вол. Я.

Г. А. Максимовичъ. *Дѣятельность Румянцева-Задунайскаго по управленію Малороссіи. Томъ I. Нѣжинъ. 1913. Стр. 399.*

«Цѣль настоящаго изслѣдованія,—говоритъ авторъ,—пополнить пробѣлъ въ исторической литературѣ по оцѣнкѣ важной и трудной исторической роли Румянцева, которому Екатерина поручила «привести въ единство» Малороссію съ Великороссіей».

Судя по первому тому, Г. А. Максимовичъ успѣшно справился съ поставленной задачей. Это было тѣмъ труднѣе, чѣмъ меньше предшественниковъ по данному вопросу могъ насчитать авторъ. Мелкія статьи, правда, были (Багалѣй, Лазаревскій, Соловьевъ, Стороженко), но спеціально ученаго труда въ этой области русская историческая наука не знаетъ.

Признавая вторую половину XVIII в. «знаменательной эпохой въ жизни Малороссіи», Максимовичъ въ 1-й части своего труда отводитъ видное мѣсто ея создателю гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому, его жизни, обрисовкѣ его личности. Подъ перомъ изслѣдователя Румянцевъ вырастаетъ изъ пылкаго, огненнаго юноши въ глубоко-самобытнаго «орла» временъ Екатерины, въ характерѣ

котораго, причудливо переплетаясь, уживается гордость честолюбца, упрямаго и завистливаго, съ рѣдкою простотой и доступностью заботливаго и благочестиваго хозяина-помѣщика, любящаго свою деревню.

Именно такой человѣкъ, не только умный и образованный, но и глубоко-самобытный, и нуженъ былъ, по мнѣнію Екатерины, тамъ, гдѣ слѣдовало дѣйствовать «осторожностью», «безъ утѣсненія», «искусно изворачиваясь», «имѣя волчьи зубы и лисій хвостъ»...

Вѣдь такъ еще свѣжи были на Украинѣ традиціи былого... Какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ прошло всего отъ обвѣяннаго дыханіемъ смерти, полнаго величаваго трагизма свиданія Петра и Павла въ крѣпости Петропавловской...

Вторая часть, главная, обрисовываетъ дѣятельность графа по управленію Украиной, поскольку она проявилась въ такихъ реформахъ, какъ учрежденіе почты (1), замѣнѣ старинныхъ консистенцій («рацій и порцій») великороссійскихъ войскъ рублевымъ окладомъ (2), заботахъ о народномъ просвѣщеніи (3), и генеральной описи Украины (4).

Значеніе учрежденія почты авторъ опредѣляетъ такъ: «Учреждая почту въ Малороссіи, Румянцевъ имѣлъ въ виду не только интересы государства и удобства администраціи, но и интересы населенія. Учрежденная почта имѣла свои достоинства—быстроту и сравнительную дешевизну для простыхъ писемъ».

Тѣневая сторона новаго учрежденія заключалась въ томъ, что посылки и большіе пакеты въ разсылкѣ расцѣнивались очень дорого—разъ, прогонныя деньги почтальонамъ выплачивались съ задержками—два. «Почта, безъ сомнѣнія, содѣйствовала сближенію Малороссіи съ Великороссіей какъ въ культурномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ».

Интересны выводы Г. А. Максимовича относительно рублеваго оклада.

Съ государственной точки зрѣнія, оказывается, реформу надо считать практичной, «такъ какъ она увеличила сумму доходовъ на содержаніе расположенныхъ въ Малороссіи войскъ и ввела большій порядокъ въ собираніи этихъ денегъ»; что же касается значенія ея для низшихъ классовъ населенія Украины, то реформа эта «содѣйствовала ихъ обѣднѣнію и закрѣпощенію». Авторъ даже ставитъ ее въ параллель съ подушною податью Петра Великаго въ Великороссіи, считая ее «важнѣйшею изъ причинъ закрѣпощенія крестьянъ».

Заботы о народномъ просвѣщеніи, какъ извѣстно, для Украины не новы, такъ какъ въ Старой Малороссіи была уже широко раскинута школьная сѣть, были свои среднія и высшія школы. «Румянцевъ,—замѣчаетъ Г. А. Максимовичъ,—пошелъ навстрѣчу стремленіямъ малороссійскаго общества и задумалъ широкій планъ реформъ средняго и высшаго образованія». Однако, планъ этотъ, въ силу цѣлаго ряда причинъ, остался невыполненнымъ. Все-же дѣятельность графа и тутъ очерчивается авторомъ изслѣдованія какъ «весьма полезная и плодотворная».

Послѣдняя (IV) глава изслѣдованія носитъ исключительный интересъ. Разсмотрѣвъ детально Генеральную Опись Украины (стр. 190—357), Максимовичъ опредѣляетъ ея значеніе для того времени, говоря, что «она содѣйствовала закрѣпленію владѣній и классовъ общества». Къ такому же выводу пришли Багалѣй, Барвинскій, Лазаревскій и Мякотинъ, еще раньше занимавшіеся анализомъ Описи.

Говоря о научномъ значеніи данныхъ Описи, Максимовичъ цитируетъ мнѣніе одного изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, М. Рклицкаго: «опись позволяетъ намъ возстановить картину хозяйственнаго быта далекой старины и раскрыть тѣ процессы, путемъ которыхъ формировалась народно-хозяйственная жизнь въ прошломъ», и прибавляетъ: «и не только хозяйство народа, но и его соціальный, семейный и правовый строй, его духовныя потребности, и его бытъ во всемъ разнообразіи его формъ. Въ этомъ отношеніи Рум. Опись есть дѣйствительно «драгоцѣннѣйшій», какъ выразился Багалѣй, источникъ, подобнаго которому нѣтъ въ малорусской исторіи».

Эту высокую научную цѣнность получаетъ Ген. Опись, конечно, только тогда, когда къ ней прилагается тщательный критическій анализъ и всесторонне освѣщаются всѣ ея детали.

Во второмъ томѣ своего изслѣдованія авторъ обѣщаетъ дать обзоръ другихъ областей дѣятельности П. А. Румянцева—судебной, финансовой, административной и полицейской, выборовъ въ комиссію 1767 г. и общей характеристики его дѣятельности по управленію Украиною.

Въ заключеніе укажемъ матеріалы, на основаніи которыхъ, Г. А. Максимовичъ могъ создать свое изслѣдованіе: архивные источники архива харьк. истор.-филол. Общ. (дла, малор. коллегіи) и архивы рукописныхъ отдѣленій фундам. библ. кіевскаго и харьковскаго университетовъ.

С. Рклицкій.

Литературная лѣтопись.

— **Новый украинскій журналъ.** Кіевское Украинское Научное Общество съ начала 1914 г. приступаетъ къ изданію своего новаго органа „*Україна*“. Новый украинскій научный журналъ будетъ выходить четыре раза въ годъ и предназначенъ для широкихъ круговъ украинскаго общества. Программа журнала: статьи, изслѣдованія и замѣтки по различнымъ отраслямъ украиновѣдѣнія, обозрѣніе украинскаго движенія и научной литературы, научная хроника, критическія статьи и библіографія по вопросамъ украиновѣдѣнія. Редакторомъ изданія извѣстный украинскій ученый — К. Михальчукъ.

Ближайшее участіе въ журналѣ будетъ принимать проф. М. Грушевскій.

Нельзя не привѣтствовать новаго начинанія Украинскаго Научнаго Общества: потребность въ научномъ изданіи, предназначенномъ для широкихъ круговъ украинской интеллигенціи, безусловно назрѣла идя навстрѣчу этой потребности, новый научный органъ будетъ несомнѣнно способствовать углубленію и развитію научныхъ знаній въ украинскомъ обществѣ, не говоря уже о томъ громадномъ значеніи, какое можетъ имѣть новое из-

данiе для развитiя украинской научной мысли.

Участiе въ „Украинѣ", въ качествѣ сотрудниковъ, членовъ Кiевскаго Научнаго Общества, во главѣ съ проф. Грушевскимъ, является порукой солидности новаго изданiя.

Выражая съ своей стороны пожеланiя успѣха новому изданiю, мы рекомендуемъ его особенному вниманiю нашихъ читателей.

— Украинскiй медицинскiй популярный журналъ *„Життє і Знання"* съ новаго года вмѣсто двухнедѣльнаго изданiя дѣлается ежемѣсячнымъ.

— По свѣдѣнiямъ „Лiтер.-Наук.-Вiстника" россiйскiй кооперативный журналъ „Наше Дѣло" предполагается преобразовать въ журналъ, преслѣдующiй тѣ же цѣли въ области кооперацiи, какiя преслѣдуетъ „Украинская Жизнь" въ области болѣе широкаго ознакомленiя русскаго общества съ содержанiемъ современной жизни украинства „Наше Дѣло", такимъ образомъ, въ реформированномъ видѣ, будетъ проводить на русскомъ языкѣ идеи автономiи въ кооперацiи.

— **Книгу объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ** намѣрено въ ближайшемъ будущемъ издать Хорольское Сельскохозяйственное Общество По свѣдѣнiямъ „Рiлi" въ этомъ изданiи особенное вниманiе будетъ посвящено зданiямъ кооперативныхъ учрежденiй, народныхъ домовъ, школамъ и другимъ стильнымъ крестьянскимъ строенiямъ.

— Большой трудъ по вопросу о современномъ украинскомъ архитектурномъ стилѣ и украинскихъ памятникахъ старины подготовляетъ къ печати извѣстный украинскiй художникъ С. Васильковскiй. Къ сожалѣнiю, постигшая художника болѣзнь прервала работу этого знатока вопроса.

— **Иллюстрированное изданiе повѣстей Ивана Левицкаго** предполагаетъ въ ближайшемъ году выпустить украинское книгоиздательство въ Кiевѣ „Час". Въ изданiе это войдутъ историческiя повѣсти: „Гетманъ Иванъ Выговскiй", и „Князь Еремiя Вишневецкiй"—послѣдняя, написанная давно, появится только теперь впервые въ печати

— **Нѣмецкая газета о И. Франкѣ.** „Czernowitzer Tageblatt(№ 3272,5/XII)посвящаетъ обстоятельную статью: *„Iwan Franko. Zum 40—jährigen Jubiläum"*. Авторъ статьи Рафаель Пинёля творчество и дѣятельность Франка ставитъ очень высоко, видя въ немъ яркiй типъ богато одареннаго народа. „Въ его творчествѣ, говоритъ авторъ, нельзя установить разграничительныхъ линiй, ибо всѣ перiоды и формы перегоняютъ другъ друга всѣ тона ея смѣшиваются. Онъ романтикъ, натуралистъ и модернистъ всегда остающiйся вѣрнымъ себѣ". Статья несвободна отъ неправильности въ трактованiи творчества украинскаго поэта, ровно какъ и невѣрныхъ biографическихъ свѣдѣнiй, но въ общемъ подкупаетъ искреннимъ тономъ уваженiя къ Франку и высокой оцѣнки его дарованiя.

— „Кiевская Мысль" (№ 345 14/XII рецентiя С. Ефремова) отмѣчаетъ высокiя качества работы I. Франка „Панщина та її скасування въ Галичинi 1848 г.".

Въ той же газетѣ находимъ рецензiю того же автора на повѣсть Б. Гринченка „Соняшний Промiнь".

— № 21—22 „Iлюстрованої України" посвященъ Ивану Франко (въ связи съ сорокалѣтнимъ юбилеемъ его дѣятельности для родного края". Кромѣ статей, посвященныхъ юбиляру, въ журналѣ находимъ много фотографiй и снимковъ, имѣющихъ отношенiе къ юбилейнымъ днямъ.

Въ 1914 г. въ приложенiи къ этому журналу выйдетъ „Бiблiотека Iлюстрованої України" въ 4 томахъ: 2 повѣсти, одно научное изслѣдованiе и 1 альбомъ украинскаго Львова.

— Исторiи возникновенiя украинскаго „Нацiональнаго Музея" въ Львовѣ, краткому описанiю собранныхъ въ немъ предметовъ и историческихъ цѣнностей, посвященъ рядъ статей во Львовскомъ „Дiлi" (№ 278 13/XII н/ст).

— Д. И. Эварницкому обстоятельную статью въ „Южномъ Краѣ" (21/XI) № 19752 посвящаетъ проф. Н. Ф. Сумцовъ въ связи съ юбилеемъ изслѣдователя Запорожья.

— Въ № 13 *„Студенческаго Дѣла"* помѣщена обстоятельная статья Михаила По подъ заглавiемъ „Тоже" родъ недуга", посвященная жизни современнаго украинскаго студенчества. Статья составлена на основанiи матерiала, заимствованнаго изъ органовъ украинскаго студенчества „Шляхи"; „Украïнський студент" Стремленiя украинскихъ студентовъ „къ планомѣрной, живой и горячей дѣятельности" находятъ полное сочувствiе со стороны автора статьи.

— Въ „библiографическомъ листкѣ", „Вѣстника Европы" (за декабрь) находимъ рецензiю на книгу украинскаго публициста и изслѣдователя цо нацiональному вопросу П. Понятенка „На-

ціональність в освітленні законів спадковости". Рецензентъ г. *М. Сл*, не соглашаясь съ отдѣльными взглядами г. Понятенка признаетъ его работу интересной: „въ ней собрано много свѣжаго и любопытнаго матеріяла для характеристики національности, а нѣкоторые его выводы поучительны и даже значительны "

— „*Голосомъ Минувшаго*" обѣщаны печатаніемъ въ 1914 году „Воспоминанія украинскаго актера" В. И. Ванченка.

— „Печатное слово" (въ Кіевѣ)— органъ типографскихъ рабочихъ въ № 2 извѣщаетъ читателей, что на страницахъ его будутъ печататься статьи и на украинскомъ языкѣ.

Давно пора!

— Въ „*Обзоръ трудовъ по славяновѣдѣнію*" — изданіе Академіи Наукъ, подъ ред. В. Н. Бенешевича, значительное мѣсто удѣлено и трудамъ по украинской исторіи и исторіи украинской литературы. Въ числѣ источниковъ, вошедшихъ въ обзоръ, имѣются статьи и матеріалы, появившіеся главнымъ образомъ на русскомъ языкѣ. Сводъ украинскихъ источниковъ за 1912 г. редакція обѣщаетъ издать отдѣльно. Въ выпущенномъ обзорѣ указаны, между прочимъ, статьи, напечатанныя въ „Літ. Наук. Вістнику", „Запискахъ Наук. Т-ва" і „Украинской Жизни".

— „*Русскія Вѣдомости*" помѣстили сочувственную рецензію Л. Козловскаго на „Тѣни забытыхъ предковъ" М. Коцюбинскаго въ русскомъ переводѣ.

— „*Кіевская Мысль*" (№ 324, 23/XI) въ библіографической замѣткѣ *В. Ч.* отмѣчаетъ достоинства работы С. Ефремова, посвященной „співцеві боротьби і контрастів" Франку, выражая желаніе о появленіи этой книги и въ русскомъ переводѣ.

— Въ XVII томѣ „Извѣстій" помѣщена статья В. Ярошенко „Украинскія фонограммы въ фонетической транскрипціи" (вышли отдѣльнымъ оттискомъ), М. Сорочена „Описаніе говора с. Монастырскаго Подольской губ." и въ библіографіи оцѣнка труда проф. М. Грушевскаго „Кіевская Русь".

— „Извѣстія Одесскаго библіографическаго Общества при Императорскомъ Новорос университетѣ". (7 выпускъ 1913 г.) посвящаютъ памяти украинскаго библіографа и общественнаго дѣятеля М. Ѳ. Комарова некрологъ, написанный Л. Ковальчукомъ и „библіографическій указатель къ литературной дѣятельности М. Ѳ. Комарова (1865 - 1913)

— Декабрьская книжка „Русскаго Богатства" приноситъ съ собою окончаніе интересныхъ „Очерковъ Соціальной Исторіи Малороссіи". Формы землевладѣнія въ Лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. В. Мякотина.

— „*Текущій день*" (газета, выходящая въ Владивостокѣ) въ № 775, (5/XI) отзывается на семьдесятипятилѣтіе со дня смерти Котляревскаго статьей Т. Крупа, напечатанной по украински.

— Въ переводѣ на древне-еврейскій языкъ напечатанъ въ Еврейской газетѣ „*Гаціфер*" разговоръ Д. Марковича съ украинскимъ крестьяниномъ по дѣлу Бейлиса, помѣщенный первоначально въ „Радѣ".

— Письмо еп. Никона въ „Раду", перепечатано съ сокращеніями въ „Приазовскомъ Краѣ" (№ 301), „Рѣчи" (№ 313), „Полтавскомъ Днѣ" (№ 256).

— „*Четверть вѣка на Украинской сценѣ*" подъ такимъ заглавіемъ Всеволодъ Чаговецъ посвящаетъ большую статью украинскому артисту труппы Садовскаго *Ф. В. Левицкому* по поводу двадцатипятилѣтія сценической дѣятельности послѣдняго (Кіевская Мысль, 27/XI № 328). Признавая большое сценическое дарованіе за юбиляромъ, авторъ подробно останавливается на обстановкѣ, „въ которой вырабатывалась склонность и привязанность юбиляра" къ родному театру. Въ духовной связи съ вскормившимъ и воспитавшимъ его юбиляра—народомъ, г. Чаговецъ видитъ источникъ настоящаго демократизма, царящаго въ украинскомъ театральномъ искусствѣ, источникъ той свѣтлой идейности, подъ знаменемъ которой прошелъ свой путь поистинѣ народный и національный въ лучшемъ смыслѣ этого слова—украинскій театръ. Туда, въ эту театральную „Запорожскую сѣчь" шли люди потому, что въ служеніи родному искусству и тѣмъ самымъ, родному народу, они видѣли свое настоящее призваніе"...

— „*Приазовскій Край*" (№ 320, 8/XII) посвящаетъ обстоятельную статью г-на *Ш-ъ*. „На пути къ національному возрожденію".

Указывая на „блаженное невѣдѣніе" русскаго общества въ украинскомъ вопросѣ и игнорированіе имъ украинскаго движенія, авторъ въ общихъ чертахъ знакомитъ читателей названной газеты съ главными этапами украинскаго литературнаго и общественнаго движенія вплоть до нашихъ дней, при чемъ много

вниманія удѣляетъ тѣмъ препятствіямъ и репрессіямъ, съ какими это движеніе развивается. На ряду съ этимъ приводится много фактовъ, свидѣтельствующихъ о несомнѣнномъ развитіи національнаго движенія на Украинѣ и вовлеченіи въ него народныхъ массъ наряду съ возвращеніемъ интеллигенціи къ родному народу. Свою интересную и обстоятельную статью авторъ заключаетъ слѣдующими словами:

„Это все—маленькіе факты, разбросанные faitsdivers, но изъ нихъ слагаются начатки народнаго возрожденія. И передъ пышнымъ взростомъ этихъ ростковъ украинскаго самосознанія должны замолкнуть его хулители и завистники. Украинская народность, вторая по величинѣ въ Имперіи, должна найти себѣ признаніе россійскаго общественнаго мнѣнія. Съ самаго своего зарожденія проникнутое духомъ здороваго демократизма, украинское движеніе имѣетъ всѣ права на симпатіи передовыхъ круговъ. Пора покончитъ съ представленіемъ объ украинскомъ движеніи, какъ о „гадячскомъ сепаратизмѣ“, а объ украинскомъ народѣ, какъ объ этнографическомъ придаткѣ къ великорусской народности. Пора признать украинство равноправнымъ и желаннымъ членомъ населяющей Россію семьи народовъ“.

— *Украинцамъ нѣтъ мѣста среди славянъ!*—Къ этому мнѣнію невольно приходишь, ознакомившись съ книгой Андрея Сиротинина „Россія и славяне“. Книга представляетъ сборникъ статей, посвященныхъ различнымъ славянскимъ народамъ и идеѣ славянской взаимности, которая въ реальномъ своемъ проявленіи должна дать отпоръ нѣмцамъ Авторъ—неославистъ, хотя и отрекается отъ славянофильства. Бросающейся въ глаза особенностью книги, уже отмѣченной въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати, является то „что, коснувшись такъ или иначе жизни, и давъ образцы поэзіи всѣхъ славянскихъ племенъ, авторъ обошелъ полнымъ молчаніемъ жизнь и поэзію двухъ русскихъ славянскихъ племенъ: бѣлорусскаго и украинскаго“.

— *Архіепископъ Никонъ* (прославившійся усмиреніемъ аѳонскихъ монаховъ) въ № 46 *„Прибавленій къ Церковнымъ вѣдомостямъ“*, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ въ статьѣ „Куда мы идемъ?“ возстаетъ противъ постановки памятника Шевченку въ Кіевѣ. Литературный стиль высокопреосвященнаго автора достаточно извѣстенъ, пріемы борьбы его съ идейными противниками— тоже, и тѣмъ не менѣе статья его, посвященная украинскому поэту, даетъ возможность отмѣтить особую „бранность“ члена Святѣйшаго Синода, направленную по адресу національнаго поэта Украины. Поэзію Шевченка Архіеп. Никонъ называетъ „пьяной“, самого поэта „пьяницей—стихоплетомъ“, „безбожникомъ“, „Кобзарь“, конфискованный въ 1911 г., „пакостнымъ сборникомъ“ и „мерзостью“, подобной „чумной заразѣ“.

Вся статья преосвященаго автора пересыпана подобными выраженіями и вызвана книжкой нѣкоего Михаила Вербича „хитромудрый способъ отравленія души малорусскаго народа его просвѣтителями безбожіемъ и безнравственностью“, изданной на средства епархіальнаго миссіонера въ Воронежѣ Л. З. Кунцевича. Авторъ книжки бьетъ въ набатъ по поводу проектируемой постановки памятника Шевченку въ Кіевѣ, усматривая въ этомъ лучшую рекламу для распространенія произведеній „поэта-кощунника“.

— **Націоналистическое ослѣпленіе польской газеты.** *„Kurier Warszawski“* до сихъ не можетъ забыть статьи извѣстнаго Сеньобоса, посвященной украинцамъ въ № 3—4 „Les Annales des nationalitès“. Какъ извѣстно французскій ученый проявилъ себя въ этой статьѣ другомъ украинскаго народа, какъ и всякаго народа, терпящаго гнетъ и гоненія, и назвалъ недостойнымъ польскаго народа отношеніе и политику командующихъ классовъ его по отношенію къ украинцамъ въ Галиціи. Какъ извѣстно нѣкоторыя польскія газеты (Słowo № 152) объясняли появленіе статьи Сеньобоса личными вліяніями украинцевъ въ Парижѣ, введшихъ будто бы въ заблужденіе французскаго ученаго. Отзвукъ такого именно толкованія симпатій Сеньобоса къ украинцамъ находимъ и въ упомянутой нами варшавской газетѣ.

По мнѣнію послѣдней (см. № 307) „украинцы умѣютъ только мучить людей, уничтожать нашу (польскую) культуру, а за границей выставляютъ себя жертвами и мучениками польской ненависти“. Едва ли приходится доказывать, что въ этихъ словахъ столько же правды, какъ и въ объясненіяхъ „Słowo“ насчетъ происхожденія украинскихъ симпатій Сеньобоса.

— **Польскій журналъ на Украинѣ.** Съ новаго года въ Кіевѣ начнетъ выходить новый журналъ на польскомъ языкѣ „Tygodnik Ukraiński“, посвященный задачамъ польской культуры и

просвѣщенію на Украинѣ и развитію историческихъ традицій.

При журналѣ будетъ издаваться прибавленіе „Rolnic Ukrainski", посвященный выясненію экономическихъ, главнымъ образомъ сельскохозяйственныхъ нуждъ польскаго населенія на Украинѣ.

— *Хорватская газета „Narodna obrana"* посвящаетъ рядъ статей современному положенію украинцевъ, какъ въ Россіи, такъ въ особенности въ Галиціи Авторъ статей D-r Julka Giorgeves Chlapec обнаруживаетъ солидное знакомство съ исторіей украинскаго народа и съ современнымъ положеніемъ его. Въ статьѣ много фактическихъ свѣдѣній, дающихъ представленіе объ условіяхъ, въ которыхъ развивается современная борьба украинцевъ и о тѣхъ культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, какія удалось имъ завоевать въ этой борьбѣ

Въ общемъ статьи хорватской газеты даютъ правильное освѣщеніе предмета и цѣлямъ информаціи соотвѣтствуютъ вполнѣ.

Англійская книга объ Украинѣ. Bedwin Sands выпустилъ на этихъ дняхъ книгу, посвященную Украинѣ въ ея прошломъ и современномъ положеніи: „The Ukraine reprint of a lekture delivered on Ukrainian history and present day political problems".

— Изъ новостей украинскаго книжнаго рынка отмѣтимъ слѣдующія: 1) Марко-Вовчокъ „Посмертні оповідання. (Съ варіантами автографовъ и дзданій). 2) Др. А. Крістензен „З фільософії політики" въ переводѣ на украинскій языкъ М. Лозинскаго. 3) Анрі Бергзон „Вступ до метафізики" (въ переводѣ Е. Яворовскаго; 4) Б'енстерне-Б'ерзон. Мужицькі оповідання". 5) М. Залізняк. „Головні федерації сучасного світу". 6) Г Коваленко. Людина і Громада" (Думки про добро і правду), 7) „Арго" —Літературний Збірник кн. I; 8) „Матеріали до історії Галичини" (літописні памятки 1148 - 1517 гг. под ред. С. Томашивськаго. Изъ серіи „Жерела до історії Украіни-Руси" 9) изъ той же серіи, Дневникъ Якова Марковича ред. В. Модзалевскаго. 10) „Матеріали до історії українськоі пісні" под.: редаку М Возняка.

Отъ редакціи. Въ 9 книжкѣ нашего журнала было напечатано краткое содержаніе „Memoranduma", изданнаго Украинскимъ комитетомъ въ Лондонѣ. Это сообщеніе носило исключительно хроникерскій характеръ. Своего отношенія къ содержанію этого сообщенія, равно какъ и къ отдѣльнымъ мѣстамъ или выраженіямъ его, редакція журнала не высказывала, отмѣтивъ лишь самый фактъ оглашенія документа объ украинцахъ въ англійской прессѣ. И тѣмъ не менѣе эта хроникерская замѣтка дала поводъ „Южной Зарѣ" въ лицѣ редактора ея А Ефимовича, квалифицировать помѣщеніе названной замѣтки на страницахъ „Украинской Жизни , какъ неосторожный и несерьезный шагъ, а отдѣльныя мѣста меморандума „шовинизмомъ въ пошлѣйшей его формѣ", „плевкомъ въ другую многомилліонную націю да еще родственную и братскую" и т п Не входя въ оцѣнку отношенія г. Ефимовича къ инкриминируемому меморандуму, мы думаемъ что для упрёка его по нашему адресу, онъ не располагалъ достаточными данными Пользуясь методомъ г. Ефимовича, мы могли бы упрекнуть его въ помѣщеніи на страницахъ редактируемой имъ „Южной Зари" множества „несерьезныхъ", ретроградныхъ и всякихъ иныхъ „нетерпимыхъ" замѣтокъ въ отдѣлѣ хроники за помѣщеніе которыхъ ни одинъ читатель „Южной Зари" вѣроятно не обвинялъ редактора ея въ консерватизмѣ или мракобѣсіи и не требовалъ отъ него спеціальныхъ статей, выясняющихъ отношеніе редактируемаго имъ органа ко всякой хроникерской замѣткѣ. Редактору съ многолѣтнимъ опытомъ, какимъ является г. Ефимовичъ, все это должно быть хорошо извѣстно.

Книги, поступившія въ редакцію.

Къ десятилѣтію Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи. Отчетъ со дня открытія, съ 26 октября 1903 г. по 26 октября 1913 Сост. *И. Ф. Павловскій.* Полтава 1913.

Беларускі Календар на 1914 годъ. Цѣна 15 коп. Вільня.

Отчетъ кружка Украиновѣдѣнія При СПБ. Университетѣ за 1912 г

Извѣстія Одесскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. Т. II. Выпускъ 7. Одесса. 1913.

Микола Залізняк. Головні федерації сучасного світа. У Львові 1914 Ціна 3 корони.

И. Ф. Павловскій. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генералъ-губернатора князь А. Б. Куракина. (1802—1808). Изданіе Полтавской ученой Архивной Комиссіи. Полтава 1914 г.

Мальовакі казочки. В. Каррік Рукавичка.—Пан Коцький—Бідний Волк—Рінка. — Соломяниій Бичок. — Цап та Баран.—Колядничок.—Червона хусточка—Кобзарик.—Кривенька качечка.

Редакторъ-издатель Я. А. Шеремецинскій.

КАЗК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

Приймається передплата на 1913—1914 шкільний рік
НА УКРАЇНСЬКИЙ ПЕДАГОГИЧНИЙ ЖУРНАЛЪ

„СВІТЛО“

четвертий рік видання.

Журнал призначається для сем'ї і школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 4 до 5 аркушів) по такій програмі:
1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти. 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного і семйового життя. 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти. 4) Сьогочасне становище народньої освіти. школи і народнього учительства на Україні. 5) Хроніка діяльности всяких просвітніх, педагогичних і наукових товариств. 6) Огляди педагогичних російських і закордонних журналів. 7) Твори красного письменства. 8) Бібліографія Въ журналі „Світло“ за перший й другий рік взяли участь своїми писаннями такі співробітники: Х. Алчевська, Батько, С. Бердяевъ, Бій-кий, Ан. Василько, С. Васильченко, С. Волох, П. Воронін, М. Грінченко (Загірня), Я. З—кевич, Дн'прова Чайка, Д. Дорошенко, С. Ефремов, Д. З. Бір, Т. Згорельський, П. Капельгородський, Н. Кибальчич, А. Курилас, В. Куц, Людомир П., Гр. Михайлець, З. Мірна, Он. Мусієнко, Гр. Наш, Гр. Неборак, М. Невада, К. Оберучев, Ол. Он—ко, О. Она, Сергій Павленко, П. Понятенко, В. Поточний, Педагог, Д. Пісочинець, Провінціал, Я. Савченко, Гр. Сьогобочній, М. Рубакин, Ол. Русов, С. Русова, Ю. Сірий, Ю. Стрижавський, С. Сірополко, Слюсар, В. Спілка, Ів. Стешенко, Я. Стороженко, М. Ткаченко, П. Є. Т—ро, С. Титаренко, Ф. Тусін, Є. Чарнолуська, Чепелянський, Я. Чеміга, С. Черкасенко, Л. Чулий, Св. К. Шар—кий, С. Шелухін, С. Шохоръ-Троцький.

Журнал „Світло“ виходить з сентября. Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб. 50 к. За кордон 5 карб, Передплата приймається в конторі „СВІТЛА“, у Київї, В.-Володимирська. 93 Передплачувати „Світло“ можна ще у Київї: 1) в Українській книгарні, Безаківська, 8; 2) в книгарні Л.-Н. Вістника, В.-Володимирська, 28; 3) в Крамниці „Час“ Вел. Волод. 53, въ Харькові, в Українській книгарні Рибна. 25, в Полтаві в „Українській книгарні“ Петровська ул., будинок Ворожейкина, поруч з європейським готелем; в Одесі: въ книгарніи „Діло“, Преображенська, 11, риг. Лисаветинській, в Катеринодарі, Красна ул. Книгарня Запорожця.

Украинское Литературно-Артистическое Общество

„ПРОСВІТА“

въ Екатеринославѣ

выпустило въ продажу слѣдующія изданія:

1. **Д. ЯВОРНИЦЬКИЙ. Як жило славне низове військо запорожське.** Второе дополненное изданіе съ 5-ю иллюстраціями и портретомъ автора. Цѣна 10 коп.

2. **Д. ДОРОШЕНКО. З минулого Катеринославщини. Коротка історія краю і його заселення.** Съ 9-ю иллюстраціями. Цѣна 10 коп.

3. **Б. ГРІНЧЕНКО. Чудова дівчина та инші оповідання.** Въ художественной обложкѣ и съ 2 мя портретами автора. Цѣна 35 коп.

Большой портретъ Т. Шевченка (5 / ×8 в.) на бристольскомъ картонѣ. Цѣна 5 коп.

Иллюстрированный отчетъ („Звідомлення“) о дѣятельности о-ва и филіальныхъ отдѣленій за 1912 годъ. Цѣна 10 коп,

Главный складъ изданій

общества „ПРОСВІТА“—въ Екатеринославѣ въ книгарні „СЛОВО“—Полицейская, 36.

Продажа во всѣхъ украинскихъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи и Австріи.

Приймається передплата на 1914-й рік
НА НОВИЙ НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ УКРАЇНОЗНАВСТВА

„УКРАЇНА“

орган Українського Наукового Товариства в Київі, що виходитиме що три місяці, книжками в 8—10 аркушів, при участи визначніших українських учених, при близшій участи **проф. Михайла Грушевського,** под одвічальною редакцією **Костянтина Михальчука.**

Поруч „Записок“ і „Збірників“ своїх, де далі будуть міститись праці більш спеціяльного характера, хоче тепер Українське Наукове Товариство дати науковий жрунал українознавства для ширших кругів українськоі інтелігенції.

Програма: розвідки і звідомлення з ріжних галузей українознавства, огляди його поступів і наукової літератури, наукова хроніка, критичні статті і бібліографія українознавства, питання української мови, хроніка Укр. Наук. Товариства.

Передплата на рік з пересилкою в Росії 4 карб., дла Австрії 11 корон. Книгарням і посередникам 5 проц. від виплачених грошей.

РЕДАКЦІЯ і КОНТОРА: Київ, Велика Підвальна, 36 кв. 8, Бюро Українського Наукового Товариства.

Приймається передплата на 1914 рік
НА БАГАТО-ІЛЮСТРОВАНИЙ МІСЯЧНИК

„СЯЙВО“

ОРГАН УКРАЇНСЬКОГО МИСТЕЦТВА.

„СЯЙВО“ виходитиме по такій програмі: 1) Від редакції, 2) Поетичні твори, 3) Твори з історії та теорії мистецтва, 4) Твори з етнографії України, 5) З життя діячів мистецтва, 6) Театр та музика, 7) Огляд письменства та мистецтва 8) Хроніка, 9) Усячина, 10) Дописи, 11) Твори надіслані до редакії, 12) Оповістки.

Кожним відділом керуватиме спеціяліст.

„СЯЙВО“ міститиме ескізи проектів українських будівель, меблю, зодягу, орнаменту, репродукцій з картин, як сучастних майстрів так і історичних, а також краєвиди і сцени з українського жанру; фотографії з артистів у ролях і сцени з п‘єс; друкуватиме ноти народних пісень і сучасних композіторів.

Ціна на рік 3 карб. ..... Окреме число 30 коп.

Адреса: КИЇВ, Жилянська вулиця, № 20.

Зміна адреси безплатно.

Редакторъ-Видавецъ О. КОРОЛЬЧУК.

Приймається передплата на рік 1914.

на український місячник літератури, науки, й громадського життя

Літературно-Науковий Вістник

ЩО ВИХОДИТЬ КНИЖКАМИ ПО 12—15 АРК.

при близшій участи В. Винниченка, М. Грушевського, М. Євшана, О. Кобилянської, О. Левицького, В. Леонтовича, О Олеся, Ю. Сірого, Л. Старицької Черняхівської, Л. Цегельського і инших. Містить белетристику оригінальну й переклади—повісти, оповідання, драми, поезії, статі з української історії, літератури, суспільної економії й инших областей знання; огляди літератури, суспільно-політичного життя; критику й бібліографію.

Завідує київським виданнєм О. Олесь.

Редакція і головна контора: **Київ, В. Підвальна 36, кв. 8.**
Контора Львівська, **вул. Супінського, ч. 21.**
(Lemberg, Supinski-str. 21, Anzeiger für Literatur und Wissenschaft).

Передплата для Росії: на рік 8 р. за пів року 4 р. 50 к.

З огляду на тяжкі матеріяльні обставини нинїшнього українського життя передплата на „Літературно-Науковий Вістник" в 1914 р. для незаможних учнів, студентів, сельських учителів і учительок, низших служащих, робітників і солян знижена на 6 рублів (коли вони передплачують журнал просто з контори).

Кому трудно відразу, нехай присилає на перше число кожного місяця по 1 р. поки збереть ся повна передплата, а журнал посилатиметь ся зараз.

Книгарням і всяким посредникам від передплати 5½, коли вона повна 8 руб.) і виплачуєть ся відразу. Комплети журналу за попередні роки продають ся по 8 р.

На зміну адреси треба висилати 30 коп. **Ціна книжки осібно 90 к.**

Въ Петербурзі другий рік виходить орган укр. студенства

„УКРАЇНСЬКИЙ СТУДЕНТ",

який становить собі на меті обслуговувати громадські і культурно-просвітні потреби укр. молоді. Въ журналі беруть участь: Э. Артюх, М. Гладкий, проф. М. Грушевский, пр.-доц. О. Грушевский, Д. Дорошенко, С. Єфремов, М. Залізняк, М. Карбовський, О. Ковалевський, І. Косенко, В. Котецький, (Львів), М. Кушнр, Є. Неронович, М. Плевако, Г. Радичивна, В. Садовський, О. Синявський, М. Сирота, М. Сисан (Відень), М. Сріблянський и иньші.

Рукописи роздивлюются лишь ті, що написані читко и на ідному боці аркуша. На відповідь треба прикладати марки. Вже вийшло два числа «Укр. Студ.», які продаються по усіх укр. книгарнях. Замовлення та гроші надсилати до адміністрації;все остальня—до редакції.

Адреса редакції: Спб., Пет. стор., Большая Пушкарская, д. 35, 16. А. А. Ковалевскому. Адреса контори: Спб., Вас. Остр., Большой пр., д. 19, кв. 2, Э. С. Артюхову.

Открыта подписка на 1914 годъ.

„ДЗВІН"

новий літературно-науково-артистичний журнал-місячник, виходить у Київі.

«ДЗВІН» є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств; містить твори красного письменства, статі наукового змісту з історії, литературы і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського життя в Росії і за кордоном, хронику і переписку редакції; при нагоді містить і люстрації і на окремих листах і в тексті.

«ДЗВІН» виходить при участи такихъ співробітниковъ: Алчевська, Х., Антонович, Д., Бачинській, Ю., Безпалко, О., Богун, М., Бувший, П., Винниченко, В., Вороний, М., Гадячанин, С., Гилька, І., Дніпрова-Чайка, Донцов, Д., Дятловъ П., Коцюбинській, М., Лазаревській, Б., Левинський, Е., Леся Українка, Личко, Д., Лозенко, К., Луначарський, А., Миргородський, К., Назаріів, О., Петлюра, С., Понятенко, П., Романович, Н., Садовський, В., Сергієнко, Д., Сірий Юр., Скоропис, О., Степанюк, В., Хвиля, М., Черкасенко, С., Чумак, В., Чупринка, Г., Юркевич, Л., и ин.

Рукописи надсилати і в справах редакційних просять тимчасово звертатись по такій адресі: Київ, Жилянська, 20, редакція журнала «Дзвін».

Передплата на «ДЗВІН» коштує: в Россіі на рік 3 карб., на пів року 1 карб. 75 коп., на чверть року 1 карб.; въ Австріи: на рік 6 корон, на пів року 3 корони, на чверть року 1 корона 70 сотиків; в Німеччині на рік 6 марок, на пів року 3 марки; въ Америці на рік 2 доляри, на пів-року 1 доляр.

Передплату с Австріі, Німеччини, Америки і з всіх наших країв належить посилати на таку адресу:

Порфиръ Буняк, у Львові, ул. Різбарска, ч. 5, для «Дзвону».

(Lemberg, Anstria).

Открыта подписка на 1914-й годъ.

„ХУТОРЯНИНЪ“,

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ, посвященный интересамъ сельскохозяйственной кооперации, промышленности и торговли.

Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства съ 1896 года. Годовая подписка съ пересылкой и доставкой 2 руб. 20 коп. Въ теченіе года подписчики получатъ: 52 номера (отъ 2 до 3 листовъ каждый, что за годъ составляетъ томъ свыше 2,200 стр. текста съ иллюстраціями). Сборникъ с.-х. статей. Календарь «Хуторянинъ» (свыше 250 стран. текста, съ массой рисунковъ и чертежей, цѣна въ отдѣльной продажѣ 25 коп.). О сборникахъ имѣются самые лучшіе отзывы. Руководство по молочному хозяйству. Сост. старш. спец. Деп. Земл. М. Я. Примо. Около 160 стр. текста съ массой иллюстрацій. Въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 25 коп. Какъ помочь малоземельнымъ. (О товариществахъ для совмѣстной обработки земли). Сост. губ. зем. агрон. Ю. Ю. Соколовскій. Въ отдѣльной продажѣ 10 коп. Какъ повысить урожай озимыхъ. Плакатъ въ краскахъ. Въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 10 коп. 10 сортовъ сѣмянъ. Сѣмена заказаны въ одномъ изъ лучшихъ сѣменныхъ хозяйствъ и будутъ разосланы въ началѣ марта всѣмъ подписавшимся до 1-го января 1914 года. Редакціи журнала въ теченіе послѣднихъ лѣтъ присуждены три золотыя медали. На Южно-Русской областной выставкѣ въ Екатеринославѣ въ 1910 году изъ всѣхъ сельскохозяйственныхъ журналовъ только редакція журнала «Хуторянинъ» получила золотую медаль. Спеціально избранная комиссія Одесскаго отдѣленія Императорскаго Техническаго общества признала журн. «Хуторянинъ» чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающимъ полнаго одобренія. Журналъ «Хуторянинъ» допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Имѣются полные годовые комплекты за 1911, 1912 и 1913 гг. Цѣна по 2 руб. 50 к. за комплектъ. Требуйте безплатно проспекты, номера и смѣты на объявленія. Адресъ: Полтава, Пушкинская улица, д. Полтав. об-ва сельскохоз., редакція «Хуторянинъ». Отвѣтственный редакторъ—Президъ. Полтав. общ. сел. хоз., заслуженный профессоръ А. П. Шимновъ. Секретарь редакціи Д. О. Ярошевичъ.

ПРИЙМАЄТЬСЯ ПЕРЕДПЛАТА НА 1914 РІК
(рік видання шостий). 4 руб. на рік и 2 р. 50 к. піврічно.

УКРАЇНСЬКА ХАТА

літературно-критичний, громадський український місячник.

Розпочинаючи 6 й рик видання журналу „Українська Хата", Редакція має на думці йти заздалегідь наміченим шляхом, підбадьорена численими голосами своїх прихильників і постійних читачів. Редакція не має наміру викладати всю свою програму в оповістці, натоміст викладаючи її в журналі, що робила вже 5 років. Українські свідомі громадяне не дістали від своїх попередників ніякого наслідства— в буквальному і переносному розумінні, через те відомі українські злидні можуть бути загальмовані в своїм розвитку тільки нашою загальною вірою в свою працю, вірою в своїх сподвижників. Редакція „Укр. Хати", приступає до роботи в новім році з випробованою вірою в своїх співробітників і читачів—передплатників що дадуть їй змогу рішати по можливости намічені тут коротко завдання: Завданнєм журнала „Укр. Хати" є—по можливости повне освітлюваннє процессу ідейнаго, духового життя України з метою викривання основних моментів національности, що є базою всякої живої творчости. Література, як головний виразник ойго, розкриваючи се життє в ойго основі, займе перше і найповажніше місце на сторінках журнала. „Українська Хата", обслуговуючи інтереси української інтелігенції, буде відкликатися на всі важливіші громадські події українського і світового життя, а також на розвій мистецтва в ріжних ойго проявах. Журнал „Українська Хата" має відділи: а) художно-літературний (поэзії, нариси, малюнки, оповідання, новелли, повісти, романи, драми і т. д. оригінальні і перекладні); б) критичний (критичні статті літературні огляди, характеристики письменників); в) науковий (теорія, історія і філософія літератури психологія творчости та ин.); г) публіцистичний (статті, в котрих обоговорюватимуться ріжні події українського і світового життя); д) мистецький (статті про музику, театр. малярство, архитектуру та инше), е) широко поставлена бібліографія і з) литературна хроніка буде заноговувати всі новини українських видань. Виходитиме журнал в кінці кожного місяця чепурними, розміром не меньше 64 сторінок набору, міцно зброшюрованними книжками. Пращють в журнал кращ сили Хто з нових передплатників внесе всі гроши (4 карб.) до 1 січня, той одержить драма: три числа (№№ 10, 11 і 12) журнала за р. 1913, де друкується перша частина повісти Ольги Кобилянскої— „За ситуаціями„ і юбілейний портрет Івана Франка. Хто ж внесе цілорічну передплату до 15 лютого 1814 р. той одержить тільки окремі аркуші першої частини названої повісти Кобилянскої

Передплата річна на „Українську Хату"— 4 рублі (в Австрію 12 корон річно і 6 кор піврічно; в Америку: 2 / долявина рік і 1 / дол. піврічно; півроку 2 руб. 50 коп., ½ року—1 руб. 25 к окрема книжка 35 коп. (з пересилк. 40 коп.). Передплатити і добути журнал „Українська Хата" можна: В Головній аонторі журнала—Київ, Ділова 4. В Київі: в книгарні „Л. Н. Вістника"—Фундуклеєвська, 12; в крамниці „Час"— Волооимірська, 53; в „Українській Книгарні" Безаківська, 8; та по всіх кращих російських книгарнях В Харькові: „Українській Книгарні"— Петровський пр., 18. В Петербурзі: в „Українській Книг".—Пет. Стор. Б.-Проспект, д № 1 В Полтаві: „Українській Книгадні"— Петровська площа В Одесі: в Українській Книг. „Діло"—Преображенська, 11. В Катеринославі: в „Українській Книгарні"— Поліцейська, 36 та в книг. Є. Лозінської—Проспект д Вебера. В Кам.-Подільску: в Т-ві „Просвіта". В Ахтирці: Кіоск Д Ф. Наумця. В Екатеинодарі: в Українській Книг " ул. Катерини № 34. В Кременчузі: „Українській Книгарні" коло Собору. За кордономъ: у Львові: „Книгарня Науков. Тва ім. Шевченка, Ринок, 10. у Станіславові: в „Народнім Базарі", ул. Собіського: в Чеинівцях: Равх і Лебединський—Ратушева 4, Пасаж „Бек".

Комплекти за минулі роки (1909 хрім № 1—1913) продаються в конторі жунала: для наших передплатників по 3 рублі кожний з пересилкою, а для всіх по 4 рублі Проаний № висилається тільки за три 7 коп. марки. Адреса Контори і Редакції журнала Київ, Ділова—4.

Передплатіть самі та порадьте й иншім підписатися на

український кооперативний журнал

„НАША КООПЕРАЦІЯ"!

Журнал виходить у Київі два рази на місяць, містить малюнки, баланси та справоздання усяких кооперативних т-в, дає відповіді на запитання, рекомендує книжки по кооперації, щотоводів та инших служащих в т-вах і т. и. і коштує всього тільки 2 р. 50 коп. на рік і 1 р. 50 к. на півроку.

„НАША КООПЕРАЦІЯ" является ідейним центром для діячів на ниві української кооперації.

Редакцією завідує Редакційний Комитет.

Видає т-во на вірі „Наша Кооперація".

Т-во „Наша Кооперація" видало книжечку про те, як ради (совѣты) кредітових т-в повинні робити ревизію т-в (ц. 5 коп.), де і як. хупувати для товариської крамниці мануфактуру та галантерею (ц. 12 к.) і як відкрити молочарську артіль (ц. 1 коп.), Т-во має видати картини для чарівного ліхтари, листовні картки, плакати і. т. и.

Т-во і редакція „Наша Кооперація" містяться в Київі, на Мар.-Благовіщеньській улиці, д. № 83, п. 3.

Відповид ред.-видавець І. П. НЕМОЛОВСЬКИЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

и продолжается подписка на 1913 годъ
на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

Русская Мысль.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

Въ 1914 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы. Кромѣ беллетристическихъ произведеній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы: 1. Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. 2. Въ Россіи и за границей. (Обзоры и замѣтки). Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики: I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ. 3. Критическое Обозрѣніе (Библіографическій отдѣлъ). Къ критическому обозрѣнію прилагается расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ книгъ. Постоянное участіе въ «Русской Мысли» принимаютъ слѣдующія лица: В. Я. Брюсовъ, В. И. Вернадскій, В. Ф. Гефдингъ, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоевъ, С. А. Котляревскій, В. А. Маклаковъ, П. И. Новгородцевъ, А. М. Рыкачевъ, кн. Евг. Ник. Трубецкой, С. Л. Франкъ и В. К. Шмидтъ.

Условія подписки. Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: годъ 15 р.; 9 мѣс.—11 р. 25 к.; 6 мѣс.—7 р. 50 к.; 3 мѣс.—3 р. 75 к. За границу въ годъ 17 р.; 9 мѣс.—12 р. 25 к.; 6 мѣс.—8 р. 50 к.; 3 мѣс.—4 р. 25 к.

На одинъ мѣсяцъ для иногороднихъ внутри Россіи 1 р. 25 к. Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 1 р. 50 к. Принимается подписка и производится различная продажа №№ журнала въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала: Нюстадская, д. 6 (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у Н. П. Карбасникова, Петербургъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Школа и Жизнь

Еженедѣльная общественно-педагогическая газета съ ежемѣсячными приложеніями.

Открыта подписка на 1914 г. (4-й годъ изданія).

Газета будетъ выходить въ форматѣ еженедѣльника. Задача газеты способствовать единенію школы съ жизнью, семьи со школою и давать безпартійное освѣщеніе событій и вопросовъ въ области воспитанія и образованія. Въ числѣ безплатныхъ приложеній (не менѣе 80 печ. лист.) будутъ даны: статьи по воспитанію Герберта Спенсера; «Недостатки характера въ дѣтскомъ возрастѣ—руководство для семейнаго и школьн. воспитанія д-ра Шольца; удост. преміи книга д-ра Эртли «Народная школа и трудовое начало»; сборникъ статей по физическому воспитанію; «Очерки о музеяхъ и ихъ просвѣтительной роли», подъ ред. д-ра Л. Оршанскаго. Программа газеты: 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія. 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризующій различныя стороны знанія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія: дѣятельность земствъ и городовъ, законод. учрежд. и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обозрѣніе спеціальной литературы, русской и иностранной. Освѣдомленность газеты обезпечивается сотрудничествомъ дѣятелей школы, участіемъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, членовъ Гос. Думы и Гос. Совѣта, значительнаго числа провинціальныхъ и иностранныхъ корреспондентовъ. Въ газетѣ, въ числѣ прочихъ, принимаютъ участіе: Проф. М. Алексѣенко, Х. Алчевская, акад. В. Бехтеревъ, проф. И. Боргманъ, И. Бѣлоконскій, проф. В. Вагнеръ, В. Вахтеровъ, акад. В. Вернадскій, В. Гердъ, проф. Н. Гредескулъ, проф. Д. Гриммъ, проф. В. Данилевскій, Я. Душечкинъ, Е. Звягинцевъ, проф. П. Каптеревъ, проф. М. Капустинъ, проф. Н. Карѣевъ, проф. А. Кизеветтеръ, проф. М. Ковалевскій, акад. А. Кони, проф. Н. Ланге, А. Липовскій, Н. Лубенецъ, проф. И. Лучицкій, проф. А. Мануйловъ, П. Милюковъ, Н. Михайловъ, проф. А. Нечаевъ, акад. Д. Овсянико-Куликовскій, Ф. Ольденбургъ, А. Острогорскій, проф. Л. Петражицкій, А. Петрищевъ, И. Петрункевичъ, проф. А. Посниковъ, А. Пругавинъ, Г. Россолимо, Н. Рубакинъ, М. Стаховичъ, І. Титовъ, Д. Тихомировъ, графъ И. Толстой, Н. Тулуповъ, проф. Г. Хлопинъ, В. Чарнолускій, проф. Г. Челпановъ, Н. Чеховъ, П. Шестаковъ, А. Шингаревъ, акад. И. Янжулъ и др. и изъ иностранныхъ учен.: проф. Ренэ Вормсъ, Шарль Жидъ, Бюиссонъ, де-Гревъ, Томассенъ и др. Подъ общей редакціей Г. А. Фальборка.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на шесть мѣс. 3 руб., на три мѣс. 2 руб. Для учащихъ въ начальныхъ училищахъ допускается разсрочка при подпискѣ 2 руб. и къ 1-му февраля, 1-му марта, 1-му апрѣля и 1-му мая по 1 руб. Подписка принимается: въ Главной конторѣ, С.-Петербургъ, Кабинетская, д. Губернскаго Земства, № 18, во всѣхъ почт.-тел. отдѣл. и въ солидн. книжныхъ магазинахъ. Объявленія: строка нонпарели впереди текста 60 коп., позади 30 к.

Открыта подписка на 1914 г. на внѣпартійную, прогрессивную, общественную, политическую и литературную газету

„Полтавскій День".

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ. По программѣ столичныхъ газетъ. Въ «Полтавскомъ Днѣ» выразили свое согласіе сотрудничать слѣдующія лица: Александровъ А. М. членъ Гос. Думы, Балабуха С. П. Веніаминовъ П. Г. (всевд.), Герасимовъ П. В. членъ Гос. Думы, Геродотъ (Дм. Ив-инъ), Гладышъ Н. А. чл. Гос. Думы, Гофманъ Л. К., Гредескулъ Н. А. проф., К. Г. Грековъ, Дерманъ И. Б., Дерманъ А. Б., Ивановъ П. А., Изгоевъ А. С., Имшенецкій А. Я., Имшенецкій Я. К., Казаковъ Я Л., Короленко В. Г., Лесевицкій В. Н., Лисенко С. И., Милюковъ П. Н. членъ Гос. Думы, Митропанъ П. А., Набоковъ В. Д., Невидимка, Некрасовъ Н. В. членъ Гос. Думы, Novus Новиковъ М. М., Оберучевъ К. М., Оголевецъ Вк. С., Пономаревъ К. В., Саковъ Е. Д., Самсоновъ В. К., Своехотовъ Д. С., Семенченко С. Г., Сиріусъ, Сіяльскій Е. И., Соколовскій Ю. Ю., Старицкій І. Е., Тыркова А. В., Шимковъ А. И. проф., Шингаревъ А. И. членъ Гос. Думы, Эдлинъ Я. А., Ярошевичъ Д. О. и другіе.

Условія подписки: на 12 мѣс. 6 руб.; 6 мѣс. 3 руб. 20 коп.; 3 мѣс. 1 руб. 70 коп.; 1 мѣс. 60 коп. Новые годовые подписчики, внесшіе полностью годовую плату за 1914 годъ будутъ получать газету въ 1913 году безплатно со дня подписки. Адресъ редакціи и конторы: уголъ Котляревской и Пушкинской ул., д. № 30. Телефонъ № 237.

Открыта подписка на 1913—14 годъ (5-й годъ изданія).

Бюллетени Литературы и Жизни.

двухнедѣльный журналъ **новаго типа.**

4 рубля въ годъ за 24 книги.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печатн. листовъ большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2,000 страницъ). «Бюллетени» идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интеллигентныхъ читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью, какъ періодич., такъ и непріод., какъ русской, такъ и иностранной. Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. «Бюллетени»—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. О типѣ журнала «Бюллетини» еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. За истекшій годъ въ «Бюлл.» напечатано 240 ст. по самымъ разнообраз. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2,500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. Библіографія въ «Бюлл.» ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. жур. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей. Проспектъ журнала высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 руб., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р. За границу на годъ—5 руб. Для сельск. учителей, при непосредственномъ обращеніи въ контору, на годъ—3 руб. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежд. Имѣются полные комплекты «Бюлл.» за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.)—4 р. 50 к. Подписной годъ начинается съ 1-го сентября. Можно подписываться съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Контора и ред. Москва, Мерзляковскій пер., д. 6. Тел. 5-02-06. Издатели: В. Крандіевскій и В. Носенковъ. Редакторъ: В. Крандіевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ соціалъ-демократическаго направленія (5-й годъ изданія)

НАША ЗАРЯ

Журналъ издается по слѣд. программѣ: 1) беллетристика (оригинальная и переводная); 2) литературная критика; 3) статьи по общественно-экономическимъ и философскимъ вопросамъ; 4) публицистика; 5) вопросы программы и тактики рабочаго движенія; 6) обзоръ рабочаго движенія въ Россіи и на Западѣ; 7) среди журналовъ; 8) обзоръ соціалистической печати на Западѣ; 9) иностранное обозрѣніе; 10) отклики (замѣтки на текущія темы); 11) библіографія. Въ 1910—1913 гг. были напечатаны статьи слѣдующихъ авторовъ: В. Абросимова, А. В—а, П. Б. Аксельрода, В. Базарова, М. Б—ва, А. Балабановой (Италія), П. Берлина, Н. Борисова, Б. Богданова, быв. чл. 2-й Гос. Думы Г. Бѣлоусова, Б. Б. Веселовскаго, Виталія, Н. Гарви, А. Галльскаго, Раф. Григорьева, С. Далина, Ф. Дана, Джемса, К. Дмитріева, М. Донецкаго, В. Емельяненко, К. Залевскаго, Д. Заславскаго, М. Золова, В. Ежова, А. К. Ерманскаго, Ст. Ивановича, К. Каутскаго (Германія), Квадрата, А. Коллонтай, Д. Кольцова, Комарова, И. Коновалова, В. Константинова, И. Круглова, В. Косовскаго, Лапчевича (Сербія), В. Левскаго, В. Левицкаго, М. Леонтьева, В. Львова—Рогачевскаго, М. Лукомскаго, А. Лютова, А. Луначарскаго, В. Майскаго, Евг. Маевскаго, бывш. чл. 2-й Гос. Думы В. Мандельберга, Л. Мартова, А. Мартынова, П. Маслова, В. Мировѣра), М. Равича, Б. Радина—Кнуньянца, Г. Ракитина, К. Реннера скаго, Ст. Новицкаго, К. Оранскаго, Ортодокса, Мих. Павловича (Волонтера), М. Панина, Петра П. (Англія), Я. Пилецкаго, А. Потресова (Старовѣра), М. Равича, Б. аРдина—Кнуньянца, Г. Ракитина, К. Реннера (Австрія), Н. Рожкова, Вл. Розанова, Е. Смирнова, Спектатора, Л. Сѣдова, Топаловича (Сербія), Н. Троцкаго, В. Т., Б. Фроммета, М. Хейсиня, Евг. Чарскаго, Ю. Чацкаго, Н. Череванина, С. Шварца, Л. Щ—вой, М. Юрьева и много другихъ.

Условія подписки: на 1 годъ—3 р. (за гран.—4 р.), на ½ г.—1 р. 80 к. (за гран.—2 р. 30 к.); на 3 мѣс.—1 р. (за гран.—1 р. 30 к.); на 1 мѣс.—35 коп.; за гран.—40 к. (двойн.—60 к.). Комплекты: за 1910 г. (безъ 5—6 и 7 кн., разошедшихся)—1 р. 50 к.; за 1911 г. (безъ 1-й и 6-й кн.) и 1912 г.—2 р.; за 1913 г.—2 р. 50 к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ, приказчикамъ и народн. учителямъ—15% скидки, за перемѣну адреса 21 к. (можно 3 семикоп. марки). Адресъ конторы и редакціи: Спб. Николаевская, 2, кв. 43. Контора открыта: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 6 до 9 час. вечера; по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 2 до 5 ч. дня. Телефонъ 159-15.

Цѣна объявленій. Впереди текста: 1 страница 40 р., ½ страницы—25 р., ¼ страницы—15 р. Позади текста: 1 страница 30 р., ½ страницы—20 р., ¼ страницы—10 р. Построчно—строка нонпарели въ 1 столбецъ впереди текста—40 к., позади текста 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
на еженедѣльный журналъ

„Церковно-общественный Вѣстникъ".

издающійся въ С.-Петербургѣ съ 1 іюля 1912 г.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. свящ. К. М. Агеевъ, проф. И. Д. Андреевъ, А. Н. Брянчаниновъ, Н. А. Бердяевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, проф. И. М. Гревсъ, чл. Гос. Думы И. Н. Ефремовъ, проф. Н. А. Заозерскій, проф. В. З. Завитневичъ, чл. Гос. Думы

проф. Н. Ѳ. Каптеровъ, проф. А. В. Карташовъ, проф. Н. Д. Кузнецовъ, чл. Гос. Думы Н. Н. Львовъ, проф. И. Х. Озеровъ, А. А. Папковъ, В. П. Соколовъ, чл. Гос. Думы Н. В. Титовъ, проф. П. В. Тихомировъ, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. В. И. Экземплярскій и другіе. Съ 1914 г. при журналѣ «Церковно-Общественный Вѣстникъ» будетъ издаваться двухмѣсячный журналъ «Христіанское Обозрѣніе» книжками не менѣе 10-ти печ. листовъ каждая (въ годъ 6 кн.—60 печ. листовъ), посвященный вопросамъ религіи, науки и литературы. Въ журналѣ кромѣ отд. ст. будетъ вестись обозрѣніе всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ журналовъ, хроника религіозной жизни у насъ и за границей, критика и библіографія. Ближайшимъ сотрудникомъ «Ц.-О. В.» В. П. Соколовымъ при участіи свящ. К. Агеева будетъ издаваться съ 1914 г. «Проповѣдническій Листокъ».

Подписная цѣна на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» та же, т.-е. на годъ 4 р., на ½ года—2 р.; на 3 мѣсяца—1 р.; на 1 мѣсяцъ—50 коп. съ доставкой и пересылкой. Цѣна номера въ прод. 10 коп. съ пересылк. 14 к. Подписная цѣна на журн. «Христіанское обозрѣніе»—4 р. въ годъ съ дост. и перес., а подписная цѣна на «Ц.-О. В.» и «Хр. Обозрѣніе» вмѣстѣ 6 р. въ годъ. Подписная цѣна на «Проповѣдническій Листокъ» 2 р. въ годъ, а подписная цѣна на «Ц.-О. В.» и «Пропов. Листокъ» вмѣстѣ—5 р. въ годъ съ дост. и перес. При одновременной подпискѣ на всѣ три журнала—7 р. въ годъ съ дост. и перес. На «Христ. Обозрѣніе», «Пропов. Листокъ», а равно на «Ц.-О. В.» съ тѣмъ или инымъ приложеніемъ принимается только годовая подписка. Подписка принимается въ конторѣ журнала — С.-Петербургъ, Вас. Остр., 7 лин., д. 72, кв. 23; въ кн. маг. «Новаго Времени», Вольфа и др. и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ Имперіи. Контора журналовъ открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 11 до 4 ч. дня. Иногородніе просятъ адресовать всю корреспонденцію по адр. Спб., Вас. О., 7 л., д. 72, кв. 23. Пробный № журнала «Ц.-О. В.» высылается безплатно по сообщеніи адреса. Редакторъ-издатель А. Н. Брянчаниновъ.

Открыта подписка на 1914 годъ.
на ежемѣсячный журналъ исторіи и исторіи литературы.

„Голосъ Минувшаго“

подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго. (2-й годъ изданія). Программа журнала: I. Научныя статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи. II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ. III. Различные матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д. IV. Историческая беллетристика. V. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. VI. Критика и библіографія. VII. Новости русской и иностранной науки. VIII. Хроника, біографіи, некрологи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей. Журналъ иллюстрируется картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ въ 20 листовъ, начиная съ января 1914 года. Въ 1913 году въ «Голосѣ Минувшаго» приняли фактическое участіе: Арсеньевъ К. К., Аваліани, С. Л., Адарюковъ В. Я., Ашенбреннеръ М. Ю., Батюшковъ Ѳ. Д., Безобразовъ П. В., Бирюковъ П. И., Боборыкинъ П. Д., Богучарскій В. Я., Боровой А. А., Бродскій Н. Л., Бѣлоконскій И. П., Василенко Н. П., Васютинскій А. М., Веселовскій Б. Б., Веселовскій Ю. А., Вишницеръ М., Ветринскій Ч., Гернетъ М. Н., Гершензонъ М. О., Горяиновъ С. М., Готье Ю. В., Грузинскій А. Е., Дживелеговъ А. К., Дьяконовъ М. А., Евгеньевъ В. М., Егоровъ Д. Н., Игнатовичъ И. И., Игнатовъ И. Н., Іорданскій Н. М., Каллашъ В. В., Карсавинъ Л. П., Карѣевъ Н. И., Кизеветтеръ А. А., Ковалевскій М. М., Коваленскій М. Н., Козловскій Л. С., Колосовъ А. Е., Кони А. Ѳ., Корфъ С. А., Коршъ Ѳ. Е., Кузьминскій

К. С., Лаппо-Данилевскій А. С., Лазурскій В. Ф., Лернеръ Н. О., Лучицкій И. В. Максимовъ А. Н., Мельгуновъ С. П., Мендельсонъ Н. М., Мокіевскій П. В., Морозовъ Н. А., Новорусскій М. В., Ольнемъ В. Н., Пантелѣевъ Л. Ѳ., Перцевъ В. Н., Петлюра С. В., Пичета В. И., Плехановъ Г. В., Покровскій М. М., Покровскій М. Н., Полнеръ Т. И., Полянскій Н. Н., Попельницкій А. З., Поповъ И. И., Пругавинъ А. С., Розановъ М. Н., Розенбергъ В. А., Романовъ Н. И., Русановъ Н. С., Рѣзановъ В. И., Рѣпинъ И. Е., Рябининъ И. С., Савинъ А. Н., Сакулинъ П. Н., Сватиковъ С. Г., Семевскій В. И., Сидоровъ Н. П., Стекловъ Ю. М., Сыромятниковъ Б. И., Тарасовъ Е. И., Тарле Е. В., Успенскій К. Н., Фигнеръ В. Н., Фриче В. М., Хижняковъ В. М., Чайковскій Н. В., Чебышевъ А. А., Черткова А. К., Чертковъ В. А., Чубинскій М. П., кн. Шаховской Д. И., Щеголевъ П. Е., Щепкинъ В. Н., Щепкинъ Е. Н., Шрейдеръ И. И., Яковлевъ А. И. и др. Условія подписки: съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 8 руб., на ½ года—4 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 руб., за границу—10 руб. Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка по 2 руб. Въ отдѣльной продажѣ книга журнала 1 руб. Перемѣна адреса 20 коп. Подписныя деньги на 1914 годъ должны направляться въ редакцію журнала (Москва, Гранатный пер., домъ 2, кв. 31, телефонъ 1-78-28) или въ новую контору журнала (Складъ книгоиздательства «Задруга». Москва, Нижняя Кисловка, д. 1, кв. 4, телеф. 1-36-27).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
(2-й годъ изданія)
на ежемѣсячный литературный научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ".

12 кн. съ безплатн. приложеніемъ «Современная Россія». 4 руб. въ годъ.

Журналъ «Сѣверныя Записки» отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную демократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начала свободнаго развитія общественности. Удѣляя главное вниманіе интересамъ нашей страны и своеобразнымъ особенностямъ переживаемаго ею момента, редакція «Сѣв. Зап.», кромѣ 12 книгъ журнала дастъ своимъ годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ безплатное приложеніе «СОВРЕМЕННАЯ РОССІЯ». «Современная Россія» составитъ книгу изъ оригинальныхъ, спеціально написанныхъ для этого изданія статей, размѣромъ свыше 360 стр. (болѣе 20 печ. листовъ). Въ отдѣльной продажѣ книга будетъ стоить 2 р. 25 к. Въ эту книгу войдутъ слѣдующіе очерки: I. Государственная и политическая жизнь современной Россіи. II. Экономическое положеніе, промышленность и торговля. III. Сельское хозяйство и аграрный вопросъ. IV. Рабочее движеніе и соціальное законодательство. V. Религіозная Россія. VI. Военная Россія. VII. Національный вопросъ. VIII. Соціализмъ въ Россіи. IX. Формы самодѣятельности. X. Просвѣщеніе. XI. Журналистика. XII. Литература, искусство, театръ. XIII. Наука. XIV. Техника. XV. Философія. XVI. Правовыя идеи. XVII. Культура. XVIII. Россія въ освѣщеніи Европы. XIX. Россія въ освѣщеніи современной литературы. XX. Указатель и библіографія. Въ «Современной Россіи» примутъ участіе: проф. М. М. Ковалевскій, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, Бор. Черненковъ, С. Мстиславскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. І. Бикерманъ, П. И. Бирюковъ, Н. Быховскій, М. Брагинскій, И. Брусиловскій, В. Водовозовъ, В. Каратыгинъ, Ѳеодоръ Степпунъ, Б. Яковенко, Я. Сакеръ, Гр. Ландау и др. Въ 1914 г., начиная съ января мѣс., въ «Сѣв. Зап.» будетъ печататься романъ С. Сергѣева-Ценскаго «Преображеніе». Кромѣ того, будутъ помѣщены повѣсти и разсказы: Ив. Бунина, Ив. Вольнаго, Бориса Зайцева, А. Кипена, Алекс. Ремизова, М. Пришвина, Бор. Садовскаго, А. Чапыгина, К. Тренева и др. Въ журналѣ участвуютъ: Ю. Балтрушай-

тисъ, К. Бальмонтъ, П. И. Бирюковъ, І. М. Бикерманъ, А. Бискъ, А. Блокъ, С. И. Бондаревъ, Н. Я. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Брусиловскій, А. Ю. Блохъ, Ив. Бунунъ, В. В. Водовозовъ, Ив. Вольный, А. Герцыкъ, А. Г. Горнфельдъ, С. М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, Н. Л. Геккеръ, Н. Гумилевъ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, А. Дерманъ, Ю. Делевскій, В. И. Дзюбинскій, Бор. Зайцевъ, Л. С. Закъ, проф. Ф. Ѳ. Зѣлинскій, В. Жирмунскій, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Г. Каратыгинъ, А. А. Кипенъ, Д. М. Койгенъ, И. И. Крыжановскій, А. Ѳ. Керенскій, С. А. Клычковъ, Г. А. Ландау, проф. И. И. Лапшинъ, Н. О. Лернеръ, Г. Н. Машковцевъ, С. Мстиславскій, Н. С. (И. И. Добровольскій), К. Д. Оберучевъ, проф. Д. Н. Овсяико-Куликовскій, С. Я. Парнокъ, М. Пришвинъ, А. М. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, Борисъ Садовской, Я. Л. Сакеръ, С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, Н. М. Соколовъ, В. Б. Станкевичъ, Ѳ. А. Степпунъ, И. Сургучевъ, И. Треневъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, Я. А. Тугендхольдъ, С. Франкъ, Л. Б. Хавкина, Н. Л. Шапиръ, Ив. Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Б. Шимановскій, А. П. Чапыгинъ, В. И. Чарнолусскій, Б. Н. Черенковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, Б. Яковенко и др.

Подписная цѣна. Съ пересылкой и приложеніемъ на годъ 4 руб.; на 6 мѣс—2 руб. 50 коп. Безъ приложенія на 3 мѣс.—1 руб. 25 коп. За границу на годъ—6 руб. 50 коп. Подписка принимается въ конторѣ журнала С.-Петербургъ, Загородный пр., 21. Телеф. 569-49, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Книжнымъ магазинамъ уплачивается 5% при передачѣ годовой платы. На иные сроки подписка отъ кн. маг. не принимается. Подробные проспекты высылаются безплатно.

Издательница С. И. Чацкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 ГОДЪ.

Завѣты

(3-й годъ изданія)

на ежемѣсячный журналъ, издаваемый при ближайшемъ участіи: Р. В. Иванова-Разумника, А. И. Иванчина-Писарева, С. Мстиславскаго, С. П. Постникова, В. М. Чернова.

Вышелъ № 11 (ноябрь).

Содержаніе: Круглый годъ. К. Бальмонта.—Юность. И. Вольнаго.—Китайскіе разсказы. С. Гедройца.—Новеллы Гэлсуорси.—Изъ воспоминаній о «хожденіи въ народъ». А. И. Иванчина-Писарева.—Въ камышахъ. Е. Воинова.—Гитанджали. Рабиндраната Тагора.—Партизаны сыска. М. Лемке.—В. Г. Короленко. А. Дермана.—Польско-еврейскія отношенія. И. И. Эфрена.—Техника и экономика въ сельск. хоз. Н. Гиммера.—По градамъ и весямъ: крыса. М. Пришвина.—Политическіе выборы въ Италіи. Г. Христіана.—Бейлисъ и Вилли Ферреро. С. Мстиславскаго.—«Бѣсы» въ Художественномъ театрѣ. И. Игнатова—«Ревность» М. Арцыбашева. О. Ларина.—Изъ до-библейскихъ временъ. М. Новорусскаго.—Реставрація помѣщичьяго хозяйства въ Сибири. Н. Огановскаго.—Рабочее движеніе въ Норвегіи. А. Чумакова.—Кооперація нейтральная и кооперація соціалистическая. Н. Ракитникова.—Жертвы вечернія. Иванова-Разумника.—Н. П. Огаревъ. Евг. Лундберга.—Свое и Чужое. С. Мстиславскаго.

Въ январьскомъ № за 1914 г. будетъ напечатано:

Леонидъ Андреевъ. «Три ночи».—Иванъ Вольный. Романъ «Юность» (I ч. романа «Юность», напечатанная въ 1913 г., подписчикамъ на 1914 г. будетъ разослана безплатно).—М. Пришвинъ. «Змѣиный Хуторъ».—Ал. Толстой. «Маша».—А. И. Иванчинъ-Писаревъ. «Воспоминанія о Гл. Успенскомъ.—Ивановъ-Разумникъ. Литература въ 1913 г.—С. Метальниковъ «Проблема безсмертія въ современной біологіи».—Викторъ Черновъ. «Н. К. Михайловскій» и др. Подписная цѣна: на 12 мѣс.—10 руб.; на 6 мѣс.—5 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—85 к. За границу—13 р., 7 р. 50 к., 3 р. 25 к. Всѣ №№ за 1912 и 1913 гг. разосланы подписч. и наход. въ продажѣ. Арестъ съ конфискованныхъ №№ снятъ. Подписка принимается: Въ Спб.—въ конторѣ журнала, Рыночная, 10. Въ Москвѣ складъ журнала—книжн. магазинъ «Наука», Бол. Никитская.

Издательница С. А. Иванчина-Писарева. Редакторъ И. И. Краевскій.

Открыта подписка на 1914 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ
И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

9-ый годъ изданія.

РѢЧЬ,

9-ый годъ изданія

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

В. Д. Набоковымъ и И. Н. Петрункевичемъ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

П. Н. Милюкова и І. В. Гессена

И ПРИ ПРЕЖНЕМЪ СОСТАВѢ СОТРУДНИКОВЪ.

ПОДПИСЧИКАМЪ газеты „РѢЧЬ“ на 1914 годъ, внесшимъ **до 1-го февраля** подписную плату не менѣе, чѣмъ за ½ года, будетъ по примѣру этого года, разосланъ **БЕЗПЛАТНО.**

Ежегодникъ газеты „РѢЧЬ“

на 1914 г.,

заключающій въ себѣ обзоръ важнѣйшихъ событій и теченій въ области политической, законодательной, общественной, промышленной, научно-литературной и художественной жизни Россіи за 1913 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 м.	9 мѣс	6 мѣс	5 мѣс.	4 мѣс	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи Р.	12.—	9 —	6.—	5.10	4.15	3.15	2.15	1.10
За-границ. Р.	20 —	15.75	11.—	9.50	7.75	6.—	4.—	2.—

Для сельскаго духовенства, сельскихъ учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ **при непосредственномъ обращеніи въ главную контору:** на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.

Адресъ главной конторы газеты „РѢЧЬ“: Спб., улица Жуковскаго, 21/48.

Пробные №№ газеты „РѢЧЬ“ для ознакомленія высылаются безплатно.

Открыта подписка на 1914-й годъ

„Кооперативная Жизнь".

на иллюстрированный журналъ.

Органъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства. Въ 1914 году журналъ «Кооперативная Жизнь» будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, книжками отъ 4 до 5-ти печатныхъ листовъ. Желая болѣе современно и живо откликаться на всѣ злободневные вопросы кооперативной жизни, редакція, сохраняя всѣ отдѣлы, обратитъ особое вниманіе на полноту отдѣла «Кооперативная жизнь въ Россіи». Что касается статей теоретическаго характера и болѣе значительныхъ по объему, то таковыя будутъ выходить сборниками въ видѣ приложеній къ «Кооперативной Жизни». Такихъ отдѣльныхъ приложеній объемомъ отъ 6 до 8 печатныхъ листовъ въ 1914 году подписчики получатъ не менѣе четырехъ книжекъ. Редакціонный Комитетъ: М. П. Авсарниковъ, В. И. Анисимовъ, В. А. Кильчевскій, В. А. Краснокутскій, прив.-доц., А. Е. Кулыжный, В. А. Перелешинъ—Предсѣдатель Комитета, В. Ѳ. Тотоміанцъ, прив.-доц.—Секретарь Комитета. Завѣдующій отдѣломъ «Кооперативная жизн. въ Россіи»—А. А. Евдокимовъ. Подписная плата за 24 № журнала и книжки приложеній остается прежней **пять** рублей въ годъ, 3 рубля на ½ года. **АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Мясницкая, 15, кв. 5 Тел. 3-19-13.** Отдѣльный номеръ для ознакомл. высылается за двѣ семикопѣчн. марки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г.

„Современное Слово"

на большую ежедневн. политическ., общественную и литературн. газету выходящую въ С.-Петербургѣ. Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, ул. Жуковскаго, 21/152. Самая большая изъ дешевыхъ газетъ: 8-й годъ изданія. Прогрессивн., демократ. и безпартійный органъ «Современ. Слово» является единственной изъ столичныхъ газетъ, которая при доступной цѣнѣ, по внутреннему содержанію и внѣшнему виду представляетъ дѣйствительно большую политическую газету, предназначенную для широкихъ слоевъ населенія. Всѣ подписчики «Современнаго Слово» получатъ безплатно слѣдующія **приложенія:** 1. 52 выпуска еженедѣльнаго литературнаго приложенія **«Недѣля Современнаго Слова».** Въ приложеніи этомъ помѣщаются: 1) Романы, повѣсти, стихотворенія и т. д. 2) Статьи по вопросамъ литературы, искусства и науки. 3) Историческіе очерки. 4) Новости науки и техники. 5) Мелочи. 6) Рисунки и чертежи. 7) Шахматный отдѣлъ. 52 номера «Недѣли Современнаго Слова» составятъ за годъ большой томъ въ 52 кн. л. II. 12 выпусковъ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія: **«Современная Иллюстрація».** Номера «Современной Иллюстраціи» будутъ посвящаться крупнымъ явленіямъ текущей политической, общественной, культурной и литературной жизни. Текстъ будетъ состоять изъ статей извѣстныхъ авторовъ, всесторонне освѣщающихъ то или другое явленіе, иллюстрироваться многочисленными художественно-исполненными рисунками, портретами, снимками. Для лучшаго исполненія иллюстрацій приняты мѣры къ примѣненію новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій въ области художественной печати. «Современная Иллюстрація» будетъ печататься на бумагѣ высшаго качества. 12 выпусковъ «Современной Иллюстраціи» составятъ изящный альбомъ. Въ 1913 г. за первые девять мѣсяцевъ были выпущены слѣдующіе номера «Современной Иллюстраціи»: 1) «300 лѣтъ назадъ», 2) «Къ юбилею Династіи». 3) «Памяти Гаршина». 4) «Пасхальный

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

номеръ». 5) «Русскій театръ прежде и теперь». 6) «Путешествія и путешественники». 7) «В. Г. Короленко». 8) «Современная война». 9) «Наше студенчество». 10) «Кооперація въ Россіи и на Западѣ». 11) Народный учитель. 12) «Рождественскій номеръ».

Подписная цѣна на газету съ приложеніями: Въ Россію: 12 мѣс. 6 р.; 9 мѣс.—4 р. 50 к.; 6 мѣс.—3 р.; 3 мѣс.—1 р. 50 к.; 1 мѣс.—55 к. За границу: 12 мѣс. 12 руб.; 9 мѣс.—10 руб.; 6 мѣс.—7 руб.; 3 мѣс.—3 руб. 50 к.; 1 мѣс.—1 р. 25 к. Для сельскаго духовенства, сельскихъ учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ завед., фельдшеровъ, крестьянъ и рабочихъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.—5 р. 50 к.; 9 м.—4 р. 15 к.; 6 м.—2 р. 75 к.; 3 м.—1 р. 40 к. Подписная плата марками и купонами не принимается. Подписка принимается только съ 1-го до 1 числа и не далѣе, какъ до конца года. Въ кредитъ, наложеннымъ платежомъ и въ разсрочку газета не высылается. Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

на художественно-литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы

ДѢТСКІЙ МІРЪ

(Годъ изданія VII).

Изданіе Акц. Общества издательск. и печатн. дѣла «Московское Издательство». Журналъ премированъ въ Россіи и за границей. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ изящными, иллюстриров. книжками въ цвѣтныхъ обложкахъ. Редакціей обращено особое вниманіе на строгій выборъ печатаемыхъ произведеній, и **«Дѣтскій міръ»** можетъ быть рекомендованъ какъ лучшее внѣклассное чтеніе, легче всего пріучающее къ книгѣ.

Въ 1914 году подписчики «Дѣтскаго Міра» получатъ:

24 №№ журнала. **Избранныя сказки разн. народовъ.** Богато иллюстр. сборникъ. **По бѣлу свѣту.** Сборникъ разсказовъ изъ жизни дѣтей лучшихъ авторовъ всѣхъ странъ. Съ иллюстрац. **Въ домашнемъ кругу.** Животныя геніи. Сборникъ разсказовъ изъ жизни домашнихъ животныхъ. **Жизнь на волѣ.** Иллюстр. разсказы изъ жизни звѣрей. **Чудеса науки и техники** (паръ, электрич., книгопечатаніе, фотографія, фонографъ, кинематографъ и пр.). **Какъ люди научились жить.** (Отъ первобытнаго человѣка до нашихъ дней). Съ иллюстраціями. **Наша ферма.** Занят. въ саду и огород. **Мастеръ на всѣ руки.** Всевозможныя работы по разнымъ ремесламъ. **Цвѣточница.** Производство цвѣтовъ изъ бумаги, шелка, бархата и пр.

Безплатныхъ приложеній **24. Пернатые друзья.** Уходъ за комнат. птицами, ихъ нравы, жизнь и пр. (соловьи, канарейки, попугаи, чижи и др.). **Къ спорту.** (Гребной и лыжный спортъ, плаваніе, лаунъ-тенисъ, футболъ, коньки и др.). **Домашній театръ.** Пьесы, дивертисментъ, пѣніе, музыка, игры для домашнихъ и школьныхъ вечеровъ и пр. **6 №№ «Наша Жизнь».** Журналъ подписчиковъ «Дѣтскаго Міра». **Циркъ «вверхъ и внизъ».** Игра. **Японскія шашки.** Игра. **Жена мужу во всемъ помощница.** Механическая игрушка. **Нашъ дворъ.** Для вырѣзыванія и склеиванія. **Деревня.** Для вырѣзыванія и склеиванія. **Кукла съ переодѣван.:** кукла-барыня, кукла-кухарка, кукла-горничн. и пр.

Для подписавшихся до 20-го декабря 1913 г. добавочныя двѣ преміи: 1) Календарь-записная книжка. 2) Роскошный альбомъ для стиховъ и рисунковъ. Съ доставкой и пересылкой на годъ 4 рубля, на полгода—2 руб. 50 коп. Подписка принимается въ главной конторѣ «Московскаго Издательства», Москва, Б. Дмитровка, 26; во всѣхъ книжн. магаз. и почтово-телегр. конторахъ Россіи.

1-й № 1914 года выйдетъ къ 25-му декабря 1913 года.

Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ I—XII кн. „Украинской Жизни“ за 1913 годъ.

Приложенія: портреты Б. С. Познанскаго, М. М. Коцюбинскаго, Леси Украинки, И. Франка, Ю. Ю. Цвѣтковскаго и фот. группа съ изображеніемъ В. Б. Антоновича, Ѳ. Р. Рыльскаго, В. Л. Беренштама, Ѳ. Т. Панченка и Б. С. Познанскаго.

Аб—чъ Л. В. Винниченко. . . . . XI, 49–59
— Обзоръ украинскихъ журналовъ „Дзвін“ . . . . . XII, 78—80
Бодуэнъ-де-Куртенэ. Украинскій вопросъ съ внѣнаціональной точки зрѣнія (по поводу анкетъ „Укр. Ж.)“ . . . VII—VIII, 35—51
Бочковскій И. А. Проф. Т. Г. Масарикъ объ украинскомъ вопросѣ. . . . . IV, 42—53
— Венгерскій трудъ по нац. вопросу . . I, 127–130
Бѣлоусенко О. Украинскій вопросъ въ четвертой Думѣ . . . . . VI, 21–34
Бѣлоусовъ И. А. Изъ воспоминаній о Б. Д. Гринченкѣ . . . . . VII—VIII, 112–114
Вар—ъ А. Объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ . . . . . I, 100—107
— Церковное дер. зодчество Украины и стиль барокко . . . . . XII, 30—41
Винниченко В. Открытое письмо къ русскимъ писателямъ . . . . . X, 29–33
Возняк М. Украинское общество „Просвіта“ во Львовѣ . . . . . VI, 50–68
Грушевскій М. С., проф. Уроки Балканской войны . . . . . III, 61—67
— Студенческая молодежь и украинское возрожденіе . . . . . IV, 75—77
— На новомъ пути (по поводу думскихъ выступленій по украинскому вопросу . . . . . VII—VIII, 5—14

Данько М. Край скорби. (Новеллы и разсказы В. Стефаника) . . . . . I, 59—67
— Украинская трибуна въ Европѣ . . . III, 36—44
— Писатель своего народа (Иванъ Франко какъ беллетристъ) . . . . . V, 17—25
— Отъ реализма къ символизму. (Разсказы и повѣсти М. Яцкова) . . . VII—VIII, 76—86
— Украинцы въ Вѣнѣ. . . . . XI, 65—69
— Въ поискахъ красоты . . . . . XII, 63—73
Донцовъ Дм. Русскій имперіализмъ и украинство . . . . . II, 27—34
— Гетманъ Мазепа въ западно-европейской литературѣ. . . . . IV, 58—69
— Начало конца. (Письмо изъ Галиціи). V, 75—85
— Послѣ выборовъ (Письмо изъ Галиціи). VII—VIII, 87—93
— Поэзія индивидуализма (Леся Украинка). . . . . IX, 51—61 / X, 21—28
— „The friends of the Ukraine“. . . . . X, 34—39
Дорошенко В. Памяти М. Комарова. . . IX, 86—93
Д—ко Д. Украинское ученое общество въ Кіевѣ. . . . . III, 45—53
Ефремовъ С. А. Благородный освѣдомитель. (С. Н. Щеголевъ. „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южно-русскаго сепаратизма“) . . . II, 85—98
— Писатель-гуманистъ (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности Ивана Франка) . . . . . V, 5—16
— Приказъ жизни. (Къ дебатамъ въ Государственной Думѣ по украинскому вопросу) . . . . . VI, 35—42
— Волчья тактика . . . . . XI, 5—11
— Наканунѣ . . . . . XII, 5—9
— **На текущія темы:** . . . . . .

Къ итогамъ и перспективамъ. — Обычная и сверхсмѣтная порука. — О неисправимомъ оптимизмѣ и объ одномъ доносѣ. — Въ раздумьѣ. — Хватитъ. I, 92—99.

Модный вопросъ. — Символическія фигуры и насажденіе добрыхъ нравовъ. — Борьба съ хулиганствомъ. — Нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“. V, 86—93.

По поводу одной анкеты. — Законопроектъ Еп. Никона и гг. стоящіе на стражѣ. IX, 78—85.

Жигмайло Л. Лебединая пѣсня Леси Украинки. . . . . IX, 62—76
Жученко М. Юбилей проф, Еварницкаго. XII, 72—74
Коршъ, Ѳ. Е., проф. Объ украинскомъ національномъ возрожденіи. (Отвѣтъ на анкету „Украинской Жизни“) I, 14—24
— Украинцы и Австрія . . . . . II, 5—9
— По поводу принятія проекта о выдѣленіи Холмщины . . . . . III, 25—30
— Націоналистическая наука. („Русскіе и украинцы“, проф. И. А. Сикорскій). VII—VIII, 15—34
Кошевой В. П. Мечты польскихъ націоналистовъ и дѣйствительность. . . XI, 12—23; XII, 41—52
Л—о К. Къ съѣзду музейныхъ дѣятелей. IX, 46—50
Лебединскій И. В. Къ вопросу объ изученіи украинскаго права . . . . . I, 68—80
— Изъ украинской прессы. „Украінський студент“. Збірник I. . . . . IV, 78—80
— Задачи украинскихъ юристовъ . . . VI, 69—75
— Новые матеріалы изъ переписки М. П. Драгоманова. (М. П. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Т. V). . . . . VI, 85—92
— Изъ исторіи кодификаціи украинскаго права . . . . . XI, 40—48
Липовецкій О. Политика пуганой вороны. (По поводу новаго украинскаго законопроекта) . . . . . IX, 5—22
Лозинскій Мих. „Тріединая Польша“. (Справка) . . . . . IV, 54—57
Марковичъ Дм. Краткій очеркъ развитія кооперативовъ на Волыни. . . . . VII—VIII, 61—75
Могилянскій М. М. Къ вопросу объ украинскомъ сепаратизмѣ . . . . . III, 31—35
Новицкій А. П. Еще о возрожденіи украинскаго архитектурнаго стиля . . . . IX, 40—45
Обнинскій В. П. Первые шаги русскаго автономизма . . . . . IV, 14—22
П. І. Кризисъ въ Галиціи въ освѣщеніи нѣмецкаго публициста. . . . . XI, 60—64

Петлюра С. В. О переоцѣнкѣ . . . . . I, 5—13
— Изъ русской печати. „Русская Мысль". (III кн.). . . . . III, 69—74
— Памяти М. М. Коцюбинскаго . . . . IV, 5—8
И. Франко — поэтъ національной чести. V, 26—40, VI, 76—84
„Сокращенное" разоблаченіе украинства г—номъ Щеголевымъ. . . . . XI, 70—94
Peedoobny G. Украинцы въ Сибири. . . XII, 9—15
Познанскій Б. С. Воспоминанія I, 25—44, II, 10—26, III, 15—24, IV, 23—33, V, 41—51.
Русова С. Ф. Шевченко и украинское общество 60-хъ годовъ . . . . . II, 35—53
— Украина въ Европейской прессѣ. . . V, 72—74
— Къ 40-лѣтнему юбилею Юг.-Зап. Отд. Импер. Геогр. О-ва. . . . . XI, 28—39
Русовъ А. А. Какъ я сталъ членомъ „Громады" . . . . . X, 40—49
Садовскій В. В. Русское замлевладѣніе въ Правобережной Украинѣ . . . . . I, 45—59
— Федерализмъ и централизмъ въ кооперативномъ движеніи на Украинѣ. IV, 34—41
— Законопроектъ о печати и украинская пресса . . . . . VI, 43—49
— На кіевскомъ кооперативномъ съѣздѣ. VII—VIII, 52—60
— Передъ новой реформой . . . . . IX, 23—33
— Анкета по національному вопросу. . X, 5—11
С. В. Изъ украинской прессы „Маяк." . III, 63—68
Саликовскій А. Ѳ. На ложномъ пути. (Письмо въ редакцію). . . . . IV, 70—74
Смутокъ П. Перспективы русско-украинскихъ отношеній . . . . . III, 5—14
Стебницкій П. І. Петербургская „Просвіта". V, 61—71
Стеллецкій И. Я. Подземная Украина. . II, 70—81
Стрыжавскій Юр. Украинское духовенство въ Галиціи. (Изъ впечатлѣній туриста) . . . . . I, 81—91
Терниченко А. Особенности культурно-агрономической работы на Украинѣ. X, 11—20
Украинцы и поляки. (Программа анкеты). II, 82—84
Филянскій Н. Г. О будущемъ украинской архитектуры . . . . . II, 60—69

Хатченко А. Ю. Ю. Цвѣтковскій, какъ общественный дѣятель . . . . . VII—VIII, 94—116
— По поводу воспоминаній Б. С. Познанскаго . . . . . X, 50—56
Хоткевичъ И. М. Гуцулы и гуцульщина. X, 57—78
Чепига Я. Украинскій учитель и материнскій языкъ въ начальной школѣ. IX, 34—39
Чубинскій М. П., проф. Украинская національная идея и ея правовые постулаты. . . . . VI, 5—20
Ш. К. К. Брюлловъ и Шевченко . . . . II, 54—59
— Украинское происхожденіе пѣвческихъ костюмовъ. . . . . VII—VIII, 116—119
Шаховской Д. И., кн. Отвѣтъ на анкету „Украинской Жизни“ . . . . . XI, 24—27, XII, 20
Шмигельскій М. Е., д-ръ. По поводу изданій медицинской секціи „Наукового Товариства“ . . . . . III, 54—60

На Украинѣ и внѣ ея.

стр.

I. За мѣсяцъ. — Украинскій художъ.-архитектурный отдѣлъ при Харьк. Лит.-Худ. Кружкѣ. — Украинскіе артисты за границей. І. Соломея Крушельницька — Къ юбилею Ивана Франка. — Концертъ „Просвіти“ въ Екатеринославлѣ. — Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ 108

II. За мѣсяцъ. — Слова и дѣла россійскихъ с.-д. — Въ обществѣ любителей изученія Кубанской области 99

III. За мѣсяцъ. — Непонятное замедленіе. — Украинскіе артисты за границей. И. А. Алчевскій. — *М. Ш.* Старинные портреты украинскихъ общественныхъ дѣятелей въ Батуринѣ. — А. Де-Губернатисъ и М. П. Драгомановъ. — Ревнители русскаго языка. — Изъ жизни украинской колоніи въ Прагѣ. — Изъ жизни украинской колоніи въ Москвѣ. — Постановка „Nocturno“ Н. В. Лисенка. — Чествованіе памяти Шевченка въ „Кобзарѣ“ 75

IV. За мѣсяцъ. — Новое Общество „Украинскій агрономъ“. — Украинскій художъ.-архитектурный отдѣлъ Харьковскаго Лит.-Худ. Кружка. — Отъ музея „Наукового Товариства імени Шевченка“ во Львовѣ. — Гоненіе на церковные обряды въ черниговской епархіи. — „Модерне москвофильство“ и польская пресса“. — Отъ словъ къ дѣлу. — Къ семидесятилѣтію рожденія акад. Ѳ. Е. Корша. — Похороны М. М. Коцюбинскаго 81

V. За мѣсяцъ. — Къ нашему обществу (отъ Библіотеки Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ). — Приготовленія къ юбилейному чествованію памяти Шевченка. — Развалины старинной крѣпости около с. Бачевска, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ. — Земская юридическая консультація и украинское населеніе. — Московская повременная печать противъ закопопроекта о печати 94

VI. За мѣсяцъ. — Украинскія книги въ народныхъ библіотекахъ Харьковской губ. *С. О. Сѣрополко.* — Юбилейные дни И. Франко. — Открытое письмо М. В. Родзянко отъ бывшаго члена 1-й Думы П. М. Чижевскаго. — Протестъ украинцевъ 93

VII—VIII. За мѣсяцъ. — Смерть и похороны Леси Украинки. — Украинская пресса въ Канадѣ (Америка) . . . . . —

IX. За мѣсяцъ. — Законопроектъ Епископа Никона объ украинскихъ школахъ и обществахъ. — Memorandum украинскаго комитета въ Лондонѣ (отъ нашего корреспондента). *Д. Д—ъ.* — „Профессоръ“ Гецевъ. — Письмо въ редакцію ученаго археолога *И. Стелецкаго.* — Борьба духовной власти съ культомъ русалокъ и Купала на Украинѣ въ концѣ XVIII вѣка (изъ архива старой Церкви). Сообщ. *С. Рклицкій.* 94

X. За мѣсяцъ. — Проф. С. В. Соловьевъ и украинскій языкъ. —

Къ юбилею „Русскихъ Вѣдомостей". Адресъ украинской прессы.— Изъ дѣятельности украинскаго кружка при московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ *К. Осьмака.* — Слѣпая злоба.—Невѣжество или безтактность. *С. Петлюры.* —Украинскіе артисты за границей. III. Модестъ Менцинскій 79

XI. За мѣсяцъ.—Празднованіе юбилея И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. — Изъ прошлаго: Открытіе памятника И. П. Котляревскому въ 1903 году.— Къ юбилею проф. Карѣева (пребываніе его во Львовѣ въ 1903 году) *В Д.*—Цѣнный едва ли не забытый указъ о сохраненіи памятниковъ старины. *С. В. Рксецкаго* 85

XII. За мѣсяцъ.—Кустарныя украинскія работы за границей.—С. И. Пономаревъ. *В. Рѣз—ко.* 84

Бібліографія.

Актовыя книги Полт. Город. Уряда. . . . . X, 106—107
Александрович М. Поради радам кредітових кооперативів. VII—VIII, 140—141
Барвиньский О. Спомини з мого життя . . . . . IV, 104—105
Bartoszewicz. Polski stan posiadania na Rusi . . . . . I, 134—136
Бѣлоконскій И. П. Земское движеніе . . . . . XI, 105—107
Вороний М. Театр і драма . . . . . III, 106—107
Грінченко. На безпросвѣтномъ пути . . . . . I, 130—131
Грушевскій М., проф. Исторія Украинскаго казачества. Т. I. IV, 95—101
Добрянский Т. Що треба знати правлінню крамниці. . . VII—VIII, 140—141
Донцов Дм. Модерне москвофильство . . . . . I, 131—134
Его же. Сучасне політичне положення націи і наші завдання . . . . . IX, 107—108
Драгоманов М. Чудацькі думки про укр. нац. справу. . VII—VIII, 133—134
Жерела до історії України—Руси. . . . . XI, 108—110
Жук Українська кооперація в Галичині . . . . . 107—108
Звіт краевого товариства господарськаго „Сільскій Господар“ . . . . . VI, 106—107
Jablonowsky W. Rozprawy i wrajenia titerackio . . . . . VII—VIII, 134—137
Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. И. А. Наукъ . . . . XII, 99— 02
Ілюстрована Україна . . . . . II, 107—109
Крижановський Ф. Як настановити опікуна над селянином за марнотратство.—Як взяти шлюбній жінці осібного пашпорта . . . . . IV, 102—103
Kulczicki L. Kompromisoy projekt sejmiopej reformy wy-
Леонтовичъ В. Старе і нове . . . . . XII, 104
borczey bloku . . . . . VII—VIII, 138—140
Наша кооперація . . . . . II, 109—110
Нечуй-Левицький. Криве дзеркало українськоі мови. . . II, 105—107
Новая жизнь Oesterreichische Rundschau . . . . . II, 110—112
Новая англійская книга объ украинствѣ . . . . . XII, 102—104
Понятенко П. Національність в освітленню законів спадковости . . . . . X, 103—104
Пригара С. Од романтики до реалізму . . . . . IV, 103—104
Проскурівна. М. Уляся . . . . . XI, 104—105
Prusiewicz. A. Kamieniec . . . . . XII, 106—107
Слабченко. Опыты по ист. права Малороссіи . . . . . IX, 109—111
Старый земецъ. Мысли о земствѣ . . . . . X, 104—105
Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. IX. III, 101—105
Український студент . . . . . XII, 105—106
Часопись Правнича і економічн. Т. X . . . . . IV, 101—102
Чепіга Я. Проблеми виховання і навчання в світаі науки і практики. . . . . VII—VIII, 137—138
Чернявский Богови невідомому . . . . . I, 136—137
Франко І. Моисей . . . . . VI, 107—108
Юркевич Л. Кляси і суспільство . . . . . X, 105—106
Jablonowsky. Hystorya Rusi poludniovej . . . . . III, 94—101
Ярема. Моисей, критична студія . . . . . VI, 107—108

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АМ УРСР
№ Ж 3360 П

БІБЛІОТЕКА
НАЦ. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

Приймається передплата на 1914 рік

на українську газету

РАДА

РІК ВИДАННЯ ДЕВ'ЯТИЙ.

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що-дня опріч понеділків і днів після великих свят

„РАДА“ має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Росії і за-границею: друкує фельетони, а також статті критичні і твори красного письменства.

як поступово—демократичний орган, обстоює широкі права націй і суспільства;

освітлює справи народньої просвіти та культурні потреби українського народу,

вважає економичний добробут України основним грунтом національної культури і освітлює всі прояви економичного життя взагалі, а на Україні особливо;

подає звістки про життя всього українського народу з тих країн світа де живуть українці, і має своїх кореспондентів у визначніших центрах Пєвропи.

Ціна „РАДИ“ з приставкою і пересилкою в Россії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6.	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65.

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кожний пернплатник може одержати з к-ри «Рада» за 6 карбованців

„СЛОВАРЬ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ“

зібраний редакцією журн. «Кіевская Старина», премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словарь цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО.

Адрес редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

При этомъ № прилагаются 1) проспекты журн. „Украинск. Жизнь“ 2) проспекты журн. „Завѣты“.

„Ілюстрована Україна“

одинокий ілюстрований журнал українських родин, посвячений літературі, критиці, малярству, архітектурі, пластиці, народній штуці, театральним справам, музиці, українській минувшині, строжасрії і фізичному вихсованю.

Містить також описи подорожий житя, огляди українською житя і. т. д.

ІЛЮСТРОВАНА УКРАЇНА есть журналом безпартійним всеукраїнським.

ІЛЮСТРОВАНА УКРАЇНА ведена на взір великих ілюстрованих журналів Европи, здобула собі по першім році свого істнованє велике признанє серед нашого народу.

В ІЛЮСТРОВАНІЙ УКРАЇНІ ствробітничають найкращі літературні наукові, публіцистичні сили з обох боків кордону.

ІЛЮСТРОВАНА УКРАЇНА має своїх власних коренспондентів: в Київі, Петербурзі, Москві, Відні, Кракові, Чернівцях, Віннїпебу, Чікаго і. т. д.

ДАРОМ БІБЛІОТЕКА

ІЛЮСТРОВАНОЇ УКРАЇНИ

В. 1914 році приступаємо до постійнаго видаваня бібльотеки Ілюстрованої украіни. Вийде в тім році 4 томи бібльотеки (2 повісти 1. научна розвідка і великий альбом українського Львова).

Всї передплатники Ілюстрованої украіни дістають виданя бібльотеки **даром.**

ІЛЮСТРОВАНА УКРАЇНА виходить два рази у місяць великими зошитами.

Передплачувати Ілюстровану украіну можна в Росії через:

в. Київі Книгарню Літ. Наук. Вістника
„ „ Крамницю „Час“
„ Харкові: Українську книгарню
„ Полтаві: Українську книгарню
„ Одесї: Українську книгарню „Діло“ ул. Преображенська ч. 11.
„ Петербурзі: Українську книгарню і базар. еі. Вас. просп. ч. 11.

Адреса видавництво у Львові.

Ілюстрована Україна Львів ул. Руська ч. 18.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

ПРОВЕРЕНО
СЕФ. 1987

4р20к

3360

Украинская жизнь

1913
2
23.027

III
2C-15024
1913-7-12